

С. Б. ЦЕРЕТЕЛИ

**ДиАЛЕКТИЧЕСКАЯ
ЛОГИКА**

ს. წერეთელი
С. Б. ЦЕРЕТЕЛИ

დიალექტიკური ლოგიკა
ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

გამომცემლობა "მეცნიერება"
თბილისი
1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МЕЦНИЕРЕБА"
ТБИЛИСИ
1971

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
ფილოსოფიის ინსტიტუტი

Книга представляет собой попытку создания диалектической логики. В ней систематически изложено содержание диалектической логики, а именно: рассмотрены в логическом развитии категории и законы логического, суждение, непосредственное умозаключение, конечное опосредствованное умозаключение, понятие и бесконечное умозаключение; в теории доказательства обращается внимание на 1) доказательство тождества диалектики, логики и теории познания, 2) определение диалектического метода как метода доказательства и 3) решение проблемы начала доказательства.

В настоящем труде сделана также попытка освещения таких основных, актуальных и спорных вопросов современной логики, каковы, например, проблемы 1) синтетически-логического, 2) логической рефлексии, 3) логики категорий и 4) логического развития.

Оглавление

Предисловие

Часть первая. Введение в диалектическую логику

Глава первая.	Предмет диалектической логики
Глава вторая.	Категории логического
Глава третья.	Природа общего
Глава четвертая.	Логические законы мысли

Часть вторая. Логические формы мысли

Глава первая (5).	Суждение
Глава вторая (6).	Непосредственное умозаключение
Глава третья (7).	Конечное опосредственное умозаключение
Глава четвертая (8).	Понятие
Глава пятая (9).	Бесконечное умозаключение
	1. Понятие бесконечного умозаключения
	2. Правила умозаключения
	3. Полнота логической формы мысли

Часть третья. Доказательство

Глава первая (10).	Тождество диалектики, логики и гносеологии
Глава вторая (11).	1. Методы доказательства
	2. Пути решения проблемы индукции
	3. Категориальные методы
	4. Диалектический метод доказательства
Глава третья (12).	Начало доказательства

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим трудом, я, в известном смысле, закончил работу, начатую в 1934 году, когда готовил кандидатскую диссертацию (защищена в 1938 году) на тему о редуктивных методах доказательства. Изучение обратных логических связей с точки зрения материалистической диалектики привело меня к понятию бесконечно-логического, бесконечного умозаключения, о котором я впервые сделал доклад в 1947 году на научной сессии Института философии АН ГССР (тезисы доклада были опубликованы на грузинском и русском языках). Этот доклад под заглавием «К проблеме умозаключения» был опубликован в 1949 году в первом томе трудов Института философии Академии наук Грузинской ССР. Именно здесь было впервые дано определение бесконечного логического: «бесконечное есть то, отрицание чего утверждает его же» (упомянутые «Труды», стр. 132). Понятие бесконечного умозаключения более полно было представлено в трудах: «К марксистско-ленинскому пониманию логического» (1952, глава II) и «О диалектической природе логической связи» (1956, глава вторая — «К определению логического»).

Именно с точки зрения понятия бесконечного умозаключения и были сведены счеты с гегелевской идеалистической диалектической логикой в труде «Рациональное зерно в теории умозаключения Гегеля» (1959 г.).

Понятие бесконечного умозаключения было представлено в более развитом виде в моей книге «Начало доказательства» (1963). Предлагаемая монография подытоживает и развивает всю эту работу; в ней сделана попытка создания системы диалектической логики именно на основе понятия бесконечного умозаключения.

Эта книга является, вместе с тем, и программой дальнейшей разработки проблем диалектической логики, многие из которых — подобно проблеме начала доказательства, рассмотренной мною в отдельной работе, — требуют специальных монографических исследований. На их основе можно будет представить в полном виде то, чему посвящается данная книга.

Проблема диалектической логики признается сегодня актуальнейшей проблемой логики не только в Советском Союзе, но и на буржуазном Западе. Об этом говорит, например, то, что Вуд¹ и Веркмейстер² изучают проблему «самоотрицающихся положений», Хайсс³ и Гюнтер⁴ рассматривают факты логической «двузначности» и рефлексии, анализируют трудности диалектико-логического; Хайсс требует создания «логики противоречий», а Гюнтер обещает объяснить факты диалектико-логического мышления особой многозначной логикой.

По нашему мнению, факты диалектико-логического мышления могут и должны быть объяснены только в диалектической логике.

По вопросам диалектической логики в Советском Союзе написано много работ (труды Розенталя, Алексеева и др.). Однако создание диалектической логики, именно как логики, остается задачей, так как вне внимания осталась основная проблема с ее трудностями, ответом на которую должна являться и является диалектическая логика; не выявлена логическая форма единства противоположностей, основная логическая форма, и поэтому не раскрыта природа диалектико-логического развития логических форм мысли. Ближе всех к решению проблемы подошел проф. Л. Гокиели в работе «О природе логического» (1958), в которой разработано учение о «коренных выводах».

По нашему мнению, «коренной вывод» проф. Л. Гокиели есть лишь один момент — и то не полностью представленный — нашего «бесконечного умозаключения», поскольку «бесконечное

¹ L. Wood, The Analysis of Knowledge, 1940.

² W. H. Werkmeister, The Basis and Structure of Knowledge, 1948.

³ R. Heiss, Logik des Widerspruchs, 1932; его же — Wesen und Formen der Dialektik, 1959.

⁴ G. Günther, Idee und Grundriss einer nicht-Aristotelischen Logik, I, 1959; его же — Zweiwertigkeit, logische Paradoxie und selbst-referierende Reflexion, "Zetschrift f. Phil. Forshung", 1963, Juli-September.

умозаключение» есть логическое единство противоположностей, т. е. положительная диалектика, тогда как «коренной вывод» представляет собой отрицательную диалектику, именно необходимость противоположного в отрицательном аспекте (например, отрыв общего от частного вызывает регресс в бесконечность, что в отрицательном аспекте выявляет неразрывность общего и частного; но, вместе с тем, бесконечность регресса делает невозможным оформление противоречия).

Диалектическая логика есть философская логика; поэтому здесь мы только мимоходом касаемся «математической логики», которая является специальной отраслью математики. Однако следует отметить и то, что центральное место в нашем труде занимает та главная трудность (трудность «двузначности», парадоксов или антиномий которых касаются труда Хайсса, Гюнтера и других), которая встает перед математической логикой и решение которой, по нашему мнению, возможно только в диалектической логике. Мы думаем, что логика не может не быть философской наукой, поскольку она одна и та же в отношении всякого научного знания, имеет универсальный характер.

Как было отмечено, мы давно уже утверждаем, что диалектическая логика, — как логика единства противоположностей, реализованного в формах мысли, — является логикой бесконечного умозаключения. Но положение о бесконечном умозаключении, думается, окончательно оправдано тем, что мы смогли на его основе построить всю логику в виде настоящего труда. Вся диалектическая логика является развернутым бесконечным умозаключением, и, наоборот, бесконечное умозаключение есть сжатая — представленная в виде одной единой логической связи — логика.

Новая программа нашей партии, как программа развернутого строительства коммунизма, и решения XXIII съезда КПСС прямо требуют усовершенствования методов научного познания и их практического применения. Логикой же научного познания является, в первую очередь, диалектическая логика. Она, как логика научного познания — знания используется как способ, метод познания, являясь одновременно и методом действия.

Настоящий труд не только исследование — попытка создания диалектической логики; он является и курсом диалектической логики, который мы несколько, раз читали, студентам философского факультета Тбилисского государственного университета. Этим обусловлены многие характерные черты данного труда, в частности то, что он состоит из трех определенных частей. Данное в книге расположение материала оправдано с педагогической точки зрения, для диалектической логики как курса и для легкости освоения материала;

Система диалектической логики, как система диалектико-логического развития форм мысли и осуществленная в ней необходимость, требует перегруппировки материала этого труда приблизительно так: 1) первая глава выполнит роль введения; 2) остальной материал должен разместиться в главах «суждение», «бесконечное умозаключение» и между ними, таким образом: а) глава «Природа общего» должна быть помещена перед главой «Понятие», б) «Категории логического» — между главами «Понятие» и «Бесконечное умозаключение», в) «Логические законы мысли» — в правилах бесконечного умозаключения — и этот раздел должен быть выделен отдельной главой, г) вопросы, рассмотренные в третьей части книги («Доказательство»), должны быть распределены в исследовании проблем бесконечного умозаключения. Такое распределение материала требует большей глубины исследования, чем осуществленное в настоящем труде. Для такого исследования будут излишними многие элементарные положения, необходимые для данного труда, как для курса.

Перегруппировка материала с точки зрения диалектической логики, как определенного развития и осуществленной в нем необходимости, легко выполнима, поскольку в данном труде эта задача в основном уже решена в виде систематического рассмотрения развития логических форм мысли.

Автор с благодарностью примет дельные замечания читателей, чтобы продвинуть вперед эту попытку создания диалектической логики, усовершенствовать работу и подготовить ее ко второму изданию.

АВТОР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВВЕДЕНИЕ В ДИАЛЕКТИЧЕСКУЮ ЛОГИКУ

С целью установления предмета диалектической логики, а также определения понятия этого предмета необходимо, в первую очередь, выяснение того, каково отношение вообще логики и, в частности, диалектической логики к другим философским и к некоторым нефилософским наукам (например, к таким, как психология и математическая логика). Выяснение отношений между логикой и гносеологией, логикой и онтологией, а также между диалектикой, логикой и теорией познания приведет нас к пониманию особенностей диалектической логики как науки.

Для понимания природы предмета диалектической логики требуется характеристика тех категорий, применение которых для нее необходимо и которые, в то же время, непосредственно подразумеваются в ее предмете. Необходимо также исследование логических законов мысли, что даст возможность существенно определить характер диалектической логики как науки и ее предмет. Следовательно, предмет диалектической логики — логические категории (в особенности категория общего) и логические законы мысли — составляют то, что должно быть рассмотрено во «Введении в диалектическую логику».

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРЕДМЕТ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Для определения предмета диалектической логики необходимо выяснение отношения логики к психологии, к теории познания и к онтологии, а также — соотношения между формальной и диалектической логикой и отношения последней к математической логике. Необходимо также исследование того, в чем состоит объективность логического, что такое наука логики — философская она или частная наука — и что подразумевается в положении о тождестве логики, диалектики и теории познания. Диалектическая логика, как наука, должна быть создана на основе принципиальных положений, классиков марксизма-ленинизма, на основе материалистической диалектики.

§ 1. Логика и психология

Как известно, по мнению некоторых логиков (Милль, Зигварт, Б. Эрдман, Липпс и др.), логика — психологическая наука, поскольку мышление — предмет логики — является психическим феноменом, входящим в состав предмета психологии. Если бы это действительно было так, то логика как наука и не существовала бы. Она была бы совершенно лишней, ее предмет изучался бы психологией и она потеряла бы независимость. Наука, у которой нет своего собственного предмета, невозможна.

Поэтому вполне естественно существование противоположной точки зрения, которая считает логику независимой — в частности независимой от психологии — наукой, поскольку предмет, изучаемый логикой, не является предметом изучения других наук, в том числе и психологии. Предметом логики, как особой науки, является особая область, не входящая в состав предметов других наук, поэтому она нуждается в особой науке, именно логике, как совершенно самостоятельной научной дисциплине. Это обстоятельство требует доказательства; и действительно, существуют аргументы, доказывающие необходимость логики, как особой науки. Разберем некоторые из них.

1. Говорят, что предметом психологии являются наши переживания, чувство уверенности и вообще психика, как процесс, развернутый во времени, а предмет логики — нечто совершенно другое. Логика не изучает наших переживаний, того, что мы в чем-нибудь уверены; нет, она имеет дело с какой-то объективностью, которая совершенно не входит в предмет психологии. Объективными, как это мы увидим ниже, могут быть независимо от мышления существующие предметы, напр., стол, числа 5, 7 и др., но также и мысли, отражающие предмет. Существует объективное и в мысли, например понятие стола и понятия чисел 5 и 7. Предметом логики являются объективные содержания мысли и связи этих объективных содержаний. $5 + 7 = 12$ есть связь чисел, изучаемая арифметикой. Но $5+7=12$ может быть также и нашей мыслью, определенным психическим актом и сопровождаться уверенностью, что это действительно так; такие акты и состояния входят в предмет психологии. Но существует суждение $5+7=12$, которое не является ни объективно существующим предметом, ни нашим психическим состоянием или актом, — оно есть содержащаяся в мысли объективность; логика имеет дело именно с такой объективностью. Логика изучает то объективное, которое имеется в мысли.

Существуют в действительности тождественные вещи; в действительности имеется тождество, которое изучается не логикой, а другой наукой. Но тождество содержится также и в мысли. Мысль не может существовать без тождественного отношения к самой себе. Мышление должно соблюдать тождество. Закон тождества является законом мысли, логического мышления. Этот закон и тождество, имеющееся в объективности мысли, входят в предмет логики. Так понятие тождество и закон тождества не являются чем-то психическим, субъективным. Тождество — логическая категория, закон тождества является законом логики, поскольку предметом логики являются формы объективного содержания мысли, а не субъективные акты мышления.

Часто говорят, что предмет логики не мышление, а мысль, поскольку мышление есть процесс, реализуемый во времени и постольку являющийся предметом психологии. Это мнение можно считать правильным, если допустим, что мысль объективна в указанном выше смысле, а мышление есть содержание психических актов. Но если существует логический процесс, тогда и мышление можно принять за таковое, и в таком случае оно будет тождественным «мысли». Как мы это увидим ниже, существует не только логический процесс мышления, но также и развитие мышления, которое называется логическим развитием. Следовательно, главное — объективность мысли или мышления, что и является

предметом логики. С целью разграничения логики и психологии отмечают, что истина, различие истины и заблуждения, не есть предмет психологии. Психология изучает, наряду с другими явлениями, мышление как процесс, не обращая внимания на его истинность или неистинность; это различие не касается ее. А целью логики является именно истина; предмет логики есть тот путь, которым мысль достигает истины и не впадает в заблуждение.

Предметом каждой науки является какая-нибудь закономерность. Психология изучает закономерность субъективного, психического, переживаний. Если бы такая закономерность не существовала, тогда не было бы и психологии как науки. Изучаемая логикой закономерность не является закономерностью субъективного, психического; она изучает объективные законы мысли, закономерность мысли, определяемую объективно существующим предметом, изучает законы объективных — созданных предметом — определенностей мысли. Закономерность объективного, существующего в мысли, и есть предмет логики.

Но существует различие — как идеалистическое, так и материалистическое — понимание содержащейся в мысли объективности, ее закономерности, ее законов. По мнению некоторых логиков, логический закон мысли является нормой, которой должна подчиняться наша мысль, чтобы не впасть в ошибку; законы логики являются нормами мышления, логика есть нормативная, и поэтому практическая, а не теоретическая наука. По мнению других логиков (напр., Гуссерля), имеющееся в мысли объективное и ее закон являются идеальными; существует сфера идеального или идеально-реального, которая совершенно независима от временно-пространственной реальной сферы, и логика имеет дело именно с этим идеальным. По Гегелю, объективное, изучаемое логикой, есть сама действительность, именно мысль, которая действительна, и действительное, которое является мыслью; объективная мысль и есть сама действительность. Эти и подобные воззрения являются объективно-идеалистическими, ненаучными воззрениями.

Как это выяснится в последующем, логический закон мысли есть совершенно определенная форма общности существенной и необходимой связи, наличествующей в содержательной мысли, и не представляет собою чистой нормы. Логические законы — это объективное в мысли. Они могут служить и нормами, поскольку для достижения истины мысль должна подчиняться своему закону. Но используемый, как норма логический закон мысли существует как объективная форма.

Логические законы мысли не являются ни априорными, ни «идеальными»; они объективны не вследствие априорности или идеальности, но попросту потому, что являются законами мысли, определяемой объективно существующей действительностью. Мысль, если она имеет объективное содержание, представляет собою отражение действительности. Именно поэтому она и объективна. Если определенность мысли создана предметом, т.е. если она является определенностью знания предмета, тогда, ясно, она будет объективной. Такова, как известно, понята в смысле истины, именно, объективной истины, объективность, с которой имеет дело наука логики.

Предметом логики является не сама действительность (которая у Гегеля тождественна мысли), но то объективное, которое содержится в мысли и существует в форме мысли.

Так как логический закон мысли является своеобразным объективным законом, поэтому его нельзя отождествлять с техническим правилом или способом, поскольку техническое правило можно заменить и оно может считаться субъективным, например, удобным правилом, логический же закон имеет объективный характер. Техническая сторона логического должна быть понята как сторона объективных законов, правил или форм мысли, имеющая именно объективное значение и характер.

Если имеющееся в мысли объективное диалектично по своей природе, то и логическое будет таковым и вследствие этого станет возможной и необходимой диалектическая логика (но об этом у нас разговор будет дальше).

2. Для различения логики от психологии мы должны отличить психологическую очевидность от логической очевидности. Психологически очевидное есть субъективно очевидное. Невозможное и ложное само по себе может казаться психологически очевидным, психологически истинным и возможным. Мы можем ничего не знать о нечто, но несмотря на это, оно может казаться нам и очевидным и убедительным. Например, для верующего существование бога является и очевидным и убедительным, несмотря на то, что он не знает и не может знать о нем ничего, поскольку его нет. Логически очевидное есть нечто совершенно иное; оно есть не субъективно, а именно, объективно очевидное; психологическая очевидность не является объективной очевидностью. Переживание психологически всегда очевидно, оно не может не быть

очевидным. Психологическая очевидность непосредственна как интуиция, несмотря на объективность или необъективность очевидно представленного.

Но сама очевидность требует уяснения, необходимо уяснение понятия очевидности; нужен ответ на вопрос, что такое очевидность? Уяснение понятия очевидности уже не является непосредственным и, в этом смысле, очевидным; понятие очевидности требует объективной очевидности. Что может быть в мысли объективно, логически очевидным?

Объективно, логически очевидным в мысли может быть только то, что не может быть иным не только для нас (таковым будет и переживание, поскольку возможно, что мы не в состоянии переживать иначе), но и само по себе — объективно. Но утверждение того, что нечто существует, так, а не иначе, уже является доказательством. Логическая очевидность является очевидностью доказательства — она есть правильность доказательства, которая и является логической истиной. Логическая очевидность есть очевидность всестороннего доказательства, которое психологически может быть и совершенно не очевидным. Точное доказательство какой-нибудь теоремы возможно психологически будет труднопредставляемым, но логически оно будет очевидным; психологически очевидное может совершенно не подчиняться логическому доказательству. В сновидении, даже бессмыслица может выглядеть психологически очевидной.

Очевидность доказательства есть его аподиктичность. Аподиктичность доказательства то же самое, что и объективность мысли, логическая объективность. Предмет логики — именно это доказательство, являющееся установлением логической очевидности. Доказательство чего-нибудь есть демонстрация, установление его необходимости. Объективное в мысли то же самое, что и необходимое. Доказательство имеет природу логической необходимости. В мысли необходимое и объективное одно и то же (а субъективное является случайным).

Если доказательство имеет диалектическую природу, то и логика будет диалектической (разговор об этом будет идти ниже).

3. Говорят, что психология изучает психическое, которое подвержено постоянному изменению во времени. Переживания непрерывно меняются во времени. В отличие от этого утверждают, что логика имеет дело не с психическим, постоянно изменяющимся во времени, а с неизменным. Логический процесс не является процессом во времени (посылки не предшествуют заключению во времени).

Логика изучает те законы, которые неизменны во времени. Но на это могут возразить, что с такими законами имеет дело не только логика, но и каждая наука, в том числе и психология. Если бы психология не изучала неизменные законы изменяющихся явлений (неизменные по сравнению с последними), то она и не была бы наукой. И в самом деле, всеобщий закон изменения и развития сам должен быть неизменным. Если бы изменялся и этот закон, то для объяснения этого изменения потребовался бы другой закон и так до бесконечности, что представляет собою нелепость. Смысл положения о том, что все изменяется, сам не должен изменяться, в противном случае мы будем вынуждены признать то изменчивость, то неизменность, т.е. считать изменчивость чем-то случайным, а это не соответствует первому положению, исключает его. У изменчивых явлений имеются свои неизменные, сравнительно с ними, законы. Частные, неосновные законы могут изменяться соответственно изменению явлений, поскольку закон есть внутренняя, необходимая связь именно явлений, но основной закон должен быть идентичным в отношении всего изменения.

В логике и само «явление» не изменяется во времени; например, какое-нибудь умозаключение, как процесс, не имеет временного характера. С таким неизменным и имеет дело логика. О возможности и необходимости логического изменения и развития у нас разговор пойдет ниже (мы в дальнейшем и взаимосвязь логических законов представим в виде развития), поэтому здесь мы удовлетворимся уже сказанным. Логическое есть объективное, необходимое, оно не является изменяющимся психическим процессом. Каждый акт или процесс мысли, протекающий во времени, заранее подразумевает логически объективное, на основании чего мы и понимаем характер временного процесса. Постольку психическое заранее подразумевает логическое, опирается на него. Поэтому логической основой психологии, как и других наук, является логика, но не наоборот.

4. Говорят, что психология имеет дело с релятивным, а логика — с абсолютным; если психологическая очевидность и уверенность изменчивы, то логическое — предмет логики — есть только абсолютное (Гуссерль и др.). В мысли содержится абсолютное, которое и изучается логикой.

Это мнение правильно только отчасти, поскольку возможно и непсихологическое релятивное (как это

мы увидим ниже); и логическое тоже может быть релятивным. Если логическое абсолютно, то его какой-либо момент будет релятивным, будет иметь смысл в отношении к абсолютному. Но невозможно признание только релятивного и отрицание абсолютного, поскольку признание чистой релятивности будет признанием релятивного за абсолютное, что является нелепостью. Также ошибочно признание только абсолютного и отрицание релятивного, поскольку абсолютное, взятое без релятивного, само есть релятивное; абсолютное имеет смысл только по отношению к релятивному. Поэтому абсолютное есть единство самого абсолютного и релятивного. Поэтому логика изучает абсолютное в релятивном. Но это абсолютное есть не вообще абсолютное — таковой была бы вся действительность, которая является предметом другой науки, а не логики; то абсолютное, с которым имеет дело логика, есть определенные действительностью содержание и форма мысли; это есть объективное в мысли. Здесь абсолютное совпадает с объективным (В. И. Ленин).

Логическое, как предмет науки логики, в самом деле не является релятивным в том смысле, будто оно зависит от меня, от нас, вообще от нашего сознания или нашей организации. Объективное содержание мысли характеризуется всеобщностью. Логика изучает те законы мысли, которые действуют во все времена в мыслях представителя любого класса. Открытия в логике суть открытия того, что существует и действует в мысли. Невозможно логическое отрицание объективного содержания мысли, так как в таком случае мы должны были бы признать само это отрицание и объективным и абсолютным.

Итак, логика имеет дело с существующим в мысли объективным — абсолютным, — стороны-моменты которого являются релятивными. Релятивное обосновывается абсолютным, абсолютное содержится в релятивном. Вся история логики является не чем иным, как историей открытия отмеченных здесь сторон-моментов. Чистый релятивизм представляет собой психологизм и субъективизм. Психологизм и релятивизм в логике являются отрицанием логики. Логика невозможна в том случае, если господствует «принцип терпимости» (Карнап), если нет «морали», если логическое правило и закон зависят от нас. Показанное выше отношение между абсолютным и релятивным является диалектическим отношением, поэтому можно сказать, что диалектика абсолютного и релятивного в мысли делает возможным и обосновывает диалектическую логику.

Сказанного достаточно для вывода: психология и логика являются независимыми друг от друга науками, у каждой из них — свой собственный объект исследования.

§ 2. Логика и гносеология

Если мысль, как психический акт, нейтральна в отношении истины и заблуждения, то логическая мысль является истинной, обладающей объективностью истины. Такая мысль является отражением действительности, знанием, как определенным отражением (не всякое отражение есть знание). Целью мышления как познания является достижение истины. Истина есть то объективное содержание мысли, которое независимо от субъекта и от самой мысли; оно зависит от предмета, существующего независимо от мысли (согласно ленинской теории отражения).

Если вышеприведенное верно, то логика должна иметь дело со знанием; она должна быть наукой о законах знания, именно истинного знания, поскольку только в знании возможно то объективное, которое имеется в мысли. Но о самом знании существуют различные мнения, не все одинаково понимают его сущность. С точки зрения некоторых, возможно только эмпирическое знание, получаемое путем индукции, и поскольку индукция, по их мнению, содержит в себе вероятность; постольку и сами познание и знание характеризуются вероятностью. Вероятное есть релятивное, оно отрицает абсолютное; поэтому такое понимание знания является психологистическим. Эта точка зрения ведет скорее к отрицанию логики, чем к ее обоснованию.

Поэтому возможна и существует и такая точка зрения, согласно которой знание необходимо должно характеризоваться аподиктичностью, в противном случае знание как таковое было бы невозможно. В аподиктичности же оправдываются логические законы, имеющие объективный характер.

Существует также точка зрения, согласно которой аподиктичность и индуктивность знания не исключают друг друга; напротив, логическое знание, логика является индуктивной наукой, дедуктивна же другая наука (Наторп, Коген); но это уже своеобразное понимание индукции, индуктивной и дедуктивной науки (об индукции ниже).

Если истинность логического, логических законов мы постигаем индуктивно или дедуктивно, то это

постижение мы осуществляем опосредствованным путем, и в таком случае сама логика и вообще наука признана сферой опосредствованного знания. Но существует и такая точка зрения, согласно которой, хотя истинное знание не непосредственно (не чувственно-непосредственно), но истинность логических, законов постигается непосредственно, нечувственно-непосредственным путем; аподиктическая очевидность состоит как раз в непосредственности, а не в ее отрицании; истинность логических законов мы постигаем только непосредственно; здесь то и есть аподиктическая очевидность, имеющая идеальную природу; истина непосредственно переживается в суждении; это переживание является актуальным объективным переживанием (это — точка зрения Гуссерля). Как это было сказано выше, по нашему мнению, логическая очевидность — это очевидность опосредствования или доказательства (как это мы выясним ниже); непосредственное является моментом опосредствования; непосредственность снимается ответом на вопрос: что такое непосредственное? только непосредственное, чистая непосредственность вообще невозможна, поскольку обособленная от опосредствованности непосредственность определяется именно опосредствованностью. Опосредствование (моментом которого является непосредственность) может быть и индуктивным и дедуктивным и диалектическим. Опосредствование, каким бы оно ни было, является доказательством, если, конечно, эта опосредствованность имеет место в логической области. Логическая или доказательная очевидность действует в области знания, в истинной мысли. Логическая истина — истина доказательства.

Невозможно отрицание истинности доказательства, поскольку само это отрицание есть доказательство и поскольку само отрицание истины мы должны признать истинным, если действительно выполняем это отрицание. Невозможность отрицания истины уже указывает нам на необходимость истины, которая может быть только объективной. Эта объективность является предметом логики, но ведь она же является и предметом гносеологии? Логическое объективно, оно подчиняется объективному, но ведь такова же и истина, и знание вообще? Знание, познание должны быть объективными, иначе знание невозможно.

Истиной называется объективность познания и знания. Истина может быть только объективной; объективность истины есть и ее абсолютность; отрицание истины невозможно. Абсурдно считать истиной отрицание истины. Отрицание истины и логически невозможно, поскольку, в таком случае, надо принять за истину хотя бы это отрицание; то обстоятельство, что отрицание истины заставляет нас каким то образом, принять истину, что этим обнаруживается необходимость истины, означает логическое доказательство абсолютности истины. Истинность относительной истины в том и состоит, что в ней содержится абсолютная истина, ее «зерно»; постольку относительная истина является одной стороной абсолютной истины; именно такие стороны и составляют абсолютную истину. Поэтому можно сказать, что невозможно несуществование относительных истин, поскольку существует объективная, абсолютная истина. Объективность мысли, которая и является истиной, есть предмет науки логики; «Логика = вопрос об истине»¹.

Но здесь обнаруживается следующее затруднение: если логическое отличается от психологического именно объективностью, т.е. если объективное, присущее мысли, и есть предмет логики, и если истиной называется объективность мысли, то не будет ли тогда логика и теория познания (гносеология) одной и той же наукой? Чем должна отличаться логика от гносеологии? Нет ли здесь отрицания логики и признания гносеологии, или наоборот, отрицания гносеологии и признания логики?

Решение этой проблемы осуществляется по разному, — имелись в прошлом и имеются в настоящем различные попытки ее решения. Можно сказать, что основной проблемой гносеологии является проблема истины, проблемой же логики является проблема не истинности, а правильности мысли; логика изучает необходимость вывода мыслей друг из друга, а не то, как возможно соответствие мысли с действительностью и отражение действительности в мысли. Постольку должны быть две науки: 1) логика — наука о правильности мысли и 2) теория познания — наука об истинности мысли.

И в самом деле, теория познания изучает то, каково отношение между бытием и мышлением, как возможны объективность и истинность мысли, а логика изучает только правила и законы мысли, именно объективной мысли; но разве не одно и то же объективность и истинность мысли?

По мнению некоторых логиков, теория познания является основой логики, так как: 1) логика есть часть теории познания, поскольку правильность мысли есть одна сторона истины, 2) логика является

¹В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 156.

гносеологической наукой, поскольку она имеет теоретико-познавательный характер, ведь она должна изучать законы объективного, истинного познания?

По мнению других, логика является основой теории познания (а не наоборот), так как: 1) познание, знание опирается на определенные логические условия; знание возможно только на основе определенных логических условий; знание, кроме реальных условий, должно иметь и логическое основание; 2) всякое знание и наука употребляют одни и те же логические формы, законы и правила; научное знание существует только в определенных логических формах и подчиняется определенным логическим правилам и законам; 3) всякое научное знание должно быть логически обоснованным знанием и т.д.

Согласно точке зрения других логиков, ни логика не есть основа гносеологии, ни гносеология не является основой логики; в действительности они представляют одну и ту же науку; логика и теория познания одно и то же, так как объективность логического и объективность знания одно и то же. Задачей теории познания является исследование того, каким образом имеет наше знание объективный характер, а логика изучает правила и законы уже имеющегося объективного знания, правила и законы связи мыслей, осуществленные в знании. Предметом логики является объективное содержание мысли, а не познавательные акты — временный, исторический и фактический процесс познания. Логика изучает путь мысли к истине, те законы и правила, посредством которых мы отличаем истину от лжи. В этом смысле истина определяет логическое; но путь доказательства истинной мысли является предметом только логики. Доказательство является объектом изучения логики, но доказательством называется необходимый вывод заключения из истинных посылок, поэтому выходит и то, что логика и гносеология одно и то же, и то, что они должны быть различными науками. Необходимо устранение этой двусмысленности.

Логика не изучает живое созерцание — ощущения, восприятия и представления, которые необходимо должны предусматриваться теорией познания; логика не изучает процесс познания, историю познания, с которыми должна иметь дело теория познания. Логика не изучает отношения между относительной и абсолютной истиной, не выясняет критерия истины и т.п., для теории же познания решение этих вопросов имеет существенное значение.

Правда, логика не изучает историю познания, но она не может не иметь дела с результатом истории познания, с «узловыми пунктами» истории познания. Узловыми пунктами истории познания являются категории (В. И. Ленин), понятия, которые как именно понятия, должны изучаться логикой, поскольку понятие представляет собою одну из логических форм мысли и оно необходимо входит в объект исследования логики. Логика изучает и должна изучать категории как понятия, законы и правила их взаимосвязи и то, что подчиняется им. В этом смысле, логика является сущностью теории познания и в сущности совпадает с ней. Логическое, как предмет науки логики, представляет собою сущность и всеобщую природу истории познания.

Следовательно, в одном аспекте логика и теория познания совпадают друг с другом, а в другом они различаются друг от друга. То, в чем логика и теория познания тождественны, может быть одной наукой, но это не значит, что снимается или логика или теория познания и остается только лишь одно, нет, здесь вопрос стоит о новой науке, о том, что является логикой, но представляет собою также и теорию познания, и является теорией познания, но содержит в себе и проблемы логики.

Как видно, проблема взаимоотношения логики и гносеологии содержит в себе множество трудностей. Процесс разрешения этих трудностей продолжается и в настоящее время, но еще не достигнуто ничего окончательно определенного. Таково современное положение дела (наше решение этой проблемы будет изложено ниже — при разборе проблемы доказательства).

§ 3. Логика знания

На основании вышесказанного, мы можем сделать вывод, что логика является логикой знания (все равно, тождественна она с гносеологией или отлична от нее). Приблизительно так понимал Аристотель то, что впоследствии справедливо было названо «Органоном». «Вторая аналитика» Аристотеля представляет собою именно теорию знания, элементы которой он рассмотрел в других логических произведениях. Логике знания представляют также «Трансцендентальная логика» Канта, «Логика чистого познания» Когена, «Теоретико-познавательная логика» Шuppe и «Логика» Гегеля, которая является не только теорией познания — теорией знания, но и онтологией (поскольку у Гегеля мышление отождествлено с бытием). Каждая мысль есть мысль о предмете; поэтому каждая мысль может быть или истинной или

ложной. Истинная мысль есть знание, имеющее природу или относительной или абсолютной истины. Невозможна мысль, которая не была бы мыслью о чем-нибудь и у которой не было бы предмета. Невозможна беспредметная мысль, поэтому можно сказать, что:

- 1) понятие есть знание того, что такое предмет; «что такое» есть знание о сущности;
- 2) суждение есть форма знания, именно, форма утверждения и отрицания;
- 3) умозаключение есть оправдание суждения, установление логической истины суждения;
- 4) система умозаключений есть их оправдание, что и есть доказательство, знание.

Итак, логические формы являются формами знания, а именно, формами нечувственного, абстрактного знания, или, что то же, — формами абстрактного мышления.

Невозможна взятая вне знания форма мысли. Если формы мысли взяты без знания, тогда они будут не формами мысли, а словами и знаками, или символами, только символическими знаками, обозначающими эти формы, или же: 1) ничего не представляющими, 2) принятыми сами за предметы, да еще «дурные» предметы — видимости предметов, с которыми мы устанавливаем такие же отношения, как и с настоящими предметами².

Следовательно, предметом логики должны быть формы мысли, как объективные средства знания (именно объективные средства, а не субъективные приемы), которые имеют и должны иметь смысл определенных оснований. Логическая форма знания то же самое, что логическая форма или закон мысли. Логическая форма знания, как именно его логическое средство и основание, есть то, без чего невозможно знание и посредством чего оно и существует. Знание есть мысль о чем-нибудь, утверждение-отрицание и необходимая связь мыслей. Логика изучает именно это, а не что-либо другое.

§ 4. Логика и онтология

Онтология, вообще говоря, есть философская наука о действительности. Онтология является знанием, тем, что мы знаем о действительности; в онтологии, как в знании, отражена действительность. Но если логическое есть содержащаяся в мысли объективность, тогда чем оно должно отличаться от онтологического? Правда « $2 \times 2 = 4$ » как предмет, отличается от « $2 \times 2 = 4$ » как мысли, но ведь последняя только мысленное выражение первого? Ведь логически здесь мы можем иметь дело только с тождественным, именно с « $2 \times 2 = 4$ ». Где же здесь логическое различие? Ведь закон тяготения Ньютона является отражением существующего в действительности тяготения? Ведь здесь нет двух законов, а есть только один? Ведь выраженная в понятиях действительность есть то же самое, что и действительность, выраженная в логическом? Когда указывают на признаки какого-нибудь понятия, например, понятия человека, тогда ведь указывают на признаки самого человека, например, на его способность делать орудия?

Действительность существует объективно и абсолютно, мысль же является только ее отражением, не имеющим независимого бытия. Мысль, знание выражает («выражает» не только словесно, но именно мысленно, здесь это является главным) то, что существует независимо от нее. Существующие в действительности предметы подчиняются таким законам, большинство которых не имеет места в мысли, т.е. они не являются законами мысли, несмотря на то, что они выражаются мыслью. Например, причинность не является законом мысли. Если необходимо, чтобы причина предшествовала следствию во времени, то в логическом нет такого временного различия. Причинности соответствует в мысли осново-следственная связь, которая вовсе не представляет собою причинной связи. Логическое основание и следствие существуют одновременно; основание предшествует следствию логически, а не во времени. Основание определяет следствие, но и следствие определяет основание; от основания мы умозаключаем к следствию, но также и от следствия умозаключаем к основанию. Того же нельзя сказать о причинности: причина вызывает следствие, но не наоборот (стекло может разбиться вследствие попадания камня, но не наоборот, камень не может лететь из-за разбитого стекла. Мы здесь не обращаем внимания на возможность одновременного существования причины и следствия и т.п.); но когда причинность перенесена в мысль и преобразована в понятие, тогда это понятие выглядит совершенно своеобразно. Не только понятие следствия предполагает понятие причины, но и наоборот: понятие причины предполагает понятие

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 172 (Маркс о древних скептиках).

следствия, поскольку причиной называется именно причина следствия. Следовательно, существующее в действительности и это же существующее, перенесенное в мысль, — существующее в форме мысли, существенно отличаются друг от друга и имеют совершенно различную природу.

Онтология изучает существующее в действительности, а логика — содержащуюся в мысли объективность — мысль, определенную действительностью, или — определенность мысли, являющуюся отражением предмета. Предмет и мысль об этом предмете — вещи совершенно разные. Стол может быть красным, длиною в два метра и т.д., но у мысли об этом столе не может быть таких свойств. Понятие, ясно, отличается от соответствующего ему предмета. Предметы изучает (с философской точки зрения) онтология, а понятия — логика, поэтому они существенно отличаются друг от друга и являются совершенно различными науками.

Логика и онтология, как было сказано, различные науки; но мы должны принять во внимание и другую сторону дела. Эти две науки имеют между собою и много общего. Дело в том, что существуют наиболее общие законы бытия и мышления, которые в этих двух различных сферах представляют собою в сущности одни и те же законы. Например, так понимал Аристотель закон невозможности противоречия, который он исследовал в «Первой философии» («Первая философия» или «Метафизика» понималась как наука о первооснове бытия и мышления), а применил в «Аналитике», где он (закон) и приобрел свою специфичность. Если в сфере действительности закон невозможности противоречия гласит, что невозможно и приписывать и не приписывать один и тот же признак одному и тому же предмету в одно и то же время, в одном и том же отношении, то данный закон в логике гласит, что невозможно утверждение и отрицание одного и того же в отношении одного и того же. В первом случае дело касается предметов, а во втором — суждений. Так обстоит дело и в отношении основных законов диалектики. Ведь диалектика является наукой о наиболее общих законах природы, общества и мышления (Энгельс), а эти наиболее общие законы действуют как в бытии, так и в мышлении, хотя они в этих двух сферах приобретают специфичность (как это будет показано в последующем). Хотя взаимное отношение предметов отличается от взаимного отношения мыслей, но, несмотря на это, они могут иметь одни и те же наиболее общие законы. Всеобщее не исключает специфичности, а, наоборот, обосновывает ее.

К вышеотмеченному надо добавить следующее: как известно, общее для бытия и мышления может быть рассмотрено только логически. Хотя наиобщее для бытия и мышления участвует как в явлениях бытия, так и в явлениях мышления, и поэтому его постижение возможно через эти явления, но само по себе оно может быть охарактеризовано только логически, мыслью. Это не значит, что оно должно быть отрицаемо в силу того, что как будто о нем нет чувственных данных. Ведь и понятие выражает то, что может существовать. Мы здесь не разберем этот спорный вопрос, скажем только то, что онтология и логика имеют много общего и что возможна (и существует) онтологическая логика. Наиболее общие законы — общие для бытия и мышления — обосновывают не то, что онтология и логика одна и та же наука (как это было у Гегеля), а то, что логика должна опираться на онтологию, т.е. она должна быть онтологической логикой.

Диалектическая логика — онтологическая логика (но не наоборот, не каждая онтологическая логика, как известно, является диалектической), так как она, в первую очередь, изучает категории как понятия, и их логические взаимосвязи, как отражение реально-исторических взаимосвязей (это положение ниже будет представлено более ясно, здесь во «Введении» достаточно и вышесказанного).

Онтология, как философская наука о бытии, первична, она предшествует логике; онтология предметно обосновывает логику; ведь бытие предшествует мышлению! Поэтому логика имеет онтологический характер, т.е. она опирается на онтологию; но если онтология предметно определяет логику, то, в известном смысле, и логика определяет онтологию. Как онтология предметно определяет логику, так и логика логически определяет онтологию (так же как и другие науки). Логика — логическое основание всех наук. Все науки, в том числе и онтология, логически опираются на логику. Поэтому, логически, логика является первой наукой. Категории логического (как это будет выяснено ниже) обосновывают логически все в нашем знании, во всех науках и, в частности, в онтологии. Во всех сферах знания все доказывается средствами логики, логическое доказательство которых ведется этими же средствами. Логике не может предшествовать другая логика; ведь она тоже была бы логикой! Логика представляет и содержит в себе логическое основание не только других наук, но и самой себя (поэтому считал Аристотель свою логику введением во все науки).

§ 5. Объективность логического

Как было сказано, логическое является содержащейся в мысли объективностью, но оно отлично от бытия, существующего объективно, независимо от нас, от мысли. Объективность логического есть объективность истины. Эта объективность не существует независимо от мысли; она существует в мысли, именно в виде определенности мысли. Эта определенность мысли зависит от предмета, а не от самой мысли. Такая определенность мысли независима от мысли, но не существует независимо от нее. Например, мысль, что $2 \times 2 = 4$, а не 5, зависит не от самой мысли, а от предмета, несмотря на то, что она является определенностью именно мысли, а объективно существующий предмет существует совершенно независимо от мысли. Следовательно, мы должны различать друг от друга «объективное», существующее независимо от мысли, и «объективное», как независимое от мысли, но содержащееся в мысли, в виде ее определенности.

Такая объективная определенность мысли есть не что иное, как понимание предмета, знание о предмете, поэтому и говорим, что объективность, содержащаяся в мысли в виде ее определенности, является предметом логики, — изучается логикой, а не другой наукой; это потому, что логическое подчиняется специфическим законам, не имеющим места в бытии.

Логическая мысль есть мысль о предмете, поэтому она объективна; объективное же существование самого предмета нечто совершенно иное. Например, количественные изменения в предмете, на определенной ступени этих изменений, вызывают качественные изменения; количество переходит в качество; но переход понятия количества в понятие качества отличается от первого перехода и имеет свои особенности. В понятии количества подразумевается то, что количество есть это (внешняя и необходимая определенность предмета), а не другое — оно является, мысленным выражением качества количества, и, этим же, понятие количества переходит в понятие качества. Этот переход совершился логическим определением понятия количества. Для определения понятия количества необходимо понятие качества. Здесь ясно видно, что существующая в действительности объективная взаимосвязь определяет взаимосвязь соответствующих мыслей, хотя эта последняя имеет свои особенности и существенно отличается от первой (обратное положение имеется у Гегеля, поскольку, с его точки зрения, логическим определяется предметное, а не наоборот; поэтому и пришлось Марксу и Энгельсу перевернуть и поставить на ноги поставленную на голову гегелевскую диалектику).

Так можно сказать о каждом понятии, так как понятие есть мысль о сущности предмета. Сущность предмета и ее понятие, конечно, различны но понятие определяется именно сущностью предмета, оно есть ее мысленное выражение; именно потому понятие объективно. Таково и суждение. Суждение выражает (мысленно) существующую в действительности определенную связь, но, конечно, суждения нет, и не может быть, в самой предметной действительности (как это было у Гегеля). Такой же характер носит и умозаключение, как определенная логическая опосредствованная связь, которая определяется существующей в предметах взаимосвязью. Система доказательства тоже опирается на существующую в действительности систему: потому она и объективна.

Все это не значит, что логическое относится только к предмету и будто невозможно логическое о самом логическом; нет, логическое является объективным, но таково, именно вследствие этого, и логическое о самом логическом. Напр., существует понятие понятия, суждение о суждении. Именно вследствие того, что понятие объективно, таковым будет и понятие понятия. То же можно сказать и относительно суждения о суждении.

Объективность мысли заключается в том, что она определяется предметом. Это возможно потому, что, как мы указали выше, определенные законы, одни и те же в бытии и в мышлении.

В этом отношении бытие и мышление подчиняются одним и тем же законам, хотя и имеющим различную форму³. Существование в предметной форме отличается от существования в мысленной форме. Но эти два ряда законов бытия и мышления (мы имеем в виду наиболее общие законы) — в сущности являются одними и теми же (Энгельс). Без такого общего для бытия и мышления объективность мысли была бы невозможна, бытие для мышления было бы абсолютно не понятным и они совершенно оторвались бы друг от друга. Мысль есть отражение, а не такое же бытие, как отражаемый предмет, хотя последний определяет первую.

³К. Маркс, Ф.Энгельс, Избр. соч., т. II, 1948, стр. 367.

Объективное, существующее в мысли — это своеобразное высказывание бытия, его существование в форме логической мысли.

Общее для бытия и мышления — наиболее общие законы, которые в сущности одни и те же и различаются только по форме — является наиболее общим именно потому, что подразумевает специфичность как бытия так и мышления (а не упраздняет ее). Общее не существует помимо частных. Общее является именно общим для этих частных. То обстоятельство, что закон невозможности противоречия был признан Аристотелем законом, общим для бытия и мышления, вовсе не указывает на то, что Аристотель свою «Метафизику» отождествлял со своим же «Органом». Эти две науки различаются именно на основе общего для них. Для Гегеля всеобщим законом бытия и мышления был закон единства противоположностей, но этим он вовсе не отождествлял свою «Логику» и, например, «Натурфилософию». Специфичность чего-либо является именно его специфичностью, а не его отрицанием.

Невозможно отрицание объективности логического. Логическое не может быть не объективным. Если бы было возможным отрицание объективности, тогда субъективное было бы абсолютным и, следовательно, объективным; субъективное выступило бы в роли объективного, что невозможно, представляет собою нелепость. Если мысль смогла бы устранить объективное, то в таком случае она сама выступала бы в роли объекта. Если символ существует сам по себе и не нуждается в объекте обозначения, то он сам выступает в роли объекта. Для логического невозможно устранение предмета и объективности. Если отрицание объективности возможно, то само это отрицание выступит в роли объективного и абсолютного. Такое заблуждение указывает на необходимость объективности логического — оно своеобразно доказывает ее (вышесказанное достаточно для «Введения», ниже мы более подробно рассмотрим объективный характер логического).

§ 6. Формальная и диалектическая логика

Вопросу взаимоотношения формальной и диалектической логики ниже специально посвящается несколько параграфов, а вообще этот вопрос будет решен на протяжении всего труда; а здесь, во «Введении» достаточно указание на несколько положений.

Впервые формальную или общую логику от теоретико-познавательной или трансцендентальной логики отличил Кант. По его мнению, формальная логика изучает формы мышления вне содержания, а трансцендентальная логика есть применение логики к содержанию познания и этим — ее развитие.

И в самом деле, формальная логика изучает логические формы, законы и правила мысли. Диалектическая логика, как логика, тоже не может быть не чем иным, как наукой о формах, законах и правилах мышления. Поэтому эти две логики имеют один и тот же предмет. Но признание двух логик является логической ошибкой, так как для объединения двух логик потребуется третья и т.д. Где выход из этого затруднения? Выход состоит в том, что обе эти логики представляют собою разные ступени развития одной и той же науки; формальная логика есть низшая ступень развития логики, а диалектическая логика представляет собою ее высшую ступень (то обстоятельство, что формальная логика развивается и в настоящее время, не противоречит этому нашему положению; развитие формальной логики, если оно идет по правильному пути, необходимо придет к диалектической логике).

Для различения формальной и диалектической логики и для показа того, что мы здесь имеем дело с развитием одной и той же науки, мы ограничимся указанием на несколько примеров и положений (которые будут в последующем подробно рассмотрены).

Формальная логика понимает тождество односторонне, как только абстрактное тождество — тождество без всяких различий, а диалектическая логика признает конкретное тождество — тождество, которое содержит в себе различие, т.е. она понимает тождество не абстрактно, а конкретно. Формальная логика отвергает противоречие, считая его заблуждением. И диалектическая логика отрицает голое противоречие как невозможное и ложное. И в самом деле, невозможно, чтобы из двух членов противоречия одно было бы другим, но при отрицании противоречия используется противоречие как категория; поэтому диалектика не упраздняет противоречия, а наоборот, оправдывает его тем, что открывает основу противоречия — единство (когда такая основа существует); т.е. признает единство противоречия, моментом которого является противоречие.

Большинство последователей формальной логики признает аналитичность суждения, а диалектическая логика доказывает синтетичность суждения, содержащую в себе аналитичность как

момент. Если для Аристотеля суждение есть утверждение или отрицание, то для диалектической логики смысл суждения состоит в единстве утверждения и отрицания.

Для формальной логики умозаключение является аналитическим выводом, а с точки зрения диалектической умозаключение синтетично; оно есть необходимая, синтетическая, опосредствованная связь, которая содержит в себе в качестве момента (а не исключает) аналитичность.

Формально-логическое является односторонностью диалектико-логического; например, суждение в формальной логике понимается как $SP+P$, как аналитичное, а диалектическая логика оправдывает суждение $S+P$, что является единством тождества и различия (суждение в формальной логике тоже обозначается так: $S+P$, но подразумевается $SP+P$).

Формальная логика признает логические методы — индукцию, дедукцию и т.п., а для диалектической логики эти методы являются частными методами; универсальный же метод — это диалектический метод, именно, диалектический метод доказательства. Это метод логического изложения, метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Главное в том, что диалектическая логика, в основном, есть логика категорий, чего нельзя сказать о формальной логике.

Диалектико-логическое впервые было признано Гегелем. Согласно его точке зрения, логическое состоит из трех моментов: абстрактно-логического, отрицательно-диалектического и положительно-диалектического. Мы постараемся доказать, что полное логическое есть бесконечно-логическое, односторонностью которого является конечно-логическое, представленное формальной логикой как полное логическое. Указанные здесь положения будут полностью охарактеризованы в последующем изложении.

Своеобразное понимание диалектической логикой форм мышления не является такой «интерпретацией», когда природа интерпретируемого предмета остается той же самой. Например, умозаключение не является такой схемой, для которой ее формально-логическое и диалектико-логическое понимание представляли бы модели и в этом смысле интерпретации. Умозаключение является не схемой, а мыслью; формально-логически умозаключение имеет аналитическую природу, а диалектико-логическое умозаключение представляет собою синтетическую, необходимую и опосредствованную связь, аналитично-синтетическую связь и т.п.

§ 7. Логика как философская наука

Все частные науки пользуются философскими категориями, напр., существования, количества, качества, сущности, истины и т.д., которые и изучаются только в философии. Философия — всеобщая наука, предмет которой является всеобщим по отношению к предметам-объектам других наук. Если предметом частной науки является та или иная форма движения, то философия изучает наибо́льшие законы движения и развития (основные законы диалектики); таковой (наибольшей) должна быть и каждая философская наука, в том числе и логика. Логика понималась как философская наука и она должна остаться такою же.

Логика Аристотеля — «Органон» — была вообще наукой, изучающей орудия знания. Аристотель понимал логику как своеобразное введение в философские науки и, вообще, в знание. Логику считали философской наукой Кант, Гегель, Гуссерль и многие другие. Так понимает логику и марксистско-ленинская философия. Математическая же символическая логика есть частная, специальная наука, как это и признают видные представители этой науки. Математическая логика не является философской наукой (об этом ниже).

Если бы логика была частной наукой, то ее законы не имели бы всеобщего значения для всех наук. Логика не изучает предмета, общего для предметов всех наук (как материалистическая диалектика); но, несмотря на это, она общая наука, поскольку ее предмет — законы и правила мышления, являющиеся всеобщими и объективными средствами, определенными логическими условиями и основаниями для всех наук и знания вообще. Например, категории логического (тождество, противоречие, основание, общее и пр.) представляют собою объективные средства для всякого знания. Предмет логики — наиболее общие средства-основания для всех наук, для знания вообще.

Всякое знание выражается в понятии, суждении и умозаключении, которые изучаются только логикой. Ни одна наука не обходится без доказательства, но само доказательство является предметом

логики.

Логике ее предмет не дается извне, в готовом виде, как это имеет место в частных науках. Методом логики является правило — форма мысли, которую изучает сама же логика. Метод логики является ее же предметом (например, индукция, дедукция, редукция, диалектический метод). Логика (так же как и гносеология) — рефлексивная наука, поскольку она есть определенное мышление о формах самого мышления, она есть знание форм знания. Законы и правила логики применяются не только в других науках, но и в самой логике. Логике предшествует реальное основание (действительность), но она логически опирается только на саму себя, в противном случае мы получили бы регресс в бесконечность.

Если бы логика являлась частной, специальной, наукой, то она опиралась бы на нечто такое, для чего понадобилась бы другая логика. Следовательно, логика — философская наука.

§ 8. Логика и «математическая логика»

Как было сказано, не может быть более одной логики. Но выражение «математическая» логика указывает на то, что возможна еще и другая логика. Выражения «математическая», «формальная», «диалектическая» указывают на необходимость многих логик, что невозможно. Поэтому следует употреблять слово «логика» без всякого добавления. Мы добавляем к логике выражение «диалектическая» только с целью различения ее от логики «формальной», но на самом деле лучше употреблять просто выражение «логика».

Логика не может быть «математической», поскольку математические методы не являются существенными и всеобщими для всех наук, в противном случае, все науки в конечном счете превратились бы в математику. Правда, все предметы имеют количественную сторону, поэтому математическое и может быть общим для многих, но, вместе с тем, ведь и качество является общим для многих предметов; сведение качества к количеству невозможно, поскольку признание только количества является признанием качества. Количество. Определенное бытие количества уже есть его качество; таковы мера, сущность и другие категории. Предмет определяет метод, а не наоборот; предмет логики определен ее методом. Математические методы являются соответствующими предмету математики методами.

Об отношении логики и «математической логики» здесь мы в общих чертах укажем на то, что в последующем будет рассмотрено более подробно. Логика есть и должна быть наукой о категориях логики — наипервейших, наиболее общих основаниях и средствах мышления и знания вообще, а математическая логика опирается на сосуществование и последовательность; в ней имеют существенное значение временные и пространственные отношения, математические отношения предметов⁴. Именно поэтому и говорят, что аксиоматический метод основывается на философской установке Канта о том, что логическое основано на нелогическом — на чувственной интуиции⁵, т.е. на «трансцендентальной эстетике» (учение о времени и пространстве) Канта. Поэтому и подчеркивают, что математическая логика имеет эстетический характер и представляет собой применение некоторых положений логики как «канона»⁶. Конструктивная математическая логика тоже непосредственно опирается на нелогическую природу времени и пространства, на интуицию времени и пространства.

Именно математический предмет и определяет основные методы и понятия математической логики, например, аксиоматический метод и понятия функции и переменного. Необходимость функционального отношения является специфической для математики, она не есть необходимость отношения основания-следствия, т.е. логическая необходимость. Для логического не характерно также и понятие переменного. Понятие переменного есть специфическое и основное понятие математики (как это и выяснится ниже). Именно понятие переменного и дает возможность для применения такого математико-механического метода, каковым является правило подстановки, применение чего в математической логике придает доказательству характер механического процесса (например, при решении проблемы разрешимости).

Именно математический предмет и определяет математическую логику, как символическую логику. В математической логике, вместо всеобщности, применяются условные знаки и схемы, тогда как в логике,

⁴ Д. Гильберт, В. Аккерман, Основы теоретической логики, 1947, стр. 81 и след.

⁵ Д. Гильберт, Основания геометрии, М., 1948, стр. 351, 353, 360, 366, 373, 377.

⁶ K. Wuchterl, Reine und mathematische Logik, "Zeitschrift für philosophische Forschung", Bd. XVIII, H. 3, Juli-September, 1964, стр. 408, 418—419, 421.

развитую форму которой представляет диалектическая логика, наиболее общими понятиями и связями являются категории логического и их взаимосвязи.

Применение в математической логике *modus ponens* в виде металогического правила означает, что здесь заранее подразумевается логика, как таковая; это обстоятельство подтверждается и тем, что модусы первой фигуры категорического силлогизма принимаются за аксиомы и содержание логики сводят к редукции других модусов к этим аксиомам (Лукасевич). Это значит, что математическая логика есть применение логики в определенной, а именно, в математической сфере; математическая логика — прикладная логика, где основные понятия логики (понятие, суждение, умозаключение, доказательство) принимают совершенно своеобразный характер (об этом ниже); вместо отношения основания и следствия берутся импликации, вместо суждения — предложения, вместо понятия — пропозициональные функции; доказательство понимается как последовательность формул, которая строится в соответствии с металогическими правилами и не является внутренним следованием. Из природы аксиом, без метаправил, ничего не выводится; а применение правил подстановки и *modus ponens* придает последовательности формул характер механического процесса.

Математическая логика не занимается исследованием понятия, суждения и умозаключения как форм мышления; для нее это непонятно⁷. Она в основном изучает временные и пространственные отношения, например, отношение симметричности, что якобы было непонятно для старой логики⁸. В действительности симметричностью характеризуются сами предметы, которые не изучаются логикой. Поэтому она будет оставаться «непонятной» для логики. Провозглашение предметом логики предметных отношений не только не расширяет сферу логики, как это думают представители математической логики, а наоборот, в конечном счете, упраздняет ее.

Как это будет выяснено в последующем, невозможна формализация философской логики. Математическая логика, как аксиоматическая и формализованная наука, представляет специальную, именно, математическую науку; аксиомы, как недоказуемые положения (здесь подразумеваются как аксиомы, так и метаправила математической логики; обе группы положений являются недоказуемыми и в общем логическом смысле аксиомами) непригодны в качестве исходных положений философской логики. Ввести в доказательство недоказанное или базировать доказательство на недоказанном, разумеется, логически неоправданно и несостоятельно. В строгом смысле, в математической логике изучается не общий логический метод, а «логистический метод»⁹ (об этом ниже).

Но главное, что характерно как для традиционной (начиная с Аристотеля), так и для математической логики, состоит в том, что как первая, так и вторая признают только однозначность понятий и не понимают двузначности, например, того, что отрицательное имеет и положительное значение и т.д.¹⁰. То, что было непреодолимым в старой логике, преодолено и решено в диалектической логике.

Наука, которая пользуется недоказанным, может быть только частной дисциплиной, поскольку ее основания должны быть рассмотрены в другой науке, именно в философии. Все частные науки применяют такие категории и законы, которые изучаются только в философии. Такова и математическая логика, как специальная математическая наука, которая имеет колоссальное техническое применение (философия имеет очень большое практическое, но не техническое применение. Техническое не тождественно с практическим).

«Математическая логика» опирается на законы общей логики, но природа этих законов не изучается в ней. Можно сказать еще больше; Лукасевич поставил перед собой задачу аксиоматизации аристотелевской логики; он принял модусы первой фигуры категорического силлогизма за аксиомы, тогда как главным для Аристотеля было именно выяснение природы этих модусов. В «математической логике» (как и в других специальных науках) не рассматривается ни одна философская категория, тогда как без применения философских категорий она (как и другие частные науки) теряет всякий смысл.

То, что математическая логика — специальная, нефилософская наука, признают и специалисты этой науки. Повод для обоснования логики посредством аксиом дал Аристотель, но «Органон» самого

⁷ Я. Лукасевич, Аристотелевская силлогистика..., стр. 48, 50.

⁸ Д. Гильберт и В. Аккерман, Основы теоретической логики, стр. 82.

⁹ А. Черч, Введение в математическую логику, 1, стр. 48.

¹⁰ См. вышеназванные работы Heiss-a и Günter-a.

Аристотеля (в особенности «Вторая аналитика») представляет собой неформализуемую теорию знания (поэтому и необходимо развитие ее в этом направлении).

Математическая логика, как было сказано, опирается на философские категории (например, на категории существования, общего и т.п.), но эти категории остаются за ее пределами, тогда как диалектическая логика, первым делом, является логикой категорий. Невозможно ввести категории в математическую логику, поскольку, как известно, невозможна формализация категорий.

Невозможна формализация и аксиоматизация логики, поскольку невозможно, чтобы логика имела выходящие за ее пределы логические предпосылки. Всякая логическая предпосылка возможна только внутри самой логики; она должна находиться в ней с необходимостью, в противном случае, разрушилась бы единая логика, т.е. именно логика как таковая (ниже специально будет рассмотрена невозможность аксиоматизации логики).

Сведение логики к исчислению, что имеет место в математической логике, является заблуждением, поскольку исчисление имеет механический характер, а логическое имеет совершенно другую природу. Гегель справедливо указывал на то, что в логике машинное мышление так же, как и мышление невежды, является несчастьем. Сведение логики к исчислению упраздняет логическое, упраздняет природу понятия. Ошибку в исчислении нельзя отождествлять с логической ошибкой. Символы имеют смысл только тогда, когда мы понимаем то, что обозначается этими символами и когда мы понимаем сами символы; поэтому символ только нечто вторичное и он не может заменить существенного — первичного.

Следовательно, «математическая логика» не является логикой, которая представляет собой философскую науку.

§ 9. О тождестве диалектики, логики и теории познания

Логика, как это мы выясним в последующем, по своей сущности то же самое, что и теория познания; логика и теория познания представляют собой одно и то же, а именно, диалектическую логику; диалектика и логика мышления одно и то же.

До Гегеля существовали три философские науки: онтология, логика и теория познания — науки о бытии, мышлении и об их отношениях. Но эти дисциплины имели нечто тождественное, развитие чего привело их к своеобразному тождеству. Это общее — категории. Логика, теория познания и онтология превратились в учение о категориях. Этим путем произошло их отождествление, превращение в одну науку. Диалектика оформилась как учение о категориях. Именно с утверждением диалектики в теории познания и в логике связано создание диалектической логики, в которой диалектика, логика и теория познания тождественны. Диалектика подчиняет себе логическое и познавательное.

Познание, знание — диалектичны, подчиняются законам диалектики, именно тем, которые господствуют в действительности, т.е. онтологическим законам. Диалектические законы — наиболее общие законы бытия и мышления. Мысленное отражение действительности — истина — диалектична (так же, как и сама действительность), поскольку истина, как это доказано марксистско-ленинской теорией познания, есть: 1) субъективный образ объективного; 2) единство относительного и абсолютного; 3) единство конечного и бесконечного и т.д. Отражение диалектической действительности совершается диалектическим мышлением. Это не гегелевское отождествление бытия и мышления, а утверждение того, что диалектика вещей создает диалектику понятий (а не наоборот, как это имеет место в диалектике Гегеля). Поэтому для познания и логики характерна одна и та же объективность, которая имеет диалектический характер.

У Гегеля тождество диалектики, логики и теории познания опирается на тождество бытия и мышления, в материалистической же диалектике — на диалектическую природу отражения. Диалектическая логика изучает то, что является сущностью теории познания и что по своей природе диалектично. Это — новая наука, которая в снятом виде содержит в себе старую логику и теорию познания. Эта логика онтологична и диалектична именно вследствие того, что объективность мысли подчинена закономерности бытия. Тождество диалектики, логики и теории познания означает создание новой науки, которая не упраздняет ни одну из этих наук, а, наоборот, полнее освещает и решает те вопросы, которые прежде решались односторонне, именно вследствие того, что бытие, мышление и их отношение рассматривались отдельно друг от друга (этот вопрос будет освещен ниже, в особой главе).

§ 10. Диалектическая логика как наука

В этом параграфе мы должны сделать определенные выводы из вышесказанного и определить диалектическую логику как науку. Но прежде всего мы должны рассмотреть некоторые соображения, направленные против диалектической логики, как логики; для доказательства правомочности диалектической логики как науки, необходимо также привести руководящие указания классиков марксизма-ленинизма.

По мнению некоторых советских логиков, диалектическая логика не существует, она невозможна, поскольку диалектической является действительность, мышление же о действительности, а именно, логическое мышление, не может быть диалектическим. Действительность развивается, развитие же возможно только во времени и постольку, поскольку действительность противоречива; логическое же мышление не является временным процессом, и к тому же оно не противоречиво; мысль о противоречии не может сама быть противоречивой, если она представляет собой истинную и правильную мысль.

Против этого возражения говорит факт существования диалектической логики. Существование диалектической логики Гегеля является фактом. Идеалистичность и ненаучность этой логики не означает того, что невозможна материалистическая диалектическая логика; в таком случае мы признали бы возможность только идеалистической диалектики. Если на ненаучной почве идеализма стало возможным создание диалектической логики, то на почве научности и материализма это тем более должно быть возможным.

О возможности диалектической логики говорит то, что существует ее предмет — диалектическое мышление, которое имело место и в истории и в настоящее время является фактом научного мышления. Образцы диалектического мышления дают Гераклит, Платон, Кузанский, Декарт, Фихте, Гегель, «Капитал» К. Маркса, «Философские тетради» В. И. Ленина и др., также — физика, математика, биология и другие науки.

Для создания диалектической логики необходимо исследование фактов диалектического мышления из истории философии, из специальных наук и обычного, повседневного мышления, и что самое главное, рассмотрение природы самих логических форм мышления, что и покажет их диалектичность.

Материалистическая диалектика является наукой о наиболее общих законах движения и развития природы, общества и мышления. Диалектика природы есть наука о наиболее общих законах движения и развития природы; исторический материализм изучает диалектику развития человеческого общества; а диалектическая логика есть наука о диалектике мышления — о законах логического движения и развития мышления. Основные законы материалистической диалектики специфически проявляются в логическом мышлении; данная специфичность является специфичностью именно этих законов (а не их упразднением), поэтому диалектическая логика имеет совершенно определенный предмет.

В настоящее время еще продолжается спор о том, какой является логика — диалектической или только формальной; возможна или нет и как возможна диалектическая логика?

В Советском Союзе существуют три группы логиков, которые на данный вопрос отвечают по разному.

1. Одна группа советских логиков признает только формальную и, как было уже сказано, считает невозможной диалектическую логику. По мнению этих логиков, диалектическими могут быть только действительность ее познание, а не логическое. Некоторые из этих логиков считают логику философской, а другие — специальной, частной наукой. Современная формальная логика, как не философская, частная наука представляет собой математическую логику, которую некоторые считают развитием старой традиционной формальной логики, в частности логики Аристотеля (традиционную формальную логику отличают от логики Аристотеля), по мнению других, математическая логика является преодолением старой традиционной логики и совершенно новой наукой. Математическая логика, как было сказано, и в самом деле является частной наукой. Об этом свидетельствует и то, что, подобно геометрическим системам, существует множество систем математической логики (двузначная, трехзначная, многозначная и др.). Такая множественность философских логик невозможна, признание множества логических систем, как было сказано, противоречит понятию самой логики.

2. Согласно точке зрения второй группы советских логиков, существуют две логики — формальная, современной формой развития которой является математическая логика, и диалектическая, которая только

теперь начинает развиваться. Некоторые признают даже и то, что существуют три логики — традиционная формальная логика, математическая логика и диалектическая логика, принципы которой даны в трудах классиков марксизма-ленинизма. Эта точка зрения, как было сказано, не может быть правильной, поскольку признание более одной логики является логической ошибкой. Логика, как таковая, возможна только одна.

3. Третья группа советских логиков стоит на той точке зрения, что существует и должна существовать только одна логика, которая на высшей ступени своего развития представляет собой диалектическую логику; формальная же логика — низшая ступень развития логики. Формальная логика снята и сохранена в диалектической (но ни в коем случае не упразднена, как это ошибочно приписывают некоторым представителям этой группы). Формально-логическое является односторонностью диалектико-логического.

Гегель рассматривал три момента логического и три ступени развития логики:

1. Логика рассудка; это была старая формальная логика, которая берет свое начало с Аристотеля. 2. Отрицательная диалектика, необходимость противоречия, напр., в антиномиях Канта, поскольку здесь действует определенный момент логического, который является результатом предельного развития первого момента-ступени и вытекает из его природы. 3. Спекулятивная логика — положительная диалектика.

Кто стремится к пониманию диалектической логики, тот должен учесть аргументы, выдвинутые Гегелем в пользу деления логического на три момента. Без преодоления аргументов Гегеля в пользу диалектической логики, всякая борьба против диалектической логики окончится неудачей.

В настоящее время требуется разработка диалектической логики (постановления ЦК КПСС, наши философские журналы, введение курса диалектической логики в учебные планы университетов); имеются попытки разработки вопросов диалектической логики (Розенталь, Алексеев, Черкесов, Гортари, Фогараш, Л. Гокиели, С. Церетели). К сожалению, некоторые советские логики защиту диалектической логики считают гегельянщиной, но это уже представляет собой попытку отождествления диалектики вообще с гегелевской диалектикой. Немецкий логик Гюнтер различает старую и новую логику; старая логика — логика мышления о бытии, а новая логика представляет рефлекторную логику. Хайсс признает «логику противоречия»; Клаус также признает две логики; он считает формальную логику экстенциональной логикой, а диалектическую — интенциональной.

Для понимания природы диалектической логики необходимо исходить из соответствующих положений классиков марксизма-ленинизма. Именно эти положения и являются принципами, на основе которых должна строиться диалектическая логика.¹¹

Ф. Энгельс различает формальную и диалектическую логику по аналогии с различием низшей и высшей математики. Формальная и диалектическая логика отличаются по своему предмету подобно тому, как низшая математика, имеющая дело с постоянными и конечными числами, отличается от высшей, имеющей дело с числами переменными и бесконечными. Подобно низшей и высшей математике, формальная и диалектическая логика являются ступенями развития одной и той же науки. Энгельс подчеркивал неправомочность попытки доказательства результатов, добытых в сфере диалектики, средствами формальной логики; это значит, что доказательство является не только сферой формальной логики, но и логики диалектической, т.е. диалектическая логика есть не только теория познания, но и логика. Ф. Энгельс различает неполные и полные методы получения новых результатов; полный метод — это метод диалектической логики, а неполный — метод формальной логики. Логическим методом является и диалектика, а не только методы формальной логики, например, индукция и дедукция. Это значит, что должен существовать диалектический метод доказательства: Именно этим методом и прорывает диалектическая логика узкий горизонт формальной логики (Энгельс). Указанием на то, что в доказательстве методом получения нового являются и формально-логический метод и, в более полном виде, — диалектический метод, Энгельс подчеркивает, что вообще логический метод должен быть синтетическим (и не исключать познавательного метода)¹².

Следовательно, можно сказать, что таким же образом, как индукция и дедукция осуществлены в

¹¹ См. эти положения в моей работе «О диалектической природе логического», стр. 5 и сл. Здесь приведем только некоторые из них.

¹² Ф.Энгельс, Анти-Дюринг, Москва, 1967, стр. 134.

соответствующих умозаклучениях, диалектический метод осуществляется и должен осуществиться в соответствующих ему умозаклучениях. Метод равен осуществленному методу. Поэтому неправильно мнение, согласно которому диалектика есть только метод для логики, а умозаклучения являются недиалектическими. Диалектическую логику нужно понимать как науку о диалектическом методе и соответствующих этому методу умозаклучениях. Диалектический метод является предметом логики.

В. И. Ленин, развивая вышеприведенные положения Энгельса, отмечает, что диалектическая логика «идет дальше» формальной логики¹³. Это не значит, что переход от формальной логики к диалектической является якобы переходом от логики к другой науке, а именно, к диалектической логике как теории познания, как это кажется некоторым логикам, а означает, что формальную логику продолжает, развивает и делает совершенной диалектическая логика; в противном случае, следовало бы говорить не о том, что диалектическая логика «идет дальше», а о том, что она начинает нечто новое. «Дальше» определенной логики не может идти то, что является совершенно иным, чем логика.

Согласно Энгельсу, диалектическая логика отличается от формальной тем, что она не только перечисляет формы мысли, не только рассматривает их в координации, но и устанавливает их взаимосвязь, выводит их друг из друга и рассматривает их в субординации, в развитии от низшего к высшему, от простого к сложному¹⁴. Энгельс к вышесказанному добавляет еще и то, что субъективная логика, которая отражает объективную логику, существует на основе развития, а именно, «логического развития».

В. И. Ленин, развивая эту мысль Энгельса, утверждает, что если развивается действительность, то движутся и развиваются также понятия категории. В противном случае между ними не было бы связи; поэтому существует и диалектика понятий. Понятия движутся и переходят друг друга, поэтому и отражают они действительность. Чтобы охватить мир, снятия должны находиться в единстве противоположностей. Универсальная гибкость понятия доходит до единства противоположностей. Диалектика вещей создает диалектику понятий (а не наоборот)¹⁵.

Следовательно, диалектика имеет место не только в действительности, но и в логическом, и наоборот — развитие имеет место не только в мышлении, но и в действительности. Ф. Энгельс указывает, что законы диалектики являются не только законами мышления, как это было у Гегеля, но и законами действительности¹⁶ (диалектика действительности является реальным основанием диалектики мышления). Два способа мышления — метафизический и диалектический — являются логическими способами.

Поэтому следует сказать, что диалектическая логика есть наука о диалектическом способе мышления. Диалектический способ мышления является тем логическим способом, который одновременно есть и метод и наиболее общий закон, высшая форма всех форм мысли.

Ф. Энгельс указывает, что диалектика является высшей формой мышления; это и в самом деле так, поскольку отрицание господствует не только в действительности, но и в понятиях; нельзя избежать противоречия в сфере мышления. Диалектическое мышление подразумевает исследование природы самих понятий¹⁷.

К. Маркс подчеркивает, что диалектический способ мышления, необходимый, в частности, для понимания экономических категорий, должен рассматриваться именно в логике, а не, например, в политэкономии¹⁸.

В. И. Ленин учит, что К. Маркс оставил нам логику «Капитала», что в «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания и что это одно и то же — «не надо трех слов». Диалектика «Капитала» — частный случай, образец диалектики вообще. И в самом деле, в «Капитале» проанализирован не только определенный реальный предмет, но и дан логический анализ понятий-категорий¹⁹.

В этом же смысле следует понимать высказывание Ф. Энгельса о том, что логическое есть отражение исторического в его общих чертах.

¹³ В. И. Ленин, т. 32, изд. четвертое, стр. 72.

¹⁴ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1953, стр. 177.

¹⁵ В. И. Ленин, Произв., т. 38, изд. четвертое, стр. 251, 249, 255, 280, 99.

¹⁶ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1967, стр. 10, 20.

¹⁷ Ф. Там же, стр. 15, 338, 18, 141, 120.

¹⁸ См. К. Маркс, К критике политической экономии, 1951, стр. 89.

¹⁹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 38, изд. четвертое, стр. 315, 316.

Диалектическая логика, как было сказано, полнее, совершеннее формальной, подобно тому, как высшая математика полнее низшей, геометрия Лобачевского — геометрии Эвклида, современная физика, например, квантовая механика, — механики Ньютона и т.п.

Законы диалектической логики имеют силу для всякого мышления и знания, а не только для некоторых их областей. Это значит, что логика, как наиболее общая, используется везде, — во всех науках, в частности и в онтологии (ведь и она — одна из наук).

Наиболее общее для мышления и знания — это, в первую очередь, категории, входящие в предмет диалектической (а не формальной) логики; поэтому диалектическая логика есть в то же время и методология знания. Все истинное в знании и мышлении находит логическое оправдание в диалектической логике, сама же она не может иметь логического оправдания вне себя. Реально же диалектическая логика оправдывается действительностью, ее закономерностью и революционно-преобразующей деятельностью человека — практикой, которая и является основой и оправданием всякого знания. Логическое не имеет и не может иметь внешнего логического основания.

Если допустить внешнее логическое основание для логики, то мы впадем в затруднение, заключающееся в необходимости признания мета и метаметалогии. Подобно тому, как правило умозаключения не может быть его посылкой, так и логика не может иметь иной логической посылки; логика логически опирается только на саму себя, в противном случае логическое оказалось бы вынесенным за собственные пределы, умозаключение — за пределы умозаключения и т.п. Логика должна быть логическим основанием самой себя.

Это значит, что логика не может опираться на недоказанные положения; логика полностью должна быть доказана в самой логике; в противном случае мы получили бы регресс в бесконечность. Логика не начинается с недоказанной логической посылки, так как это даст нелепость — логическую связь логического с нелогическим. Поэтому и тождественны предмет логики и ее метод. В логике все должно быть доказано — и сама логика логически не может быть доказана за ее пределами. Предмет логики есть доказательство, доказательство всего, в том числе и самой логики. Именно поэтому логика является философской наукой (а математическая логика, как было сказано, частная наука, и между прочим именно потому, что она исходит из аксиом и металогических правил).

Логика пошла вперед, развилась в диалектическую логику, поскольку эта последняя, в первую очередь, изучает то, на что опиралась формальная логика, но что оставалось для нее незамеченным, именно — логическую связь форм самой мысли — связь категорий логического: например, связь формы положительности с формой отрицательности (на эту проблему указал Фихте), категориальную связь положительного суждения с отрицательным и т.д.

Диалектическая логика вобрала в себя предпосылки, на которые опиралась формальная логика, хотя и не замечала их.

Сфера предмета диалектической, логики — сфера единого корня логических средств мысли. Эти средства — необходимые, объективные основания, а не субъективно-случайные правила. Таковы категории логического (см. следующую главу — «Категории логического»). Предмет диалектической логики есть своеобразно понятый предмет первой философии, перенесенный в понятия (ведь диалектика есть наука о наиболее общих законах движения и развития природы, общества и мышления — а это и есть своеобразно понятая первая философия); эта — сфера категорий логического и того, что прямо выводится из нее.

Объективно-логические средства логического входят в предмет самой логики (так переходит предмет первой философии в логику). Поэтому логическое является рефлексивным (именно эта рефлексивность и является непреодолимой для математической логики; расширенное исчисление предикатов наталкивается на парадоксы именно вследствие рефлексивности логического; диалектическая же логика по своей природе является логически рефлексивной и поэтому наукой, преодолевающей известные логические затруднения). Логика определена реальным основанием — реальной диалектикой, а логически она неопределима, точнее: она определяет сама себя; в противном случае, мы были бы вынуждены реальное превратить в логическое, что является объективно-идеалистическим (гегельянским) заблуждением.

Наиболее общие законы диалектического действуют и в логическом, но, ясно, специфически, именно в виде всеобщей формы связи суждений, понятий и умозаключений. Этой специфичностью общее, ясно, не отрицается, а, наоборот, доказывается: доказывается, именно, универсальность диалектики. Недостаточно только материалистическое понимание логического как отражения. Необходимо также и признание ее

диалектической природы. Диалектическая логика является именно материалистической диалектической логикой.

Диалектичность логического означает то что в нем действует внутреннее отрицание, что оно подчиняется закону единства противоположностей; этот закон осуществлен в нем в определенной логической — выводной форме. Главное для данного труда — именно выявление и доказательство этого обстоятельства. Если основным законом формальной логики является закон невозможности противоречия, то основным законом диалектической логики является закон единства противоречия, но так, что этот последний содержит в себе в качестве момента смысл первого (единство противоречия содержит противоречие, одна сторона которого исключает другую, в противном случае, не было бы и противоречия). Основной проблемой логики была и остается проблема синтетически-логического, решение которой возможно только в диалектической логике, которая и изучает синтетически-логическое, диалектико-логическое, т.е. такое логическое, в котором существенен именно момент противоречия и внутреннего отрицания.

Итак, после всего сказанного можно определить диалектическую логику, как науку; это определение может быть сформулировано следующим образом:

1. Логика есть наука о формах мысли. Но это определение не отличается от определения формальной логики; и кроме этого, ведь психология тоже изучает определенные формы мысли? Поэтому будет лучше следующая формулировка:

2. Логика есть наука об объективных формах мысли. Но и формальная логика считает объективным то, что она изучает; в противном случае она не была бы логикой.

3. Возможно будет лучшим такое определение: диалектическая логика есть наука о наиболее общих законах мышления. Но здесь пропущено главное для диалектической логики, именно движение и развитие, что и входит в следующее определение:

4. Диалектическая логика есть наука о законах и формах движения и развития мысли; она является частью диалектики, поэтому будет более адекватным следующее определение:

5. Диалектическая логика есть наука о диалектическом способе, диалектико-логическом способе мышления. Но это определение является тавтологичным; к тому же этот способ можно понимать как только метод познания. Нужно другое определение:

6. Диалектическая логика есть распространение диалектики на мышление. Но здесь не сказано то, что из себя представляет это распространение. Это обстоятельство учтено в следующем:

7. Логика есть диалектика мысли; но с этим определением может быть согласен и отвергающий диалектическую логику, поскольку он может понимать диалектику как теорию познания и не признавать ее как логику. Поэтому мысль, более точно, может быть выражена так:

8. Предметом диалектической логики как философской науки является диалектическим способом выполненное мышление, или знание, в котором реализован диалектический способ мышления. Но здесь имеется как тавтологичность, так и излишняя пространность определения.

9. В кратком определении диалектическая логика есть единство противоречия в мысли. Но и здесь имеется неясность, т. к. не выдвинута вперед логичность мысли; единство противоречия, существующее в мысли, может быть понято как характерное только для процесса познания.

10. Диалектическая логика есть наука о логических связях, осуществленных в знании, о результатах истории познания — узловых пунктах, т.е. категориях и о их взаимосвязях. Но и здесь имеется момент тавтологичности и вместе с тем определение носит повествовательный характер и ему недостает логичности.

11. Диалектическая логика есть наука о наиболее общих законах движения мысли и форм знания объективной действительности. А может быть будет лучшим такое определение:

12. Диалектическая логика есть наука о тех формах и законах мысли, в которых выражены наибо́льшие стороны бытия и мышления. И здесь остается неподчеркнутым главное для логического; ведь «выражение» можно понять как познание? Выше было указано и на то, что для логики прилагательное излишне. Поэтому еще лучшим определением является следующая формула:

13. **Логика есть наука об объективных формах движения и развития мысли.** Это определение, сравнительно с вышеприведенными, самое законченное и совершенное, поскольку оно содержит в себе зерна истины всех вышеприведенных двенадцати определений и свободно от их недостатков. Нет в нем и момента тавтологичности. «Движение и развитие» указывает на диалектичность,

поэтому «логика» понята диалектически. Речь идет об «объективных формах движения и развития мысли» и, следовательно, о логическом, а не только познавательном или психологическом. Одним словом, полученное здесь определение логики, пока что должно быть признано удовлетворительным. Это не значит, что невозможна лучшая формулировка определения диалектической логики. Автор этих строк в дальнейшем постарается выискать лучшую формулу для определения логики.

ГЛАВА ВТОРАЯ. КАТЕГОРИИ ЛОГИЧЕСКОГО

Мышление невозможно без категорий. Категории являются наиобщими понятиями, применение которых необходимо как для познания, так и для логического мышления. Логика как наука, в первую очередь, должна иметь в виду логические категории. Без рассмотрения категорий необходимых для логического, логика не будет полностью представленным учением; логика невозможна, если она не подразумевает логических категорий. Но гораздо лучше, если это подразумеваемое рассматривается логически; оно должно быть первым и необходимым элементом в науке логики. Формальная логика не обращала внимания на категории, а современная математическая логика пытается отвергнуть категории, как нечто якобы метафизическое. Вместе с тем, расширенное исчисление предикатов, как известно, приводит к таким трудностям, решение которых, как это будет показано в дальнейшем, возможно только путем сознательного применения логических категорий и их использования как опоры логики. Учение о категориях логического, по нашему мнению, должно быть необходимой и основной частью науки логики.

§ 11. Логические категории и категории логического

Понятие, как известно, является логической формой мысли; категория — особенное понятие, особенная форма мысли. Еще Аристотель указал на то, что категория есть понятие, выражающее наиобщую сторону бытия. Категория есть наиобщее понятие, т.е. такое, у которого нет рода; нет у него и вида. В различных сферах действительности категория, например категория причинности, проявляется по-разному, но, как категория, она не может быть больше одной. Содержание категории касается всего, что существует; например, категория самого существования относится ко всему, в том числе и к иллюзии. Если понятие не имеет универсального характера, то оно не категория. Такова каждая философская категория, например, количество, качество, сущность и др. Каждая философская категория является логической категорией, она — особенная форма мысли.

Категории являются наиобщими не только в том смысле, что они отражают наиобщие стороны действительности, но и в другом смысле, а именно, как объективные средства мысли. Мышление имеет наиобщие объективные средства, которые и являются категориями. С этой стороны категории исследовал впервые Кант, который понимал их как необходимые логические средства познания, как формы суждения вообще (единство, множество, реальность, отрицание и др.). Последующие учения о категориях (Фихте, Гегель, Н. Гартман и др.) показали, что категория является не субъективным, а объективным средством мысли, т.е. стало очевидным, что мысли Аристотеля и Канта о категориях должны были соединиться таким образом, что объективное средство мысли, вследствие выражения им наиобщей стороны бытия, должно было стать логическим средством-основанием, основанием в определенном смысле.

И в самом деле, категория является наиобщим средством мысли, вследствие того, что она есть выражение наиобщей стороны бытия. Категория есть объективное и необходимое средство-основание мысли, отражающей наиобщую сторону бытия. Она есть определенная форма логического.

Но следует отличить логические категории от категорий логического. Логическая категория — это такая, отрицание которой есть другая категория; точнее: отрицание которой дает иное, необходимость другой категории. Например, категория количества есть логическая категория, поскольку отрицание количества не является более количеством; отрицание случайности не есть более случайность и т.д.; а категория логического есть та категория, отрицание которой является ее же утверждением. Отрицание категории логического невозможно в том смысле, что при ее отрицании с необходимостью применяется она же; например, категории тождества, отрицания, частного, общего, понятия, суждения и т.д. являются, категориями логического; отрицание понятия есть понятие, отрицание суждения — суждение, отрицание отрицания — есть именно отрицание, отрицание тождества — тождественно себе и т.д.

Такое различие категорий не означает того, что категория логического относится только к сфере мысли, а логическая категория — только к действительности. Здесь мы хотим сказать, что категории, выражающие наиобщие стороны действительности, могут иметь силу одновременно и для мысли, именно как категории логического (это, конечно, касается не всех категорий). Например, категория тождества выражает одну из сторон действительности, но она является также и категорией логического. Форма есть и в сфере действительности, т.е. понятие формы имеет предметное содержание, но она представляет собой

также и категорию логического. Форма логического есть категория логического, т. к. при ее отрицании используется и утверждается она же: (отрицание понятия есть понятие, отрицание суждения — суждение); отрицание, так же как и утверждение, являются необходимыми и существенными моментами умозаключения и доказательства. Умозаключение и доказательство состоит в утверждении-отрицании — в применении суждения. Именно поэтому невозможно отрицание доказательства, поскольку такое отрицание само является доказательством. Поэтому и ошибались древние скептики, отрицая доказательство.

Категории, выражающие наиобщие стороны действительности и одновременно относящиеся к категориям логического, являются понятиями так сказать, своеобразной, первой философии. Такие категории являются объективными и необходимыми средствами мысли и ее определенными основаниями.

Сфера логических категорий объемом более широка, чем сфера категорий логического. Все философские категории являются логическими категориями, таковы и категории логического. Но категории логического своеобразно подчиняют себе логические категории; это подчинение не является объемным. Действию категории логического в логическом подчиняется все, в том числе и логические категории. Сфера логического, вообще говоря, есть сфера доказательства, где, как это будет специально показано в последующем, самым основным является действие категорий логического, в котором в подчиненном виде (не в смысле объемного логического подчинения) используются все нужные и необходимые объективные категории.

§ 12. Тожество и различие

Рассмотрим несколько категорий, которые действуют в логическом. Таковы, например, категории тождества и различия (или разности). Они одновременно являются и категориями действительности, т.е. понятиями, выражающими наиобщие определения бытия, и категориями логического.

Тожество есть категория сущности, категория отношения бытия к самому себе. Тожество есть определенное отношение чего-либо не к другому предмету, а к самому себе.

А тождественно А, а не В. То же надо сказать и о различии. Различие существует, конечно, между разными предметами; но оно как категория сущности, есть различие чего-либо в самом себе, внутреннее различие, различие в тождественном.

Обе эти категории действуют в логическом, именно так, что их применением и на их оснований было сформулировано два закона логики — тождества (Аристотель) и различия (Лейбниц). По закону тождества, нечто, например понятие, тождественно себе; таково и суждение, умозаключение и др. По закону же различия во всем есть различие, все различно (эти законы будут подробно рассмотрены ниже). Нас здесь интересует только одно, именно то, что категории тождества и различия имеют логически рефлексивную природу, т.е. являются категориями логического.

Невозможно отрицание тождества, поскольку это отрицание (и результат отрицания) тождественно с собою и таковым и должно быть. При отрицании тождества оно же с необходимостью используется и, в этом смысле, утверждается. Оно есть определенное логическое средство-основание мысли, используемое, применительно и к самому себе. То же надо сказать и о различии («различие» и «разность» мы здесь употребляем в тождественном смысле, поскольку в данном случае нет нужды в их различении); и отрицание различия использует различие; не только использует, но и создает его; отрицание создает различие (более того, отрицание создает противоречие). Для мысли оно является определенным необходимым объективным средством.

Логическое невозможно без тождества и различия. Тожество есть основание аналитичности логического; без тождества невозможна последовательность или необходимая связь в умозаключении; именно тождество делает возможным необходимое выведение нечто из другого нечто. Но необходимое выведение нечто из отличного от него, уже есть синтетичность (содержащая в себе аналитичность, которая не существует без различия); различие есть определенная основа для синтетического. Логическое, которое опирается и содержит в себе как тождество так и различие, является единством аналитического и синтетического (как это будет показано ниже). Это означает и то, что для логического необходимо единство тождества и различия (мы этого специально коснемся при рассмотрении законов логики).

Следовательно, различие и тождество не только логические категории, но, и это для нас главное, — также и категории логического. Иначе и не может быть, поскольку различие есть определенная

отрицательность в тождественном; тождество же есть то, чем нечто есть то что не есть другое. Обе категории подразумевают друг друга и являются совершенно определенными определениями отношения нечто к самому себе.

§ 13. Утверждение и отрицание

Как было сказано, различие создается отрицанием. Можно сказать что отрицание и есть то, что создает различие. В определенном смысле, отрицание само есть различие и наоборот — различие есть отрицание, ибо различие означает, что нечто, не есть другое нечто (как это было впервые выяснено Платоном в диалоге «Софист»).

Но отрицанием предполагается утверждение, некое полагание, положенность, утвержденность нечто, некая положительность, ибо отрицание возможно только как отрицание нечто, именно положительного нечто. Если отрицание не есть отрицание нечто, как чего-то положительного, то оно — именно в силу несуществования отрицаемого — невозможно, неосуществимо.

Нельзя игнорировать утверждение, поскольку можно отрицать именно нечто, а не ничто. Более того, отрицанием утверждения полагается утверждение, как нечто положительное, так как: 1) отрицание с необходимостью предполагает нечто отрицаемое; 2) отрицание само есть форма полагания, элемент доказательства, выполняющий какую-то положительную роль; 3) если бы отрицание своеобразно не полагало какую-то положительность, то было бы невозможно отрицательное суждение, как определенное единство, одна определенная мысль, определенная связь субъекта с предикатом. Следовательно, невозможно игнорирование утверждения, поскольку отрицание с необходимостью подразумевает это последнее. Это подразумевание состоит из двух моментов: 1) отрицание есть отрицание чего-либо, 2) отрицание есть какое-то полагание.

С другой стороны невозможно отвергнуть отрицание, поскольку это отрицание есть полагание самого себя.

Существует двоякое отрицание: 1) внешнее отрицание; это отрицание другого, например, обыкновенное формально-логическое отрицание есть отрицание чего-то другого; скажем, суждение «человек не есть четвероногое животное» отрицает четвероногость человека, как чуждый ему признак; 2) внутреннее отрицание; отрицание, которое совершается в едином; это определенное отрицание самого себя, относительное самоотрицание, отрицательность в чем-либо; таково, например, отрицание, содержащееся в утвердительно-синтетическом суждении и именно заключающееся в различии между элементами синтетического (без различия ведь невозможен синтез? Синтез есть только синтез различных).

Следовательно, мы должны отличить друг от друга абсолютное и относительное отрицание, чистое отрицание и отрицание, с необходимостью подразумевающее положительное. Итак, отрицание есть: 1) абсолютное отрицание; это отрицание другого, его исключение и упразднение. В формальной, логике оно обозначается символом «не-А», и понимается двояко: а) не-А как упразднение А, б) все то, что не есть А. Для такого понимания отрицания существенны два момента: а) множественность явлений и б) субъект, именно рассуждающий субъект. Действие этого последнего является чем-то случайным, так как исключение производит он, а не подобное исключаемому, определенное объективное нечто; поэтому отрицаемое и отрицающий расположены в разных плоскостях — одно в области объективного, а второй — в субъективной сфере. Но при логическом отрицании отрицаемое и отрицающее должны находиться в одной и той же плоскости, а именно, быть объективными-логически-объективными, в противном случае, отрицание не будет носить логического характера. Будучи расположены в одной объективной плоскости, и отрицаемое и отрицающее будут иметь определенный характер, тогда как в формальной логике, именно вследствие субъективного действия, не-А есть нечто неопределенное; оно, как было сказано, неопределенно также вследствие множественности явлений, подразумеваемых в не-А; например, не-белое может быть черным, или зеленым, или любым другим, а не каким-нибудь определенным цветом (это имеет место тогда, когда «не-А» понимается как «все, что не есть А»). 2) относительным, является такое отрицание, которое с необходимостью подразумевает положительность; это — отрицание, содержащееся в положительности. Как было сказано, впервые понятие такого отрицания было рассмотрено Платоном, выдвинувшим против абсолютного ничто Парменида понятие относительного ничто. Говоря просто, для Платона ничто есть различие; одно нечто есть то, что не есть другое; это есть ничто, небытие другого (например, стол есть ничто, небытие стула и т.д.); такое ничто, по мнению Платона, существует, есть. Это

ничто есть логический предмет; по выражению Платона, это такое ничто, на которое направлен наш разум, оно — предмет мысли; о нем, как о чем-то существующем, возможно суждение. Невозможно такое ничто, которое не было бы относительным.

Платон доказал и то, что невозможно абсолютное бытие, что для него необходимо нечто «иное». Также невозможно подлинное, в полном логическом смысле, существование» абсолютного «небытия», абсолютного отрицания. Поэтому можно сказать, что с логической точки зрения, существует только одно и единственное отрицание — относительное отрицание (ведь категории отрицательного и положительного относительны), а абсолютное отрицание является искусственным расширением относительного, обособлением-абстракцией отрицания от необходимого для него положительного момента. Не-А с необходимостью подразумевает А, без этого нельзя даже написать этот символ. С другой стороны, А есть нечто определенное благодаря не-А.

Полностью относительное отрицание реализуется в категориях именно тогда, когда отрицание одной категории есть вторая, и наоборот. Например, отрицание конечного есть бесконечное, и наоборот, отрицание частного есть общее, и наоборот и т.д. Отрицающее имеет также и признак положительности, оно больше, чем чистое отрицание. Эта «двузначность» существенна для диалектико-логического.

, Именно относительное отрицание действует внутри суждения, умозаключения и понятия. В силу этого, логическое имеет характер необходимого синтеза.

Поэтому мы и говорим, что отрицание необходимо в логическом. Логическое упразднение отрицания невозможно; более того — логическое отрицание отрицания есть его же полагание. Это значит, что отрицание (так же как и утверждение) есть категория логического; она рефлексивная, именно логически рефлексивная, категория.

Как раз такое отрицание и действует в синтетически-логическом, где полагание чего-либо невозможно без его внутреннего отрицания, того отрицания, которое создает определенность положительного.

Здесь шел разговор об отрицании, поскольку нужно было установить его как категорию логического. Вообще понятие отрицания будет более полно рассмотрено при рассмотрении законов логики.

§ 14. Противоположность

Противоположность есть развитое различие (Аристотель, Гегель). Если, как было сказано, различие есть отрицание, тогда и противоположность будет более развитым — своеобразно представленным отрицанием.

Каково же это отрицание? Надо сказать, что противоположность есть одностороннее отрицание, поскольку противоположностью чего-либо называется то, что отрицает его. Например, противоположностью общеутвердительного суждения является общеотрицательное, которое отрицает его. Отрицание общеутвердительного суждения возможно двояко — двумя суждениями — общеотрицательным и частноотрицательным. Противоположность имеется только в первом случае, поскольку, как известно, при ложности общеутвердительного суждения ложным может быть и общеотрицательное; оба они могут быть ложными, т.е. из истинности или ложности первого с необходимостью не вытекает истинность или ложность второго. Следовательно, при наличии противоположностей мы имеем одностороннее, а не двустороннее, не взаимное отрицание. Только при истинности одного имеем ложность второго, но не наоборот — из ложности одного не вытекает истинность второго.

Это так потому, что при противоположности имеется одностороннее отрицание. Но это отрицание есть: 1) излишне расширенное отрицание; для отрицания общеутвердительного суждения достаточно частноотрицательное; общеотрицательное суждение производит излишнее отрицание, такое, что его (суждения) ложность не может установить истинности именно противоположного. Например, если суждение «некоторые люди не имеют белой кожи» является истинным, то этого достаточно для доказательства того, что общеутвердительное суждение — «все люди имеют белую кожу» — является ложным. Общеотрицательное суждение — «ни один человек не имеет белой кожи» — является излишне расширенным отрицанием; 2) при противоположности имеется допущение чего-то излишнего; например, противоположность белого есть черное, но оно не только отрицание белого, но и имеет лишний положительный признак (как было сказано, это обстоятельство даже необходимо в случае относительного

отрицания, т.е. когда и отрицающее является объективным, но это будет иметь место и будет оправдано тогда, когда противоположность равна противоречию, что, как это мы увидим ниже, имеет место в категориях). Когда противоположность отличается от противоречия, рассматривается отдельно от других категорий, напр., от противоречия, тогда имеется и должно иметь место нечто излишнее для отрицания, что создает его односторонность и делает невозможным двустороннее отрицание.

Противоположность есть нечто такое, что противоположности должны находиться в одном; как говорят, у них должен быть один «род»; в основе противоположности лежит одна мысль, которая и делает возможным противоположение. Противоположность нельзя делить на два «предмета», в противном случае: 1) не будет противоположения, или 2) будут два противоположения; и одна сторона противоположности будет противоположением, если в ней остался какой-нибудь признак своей противоположности. Поэтому можно сказать, что для противоположности необходимо какое-то единство, а не только род, поскольку не только для противоположностей должно быть необходимым единство, но и наоборот — для единства должны быть необходимыми противоположности, тогда как для рода специфические признаки видов не необходимы, излишни.

Поскольку противоположность должна быть необходимой для единства, так же как и наоборот, поэтому нужно отметить, что противоположность является противоположностью самой себе. Также, как тождество есть тождество чего-либо самому себе, так и различие и противоположность есть различие от самого себя и противоположение самому себе. Эта есть внутренняя противоположность, выполненная на основании внутреннего отрицания. Внутреннее отрицание значит то, что нечто полагается его же отрицанием, в противном случае, отрицание не будет для этого нечто внутренним; так же обстоит дело и в отношении внутреннего различия.

Но полагание чего-либо внутренним отрицанием — противоположность самому себе, — осуществится в противоположности только тогда, когда эта последняя будет понята как противоречие. Оно так и есть: противоположность самому себе есть противоречие¹. Противоположность, как одностороннее отрицание, не есть противоречие, поскольку противоречие есть взаимное отрицание; но одностороннее отрицание является необходимым моментом двустороннего отрицания — отрицания самого себя, которое утверждает его же. Поэтому противоположность подчиняется противоречию, подлежит его природе, т.е. обе они являются категориями логического, природа которого яснее видна в противоречии, чем в противоположности; но эта их природа в сущности одна.

Невозможно, чтобы внутреннее различие, отрицание, противоположность или противоречие не были бы категориями логического, поскольку их отрицание утверждает их же. Отрицание создает и полагает различие и противоположность, поскольку именно отрицание и есть их сущность. Логическое отрицание противоположности невозможно, поскольку именно отрицание полагает противоположность. В противоположности отрицание не доходит до конца; до конца доведенное отрицание есть взаимоотрицание; но это уже больше, чем противоположность, это — противоречие.

§ 15. Противоречие

Противоречие есть взаимное отрицание, где истинность одного нечто есть ложность второго и наоборот, т.е. отрицание доведено до конца. Если в противоположности остается какое-то третье, то в противоречии третье исключено. Общеположительное суждение и частноотрицательное суждение являются противоречащими суждениями, т.е. истинность одного есть ложность второго и наоборот. Противоречие имеет только две стороны.

Противоречие, как таковое, есть одно. Как категория, оно тождественно себе; оно имеет одну и ту же природу, где бы оно ни было. Правда, противоречие в бытии и противоречие в мысли, реальное и логическое противоречие различаются друг от друга. Но в обоих случаях имеется именно противоречие. Противоречие, как категория, не есть где-нибудь, оно есть везде, точнее: оно одно везде, и это одно имеет одну и ту же природу. Если какое-нибудь противоречие в мысли является заблуждением, то нужно сказать и то, что противоречие как категория, как понятие, не является заблуждением. То, что из себя представляет противоречие, не может быть заблуждением. Именно на основании противоречия мы можем понять то, какое противоречие есть заблуждение. В логическом содержится и действует противоречие как таковое,

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1967, стр. 355.

как категория.

Поскольку в различии имеет место внутреннее отрицание, постольку противоречие имеется в синтетическом. В корне, — в сущности различия и синтеза имеется противоречие, поскольку в них действует внутреннее отрицание. Невозможна синтетичность без противоречия. Можно сказать, что противоречие не имеет места при аналитичности, поскольку здесь имеется тавтологичность, где должно действовать не противоречие, а невозможность противоречия, непротиворечие. Поэтому-то сторонники аналитичности логического отрицают его синтетичность и считают основным законом логики закон невозможности противоречия, совершенно исключают противоречие из логического, считая его заблуждением.

Но чистая тавтологичность — тождество — сама создает и есть противоречие, поскольку такое тождество есть ничего, ничто. Это обстоятельство лучше всего видно в доказательстве. Если доказуемое и доказывающее одно и то же, тогда ничего не доказывается. Поэтому и логическая аналитичность невозможна без противоречия.

Итак, надо сказать, что для логического необходимо внутреннее противоречие. Именно противоречивая действительность заставляет мысль, отражающую ее, быть противоречивой. Категория противоречия, по своему содержанию, является наибо́льшей, как для бытия, так и для мысли — для логического и для познания; но это не значит, что реальное противоречие и логическое противоречие — одно и то же. Между ними имеется существенное различие, поскольку в одном случае имеется противоречие между предметами, а в другом — между мыслями, например, противоречие между суждениями и противоречие, содержащееся в самом суждении. Действие существующих в реальных предметах противоречивых сил и суждение, как противоречие утверждения и отрицания, ясно, не одно и то же, но, как было сказано, противоречие везде есть именно противоречие; Возможно только одно правильное определение понятия противоречия.

В суждении противоречие необходимо, поскольку природа суждения (как это будет выяснено ниже) состоит в единстве утверждения и отрицания. Понятие есть результат суждения (это тоже будет выяснено ниже), умозаключение — определенное единство суждений. Поэтому противоречие действует во всех формах логического; но так, что ни одна форма логического не является голым противоречием; в таком случае эти формы были бы невозможны. Противоречие возможно на основании единства. Во всех формах логического действует единство противоречия (как это будет доказано в последующем), а не только противоречие. Чистое противоречие есть взаимное упразднение, т.е. оно невозможно, представляет невозможность. Противоречие, которое существует, имеет основание; основание противоречия есть единство.

Правда, противоречие отличается, как было сказано, от противоположности, но в сфере категорий противоречие и противоположность одно и то же. Конечное и бесконечное создают противоположность, но неконечное есть бесконечное, и наоборот. Также частное и общее противоположные категории, но нечастное есть общее, и наоборот. Уже отсюда видно, что в логике категорий не может не действовать внутреннее противоречие.

Внутреннее противоречие означает, что в нечто имеется внутреннее отрицание; это есть противоречие, как самоотрицание. Противоречие только тогда имеет место, когда нечто является противоречащим в отношении себя. Противоречие является категорией отношения только к самому себе, поэтому противоречие должно иметь абсолютный характер.

Абсолютность противоречия для логического логически доказывается опять-же посредством отрицания. Противоречие абсолютно, поскольку невозможно его логическое отрицание; отрицание само создает противоречие; отрицание есть полагание противоречия, поэтому и говорим, что противоречие имеет рефлексивную природу; оно есть категория логического.

§ 16. Единство

Как было уже сказано, противоречие невозможно без единства; где действует противоречие, там действует и единство.

Существует категория единства (в логику ее ввел Кант). Единство есть общее, для которого необходимы различенные. Этим отличается оно от рода, для которого различенные не только не необходимы, но и совершенно излишние (специфические признаки вида). Напр., производство, как

единство его моментов, есть единство, для которого необходимо потребление, распределение и т.д. Общее как род является необходимым условием различия, это тем более относится к единству. Единство является необходимым основанием не только различия, но и, как было сказано, противоречия. Единство есть единое и тождественное в различии-противоположности-противоречии; без единства нет ничего.

Это тем более относится к логическому. Без единства логическая мысль невозможна. Понятие есть единство его признаков, оно есть одна неделимая мысль о сущности предмета. Суждение тоже является единством различных; оно одна неделимая мысль, хотя у него есть моменты в виде субъекта и предиката. Таковы и умозаключение и доказательство. Система, например, доказательства заключается именно в единстве. Без единства невозможна логическая необходимость. Тождество, содержащее различие, является единством. Логический синтез невозможен без необходимого единства.

Единство есть необходимее условие или основание как существования предмета, так и мысли. Платон в своем произведении «Парменид» показал, что допущение абсолютного единого влечет за собою отрицание всего, в том числе и самого единого; невозможно также и абсолютное отрицание единого, с необходимостью существует и единое и «иное», т.е. необходимо признание относительного единого. Такое необходимое единство бытия и мысли для Аристотеля есть «форма формы», для Спинозы — субстанция, для Лейбница — монада, для Гегеля — абсолютное и пр. Впервые в логику, именно, в теоретико-познавательную («трансцендентальную») логику категорию единства внес Кант, для которого она есть способ, форма общего суждения. Это единство Гегель, в конечном счете, представил в виде понятия, как всеобщности. И в самом деле, категория единства является важной категорией в диалектике, поскольку «ядро» диалектики состоит именно в единстве противоречия; признание голого противоречия без единства невозможно.

Мышление, с логической точки зрения, есть необходимое единство; это определенная неразрывность, например, неразрывность противоречия, как его необходимость, впервые обоснованная в «Антиномиях» Канта как отрицательная диалектика, и осуществленная Гегелем в виде положительной диалектики в единстве категорий (это понимание оказало большое влияние на Когена); например, количество есть единство прерывности и непрерывности. По определению В. И. Ленина, движение есть единство прерывности и непрерывности времени и пространства. Единство есть не только принцип непрерывности, но и принцип прерывности, поскольку в прерывности необходимо признание определенных непрерывных единиц.

Невозможно логическое упразднение единства, поскольку это отрицание само должно быть единым. Единство есть объективное средство в отношении всего и в отношении самого себя. Отрицание единства своеобразно утверждает его же, его необходимость, т.е. доказывает его. Поэтому эта категория является логически рефлексивной. Она есть и логическая категория и категория логического.

§ 17. Противоречие и единство

Противоречие и единство находятся в неразрывном единстве и единство противоречия само есть категория. Единство категорий — новая категория. Противоречие одно (как категория), она одна категория. Единство предполагает различие, сущность которого есть отрицание и поэтому и противоречие. Единство с необходимостью подразумевает противоречие. Противоречие состоит только из двух сторон, третья исключена; каждая из этих сторон, ясно, одна. Противоречие, без одного и единства, невозможно.

Противоречие возможно только на основе единого и единства: единство не нивелирует и не упраздняет противоречия (как это обычно понимается). Наоборот, единство выявляет противоречие в его полноте. Развитие предмета обуславливает наличие разных противоречий (напр., противоречия капитализма антагонистические, при социализме — неантагонистические, хотя противоречия все-таки существуют; развитие невозможно без внутреннего противоречия). Таково и единство. Для различных противоречий необходимы разные единства и наоборот. Нельзя сказать, что единство меняется, а противоречие остается тем же, и якобы так и надо понимать абсолютность противоречия и относительность единства. Такая мысль оторвала бы противоречие и единство друг от друга и была бы ошибочной. Единство относительно и противоречие абсолютно, только как движение и его момент — покой (В. И. Ленин); движение абсолютно, а покой относителен, но покой является необходимым моментом движения, без покоя невозможно и движение. Движение абсолютно не без покоя, но как содержащее покой. Следовательно, полностью представленное абсолютное есть единство противоречащих, а не голое противоречие, которое

не может иметь места.

Единство не есть третья сторона, похожая на стороны противоречия: нет, противоречие исключает третье. Единство противоречия есть тождественное, содержащееся в противоречащих сторонах, для которого (тождественного) необходимы специфические «признаки» сторон противоречия. Не только противоречие невозможно без единства, но и наоборот, единство невозможно без противоречия, поскольку это единство есть именно единство противоречия, содержащееся в противоречии определенное тождественное. Разрешение определенного противоречия возможно потому, что противоречие само имеет место на определенной основе.

Противоположение единства и противоречия является ошибкой; в случае допущения такой противоположности нужно было бы новое единство и т.д. до бесконечности, что представляет невозможность. Противоречие само содержит единство, а не стоит за этим единством. Единство значит то (как это будет выяснено в последующем), что одна из противоречащих сторон, в силу своей природы, переходит во вторую. Общее, в силу своей природы, переходит в частное, поскольку общее, взятое отдельно, есть частное; и частное абсолютно, имеет значение общего, если мы представим его без общего и т.д.

Противоречие исключает третье, как предикат. Определенный субъект может иметь какой-нибудь предикат, или противоположный ему, третье исключено. Не может быть, чтобы нечто не было ни красным, ни не красным, поскольку в не красном подразумеваются все цвета, кроме красного. Нечто не может не быть ни частным, ни общим, поскольку третьего нет. Правда, противоречие исключает третье, как предикат, но опирается на «третье», как на основание. Как это мы выясним ниже, положение: «нечто есть или А или не-А» само содержит третье, как субъект («нечто»). Это «третье» как субъект, ясно, не такой природы, как стороны противоречия; как мы выясним ниже, это «третье» имеет природу бесконечности, а сторона противоречия является конечной.

Здесь для нас достаточно указания на то, что понятие-категория единства противоречия, подобно другим философским категориям, есть логическая категория; но она есть также и категория логического, поскольку отрицание единства противоречия опирается на само это единство; оно имеет абсолютный характер.

§ 18. Бытие и ничто в логическом

Всем известно, что категории бытия и ничто являются категориями онтологии, но вопреки большинству логиков нужно отметить, что эти категории, именно как общеполитические категории, действуют и в логическом, где они приобретают специфичность и представлены как категории логического (а не только как логические категории). Например, бытие и ничто действуют и существуют в суждении в виде копулы — «есть» и «не есть», как именно логические элементы суждения. Здесь мы имеем дело с формой существования в логическом (что и было основной проблемой, например, философии Риккерта).

Сказанное здесь не означает непременно, что копула якобы может иметь только экзистенциальное значение; нет, но и тогда, когда копула «есть» не имеет экзистенциального значения, суждение целиком все-таки подразумевает существование-действительное или возможное. Как известно, логически возможно все то, что можно мыслить и что не упраздняет само себя; суждение не нуждается в большем существовании. Если мы скажем, что суждение не подразумевает объективного существования, что возможно суждение и об объективно несуществующем, то мы все-таки должны признать, и мы вынуждены это признать, что логическое существование для суждения необходимо. Само логическое, как было сказано, является своеобразно объективным. В то же время, логическим существованием обладает все, что можно мыслить, что может быть логическим предметом. Правда, это существование своеобразно (иначе и не может быть), но оно все-таки есть существование. Отрицание существования в логическом невозможно, поскольку, в таком случае, будет же ведь существовать само отрицание?

Существование — как категория — в сущности одно и то же, несмотря на то, где оно имеет место. Существуют как объективный, так и логический предметы; не может быть, чтобы предмет логики не существовал; предмет логики не есть несуществующее. Предмет логики, правда, не существует в объективной материальной действительности, но несомненно, имеет своеобразное существование.

Бытие есть не только предмет онтологии, а и логики, но лишь постольку, поскольку логическое

объективно именно из-за бытия. Бытие, как объективное, перешедшее в логическое, как бытие, представленное в логической форме, есть предмет логики. Но и ничто является логическим предметом, оно существует и логически. Эту мысль, впервые в истории диалектики, обосновал Платон (необоснованно она была и у Гераклита). Как было сказано, с точки зрения Платона, ничто есть, существует как различие; но он же определенно показал, что ничто есть, ничто существует как предмет мысли; оно является также и логическим предметом. Поскольку «ничто» есть как в бытии, так и в мысли, постольку это «ничто» относительно, а не абсолютно (в последующем эта мысль была полностью использована в диалектике Гегеля)...

Надо отметить, что, в определенном смысле, бытие есть ничто и наоборот: 1) как крайне абстрактные (отождествление существования и несуществования конкретного предмета представляет нелепость); пустое бытие есть ничто и наоборот (как это показал Гегель); здесь эти понятия имеют относительное, а не абсолютное значение; 2) это обстоятельство имеет смысл, только тогда, если бытие и ничто будут представлены как: моменты становления, как моменты возникновения и уничтожения; переход бытия в ничто, и наоборот, «мест место в возникновении и уничтожении»; 3) бытие и ничто тождественны поскольку ничто есть, существует логически, т.е. поскольку оно — логический предмет.

Абсолютное бытие и ничто исключают друг друга, как это было показано Парменидом и Платоном. Но этим стало очевидным и то (как это впервые показал Платон), что абсолютное бытие есть то же ничто; абсолютное бытие, в силу своей природы, переходит в (и есть) ничто. Это первым (исторически) доказал Горгий, говоря, что ничто не существует: это положение он выводил именно из парменидовского понятия бытия. Парменид утверждал, что бытие — не множество, что оно не изменяется и т.п. Перечислением отрицательных предикатов, т.е. вычитанием всех положительных предикатов, бытие превратилось в ничто, тогда как Парменид считал нелепостью существование небытия.

Определения бытия и ничто, как категорий, есть установление их первичности и вторичности в отношении друг друга. Первичное есть бытие, которое дает смысл ничто, и наоборот, понятие бытия возможно в противоположении к понятию ничто, но господствующим (по выражению Маркса «охватывающим») является бытие. «Ничто», как «не бытие», уже невозможно без бытия и в том смысле, что «небытие» формально содержит и бытие; невозможно было бы написать «небытие», если бы в нем не было бытия; следовательно, ничто, существенно и формально, есть относительное понятие; ничто есть относительное ничто.

Существование не входит в понятие, как его признак (как это утверждал Кант); поэтому и был ложным онтологический аргумент Ансельма, использованный им с целью доказательства бытия божия; но понятие всей действительности содержит в себе и признак существования; главным признаком действительности является именно признак объективного существования. Существование, как наибо́льшее (содержание категорий), не может не входить в какой-то форме во все. Невозможно отрицание существования действительности, поскольку, в противном случае, ведь должно же существовать само это отрицание? Невозможно логическое отрицание логического, поскольку это отрицание само будет логической категорией или операцией. Постольку существование содержится и в логическом; есть и логическое существование — логическое бытие и ничто.

Бытие и ничто являются онтологическими основаниями утверждения и отрицания, логической положительности и отрицательности; но бытие и ничто своеобразно действуют в логическом — в суждении, как «есть» и «не есть».

Отрицание бытия невозможно, поскольку, в таком случае, ведь есть же это отрицание? Невозможно отрицание и ничто, поскольку ведь само это отрицание будет ничто? Итак, отрицание бытия утверждает его же, и отрицание ничто утверждает его же. Следовательно, бытие и ничто как действующие в логическом, являются не только логическими категориями, но и категориями логического.

§ 19. Относительное и абсолютное

Как мы видели, во взаимоотношениях противоречия и единства и бытия и ничто, имеет место взаимоотношение относительного и абсолютного. Поэтому следует сказать, что там, где действуют первые две пары категорий, действуют и эти последние. Относительное и абсолютное являются как категориями онтологии, так и категориями логики. Они суть и логические категории и категории логического.

Различие релятивного и абсолютного само релятивно (В. И. Ленин). Это так, поскольку понятия

релятивного и абсолютного — относительные понятия: релятивному дает смысл абсолютное и наоборот — абсолютное таково в отношении к релятивному. Эти понятия в отношении друг к другу являются противоположными понятиями, но они неотрывны друг от друга, т.е. находятся в необходимом единстве. Нечто или относительно или абсолютно, третье исключено, но «третьим» должно быть их единство. Если относительное и абсолютное имеют смысл только в отношении друг к другу и если в этом отношении не существует третьего относительного, то надо сказать, что: 1) абсолютное, противопоставленное относительному, само есть относительное, и 2) единство этих двух относительных будет уже не относительным, оно будет абсолютным. Или точнее: в единстве релятивного и абсолютного господствующим будет абсолютное; поэтому надо сказать, что абсолютное есть единство этих двух относительных.

Ошибочна (является софистикой) мысль, якобы релятивное есть только релятивное, исключаящее абсолютное (В. И. Ленин); нет, релятивное не есть только релятивное, «в релятивном есть абсолютное»². Если релятивное оторвать от абсолютного, то само релятивное будет абсолютным. Поэтому релятивизм впадает в безвыходное противоречие и упраздняет сам себя. Здесь ясно видна необходимость абсолютного для относительного. Вместе с отрицательной диалектикой выявляется необходимость положительной диалектики.

Абсолютное, как содержащее в себе относительное, не может не быть абсолютным. Относительное тоже содержит в себе абсолютное, как зерно. Например, относительная истина только тогда есть истина, если она содержит в себе зерно абсолютной истины (В. И. Ленин).

Относительное есть односторонность или момент, сторона абсолютного. Абсолютное есть единство относительных в том случае, если это две стороны противоречия. Одна сторона противоречия является относительной, а единство противоречия — абсолютным. Производство есть абсолютное, а его моменты являются относительными. Суждение есть релятивное, оно одна сторона единства противоречия; например, «частное есть общее» и «частное не есть общее» суть односторонности единства частного и общего, которое является абсолютным.

Суждение, как одна сторона умозаключения, не может не быть релятивным; это справедливо и в отношении моментов суждения; они представляют односторонности суждения. Но, как мы это докажем ниже, есть такое умозаключение, которое представляет собой полную опосредствованную связь и которое имеет абсолютный характер в отношении своих односторонностей. В дальнейшем мы покажем и то, что абстрактное общее есть односторонность конкретного общего. Каждое одностороннее есть релятивное. А абсолютное есть единство определенных односторонностей.

Для нас здесь достаточно отметить, что: 1) отрицание абсолютного невозможно, поскольку, в таком случае, это отрицание будет абсолютным; поэтому отрицание абсолютного утверждает его же; 2) и отрицание относительного превращает абсолютное в относительное, поскольку оно окажется оторванным от относительного, и абсолютное, противопоставленное ему, снимает само себя. Следовательно, и отрицание релятивного утверждает его же. Итак, эти категории являются категориями логического.

§ 20. Условное и безусловное

Из природы абсолютного и относительного прямо вытекает характер условного и безусловного, как категорий. Мы здесь удовлетворимся только следующим. Условное есть то, что основано на ином, что имеет иное в качестве своего условия: 1) то явление считается обусловленным, которое имеет внешнюю причину-условие; 2) заключение (вывод) считается обусловленным, поскольку оно есть заключение именно из основания-предпосылок; тезис обусловлен основанием; всякая односторонность, часть обусловлены целым и т.д. Безусловное же есть то, что основано на самом себе. Например, целиком взятое логическое, т.е. логическое как таковое, не может логически основываться на другом; у логического нет другого логического основания. Логическое обусловлено реальным. Реальное не может быть логическим основанием логического, в противном случае получилось бы тождество реального с логическим, т.е. идеалистическая ошибка. С другой стороны, если для логического требовалось бы другое логическое основание, тогда и для последнего потребовалось бы иное логическое основание и т.д., что невозможно. Следовательно, необходимо признание логического, как основания самого себя.

² В. И. Ленин, Соч., т. 38, изд. четвертое, стр. 358.

Что представляет собой безусловное логическое, об этом разговор будет ниже. Здесь мы отметим только то, что безусловное есть единство условного и безусловного, где безусловное является господствующим моментом. Отрицание условного, категориально, дает безусловное, но такое безусловное не является более безусловным, поскольку ему не достает условного, противоположение с которым (совершаемое посредством отрицания) превращает его в обусловленное. Этот переход в противоположное полагает необходимость последнего. В определенном смысле, условное есть то, что утверждается или отрицается другим, но невозможно упразднение условного, как категории, оно необходимо, поскольку его отрицание дает безусловное; такое отрицание само есть определенное условие безусловного. Сказанное здесь означает и то, что само обусловленное должно содержать и безусловное, в противном случае не было бы категории безусловного, оно не было бы необходимым.

Невозможно и игнорирование безусловного, поскольку оно, это игнорирование, было бы сильнее безусловного, т.е. само было бы безусловным. Но отрицание заранее подразумевает отрицаемое, как какое-то положительное, поэтому выходит обусловленным и само это отрицание.

Следовательно, условное и безусловное с необходимостью требуют друг друга в их единстве. Эти категории посредством друг друга утверждают сами себя, т.е. являются категориями логического.

§ 21. Частное и общее

Частное и общее здесь будут рассмотрены как категории логического (полнее они будут охарактеризованы позже). Эти категории существенны для логического, поскольку: 1) на эти категории опираются известные логические методы и соответствующие умозаключения: индукция, дедукция, редукция. Индукция — метод получения общего из частного, дедукция, наоборот — получение частного из общего; а редукция сведение частного, как следствия, к основанию; 2) каждое суждение, в сущности, есть единство частного и общего; 3) поэтому умозаключение и доказательство опираются на связь категорий частного и общего (ведь и связь частного с частным есть: а) применение этой категории, и б) эта связь не может не быть общей, единой для различающихся); 4) ведь понятие, в силу своей природы, есть общее. И понятие единичного является своеобразным общим, поскольку оно может быть необходимым единством существенных моментов единичного.

Категории частного и общего являются категориями онтологии, гносеологии и логики, поэтому они представляют собой категории своеобразной первой философии — диалектической логики.

Невозможно отрицание частного, поскольку то, что получится в результате отрицания, будет частным (например, отдельно представленное, общее будет отдельным, частным)... Поэтому отрицание частного (посредством общего) утверждает опять-же частное. Невозможно и отрицание общего, поскольку: 1) частное, полученное в результате этого отрицания, будет единственным, абсолютным, т.е. общим; 2) само это отрицание будет носить характер общности, это отрицание само будет общим. Поэтому отрицание общего утверждает опять-же общее (через частное). Поскольку обе эти категории являются рефлексивными. Настоящее общее есть единство частного и общего. Следовательно, эти категории — категории логического.

§ 22. Сущность и явление в логическом

Как известно, категории сущности и явления представляют собой категории метафизики, а именно, онтологии сущности; но, несмотря на это, они применяются и должны применяться и в логике, поскольку у всего есть сущность, т.е. то, что оно есть; сущность имеется и у несущественных признаков, например, у цвета; сущность имеется у суждения, умозаключения и доказательства, — у всего, определение чего, т.е. понятие чего возможно; определением устанавливаются понятия всего, в частности понятия логического и его форм. По Аристотелю, дефиниция есть установление знания сущности-понятия; такое понятие устанавливается и о несущественном. Закон вообще есть категория сущности; таков и закон логического, который осуществляется в понятиях, суждениях и умозаключениях, как в формах мысли. Сущность, есть объясняющее, явление — объясняемое. Сущность есть то, что именно есть это, явление — каково оно; сущность есть отношение к самому себе, явление — ее одна сторона.

Поскольку сущность есть то, что представляет собой нечто, постольку с точки зрения понятия она есть и категория логического. Сущность в сфере логики не есть нечто мистическое, подобное «усии»

Аристотеля; нет, она есть именно содержание понятия. Понятия сущности и явления могут быть заменены в логике понятиями общего и частного, но ведь и у этих понятий есть сущность? Поэтому в логике нельзя избежать понятия сущности; постольку необходимо и понятие явления. Сущность и явление — понятия наиобщие и поэтому они действуют и в сфере логического.

Отрицание сущности невозможно, так как и результат этого отрицания будет иметь сущность, т.е. то, что он есть. Поэтому отрицание сущности есть в то же время и отрицание явления (что и ставит эмпиризм и позитивизм в безвыходное положение). Результат отрицания сущности сам имеет сущность, т.е. отрицанием сущности утверждается ее же необходимость. То же относится и к явлению. Невозможно и его отрицание, так как и сущность, полученная в результате такого отрицания, будет явлением; общее, полученное путем отрицания частного, есть опять-таки частное, отдельное. Отрицание явления делает очевидным его необходимость. Явление есть односторонность, частное, а сущность — единство частных, их полнота; сущность есть не совокупность односторонностей, а их единый корень.

§ 23. Форма и содержание

Понятия формы и содержания являются категориями метафизики, именно, онтологии сущности, но представляют собой также логические категории и категории логического. Вообще, содержание есть единство элементов, а форма — способ этого единства; этот способ может иметь смысл закона. Так же обстоит дело и в сфере логического.

Суждение есть форма мысли — определенный способ единства его элементов (субъект, предикат); это — единство, выполненное способом утверждения-отрицания. Таковы все виды суждения. То же можно сказать и об умозаключении, доказательстве. Понятие есть определенная форма, а именно, общность, полученная в результате суждения и умозаключения. Оно — общая мысль умозаключения (как это будет показано ниже — при рассмотрении форм мысли). Логика есть наука об этих формах мысли, как о формах, имеющих определенное содержание.

Логика изучает формы мысли. Это не значит, что якобы эти формы не имеют содержания. Логика абстрагируется от эмпирического содержания, но не от содержания вообще, и в частности, от логического содержания. Хотя математическая логика стремится к тому, чтобы освободиться вообще от содержания; на это стремление указывает формализация, аксиоматизация логики, сведение всего к символам и их комбинациям. Но именно поэтому и нужны ей мета и метаметафизика, разложение единства логики, что и представляет ошибку.

У логической формы есть собственное содержание (Гегель, Маркс) — то, чем является форма, например, суждение, понятие или умозаключение. Всякое, в частности логическое различие, есть содержание. Множественность аксиом, разнообразие логических форм и есть содержание логического и логики. Даже символ, отвлеченный от содержания, имеет какое-то содержание; вне содержания есть пустота, а не определенная форма. Форма не что иное, как определенность содержания.

Логические формы взаимосвязываются именно вследствие собственного содержания. Поэтому и возможна их логически необходимая связь, именно: 1) диалектика, развитие в мысли, имеющая смысл развития связь форм мысли; 2) вследствие этого — тождество теории познания и логики (в последующем эти вопросы будут рассмотрены специально). Отрицание содержания невозможно, поскольку и само отрицание и то, что останется в результате этого отрицания, будут иметь какое-то содержание. Отрицание содержания делает очевидным его необходимость. Невозможно и отрицание формы, поскольку отрицание само есть определенная форма, и отрицаемое тоже будет иметь какую-нибудь определенную форму. Так что отрицание формы утверждает, показывает ее же необходимость. Следовательно, категории формы и содержания имеют рефлексивную природу; они являются и категориями логического. Категории, формы и содержания применяются ко всему, в том числе и к самим себе.

§ 24. Основание и следствие

Различают друг от друга реальные и логические основания и следствия. Это свидетельствует о том, что существуют общие для них категории — категории основания и следствия, применяемые также и в сфере логического. Для логики существенно именно отношение логических основания и следствия, их связь, необходимое единство (отношение основания-следствия не есть импликация и не сводится к «или-

или» — к разделительному предложению, как это имеет место в математической логике). 50

Главное для логики — осново-следственная связь, имеющая опосредствованный и с необходимостью осуществляемый характер. Например, в силлогизме нет опосредствования между основанием и следствием, поскольку из основания (где находится средний термин) следствие выводится непосредственно (об этом ниже). Опосредствованная связь основания и следствия должна быть более полной, чем силлогистическая необходимая связь.

Основание, следствие и их взаимоотношение могут быть представлены по разному.

1. В виде аналитического отношения, где следствие заранее подразумевается и существует в основании: выводение здесь имеет тавтологический, чисто тождественный характер; таков силлогизм, операции в математической логике и др.;

2. В виде такого синтетического отношения, когда из основания с необходимостью получается отличное от него следствие: например, переходы различных категорий, как это имеет место в «Логике» Гегеля, в «Капитале» Маркса («Силлогизм» Маркса, представленный — во Введении «К критике политической экономии» — следующим образом: производство-распределение-обмен-потребление и др.). Эти переходы будут рассмотрены ниже;

3. В виде необходимого получения противоположной категории: а) основание таково для противоположного ему следствия, например, конечное: переходит в бесконечное, и наоборот, посредством отрицания, также — частное в общее и т.д.; б) следствие также с необходимостью переходит в свою противоположность — в основание (те же примеры); в) т.е. каждая из противоположностей является как основанием, так и следствием, но в разном смысле. Отмеченное здесь возможно в логическом, имеющем самооснование, и через его посредство.

4. В виде самооснования, в отношений самооснования, где нечто есть как основание, так и следствие самого себя; например, отрицание отрицания есть отрицание, утверждение отрицания отрицанием отрицания; так обстоит дело и в отношении всех категорий логического. Самооснование имеет место в каждой логической рефлексии (понятие самооснования будет полнее рассмотрено при анализе бесконечного умозаключения).

Вышесказанное может быть изложено следующим образом: существует основание: 1) конечное: а) одностороннее, б) двустороннее (обратимое); 2) безусловное-бесконечное (самооснование). Как выяснится к последующему, самооснование не тавтологично, поскольку оно получен» внутренним отрицанием (примеры: получение категорий логического);, это — единство противоположностей, логическая рефлексивность. В самоосновании основание и следствие используются в отношении самих себя, поэтому они являются категориями логического.

Отрицание основания невозможно, поскольку при этом само отрицание будет использовано как основание; отрицание следствия тоже невозможно, поскольку при осуществлении такого отрицания будем иметь дело именно с его следствием. Следовательно, эти категории с необходимостью используются и при их отрицании, т.е. они являются категориями логического.

§ 25. Суждение, умозаключение и понятие как категории

Можно сказать, что понятия суждения, умозаключения и понятия: исчерпывают сферу логического. Суждение, умозаключение и понятие будут рассмотрены ниже. Здесь мы скажем только то, что суждение, умозаключение и понятие являются не только логическими категориями, но и категориями логического; они, как логические формы, в то же время представляют собой и категории логического.

Понятие есть мысль о сущности предмета. Возможно столько понятий, сколько имеется предметных сущностей. Но понятие, как категория, есть только одно. Правильное определение понятия может быть только одно. Понятия, как понятия, не может быть больше одного. То же самое можно сказать и о суждении и умозаключении.

Логическая рефлексивность лучше всего видна в этих категориях; возможно и не создает трудностей понятие понятия, также и суждение о суждении. Отрицание понятия невозможно, поскольку такое отрицание само есть понятие. Невозможно также и отрицание суждения, поскольку отрицание суждения есть суждение. Вместе с тем, отрицание понятия утверждает понятие; отрицание суждения является утверждением суждения. Эти категории используются в отношении самих себя, они рефлексивны, т.е. представляют категории логического (а не только логические категории).

Труднее представить, как может быть категорией логического умозаключение. Как может быть умозаключением отрицание умозаключения? Где здесь рефлексивность? Исчерпывающий ответ на этот вопрос может быть дан только после рассмотрения умозаключения; а здесь будет достаточным следующее: умозаключение мы должны понять как необходимую опосредствованную связь. Утверждение чего-либо его же отрицанием есть полная опосредствованная связь, полное умозаключение. Поэтому рефлексивность осуществлена в этом самом умозаключении. Если мы отрицаем умозаключение, тогда это отрицание, как мы это покажем ниже, имеет и другую сторону, именно, сторону утверждения. Отрицание чего-либо есть какое-то утверждение. Понятие отрицания подразумевает отрицаемое и отрицающее. Отрицание выполняет роль среднего понятия. Поэтому и отрицание опосредствованной связи будет не просто непосредственным, но непосредственным, содержащим отрицание, т.е. опять-таки опосредствованной связью, и в этом смысле, умозаключением. Если умозаключение состоит из суждений и понятий и если понятие и суждение являются категориями логического, то не может быть, чтобы и умозаключение, в еще более полном виде, не было рефлексивным, т.е. категорией логического. Невозможна логическая опосредствованность без отрицания. Как это будет выяснено в последующем, каждое умозаключение содержит момент отрицания. Невозможно отрицание того, что внутренне содержит в себе отрицание, так же, как и невозможно отрицание единства противоречия; это отрицание утверждает именно его же. Невозможность противоречащего тому, что содержит внутреннее отрицание, есть именно его утверждение.

§ 26. Необходимость

Известны различного рода необходимости: 1) реальная необходимость, необходимость в явлениях природы, 2) историческая необходимость в обществе и 3) логическая необходимость, необходимость в формах мысли, например, необходимость умозаключения. Но это не значит, что есть три необходимости, а не одна. Если бы даже было три необходимости, то все они представляли бы собой необходимость. Необходимость, как категория, возможна только одна, но ее проявления могут быть различными.

Вообще говоря, необходимость есть невозможность быть по-иному, Необходимость есть следование из сущности чего-либо; необходимое есть то, что вытекает из сущности явления (из сущности мысли вытекает необходимое для нее).

Невозможна необходимость без тождественного или тавтологического момента; если из одного с необходимостью вытекает другое, если между ними есть необходимая связь, то в них существует что-то тождественное, в противном случае, необходимость была бы исключена; но необходимость невозможна также и без различия. Необходимость состоит во взаимосвязи различающихся и только в получении различного. Повторение одного и того же лишает смысла необходимость. Именно синтетичность создает проблему необходимости. Без синтетичности вопрос о необходимости и не ставился бы.

Возможно различное понимание логической необходимости: 1) необходимость получения тождественного, что имеет место при аналитичности; 2) необходимость получения иного; это осуществляется в синтетичности; 3) необходимость утверждения самого себя посредством внутреннего отрицания; здесь имеется полное необходимое единство синтетичности и аналитичности (что будет исследовано в последующем). Первая необходимость есть формально-логическая необходимость, которая в полном виде определяется так: необходимое есть то, противоречащее чему невозможно. Но в таком определении прямо выражена необходимость косвенного, апагогического, а не прямого доказательства. Невозможность противоречащего какому-либо «нечто» доказывает именно его невозможность (на основании его внутренней противоречивости), но само «нечто» остается недоказанным, если не считать таким доказательством то обстоятельство, что оно остается в силу невозможности противоречащего ему. Оставаться же вне доказательства — значит оставаться недоказанным. Одним: словом, апагогическое доказательство, как известно, неполноценно. Необходимость, осуществленная в прямом доказательстве, должна быть более полной. Определение необходимости как невозможности противоречащего не высказывает этой полноты; полная логическая необходимость остается неопределенной.

Но если нечто с необходимостью таково потому, что невозможно противоречащее ему, то оно таково именно из-за этого — невозможности противоречащего. Невозможность противоречащего выступает основанием определенности нечто, имеющего и признак противоречащего. А это значит, что необходимо единство противоречия, т.е. полная необходимость должна быть необходимостью единства противоречия.

Но как и в чем осуществляется эта необходимость? Теперь, зная природу категории логического, ответить на этот вопрос не трудно. Это — необходимость категории логического, осуществляемая в утверждении чего-либо его же отрицанием (и равнозначная, как покажем это ниже, необходимости бесконечного умозаключения). Следовательно, существует полная логическая необходимость — необходимость категории логического — и односторонность этой необходимости, принимаемая формальной логикой за полную.

Говорят, что логическая необходимость осуществляется только в умозаключении, в суждении ей нет места. Если бы это было так, то суждение не было бы логической формой мысли, ибо логика имеет дело с необходимостью. Поскольку суждение есть одна сторона, момент умозаключения, постольку и в нем есть необходимость, хотя и неполная. Связка в суждении высказывает именно то, что субъект есть предикат. На первый взгляд эта такая необходимость, полнее которой и быть не может. В умозаключении оправдывается именно то, что высказано в суждении. В умозаключении полностью раскрывается необходимость, высказываемая связкой и, следовательно, необходимо имеющая место в суждении (полностью это будет охарактеризовано при рассмотрении суждения и умозаключения).

Сказать, что необходимость представлена в умозаключении полно, а в суждении неполно, вовсе не значит утверждать, что имеются высшая и низшая степени необходимости; нет, есть только одна логическая необходимость, которая может осуществиться-проявиться полно или неполно. В логической необходимости нет количественного различия. Если индуктивное умозаключение вероятно, то в нем не низшая степень необходимости, а она просто отсутствует. Логическая «вероятность» может быть как это будет выяснено ниже, только одним моментом применения противоречащего чему-либо в качестве основания последнего (т.е. моментом отрицательной диалектики).

Можно сказать, что необходимость есть то, отрицание чего невозможно (т.е. то, чего нельзя избежать). Это определение почти тождественно с вышеприведенным — необходимое есть то, противоречащее чему невозможно — но более полно и высказывает необходимость прямого доказательства. Однако лучше такое определение: необходимое есть то, отрицание чего утверждает его же (например, необходимость какой-нибудь категории логического). Из двух приведенных здесь определений первое подразумевается во втором, как его одна сторона. То, отрицание чего утверждает его же, является несомненно и тем, отрицание чего невозможно.

Такова сама необходимость. Невозможно отрицание необходимости. Если бы отрицание необходимости было возможно, то это отрицание являлось бы более сильной необходимостью, чем то, которую мы старались отрицать. Следовательно, категория необходимости рефлексивна, она есть категория логического.

§ 27. Конечное и бесконечное

Сказанное выше указывает на то, что и категории конечного и бесконечного должны иметь рефлексивный характер, должны быть категориями логического.

Конечное и бесконечное понимали как только категории метафизики; с нашей точки зрения, они являются как логическими, так и категориями логического. Если, например, у Гегеля конечное и бесконечное были категориями бытия, то мы понимаем их, как категории сущности, точнее, как категории сущности доказательства. Главное для нас — бесконечно логическое, понятие бесконечно логического, которое имеет смысл качества суждения; качество суждения приводит нас к понятию логической бесконечности.

Формальная логика основывает логическое на категории конечного. У Аристотеля конечное то же, что и определенное, а бесконечность есть неопределенность; конечное или определенное есть то, что не может быть иным, конечное есть «это, а не иное». Это выражается законом невозможности противоречия и самой логической необходимостью, логически необходимым, которое определяется так: необходимое есть то, противоречащее чему невозможно.

Конечное, как то, что есть «это, а не иное» непосредственно выражается суждением: «нечто есть это» является смыслом положительного суждения, «нечто не есть другое» — выражает природу отрицательного. Категория конечного является основанием, содержанием качества суждения. Можно сказать, что суждение представляет единственную форму конечно-логического. Поэтому логика, которая основывается только на категории конечного, есть логика суждения; такова формальная логика на

протяжении всей ее истории (это подтверждается сведением умозаключения к условному предложению у стоиков и в математической логике).

У конечно-логического есть две формы выражения: утверждение и отрицание. Онтологически конечное есть то, что зависит от другого, что имеет внешнюю причину и условие; такое условие тоже является конечным, поскольку оно, как именно условие, имеет смысл благодаря обусловленному. Природу конечного хорошо выражает Спиноза в определении модуса; для него конечным модусом является то, у чего имеется другое основание, то, что существует и мыслится посредством другого. Возможно такое определение конечного: конечное есть то, что утверждается или отрицается другим. Но отрицание чего-либо другим возможно только в том случае, если это нечто может быть отрицаемым; поэтому конечное есть то, что содержит отрицание внутри себя, т.е. то, что отрицается самим собою. Конечное есть то, внутреннее отрицание чего утверждает другое, превращает его в другое.

По Гегелю, конечное есть отрицание, то, что не совпадает со своим понятием, что отличается от своего понятия. Но понятие конечного не может не существовать, оно ведь категория? Поэтому конечное выражается именно своим понятием, в противном случае его бы и не было (Гегель противоречит самому себе, когда, с одной стороны, конечное понимает как отрицательность, как ничто, а бесконечное как все, и, с другой стороны, требует диалектического единства конечного и бесконечного).

Конечную природу имеют, например, «законы мышления», поскольку они недостаточны для логической необходимости и истины. Конечную природу имеет все старое логическое учение о суждении, умозаключении и доказательстве, основанное на этих законах.

Как это выяснится в последующем, потенциальное бесконечное — не настоящее бесконечное; оно отрицательное, а не положительное бесконечное (напр., ряд натуральных чисел, время, пространство и др.). Такова математическая бесконечность, но в математике было доказано и то, что бесконечное положительно и определяется положительно (бесконечно такое количество, которое эквивалентно какой-нибудь своей части). Гегель и Энгельс различали дурную и истинную бесконечности: бесконечный прогресс и единство конечного и бесконечного как бесконечное. Для Гегеля истинная бесконечность есть возвращение бесконечного прогресса к самому себе, а для Энгельса оно есть всеобщность — закон³. По Ленину, бесконечность вне конечного есть конечность, а не бесконечность⁴.

Можно сказать, что положительная бесконечность есть единство противоречия. Бесконечный прогресс движения и развития «схвачен» и выражен в законе единства противоречия, как в завершенном. В самом понятии бесконечного в завершенном виде представлен бесконечный процесс, у которого нет конца. Бесконечное есть охватывающее (*Übergreifende*, Маркс) в единстве конечного и неконечного. Бесконечное есть единство конечного и бесконечного.

Если бесконечное есть единство противоречия, тогда конечное будет его одной стороной; конечное есть то, что есть это, а не другое. Полное конечное есть то, что есть это, а не противоречащее ему. Противоречие исчерпывает природу конечного, поскольку состоит только из двух сторон и третья исключена.

Логически — в сфере логического — единство противоречий реализуется категориями логического (что представляется в виде бесконечного умозаключения, о котором пойдет речь в последующем). Бесконечное логическое есть то, отрицание чего утверждает его же, точнее, это есть утверждение чего-либо отрицанием его же. Если существует бесконечное логическое, то нужно сказать, что диалектическая логика есть логика бесконечно логического, — логика такого умозаключения.

Конечное есть одностороннее, а бесконечное — единство полных односторонних. Конечное есть невозможность противоречия; а бесконечное — единство противоречия. Если нет логической формы единства противоречия, тогда невозможна диалектическая логика, а если есть, тогда эта логика необходима.

Невозможно отрицание конечного, поскольку бесконечное, без конечного и в противоположении к нему, есть конечное (т.е. переходит в свою противоположность). Невозможно отрицание и бесконечного, поскольку, признавая только конечное, мы признаем его абсолютным. Итак, конечное и бесконечное — это такие категории, отрицание которых с необходимостью требует их же. Следовательно, конечное и бесконечное являются категориями логического.

³ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, 1953, стр. 186

⁴ В. И. Ленин, т. 38, изд. четвертое, стр. 100.

§ 28. Логика категорий

О логике категорий речь пойдет ниже, но здесь, при рассмотрении категорий логики, нужно сделать некоторые замечания, необходимые для обоснования диалектической логики как логики.

Формальная логика не содержит учения о категориях; а диалектическая логика, прежде всего, есть логика категорий. Вышерассмотренные категории не только применяются в логике, но логика, в первую очередь, является учением о них. Логика должна выяснить природу категорий логического и всё из них вытекающее. Если бы она только применяла их, а не рассматривала бы их природу, то она была бы не философской, а частной наукой.

Формальная логика рассматривает только некоторые понятия — именно, находящиеся в родовидовых отношениях, — но не изучает единичных понятий и категорий. Формально-логическое правило определения понятия — через указание ближайшего рода и специфического различия — имеет частный характер, поскольку оно применимо не ко всем понятиям, как напр. категориям. Категория определяется другим способом, изучаемым диалектической, а не формальной логикой. Определение категории есть установление ее места в системе — указание того, какая категория с необходимостью предшествует ей и какая следует за ней; категории определяются установлением их первичности-вторичности. Формально-логическое правило определения понятия есть, частный случай этого — оно содержит неопределенное указание на необходимость установления места понятия в системе.

В этом отношении (как и вообще) формально-логическое входит в диалектико-логическое, как момент в целое.

Определение категории посредством установления ее места в системе есть в то же время указание ее необходимости и, следовательно, ее доказательство. Последнее имеет, как это выяснится в последующем, совершенно иной характер, чем формально-логическое доказательство. Категории, именно в силу сказанного, создают систему, имеющую характер доказательства.

Логика категорий, именно категорий логического, есть наука, изучающая, в первую очередь, объективные средства-формы, применяемые как в сфере логики, так и в сфере познания (на этом основании доказывается: тождество логики и теории познания; но об этом ниже). Эти объективные средства применяются к самим себе, они рефлексивны и осуществляются в логическом самообосновании. Диалектическая логика осуществляет требование старой логики о рефлексивности логического — рефлексивности именно в логическом смысле. Немного ниже будет показано, что логика категорий опирается на своеобразное общее — общее содержания. В последующем выяснится и форма умозаключения, в котором осуществляется необходимость, характерная для категорий логического.

§ 29. Логическое и металогическое

Из сказанного следует, что рефлексивность логического исключает надобность металогического и делает очевидным необходимость целостности логики.

Логическое, чем-либо логически предшествуемое, как было сказано выше, — неполно. И само это предшествующее будет логическим, поскольку оно предшествует именно логически. Поэтому если существует металогическое, логически предшествующее логическому, то оно будет именно логическим, а не металогическим.

Математике, физике и другим специальным наукам предшествуют их логические основания, не изучаемые ими. Но самому логическому не может логически предшествовать иное логическое, ибо для этого последнего потребовалось бы новое логическое и т.д. до бесконечности, что и характерно для признания мета и метаметалогического. Логике не может предшествовать логически другая логика, так как это означало бы вынесение логики и логического за собственные пределы, что бессмысленно.

Логическому с необходимостью может предшествовать только реальное, не являющееся, разумеется, металогическим. Если реальное принять за логическое основание логического, то это будет: 1) логической ошибкой, заключающейся, как уже было отмечено, в регрессе в бесконечность, и 2) объективным идеализмом, поскольку реальное будет представлено в виде логического, отождествлено с ним. Следовательно, необходимо единство логического; оно может быть только единым, а не мета-мета-

ступенчатым⁵. Вынести логику за ее пределы — значит упразднить ее.

Если, например, для применения аксиом исчисления предложений нужны металогические правила (правило подстановки и схема вывода), то будут необходимы и связывающие их правила, или правила, оправдывающие применение металогических правил и т.д. (см. § 203).

Металогическим основанием логики не может быть ни мистическое, ни интеллектуальная интуиция, ни, например, бог Н. Кузанского как *coincidentia oppositorum* — нелогическое единство противоположностей. В этом смысле ошибочны «созерцание сущности» Гуссерля, «видение без направления» алетологии Ш. Нуцубидзе, аксиоматика М. Гогиберидзе и т.п. (единое неоплатоников, субстанция Спинозы, выше противоречия стоящая сфера Э. Ласка, изначальное Г. Когена, металогическое С. Франка и др.). Если основой логического мы признаем интеллектуальное созерцание или мистическое, то придется и их считать имеющими логическую природу, поскольку возможно определение и понятие мистического; ответ на вопрос «что такое мистическое» и дает его определение и понятие. Возможно понятие всего. Поэтому снимается мистическая нелогичность, т.е. снимается само мистическое. Логически мистическое недопустимо. Состояния интуиции или экстаза — это психологические состояния, во всяком случае — нелогические, но мысленные. Нелогическое не может быть логическим основанием логического, логически его оправдывающим.

Металогическим, основанием логического не могут быть ни идея Платона, ни априорное Канта, поскольку они имеют логическую природу, хотя и неполную, так как представлены в виде постоянно предшествующих логическому, что, как было сказано, невозможно. Логическое не может логически предшествовать логическому. То логическое, которое является необходимым средством каждой логической операции и, постольку, предшествующим основанием, должно быть в то же время включено в логическое и получено путем логической операции — доказательства. Как увидим ниже, это положение выполнимо и поэтому невозможно какое-то априорно-логическое, логическое, предшествующее логическому.

Аксиомы дедукции, как нелогические, не могут быть связаны с логическим и оправдать его, поскольку такая связь дает логическое противоречие, как заблуждение. Общность, лежащая в основе дедукции, оправдывается индукцией, если эта последняя сама будет оправдана в качестве логического метода. Или же каким образом начало дедукции как общность может быть нелогическим, когда общее есть то, что обще многим и невозможно без него? Не может быть, чтобы для начала дедукции, как непосредственного, были необходимы общие (металогические) правила. Это же будет упразднением непосредственности? Если аксиома — непосредственное положение, а иначе и не может быть, и если для нее — для ее применения (непримененная аксиома — не аксиома) необходимы общие правила (правило не может не быть общим), то остается неясным, каким образом возможна связь между этим непосредственным и общим, так, чтобы каждое из них сохранило свою природу.

Математическая логика применяет, но не изучает свои основные правила (способ подстановки и схему умозаключения), тогда как логика не может не изучать всех применяемых в ней правил.

Итак, необходимо отвергнуть металогическое и обосновать логическое без него. Необходимо, чтобы у логического было не только реальное основание, но и собственное логическое основание, но такое, которое не будет предшествовать логическому, но будет оправдано в самом логическом. Следовательно, необходимо рефлексивное логическое, рефлексивность логического, которая должна состоять в определенном самообосновании; это возможно, поскольку существуют категории логического.

⁵ См. труды проф. Л. П. Гокиели против ступенчатой логики.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ПРИРОДА ОБЩЕГО

Категория общего — одна из категорий логического. Его рассмотрение мы выделили в отдельную главу потому, что она имеет огромное значение вообще для всех наук и, в первую очередь, для логики.

Последователи логики, построенной на основе номинализма, отрицают категорию общего и пытаются обосновать логику без нее. С нашей точки зрения, нет ничего более вредного для логики, чем отрицание общего и попытка построения логики без этой категории. Попытка реализации невозможного обязательно даст ошибку. Невозможно отрицание общего, поскольку при такой попытке употребляют это отрицание в общем значении; ведь отрицание одна из категорий? Поэтому невозможно отрицание категории, в частности категории общего, поскольку, в данном случае, используется отрицание. Если при отрицании общего слово «отрицание» не обозначает категорию, оно все таки должно быть использовано в общем значении. Поэтому можно сказать, что тот, кто отрицает, не знает, что делает и что говорит. Без общего нет понятия, суждения, умозаключения, доказательства; без общего не имеют смысла индукция, дедукция и др.; признание только единичных придает этим единичным общее значение; вообще разговор об единичных возможен только с использованием общего; обо всех единичных говорится «это единичное».

§ 30. Об ограничении области общего

В истории философии известна нерешенная до наших дней проблема, впервые поставленная Сократом и Платоном. Это проблема универсалий, именно, проблема того, что такое общее. В разное время она ставилась по-разному, но характер постановки проблемы, в основном, выражался в следующем: где находится общее: независимо от частных вещей, в частных вещах, в нашем мышлении, в нашем языке, или же нигде? Проблему общего пытались решать ограничением области общего, определением его места. Известны различные точки зрения о природе общего. Мы их кратко рассмотрим.

1. Реализм, (идеал-реализм). Согласно этой точке зрения, общее существует и имеет абсолютный характер. Частные вещи существуют во времени и в пространстве, где не может иметь место общее, которое не ограничивается пространственно и во времени. Оно должно существовать вне времени и пространства, совершенно независимо от частных вещей. Если бы не было общего, невозможно было бы мышление и существование. Без общего невозможно и существование речи, поскольку передача мысли словами и само слово должны не изменяться в непрерывном изменении времени, а сохранять одно определенное значение. Предмет не может существовать без определенного тождества с самим собой. То, что является тождественным в отношении различного времени и различного пространства, не может изменяться во времени и в пространстве, не может определяться теми условиями, которые имеют основанием время и пространство. Поэтому общее, необходимое для существования и мышления, должно находиться по ту сторону частных вещей, впереди и позади их. Например, с точки зрения Платона, идея существует по ту сторону явлений этого мира, где-то в сверхчувственном мире, в «разумном месте».

Так понимают общее объективные идеалисты, которые переносят его в область метафизики, как, напр., Больцано и его последователи, которые признают истину в себе, некую божественную истину. По мнению некоторых идеалистов, существует такая ценность, которая не есть бытие, но имеет значение в самой себе и от которой зависит все ценное и т.д.; одним словом, общность понимается как реально существующее идеальное, как идеально-реальное.

Существует два вида реализма; один вид признает потусторонность общего, абсолютную независимость общего от частного. Второй вид реализма называют умеренным реализмом (например, воззрения Аристотеля, Фомы Аквинского и др.); согласно ему, общее по своей природе есть идеальное, оно есть объективная мысль (форма), но существует не независимо от частных вещей, не по ту сторону их, а в частных вещах; общее существует реально, как сущность частных вещей; это есть существенное общее частных, которое независимо от частных, но само частное зависит от него; частная вещь зависит от своей сущности, которая находится именно в частном, а не в другом месте.

В истории философии против реализма было выдвинуто множество аргументов, но для нас здесь достаточно указания только на одно из них. Реализм является ложной теорией потому, что общее независимо от частных, единичных, само есть частное, единичное, а не общее. Аристотель указывал, что Платон, отделив общие, как идеи, от частных вещей, умножил (а не уменьшил) их, поскольку он эти общие

превратил в частные. Признание общего на основе отрицания частного есть демонстрация необходимости последнего, превращение общего в частное, что является заблуждением, и именно таким, которое показывает необходимость частного. Это обстоятельство, отдельно взятое, есть отрицательная диалектика, которая может быть оправдана только в положительной диалектике.

2. Концептуализм. Концептуалисты (например, Локк, Кант) подобно реалистам считают, что общее не существует в частных вещах, находящихся во времени и пространстве; пространственность и временность есть область частных вещей. В непрерывной последовательности и в сосуществовании нет общего. Действительность — это видимый мир, — совокупность видимых вещей, в нем нет места общему, опыт не содержит общности; из совокупности впечатлений исключаются общность и необходимость. Концептуализм соглашается с реализмом и в том, что невозможно отрицание общности; общее необходимо существует, но, по мнению концептуалистов, существует не независимо от мысли, а только в ней, как смысл и понятие; общее есть только концепт. В действительности существуют только единичные вещи, например, столы, в которых нет никакой общности. Общее — это наша мысль; например, понятие стола касается всех единичных столов, поэтому только это понятие имеет характер общности. Единство не дано в опыте, в непосредственно данном, а оно есть только понятие; с точки зрения Канта, единство — категория рассудка, трансцендентальное условие, определенная форма, правило, которое лежит в основании общего суждения. Реальность есть форма положительного суждения, реальность — это только категория, только понятие; такова и действительность, которая является формой ассерторического суждения, причинность есть правило, форма условного суждения и т.п. Для Канта общее имеется только в человеческом, мышлении: оно обязательно для каждого человека и только в этом смысле является оно объективным и необходимым. Но эта «объективность» не есть подлинная объективность, поскольку в действительности, существующей независимо от мысли, ей ничего не соответствует, поскольку там нет никакого общего.

Концептуалистическая точка зрения ложна, поскольку и она обособляет общее от частных. Концептуализм есть переходная ступень от признания общего к его отрицанию. Для него, как и для реализма, характерно обособление общего от частного. Эта теория, как было сказано, отрицает существование общего в действительности, где признает только частные, тогда как частное должно быть частным общего и общее общим частного. Концептуализм переносит общее в мышление, но здесь повторяется ошибка реалистов, поскольку это общее отрывается от частного; общее, как понятие, есть только общее без частного.

Если поверить концептуализму Локка, то общее вырабатываем мы сами путем абстракции признаков от частных вещей; но если признаки частного дадут нам общее, надо полагать, что оно существует в частных в виде определенного признака; поэтому ошибочно признание частных без общего. Вместе с тем, нужно указать и на то, что выбор признаков с целью составления понятия уже заранее подразумевает понятие (например, выбор признаков людей с целью составления понятия человека указывает на то, что при выборе мы уже подразумеваем понятие человека). Это затруднение чувствовал еще Сократ, который отрицал возможность выработки понятия и считал, что они должны быть у нас заранее и можно только их рождение. Эта мысль Сократа легла в основу платоновского объективного идеализма, но выявление указанного затруднения значило уже много для его положительного решения, что в конечном счете и было реализовано в диалектическом материализме.

Если поверить кантовскому концептуализму, то общность есть категория рассудка, которая является априорной и заранее существует в мысли в виде чистой общности, т.е. она абсолютно оторвана от частного. Но категория Канта, как правило, может иметь смысл только тогда, когда она применяется, т.е. если существует то, правилом чего она является; общность правила будет иметь определенный смысл и значение в том случае, если существуют частные, в отношении которых она применяется. Как известно, трудность схематизма Канта, которая осталась у него нерешенной, была трудностью именно взаимосвязи общего и частного.

Следовательно, концептуализм в действительности обособил частное от общего, а в мысли, наоборот, общее от частного, и поэтому общее, оторванное от частного, само превратилось в него, т.е. вместо утверждения мы получили исключение общего.

3. Номинализм. Номиналисты (Оккам, Беркли, Куайн, Гудмен и др.) отрицают существование общего вообще; его нет ни в действительности, ни в нашей мысли. Номинализм, до последнего периода своего развития, признавал только общность имени; общим для множества единичных может быть только один

признак, символ, имя. Но общее, где бы оно ни было, все-таки остается общим и поэтому создавалось противоречие между его отрицанием и признанием; постольку становилось необходимым преодоление этого противоречия: или отрицанием номинализма, или его развитием до отрицания общности имени. На этом последнем пути стоит новый — современный номинализм (Куайн, Гудмен), согласно которому общего нет нигде; общее — не имя; оно — химера; все существующее есть единичное, существуют только единичные; единичны как вещи, так и мысли. В действительности вещи существуют только в пространстве и во времени, в них нет никакой общности. Мыслями являются только представления; понятие, как общая мысль, невозможна. И имя является вообще, определенным единичным. Допущение общности бессмысленно.

Критика номинализма возможна с многих сторон, но мы удовлетворимся следующими аргументами: если нигде нет общего и существуют только единичные, то они ведь одинаковы? ведь каждое из единичных есть на самом деле лишь единичное, а не что-либо иное. Единство единичных есть именно общность, которая реализована в этих единичных. Если нет общего, то существование единичных ведь является основанием для категории единичного, отрицание чего должно быть невозможным, если мы признаем именно единичные. Категория же единичного не может не быть общей.

Отрицание общего невозможно, поскольку: а) полученное в результате этого отрицания будет единственным и поэтому имеющим смысл общности, поскольку оно, как именно единственное, будет абсолютным; б) само это отрицание будет иметь смысл общности. Невозможно вообще отрицание общего так, чтобы это отрицание не было общим; невозможно, чтобы отрицание общности не имело природу общего. Невозможно частичное отрицание общего, т.е. это отрицание не может иметь частного характера, поскольку, в противном случае, общее придется то признавать, то отвергать, или в чем-то отвергнуть, а в чем-то другом признавать; но такое отрицание общего ведет, в конечном счете, к полному отрицанию общего, поскольку обособленное общее уже не общее, а единичное. Нужно сказать и то, что отрицание общего не только невозможно, но и является лучшим средством для демонстрации именно необходимости общего, поскольку отрицание общего само имеет природу общности. Попытка такого отрицания есть применение и утверждение общности. При отрицании общего используется само общее, в противном случае это отрицание не реализуется.

4. О необходимом единстве общего и частного. Из критики вышеперечисленных воззрений, думаем, с необходимостью вытекает, что: 1) общее существует, его отрицание невозможно; отрицание общего утверждает его же; 2) невозможно и отрицание частного, отрицание частного утверждает его же; поэтому 3) необходимо единство общего и частного, именно их диалектическое единство, поскольку частное и общее — противоположные понятия.

Рассмотренные выше точки зрения касались природы общего, но главным для них, все-таки, было выяснение местонахождения общего. Где-то, ограниченно существующее общее уже не есть общее: 1) по ту сторону частных предполагаемое общее уже не есть общее, так как оно мыслится только по ту сторону, и поэтому оно есть частное; 2) также не является общим общее, содержащееся только в мысли, поскольку оно находится только в одном месте — только в мысли; 3) не обще и общее, содержащееся только в словах. Итак реализм, концептуализм и номинализм — все эти точки зрения, в конечном счете, приходят к отрицанию общего; поэтому новый номинализм как будто-бы логически до конца последователен, когда полностью отрицает общее; но правильным логическим выводом, как мы это увидим, является необходимость общего, что делает очевидным и ложность нового номинализма.

§ 31. Объемное общее и частное

Объемное общее обозначается словом «все»; объемное общее содержит все единичные, которые имеет в виду понятие, оно есть класс. Объемное частное обозначается словом «некоторые». Единичное тоже есть частное, но оно считается общим, например, в силлогистическом умозаключении, поскольку в суждении оно взято в полном объеме, так же, как и субъект в общем суждении. Различие единичного и общего не изменяет правил силлогистического умозаключения. Правила силлогизма опираются на отношения «всех» и «некоторых».

Объемное общее опирается на тождественный признак множество, относящий ко «всем» и хозяйственный для всех; это единый признак всех, признак всех единичных. Поэтому здесь имеется какая-то неясность: общее есть этот признак или множество предусматриваемых им вещей? Или то и другое? Из-

за множества общ признак или из-за одного признака общи все единичные? А также, что есть общее — мысль о множестве вещей или же само это множество вещей — все вещи? Эта неясность у Аристотеля «дополнена» другой неясностью: по его мнению, «все», например «все люди», есть нечто определенное, а «человек» — неопределенное, хотя именно это последнее и должно быть общим и постольку — понятием; поэтому определенным должно быть именно «человек», а не «все люди», в котором одно и то же единичное повторяется до «всех». Если «человек» есть общее, то мы имеем дело с еще другою неясностью, именно с тем, что «человек», как таковое, есть единичное (такая неясность характерна и для платоновской идеи). Если же оно единично, тогда каким образом оно «все»?

Если общее есть единое для многих, именно то, что высказывается о многом (о всех, как это определяет Аристотель¹.) тогда оно есть какой-то признак, единый признак, который один и тот же во «всех», в «некотором» и в «одном». В этой смысле общее, частное и единичное не различаются друг от друга, т.е. остается неопределенным, что же такое общее и чем оно отличается от другого.

§ 32. Переменная и общее

Вследствие вышеуказанной неясности (и по другим причинам), логики пришли к мысли, что общее есть переменная, поняли общее, как нечто подобное математически переменной.

В математической логике переменная противопоставляется постоянной — константе. С точки зрения Черча, константа есть синоним собственного имени, имеющего денотат (предмет); словом «константа» выражают также отдельно взятые символы и изображения; а переменная есть такой символ, содержание которого совпадает с содержанием собственного имени или с содержанием константы, но так, что единственный денотат константы заменен возможностью различных значений переменной. С переменной связана непустая область ее возможных значений: переменная есть определенный символ, а не вещь (например, число), которую обозначает или как-то указывает на нее этот символ. Не следует понимать в прямом смысле выражения математиков: «переменные действительные числа», «переменные величины». Переменность или неопределенность всегда является вопросом языка и связана с символами и с изображениями².

Математическая логика сводит общее к переменной, а последнюю к единичным. Здесь допущены: 1) логическая ошибка, поскольку: а) общее представлено как схема, б) «все единичные» само есть общее, в) использование категории единичного есть использование общего, г) бегство от общего есть подчинение общему; 2) ошибка в математическом смысле, поскольку: а) характер переменной — в ее общности, б) переменная не сводится к сумме её значений.

В пропозициональной функции «Х смертен» «Х» неясно, ясность внесет подстановка на место Х, например, «Сократа» или другого единичного. Но такое понимание общего есть сведение его к единичному и отрицание общего как такового. Х есть символ, а не мысль; пропозициональная функция есть не предложение, и тем менее суждение, она только схема, а не мысль. Логика не должна иметь дело со схемой, которая не является мыслью. Логика — наука о мысли.

Но нужно отметить и то, что математическая переменная имеет совершенно определенный смысл. Предел переменной есть ее характер. Её определенность является ее же правилом. Переменная не равняется её значениям: ни какому-нибудь и ни всем³.

Правило и определенность переменной не могут не быть общими. Правила связи символов не могут не иметь природу общности. Ведь и сам символ, например А, должен иметь везде одно значение, т.е. должен же он быть тождественным и поэтому — общим? Эта тождественность или общность необходимы. Поэтому, нужно сказать, что необходимо общее, которое не может быть «переменной».

§ 33. Общность правила и закона

Общность может быть представлена как общность закона или правила. Так понимал, например, Кант общность понятия-категории; для него категория является правилом для соединения или единства разнообразного, формой суждения. Для Кассирера общность есть общность правила, именно

¹ Аристотель, *Пери Герменейас*, VII, 17, гл. 38-39.

² А. Черч, *Введение в математическую логику*, стр. 20-24, 350.

³ К. Маркс, *Математические рукописи*, перевод и исследование проф. Л. Гокиели, Тбилиси, 1948, стр. 108 (на груз. яз.).

математическое правило рядов, где как раз правилом, как общим, производятся частные; правило производит свои частные⁴. Общность правила или закона своеобразна: это не объемная общность. Закон, как известно, есть одна из категорий, поэтому его общность есть общность категории, т.е. такая общность, которая не является объемной; категории не такие понятия, которые находятся в родо-видовом отношении. Общность закона не есть общность рода.

Правда, закон есть род всех законов, но подчинение одного закона второму не является подчинением вида роду. Один закон не может быть родом другого, поскольку ни один закон не может быть предикатом другого закона; нельзя сказать, что один закон есть второй закон. Закону подчиняются явления, но род явлений есть понятие явления, а не закона. Правилу умозаключения подчиняются умозаключения, но род умозаключений есть умозаключение, а не правило. Подчинение правилу умозаключения отличается от подчинения вида роду.

Закон, правило есть существенная и необходимая связь; например, закон тождества, закон причинности, закон основания, закон противоречия и др. Общность закона выражается в том, что нечто одно своей природой связывается, переходит в другое и есть другое. Здесь имеется необходимость перехода. Закон необходим для взаимосвязанных сторон, и наоборот, поскольку он является формой общности их необходимой связи.

Закон не имеет характера связываемых им сторон, было бы ошибкой думать, что он должен связываться с ними другим законом. Правило умозаключения не есть посылка умозаключения, в противном случае их должно было бы связывать другое умозаключение, правило которого предстало бы в виде новой посылки и т.д. до бесконечности. Связь причинности с подчиненными ей явлениями не требует нового закона и не превращает причинность в единичное явление.

Общность закона не есть общность только единого признака, рода, для которого частные случайны и излишни. Если для рода признак вида излишен, то для закона и правила необходимо то, что подчиняется им. Общность закона и правила есть общность существенной связи.

Поэтому можно сказать, что применение или открытие такой общности в формах мысли обоснует необходимость своеобразной логики, отличной от формальной.

§ 34. Общее и существенно-общее

По Аристотелю, общее есть то, что высказывается о многом; это есть общее для многих, общий признак, например какое-нибудь свойство. Платон отличал друг от друга идею и эйдос. Идея есть содержание — необъемное общее, а эйдос — объемное общее; хотя у Платона это различие было неясным (Наторп, Лосев и др. признают такое различие, а Риттер и др. не признают его. Оба эти воззрения имеют определенное основание в самой платоновской философии). Это двоякая общность, которая замечается у Платона, представляет две стороны одного и того же; общее по содержанию обосновывает то, что может быть общим для многих единичных. И Аристотель различал два понятия общего: 1) общее и 2) существенно общее; «усия» есть общее в единичном — это его сущность, форма, душа. Другое дело — общность общего признака. Аристотель отличал друг от друга (как это мы увидим ниже) общность большего понятия, как рода, от общности среднего понятия, как определенного единства крайних терминов силлогизма. Эти два понятия общего различал и Кант. По его мнению, от рода, как общего, отличается общность категории, как правила; общность понятия, как правила единства, ясно, нечто иное, чем одинаковое в разнообразном. Четко отличала существенное общее от объемного и гегелевская диалектика. Гегель впервые, но только частично, обосновал логические формы на необъемном общем. Связь категорий (единичное-особенное-общее) содержит своеобразную общность, которая существенно отличается от объемной общности.

Объемно-общее может быть несущественным, как напр., цвет кожи для человека. А существенное может быть и таким общим и необщим. Например, для человека является существенным и общим способность изготовления орудий труда; а существенное для Ньютона не является общим для других, поскольку Ньютон был и останется единственным. Для единичных и общих понятий главным является существенное, а не объемно-общее.

Общность закона есть существенная общность; хотя не каждая существенная общность есть общность

⁴ Э. Кассирер, *Познание и действительность*, 1912, стр. 32 и след.

закона, поскольку у сущности, кроме закона, имеются еще и другие стороны, из которых ни одна, не является не существенной; закон — только одна из категорий сущности.

Существенное общее, в конечном счете, есть сущность. У всего существующего (например, у цвета) есть своя сущность, то, **что** оно есть; поэтому у всего есть существенное общее. Это — главное для понятия, поскольку понятие есть мысль о сущности (об этом будет речь ниже).

Существенно не то, что таково же и для другого (это — объемно-общее), а то, что таково, в отношении к самому себе; сущность есть отношение бытия к самому себе, сторонами которого являются категории сущности (тождество, противоречие и др.), общность которых есть существенная общность (различение сущности, как отношения к самому себе, и бытия, как отношения к другому, не является гегельянским, поскольку человечество имело понятие о нем с античного времени. Сулхан-Саба Орбелиани, который опирался на древних мыслителей, давал такое различие в своем словаре⁵).

Существенное общее не род, поскольку сущность нечто не есть другая сущность, т.е. здесь нет отношения между субъектом и предикатом. Для рода не необходим, излишен специфический признак подчиненного; а для существенного общего необходимо то, что приписывается его частному, как характерное для него. Например, для суждения необходимы как субъект, так и предикат, для умозаключения — суждения и т.д.

§ 35. Общность единства

Выше говорилось об единстве, здесь речь пойдет об его общности, что непосредственно вытекает из только что сказанного. Сказанное выше надо представить четче.

Единство есть такое общее, которое связывает два или несколько различных, содержа их в самом себе в качестве элементов. Если Аристотель определял общее, как то, что высказывается о многом, а под множеством понимал множество единичных вещей, то Маркс определяет общее следующим образом: общее есть общее для множества элементов; а под множеством элементов Маркс понимал не множество единичных вещей, а составные элементы, необходимые для того одного, которое представляет общность — единство этих элементов. Например, если родовой признак производства является общим (и существенным) для множества производств, то одно производство, и производство как таковое, содержит в себе необходимые элементы — собственно производство, распределение, обмен и потребление. Производство есть единство, общность этих элементов. Также обстоит дело и в отношении логических, форм: понятие есть единство его признаков, суждение есть мысль единая для субъекта и предиката, умозаключение есть единая мысль его элементов. Как было сказано, для обыкновенного формально-логического рода излишен специфический признак его вида, а для общности единства необходимы его элементы. Производство не существует без его элементов; тоже относится и к суждению, умозаключению и т.д.

Единством может быть: 1) существенная связь двух различных единичных, например причинная связь, или другой какой-нибудь закон; 2) единство одного единичного, как единство собственных его элементов, напр., одно производство, как единство его элементов; 3) целостность организма; целостность вторична по отношению к элементам — элементы составляют его, например, организм, хотя эта целостность больше своих элементов, является своеобразным качеством: единство — это корень элементов, необходимой общностью которых оно является. Например, каждое единство противоположностей есть корень противоположных, а не их соединение; оно является раздвоением единого, а не соединением или суммированием двух. Для нас интересно и имеет значение то единство, которое реализовано в логических формах, в логическом.

Единство есть общность, которая, с необходимостью содержит различие. Единство может быть предельным или непредельным. Предельным является единство противоположностей, единство полных конечных, единство бесконечности, именно, логической бесконечности (когда дело имеем с логическим. Об этом см. ниже, в главе «Бесконечное умозаключение»). Непредельное единство существует всегда, когда имеется разнообразность неполных конечных; например, таково обыкновенное, формально-логическое суждение, силлогизм и др. В логическом, в логических формах, действует как первое, так и второе единство, но так, что второе подчиняется первому, единству бесконечного подчиняется единство

⁵ Сулхан-Саба Орбелиани, Словарь грузинского языка, 1948, стр. 432.

конечного. Следовательно, единство есть такое общее, для которого необходимо различие и противоречие.

§ 36. Понятие содержательного общего

Из сказанного должно быть ясным, что кроме объемного существует и содержательное общее. Например, «все производства» — объемное, а «производство» как необходимое единство его элементов, моментов или сторон — содержательное общее. Суждение является объемно-общим тогда, когда оно понимается, как «все суждения», или как родовой признак всех суждений; то же относится и к умозаключению. Предикатом какого-нибудь суждения является «суждение», как общее; так и с умозаключением. Содержательна — общность единства одного суждения, или умозаключения. Содержательная общность суждения есть единство его субъекта и предиката, а содержательная общность умозаключения — его единство в отношении суждений; общность доказательства есть единство в отношении умозаключений, составляющих доказательство и т.д. Содержательная общность есть единство его моментов, которые являются субъектами этого общего, как предиката (например, потребление есть производство, распределение есть производство и др.). Общность единства является качественностью моментов, приводимых к единству — в этом и выражается ее содержательность.

Общность единства — это природа его моментов, а объемно-общее есть признак единичных; сущность развития есть как определенное единство, так и объемно-общее для его ступеней, в которых оно (единство) проявляет свою природу, свои существенные определенности. Единство должно быть общностью его внутренних сторон-моментов. Единство противоположностей, противоречащих есть внутреннее единство, общность противоречащих сторон. Итак, мы получили не два, а четыре вида общности: 1) общность общего, признака, 2) общность сущности развития, 3) общность единства различных и 4) общность единства противоположностей. Эти виды общих в сущности сводятся к двум: объемному и содержательному общему. Общность общего признака, взятая как «все», — объемна: а остальные три имеют природу содержательного общего, поскольку они представляют определенные единства.

Можно сказать, что объемное общее таково только с одной стороны. Общность общего признака, как «все», имеет объемный характер, поскольку она есть класс, определенное множество единичных; но общность этого признака является также и содержательной, поскольку это общность именно одного признака, хотя на его моменты не обращается внимание, когда он рассматривается как признак множества.

Содержательное общее представлено непосредственно и прямо в категориях., в единстве категорий. Категория — содержательное общее, определенное единое в его моментах; например, категория количества есть единство прерывности и непрерывности, или количество есть определенное качество, качество количества, именно то, что количество есть внешняя и необходимая определенность вещи, что оно есть именно это, а не другое. Мера есть качество количества и количество качества, — именно то одно, в котором объединяются эти категории. Категория тождества есть тождество, содержащее различие; основание есть мысль, содержащая следствие; причина есть причина именно действия и т.д. Здесь видно и то, что не только какая-нибудь категория является единством, но таков также и переход одной категории в другую, как определенное единство, рефлексия одной категории в другую, вообще развитие из одной категории второй. Имеет природу содержательного общего как одна категория, так и совокупность категорий. Это обстоятельство имеет решающее значение в логике категорий, в логике их взаимосвязи.

Содержательное общее представлено в формальной логике в виде единичного. Например, в обыкновенной индукции или дедукции нет различия между единичным и единством единичного, как общностью; точнее, не обращается внимание на единичное, как единство. Формальная логика не знает, в ней не оформлено то, что мы называем содержательным общим. Диалектическая логика, думаем, должна опираться именно на содержательное общее, исходить из него; этим она объяснит и объемное общее. Логика, опирающаяся на содержательное общее, будет иметь совершенно иной характер, чем формальная.

Диалектическая логика, в первую очередь, интересуется логической необходимостью, реализованной в общности единства, того единства, формами которого являются формы мысли.

Для полного представления понятия содержательного общего необходимо рассмотрение понятия содержательного частного, а также разных видов общего.

§ 37. Понятие частного и момента

Рассмотрение содержательного общего показало, что частные различны: 1) единичное, 2) ступень

развития, У) односторонность: а) неполная — одна сторона различия и б) полная — одна сторона противоречия. Иначе, существует двоякое частное: 1) объемное и 2) содержательное. Объемное частное есть единичное или «некоторое»; «некоторое» есть множество — больше одного. «Все» тоже множество. С этой стороны «некоторое» и «многое», есть множество, полученное повторением единичного, поэтому «единичное», «некоторое» и «многое», в сущности, одно и то же. Каково единичное, таково и многое: и некоторое и все, как, например человек, производство, товар, гора, река и др.

Содержательное частное есть односторонность, элемент или момент. Особенность момента, как содержательного частного, состоит в следующем: 1) признак момента необходим для того, моментом чего он является — для единства. Единство с необходимостью содержит моменты, — все моменты, а не только какой-нибудь, тогда как для (рода совершенно излишен специфический признак вида; вместе с тем, для рода не необходимы все единичные. Например, для производства, как единства необходимы его моменты, — все моменты: само производство, распределение, обмен и потребление. И для суждения необходимы его моменты; то же можно сказать и об умозаключении. Для рода животных не необходим ни вид человека, ни специфический признак любого вида животных. Если роду приписывается специфический признак, тогда он будет видом (для которого необходим род), а не родом. 2) Моменты могут быть противоположными и противоречащими друг другу (напр., моменты производства), тогда как специфические признаки не таковы. 3) Моментом называется именно то, что имеет признак единства, поэтому он есть субъект этого признака, так же как род есть предикат но, в этом случае, обращение невозможно (нельзя сказать, что человек есть грузин), а в первом случае такое обращение является необходимым (напр., потребление есть производство и наоборот). Для рода признак вида (специфический признак) является внешним и излишним; а — в единстве, как в содержательном общем, момент снимается и сохраняется (поэтому и возможно конкретное общее).

Возможно и такое содержательное частное, которое не является моментом, но представляет односторонность (вышеперечисленные частные). Каждая односторонность есть содержательное частное, которое может быть, но может и не быть общим).

Содержательное частное — и относительное понятие, так как односторонность может быть и содержательным общим в отношении своей какой-нибудь стороны. Например, суждение, как односторонность умозаключения, само есть содержательное общее в отношении его элементов.

Мы должны провести различие между единичным и частной односторонностью, поскольку единичное есть субъект, а односторонность — предикат, если эта односторонность есть односторонняя категория. Субъект — тоже категория, но в конечном счете, он не является односторонним. Категории исчерпают понятие субъекта и получим полагание этого понятия, как это мы выясним в дальнейшем (в теории доказательства, когда рассмотрим доказательство, как развитие). Вообще говоря, каждое понятие, которое имеет несколько признаков, есть субъект, который исчерпаем признаками как предикатами. Если бы признаки вообще не исчерпывали субъект, если бы это было невозможно, тогда было бы невозможным полагание понятия и мы не имели бы никакого понятия. А отрицание понятия невозможно, поскольку само это отрицание является определенным понятием. Несмотря на указанное различие, возможно применение «единичного» и «частного» в одном и том же значении.

§ 38. Виды общего

Виды общего были перечислены выше, а здесь, для выяснения их содержания, рассмотрим их взаимоотношения. Виды общего таковы: 1) объемное общее («все», все единичные; а частным будет единичное, единичный предмет); 2) содержательное общее как единство, которое, как было сказано, различно: а) общность общего признака, как именно признака, на что опирается объемное общее; эта та общность, которая охватывает множество единичных; это общность признака в отношении к единичным; б) общность сущности развития; здесь частным является его ступень. Сущность развития является общей в отношении к ступеням развития предмета, которые являются определенными частными; в) общность единства различных; в отношении нее частными являются сами различные; г) общность полного единства, единства противоположностей, одной стороной которого является полное частное* (как это было указано выше).

Единичное, как частное, со своей стороны есть общее, поскольку оно, рассматривается как единство собственных моментов. Таковы и ступени развития в отношении к их элементам или моментам. Такова и

одна сторона различия; например, субъект или предикат какого-нибудь обычного суждения. Одна из сторон противоречия есть та общность, которую признает и на которую опирается формальная логика. Одной стороной противоречия является именно та, которая исключает противоречащую сторону. Одной стороной противоречия представлено полное конечное, поэтому ее общность есть общность конечного. Для формальной логики необходимым является то, противоречащее чему невозможно. Эта необходимость, следовательно, есть необходимость общности конечного. Общее есть род также и для ступеней развития; оно есть абстрактное общее. Общность сущности развития сама является единством различных; точнее, оно есть единство противоположностей, общность чего есть общность бесконечного.

Единичное, как единичное, вместе с тем есть общность с двух сторон: 1) его содержание тождественно во всех единичных, как единичных; все единичные одинаковы и по форме; 2) единичное, как категория, несомненно, является общей; невозможна необщая категория.

Выше было сказано, что существует несколько общих; в основном, их два. Но это обстоятельство содержит какую-то неясность, которая должна быть снята. Дело в том, что признание более одного общего представляет собой логическую ошибку; если существуют два (или больше) общих, то общим для них будет третье общее и т.д. Согласно его понятию и определению, нельзя признавать более одного общего. Возможен только один правильный ответ на вопрос, что такое общее. Признание одного общего, ясно, не исключает его видов. Здесь нет никакого затруднения. Если при двух общих одно каким-то образом подчиняется другому, тогда снимается дуализм их признания. Если множество общих представляют явления одного общего, тогда дуализм преодолен. И в самом деле, объемное общее есть своеобразное явление содержательного, поскольку существующее в единичном содержательное общее повторяется во множестве, где все единичные одинаковы и где множество имеет один общий признак. Множество людей — повторение природы одного человека. Все производства имеют природу самого производства, которая логически выражается его общим понятием и т.д.

Указанные отношения единичного и общего объясняют проблему понятия единичного (например, проблему Риккерта об историческом единичном), а также проблему категории, как понятия. Формальная логика, как известно, не справлялась с понятиями единичного и категории.

То, что было сказано здесь в отношении понятия общего, можно распространить и на понятие частного. Частное логически — с точки зрения определения понятия — может быть только одним. Если существует множество частных, то они будут видами или явлениями одного частного; одно только частное, в силу сказанного, само будет общим. Эта относительность понятий частного и общего будет существенной для их диалектики (об этом ниже).

Нужно отметить и то, что относительность понятий частного и общего превращает обоих — и частное и общее — в частные. Частное и общее имеют смысл только в отношении друг к другу. Подлинным общим будет не общее, противоположное частному (поскольку эта противоположность обособляет общее от частного и делает его частным), а их единство; точнее: общее является «охватывающим» моментом во взаимоотношении частного и противоположного ему общего. Например, производство есть общее в отношении его моментов — собственно производства, распределения, обмена и потребления (это обстоятельство будет яснее представлено в дальнейшем).

Что в определенном смысле частное есть общее, это выражает суждение: «частное есть общее», («Жучка есть собака» и. т.п.). Это обстоятельство и вышеуказанная мысль, что объемное общее есть повторение природы единичного, совершенно не означает сведения общего к единичному или частному; нет, общее и частное представляют собой противоположные понятия, имеющие смысл в единстве.

§ 39. Характер подчинения

Здесь, ясно, мы имеем в виду логическое подчинение частного общему, а не другой род подчинения, которого мы в этом случае не касаемся.

Согласно различию объемного и содержательного общего, различно также и подчинение общему; в основном оно двоякое: объемное и содержательное. Объемное подразумевает подчинение «некоторых» «всем», подкласса классу. Понятие человека подчиняется понятию животного, треугольника — понятию геометрической фигуры и т.д. На это подчинение опирается традиционная дедукция, аналитичность силлогизма, «Некоторые» входят во «все», которое имеет больший объем, но меньшее содержание; а подчиненное, наоборот, имеет больше содержания и меньше объема.

Содержательное подчинение есть подчинение момента единству. Единство, как общность, имеющее больше содержания, подчиняет себе односторонности — моменты с меньшим содержанием. Если, как было сказано, для рода не необходима специфичность подчиненного ему вида, то для единства необходимо то, что ему подчиняется. Содержательное подчинение есть подчинение односторонностей их единству, и оно, конечно, имеет характер необходимости, той необходимости, которую формальная логика не предусматривает; а вообще для логики, как мы в этом убедимся, она имеет существенное значение.

Примеры содержательного подчинения: производство подчиняет себе потребление, обмен, распределение; движению подчиняется его момент — покой; умозаключение подчиняет себе суждение, а суждение — субъект и предикат; товар подчиняется деньгам, а деньги капиталу в капиталистическом обществе; понятие товара подчиняется понятию денег, поскольку потребительная стоимость денег состоит в их обменной стоимости, деньги являются всеобщим товаром; деньги подчиняются капиталу, поскольку капитал есть саморастущие деньги, круговращение денег, моментом которого являются деньги.

Содержательное подчинение есть подчинение не части целому, а момента единству (если мы не назовем момент — частью, а единство — целым). В отношении какой-нибудь части целое не высказывается как предикат, а единство является предикатом момента. Напр., потребление есть производство и т.п.

Объемное и содержательное подчинения должны представлять моменты одного и того же, именно, они должны быть моментами, представленного в полном виде, содержательного подчинения, логического развития. Природу логического развития мы рассмотрим ниже, а здесь мы удовлетворимся только примером. В объемном смысле товар подчиняет деньги, поскольку деньги являются особым товаром. Деньги подчиняют капитал, поскольку капитал есть не вообще деньги, а саморастущие деньги. Но в смысле содержания, как было отмечено, мы имеем дело с обратным положением. Но оба эти подчинения являются моментами развития, которое начинается товаром и кончается деньгами. Второй пример: по содержанию, возникновение и уничтожение, бытие и ничто подчиняются становлению, как его собственные моменты, но в объемном смысле и становление есть бытие, одна из его категорий, т.е. в этом смысле подчиняется ему.

Из вышесказанного ясно, что полное содержательное подчинение есть подчинение развития, а именно, подчинение, имеющее место в содержательной субординации; содержательное общее является развитием содержательного частного. Суждение подчиняется умозаключению, поскольку оправдание суждения происходит в умозаключении; умозаключение подчиняется доказательству. Суждение-умозаключение-доказательство есть логическое развитие, но вместе с тем и обобщение.

§ 40. Обобщение

Как известно, объемное общее получается от частного путем вычитания признака. Это вычитание есть определенное отрицание или абстракция. Эта абстракция есть абсолютное отрицание, т.е. такое, когда от отрицаемого не остается совершенно ничего. Например, обобщение понятия грузина производится вычитанием признака «грузин», в результате чего получаем понятие человека, в котором излишен признак «грузин»; также получается из понятия человека понятие животного и т.д.; содержательное же обобщение осуществляется прибавлением признака или определенности, в котором действует отрицание, но не абстрактное, а конкретное, посредством чего получается новое, как более сложное; поэтому и осуществляется развитие — получение более сложного из относительно простого.

Примером содержательного обобщения может служить обобщение понятия числа в математике. Первые числа — это натуральные числа, в пределах которых всегда осуществимо сложение, но вычитание расширяет понятие числа; получаем целые числа (положительные и отрицательные), которые включают натуральные числа, но являются новыми, поскольку характеризуются новыми особенностями (симметричность и др.). В целых числах всегда осуществимо умножение, но деление расширяет понятие числа — введение дробных чисел дает рациональные числа, которыми начинаются числа действительные. В рациональных числах всегда осуществимо возведение в степень, но извлечение корня дает иррациональное число. Рациональные и иррациональные числа составляют действительные числа. Извлечение корня из отрицательного действительного числа дает комплексное число ($a + ib$); комплексное число — наибо́льшее число: этим кончается обобщение понятия числа. Следовательно, обобщение понятия числа осуществляется посредством отрицания (роль отрицания выполняют: вычитание, деление,

извлечение корня), но таким образом, что этим путем к старому прибавляется новое, что дает числа с новыми качествами.

Второй пример содержательного обобщения мы можем взять из «Капитала» Маркса. Из понятия товара получается понятие денег, а из понятия денег — понятие капитала. Понятие денег по содержанию более общо, чем понятие товара, а понятие капитала — понятие денег. Переход от товара к деньгам и от денег к капиталу производится отрицанием, именно таким отрицанием, когда совершается прибавление нового и этим — переход к более общему по содержанию.

При переходе товара к деньгам отрицается полезность товара — потребительная стоимость — и получаем такой товар, потребительная стоимость которого состоит в его меновой стоимости; это есть деньги. Обращение денег — круговращение — осуществляется в условиях эквивалентного обмена. Эквивалентный обмен не дает капитала, поскольку капитал есть получение прибавочных денег из денег, что представляет отрицание эквивалентного обмена. Это отрицание происходит в условиях эквивалентного обмена; поэтому «прибавление» производится отрицанием; т.е. переход от денег к капиталу представляет своеобразное развитие, которое является примером своеобразного обобщения, — содержательного обобщения понятия.

В логике Гегеля переходы категорий и этим путем полученное логическое развитие, развернутое в виде системы категорий, представляет образец содержательного обобщения. Отрицание понятия бытия производится категорией ничто, но снятие и сохранение обоих реализуется в категории становления и т.д. до «абсолютной идеи», до завершения понятия — т.е. до гегельянского совпадения понятия и реальности. После очищения от идеализма здесь остается «рациональное зерно», одним из моментов которого является то, что мы назвали содержательным обобщением.

Содержательное обобщение есть получение положительного посредством отрицания, получение более сложного из простого. Именно этим путем осуществляется полагание понятия, поскольку понятие полагается взаимосвязыванием его признаков, а взаимосвязь признаков осуществляется только суждениями. Итак, содержательное обобщение дает новое, при том более сложное, конкретное посредством отрицания-утверждения, посредством суждений и в виде суждений.

Как видно из сказанного, содержательное обобщение полностью осуществляется в переходах категорий друг в друга, где и категории и переходы являются формами. Поэтому можно сказать, что содержательное обобщение — это необходимая связь форм (и именно логических), являющаяся одновременно и путем познания и логическим путем; это — логический путь познания, логический путь, имеющий и познавательное значение. На этом пути логическое и познавательное сливаются воедино (поэтому в этом аспекте диалектика, логика и теория познания одно и то же).

Было сказано и то, что содержательное обобщение есть переход от простого к сложному. Это значит, что в этом обобщении осуществляется переход от абстрактного к конкретному.

§ 41. Абстрактность и конкретность общего

Общее может быть абстрактным и конкретным. Формальная логика не признает конкретность общего, поскольку она не знает содержательной общности. Логика, основанная на содержательном общем, не может быть формальной; она диалектична.

Поскольку всякое общее есть какая-то определенность или содержание, постольку общее не может не быть конкретным; поэтому, в этом смысле, общее всегда конкретно. Но общие различаются друг от друга большею и меньшею конкретностью или большим или меньшим содержанием. Менее конкретное есть абстрактное; такова, например, какая-нибудь определенность — признак, взятый отдельно. Краснота розы, отдельно взятая, абстрактна; потребительная стоимость товара, как одна из его сторон, — абстрактна и т.д.

Один какой-нибудь признак абстрактен, но прибавление второго признака дает первое конкретное, которое само абстрактно сравнительно с более конкретным. Например, становление есть первое конкретное в «Логике» Гегеля, поскольку оно — единство бытия и ничто. Первым конкретным в «Капитале» К. Маркса является товар, поскольку он — единство потребительной и меновой стоимости, и в то же время он прост и абстрактен по сравнению со всеми другими категориями «Капитала». Такое первое конкретное, с нашей точки зрения (как это мы разясним ниже), в логике есть (и должно быть) положительное суждение, которое, полагая, является самым простым среди всех форм мышления. Абстрактное общее есть односторонность конкретного общего, его одна сторона или определенность.

Конкретное есть единство многосторонностей⁶, конкретным вообще называется единство многосторонностей, все равно, где оно — в действительности, в познании или в логическом. Поэтому ясно, что абстрактное должно быть односторонностью и есть одна сторона, одна определенность конкретного многостороннего.

Поскольку конкретное есть единство многосторонностей, а абстрактное — односторонность, постольку вышерассмотренное содержательное обобщение есть конкретизация. Конкретизация, как содержательное обобщение, производится посредством отрицания, именно такого отрицания, посредством чего одна определенность соединяется с другою (см. вышеприведенные примеры содержательного обобщения).

Как было сказано, абстрактное и объемное общее — не одно и то же, поскольку объемное общее является абстрактным, но не наоборот; не каждое абстрактное общее является объемным общим. Под абстрактным общим мы понимаем простой вид содержательного общего, простой сравнительно с другим содержательным общим, взятый в противоположность к другому, более сложному; абстрактное общее есть не что иное, как одна сторона конкретного. Товар абстрактен по сравнению с деньгами и капиталом, но как единство различных он и сам конкретен.

Для формальной логики наиобщим является общеутвердительное суждение, но с точки зрения содержательного общего, как конкретного, оно абстрактно, поскольку общее является одной стороной предмета. Суждение «все люди смертны» выражает одну сторону человека и только одну сторону, а человек, как единство таких односторонностей, будет конкретным. Существование — одна сторона вещей, наиболее общая, но предмет есть единство многих сторон, поэтому категория предмета гораздо более конкретна, чем категория существования.

Как было сказано, полная односторонность есть одна сторона противоречия (в противоречии только две стороны, третья исключена; стороны противоречия являются полными конечными сторонами, «третье» в отношении к ним — только бесконечное; третьей конечной стороны противоречия нет). Поэтому она является тем, сравнительно с чем невозможно существование еще более содержательного абстрактного. Одна сторона противоречия, как полное конечное, является пределом абстрактного не в том смысле, что как-будто она наиболее односторонняя, а в том, что невозможно существование более содержательного абстрактного, чем она (поскольку она полная односторонность); каждое абстрактное содержится в ней. Поэтому она является и полным формально-логическим конкретным. Формально-логическое содержится в одной стороне противоречия, поскольку действующая там логическая необходимость то же самое, что и невозможность противоречащего.

Если полное содержательное абстрактное представляет одну сторону противоречия, тогда необходимо, чтобы полное конкретное было единством противоречия (как в действительности, так и в познании и в логическом)» Более содержательное всеобщее, чем всеобщность единства противоречия, невозможно, поскольку единство противоречащих есть бесконечное; в противном случае мы имели бы признание более бесконечного, чем бесконечное, что нелепо.

Если наиабстрактное есть одна простая определенность, а наиконкретное — единство противоречия, тогда надо сказать, что между ними помещается всяческое общее. Конкретное есть единство множества сторон; эти стороны помещаются в двух полных абстрактных (стороны противоречия), поэтому единство противоречия представляет предел конкретного.

Сказанное здесь означает и то, что путь от абстрактного общего к конкретному общему есть путь развития — восхождения от простого к сложному. Такой путь существует как в действительности, так и в познании и в логическом. Логическое, как это будет выяснено в последующем, есть своеобразное отражение, выражение реально-исторического и познавательно-исторического. Логические формы и виды этих форм, т.е. вся система логики, должны быть поняты, как развитие от абстрактного общего к конкретному общему.

Вышесказанное не означает, что развитие чего-либо не может начинаться с единства противоречия и заканчиваться единством же противоречия; нет, окончание развития единством противоречия указывает именно на то, что в начале развития единство противоречия должно быть взято в простом абстрактном виде. Таково, например, начало «Капитала». «Капитал» начинается товаром, который является простым и абстрактным, но представляет единство противоречия; он есть «зародыш» единства противоречия (об этом

⁶ К. Маркс, К критике политической экономии, 1951, стр. 213.

будет речь ниже), которое в развитом, полном виде будет представлено именно в конце развития. Таким начальным единством противоречия является и положительное суждение, которое в полном виде будет представлено в бесконечном умозаключении, как в единстве полного логического противоречия (на протяжении всей работы мы попытаемся разъяснить именно это обстоятельство).

§ 42. Единство частного и общего

Поскольку частное и общее являются противоположными категориями, постольку их единство есть единство противоположностей, т.е. это диалектическое единство, природа которого оставалась непонятной на протяжении веков именно потому, что единство противоположностей считалось невозможным. Как это было уже сказано, необходимое единство частного и общего может быть доказано следующим образом.

Признание общего и полное отрицание частного невозможно, поскольку такое общее не будет общим, оно перейдет в отрицание самого себя, в противоположное. Общее, обособленное от частного, есть не общее, а именно обособленное, единичное, частное. Полное отрицание частного само есть частное, поскольку это отрицание есть полагание общего как частного, его обособление. То же относится и к отрицанию общего. Отрицание общего и признание только частного представляет логическую ошибку.

Только частное, частное, оставшееся в результате отрицания общего, есть единственное. Кто утверждает, что нет общего, а есть только частное, тот понимает частное как нечто абсолютное; поэтому такое-частное будет выполнять роль общего. С другой стороны, отрицание общего есть его исключение-отрицание вообще, т.е. оно само имеет общий характер. При отрицании общего применяется отрицание, которое имеет природу общего. Следовательно, невозможно отрицание ни частного, ни общего, т.е. необходимо как одно, так и второе.

Можно и нужно сказать больше. Если общее, полученное отрицанием частного, есть частное и если отрицание частного с необходимостью использует общее, тогда необходимость общего и частного означает и то, что они утверждают друг друга. Отрицанием общего утверждается общее же и отрицанием частного получается частное же. Они необходимы друг для друга и утверждают друг друга. Взаимоотрицание частного и общего есть их взаимоутверждение. Отрицанием друг друга они утверждают необходимость самих себя и друг друга; это означает их диалектическое единство.

Поскольку общее, противопоставленное частному, само есть частное (например, платоновская идея человека, которая оторвана от единичных людей, сама становится единичным человеком и поэтому умножает число людей, как это указал Аристотель), постольку нужно отметить, что подлинное общее есть единство частного и общего, имеющее природу содержательного общего; точнее: общее есть общее не как противоположное частному, но как содержащее его, т.е. общее есть «охватывающее» в единстве частного и общего. Частное только тогда оправдывает само себя, когда оно не оторвано от общего, когда оно содержит его в себе, когда оно каким-то образом есть общее.

Всякое единство, как было сказано, является содержательным общим, но полная общность есть общность единства противоположностей.

Диалектическое единство содержательного частного и общего и лежит в основании диалектической логики (как это будет выяснено в последующем).

§ 43. Частное-общее и конечное-бесконечное

Взаимоотношение частного и общего может быть представлено как взаимоотношение конечного и бесконечного, если мы имеем в виду содержательное частное и общее.

Конечное, как было сказано, есть «это, а не другое»; если это другое является противоречащим, тогда у нас будет два полных конечных (третье исключено), единство которых будет бесконечным, как единство противоположностей; но такое единство, как было указано, представляет полную содержательную общность, а полное частное является только одной стороной противоречия. Конечное есть односторонность, содержательное частное. Общее есть единство односторонностей.

Имеется восемь видов единства частного и общего: 1) если есть частное, то есть общее (или поскольку есть частное, постольку есть и общее); 2) если есть общее, то есть частное; 3) если нет частного, то нет и общего; 4) если нет общего, то нет и частного; 5) если есть частное, то нет общего (поскольку есть частное, постольку нет общего); 6) если есть общее, то нет частного (поскольку есть общее, постольку нет

частного); 7) если нет частного, то есть общее (поскольку нет частного, постольку есть общее); 8) если нет общего, тогда есть частное (поскольку нет общего, постольку есть частное). Каждое из этих положений есть односторонность или конечное; первые четыре положения выражают положительное взаимоотношение противоположностей, а остальные четыре — отрицательное. Поэтому единство этих восьми односторонностей есть единство противоположностей.

Единство общего и частного, как противоположностей, где отрицанием общего получается общее же и отрицанием частного утверждается частное же, есть отрицанием нечто утверждение его же (или утверждение нечто его же отрицанием). Поэтому, это отношение, как утверждение нечто его же отрицанием, есть бесконечное, именно бесконечно-логическое, которое может быть представлено взаимоотношением восьми положений, в которых оно развернуто восьмисторонне. Это взаимоотношение конечного и бесконечного лежит в основании всей логики, как это будет выяснено и доказано в последующем.

Указанные здесь отношения принадлежат, так сказать, к области первой философии, поскольку они действуют и существуют как в бытии, так и в мышлении. Но для нас главное область логики, объяснение логических форм этими отношениями (об этом после).

Как было сказано, логически первой наукой является логика. Поэтому эти отношения «первично-логические».

Общее может быть понято следующим образом: нечто может быть общим только тогда, когда оно высказывается не только о другом, но и о самом себе, т.е. когда оно рефлексивно (логически рефлексивно); что не является таковым, т.е. то, что касается только другого, есть частное, а не общее. Например, понятие высказывается не только о другом (высказывается логически), но и о самом себе. Поэтому и возможно понятие понятия, а также суждение суждения (напр., отрицание суждения само, есть суждение).

Но положение критянина, что «все критяне лгут», есть частное, поскольку оно касается всех критян, кроме того критянина, который высказал это положение. Поэтому это положение частное, нерелексивное. Положение «Парикмахер бреет тех, кто сам не бреется» частное, поскольку оно не касается самого парикмахера. Так решается парадоксальность общего и релексивности (об этом будет речь ниже). И проблема умозаключения и проблема логических парадоксов должны быть решены, на основе содержательного общего.

§ 44. Содержательное общее и логические формы мысли

В диалектической логике существенно не объемное, как это имеет место в формальной логике, а содержательное общее, принцип содержательного общего. В логике должно быть главным не отношение формы мысли, как рода, к его видам, а содержательная общность формы мысли и ее отношение к ее односторонностям — к содержательным частным. Природа формы мысли состоит в ее содержательной общности; переходы друг в друга и взаимосвязи форм мысли и их видов опираются на взаимоотношения содержательного частного и общего и представляют их. Именно этим путем можно понять переходы форм мысли и их взаимосвязи, как развитие, «логическое развитие».

Содержательная общность суждения есть единство суждения (оно ведь одна определенная мысль?), как единство определенных моментов, именно субъекта и предиката. Это единство настолько тесно и нераздельно, что Аристотель не обращал внимания на копулу и — рассматривал суждение как единое утверждение или отрицание. Для логики исходным является именно то, каково единство субъекта и предиката и в каком отношении находится субъект с предикатом и наоборот, какова их связь.

Содержательная общность умозаключения есть то единство, та единая мысль, которую умозаключение представляет в его расчленении, необходимом для проявления и реализации логической необходимости. Составные моменты умозаключения должны быть рассмотрены как содержательные частные, односторонности, внутреннее тождество которых, с необходимостью содержащее различие, создает общность единства.

Если возможна такая полная опосредствованная, логически выводная необходимая связь, являющаяся единством противоположностей, то в логическом полностью будет представлено необходимое единство логического конечного и такого же бесконечного; это значит представить природу логического в полном виде, чего, мы коснемся при рассмотрении умозаключения и доказательства.

Содержательна и общность понятия, поскольку оно есть единство определенных признаков и

определенностей (адекватным выражением этого является немецкое слово «der Begriff»), Это так не только тогда, когда понятие содержит несколько признаков, но и тогда, когда оно имеет один признак, когда понятие представляет категорию. Категория сама есть понятие, у которого нет родовидовых отношений с другими понятиями; оно содержательное общее. Категория с необходимостью подразумевает те категории, которые определяют ее, как предыдущие и последующие; ведь определение категории есть нахождение ее места в системе? Необходимое установление первичности и вторичности категорий является ничем иным, как их определением, более того, их доказательством (определением категорий и осуществляется их доказательство). В доказательстве категорий реализуется их единство, которое представляет собой содержательную общность.

Содержательными общностями являются также и логические связи форм мысли. Необходимым опосредствованным единством суждений является умозаключение; а понятие, как это будет специально рассмотрено ниже, представляет общую мысль умозаключения. Например, образцом содержательной общности является единство положительности и отрицательности, как форм, если таковое возможно (впервые эту проблему поставил Фихте). Само логическое не может быть ничем иным, как содержательной общностью, необходимым единством определенных моментов (содержательных частных), формы которого являются именно логическими формами. Логическое есть необходимая связь и единство мыслей, которое не может не быть содержательной общностью. Логическое не может не быть содержательной общностью, если необходима синтетичность логического.

§ 45. Общность начала доказательства

В дополнение к предыдущему параграфу нужно сказать несколько слов о начале доказательства, как о его сущности, общности; специально проблема начала доказательства будет рассмотрена ниже — в теории доказательства (в последней главе).

Содержательную общность доказательства, как системы, представляет начало доказательства, как его принцип, закон или правило, то, чем является сущность доказательства. С точки зрения Аристотеля, начало доказательства, как его сущность, есть закон невозможности противоречия, как закон невозможности утверждения и отрицания одного и того же об одном и том же. Невозможность одновременного утверждения и отрицания представляет природу доказательства. Она имеет характер общности не только в том смысле, что определяет и объясняет все в доказательстве, но и в том смысле, что представляет содержательную общность каждой формы мысли и в виде этой формы является определенным необходимым единством — сущностью. Утверждение и отрицание представляют природу суждения, такую природу имеет и умозаключение.

Положение о невозможности противоречия само имеет природу доказательства, поскольку оно носит характер утверждения-отрицания.

Сущностью всякого движения, как это достаточно доказано в диалектическом материализме, является единство противоречия. Так должно быть и в логическом доказательстве; его сущностью должно быть логическое осуществление единства противоречия, высказываемое (как это увидим ниже) в умозаключении определенного вида; единство противоречия непосредственно и прямо выражается в логическом, в утверждении чего-либо его же отрицанием, что, как мы уже знаем, имеет природу категории логического и представляет собой логическую рефлексивность.

В логике полностью представленное общее есть то, что распространяется и на само себя; но «всем» подразумевается и общность. Это обстоятельство, как это будет показано ниже, не создает никаких трудностей в диалектической логике (тогда как в математической логике создает парадоксы).

§ 46. «Логическая схема» и модель

Система аксиом, например система исчисления предложений, и каждая аксиома, как определенная правильно построенная формула, есть логическая схема. Интерпретация этой схемы называется моделью. Модель, в конечном счете, имеет содержательный характер. Логическая система аксиом и теорем в случае моделирования превращается в содержательно истинные предложения модели.

Известно, что для установления непротиворечивости, независимости и полноты системы аксиом обращаются к моделированию, к определенной интерпретации (иногда различают друг от друга

моделирование и интерпретацию). Мы можем понять знаки предложений x, y, z как арифметические переменные (здесь мы приводим точку зрения Гильберта и Аккермана), значения которых будут 0 и 1; xvy будет арифметическим произведением, $\bar{x}$ будет $\bar{0}$, которое равно 1, и $\bar{1}$ равно 0. На основе такой интерпретации каждое сложное предложение представляет определенную арифметическую функцию основных предложений, которая может иметь только два значения: 0 или 1.

Отсюда очевидно, например, то, что $\bar{\bar{X}}vX$ всегда имеет значение 0: поэтому аксиома $\bar{\bar{X}}vXvX$ всегда равна 0. То же можно сказать и о других аксиомах.

Если переменные x, y, z , принимают значение 0, 1, 2, 3, тогда связь этих переменных v («или») определяется так:

$$\begin{aligned} 0v0=0v1=0v2=0v3 &= 0; \\ 1v1=1v2=1v3 &= 1; \\ 2v2=2; 3v3=3; 2v3=2; &\text{ и т.п.} \end{aligned}$$

Здесь мы указываем только на то, что общим для числа, как модели схемы, может быть не схема, а само же число или количество; схема не есть общее, а модель — частное, если «частному» и «общему» придадим соответствующее логическое значение.

Модель есть не частное схемы, а ее интерпретация; если «проблема интерпретации есть проблема подстановки чего-то определенного» (Б. Рассел), то ясно, что переменная, как что-то неясное или неопределенное (Черч), не может быть общей в отношении определенного»

Слово «модель» понимают по-разному: для некоторых модель вторична, а схема первична, а для других — наоборот; голландский математик Ван-Данцинг сказал, что гор. Париж надо называть моделью его плана, а наоборот, план Парижа есть модель этого города.

Мы здесь интересуемся только тем, что между схемой и ее моделью нет отношения общего и частного. Общим Парижа является, ясно, город вообще, а не план Парижа, или наоборот. Нельзя в логике заменять взаимоотношения общего и частного взаимоотношением схемы и модели. В логических формах — в суждении, умозаключении, понятии, доказательстве — действует взаимоотношение общего и частного, а не схемы и модели, которые существенны для математической логики.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ МЫСЛИ

Рассмотреть логические законы мысли, наверное, было бы лучше в другом месте, чем здесь, например в конце науки логики, если бы мы следовали принципу развития с начала до конца и полностью реализовали бы его в виде логического развития. Это возможно так и будет при построении полной системы логики, а здесь логические законы могут быть рассмотрены именно в этом месте, поскольку в этом случае, для нас главное характеристика только основных моментов логики; вместе с тем, должна быть подчеркнута представлена связь логического с онтологическим в начале же науки логики, для того, чтобы ее материалистичность легла в основание ее же диалектичности.

Проблема законов логики стоит остро в современных условиях развития логики, когда, например, в математической логике объявляется законом каждое «всегда истинное положение» и нет предела изобилию законов.

При рассмотрении логических законов будем руководствоваться принципом диалектики, именно, в том смысле, что начнем с законов старой формальной логики и путем рассмотрения их природы покажем необходимость и существенность законов диалектической логики. Здесь, как мы увидим, выявится, что формальная логика есть момент диалектической логики, формально-логическое представляет одну сторону диалектико-логического; диалектическая логика представляет высшую ступень развития логики, она «высшая логика».

Рассмотрению логических законов должно предшествовать определение понятия закона.

§ 47. О понятии закона

Каков вообще закон науки, таким должен быть и закон, науки логики; но в каждой области действительности, вследствие ее особенностей, действуют особенные законы. Поэтому логические законы специфичны, тем более что они являются законами не действительности, а ее своеобразного отражения — мысли.

Логическая связь — необходимая связь, но она как именно связь синтетична. Связь осуществляется тогда, когда подлежащие связи различны. Логическая связь может быть только единством различных. Как известно, единство элементов есть содержание. Единство осуществляется по-разному, разными способами. Это значит, что единство имеет и не может не иметь форму. Способ осуществления единства есть закон. Закон есть форма общности единства.

Совершенно по другому представляет природу логического закона математическая логика. В ней логическим законом считается всегда истинное предложение, т.е. такое сложное предложение, которое истинно при всяком значении истинности его составных частей, или логический закон есть **изображение**, которое составлено из переменных и постоянных и где замена переменных истинными или ложными предложениями всегда дает истинное предложение; это последнее и есть закон.

Закон есть всегда истинное положение, например, «закон гипотетического силлогизма»: если $A \rightarrow B$ и $B \rightarrow C$, тогда $A \rightarrow C$, или $[(A \rightarrow B) \cdot (B \rightarrow C)] \rightarrow (A \rightarrow C)$. Этот закон показывает транзитивность импликации.

В математической логике закон является выражением функционального отношения; такой закон, по нашему мнению, пригоден и естественен для математики, но он не имеет общелогического характера (как это будет показано в последующем).

Закон должен объяснять явления, т.е. он должен быть существенным; закон — категория сущности. Сущность есть у всего существующего, в том числе и у логического. Логический закон представляет собой категорию сущности логического.

Если нет закона, тогда имеет место хаос, где все непонятно. Если закон и то, что ему подчиняется, равны друг другу, тогда невозможно существование науки; если закон виден на поверхности явления, тогда наука и научное исследование являются излишними (К. Маркс). Закон не может опережать явление или следовать за явлением (явлениями), в противном случае он был бы не законом, а явлением. Закон является выражением природы явления; определенность этой природы есть форма, которая является для него внутренней. Одним словом, понимание природы закона означает понимание его признаков.

§ 48. Объективность логического закона

Объективность логического закона непосредственно вытекает из объективности логического. Невозможно, чтобы вообще закон, и в частности закон логического, был субъективным. Субъективное есть случайное и само нуждается в объясняющей объективности, в частности в объективном законе. С этой стороны, закон должен иметь абсолютный характер и должен быть свободным от всякой субъективности.

Признание субъективности закона приводит к нелепости, логической ошибке и исключению самого себя, поскольку, если закон субъективен, то такое субъективное должно быть не субъективным, а объективным, точнее: такое субъективное мы должны принять за объективное, что нелепо. Это значит, что объективность для логического закона необходима. Если бы логический закон был только нашей нормой, тогда он был бы субъективным в том смысле, что мы смогли бы заменять его и постольку он зависел бы от нас. Если нечто является нормой для всякой субъективности, тогда эта норма не будет только нормой, а будет иметь объективный характер (ведь и объективное может быть нормой и оно должно быть таковой). То, что только должно быть и не есть, никогда не будет, не может быть законом. То, что только должно быть — субъективно; такое долженствование имеет субъективное значение.

Но можно сказать и то, что долженствующее быть по своему понятию уже есть, как именно понятие. Постигнутое в понятии уже есть логически. Например, постижение бесконечного ряда натуральных чисел полностью невозможно, поскольку оно не исчерпывается, бесконечное не кончается, но если мы знаем, что такое это бесконечное, тогда у нас имеется его понятие, т.е. в понятии оно завершено. Постольку оно не является более долженствованием.

Невозможно нарушение логического закона. Мы можем не возвыситься до логического закона; «нарушение» может быть понято на основе закона; критерием «нарушения» или «ненарушения» является закон; закон представляет масштаб того, ошибаемся мы или нет. Ошибка субъективна и мы можем понять ее на основе объективного. Критерием является объективное. Таким должен быть закон.

Законы мы не создаем и не упраздняем; эти законы объективны: в науке других законов нет. Логическое мышление есть факт, поэтому его законы являются объективными. Логические законы являются законами каждой нормальной мысли. Возможно только открытие логических законов, а не их создание.

Логическая мысль, как отражение, не может не иметь объективных законов, поскольку отражение определяется отражаемым — действительностью. Например, закон тождества основывается на тождестве, существующем в действительности и принимающем в мысли форму понятия или суждения. В мысли есть независимое от мысли тождество. Тождество, как таковое, только одно.

Закон мысли, как закон отражения, вторичен, но эта вторичность не отрицает объективности, поскольку истинная мысль представляет особое выражение именно того, что существует независимо от нее.

Закон, как объективное, используется и как норма; мы должны следовать за ним. Долженствование подчиняется бытию, поскольку оно есть долженствование именно бытия. Бытием определяется то, что должно быть.

Логический закон является внутренним для мысли. Внутренность логического закона для мысли не отрицает его объективности, поскольку то, что находится внутри мысли, определяется тем, что существует независимо от нее. С другой стороны, логический закон мысли является таковым только тогда, когда он имеет совершенно необходимое и абсолютное значение для мысли.

Объективность закона одна и та же для множества законов; невозможна большая или меньшая объективность законов. Закон мысли может быть вторичным не только в том смысле, что он определяется действительностью, но и в том смысле, что один закон мысли может быть вторичным в отношении другого — более основного, — но оба они будут объективными.

Объективность закона мысли означает и то, что нечто в мысли не может быть иначе. Поэтому логический закон должен иметь и признак необходимости; природа закона состоит в необходимости. Объективно и то, что не есть закон, поэтому объективность недостаточна для закона. Закон с необходимостью должен иметь и другой признак.

§ 49. Необходимость закона

Закон есть не только объективная, но и необходимая связь. Необходимая связь есть определенное единство, форму которого представляет закон. Необходимость существует в виде закономерности, законов. Поэтому одним из признаков закона является признак необходимости. Логичность и логическая необходимость — тождественные понятия. Логические формы и формы логической необходимости — одно и то же (как это мы докажем в последующем); логическая необходимость отличается от реальной необходимости; она имеет своеобразный характер. Логическая необходимость внутренняя для мышления; именно поэтому и существуют логические законы и сама логика. Если бы логическая необходимость не была внутренней для логического, то не было бы и науки логики, она была бы излишней. Если в действительности причина предшествует действию во времени, а не наоборот, т.е. невозможно, чтобы за действием следовала причина — нельзя обернуть причинно-следственную связь, то это не распространяется на логическое, поскольку в логическом: 1) не только понятие причины определяет понятие следствия, но и наоборот — и понятие следствия определяет понятие причины; ведь причиной называется именно причина следствия (действия), 2) можно заключать не только от причины к следствию, но и наоборот, от следствия к причине.

Существующая в действительности необходимость, ясно, объективна; она своеобразно проявляется в логическом, в логических формах — в суждении, понятии, умозаключении; доказательство — осуществленная необходимость. Логическая необходимость тоже объективна; она не может не быть объективной, поскольку: 1) имеет характер объективности истины; 2) в логическом господствует рефлексивность; категория необходимости, как было сказано, есть не только логическая категория, но и категория логического. Невозможно отрицание необходимости, поскольку: 1) это отрицание само будет иметь природу необходимости; 2) полученная этим отрицанием случайность сама превратится в необходимость (Ф. Энгельс).

Мы можем отличить друг от друга конечную и бесконечную логическую необходимость (как это будет более полностью представлено в последующем); конечная логическая необходимость есть необходимость невозможности противоречащего; а бесконечная логическая необходимость есть необходимость рефлексивности категории логического, осуществленная в этой рефлексивности необходимость; это необходимость утверждения нечто его же отрицанием; например, при отрицании тождества — необходимость применения тождества и т.п. (см. выше, категории логического). Конечная необходимость есть односторонность бесконечного (эти две необходимости определены действительностью; также и их единство).

Невозможно логическое отрицание необходимости, поскольку, в таком случае, само отрицание будет иметь природу необходимости. Поэтому отрицание необходимости утверждает ее же. В этом и состоит высшая форма логической объективности. Иной объективности в логическом нет.

§ 50. Идентичность закона

Неопределенность мысли показывает ее нелогичность. Логическое представляет собой полную определенность. Определенность невозможна без идентичности. Где нет ничего идентичного, там не может быть и речи о существовании чего-либо. Поэтому идентичность необходима. Логический закон представляет собой идентичную определенность¹. Не может быть логического закона без идентичности.

Это не значит, что признание идентичности равносильно отрицанию логического процесса или развития. Понятие развития заранее подразумевает тождественное в развитии, в противном случае не было бы развития, имелись бы только все новые и новые начинания, но без тождества мы не смогли бы отличить и их друг от друга. Тем более это справедливо в отношении закона; закон должен быть тождественным для процесса или развития.

Закон идентичен, поскольку он: 1) тождественен во всем, тождественен в процессе; 2) является тождественным различных (нетождественных). Поэтому эта идентичность относительна; идентичное является идентичным в отношении неидентичных — различных. Именно поэтому и возможно то, что 1) закон, тождества есть закон логического процесса и 2) это тождество содержит различие. Без идентичности невозможна необходимость и ее осуществление. Абсолютная идентичность является основанием аналитичности, но идентичность и аналитичность являются моментами синтетически-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, изд. четвертое, стр. 140-142.

логической связи, необходимого синтеза (об этом в последующем).

Идентичность необходима для логической связи, но недостаточна, поскольку необходимо и различие; без различия невозможна связь, процесс, синтетичность. Логическая синтетичность есть своеобразное развитие, которое невозможно без необходимого единства тождества и различия. Положительное синтетическое суждение есть развитие, поскольку здесь имеется необходимая связь различных. Таково каждое синтетическое суждение; таково и умозаключение, поскольку необходимое следование может иметь место только тогда, если из нечего (посылки) с необходимостью получается отличное (заключение). Отрицание различия делает невозможным тождественную связь, поскольку связь есть только связь различных.

Тождество — это отношение к самому себе (тождество и различие являются категориями сущности; сущность имеется и у логического; поэтому и содержится нем как тождество, так и различие). Закон есть одна сторона этого отношения, одна определенность в ее общей форме. Закон тождественен, как объемно-общее для множества и как форма содержательной общности. То, что является содержательным общим в суждении или умозаключении, является также и объемно-общим для множества суждений и умозаключений. Закон выражает природу логических форм. Логическая необходимость, согласно своей природе, одна, но существуют ее разнообразные осуществления; она может проявиться полностью, а также неполностью. Неполностью проявленная необходимость есть одна сторона полной необходимости. Идентичность везде одинакова, тем более идентичность закона. В различных формах мысли необходимость проявляется по-разному. Логическая необходимость полностью проявляется в умозаключении и доказательстве, а в суждении неполностью. Эта разнообразность означает, что существует не только один закон, а законов может быть (и есть) много.

Идентичность необходима для закона, но она недостаточна, поскольку идентично и то, что не является законом.

§ 51. Существенность закона

Закон не есть каждое идентичное; он должен быть существенным идентичным (идентичное может быть и несущественным). Закон есть существенная связь, таков и логический закон. Связь может быть: 1) несущественной, внешней и 2) внутренней, существенной. Внешними являются, например, пространственные и временные связи; в пространстве вместе и во времени последовательно могут существовать и существенно различные. Внешняя связь «и», посредством «и» друг с другом связывается все; взятое в общей форме «и» связывает все и в том числе существенно различные именно потому, что само оно внешне и несущественно. Внешняя связь не имеет природы необходимости; поэтому такая внешняя связь случайна и постольку несовместима с логической необходимостью. Ненужная связь не может быть логической. Логическая связь всегда носит признак необходимости.

По поводу сказанного нужно отметить, что логика отношений не отличает внешней, например пространственной и временной связи, ни от существенной, ни от логической. Логика отношений не различает существенные и несущественные связи и, вместе с тем, логическое сводит к реальному, что для логики недопустимо. Математическая логика основывается на функциональном отношении, которое представляет внешнюю связь. Функционально могут быть связаны существенно различные предметы. Поэтому логическое отношение основания-следствия нельзя свести к функциональному отношению. Логическая связь означает, что одна мысль согласно своей природе переходит в другую, связывается с другой.

Существенное и несущественное, внутреннее и внешнее — относительные понятия. Например, суждение более внешне, чем умозаключение; первое представляет одну сторону второго. Но суждение существенно для своей стороны, например для предиката. Применение внешнего и внутреннего, несущественного и существенного, как категорий, их связи и соотносительности этих категорий, осуществляется в логических формах мысли. Внешние стороны мысли находились в центре внимания формальной логики, когда она только описывала формы мысли и рассматривала их в координации, а не во взаимосвязи и субординации. Еще Аристотель требовал, чтобы логика имела в виду «внутренний смысл» логического, а не внешнее изображение²; значит старая логика сама требовала того, чтобы логика не

² Аристотель, Вторая аналитика, кн. 1, гл. 10.

удовлетворялась описанием, координацией, но это требование до диалектической логики не было осуществлено. Ф. Энгельс отмечал, что диалектическое рассмотрение форм мысли есть рассмотрение их в субординации, в развитии. Рассмотрение форм мысли (и вообще всего существующего) в развитии есть их рассмотрение согласно сущности, поскольку развитие есть переход одного в другое, согласно его внутренней природе, где непосредственно действуют законы. Закон есть категория сущности и в отношении мысли.

Это обстоятельство подтверждается положением В. И. Ленина, согласно которому формальная логика основывается на том, что «наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза», а диалектическая логика требует «чтобы мы шли дальше»³ (это значит, что логика и теория познания опираются на онтологию — на различие существенного и несущественного, которое специфически представлено в логике и объясняет различие диалектической и формальной логики).

Итак, можно сказать, что: 1) формальная логика основывается на внешних, несущественных сторонах мысли — на ее явлениях — что формально-логическое является внешним в отношении того, что изучается диалектической логикой; именно в отношении внутренних существенных сторон форм мысли, которым подчиняется и внешнее; предметом изучения диалектической логики является полное единство односторонностей, тогда как формальная логика имеет в виду только односторонность, именно, одну сторону противоречия. Последователи формальной логики часто определяют понятие, как мысль, отражающую сущность предмета, но они не отделяют существенное от несущественного, представление от понятия и при рассмотрении суждения и умозаключения принимают одно за другое; формальная логика не принимает во внимание и отрицает логические категории, связь категорий в суждении и умозаключении.

Каждый закон является существенным для содержания. Таков и логический закон. Закон не виден на поверхности и в логике. Правда, один закон в отношении другого может быть «поверхностным», более внешним (но об этом ниже). Логический закон есть существенная связь собственного содержания формы. Невозможна только форма. Что из себя представляет форма, то и есть ее содержание. Этим содержанием связываются друг с другом формы мышления. Закон является существенным для этих связей; по-иному и невозможно (здесь доказательство есть и объяснение; это объяснение и содержание отождествляют логику и теорию познания; об этом будет речь в последующем). Закон есть внутренняя, существенная и Необходимая связь. Закон представляет собой внутреннюю форму определенного единства-содержания, как напр., закон невозможности противоречия или единства противоречия в доказательстве. Для Аристотеля сущностью доказательства является одновременная невозможность утверждения и отрицания, а для диалектической логики сущность доказательства состоит в необходимом единстве и необходимой связи утверждения-отрицания (как это будет показано в последующем).

Согласно К. Марксу, закон есть «внутренняя и необходимая связь между двумя явлениями, которые по своей внешней видимости противоречат одно другому»⁴ («В конкуренции все проявляется в искаженном виде»)⁵. Если это так, тогда нужно сказать следующее: логический закон есть внутренняя необходимая связь антиномичных понятий и суждений (об этом ниже). Поэтому логический закон должен иметь диалектико-логическую природу.

§ 52. Общность закона

Если закон имеет идентичную природу, то он будет и общим. Общее есть одно для многих. Таков каждый закон — он один в отношении многих. Закон не исчерпывается одним явлением или одной односторонностью; в противном случае не было бы закона.

Индукция-дедукция и их законы, как известно, опираются именно на взаимоотношения общего и частного; наиболее же общий в этих взаимоотношениях — это сам закон. Если общее является существенным, то можно сказать, что закон есть общее и общее есть закон⁶. Необходимость есть «общее в бытии». Общее есть необходимость, ибо она заключается в общности. Предметом науки является общее, закон. Так обстоит дело и в науке логики. К. Маркс отмечал, что общий закон есть господствующая

³ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 72.

⁴ К. Маркс, Капитал, III, 1, 1949, стр. 233.

⁵ Там же, стр. 217.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 38, изд. четвертое, стр. 263.

тенденция⁷. Закон представляет собой господствующую тенденцию в двух смыслах: 1) закон есть тенденция явлений, явления вращаются вокруг закона (напр., цены вокруг стоимости) и не совпадают с ним. Всякое логическое доказательство в сущности должно вращаться вокруг одного и того же закона; оно должно содержать его, как свою господствующую тенденцию; 2) в смысле основной определенности развития; ступени развития все более и более проявляют сущность развития и того, что развивается. Закон представляет собой связь между сущностью и явлением, основанием и следствием (поэтому закон «стирания» основания не будет законом). Здесь есть необходимая общая связь, что и является законом. Закон есть необходимая общая связь.

Закон имеет природу существенного общего. Именно таков закон, действующий в логической необходимости, в умозаклечениях, в доказательстве. Необходимая общность закона имеет природу содержательного общего. Поэтому нужно сказать, что закон не прост, а сложен (в смысле утверждения-отрицания, как это понимал Аристотель). Общность закона есть общность единства моментов сущности. Общность закона конкретна. Она есть единство суждений в умозаключении, в доказательстве, точнее, форма этого единства. Закон сложен, как связь различных: 1) как связь явлений, вытекающая из их природы (отношение вытекает из природы вещей, а не наоборот, вопреки «логике отношений»). Закон, правило есть внутренний смысл, например, суждения, умозаключения (а не посылка); 2) у самого закона имеются собственные моменты; закон есть форма единства различных моментов. «Сложность» создает именно различенность. Единство различных есть именно их единство и поэтому оно не является абстрактно простым. Связь не может быть простой. Закон есть форма положительного единства, содержащего внутреннее отрицание. Закон есть форма общности единства. Например, закон причинности есть единство причины и следствия, форма объединяющей их общности (как причина, так и следствие общи, как общее для многих). Тожество содержит в себе внутреннее различие. Невозможность противоречия есть невозможность одновременного утверждения и отрицания. Единство противоречия в логическом есть определенное единство утверждения и отрицания, где утверждение исключает отрицание и наоборот. Логическая связь основания и следствия представляет именно их связь, общность этой связи. Закон есть закон получения нового, закон синтетического, в логическом — закон синтетически-логического. Например, тенденция суждения дана в законе умозаключения. Тенденция доказательства есть его закон. Эта тенденция представляет собой тенденцию синтеза, получения нового. Закон состоит в общности развития, все равно, логическое это развития или нелогическое.

Закон сложен, так как он есть форма положительного единства, содержащего отрицание. Эта сложность, как было сказано, является сложностью утверждения-отрицания. Полнота общности закона реализована в единстве полных частных, в единстве противоположностей. Именно поэтому, единство противоположностей есть наиобщий закон, для которого характерна полная общность. Эта общность есть общность бесконечности, тогда как общность одной стороны противоречия представляет собой общность полного конечного. Например, общность единства частного и общего имеет природу бесконечной общности и т.д. Эта общность объясняет каждое суждение, умозаключение, понятие и доказательство (как это будет выяснено в последующем).

§ 53. Определение логического закона

Определение закона уже дано полностью характеристикой рассмотренных выше его признаков. Закон есть определенное единство, определенная его форма, точнее форма его общности.

Вообще закон есть форма, общности объективной, необходимой, идентичной, существенной связи-единства изменяющихся и развивающихся явлений. Наиболее же общим законом является внутренняя, необходимая, положительная связь-единство противоположностей.

Логический закон (логического) тоже закон и постольку содержит его общие признаки, но он именно закон логического, определенной сферы — сферы мысли — и поэтому специфичен. Логическое подчиняется собственным законам, иначе оно и не существовало бы. Здесь достаточно отметить, что самым основным законом: логического должен, быть (и есть) закон единства противоположностей в сфере мысли — в сфере понятий и суждений; самый основной закон логического — закон единства понятий-категорий или суждений, существующего в виде определенного-умозаключения. В логическом единство

⁷ К. Маркс, Капитал, т. III, часть 1, 1949, стр. 168.

противоположностей, как увидим ниже, существует в виде определенного — бесконечного — умозаключения.

Логический закон есть форма общности необходимой, существенной связи мыслей. Эта общность имеет несколько форм и поэтому существует множество логических законов; но согласно понятию закона, существует один наибо́льший закон, которому подчиняются другие. Множество законов является односторонностями одного.

Общность необходимой связи мыслей является единством ее моментов, именно, единством моментов суждения, понятия и умозаключения; законы же являются формами этого единства — сами представляют собой определенные единства. Законы выражают то, как, в какой форме связываются мысли друг с другом. Это — формы осново-следственной связи правила логической субординации и перехода от основания к следствиям и наоборот.

Друг от друга отличаются и должны отличаться формально-логические правила связи понятий и суждений и правила связи категорий; друг от друга отличаются правила аналитически-логического и синтетически-логического. Они не могут не отличаться друг от друга. Именно поэтому формальная логика не смогла справиться с синтетически-логическим вообще и, в частности, с категориями и -их взаимосвязями, не смогла внести их в логику и поэтому логика была представлена односторонне.

Синтетически-логическое не может существовать без момента аналитичности, поскольку логическое равно логической необходимой связи, которая невозможна без тождества. Логическая необходимость невозможна без тождества и поэтому без аналитичности. Законы синтетически-логического являются законами синтеза-анализа или необходимого единства синтеза и анализа. Поэтому можно сказать, что если диалектико-логическое является синтетически-логическим, то законы формальной логики войдут в законы диалектико-логического в виде моментов или односторонностей. Постольку будет только одна логика — диалектическая логика, которая снимет и сохранит в себе формальную. Это обстоятельство станет очевидным, в первую очередь, при рассмотрении логических законов.

§ 54. Категория и закон

«Законы мышления» формальной логики опираются на определенные категории, именно, на категории тождества, противоречия и основания. И в самом деле, невозможно мышление без категорий⁸. Это обстоятельство для формальной логики осталось и остается неопределенным; математическая логика исключает философские категории, поэтому она сводит мышление к языку и символам.

Как это было выяснено выше, категория логического является тем объективно-необходимым средством, которым совершается мышление вообще и, в частности, мышление относительно этого средства. Поэтому, мысль должна иметь столько законов, сколько имеется таких средств-оснований, а не только три или четыре, как это было представлено в старой логике; число логических законов мысли не может превышать число категорий логического (в математической логике за логические законы принято много таких положений, которые не имеют никакой связи с категориями, старательно исключаемыми из этой науки).

Принцип определения количества законов должен опираться на категории логического. Старая логика вообще не имела принципа определения законов. Принцип математической логики, согласно которому законом называется всегда истинное положение, является неопределенным: 1) за закон принимается почти каждое основное положение, поэтому теряется особенность закона; 2) как бы мы ни понимали истину, применение ее в качестве такого принципа не оправдано, поскольку истиной может быть ведь и то, что не является законом? 3) тавтологичные и неопределенные положения, например, $A \vee A$, не могут быть принципами, поскольку: а) тавтология — чистое тождество — переходит в противоречащее, в ничто, б) неопределенность, колебание не может быть принципом. Нет ничего хуже, чем принимать беспринципность за принцип (напр., принцип «терпимости» Карнапа).

Логические законы опираются на определенные категории, но действуют и в самих категориях: здесь имеется логическая рефлексивность. Законом может быть и связь категорий, которой они подчиняются. Например, закону перехода количества в качество подчиняются категории количества и качества, несмотря на то, что он опирается на эти категории. Как это будет выяснено ниже, закон перехода

⁸ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1953, стр. 164, 165

количества в качество и наоборот в логическом действует как закон получения нового, который, поэтому, подчиняется и в свою очередь подчиняет себе тождество как аналитичность и получение нового, как различие. Закон невозможности противоречия опирается на категории противоречия, возможности и закона, которые в свою очередь подчиняются этому закону и т.п.

Для диалектической логики, как это мы докажем в последующем, наисновным законом является закон единства противоположностей (противоречия), взятый в его специфической форме. Логические законы мы рассматриваем в аспекте именно этого наисновного закона. Это не значит, что этот закон будет принят нами догматически, нет, мы дадим его доказательство и покажем его необходимость, именно — необходимость его для других законов. Мы не сможем полностью перечислить все законы, поскольку может быть еще много законов логического. Мы можем придерживаться полноты только в аспекте наибообщего, т.е. будем иметь в виду целостность, все стороны которой не могут быть предусмотрены.

§ 55. Закон тождества (1)

Здесь мы не будем повторять сказанного о тождестве выше. Не будем рассматривать и различных взглядов на закон тождества. Коснемся только существенного, того, что необходимо для нашего труда.

Согласно положению тождества, все тождественно; положение тождества может быть выражено так: все тождественно в отношении к самому себе, нечто тождественно себе, A есть A . Тождественно себе и различие и противоречие. Здесь идет речь не о тождестве в отношении к другому, а о тождестве именно с собой. Тождество есть определенная форма, определенная сторона, определенность или категория отношения к самому себе. Все, как в бытии так и в мысли, является тождественным в отношении самого себя (поэтому Гегель рассматривал тождество, как категорию сущности).

В мысли, в логическом тождество есть тавтологичность положения « A есть A ». Как любой предмет, так и каждая мысль тождественны себе.

Без тождества нет ничего. Тождество необходимо для существования нечто. Без тождества невозможно мышление, логическое. Если мысль не «равна» самой себе, то она не существует; если понятие не «равно» — себе, то это то же самое, что отрицание понятия. То же можно сказать и в отношении суждения и т.п.

Невозможно отрицание тождества, поскольку само это отрицание должно быть тождественным с собой, т.е. оно с необходимостью должно применять тождество, должно опираться на него. В этом смысле, отрицание тождества утверждает его как свое средство-основание.

Тождество — рефлексивная категория. Эта рефлексивность — рефлексивность тавтологии. Рефлексивность тождества состоит в том, что тождество касается самого тождества. Ведь тождество — определенное отношение к самому себе. Положение, закон тождества требует придерживаться такого тождества, поскольку оно необходимо для каждой мысли. Рефлексивность тождества состоит в двух вещах: 1) тождественно самому себе само тождество, 2) отрицание тождества также тождественно самому себе.

Последнее положение, именно, положение о том, что отрицание тождества также тождественно себе, показывает, что тождество, правда, необходимо для правильной мысли, но недостаточно. Если и отрицание тождества является тождественным, то тождество можно будет применить и к неправильной мысли, ведь неправильная мысль будет именно неправильной мыслью, а не правильной? Неправильная мысль тоже тождественна себе. Поэтому, посредством только тождества нельзя отличить правильность от неправильности. Нарушение тождества делает мысль невозможной, но его соблюдение не дает гарантии правильности. Положение тождества исключает различенность, но вместе с тем признает и требует, чтобы различенность была тождественна себе. Тождество противопоставляется различию; эти две категории противоположны друг другу, но необходимо и то, чтобы и различие было тождественным самому себе, в противном случае оно не сможет существовать.

В математической логике закон тождества выражается так: если A , то A , или $A \rightarrow A$, например, «если идет дождь, то идет дождь». Этот закон в исчислении классов принимает такую форму: $A \subset A$, это значит: каждый класс входит в самое себя. Закон тождества — $A \rightarrow A$ тоже самое, что $A \vee \bar{A}$; тождество сведено к делимости. Постольку, закон тождества в математической логике даже не применяется (а равенство, поскольку оно имеет содержательный характер, входит в металогику, а не в логику). Итак, очевидно, что в

математической логике закон тождества является одним из тавтологических положений, исключаящим различие и синтетичность.

Положение тождества — «А есть А» не содержит ответа на то, что такое А, а выражает только следующее: «если есть А, то есть А», как это впервые, высказал Фихте, а некоторые логики повторяют и сегодня. Следовательно, положение тождества полагает не А (что такое А), а только формальную связь нечего с самим собой (об этом более подробно будет сказано ниже, именно тогда, когда рассмотрим закон полагания).

Согласно положению тождества: 1) нечего есть нечего, невозможно чтобы нечего было другим; 2) суждение тавтологично, S есть S, а не S есть P, т.е. суждение не может быть оправдано, если оно не тавтологично; 3) умозаключение аналитично; вывод находится в посылках и поэтому вытекает оттуда с необходимостью; но этот вывод теряет смысл, поскольку он не нов, он то же самое, что то, откуда он выводится; 4) таково и доказательство; доказанное положение не отличается от доказывающего, тезис — от основания. Поэтому здесь и имеется логический круг, ошибка. Если доказывающее то же самое, что и доказываемое, то ничего вообще не доказывается. Здесь совершенно очевидна ничтожность или ложность тавтологичного. Это значит, что тавтология не говорит ничего. Чистое тождество — «А есть А» — тавтология, что полностью проявляется в тавтологичности доказательства, как в ложности. Формальная логика опирается на абсолютное тождество, которое приводит в доказательстве к логическому кругу, что сама считает ошибкой. Этим формальная логика, в этом аспекте, впадает в безвыходное противоречие с самой собой.

Поэтому, следует сказать, что положение тождества содержит затруднение; должно быть невозможным признание только чистого тождества, поскольку: 1) чистое тождество в бытии есть ничто, пустота; 2) чистое тождество в мысли есть высказывание того ничто, которое содержится в тавтологичности, это есть ничто тавтологичного; 3) понятие тождества с необходимостью подразумевает понятие различия; тождественное имеет смысл в отношении к различному; тождество и различие являются соотносительными категориями.

Это затруднение положения тождества заставляет нас признать, что чистое или абстрактное тождество отличается от конкретного тождества; абстрактное тождество с необходимостью требует конкретного, в отношении которого и может оно иметь смысл. Конкретное тождество есть тождество, содержащее различие⁹ (о конкретном тождестве — об единстве тождества и различия, будет речь ниже). Абстрактное тождество исключает различие. Развитое различие — полностью представленное различие — есть противоположность (Аристотель, Гегель). Поэтому абстрактное тождество исключает как противоположность, так и противоречие; т.е. необходима невозможность противоречия.

§ 56. Закон невозможности противоречия (2)

Положение о невозможности противоречия часто принимают за отрицательную форму положения тождества. Обратной — отрицательной формой положения тождества следует признавать положение о невозможности различия, а не прямо положение о невозможности противоречия, поскольку последнее означает много больше, чем невозможность различия. Невозможность противоречащего не означает лишь невозможности различного. Можно признать отличное и противоположное чему-либо, но отвергнуть противоречащее ему.

Положение о невозможности противоречия выражается так: «А не есть не-А». Если А есть А, то ясно, А не может быть не-А.

С точки зрения Аристотеля, положение о невозможности противоречия является критерием как существования, так и правильности-истинности мышления; если нечего противоречит самому себе, то его существование невозможно; если мысль противоречит самой себе, то она является ложной, нелепой. Для Аристотеля невозможность противоречия является первым положением доказательства, началом доказательства, поскольку в области логики она означает невозможность одновременного утверждения и отрицания одного и того-же об одном и том же; этим выражается природа и сущность доказательства.

И правда, чистое противоречие, голое противоречие есть: 1) невозможность-отрицание существования, поскольку противоречащие упраздняют друг друга; нечего упраздняет само себя, т.е.

⁹ Ф. Энгельс, Диалектика природы. 1953, стр. 170. 92

невозможно его существование; 2) невозможность мысли; если мысль упраздняет сама себя, то она невозможна; эта невозможность называется ложностью, бессмыслицей. И правда, невозможно чтобы нечто было противоречащим себе. Если бы нечто было противоречащим себе, то оно было бы этим противоречащим, а не самим собой; это было бы отождествлением нечто и противоречащего ему, что, ясно, невозможно. В этом смысле, конечно, следует считать правильным и истинным положение о невозможности противоречия и его требование.

Выше были указаны затруднения положения тождества. Такие затруднения характерны и для положения о невозможности противоречия. В русской логической литературе известна критика закона невозможности противоречия (Франк). Именно, следующее: в положении о невозможности противоречия «А не есть не-А» имеется или пустая тавтология, или особая мысль, которая основывается на рассматриваемом отношении. Что такое не-А? это есть «то, что не есть А», поэтому формула положения о невозможности противоречия полностью будет такой: «А не есть то, что не есть А», т.е. «А различается от всего того, что различается от нее». Это тоже повторение и больше ничего. Но поскольку формула невозможности противоречия «хочет» выразить не только различие, но и противоречие, постольку она ложная: А определяется посредством именно ее отношения к не-А, т.е. собственной отрицательной связью с ней, так, что не-А есть признак, посредством которого, прямо определяется само А: А есть то, что отличается от не-А¹⁰.

У Франка сильный аргумент. Он использует положения диалектики Гегеля, которые указывают на ограниченность формальной логики, но не согласны с метафизикой самого Франка.

Аристотель в своей «Первой философии»¹¹ положение о невозможности противоречия определяет так: невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле. Это положение в логике («Органон») высказывается так: невозможно одно и то же и утверждать и не утверждать. Следовательно, у Аристотеля положение о невозможности противоречия является универсальным законом как бытия, так и мысли, оно является законом «Первой философии», применяемым в логике в специфической форме.

Рассмотрим положение Аристотеля о невозможности противоречия с указанием содержащихся в нем затруднений. Для нас здесь является главным указанием именно этих затруднений.

1. Положение о невозможности противоречия есть отрицательное положение. Поэтому его отрицательности должна предшествовать какая-то положительность, поскольку, согласно самому Аристотелю, отрицательности предшествует положительность; отрицательность имеет смысл в отношении положительного. Вследствие этого, положение о невозможности противоречия не может быть основным законом логики (как это казалось Аристотелю и кажется сегодня большинству логиков).

Старая логика требует положительности закона, его выражения общеутвердительным суждением. Определение логического закона (и вообще закона), должно говорить нам, что есть и что может быть, а не то, или не только то, чего нет и чего не может быть. Отрицательное положение должно оправдываться чем-то положительным, положительным положением, которое будет более значительным и основным, чем первое. Этого нет в законе невозможности противоречия.

Если мы скажем, что отрицательности положения о невозможности противоречия предшествует положительность положения тождества и поэтому оба оправданы, то нужно сказать, что: 1) положение тождества будет основным и первым сравнительно с положением противоречия и 2) (что главное) требование объединения отрицательности положения, о невозможности противоречия с положительностью положения тождества есть требование единства противоречия; (положительного и отрицательного), а не признание невозможности противоречия.

2. В законе невозможности противоречия, сформулированном Аристотелем, идет речь о том, что «одному и тому же предмету один и тот же признак...». Тут подразумевается отличие признака от предмета; здесь идет речь о приписывании или неприписывании предмету отличного от него признака. Поэтому нужно сказать, что эта мысль не составлена согласно только закону тождества, только обращением этого закона, только его отрицательной формой; в этом смысле, положение о невозможности противоречия не может быть отрицательной формой закона тождества. Если мы не примем во внимание различие предмета и признака, тогда положение о невозможности противоречия будет отрицательной формой положения тождества; если примем во внимание это различие, тогда мы имеем дело с

¹⁰ См.: С. Франк, Предмет знания, стр. 211-214.

¹¹ См.: Аристотель, Метафизика, 1005 в. 40.

синтетичностью, для объяснения которой законы тождества и невозможности противоречия недостаточны. Поскольку в положении о невозможности противоречия подразумевается различие (между предметом и признаком.) и поэтому синтетичность, постольку оно противопоставляется не только положению тождества, но и самому себе, так как различие и синтетичность, содержат отрицательный момент, исключаемый этим законом.

Если мы скажем, что положение о невозможности противоречия является отрицательной формой положения тождества, тогда совмещение этих двух положений как будто не должно вызывать никакого затруднения; но на самом деле здесь имеется затруднение, именно затруднение согласования или единства формы положительности с формой отрицательности (это затруднение впервые было представлено в философии Фихте в виде непреодолимого, но оно было решено в положительной диалектике Гегеля). Трудность синтетичности перемещена здесь в область категорий, как связь положительности и отрицательности.

3. Аристотелевская формулировка положения о невозможности противоречия содержит указание на момент времени, тогда как логическое не может содержать времени. Правда, положение о невозможности противоречия, которое высказывает момент времени, сформулировано в «Метафизике», но, согласно Аристотелю, и «Первая философия» не содержит времени (время Аристотелем было рассмотрено в «Физике», а не в «Первой философии», это так и должно было быть). Поэтому следует считать правильной ту мысль, согласно, которой в положении о невозможности противоречия вместо слов «в одно и то же время» должно быть слово «вместе»; «в одно и то же время» должно обозначать «вместе». Но это уже интерпретация мысли Аристотеля, а не мысль его самого в формулировке которого участвует момент времени. Здесь несомненно имеется какая-то неопределенность, которая вызывает спор.

Согласно Аристотелю, невозможно чему-либо приписывать противоречащие предикаты одновременно, но здесь подразумевается, что приписывание таких предикатов в разное время возможно (например, Сократ является высоким и низким не в одно и то же время, а только в разное время). Это значит, что время снимает то противоречие, которое запрещается законом невозможности противоречия. Именно одновременность или неодновременность указывает на невозможность или возможность противоречия. Но если время снимает противоречие, то должно быть возможным и допустимым такое высказывание: чему-либо в разное время могут быть приписаны противоречащие предикаты. Это уже есть допущение противоречия в разное время. Следовательно, или разное время не может снять противоречия, или здесь имеется иное противоречие, или же чему-либо в разное время можно приписывать то, что одновременно является противоречием.

Противоречие в разное время в отношении одного и того же будет возможным только тогда, если оно (противоречие) возможно и одновременно, как противоположность самому себе. Противоположность в отношении к самому себе есть противоречие¹². Противоречие есть категория сущности, т.е. категория отношения к самому себе. Поэтому противоречие в разное время может быть явлением того, что представляет одновременное противоречие. Положение Аристотеля о противоречии зиждется на явлениях (здесь проглядывает избыток эмпиризма Аристотеля); диалектика опирается на сущность и ею объясняет явления во всех сферах действительности, в том числе сфере мысли. Следовательно, можно сказать, что время не снимает (не упраздняет) противоречия, а наоборот, опирается и подразумевает его — противоречие самому себе, как единственное противоречие.

Следовательно, в положении о невозможности противоречия заранее должно подразумеваться противоречие. Это положение не должно быть упразднением противоречия; оно должно указывать только на то, когда противоречие представляет собой ошибку.

4. Сформулированное Аристотелем положение о невозможности противоречия содержит и момент отношения. Оно говорит именно о том, что противоречие невозможно в одном и том же отношении, что приписывание противоречащих предикатов в одном и том же отношении невозможно, а в разных отношениях возможно: нечто может быть А и не-А только в разных отношениях, а не в одном и том же. В этом случае мы можем рассуждать так, как при рассмотрении момента времени, но здесь излишне повторять эти аргументы. Мы здесь представим новый аргумент, который касается только момента отношения (аргумент принадлежит Лосеву).

Если одно нечто может быть и А и не-А в разных отношениях, то у нас будет два — противоречащих

¹² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг. 1967, стр. 355.

друг другу предмета, а не один предмет (одна часть предмета будет равно А, а другая — не-А). Будет два предмета — А и не-А. Противоречие распределится между ними (согласно Ф. Энгельсу, такое распределение упраздняет противоречие)¹³. Если и эти два предмета будут противоречащими друг другу опять же в разных отношениях, то каждый из них разделится на два, т.е. получим четыре предмета и т.д. до бесконечности. А этим упразднится один предмет, один предмет разложится до бесконечности. Поэтому противоречие должно быть в одном и том же отношении (этот аргумент может быть применен в отношении момента времени). Это возможно только тогда, когда одно нечто противоположно самому себе. Противоречием называется именно противоречие самому себе. Именно это и запрещает формальная логика своим положением о невозможности противоречия. Она не запрещает противоречия в разных отношениях, поэтому и нельзя говорить, что диалектика якобы признает противоречие в разных отношениях и согласна с формальной логикой в отрицании противоречия в одном и том же отношении; это было бы отождествлением диалектики с формальной логикой, отрицанием диалектики. Все недиалектики признают противоречия в разных отношениях. Вопрос касается существования или несуществования противоречия в одном и том же отношении.

Отличаться и противоположаться разным предметам может только то, что в силах содержать внутреннее различие и противоположность; например в движении содержится момент покоя, в единичном — общность, в конечном — бесконечное, в относительном — абсолютное и т.п.

Положение о невозможности противоречия действительно запрещает противоречие там, где оно и впрямь невозможно, но оно не может упразднить противоречия. Если противоречие представляет ошибку, то правильность и истина не должны быть противоречивыми. Но ложное тоже не исключает самого себя; ложное есть именно ложное, а не истина или правильность. Поэтому положение о невозможности противоречия является для правильности и истины отрицательным, а не положительным условием, которое не может упразднить противоречия и требовать его невозможности.

По нашему, смысл положения о невозможности противоречия состоит в том, что стороны противоречия исключают друг друга, одна не может быть второй. Поэтому оно опирается на противоречие и не упраздняет его. Этот закон невозможен без использования категории противоречия.

Сказанное означает не то, что существование и осмысление противоречия невозможно, а то, что существование, осмысление и применение противоречия возможно и необходимо.

Логическое отрицание противоречия и вправду невозможно, поскольку отрицание само создает противоречие; отрицание — сущность противоречия. Поскольку реализовано отрицание, постольку утверждается и отрицаемое и отрицающее, т.е. противоречие.

Математическая логика закон невозможности противоречия (в исчислении предложений) представляет в следующем виде: невозможно чтобы А и $\bar{A}$ оба были истинными, или более полно: для каждого предложения А утверждение, согласно которому неправильно чтобы А и $\bar{A}$ вместе были бы истинными, является всегда истинным предложением; это выражается так: $A\bar{A}$ (А. $\bar{A}$) (первое А обозначает «каждое»). В исчислении классов этот закон выражается так: не существует предмета, который имел бы как свойство А, так и свойство А' (А' есть дополнительный класс, который равен классу всех тех предметов, которые не входят в А; А' в отношении к А есть отрицание).

Математическая логика понимает противоречие совершенно своеобразно; доказывая непротиворечивость логической системы аксиом, выходят за пределы этой системы и переходят на интерпретацию, моделирование. В самой логической системе, в теории не идет речи о противоречии; оно связано с моделью, с предметом, с интерпретацией; в логической схеме логическое противоречие, как логическое взаимоисключение, не имеет смысла, оно там неуместно, не применяется. В математической логике противоречие не имеет смысла закона невозможности противоречия старой логики. Противоречие означает, что не каждое положение доказуемо. Если А и $\bar{A}$ доказаны, тогда доказываются и все другие предложения¹⁴; т.е. из системы вытекает (выводится) все, т.е. система не работает. Противоречие означает, что, например, аппарат, скажем машина, не работает. В исчислении предложений прибавление новой аксиомы к системе аксиом вызывает противоречие, т.е. отсюда вытекает все. А в исчислении функций такое добавление формулы [добавляют формулу $(Fx)f(x) \rightarrow (x)f(x)$] не вызывает противоречия, хотя сама эта формула не выводится из аксиом.

Природа понятия противоречия, используемого в математической логике, хорошо видна в

¹³ Там же, стр. 119.

¹⁴ Д. Гильберт и В. Аккерман, Основы теоретической логики, стр. 61.

противоположении эквивалентности и неэквивалентности. Как известно, эквивалентность не есть содержательная тождественность; нет, эквивалентны два предложения, если оба являются истинными или оба ложными; например, эквивалентны предложения: 1) « $2 \times 2 = 4$ » и «солнце является звездой», 2) « $2 \times 2 = 5$ » и «солнце является планетой»; неэквивалентность же означает разделительную, исключающую дизъюнкцию; например, неэквивалентны предложения: « $2 \times 2 = 4$ » и «солнце является планетой», поскольку первое истинно, а второе ложно. Исключающее «или» имеет здесь место лишь постольку, поскольку истина и ложь, как значения истинности, исключают друг друга (а сами предложения, взятые в качестве примеров, ясно, не находятся в противоречащем отношении).

§ 57. Закон исключенного третьего (3)

Природа противоречия непосредственно связывается со смыслом «третьего». Это обстоятельство непосредственно видно в законе исключенного третьего: «нечто есть или А, или не-А, третье исключено». Этот закон требует определенности и исключает неопределенность; его требование состоит именно в утверждении определенности и в исключении неопределенности.

С нашей точки зрения, основное значение этого закона состоит в исключении из противоречия третьего. Противоречие имеет две противоречащие стороны; третья такая сторона невозможна; невозможно чтобы нечто имело, кроме В и не-В еще какой-то третий предикат; В и не-В исчерпывают всё, всю сферу понятия. Поэтому нужно отметить, что это необходимый закон мышления. Он не отрицает противоречия, как это имеет место в положении о невозможности противоречия, а из сторон противоречия, именно, из противоречащих сторон исключает третью противоречащую сторону, поскольку таковую исключает само противоречие; и вправду третья противоречащая сторона невозможна.

Несмотря на это, закон исключенного третьего содержит много затруднений, именно следующих:

1. Подобно закону невозможности противоречия, положение, выражающее закон исключенного третьего, имеет отрицательный характер; в нем идет речь об исключении третьего, о невозможности третьего, а не о полагании или возможности чего-либо. Закон должен быть положительным, или же основываться на положительном; ведь отрицательным с необходимостью предполагается положительное? Положение об исключенном третьем, как отрицательное положение, или не есть закон, или же не является основным законом. Если оно закон, то обязательно подчиненный другому закону.

2. Правда, требование закона исключенного третьего состоит в снятии неопределенности, но он сам содержит неопределенность и в этом смысле — нелогичность. Логичность состоит в определенности мысли и абсолютно исключает неопределенность. Неопределенность, характерная для положения исключенного третьего, является неопределенностью «или-или», колебанием «или-или». «Или-или» в какой-то мере нарушает определенность и логичность мысли.

Логическая определенность мысли имеется тогда, когда: 1) нечто есть А, 2) нечто не есть А, 3) нечто есть единство противоположностей. Иная определенность мысли невозможна, а «или-или» не есть не одна из них. Поэтому и говорим, что «или-или» есть колебание и неопределенность¹⁵.

Неопределенность «или-или» снимается законом невозможности противоречия в формально-логическом понимании; старая логика именно этим путем снимала неопределенность «или-или»; если закон невозможности противоречия признает истинность только одной из противоречащих сторон, то закон исключенного третьего указывает на невозможность третьего в противоречащих сторонах. Единство противоречия есть не объединение противоречащих, а корень противоречия (здесь нужно отметить и то, что единство противоречия снимает и ту неопределенность, которая, с нашей точки зрения, характерна для конечного в мысли, в частности невозможность противоречия, как невозможность противоречащего). Закон исключенного третьего не исключает из двух противоречащих одно и оставляет другое (этого требует закон невозможности противоречия), а исключает именно третье, признает его невозможность. Это значит, что этот закон допускает и возможность наличия двух противоречащих в отношении друг друга сторон. Закон исключенного третьего не допускает необходимости двух противоречащих сторон, поскольку в противном случае невозможно было бы исключение третьего, оно стало бы необходимым для противоречия; если обе из противоречащих сторон необходимы, то противоречие возможно; а то, что возможно — имеет основание; поэтому для противоречия становится необходимым его корень, что и есть

¹⁵ Рейтинг, Обзор исследований по основаниям математики. стр. 25, 71, 72.

единство. «Или-или» опирается только, на возможность двух противоречащих¹⁶.

Если «или одно, или противоречащее ему...», то возможно как первое, так и второе, невозможно только третье; невозможно такое третье, каковы противоречащие друг другу стороны, т.е. невозможно полное конечное третье. Положение об исключенном третьем подразумевает большее; невозможно любое третье, в прямом значении этого слова.

Если допустим возможность противоречия, тогда и вправду будет невозможным третье — третья противоречащая сторона, поскольку, как было сказано, противоречие состоит только из двух полных конечных сторон. Следовательно, рациональное зерно положения об исключенном третьем состоит в признании возможности двух противоречащих сторон и в исключении третьей такой же стороны, именно в признании того, что противоречие исключает третью противоречащую сторону.

3. Из сказанного следует и то, что положение об исключенном третьем с определенной стороны несовместимо с законом невозможности противоречия. Закон невозможности противоречия признает невозможность второй из противоречащих сторон, а положение об исключенном третьем основывается на возможности противоречия и признает только невозможность третьего, исключает его. Положение о невозможности противоречия является положением о невозможности второго, оно есть положение исключенного второго; а положение об исключенном третьем считается в формальной логике отдельным законом, да еще и одним из «основных законов».

4. Положение об исключенном третьем содержит и такую логическую невозможность: когда мы начинаем дело с «или-или», это значит, что выбор касается двух; этим третье уже заранее исключено; поэтому, после этого, требование исключения третьего излишне; получаем тавтологию: исключено третье, третье исключено; что исключено, то должно быть исключено; исключение должно повториться; или же: исключено третье, поэтому или А, или не-А, третье исключено. Хотят получить в конце то, что уже принято заранее. С точки зрения доказательства мы здесь имеем дело с логическим кругом, с ошибкой.

5. Логический закон должен иметь не частный характер, а всеобщее значение; он должен применяться везде и всюду, а не только в отдельных случаях. Не может быть законом то, что применяется в отдельном случае; одностороннее положение не может быть «основным законом». Закон «исключенного третьего» применим не в каждой сфере мысли.

а) Говорят, что закон исключенного третьего не применяется в отношении математической, количественной (или «дурной») бесконечности. Например, с точки зрения Броуэра¹⁷ *tertium non datur* имеет определенный смысл там, где в силе альтернатива: предмет А имеет или не имеет данного свойства (Е), но он не применим в отношении бесконечности: Е может принадлежать такому числу из бесконечности, которое не дано, но ожидаемо. Согласно Броуэру, закон исключенного третьего действует только при определенности, а не при неопределенности. Он понимает бесконечность как неопределенность (поэтому движение и развитие для него будут неопределенностью)¹⁸. Броуэр стоит на ложном пути, поскольку он понимает бесконечность как неопределенность, как интуицию, не поддающуюся понятийному мышлению. Броуэр интуитивист. Но заслуга Броуэра состоит в том, что старая логика в виде его положений признала неприменимость закона исключенного третьего к бесконечности.

Если закон исключенного третьего не применим к бесконечности, то выходит, что он является законом конечного.

Определенностью конечного считается: 1) А, 2) не-А, 3) само «или-или»; но это последнее, как было сказано, представляет собой неопределенность. Нужно отметить и то, что ни А, ни не-А, как односторонности противоречия, не свободны от неопределенности; конечная определенность логически содержит и неопределенности, поскольку, как было сказано, А определено посредством не-А. Определенность подразумевает противоречащую сторону.

Неопределенность содержит и бесконечность, если она взята без конечного. Как было сказано, бесконечное, взятое вне конечного, без него уже не бесконечно, а является конечным, определяется им. Но это не значит, что бесконечное не имеет определенности. Подлинное бесконечное является

¹⁶ См. Аристотель, «Об определении» конец IX главы, где сказано, что «или-или» необходимо, противоречие необходимо, когда дело касается возможности будущего.

¹⁷ Brouwer. Intuitionistische Mengenlehre "Jahresbericht der Deutschen Mathematiker Vereinigung" B. 28. H. 7-12, стр. 203, 1919. Zur Begründung der intuitionistischen Mathematik. "Mathematische Annalen". B. 93, 3/4 H. B. 95, 3. H. B. 96, 3/4, H 1925-1926.

¹⁸ См. Л. Гокиели. Вопросы обоснования теории множеств, «Труды института математики и механики», ч. 1, стр. 91 и сл. (на груз. яз.).

диалектическим единством конечного и бесконечного, для которого характерна полная определенность (отличная от конечного). И конечное (А) имеет определенность, но оно приходит к неопределенности. Эта неопределенность полностью снимается бесконечным, содержащим, конечное в себе. Для определенности конечного характерна и неопределенность. Определенность бесконечного имеет совершенный характер.

Если подлинная определенность есть определенность диалектического единства конечного и бесконечного, то нужно сказать, что для него закон исключенного третьего недостаточен, поскольку в единстве конечного и бесконечного «третьим» является именно это единство.

б) Признанием ограниченности закона исключенного третьего и недостатков старой логики является требование замены закона исключенного третьего законом исключенного четвертого, который выражается так: одно понятие, или приписывается другому, или не приписывается, или может быть приписано, четвертое исключено. Этим логической истине придается три значения: истина, ложность и возможность. Этим путем была создана трехзначная логика¹⁹. Еще дальше идет многозначная логика, она рассматривает множество степеней возможности, расценивая их как значения истины (Дэтуш, Райхенбах, Зиновьев). С этой стороны надо принять во внимание модальные логики и вероятностную логику.

Но надо сказать, что в трех- и многозначных логиках применяется все-таки закон исключенного третьего, так как нечто есть или А, или иное, т.е. не-А, третье исключено. Под не-А старая формальная логика понимала именно то, что не есть А, т.е. то, что есть иное.

Следует отметить и то, что поиски разных значений для определения не-А вызваны его неопределенностью. Но если ввести в логику категории, — а это необходимо, так как категории являются понятиями, к тому же наисновными, — то неопределенность не-А снимется, определится; в сфере категорий нечастное есть общее и обратно, неконечное есть бесконечное и обратно и т.д.

6. Закон исключенного третьего содержит неопределенность, так как он, с одной стороны, требует приписывания к нечто или А, или не-А, т.е. с необходимостью одного из них, и в этом отношении он уже не отличается от закона невозможности противоречия, — но, с другой стороны, «или-или» подразумевает возможность противоречия, на которую оно и опирается. Эти два обстоятельства необходимо подразумеваются в законе исключенного третьего, поэтому он и содержит неопределенность, снятие которой возможно двояко: посредством невозможности противоречия и посредством единства противоречия. Но невозможность противоречия заранее подразумевает противоречие и его возможность. Поэтому единственным — окончательно истинным — путем снятия этой неопределенности исключенного третьего является требуемый этим законом путь единства противоречия. Закон исключенного третьего, допуская возможность противоречия, требует его единства, так как без единства противоречие на самом деле невозможно.

7. Главным недостатком закона исключенного третьего является то, что хотя положение «нечто есть или А, или не-А, третье исключено» исключает третье, но в то же время само содержит его в виде «нечто»²⁰ (это одно из «рациональных зерен» «Логики» Гегеля).

С. Франк, опираясь на Гегеля, отмечает следующее: закон исключенного третьего противоречив, поскольку третье здесь есть или подлежащее, или же оно равно или А, или не-А, а это ошибка, так как не об одном нельзя сказать, что оно есть противоречащее ему²⁰.

И в самом деле, положение исключенного третьего справедливо требует исключения третьего, как предиката, но опирается на это третье, как на субъект, исключение которого и впрямь невозможно, поскольку возможность противоречия требует его с необходимостью.

8. Закон исключенного третьего (и невозможности противоречия) недостаточен для рефлексивности, которая содержит «двузначность», напр.: 1) о субъекте, который превращает самого себя в объект, нельзя сказать, что он или субъект или объект; 2) если нечто утверждается его же отрицанием, тогда это не исчерпывается выражением: оно или утверждение, или отрицание; 3) если отрицание имеет и положительное значение, то его не исчерпывает выражение: оно или положительное, или отрицательное, и т.п.

9. В математической логике закон исключенного третьего записывается так: $A \vee \bar{A}$ что означает: из двух противоречащих суждений оба не могут быть ложными.

¹⁹ И. А. Васильев, О частных суждениях, о треугольнике противоречий, о законе исключенного четвертого, Казань, 1910, стр. 42 и сл.

²⁰ Hegel, W. d. Logik, II стр. 56-57, 493, и В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 112. 20 С. Франк, Предмет знания, 1915, стр. 213 и след.

Нужно отметить и то, что в математической логике закон тождества сводится к закону исключенного третьего: $A \rightarrow A$ то же самое, что $\bar{A} \vee A$, а это $= A \vee \bar{A}$. Закон тождества становится излишним, тогда как каждый закон математической логики тавтологичен (в многозначных логиках закон исключенного третьего не применяется).

$A \vee \bar{A}$ математической логики, взятое полностью, есть нечто третье, поскольку оно является всегда истинным положением. И в самом деле, «нечто есть или истина или ложь» всегда истинно, но этим ничего не сказано, поскольку здесь неопределенность «или-или» признается за определенность; «или истина или ложь»; но которая? Положение истинно или ложно, но каково именно — это остается неопределенным. Это так, если мы не примем во внимание функционального отношения, которое является главным для математической логики; оно для нее и достаточно и полезно, но непригодно для логического осново-следственного отношения.

Здесь можно отметить и то (в виде замечания), что законы математической логики имеют математический характер, например, наибо́льшие законы исчисления предложений являются законами алгебры; таковы:

- 1) Закон коммутативности — $A \cdot B \sim B \cdot A$
- 2) Закон ассоциативности — $A \vee B \sim B \vee A$ $A \cdot (B \cdot C) \sim (A \cdot B) \cdot C$
 $A \vee (B \vee C) \sim (A \vee B) \vee C$
- 3) Закон дистрибутивности — $A \vee (B \cdot C) \sim (A \vee B) \cdot (A \vee C)$
 $A \cdot (B \vee C) \sim (A \cdot B) \vee (A \cdot C)$

($\cdot$ — знак умножения, $\vee$ — знак суммы, $\sim$ — знак эквивалентности).

Нужно отметить и то, что математическая логика не отличает закон от того, законом чего он является, поскольку закон понимается как всегда истинное положение, получение чего и есть главное для логики. Например, умозаключение гипотетического силлогизма есть закон и т.п. Проблема разрешимости, которая существенна для логики, служит именно получению всегда истинного предложения. Неразличенность закона от того, законом чего он является, делает закон неопределенным.

Следовательно, можно сказать, что закон, исключенного третьего правилен, поскольку он 1) допускает возможность противоречия; 2) исключает третье, как предикат, т.е. полагает противоречие (противоречие состоит только из двух полных, конечных сторон); 3) с необходимостью опирается и подразумевает третье, как субъект («бессознательно», вопреки его «осознанию»). Но совокупность этих трех моментов уже не является законом исключенного третьего; она указывает на необходимость другого закона, требует его с необходимостью.

§ 58. Закон полагания (4)

Как было сказано, положения о невозможности противоречия и исключенного третьего имеют отрицательный характер; они указывают на то, что невозможно, чего не должно быть, что исключено, т.е. они ничего не полагают, не утверждают положительно. Полагание положительного, его принятие должно предшествовать отрицательным положениям. Полагание положительного, положительное утверждение нечто, должно быть существенным в суждении, умозаключении, доказательстве. Доказательство, в первую очередь, является именно положительным доказательством нечто, а не только показателем невозможности нечто. Поэтому в логическом должен существовать закон положительного утверждения или закон полагания.

Могут сказать, что законом такого полагания является закон тождества — «А есть А». Но нужно сказать, что: 1) Положение тождества есть закон тавтологии и само тавтологично; оно есть повторение одного и того же; точнее: оно есть пустота и ничего не говорит именно с точки зрения доказательства; как было сказано, повторение в доказательстве одного и того же ничего не доказывает. Надо сказать больше: повторение в доказательстве есть повторение доказывающего в доказываемом, что представляет собой ошибку, поскольку превращение доказываемого в доказывающее есть начало регресса в бесконечность. 2) Положение тождества не означает ни полагания одним другого, ни самополагания. Положение, тождества не означает положительного полагания одним нечто другого, так как здесь другое исключено; «А есть А» касается одного и того же А, а не второго, другого, принятие и утверждение которого должно быть существенным в логическом, в доказательстве. Без синтетичности логическое невозможно.

Положение тождества не является также самополаганием, поскольку здесь нет места содержанию А,

полаганию этого содержания или самополаганию А посредством этого содержания. Полагание должно быть положительным; оно должно быть, так сказать, первым полаганием и полаганием первого, за которым может и необходимо должно следовать другое (или вновь положительное или отрицательное).

Как было сказано, положение тождества — «А есть А» — не подразумевает того, что есть А; в этом смысле здесь нет полагания А; положение тождества «А есть А» есть не что иное, как: «если есть А, то есть А». Эта определенная, но все-таки бессодержательная форма. «А есть А» ничего не говорит безусловно об А. Более того: «А есть А» ничего не говорит об А, в противном случае оно не было бы тавтологичным с точки зрения доказательства, т.е. с логической точки зрения ничего не говорящим положением.

По поводу вышесказанного нужно отметить, что полагание А больше, чем А в положении тождества и само это положение «А есть А». Поэтому закон полагания отличается от закона тождества так же, как, например «Я есть» Фихте²¹ отличается от положения тождества — «А есть А».

Закон полагания можно высказать так: «есть А», не как экзистенциальное суждение «А существует», а как полагание А.

Закон полагания не только отличается от закона тождества, но и подчиняет его себе, поскольку полагание чего-то определенного (А) больше, чем «А есть А» в смысле «если есть А, то есть А». Это последнее с необходимостью подразумевает первое, как более совершенное, односторонностью которого оно является. Безусловное полагание является основанием обусловленного, полагания. Объективность логической необходимости, сама эта необходимость невозможна (а значит невозможна и логика) без безусловного полагания (как это выяснится в последующем).

Примером закона тождества является «стол есть стол»; примером закона полагания — «это есть стол»; «есть стол», или «стол есть таковой», поскольку здесь полагается стол. Закон полагания является законом положительного синтетического суждения, действующим, как это будет показано ниже, в доказательстве с начала и до конца; точнее: закон полагания является законом полагания субъекта суждения, основания умозаключения и начала доказательства. Закон полагания есть закон логического начала. В каждой логической форме имеется полагание, каждая логическая форма имеет смысл таким полаганием; и само отрицание: 1) с необходимостью подразумевает нечто положительно полагаемое, 2) имеет какой-то положительный смысл; отрицание является своеобразным, именно отрицательным полаганием; отрицанием А полагается именно это обстоятельство отрицания. Поэтому полагание действует в системе доказательства в логике с начала до конца.

В положении полагания не дано отрицания, для отрицания требуется другой закон, именно закон отрицания. Природа закона полагания будет представлена еще яснее, если мы рассмотрим закон отрицания.

§ 59. Закон отрицания (5)

Полагание нечто есть полагание именно этого нечто; т.е. оно есть полагание этого, а не другого нечто. «Полагание не другого» означает неполагание другого, его исключение. Полагание нечто есть исключение другого только с одной стороны, именно с той, что полагается как-раз это нечто, а не другое.

Так начинается исключение другого. Как начало, так и полное представление исключения или отрицания нечто подчиняется и должно подчиняться, ясно, не закону полагания, а его отрицательной форме — закону отрицания. Следовательно, должен быть и существует закон отрицания.

Как было несколько раз отмечено, отрицательный характер имеют как закон невозможности противоречия, так и закон исключенного третьего. Отрицание второго из противоречащих или невозможность третьего — оба представляют собой отрицания. Поэтому надо сказать, что положение о невозможности противоречия, как отрицание второго, и положение исключенного третьего, как отрицание третьего, являются частными случаями закона отрицания и подчиняются ему.

Закон отрицания является законом отрицания вообще; в нем подразумеваются как отрицание другого, так и самоотрицание. Если обозначение закона утверждения возможно формулой «есть А», тогда формулой закона отрицания будет «не есть А».

Закон отрицания является отрицательным положением, поскольку он есть обращение положения

²¹ J. G. Fichte, Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre, Medicus 1911, — стр. 15.

полагания; полагание нечто не есть полагание другого; «это есть стол» означает, что «он не есть другое». Это «есть» и «не есть», как было уже сказано и полнее будет рассмотрено далее, являются необходимыми моментами определенности. Нечто есть это, а не другое; нечто есть это вследствие того, что оно не есть другое. Отрицание касается как нечто, так и другого. Оба положения — и полагания и отрицания — действуют в выражениях: частное есть частное, а не другое, общее есть общее, а не другое. Нечто делается определенным благодаря отрицанию другого. Это определенное полагается согласно закону полагания. Поэтому и другое отрицается согласно закону отрицания. Оба закона являются выражением односторонностей одного.

В каждом синтетическом суждении две стороны: полагание нечто и исключение другого. «Частное есть общее» и «частное не есть общее» являются двумя сторонами единства частного и общего. Эти две стороны подчиняются двум законам — законам полагания и отрицания. Если нечто содержит различие, тогда оно будет содержать и отрицание, поэтому здесь действуют как закон полагания, так и закон отрицания. Оба они являются необходимыми законами синтетически-логического.

Если нечто не характеризуется различием, присущим синтетическому, то у нас, ясно, будут тавтологии. Но пустота тавтологии сама есть некоторое отрицание. Поэтому даже тавтологии подчиняются закону отрицания.

Следовательно, отрицание имеет место везде и всюду, даже в тавтологиях. Без отрицания невозможно суждение, умозаключение. Вообще говоря, закон логического отрицания, так же, как закон полагания, является общим законом логического.

§ 60. Закон различия (6)

Полагание «это есть А» и отрицание «это не есть А», с необходимостью подразумевают различие между двумя. Например, «это есть стол» и «это не есть стол», ясно, содержит и выражает различие. Для положительных и отрицательных суждений необходимо различие. Вообще логическое невозможно без различия или разности (различение этих двух категорий здесь не необходимо). Существует и категория различия и логический закон различия (или разности).

Логический закон различия, как известно, открыл Лейбниц, хотя его совершенно определенно применяли и циники (напр., Антисфен), отрицающие тождество и признающие только различие (вопреки Пармениду и мегарцам).

Закон различия выражается так: «все различно». Например, по словам Лейбница, нет даже, двух одинаковых листьев. Закон, разности или различия противоположен закону тождества. Положение тождества тавтологично; такова и его противоположность — положение различия, поскольку сказать «все различно» значит повторять одно и то же, поскольку «все» — уже означает различие. Положения тождества и различия оба тавтологичны, но в противоположном друг другу смысле. Ведь тавтологичные положения отличаются друг от друга (аксиомы какой-нибудь системы математической логики тавтологичны, но отличаются друг от друга; аксиомы различаются, т.е. и здесь действует закон различия). Абсолютная тавтология будет у нас и в том случае, если скажем: «все есть чистое единое» (хотя «все» уже подразумевает различие и вместе с тем, это предложение состоит уже из четырех слов). Например, таковы бытие Парменида и субстанция Спинозы. Но это уже есть признание чистого тождества, которое исключает разность; различие же есть исключение тождества; они исключают друг друга. Различие исключает тождество, хотя и оно и каждая из различенных сторон тождественны себе.

Мир дифференцирован, таковы и мысли. Без дифференциации нет ничего ни в объективной действительности, ни в мысли. Как для бытия, так и для мышления необходима различность, различие. Невозможно даже произнесение какого-нибудь слова, если оно не различено от другого. Но, как было сказано, разность, различие или различность с необходимостью опираются на отрицание. Различие есть отрицание, именно то, что оно есть не другое; из различенных одно есть то, что не есть другое и наоборот. Бытие и мышление возможны в условиях различенности, различия. Как говорят, в абсолютном свете так же не видно ничего, как и в абсолютной тьме. Это можно сказать не только о природной тьме и свете, но и о свете и тьме разума, т.е. знании и незнании. Мысль есть у нас только тогда, когда имеется какое-то единство, а единство может быть только единством различных.

Тождественно именно то, что различается от иного: различие есть, «иное» по отношению к тождеству. Поэтому тождество и различие необходимы друг для друга. Существует взаимная необходимость

тождества и различия.

§ 61. Закон необходимости тождества и различия (7)

Необходимость этого закона очевидна из сказанного в предыдущем параграфе. Этот закон выражает только то, что для тождества необходимо различие и наоборот — для различия необходимо тождество. Ничего иного в этом законе не подразумевается. Это не закон единства тождества и различия; следует различать отрицательную и положительную диалектику (об этом будет речь ниже). Как известно, отрицательная диалектика признает необходимость противоречия, а положительная диалектика — единство противоречия. Также следует различать необходимость друг для друга тождества и различия и их единство, которое содержит тождество и различие, как моменты, тогда как и различие, существующее вне тождества, может быть для чего необходимым.

Необходимость «иного» для тождества впервые показал Платон в произведении «Парменид», с целью преодоления «бытия» Парменида. Там же он доказал необходимость для иного тождественного единого. Начало этой мысли имеется в «неопределенной двиче» Пифагора. Эту мысль Платона использовала позднейшая диалектика, например, диалектика Гегеля. Так, что у исследуемого нами закона не краткая история.

Для тождества необходимо различие, поскольку: 1) чистое тождество есть ничто; постольку оно — чистое различие. В первую очередь, это так именно с точки зрения доказательства, логического (как уже было отмечено выше); 2) одно нечто, тождественное себе, с необходимостью подразумевает другое такое же второе, в противном случае не было бы и тождества нечто с самим собой, было бы одно и то же тождество с собой и с другим, что, ясно, было бы полной неопределенностью; 3) тождественным называется различенное от другого, поэтому оно с необходимостью подразумевает его; тождественно то, что различено от другого. Признак другого подразумевается в понятии тождественного.

Для различия необходимо тождество, поскольку понятие различия с необходимостью подразумевает тождество (так же как и наоборот). Различие есть именно различие, а не что-либо иное; различие тождественно себе; и различенные тождественны с собой. Различие, подобно тождеству, есть одно; а различенных — два. Невозможно осмысление тождества без различия. Поэтому тождество, связанное с различием, есть конкретное тождество. То же можно сказать и о различии. Только тождеством имеет смысл различие. Тождество и различие определяют друг друга. Они необходимы друг для друга.

Взаимная необходимость тождества и различия видна из того, что признание тождества и отрицание различия (мегарцы) невозможно, поскольку отрицание само производит (и есть) различие. Невозможно также признание различия и отрицания тождества (циники), поскольку, в таком случае, не было бы различия, как именно различия. Каждое отрицание подразумевает различие, хотя и оно (отрицание) тождественно себе. Без этого обстоятельства — без учета взаимной необходимости тождества и различия — невозможно понимание того, что такое суждение, понятие, умозаключение и логическая связь вообще. Всякое движение, процесс и становление будут непонятными, если тождество и различие мы отдалим так, что дойдем до отрицания их необходимости друг для друга. Для всякого движения необходима взаимосвязь тождества и различия.

Чистое абстрактное тождество является результатом, отрицания различия, так же как и наоборот, поэтому они существуют на основании друг друга и с необходимостью подразумевают друг друга. Постольку, тождество и различие являются соотносительными категориями. Вместе с тем, категории тождества и различия, как это было выяснено выше, рефлексивны, они категории логического (а не только логические). Вместе с тем тождество энтимемно — оно подразумевает различие так же как и наоборот.

Тождество, как тавтология, есть повторение; а повторение с необходимостью подразумевает два. Тавтология-повторение представляет собой количественную синтетичность (и количество имеет свое качество). Различие неопределенно без тождества, оно есть, так сказать, «аористос дуас» пифагорейцев. Неопределенно также и тождество без различия. Так что только их необходимая связь может быть определенной. Каждое из них необходимо для определенности, но совершенно недостаточно. Так обстоит дело и в случае логической определенности. Тождество и различие отдельно друг от друга не имеют независимости, они необходимы друг для друга; в этом смысле они переходят друг в друга. Напр., частное частно только во взаимосвязи с общим, и наоборот; основание является основанием только во взаимосвязи со следствием, и наоборот. Но это уже необходимость противоположности, которая будет рассмотрена

ниже.

§ 62. Закон необходимого второго (8)

Взаимная необходимость тождества и различия подразумевает, что для нечто необходимо второе. Это более общий закон, чем предыдущий. Закон различия требует существования различия, его необходимости, именно того, чтобы одно не было вторым — другим, и наоборот. Без такого различия невозможна связь вообще и, в частности, логическая связь. Связь невозможна без того, что связывается, связывающиеся с необходимостью различаются друг от друга. Но закон необходимого второго имеет другое содержание, он говорит о том, что для одного необходимо второе, что из одного с необходимостью порождается второе, или же: одно превращается в другое, одно с необходимостью полагается как другое.

Диалектическая логика, как это было отмечено выше, возможна только тогда, когда в логике действуют основные законы диалектики, проявляющиеся здесь, конечно, специфически. С нашей точки зрения, закон необходимого второго — это специфически проявляющийся в логическом известный закон диалектики о переходе количества в качество и обратно. Как известно из теории диалектики, переход количества в качество и обратно есть необходимый переход одного качества в другое. Этот закон действует в логике не в том смысле, будто количественность логического переходила бы в его качественность, а в том, что для одного необходимо второе, что одно переходит во второе. Переход одного качества во (второе есть не что иное, как порождение нового. Закон необходимого второго есть закон порождения нового, закон необходимой связи с новым. Необходимый переход в новое, в другое, есть то же самое, что внутренняя необходимая связь одного с другим.

Если из одного качества с необходимостью получается другое, то ясно, что для одного необходимо второе. Это другое или иное есть, не вообще другое, не вообще иное — в данном случае не имеет значения, будет ли это другое вообще другим или противоположным — а оно есть «свое иное», «свое противоположное». В противном случае не имела бы места необходимость; из нечто с необходимостью выводится и необходимо с ним связывается только определенное иное, именно «свое иное» (выражение Гегеля). Необходимость иного выражается так: «свое иное». Не все необходимо для всего, а только «свое иное». Если для одного второе является «своим», тогда оно для него необходимо, и наоборот. Закон необходимости второго для первого — общий закон, он является также и законом логического. В суждении «Жучка есть собака» или, более общо, «частное есть общее», предикат для субъекта есть, его иное; для субъекта необходим предикат, для частного — общее. Субъект представлен в виде предиката; предикат выражает то, что из себя представляет субъект. Синтетическое положительное суждение непосредственно осуществляет закон необходимого второго. То же можно сказать о необходимости одного суждения для другого, о необходимости вывода для посылок, или о необходимости основания для тезиса и т.п.

Следовательно, закон необходимого второго является законом необходимого синтеза или получения нового. Логическое синтетично, поэтому и действует в нем закон необходимого второго. Для логического существенна необходимая синтетичность или смысл необходимого второго.

§ 63. Закон необходимости противоположностей (9)

Этот закон является развитием закона необходимого второго, поскольку «противоположность есть законченное различие» (Аристотель, Гегель)²²; нужно отметить и то, что закон необходимости противоположностей является основанием закона необходимого второго, поскольку противоположность есть сущность различия; существенное же является определенным основанием несущественного. Отрицание, существенное для различия, непосредственно реализовано в противоположности.

Тождество и различие, как мы видели, необходимы друг для друга, но это и есть, необходимость противоположностей, так как тождество и различие — взаимопротивоположные категории. Мы уже рассмотрели взаимную необходимость тождества и различия, как известных законов, здесь же мы будем иметь в виду их необходимость друг для друга, как противоположных категорий. Нужно отметить и то, что закон необходимости противоположностей имеет и должен иметь в виду только взаимную

²² Аристотель, *Метафизика*, книга X, гл. IV, (1055a 3-31), см. также Hegel, W. d. Logik, II, s. 40, 1923, Lasson.

необходимость противоположностей, а не их единство, которое более существенно и непосредственно сливается с единством противоречия. Необходимость противоположностей друг для друга имеет природу отрицательной диалектики, тогда, как единство противоположностей представляет собой положительную диалектику.

Если на поверхности, в явлениях имеет место связь различных, то в сущности или в категориях имеется непосредственное осуществление необходимости противоположностей. Закон необходимого второго более поверхностен, чем закон необходимости противоположностей. Поэтому-то взаимонеобходимость противоположностей реализуется во взаимосвязи категорий прямо и непосредственно. Если, напр., Жучке необходим какой-нибудь цвет, то для частного необходимо общее и именно одно определенное общее, если мы, конечно, судим по какому-нибудь суждению, напр., «Жучка — собака». Для частного необходимо общее, для относительного — абсолютное, для конечного — бесконечное и т.п., и наоборот. Эти категории необходимы друг для друга. Эта необходимость, в первую очередь, выражается в том, что одна не может существовать без второй (отрицательная диалектика); невозможно существование одного, если нет и не мыслится второго и наоборот.

Основными для противоположности являются категории положительного и отрицательного, которые в логическом выступают как понятия-категории, их же взаимосвязь осуществляется в суждениях, умозаключениях и доказательстве. Положительное в логическом невозможно без момента отрицания.

Положительное и отрицательное таковы именно по отношению друг к другу; они являются соотносительными категориями. Положительное есть положительное по отношению к отрицательному, отрицательное таково именно в отношении положительного. Но положительное является отрицательным по отношению к своей противоположности и отрицательное положительно в отношении своего противоположного (это так, в первую очередь, именно в суждениях, но это мы рассмотрим в теории суждения). Здесь ясно видна необходимость противоположностей друг для друга. Например, для движения необходим покой, и наоборот, поскольку покой есть момент движения и без него, без относительного покоя, движение невозможно, как это доказано в теории материалистической диалектики. Так же, как уже было сказано, для частного необходимо общее, и наоборот — для конечного необходимо бесконечное, и обратно; для свободы необходима необходимость, и наоборот (так как необходимость должна быть внутренней, а не только внешней, т.е. она должна быть независимой необходимостью *Causa sui*, что то же, что и свобода, как это впервые доказал Спиноза); для абстрактного необходимо конкретное, так как первое является одной стороной последнего; для конкретного необходимо абстрактное, так как конкретное является единством абстрактных многосторонностей (согласно марксистскому понятию конкретного). Нельзя отрицать конкретное, так как: 1) и само это отрицание будет конкретным и 2) и результат этого отрицания будет, в таком случае, конкретным и, более того, единственным. Невозможно также «отрицание абстрактного и признание только конкретного, ибо абстрактным называется односторонность конкретного. Абстрактное тоже конкретно: 1) как результат отрицания конкретного (который, именно как результат, является конкретным, результатом определенного развития), 2) как взятое отдельно-независимо; (например, цвет розы, как один ее признак, абстрактен, но он конкретен, если взять его отдельно, как цвет, т.е. если он рассматривается как независимый предмет — как розовый цвет).

Во взаимной необходимости логических противоположностей реализуется логическая рефлексивность; 1) сама противоположность является рефлексивной, категорией логического. Отрицание противоположности само создает противоположность; где есть отрицание — там имеется как отрицаемое, так и отрицающее, т.е. противоположность; 2) необходимость противоположностей в категориях означает, что отрицание нечего с необходимостью подразумевает его же; отрицание частного дает частное и т.д. Мы хотим сказать, что рефлексивность противоположности непосредственно содержит взаимную необходимость противоположностей. Противоположности находятся в необходимой связи.

Характерным для противоположности считается то, что обе ее стороны имеют положительный признак; в противоположности одна сторона не только отрицает вторую, но вместе с тем и положительна. Например, противоположность белого есть черное, частного — общее, конечного — бесконечное (в математике бесконечное, как известно, определяется положительно) и т.д. Поэтому в противоположности, так сказать, имеет место излишнее отрицание (напр., отрицание общеположительного суждения общеотрицательным: все люди студенты — не один человек не является студентом) и отрицание излишнего (для отрицания общеположительного суждения достаточно частноотрицательного и здесь излишнее отрицание, совершаемое общеположительным суждением). Несмотря на вышеуказанное,

противоположность в формальной логике отличается от противоположности в логике диалектической, которая имеет дело не только с обычными понятиями, но, в основном, с категориями. Противоположность категорий, например частного и общего, отличается от противоположности обычных понятий, например белого и черного (об этом будет речь ниже). Отметим здесь только одно, именно, что у белого много противоположностей, а частное имеет только одну противоположность — общее (как это было сказано и выше).

Для формальной логики необходимость противоположностей неприемлема, так как она не возвышается до понимания природы категорий и не вводит их в логику.

§ 64. Закон необходимости противоречия (10)

Это не закон единства противоречащих (или противоположностей), являющийся наисновным законом положительной диалектики, а закон отрицательной диалектики, которая составляет момент положительной. Он выражает только то, что противоречащие стороны необходимы друг для друга (ничего иного в этом законе не подразумевается).

Как мы знаем, стороны различия и противоположности имеют конечную природу, поскольку здесь отрицание не доводится до конца; стороны же противоречия представляют полноту конечных, поскольку здесь отрицание доходит до конца; взаимоотрицание, противоречие исчерпывает природу конечного (третье исключено). Поэтому, надо сказать, что необходимость сторон противоречия друг для друга основывается на необходимости бесконечного для конечного и наоборот. Полные конечные (таких может быть только два) наполняют бесконечность, наполняют именно то, что называется единством противоречия — противоречащих сторон. Таким образом, проблему необходимости противоречия решает необходимость бесконечного для конечного.

Противоположность и противоречие различаются друг от друга также, и тем, что в противоположности «не-А» неопределенно, так как подразумеваемое в нем множество не исчерпано. Например, противоположность белого есть черное, как одно из многих, из множества цветов; в противоречии же исчерпана сущность или понятие, поскольку не-А взято целиком и, что главное, оно взято как одно определенное нечто. Такая определенность «не-А» реализуется в категориях; противоположность частного есть только общее, и обратно противоположность конечного есть только бесконечное, и обратно и т.д. Вследствие этого, в сфере категорий (именно, в категориях, отражающих сущность) противоположность и противоречие не различаются друг от друга, они одно и то же, поскольку как в одном, так и в другом случае имеются только две определенные стороны. Поэтому приведенные выше примеры необходимости противоположностей могут служить и примерами необходимости противоречия; например, частное и общее, конечное и бесконечное и т.д.

Необходимость друг для друга двух взаимопровержающих сторон есть, прежде всего, отрицательная диалектика. Что представляет собой отрицательная диалектика? Содержание ответа на этот вопрос исчерпывает природу закона необходимости противоречия. Отрицательную диалектику Гегель называл диалектикой; по его мнению, отрицательно-диалектическое есть диалектическое, отличающееся от спекулятивного — от положительной диалектики. Гегель считал, что понятие отрицательной диалектики ясно представил Кант в своих «антиномиях», где он показал именно возможность необходимости противоречия, дал учение о нем (согласно Гегелю, диалектика Платона тоже было отрицательной диалектикой, замечательные образцы отрицательной диалектики дают апории Зенона и т.д.).

Действительно, Кант в своих «антиномиях» показал необходимость противоречия, а именно, необходимость бесконечного для конечного, и наоборот. Например, Кант пытается доказать, что мир конечен, но в конце доказательства (этого положения с необходимостью получается, что мир не является конечным, что необходима его бесконечность. С другой стороны, он пытается доказать, что мир является бесконечным, но в конце доказательства этого с необходимостью получается невозможность бесконечности мира и необходимость его конечности. Точнее: при доказательстве тезиса первой антиномии (мир конечен) Кант исходит из допущения бесконечности мира и доказывает, что эта бесконечность невозможна, поэтому мир конечен и наоборот, невозможностью конечности мира доказывают его бесконечность. Так решает он и другие антиномии.

Из невозможности сложного он выводит необходимость простого и наоборот, из невозможности существования только необходимости выводит «свободную причинность» (Kausalität durch Freiheit) и

наоборот, и т.д. Кант доказывает противоречащие друг другу положения, так что при доказательстве одного видна необходимость второго и наоборот. Значит, доказательство не сводится к аналогическому пути, для которого главное — невозможность противоречащего; нет, для Канта главное отрицательная диалектика — необходимость противоречащего, его неизбежность при доказательстве нечего, неизбежность (*unvermeidlich*) противоречащего для нечего. Кант доказывал как-раз то, что «существует естественная и неизбежная диалектика чистого разума» ("Es gibt also eine natürliche und unvermeidliche Dialektik der reinen Vernunft")²³.

Если в нечего обнаружено внутреннее противоречие, то невозможностью его одной стороны, как отрицанием самого себя, полагается противоположное, полагается отрицательно, как неизбежное; как то, от чего нельзя избавиться; в этом смысле осуществляется необходимость противоположного и необходимый переход в него. Например, количество содержит в себе противоречие или противоположность прерывности и непрерывности, так как оно является их единством; для прерывности неизбежна непрерывность, и наоборот (в этом и заключается содержание второй антиномии Канта).

Отрицательная диалектика заключается в неизбежности противоречащего, в том, что нечего по своей природе требует противоречащего; например, отрицание частного, как признание общего, с необходимостью требует частного. Точнее: при отрицании частного неизбежно частное; при отрицании общего неизбежно общее (как это было рассмотрено выше). Отрицательная диалектика состоит в невозможности отрицания нечего, в его неизбежности. Необходимость противоречия, которая представляет собой отрицательную диалектику, состоит в неизбежности противоречащих сторон друг для друга. Здесь отрицание полагает невозможность отрицания нечего. Логическое отрицание мысли не может избавиться от мысли, поскольку само это отрицание является мыслью и т.д.

Если нечего переходит в свое противоречие, это значит, что нечего отрицает само себя и полагает противоречащее себе, как необходимое для него. Это обстоятельство имеет место не только в логическом, но и в явлениях действительности. Как говорят, доведенное до крайности право есть несправедливость, деспотизм переходит в анархию и наоборот, слишком острое оружие быстро тупеет, за большой радостью следуют слезы, большая печаль переходит в смех, настоящее лицо комического видно на фоне трагического и т.д.

Надо отличать отрицательную диалектику, как необходимость противоречия, от скептицизма и софистики. Софистика заключается в смешении противоречащих, она, по выражению Гегеля, останавливается на крайностях, она не переводит нечего по своей природе в противоречащее ему. Сказать, что конечное то же самое, что и бесконечное, частное то же самое, что и общее, значит впасть в скептицизм и софистику. Отрицательная же диалектика заключается в полагании необходимости противоречащих сторон, их необходимой друг для друга связи.

Вместе с тем, надо сказать, что скептицизм не упраздняется в диалектике, а является ее моментом. Диалектика содержит момент скептицизма, но не совпадает с ним²⁴. Часто неправильно критикуют диалектику, отождествляя ее с ее моментом — скептицизмом. Этот скептицизм состоит в том, что отрицательная диалектика дает отрицательный результат, одним моментом которого является самоотрицание. Например, отрицание частного невозможно для общего и наоборот, это есть невозможность отрицания противоречащего, но, что отрицание частного дает частное же, здесь есть момент, который можно выразить так: частное не есть, частное, или отрицание общего дает упразднение общего именно общим; бесконечное представляется как конечное, конечное как бесконечное и т.д. Этот момент отрицательной диалектики, взятый отдельно, представляет собой ошибку (*Schein* Канта), голое противоречие; упразднение самого себя есть, конечно, невозможность и ошибка. Но необходимость-бесконечного для конечного, необходимость общего для частного не есть только самоупразднение; здесь не только отрицание, а полагание отрицанием противоречащего, его необходимость.

Отрицательная диалектика имеет смысл потому, что она является моментом положительной диалектики. Без отрицательной диалектики невозможна положительная, но она не совпадает с ней.

Без отрицательной диалектики, как необходимости противоречащей, стороны, невозможно понимание природы суждения, характера умозаключения (об этом после), переходов категорий и т.д. Закон необходимости противоречия является одним из общих законов синтетически-логического.

²³ Kant, Kritik der Vernunft, 2 s. 354.

²⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 124.

§ 65. Закон необходимого третьего (11)

Если противоречащие необходимы друг для друга, то эта необходимость вместе с тем есть указание на необходимость чего-то третьего, именно третьего для сторон противоречия. С этим третьим, связывается, то третье, которое необходимо для положения исключенного третьего.

Как мы знаем, положение исключенного третьего исключает третье, как предикат, но основывается на нем как на субъекте; это третье, которое в этом положении обозначается словом «нечто», необходимо для сторон противоречия. «Нечто» есть субъект, в отношении которого мы утверждаем «или-или».

Положение исключенного третьего исключает третье как предикат, поскольку противоречие состоит только из двух сторон; противоречие исключает третью противоречащую сторону, которая в противоречии и впрямь невозможна. Исключение такого третьего, как предиката, не равно исключению третьего, как субъекта. Положение исключенного третьего, как было сказано, исключает третий предикат, но оставляет третье, как субъект — «нечто». Но предикат вообще есть то, что из себя представляет субъект, предикатом выражается субъект. Поэтому, если невозможен предикат, тогда нет и субъекта, т.е. тогда не будет того, что выражается предикатом. Поэтому в противоречии не должно быть никакого третьего, противоречие вообще должно исключать всякое третье. Противоречие и в самом деле исключает всякое третье, которое имеет характер одной стороны противоречия. В противоречии не существует такого третьего, какова одна сторона противоречия; противоречие является противоречием двух.

Но для положения исключенного третьего необходимо «нечто», как третье. Поэтому, должен существовать закон необходимого третьего, который придает смысл и которому подчиняется положение исключенного третьего. Невозможно положение «нечто есть или А, или не-А, третье исключено», если здесь не будет «нечто», как третье. Без такого третьего невозможно противоречие, невозможно рассмотрение противоречащих предикатов. Правда, не существует третьего противоречащего предиката, но ведь предикатам, или одному предикату, нужен субъект, который он должен выразить. Необходимость такого субъекта становится более очевидной тогда, когда речь идет о двух возможных противоречащих предикатах, как это имеет место в положении исключенного третьего. Поэтому должно существовать третье, как субъект, и необходимо признание необходимого третьего, т.е. необходимо принятие закона необходимого третьего.

Для действительного или возможного противоречия и впрямь необходимо «третье», поскольку ведь само противоречие является третьим по отношению к сторонам противоречия? Противоречие есть одна, неделимая категория. Смысл противоречия не делится на два вследствие того, что оно состоит из двух сторон, в отношении которых оно есть третье. Само «или-или» является третьим в отношении его сторон. В математической логике $A \vee A$ есть, именно третье в отношении его сторон, поскольку именно оно, а не его стороны, является всегда истинным положением. В каждом суждении действует необходимость такого третьего, закон необходимого третьего, поскольку само суждение, как одна мысль, является третьим в отношении его сторон — субъекта и предиката. Если для суждения необходимо такое третье и закон этого третьего, то он будет необходимым и для каждого умозаключения, доказательства и вообще для всей логики.

Положение исключенного третьего исключает определенное третье, а не вообще третье, поскольку «или-или» само есть третье. Закон невозможности противоречия исключает второе, именно противоречащее, признает невозможность противоречия, но с необходимостью применяет категорию противоречия.

Признание ошибкой какого-нибудь противоречия не означает, конечно, признания ошибкой противоречия вообще. Надо знать, что такое противоречие, т.е. понимать его истинный смысл для того, чтобы мы могли судить о противоречии, как об ошибке. Эта последняя опирается на первый, как заблуждение — на истину. Только истина есть мера того, что такое заблуждение.

§ 66. Закон необходимого первого (12)

То «третье», о котором только что шла речь, и «нечто», как «третье», положения исключенного третьего, не одно и то же, хотя в предыдущем параграфе мы рассмотрели их в одной плоскости и не различили друг от друга; как было сказано, для противоречия невозможно третье как одна из его сторон;

невозможно третье как объединение противоречия — как отождествление противоречащих сторон, их смешение, что, как уже было отмечено, является софистикой. Для противоречия необходимо «третье» как само противоречие. Иное дело «нечто» исключенного третьего. Для противоречия оно является не только третьим, но и первым. Субъект, который обозначается посредством «нечто» исключенного третьего, есть корень противоречия. Это то, в отношении чего возможны противоречащие предикаты, согласно положению исключенного третьего; корень противоречия есть единство противоречия как его основание. Противоречие возможно на основании единства. Без единства противоречие невозможно, следовательно для противоречия необходимо не только третье, которым является само противоречие для его сторон, но и первое, которое является корнем, основанием противоречия. Поэтому существует необходимое первое и в логике действует закон необходимого первого. Таким образом, закон необходимого третьего и закон необходимого первого различаются друг от друга.

Диалектическое противоречие, внутреннее противоречие, единство противоречия является, как известно, «раздвоением единого» (В. И. Ленин), а не соединением двух сторон. В раздвоении единого единое является корнем, основанием раздвоения, первым для раздвоения или противоречия. Противоречие есть отрицательность, именно взаимоотрицание, которое возможно только тогда, когда оно опирается на положительное. Невозможно чистое противоречие, чистое взаимоотрицание; оно возможно только тогда, если существует такое нечто, которое «выдерживает» его, сохраняет его в самом себе. Возможно внутреннее противоречие (внешнее опирается на него, оно вторично). Противоречие возможно тогда, когда существует для него первое, в противном случае противоречие не реализуется. Противоречие, так сказать, вращается вокруг одного. Двое могут вести между собой спор или борьбу, если существует одно общее для них, за что ведется спор или борьба, в противном случае борьба и спор потеряют всякий смысл. Этот грубый пример свидетельствует о том, что для противоречия необходим один корень. Следовательно, если диалектика является раздвоением единого, то ясно, что для противоречия это единое необходимо.

Первое необходимо, его требует: 1) противоречие, для собственной возможности и существования; 2) диалектико-логическое, например, а) категории логического, как таковые, когда осуществляется полагание нечто его же отрицанием, б) единство противоположных суждений — «частное есть общее» и «частное не есть общее» — оба суждения необходимы для единства частного и общего, а единство — для них, в) для единства индукции и дедукции необходима единство частного и общего и т.д. Вся наша логика призвана к тому, чтобы сделать очевидным, раскрыть и доказать это обстоятельство. В дальнейшем мы всесторонне докажем, что суждение, умозаключение и доказательство с необходимостью требуют раздвоения логического единого, что является отражением раздвоения реального единого. Простое суждение, как единство частного и общего, является не чем иным, как раздвоением единого, где, ясно, действует логический закон необходимого первого. «Жучка есть собака» как «частное есть общее» возможно только, тем, что существует первое для частного и общего — их единство, являющееся их основанием, и т.д.

§ 67. Закон взаимоотрицания (13)

Поскольку положение исключенного третьего исключает третий предикат, но все-таки требует необходимость, чего-то третьего, то ясно, что необходимы две стороны противоречия, т.е. само противоречие. Взаимоисключение есть противоречие, именно, взаимоисключение двух сторон противоречия. Факт, что положения могут исключать друг друга, что существуют взаимоисключающие положения, противоречащие друг другу категории и т.д. Поэтому в логическом действует взаимоисключение, как один из определенных законов. Если мы имеем ошибку, если какое-то противоречие невозможно, это значит, что здесь, как было сказано, использован смысл противоречия, в частности смысл взаимоисключения сторон противоречия; само же противоречие, взаимоисключение уже не является ошибкой. Каждое противоречие и каждое взаимоисключение опирается на категорию противоречия. Каждое взаимоисключение возможно на основании взаимоисключения вообще.

Отрицание является сущностью противоречия, но противоречие есть не одностороннее, а двустороннее отрицание. Поэтому существует не только закон отрицания, но и закон взаимоотрицания, который имеет в виду не только одностороннее, но и обратное отрицание: нечто отрицает другое и наоборот. Одно обстоятельство — нечто — отрицает другое, а второе — это другое как второе нечто — отрицает первое. Взаимоотрицание отличается от одностороннего отрицания, оно содержит особенность (что предстанет в полном виде в связи со взаимоположением. Об этом будет речь немного ниже).

Примерами взаимоотрицания могут быть названы следующие: противоречивые суждения отрицают друг друга; сами положительное и отрицательное суждения являются взаимоотрицающими; отрицают друг друга частное и общее, необходимость и свобода, конечное и бесконечное и т.д. (они, как мы это увидим ниже, не только отрицают друг друга). В «Капитале» К. Маркса понятие капитала содержит взаимоотрицающие стороны, что у Маркса выражено так: капитал возникает и не возникает из обращения товаров, капитал возникает из производства, но не только из производства и т.п.

Противоречие действует в логическом необходимо вследствие его абсолютного характера, что имеет силу и для логики, поскольку логическое отрицание противоречия невозможно потому, что это отрицание само создает противоречие. Поэтому оно есть корень, основание и средство, которое используется везде и в отношении самого себя.

Взаимоисключение возможно только тогда, когда существует положительность, именно если взаимоисключающие имеют какой-то положительный смысл: в противном случае взаимоисключение не осуществится.

Поэтому закон взаимоисключения есть один из законов, который с необходимостью требует и подразумевает другой закон или другие законы.

§ 68. Закон отрицания полаганием (14)

Элементарным для логического является положение о том, что если нечто есть это, то оно не есть другое. Если нечто полагается так, то это исключает его иное полагание. Если в формальной логике это «иное» неопределенно, в диалектике оно определено, или иначе: это «иное» определяется в известной сфере, именно в сфере категорий; в сфере же обычного формально-логического понятия оно не определяется, хотя понятие подчиняется категории; постольку единая логика не только нужна и возможна, но и необходима.

Итак, полагание нечто есть отрицание другого (так же как и наоборот). Точнее: отрицание производится полаганием. Поэтому должен быть и существует закон, отрицания посредством полагания — закон отрицания полаганием, который действует в суждениях, умозаключениях, доказательствах как общий для этих форм закон. Например, полагание частного есть отрицание другого, именно общего, и наоборот; если нечто, является частным, то оно не будет общим, и наоборот; поскольку нечто является общим, постольку оно не является частным (см. выше о природе общего). Полагание конечного есть отрицание бесконечного и полагание бесконечного есть отрицание конечного и т.д.

Полагание находится в необходимом единстве с отрицанием, форма полагания — с формой отрицания (затруднение, указанное Фихте), положительное суждение — с отрицательным суждением. Полагание есть вместе с тем и отрицание: 1) полагание нечто есть отрицание другого, 2) оно есть и отрицание самого себя, поскольку полагание и положение есть известная определенность, которой необходимо присущ момент отрицания (*omnis determinatio est negatio*). Здесь отрицание состоит в полагании, поскольку полагание есть отрицание иного, но это иное может быть в том, чьим «иным» оно является. Например, в суждении полаганием только субъекта и отрицанием предиката отрицается сам субъект (постольку и целиком суждение, хотя отрицание само есть суждение), так как только субъект — субъект без предиката — не является субъектом. То же можно сказать и о предикате: только предикат, полагание только предиката является отрицанием его же, поскольку предикатом называется именно предикат субъекта. Полагание только основания (и отрицание следствия) есть отрицание самого основания, поскольку основанием называется именно основание следствия (логическая связь есть не что иное, как связь основания и следствия, поэтому указанное обстоятельство имеет существенное значение для всей логики). Полагание только частного является его же отрицанием, полагание только общего превращает это общее в частное (как это было указано выше) и т.д. Поэтому здесь полагание нечто есть переход в иное, его отрицание и полагание иного. Полагание и отрицание соотносительные понятия, так же как и положительное и отрицательное. Этот закон будет для нас более ясным при рассмотрении обратного ему положения.

§ 69. Закон полагания отрицанием (15)

Известно, что отрицание истинности какого-нибудь положения, т.е. его ложность, полагает истинность противоречащего ему положения и наоборот. Если частноотрицательное суждение ложно, то

истинно общеположительное и наоборот. Несомненно, возможно и применяется такое отрицание, которое не полагает иного, но для логической связи является существенным и более основным утверждение другого (или самого себя) посредством отрицания чего-либо.

Нечто есть это, а не другое вследствие того, что оно именно не есть другое; что нечто не есть другое, именно вследствие этого оно есть это. Роза имеет красный цвет вследствие того, что она не имеет другого цвета; если роза не имеет никакого цвета, кроме красного, то, ясно, она красного цвета. Формально-логическое бесконечное суждение, т.е. отрицание предикатов, полагает нечто положительное; это полагание осуществится, если предикаты конечны; если имеется бесконечное множество Предикатов, тогда положительное приписывание предиката остается целью, но такое приписывание и придает смысл отрицательному предикату. Но в определенной сфере достаточно и одного отрицательного предиката для приписывания положительного; например, если нечто не есть общее, то оно частное; если нечто, не конечно, то оно бесконечно, и наоборот. В таком случае вопрос по существу решается. Таким случаям подчиняется смысл бесконечного суждения с бесконечным множеством отрицательных предикатов, поскольку множество отрицательных в сущности есть одна отрицательность.

А есть А вследствие того, что оно не есть не-А; вследствие не-А есть А именно А. Понятие А с необходимостью подразумевает признак противоречащего ему, как определенного отрицания. Также, не-А с необходимостью подразумевает А, оно ведь есть именно не-А. Это обстоятельство полностью реализуется в противоположных категориях: нечастное есть общее, необщее есть частное и т.д.

Как известно, для материалистической диалектики вполне приемлемо положение, что каждое определение есть отрицание (*omnis determinatio est negatio*). Определение или определенность нечто создается содержащимся в нем отрицанием. Это есть это вследствие того, что оно не есть другое, и это другое содержится в нем. Это есть это вследствие того, что в нем есть отрицание, которое определяет его; в жизни есть момент смерти, в капитализме находится его могильщик, в относительном — неотносительное (относительная истина содержит абсолютную) и т.д.

Полагание отрицанием полностью осуществляется в категориях, именно во взаимосвязи противоположных категорий. Как было сказано, если нечто не есть конечное, то оно бесконечное; если нечто не является частным, то оно общее и т.д. Но конечное таково именно тем, что содержит бесконечное как свое отрицание; понятие конечного с необходимостью подразумевает понятие бесконечного. Понятие частного содержит и признак понятия общего в том смысле, что частное есть частное именно вследствие общности. Если бы в частном не подразумевалось общее, то оно не было бы частным; частное имеет смысл его противоположным, его отрицающим; частное полагается его отрицанием — общим, а общее его отрицанием — частным. Относительное есть относительное именно через абсолютное. Относительная истина не будет истиной, если она только относительна и вместе с тем не является и абсолютной — отрицающей относительную.

Таким образом, если полагание отрицает, то отрицание полагает.

§ 70. Закон взаимополагания (16)

В формальной логике доказано, как производится полагание одним положительным второго положительного; посылки положительного заключения должны быть положительными; положительное основание дает положительное следствие; полагание основания с необходимостью вызывает полагание следствия. Так же для отрицательного следствия, как говорил Аристотель, необходимы и положительное и отрицательное. Если посылки только положительны, то отрицательное заключение невозможно. Это тоже есть полагание следствия путем полагания основания.

Но для формальной логики обращение указанного здесь положения неприемлемо, положительно-регрессивный модус считается ошибочным; признается невозможным и ошибочным полагание основания через полагание следствия, так как положение может быть доказано на основании различных положений, из которых ни одно не необходимо. Поэтому-то в формальной логике путь доказательства от тезиса к основанию лишен логической необходимости; нет необходимого следования от тезиса к основанию, иначе мы имели бы дело вновь со следованием от основания к следствию (тезис был бы принят за основание).

Следовательно, в пределах формальной логики взаимополагание не осуществляется еще и потому, что полагание чем-либо другого, и наоборот — полагание этим другим первого, одно и то же, а именно полагание следствия путем полагания основания (все равно, какое положение будет взято за основание и

какое за следствие, но для этого, ясно, необходимо, чтобы они могли быть взяты за таковые).

Для диалектической логики, конечно, приемлемо все это, а именно приемлемо: 1) полагание следствия путем полагания основания и 2) отрицание основания отрицанием следствия; но диалектическая логика, расширяя сферу логики, доказывает и то, что возможно взаимополагание, одним моментом которого являются вышеотмеченные положения, рассмотренные в формальной логике.

Взаимополагание может быть выполнено посредством отрицания. Именно это и является главным для взаимополагания. Взаимополагание является образцом диалектически-логического. Оно полностью реализуется в категориях, где непосредственно действует единство противоречия, где одна сторона противоречия не только отрицает другую, но и полагает ее, где взаимополагание осуществляется взаимоотрицанием. Если полагание одного нечто есть отрицание другого и отрицание первого — полагание второго, то они полагают друг друга посредством этого отрицания. Например, частное и общее находятся в необходимом единстве; необходимое единство частного и общего является единством противоположностей, где частное отрицает общее и наоборот (без этого не было бы противоположности), но общее, отрицающее частное, само есть частное и наоборот (как это было выяснено выше); поэтому, отрицание частного есть общее, которым полагается частное. Частное отрицает общее и наоборот, но этим отрицанием они и полагают друг друга; они полагают самих себя тем, что для них противоположно. Частное и общее отрицанием друг друга полагают друг друга. То же можно сказать о взаимополагании конечного и бесконечного и о других категориях.

Основание полагает следствие, но и следствие полагает основание, поскольку следствие является с необходимостью именно следствием основания, так же как и основание является основанием следствия. Если общее получается на основании частного, то возможно и получение частного на основании общего. Отрицание частного, как было сказано, дает общее и наоборот. Обращение здесь производится посредством отрицания.

Обращение основания и следствия неприемлемо для формальной логики; но нужно отметить и то, что формально-логическая индукция, как переход от частного к общему, является переходом к основанию, поскольку здесь основанием частного выступает общее. Поэтому, редукция прямо требует перехода от следствия к основанию и т.д. (Редукцию часто понимают, как оправдание следствия в основании; вместе с тем, редукция, как это мы выясним в последующем, с необходимостью требует получения его основания способом умозаключения, т.е. оправдания индукции, как логического метода).

Итак, закон взаимополагания является одним из законов логического.

§ 71. Закон отрицания отрицания (17)

Как было сказано, один из основных законов диалектики — закон перехода количества в качество и обратно — действует в логическом как закон необходимого второго или получения нового (или как закон необходимого синтеза). Также своеобразно действует в логическом и второй основной закон диалектики — закон отрицания отрицания. Если в сфере диалектики действительности отрицание отрицания означает восходящее развитие, т.е. объясняет его восходящие ступени, то в сфере логики этот закон, прежде всего, выражает одну существенную сторону природы противоречия. Эта сторона действует в логическом снятии-сохранении, как в логическом восходящем развитии. Так что закон отрицания отрицания как закон, действующий в объективной действительности, и как закон, действующий в логическом, как законы менее отличаются друг от друга чем законы перехода количества в качество и необходимого второго или порождения нового.

Например, общее есть отрицание частного, а частное — отрицание общего, т.е. частное есть отрицание его отрицания, также и общее является отрицанием его отрицания. То же можно сказать и о конечном и бесконечном, относительном и абсолютном и т.д. Вместе с тем, отмеченные здесь отрицания общего и частного дают, как это будет детальнее выяснено ниже, их необходимое единство, в котором в снятом виде — в виде моментов — сохраняются как частное, так и общее (это то общее, которое противопоставляется частному). Отрицательная сторона синтетического положительного суждения («частное есть общее») выражается отрицательным суждением («частное не есть общее»). Их единство как опосредствованная связь — умозаключение — снимает и сохраняет их (это обстоятельство в последующем будет изучено специально). Логическую необходимую связь положительных и отрицательных логических форм нельзя понять без логического закона отрицания отрицания. Положительность и отрицательность

представляют собой отрицания друг друга; их же единство есть более высокая ступень по сравнению с ними, и снятие-сохранение, которое действует здесь, является логическим развитием, именно восходящим развитием (другого развития не существует).

Логический закон отрицания отрицания является законом своеобразного двойного отрицания: отрицание отрицания является двойным отрицанием. Но он отличается от закона двойного отрицания, применяемого в формальной и, в частности, математической логике. В формальной логике двойное отрицание дает опять же первое отрицаемое, т.е. оно является повторением: отрицание отрицания А есть опять-таки А и ничего более; в диалектической логике двойное отрицание есть снятие-сохранение-развитие, не только порождение второго — нового (закон необходимого второго), но порождение более высокого второго (или третьего) — более высокого нового, полное осуществление необходимого синтеза. Отрицание отрицания дает положительный результат²⁵, но не в виде повторения, а более высокого положительного результата, что достигается именно посредством отрицания отрицания.

Отрицание отрицания является положительным, но оно не является только восстановлением первого отрицаемого, оно есть развитие, поскольку сохраняется и отрицание; это так, поскольку отрицание полагает-доказывает, а доказанное логически является более высшим, чем требующее доказательства.

В противоречии каждая его сторона является отрицанием второй стороны, как своего отрицания, т.е. каждая из них является отрицанием отрицания. Поэтому противоречие представляет собой не только отрицания отрицания, но и двойное отрицание отрицания. Как было сказано, частное есть отрицание его отрицания — общего, т.е. частное есть отрицание отрицания частного, но это отрицание подразумевает-сохраняет общее; также общее есть отрицание его отрицания, но сохраняется и частное. Как известно, взаимное двойное отрицание общего и частного есть не упразднение друг друга и не только восстановление самих себя, но и проявляет взаимную необходимость. Именно этим и отличается двойное отрицание диалектической логики от двойного отрицания формальной логики (эта мысль полностью будет представлена в другом законе, именно в законе единства противоречия).

Поскольку отрицание отрицания не является ни упразднением, ни повторением, постольку здесь должно быть какое-то единство, содержащее в себе отрицание; т.е. должен существовать закон единства, как особый логический закон.

§ 72. Закон единства (18)

Каждая форма логического является определенным единством. Само логическое есть необходимое единство. Поэтому, в нем не может не действовать закон единства. Закон единства в логическом действует везде, поскольку диалектически-логическое является синтетически-логическим. Синтез, именно, необходимый синтез (логическое не знает другого синтеза) является единством. Поэтому надо сказать, что понятие логического оправдывается полностью именно в диалектически-логическом.

Этому закону подчиняется и аналитически-логическое, поскольку: 1) аналитическое есть момент синтетически-логического, 2) тавтология, как определенное тождество, является определенным единством, но единство по природе своей является Конкретным, т.е. оно есть необходимое единство различных. Единство отличается от рода именно тем, что для единства необходимы различные, признаки различных, тогда как для рода специфичности видов излишни (как это было отмечено и выше). Например, для понятия необходимы его признаки, необходимые и достаточные для него признаки; для суждения необходимы его моменты — субъект и предикат; для умозаключения необходимы суждения и т.д. Для логической связи такое единство существенно.

Конкретное тождество есть такое, которое с необходимостью содержит различие; именно такое тождество является единством. Тождество, содержащее различие, в логическом есть синтетичность, содержащая аналитичность и характеризующаяся их единством. Без единства необходимая синтетичность невозможна.

Поскольку для единства необходимы различные, единством которых оно является, постольку единство представляет собой содержательную общность, а подразумевающиеся в нем различные моменты суть содержательные частные. Отношение единства и односторонностей существенно для каждой логической формы. Логическая необходимость осуществляется именно в единстве и существует в

²⁵ К. Маркс, Математические рукописи, стр. 6, 1948, (на груз. яз.).

виде него. Например, предикат и субъект являются односторонностями суждения, а эти последние — односторонностями умозаключения, которое они составляют. Односторонности понятия — это его моменты (например, моментами понятия производства являются признаки собственно производства, распределения, обмена и потребления).

Единство действует и в отрицательных формах логического. Например, если бы в отрицательном суждении не было единства, то не было бы и отрицательного суждения, как единой мысли. В отрицательном суждении имеет место отрицательное приписывание предиката субъекту; вот это «приписывание» и есть положительность, которая является единством. Поэтому и возможно отрицательное, суждение, как определенное приписывание предиката субъекту. Если логическое является синтетически-логическим, то оно представляет собой единство различных, в котором действуют как положительность, так и момент отрицания. Без отрицательного момента невозможно различие и поэтому и синтетичность.

Единство должно быть необходимым как для противоположности, так и для противоречия, как это видно из рассмотренных выше законов. В противном случае, не было бы ни категории противоположности, ни категории противоречия и т.д.

§ 73. Закон основания (19)

Смысл закона основания непосредственно вытекает из рассмотренной выше категории основания. Как у каждого явления есть реальное основание, так и у каждого положения и логической мысли есть (не только реальное, но и) логическое основание, именно «достаточное основание», в противном случае, ничего не могло бы существовать и была бы невозможной и мысль; прежде всего была бы невозможной доказательность, доказательство.

Как известно, закон достаточного основания открыл Лейбниц, хотя его применял еще Аристотель; учение об обусловленности заключения посылками есть учение о действии достаточного основания. Аристотель отличал дедукцию от индукции именно тем, что в первой имелась реализация действия достаточного основания, а во второй этого не было; частные не представляют достаточного основания общего — так думал Аристотель.

Открытый Лейбницем закон достаточного основания, как известно, имел метафизический характер в том смысле, что этому закону подчиняется все, как в бытии, так и в мысли. Поэтому он является и законом логики. Этот закон мы должны понимать так и сегодня, хотя в него надо вложить другой смысл, в частности, мы должны рассмотреть его с точки зрения диалектической логики. Требование закона достаточного основания, как это мы увидим ниже, полностью осуществляется в диалектически-логическом.

По Гегелю, в выражении «достаточное основание» слово «достаточное» является лишним, поскольку, если основание не достаточно, то оно и не будет основанием; основание имеет место тогда, когда оно достаточно. Основание не может быть недостаточным. Если недостаточное основание мы примем за достаточное, то получим софистику.

В практике мышления часто встречается использование недостаточного основания как достаточного. Поэтому и говорили Гегель и Маркс., что все, что испорчено в этом мире, испорчено вследствие такого достаточного основания. Имеет «достаточное основание» как пребывание солдата на фронте, так и его дезертирство (в противном случае он так не поступил бы). У капиталистов имеется достаточное основание для того, чтобы они заставляли подростков работать (работать и ночью) и для того, чтобы не заставляли работать²⁶ и т.д.

Логическая связь представляет собой необходимую связь основания-следствия. Закон основания является законом этой связи. Если в логическом не действует закон основания, то такое логическое не представляет собой логического, оно ошибочно принято за логическое. Нельзя понимать основание как аргумент, а следствие как функцию; отношение аргумента и функции не представляет собой отношения основания-следствия и это последнее не следует принимать за функциональное отношение. Функциональное отношение есть соответствие и только, оно не является таким отношением, когда из природы одного выводится второе. Во взаимоотношении же основания и следствия существенно то, что из

²⁶ К. Маркс, Капитал, т. 1, 1950, стр. 268.

природы основания с необходимостью вытекает следствие, основание по своей природе связывается со следствием. Поэтому, «зачеркивание» основания (как это «понимает» «схема умозаключения») представляет собой ошибку. Поэтому же нельзя сводить связь основания-следствия к разделительному отношению: отрицания истинности основания или истинность следствия и т.д.

Логическое основание является логически определяющим, а следствием называется определяемое. В доказательстве основание определяет тезис, в умозаключении посылки определяют заключение. Поэтому, отношение основания-следствия есть необходимое определение одного вторым, где «определение» понимается как необходимое логическое подчинение.

Правда, основанием называется определяющее, а следствием — определяемое, но надо сказать и то, что и следствие определяет свое основание, поскольку следствие есть следствие именно основания (так же, как и наоборот — основание есть основание следствия). Нечто не может быть основанием, если оно не имеет следствия, так же как и в следствии с необходимостью подразумевается основание. Здесь имеется признание следствия за основание, поскольку и определяемым определяется определяющее. Если определяемое есть частное, а определяющее — общее, то и частное является основанием общего (так же как и наоборот). Именно благодаря этому и имеет смысл индукция, если она возможна как метод доказательства (об этом будет речь ниже). Возможно такое доказательство, где основанием выступает общее, но возможно и такое доказательство, где основанием является частное. Оба являются основаниями, но различными (ниже — в теории доказательства — эта мысль будет представлена полностью).

Как это было отмечено и выше, существуют разные основания. Существует такое основание, из которого следствие вытекает аналитически. Это имеет место, например, в категорическом силлогизме. Аналитическое следование есть тавтология, выполненная на почве абстрактного тождества. Существует и такое основание, из которого вытекает и должно вытекать отличное от него следствие. Логическая связь возможна именно там, где следствие отличается от основания. Эта связь содержит и затруднение, но оно разрешимо, тогда как затруднение тавтологии представляет собой ошибку в доказательстве (как это было отмечено и выше). Аналитическое умозаключение возможно благодаря тому, что оно имеет энтимемный характер, подразумевает различие. Аристотель в первой главе первой книги «Первой аналитики» дает определение умозаключения как именно синтетического.

Существует и такое основание, из которого выводится противоречащее ему следствие; нечто может быть определяющим основанием противоположного или противоречащего ему следствия. Такое обстоятельство имеет место в единстве логических противоположностей, где одна, сторона противоречия является определяющим основанием второй стороны, так же как и наоборот. В единстве противоположностей противоположные стороны являются и основанием и следствием друг для друга. Например, в единстве частного и общего как частное есть определяющее основание общего, так и общее является таким основанием для частного. Таково и отношение конечного и бесконечного и т.д. Они отрицают друг друга, но представляют друг для друга и основания (следствия). Здесь нет отождествления основания и следствия, поскольку они не только полагают друг друга, но также и отрицают.

Перечисленные выше основания являются конечными, поскольку они представляют только одни стороны, односторонности взаимосвязи различных или противоположностей. Но возможно также и бесконечное основание. Это есть единство противоположностей, как основание противоположностей, именно то единое, которое раздваивается (в раздвоении единого). Это есть самооснование, содержащее внутреннее отрицание.

§ 74. Закон единства противоречия или самополагания (20)

У всей действительности — у действительности, находящейся в развитии или, точнее, в саморазвитии-движении — не может быть другого реального основания, ибо и в противном случае мы должны были бы утверждать опять то же самое, поскольку и это «иное основание» опять-таки мы должны были бы искать в действительности. Признание двух действительностей или существований является ошибкой, поскольку оба они все-таки были бы одной действительностью и существованием. Это тем более верно с точки зрения логического, понятия, поскольку может быть только одно понятие действительности или существования. Не только вся действительность, но и любая форма движения, обладающая своей закономерностью, непременно должна иметь какое-то внутреннее основание, и в этом смысле, самооснование; в противном случае, это движение не имело бы своеобразной природы — специфической

закономерности. Это можно сказать и о логическом, которое тоже имеет особую закономерность, несмотря на то, что является отражением действительности. Основанием логического вообще может быть только реальное. Невозможно другое логическое основание для логического вообще, поскольку и оно было бы логическим. Поэтому, и в этом смысле, должно существовать логическое самооснование; логическим основанием логического является логическое. Поэтому оно является логическим самооснованием. Самооснование есть то, что по-другому может быть названо безусловным основанием, точнее, безусловным. Как это будет выяснено в дальнейшем, такое логическое безусловное или логическое самооснование возможно только тогда, если оно содержит внутреннее отрицание. А то, что содержит внутреннее отрицание, должно быть единством противоположностей. Следовательно, необходимы единство логических противоположностей и закон единства логических противоположностей или единства противоречия, который, вследствие только что сказанного, может быть по-другому назван законом самополагания.

К признанию логического закона единства противоположностей нас принуждают также те логические законы, которые были рассмотрены выше. Это «принуждение» ясно видно, например, из следующего:

1. Как было сказано, закон исключенного третьего требует первого для противоречия «нечто есть или А, или не-А»; здесь это «нечто» должно быть единством противоположностей и ничем другим. Этого требует имеющееся здесь возможное противоречие.

2. Было отмечено и то, что противоречащие необходимы друг для друга; это есть отрицательная диалектика. Но эта необходимость возможна только тогда, когда она является моментом единства противоречия, т.е. если она осуществлена в единстве противоречия. Необходимость противоречия без его единства представляет собой скептицизм или софистику, что своей отрицательностью указывает на необходимость положительной диалектики. Таким образом, необходимо единство логического противоречия, как «ядро» положительной диалектики.

3. Когда одно нечто отрицает второе нечто, тогда первое является более «мощным», «большим» по сравнению со вторым. Но когда происходит обратное отрицание, тогда второе является более «мощным», «большим» по сравнению с первым (конечно, не количественно) большим). При взаимоотрицании эти «большие» составляют единство. Взаимоотрицающие имеют и собственные положительные признаки и содержат также и тождественное, постольку необходимо единство противоположностей. Частное и общее являются взаимоотрицающими-противоположными (и противоречащими) понятиями, они необходимы друг для друга и составляют единство; для них необходимо единство, так же как и наоборот, — они необходимы для единства.

4. Взаимоотрицание и самополагание с необходимостью дают то одно, на основании которого они возможны. Противоречие возможно на основании единства; здесь у нас имеется именно раздвоение единого. Единство не ослабляет и не упраздняет противоречия, наоборот — оно делает его возможным и полностью проявляет. Невозможно чистое, голое противоречие, такое противоречие в мысли представляет ошибку. Этот смысл имеет закон невозможности противоречия, который выражает одну сторону единства противоречия.

5. Это обстоятельство представлено в более полном виде при двойном отрицании отрицания или при двойном взаимоотрицании и самополагании. Единство, полученное этим путем, есть то положительное, которое дается этим взаимоотрицанием-самополаганием как собственное основание, собственное содержание. Противоречие с необходимостью дает собственное основание, где стороны противоречия являются содержательными полными частными, а их основание представляет собой такую же общность. Поэтому, как это мы выясним ниже, мы здесь имеем дело со своеобразной индукцией и редукцией.

6. В различии имеет место относительное отрицание. Различие логически выражается так: одно нечто есть то, что не есть второе, т.е. первому приписывается то, чего оно не представляет — отрицательное. Отсюда ясно, что единство необходимо для противоположностей. Этим обстоятельством объясняется природа положительных и отрицательных суждений и их необходимой связи, как это будет выяснено ниже (в теории суждения).

7. Единство тождества и различия (рассмотренное выше) есть единство противоположностей (противоречия), но оно есть не такое единство, которое требовало бы для этих трех другого — нового единства (что было бы нелепо); это так, ибо это единство не имеет конечного характера, т.е. оно не такое, каковы стороны противоречия. Противоречие исчерпывает конечное, поэтому единство противоречия имеет природу бесконечности. Именно такое единство необходимо для сторон противоречия, как для

полных конечных.

8. Стороны противоречия в отношении друг друга не только отрицательны, но и положительны. Единство имеется в них с обеих сторон. Такое обстоятельство легко представить логически, в логическом, с точки зрения понятия (или умозаключения). Это единство есть внутреннее единство, содержащее внутреннее же отрицание (это обстоятельство будет ясно представлено в бесконечном умозаключении, которое будет специально рассмотрено ниже).

9. Природа **отрицания** такова, что оно с необходимостью ведет к единству противоречия. Отрицание — не-А, как было сказано (см. «Полагание и отрицание»), в формальной логике неопределенно, поскольку оно подразумевает множественность явлений, но в сущности — в категориях — отрицание определено, поскольку оно подразумевает и представляет одно — и противоположное не-А есть одно нечто. Нечастное есть общее, неконечное есть бесконечное и т.д.

Отрицание конкретно, как: 1) отрицание чего-то конкретного, определенное отрицание определенного, 2) само определенное, определенное отрицание, 3) всегда подразумевающее нечто; и абстрактное не-А подразумевает А (в противном случае невозможно будет даже записать, не-А: «не-А» не может не содержать «А», 4) общая категория, отрицание есть категория, определенная форма, 5) признак конкретного — сторона, именно необходимая сторона определенности («определение есть отрицание»), 6) отрицание, полагающее себя, которое имеет место в полагании нечто его же отрицанием, именно в категории логического (и поэтому в бесконечном умозаключении, как это будет выяснено ниже). Ясно, таково не каждое конкретное, а только то, которое имеет природу категории логического. Таким образом, отрицание доходит непосредственно до единства, противоречие доходит с необходимостью до его единства.

Это так, поскольку отрицание с необходимостью подразумевает другое как: 1) отрицаемое и 2) признак отрицающего, необходимый его признак, с необходимостью в нем подразумеваемый именно «фактом» отрицания. Поэтому и необходимо единство для противоположностей.

Как было сказано, отрицание есть: 1) внешнее, например формально-логическое отрицательное суждение, 2) внутреннее, как внутренний и необходимый момент положительного суждения. Суждение «частное есть общее» с необходимостью подразумевает, что «частное не есть общее». Это видно и из такого суждения, каково «Жучка есть собака», поскольку Жучка и собака различны. Поэтому, надо сказать, что необходимо единство противоположностей.

Если отрицание есть момент связи²⁷, т.е. момент определенного единства, тогда становится очевидной необходимость этого единства для противоположностей.

Неопределенность не-А снимается не только в категориях, т.е. в диалектической логике, но и в формальной логике, именно тогда, когда мы имеем дело с разделительными (дихотомными) суждениями и умозаключениями, где члены деления с необходимостью подразумевают род, как определенное единство. Здесь, безусловно, действует определенное относительное отрицание, в противном случае не существовало бы необходимого рода — единства.

Как было сказано, не-А для формальной логики — неопределенно. Эта неопределенность является результатом не только множественности явлений (которые подразумеваются в не-А), но и искусственного действия субъекта. Субъект (познающий) отрицает А, и «не-А» есть только отрицание А; отрицающим здесь выступает субъект, как существующий в другой сфере, остается не-А, как только отрицание объективного А; т.е. А и его отрицание находятся в различных сферах, тогда как логически оправданное состояние будет только в том случае, если А и не-А, как отрицающее А, будут находиться в одной, именно в объективной сфере. С логической точки зрения другое состояние недопустимо.

Неопределенность не-А опирается на фактичность, именно на множественность явлений и искусственное действие субъекта, т.е. на объективную и субъективную фактичность. Неопределенность не-А не является логической, как это часто думают, когда говорят, что не-А только упраздняет А и ничего более. Не-А логически является определенным. Неопределенность не может быть логической. Логическое является всегда определенным. Таково и логическое не-А.

Неправильна мысль, согласно которой не-А логически не может быть «больше» чистого отрицания, т.е. что оно не может содержать и положительности, поскольку если в нем нет и положительности, то оно непригодно как отрицающее. Это «большее» как положительное, как было сказано, с необходимостью

²⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 38, изд. четвертое, стр. 219.

доходит до единства, т.е. посредством определенного отрицания противоречие доходит до единства.

Не-А, как только упразднение А, является лишь одной стороной полного отрицания. Полное понятие отрицания логически подразумевает три момента, именно: 1) само отрицание, 2) отрицаемое и 3) отрицающее. Этим трем моментам требует именно логическое понятие отрицания. Именно в логическом смысле отрицание с необходимостью подразумевает как отрицаемое, так и отрицающее, в противном случае извратится понятие отрицания и мы получим смесь логического понятия отрицания с фактическим и психологическим. Именно поэтому мы и отмечали выше, что поскольку отрицающее (так же как и отрицаемое) «больше» отрицания, как только упразднения (в противном случае отрицания не будет), постольку во взаимоотрицании два «больших» составят одну положительность, единство, которое необходимо для противоречия. Поскольку отрицание с необходимостью подразумевает, вместе с отрицаемым, и отрицающее, постольку необходимо и их единство. Отрицаемое и отрицающее являются сторонами противоречия, а отрицательное — их определенным отношением. Такое отрицание требует единства для противоположностей. Следовательно, необходимо единство противоположностей.

Из сказанного о конкретном отрицании непосредственно вытекает, что конкретное отрицание есть не только отрицание, но и сохранение того, что отрицается. Конкретное отрицание есть определенное снятие и сохранение. Если отрицание с необходимостью подразумевает отрицаемое, то, ясно, что оно сохранено. Поэтому, можно и нужно сказать, что как отрицание, так и его результат имеют природу содержательного общего, поскольку оба с необходимостью содержат различные моменты.

Из так понимаемого отрицания с необходимостью вытекает то, что является взаимоотрицание-взаимополаганием. Следовательно, в конечном счете, надо сказать, что полное отрицание переходит во взаимоотрицание, т.е. в противоречие, которое необходимо зиждется на единстве (полученном взаимополаганием).

Гегель правильно применил в своей диалектике понятие относительного отрицания, рассмотренное Платоном в произведении «Софист», хотя он исказил его тем, что счел его мистической силой абсолюта. Несмотря на это, у Гегеля имеется «рациональное зерно», в данном случае — в понятии конкретного отрицания; это рациональное зерно обязательно должно быть учтено в материалистически-диалектической логике.

10. Для выяснения природы единства противоречия необходимо более полное и определенное представление его некоторых сторон.

Невозможность противоречия непосредственно опирается и использует категории противоречия и возможности (невозможность опирается на возможность), как определенные положительные средства. Это ясно видно из определения логической необходимости, как невозможности противоречия (необходимое есть то, противоречащее чему невозможно). Демонстрация необходимости нечего, его доказательство путем отрицания противоречащего ему есть: 1) обоснование этого нечего посредством применения противоречащего (нечто есть это вследствие невозможности противоречащего) и 2) для отрицания противоречащего использование этого нечего, как основания. Здесь имеется взаимоопределение противоречащих, для чего, ясно, необходимо противоречие, его использование в качестве основания.

Противоречие есть средство-основание невозможности противоречия. Отрицание этого средства или: 1) невозможно, или 2) этим (отрицанием этого средства) отрицается сама невозможность противоречия как невозможность именно противоречия; т.е. противоречие логически предшествует своей невозможности.

Если противоречие невозможно, то в формальной логике были бы невозможными разделительные умозаключения, и суждения. Основание-средство разделительного суждения и разделительного умозаключения есть или-или, противоречие.

Если противоречие невозможно, то эта невозможность заранее подразумевает возможность, категорию возможности, а эта последняя — категорию действительности. Только на основании противоречия можно говорить о невозможности противоречия. Это так, поскольку невозможность противоречия есть отрицательное понятие, которое, как именно отрицательное, заранее подразумевает оправдывающее его положительное, чем и является категория противоречия (а противоречие возможно на основании единства; помимо единства оно и вправду невозможно).

Если мы скажем, что из двух противоречащих друг другу одно есть, а второе невозможно, то мы попадем в безвыходное противоречие, поскольку мы этим отрицаем нашу исходную точку — ту, на которую мы опираемся. Только на основании признания противоречия можно сказать: «из двух противоречащих в отношении друг другу...».

Невозможность противоречия есть момент противоречия, которое, со своей стороны, является моментом единства противоречия. Противоречие есть взаимонесовместимость противоречащих сторон, именно то, что одно не есть противоречащее ему, одно исключает другое и наоборот. Невозможность противоречия означает эту несовместимость — взаимоисключение противоречащих сторон, а не несуществование противоречия. Если бы не было противоречия, то было бы невозможно и взаимоисключение. Невозможно только противоречие, чистое противоречие, как в бытии, так и в мысли. Чистое противоречие разрушило бы предмет: только взаимоисключение разрушает предмет. Если стороны предмета только упраздняют друг друга, тогда, ясно, существование такого предмета невозможно. При чистом взаимоисключении-упразднении будет невозможным само противоречие; взаимоупразднением его сторон оно упразднилось бы так, что не успело бы даже появиться; противоречие сделало бы невозможным противоречие. Чистое противоречие невозможно и в мысли, точнее, в правильной и в истинной мысли. Мысль, которая упраздняет сама себя, есть ложная или невозможная. Но ошибка возможна; противоречие, как ошибка, возможно. Если бы оно было невозможным, то не нужно было бы и остерегаться его. Эта возможность подразумевает основанием нечто другое. Понимание противоречия, как ошибки, возможно, если мы стоим выше его, если мы сможем выдержать противоречие, если возможно его осмысление; в противном случае, мы ничего не знали бы о противоречии и не смогли бы отличить истину от лжи. Именно на основе истины понимается заблуждение и противоположность, лжи и истины (этот вопрос впервые был рассмотрен Платоном в «Теетете» и в других диалогах). Взаимоисключение, как невозможность, нечто, само возможна вследствие существования более высшего основания.

Невозможность противоречия подчиняется противоречию; оно возможно на основании противоречия; а, само противоречие возможно на основании единства, оно существует на его основании. Единство противоречия подчиняет себе противоречие и невозможность противоречия, как взаимоисключение, а не наоборот, как это кажется некоторым, (большинству логиков).

Это так поскольку: 1) правда, невозможно противоречащее единству противоречия, но это не означает подчинения второго первому. Если бы противоречащее единству противоречия было возможным, то единство противоречия было бы односторонностью и были бы необходимыми новые и новые «третьи», для него была бы необходимой вторая сторона и единство этих двух сторон, как «третье» и т.д. до: бесконечности, что представляет собой нелепость; 2) если невозможно противоречащее единству противоречия, то остается и доказывается именно единство противоречия; 3) невозможно противоречащее единству противоречия, поскольку такая невозможность является моментом самого единства противоречия. Момент единства противоречия нельзя вынести из него и противопоставить ему в противном случае: а) мы разрушили бы то на что опираемся и б) руководствовались бы тем, что мы отрицаем; 4) единство противоречия есть именно единство противоречия, поэтому и невозможно противоречащее ему; в противном случае, оно не было бы единством противоречия; 5) отрицание единства противоречия само есть и создает противоречие (см. выше о понятии отрицания); поэтому-то: а) невозможно противоречащее единству противоречия и возможно и необходимо единство противоречия. Отрицание есть сущность противоречия; если имеется и реализовано отрицание, то имеется и противоречие. Поэтому и невозможно отрицание противоречия; отрицание противоречия есть средство его полагания. Противоречие абсолютно; оно полагает само себя.

Если признание нечто является отрицанием противоречащего ему и наоборот, то необходимы противоречие и единство противоречия. В единстве противоречия одна его сторона полагает себя посредством противоречащей стороны: а) одна сторона противоречия такова именно вследствие того, что она исключает противоречащую сторону и наоборот, б) что противоречащая ей сторона именно эта, а не другая, этим и имеет она определенность. Поэтому и возможно такое противоречие, стороны которого не только отрицают друг друга, но и полагают — полаганием противоречащей стороны полагают себя. Поэтому и существует единство, именно единство противоречия.

Это единство содержит противоречие в самом себе и имеет силу сохранить его и существовать только как единство противоречия, которое есть не что иное, как раздвоение единого, являющееся сущностью диалектики²⁸. Поскольку единство противоречия есть раздвоение единого (а не соединение противоречащих сторон), постольку единство является основанием его раздвоения.

После рассмотрения категорий противоречия, конечного и бесконечного будет понятным, если мы

²⁸ В. И. Ленин, Соч., г. 38, изд. четвертое, стр. 357.

скажем, что противоречие и «невозможность противоречия» характерно для конечного, а единство противоречия, как единство полных конечных, является бесконечным. Существование в предмете внутреннего противоречия есть существование бесконечного в конечном. Единство противоречия есть единство полных конечных; в этом смысле, конечные существуют в бесконечном, точнее, единство полных конечных есть бесконечное; единство, раздвоенное на полные конечные, является единством противоречия (здесь, как мы знаем, противоречие и противоположность одно и то же).

Конечное, как одностороннее, абстрактно: 1) такова и одна сторона различия и 2) и одна сторона противоречия, которая представляет полные конечные. Невозможно более полное абстрактное (содержащее все абстрактные) и полное конечное, чем одна сторона противоречия; а конкретное представляет единство различных: 1) таково и единство только различных и 2) единство противоположностей или противоречия, которое является наиболее конкретным. Конкретное есть единство многосторонности (К. Маркс); а наиболее конкретным является единство противоречия. Каждое конкретное есть это и другое — единство различных, противоположностей²⁹.

Конкретное, как единство, раздваивается на противоречащие стороны. Различные и противоречащие являются внутренними для единства, поскольку здесь действует внутреннее отрицание., внутреннее противоречие. Поэтому, невозможность противоречия опирается на противоречие, а противоречие — на единство, и постольку с необходимостью существует единство противоречия. Как истина есть первое (и масштаб) по отношению к противоположности истины и лжи, так же и единство противоречия есть первое по отношению к противоречию, взаимоисключению. Единство противоречия есть: 1) корень противоречия, его первое основание, поэтому 2) оно есть, вместе с тем, и разрешение противоречия. Именно раздвоение единого дает возможность разрешения противоречия. Разрешение противоречия есть: а) возникновение нового, что имеет место в движущейся и развивающейся действительности и б) доказательство, как преодоление противоречия. На основе раздвоения единого возможно разрешение противоречия (доказательство) и в логической сфере (как это будет выяснено, в последующем).

Противоречие исчерпывает природу конечного, исключает третье, именно, конечное третье, но этим полагается «третье», чем является само единство противоречия. Это есть полагание бесконечного именно противоречием.

Как было сказано (см. выше о категории противоречия), противоречие есть противоположность самому себе (Ф. Энгельс); противоречие равняется противоположности в категориях (сущности); противоречие по отношению к себе — противоречие в одном и том же отношении (иначе оно и не может существовать. Если бы противоречие существовало только в разных отношениях, то не может же оно существовать вновь в разных отношениях?). Противоречие в одном и том же отношении — противоречие самому себе (противоречие есть категория сущности, а сущность есть отношение бытия к самому себе) — является основанием противоречия в разных отношениях; поэтому-то и возможно противоречие в разных отношениях.

Отрицание, и поэтому противоречие, расширяет понятие, от противоречия мы поднимаемся к единству; само противоречие (взаимополагание взаимоотрицанием) доходит до единства (отрицание расширяет понятия, например, понятия числа, суждения, которое отрицанием переходит к умозаключению, как это будет выяснено ниже). Это «восхождение» или переход имеет природу необходимости.

Это обстоятельство не означает того, что якобы сфера единства есть нечто метафизическое и метафизическое или мистическое (как понимали это Кузанский, Шеллинг, С. Франк и др.), поскольку сфера противоречия и сфера единства не являются двумя различными сферами. Невозможна, как было сказано, сфера только противоречия, чистого противоречия. Противоречие возможно на основании единства, посредством действующего в нем единства. Поэтому единство не находится по ту сторону противоречия, оно не является конечным; отдельно взятое бесконечное есть уже конечное. Поэтому существует одна сфера, именно сфера единства противоречия, в котором содержатся его стороны, моменты. Если бы сфера противоречия и сфера единства были разными, то стало бы необходимым новое единство (для их возможности) и т.д. до бесконечности, что представляет нелепость и логическую невозможность. Именно эта невозможность дает необходимость единства противоречия; именно она показывает нам, что необходимо представить единство противоречия как одну сферу. Поэтому кто выделяет отдельно сферу противоречия, тот представляет противоречие энтимемно, так же как

²⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, изд. четвертое, стр. 127.

невозможно аналитически-логическое без необходимого подразумевания синтетичности. Логика требует снятия этого неопределенного, оформления подразумевающегося, что полностью покажет логическое, понятое как единство противоположностей (противоречия).

Как было отмечено, противоречащие стороны определяют, полагают друг друга посредством отрицания. Поэтому единство — это имманентный характер противоречащих, а не что-то независимое от них. Нечто переходит в противоречащее согласно собственной природе. Частное содержит общность по своей природе. Конечное связано с бесконечным именно своей природой и наоборот; иное представление дела дает ошибку (как это было достаточно рассмотрено выше). Поэтому и говорим, что сфера противоречия и сфера единства являются не двумя сферами, а составляют одну сферу (у Гегеля вопреки его диалектике получается признание двух сфер)³⁰. Постольку в конечном есть бесконечное, как его сущность.

Могут сказать (и говорят, например, С. Франк), что единство, сравнительно с противоречием, логически есть другое. Поэтому, трудность их нового единства и ее неразрешимость якобы очевидны, т.е. диалектика будто бы стоит перед непреодолимой трудностью. Ответ на этот вопрос мы дали выше, но здесь можно добавить следующее: если бы разрешение противоречия было вообще невозможным, то оно и не возникало бы. Но противоречие не является вообще неразрешимым, в противном случае не было бы: 1) ни противоречия и 2) ни предмета, как одного предмета (ни реально, ни логически). Если противоречие не касается одного, тогда оно разложится на свои стороны и у нас будет два нечто, а не противоречие; расчленение противоречия упраздняет его (Ф. Энгельс). Ведь противоречие есть определенное отношение к самому себе? Это рефлексивное, совершенно определенное, посредством отрицания выполненное отношение к самому себе. Предмет своим существованием показывает, что противоречие уже разрешено. Предмет, содержащий противоречие, внутреннее отрицание, есть или один, — тогда противоречие дано в единстве, именно в одной сфере, — или же невозможен один предмет, их будет два, потом четыре и т.д. до бесконечности, что нелепо. Противоречие и единство возможны только в одном, точнее, противоречие возможно только в единстве. Это есть один предмет как реально, так и логически. Если мы логически представим его как два предмета, это будет, как было отмечено, их упразднением. Следовательно, необходимо единство противоречия как одно определенное нечто.

Надо различать реальное и логическое противоречие и единство реального и логического противоречий (диалектику реального и диалектику логического), но нельзя игнорировать общего для них, противоречия как такового и единства противоречия как такового; т.е. необходима одна категория противоречия и одно единство противоречия именно в категориальном смысле. Нельзя признавать два противоречия и два единства противоречия в категориальном смысле. Этим не отрицается существование реального и логического противоречий (и их единств) и их отличие друг от друга. Одно может проявиться по-разному в двух различных сферах (так же, как и аристотелевский закон невозможности противоречия в его «Первой философии» и в «Органоне»). Поэтому ошибочна мысль, которая допускает противоречия только в действительности и отрицает их в мышлении, так же, как и наоборот — ошибочна мысль, которая исключает противоречие из действительности (напр., Гильберт³¹) и считает его возможным только в мысли, где оно понимается всегда как заблуждение.

Как было сказано, еще Платон знал, что каждое различие, где бы оно ни было, есть отрицание. Этот момент диалектики был представлен у Гегеля в развитом виде и научно был доказан в материалистической диалектике. Как было отмечено, отрицание создает (и в сущности есть) противоречие. Различие есть факт и действительности и мышления, мысли. Поэтому, везде и всюду имеется отрицание, противоречие, т.е. диалектика.

Диалектика понятий имеет объективный характер, поскольку она порождается диалектикой вещей (а не наоборот, как это было у Гегеля). Диалектика вещей создает диалектику понятий³². Существующее в действительности единство противоречия представлено единством противоречия и в логическом, именно — единством противоположных понятий и суждений.

Неправильна мысль, согласно которой признание диалектики логического: 1) отождествляет мысль с действительностью и 2) разъединяет их друг от друга. Не говоря уже о ложности одновременного представления этих двух мыслей, мы должны отметить, что как действие одного основного закона —

³⁰ Hegel, W. d. Logik, II. Lasson, s. 62. 9.

³¹ Гильберт, Основы геометрии, стр. 341.

³² В. И. Ленин, Соч., т. 38, изд. четвертое, стр. 188; Маркс и Энгельс, Избранные произведения, II, 1955, стр. 367.

закона невозможности противоречия в «Первой философии» и в «Органоне» Аристотеля не отождествляло их, так же надо сказать и о действии «ядра» диалектики в материалистической онтологии и в материалистической диалектической логике. Действие одного и того же общего закона в двух разных сферах представляет этот закон в двух специфических видах и не упраздняет специфичностей; наоборот, специфичности возможны на основании одного. Общее придает смысл специфичностям и отнюдь не упраздняет их.

Как общее не исключает специфичностей, так и специфичности не существуют без общего, в отрыве друг от друга. Тем более тогда, когда дело касается специфичности мысли, мысли, которая является отражением независимой от нее (и вообще независимой) действительности. Отражение должно определяться природой отражаемого. Мысль выражает действительность, но, ясно, своеобразно. При отождествлении мысли и действительности теряется своеобразие обеих. То, что является общим для действительности и мысли, имеет независимость в действительности. Поэтому мысль определяется действительностью, а не наоборот, хотя, с точки зрения доказательства, как это было отмечено выше, логика — первая наука; каждая наука логически опирается на нее; тем более, если рассмотрение наиобщего возможно только логически (а это так).

Различие реального и логического противоречия, как, известно, основательно рассмотрел Кант в своем произведении «Versuch...» («Опыт внесения в философию понятия отрицательных величин», 1763). В этом произведении он отличал друг от друга реальное «не» (нуль) и логическое «не» (логическое отрицание) и попытался доказать, что противоречие (напр., противодействие сил) имеется только в действительности, а в логическом оно не имеет места (оно есть ошибка). Но в «Критике чистого разума» он, наоборот, утверждал, что противоречие имеется не в действительности, а в разуме, что разум впадает в необходимое противоречие, когда имеет дело с бесконечностью. Вместе с тем, вопрос о противоречии Кант связал с проблемой синтеза. Если он в вышеотмеченном произведении считал неразрешимым вопрос: *Wie soll ich es verstehen, dass weil Etwas ist, etwas Anderes sei?*³³, то в «Критике чистого разума» он попытался дать позитивное решение именно этой проблемы и получил такой результат: в «Versuch...» поставленный вопрос о синтетичности он разделил на два: один касался вещей в себе, а другой — явлений; невозможна синтетичность в вещах в себе, а в явлениях возможна³⁴; точнее, понятия о вещах в себе связываются друг с другом несинтетически, аналитически, а в применении к явлениям возможно составление необходимых синтетических суждений; умозаключения — аналитичны, а часть суждений — априорно-синтетична.

Здесь главным для нас является указание на то, что первая попытка перенесения существующего в действительности противоречия в философию, и в частности в логику, принадлежит Канту, но в этом деле он дошел только до отрицательной диалектики. Отрицательная диалектика потребовала положительную диалектику, которая и была сформирована на идеалистической основе у Гегеля, а на материалистической основе — у К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В конечном счете мы получили положение: диалектика вещей создает диалектику понятий (В. И. Ленин), где основным является то, что единство противоречия, существующее в вещах, определяет единство противоречия, которое осуществляется в логическом. Это последнее обстоятельство будет постепенно рассматриваться в последующем — вдоль всей нашей логики. А сейчас мы удовлетворимся несколькими примерами, именно следующими:

1) Возьмем пример движения, которое (движение) является не только просто примером, но и образцом. Движение есть осуществленное противоречие как 1) в реальной действительности, так 2) в логических переходах. В диалектическом материализме движение определяется так: движение есть единство прерывности времени и пространства и непрерывности времени и пространства; «движение есть противоречие, есть единство противоречий»³⁵. Не только реальное движение есть определенное единство прерывности и непрерывности (а именно, прерывности и непрерывности времени и пространства), но и суждение «движение есть единство прерывности и непрерывности», содержит внутреннее противоречие, поскольку прерывность и непрерывность являются противоречащими понятиями.

Проблема Зенона была проблемой выражения реального движения в понятиях. Проблема касается не того, есть или нет движение, а того, как выразить «это движение в логике понятий»³⁶. Зенон считал

³³ I. Kant's Sämtliche Werke, V, S. 59 Kirchmann.

³⁴ См. I. Kant, Kritik der practischen Vernunft, S. 64. K. Kehrbach, где отмечено и то, что в «Критике чистого разума» дана вся сфера чистого теоретического разума, в частности то, что называется метафизикой.

³⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 38, четвертое изд., стр. 253.

³⁶ Там же, стр. 252.

невозможным выражение движения логикой понятий, поскольку движение есть противоречие, а противоречия в понятиях он считал ошибкой; поэтому, и в этом смысле, он отрицал движение. Выражение движения в логике понятий есть понимание движения (понимание собственно логикой). Для понимания движения необходимо: 1) нельзя отождествлять движение с его результатом (как это было у Зенона), 2) мы должны показать возможность движения. 3) нельзя представлять движение как сумму остановок, т.е. 4) не следует затушевывать диалектическое противоречие движения. Зенон не отрицал, а только затушевывал диалектическое противоречие движения³⁷.

Как указывает В. И. Ленин, выражение движения мыслью огрубляет его, но, все-таки, сущность диалектики движения выражается формулой: «тождество, единство противоположностей»³⁸. Движение выражается единством противоположных понятий, категорий или суждений. Движение, как единство противоположностей, выражается мыслью, которая сама является единством противоположностей. Диалектическая действительность, так сказать, принуждает мысль к тому, чтобы и она была бы диалектической (это, ясно, не значит, что для отражения мыслью действительности необходимо приписывание мысли свойств действительности, нет, общими для сфер бытия и мысли являются только наибо́льшие законы и категории диалектики. На это прямо указывает определение материалистической диалектики, как науки о наибо́льших законах движения и развития природы, общества и мышления). Внутреннее противоречие движения высказывается диалектическим противоречием мысли. Положение «движущийся предмет А и есть и не есть в точке В» содержит противоречия «есть» и «не есть» и выражает существующие в реальном движении прерывность и непрерывность. Единство противоречия имеет место как в одной, так и во второй сфере, но в одном случае противоречие имеется в вещах, а во втором — в мыслях. Различие не упраздняет общего, в данном случае, противоречия как содержания понятия-категории противоречия³⁹.

2) В «Капитале» К. Маркса определяется, что капитал является единством противоположностей, которое высказывается единством противоположных суждений. К. Маркс доказывает, что капитал не возникает из обращения, но он не возникает и помимо обращения, поскольку капитал есть именно круговращение денег. Капитал возникает из производства, но не из каждого, а из особенного, именно из такого производства, где стоимость производит рабочая сила, являющаяся товаром. Товар есть продукт, который обращается в обмене — он есть продукт, предназначенный для обмена. Так что обращение есть момент производства — вместе с обменом и распределением. Поэтому мы и говорим, что капитал возникает из производства и не возникает из производства. То же можно сказать и об его возникновении из обращения⁴⁰. Эти противоречащие суждения находятся в единстве в понятии капитала, как в понятии стоимости и прибавочной стоимости, которые растут сами. Капитал есть круговращение денег, которое не может реализоваться ни без эквивалентного обмена, ни без нарушения эквивалентного обмена, поскольку круговращение денег реализуется только тогда, когда деньги приносят прибавочные деньги, а это возможно тем, что в круговороте находится такой товар, который производит прибавочную стоимость; это, как было сказано, рабочая сила. Понятие капитала объединяет его противоречащие односторонности, которые высказываются вышеотмеченными, а именно противоречащими друг другу, суждениями. Капитал является единством противоположностей. Понятие капитала есть единство противоположных суждений, общая мысль этого единства.

3) Мир существует только в виде конечных явлений, но эти явления бесконечны с точки зрения качественного и количественного многообразия: мир бесконечно развивается. С другой стороны, мир бесконечен. Бесконечное существует в виде или в форме конечных явлений. Здесь имеется единство конечного и бесконечного. Это противоречие и единство возможны, поскольку мир существует в себе (вопреки Канту). Именно этот, существующий в себе мир. — не только конечен и не только бесконечен — не бесконечен в отрыве от конечного. Когда говорим, что мир бесконечен, тогда, ясно, мы не исключаем конечного; без конечных явлений мир есть ничто. Поэтому и необходимо признание мира единством конечного и бесконечного. Конечное и бесконечное — противоположные друг другу понятия. Поэтому:

³⁷ Там же, стр. 255.

³⁸ В. И. Ленин, Соч., стр. 255. См. труд Айдукевича о Зеноне и вообще о противоречии в движении.

³⁹ В математической логике не используется то понимание противоречия, которое было принято в старой логике, в философии и в обыкновенном мышлении. Там противоречие означает то, что, например, машина не работает. «Или-или» не означает противоречия в исчислении предположений; оно используется в математической логике в совершенно другом смысле.

⁴⁰ К. Маркс, Капитал, 1, 1950, стр. 172.

1) мир есть единство конечного и бесконечного, т.е. «истинная» (а не «дурная») бесконечность, 2) понятие мира есть единство понятий конечного и бесконечного (так разрешается первая антиномия Канта).

Вместе с тем, бесконечно развивающийся мир, т.е. мир как бесконечное развитие, подчиняется наисновному закону — закону единства противоречия. Сущность бесконечного развития есть внутреннее противоречие. Бесконечное развитие «схвачено» в его наисновном законе, который, ясно, конечен; т.е. бесконечное дано в конечном. Единство конечного и бесконечного имеется и здесь.

Единство противоречия есть также единство конечного и бесконечного, поскольку стороны противоречия, как мы знаем, являются полными конечными (двумя полными конечными); поэтому противоречие исчерпывает сферу конечного, а единство противоречия есть бесконечность. Так это и в вещи, и в выражающей ее мысли, но так, что первая определяет вторую.

4) Из введения «К критике политической экономии» К. Маркса известно, что производство есть единство его взаимоотрицающих и взаимоположающих моментов (собственно производство, распределение, обмен, потребление), в котором производство является «охватывающим» моментом. Например, производство и потребление противоположны друг другу, но не существуют друг без друга. Производство полагает себя посредством своей противоположности — своего отрицания — потребления. То же можно сказать и о потреблении⁴¹. Реально производство есть единство противоположностей, которое логически высказывается единством противоположных понятий или суждений. Диалектика вещей определяет диалектику мысли, именно, диалектичность логического.

5) В логическом, именно в суждениях и умозаклчениях, имеет место единство противоположностей и в том смысле, что (как это будет выяснено ниже) суждение есть утверждение-отрицание, имеет смысл утверждения-отрицания; поэтому суждение, как утверждение-отрицание, требует оправдания, что и реализуется в умозаклчении-доказательстве, как в полной опосредствованной связи. Суждение диалектично, поскольку оно имеет: 1) смысл утверждения-отрицания, 2) смысл единства частного и общего. Суждение (как это выяснится в последующем) должно быть утверждение-отрицанием и единством частного и общего, т.е. единством противоположностей; этим оно и имеет смысл, но этот смысл окончательно осуществляется, оправдывается в полной опосредствованной связи, одним моментом которой является суждение. Так связывается суждение с умозаклчением-доказательством. Эта связь сама имеет диалектическую природу.

Единство противоположностей в полном виде осуществляется в логическом в полной опосредствованной связи, в определенном умозаклчении, которое мы называем бесконечным умозаклчением и которое, вместе с тем, является и доказательством: В этом умозаклчении-доказательстве представляется полностью логическая рефлексивность, именно природа категории логического. Постольку в этом умозаклчении-доказательстве представлено и понятие, как его общая мысль. Таким образом, природа каждой формы логического имеет характер единства противоположностей.

§ 75. Подчиненный характер законов формальной логики

«Законы мышления» формальной логики показывают, какой не должна быть логическая связь, когда она невозможна, а не то, какой она должна быть и как она положительно возможна или осуществлена. Для существования логической связи необходимо ненарушение тождества, недопущение противоречия, упразднения самого себя, исключение третьего для противоречия и т.п. Поэтому, как было сказано, для «законов мышления», как отрицательных положений, требуется объясняющее основание; они не первичного характера и должны подчиняться положительному, основному, более существенному и более внутреннему. Постольку они более внешни и поверхностны по сравнению с теми положительными и необходимыми и достаточными для логической связи условиями, которым они подчиняются и должны подчиняться.

⁴¹ Путем выяснения именно этого обстоятельства я пришел к понятию логического бесконечного. Понятие логического бесконечного, как понятие полагания нечто его же отрицанием, я определил впервые в 1947 году в докладе «К проблеме умозаклчения», сделанном на сессии Института философии (26 декабря) и тезисы которого (на грузинском и русском языках) были опубликованы в декабре того же года. Этот доклад в полном виде был опубликован в 1949 году в I томе «Трудов Института философии АН ГССР» (определение бесконечного умозаклчения см. там же, стр. 132). Точка, зрения, которая была представлена там, получила развитие в моих последующих трудах.

Как было сказано, еще Фихте указал на то, что закон тождества — «А есть А» подчиняется «Я есмь» как самополаганию. «А есть А» то же самое, что и «если есть А, то есть А», где нет указания, что же такое А; это только форма, как условное полагание, подчиняющееся самополаганию, которое является не только формой, или только содержанием, а содержательной формой. Для Гегеля закон тождества есть закон рассудка, который необходим, но недостаточен для логической связи; тождество переходит в свое противоречие, в отрицание (отрицательная диалектика) согласно своей природе, но составляет момент спекулятивного (положительной диалектики). Для Когена первым или основным законом является не закон тождества, а суждение первоначала (Ursprung)⁴² и т.п. Одним словом, закон тождества должен подчиняться другому закону.

Тождество есть момент единства, невозможность противоречия есть момент противоречия, а положение исключенного третьего само содержит и опирается на третье. Как это было отмечено выше, — не закон единства противоположностей подчиняется законам невозможности противоречия и исключенного третьего, а наоборот, они подчиняются ему. Эти законы обосновывает закон единства противоречия как свои собственные стороны — моменты.

Можно больше сказать о «законах мышления» в математической логике. Закон тождества — $A \rightarrow A$ тоже самое, что и $\bar{A} \vee A$, т.е. он равняется закону исключенного третьего — $A \vee \bar{A}$. И закон невозможности противоречия $A \cdot \bar{A}$ имеет тот же смысл, что и закон исключенного третьего; но разделительность этого закона в основном неисключающая, поэтому она непригодна для необходимости умозаключения (если умозаключение не сведено к исчислению). «Законы мышления» в математической логике не являются законами логического отношения основания-следствия⁴³, они — законы определенного функционального отношения — законы функции истинности, тогда как логическая связь есть связь основания-следствия.

Таким образом, «законы мышления» формальной логики (три закона Аристотеля) имеют подчиненный характер. Поэтому, формальная логика представляет собой низшую, подчиненную, а диалектическая — «высшую логику».

§ 76. Связь логических законов

Если рассмотрение логических законов мы начнем с закона тождества, то надо сказать, что согласно этим законам тождество, подразумеваемое законом тождества, есть нечто наипростейшее — оно настолько просто и абстрактно, что не отделяет истину от лжи, правильность от неправильности, в том смысле, что не только истинное и правильное тождественны себе, но и ложное и неправильное. Если бы ложное или неправильное не были тождественны себе, то они и не были бы таковыми, а истинными или правильными. Несмотря на это, тождество необходимо для всего, в частности для истины и правильности.

Закон тождества с необходимостью связывается с законом невозможности противоречия, так как положение о невозможности противоречия есть отрицательное выражение положения тождества (если не примем во внимание один момент — момент синтеза в положении о невозможности противоречия, о котором речь шла выше). Это уже означает, что для формы положительности логически необходима форма отрицательности (затруднение, указанное Фихте). Игнорирование этой необходимости со стороны логики есть измена по отношению к себе; а ее полагание есть определенный переход от формы положительности к форме отрицательности; это уже необходимость противоречия, которая положительно предусмотрена в моменте синтетичности, подразумеваемом в положении о невозможности противоречия (в приписывании чему-либо отличного отчего признака).

Вместе с тем, как было сказано, невозможность противоречия заранее подразумевает противоречие, что, со своей стороны, исключает третье, поскольку противоречие состоит только из двух полных конечных сторон; этим уже реализован переход в сферу положения исключенного третьего. Так с необходимостью связывается закон исключенного третьего с законами тождества и невозможности противоречия (эта связь имеет характер некоторого развития, который в последующем станет более ясным).

Невозможность третьего и исключение противоречащего есть уже полагание нечто, которое «больше» тождества. В этом смысл закона полагания. Этим осуществляется переход к закону полагания.

Но это полагание переходит в отрицание, так как полагание чего-либо есть в то же время отрицание

⁴² Н. Cohen, Logik der reinen Erkenntnis, Berlin, 1914, S. 83.

⁴³ Д. Гильберт и В. Аккерман, Основы теоретической логики, стр. 20.

другого. Этим мы перешли (перешло «дело») к закону отрицания, выяснилась необходимость перехода к этому закону, закон полагания связался с предшествующими ему законами.

Исключение-отрицание другого возможно на основе различия или разности, посредством применения категории различия; поэтому и существует закон, соответствующий этой категории — закон различия.

Все это означает, что необходим и существует закон необходимости тождества и различия.

Из этого с необходимостью вытекает, что существует и действует закон необходимого второго. (или же закон получения нового), который соответствует одному основному закону диалектики; закон перехода количества в качество и обратно — закон перехода одного качества в другое новое качество действует в логическом как закон необходимого второго. Необходимость различия для тождества есть необходимость для одного второго (другого).

Тождество и различие являются противоположными друг другу понятиями, поэтому должен существовать и существует закон необходимости противоположностей (не их единства, а только необходимости). Это есть, например, необходимость конечного для бесконечного, необходимость общего для частного и т.п. Этим мы получаем отрицательную диалектику в логическом (в смысле антиномий Канта).

Но противоположность в категориях то же самое, что и противоречие; поэтому существует не только закон необходимости противоположностей, но и закон необходимости (не единства) противоречия (полностью представленная отрицательная диалектика). Так реализуется переход в сферу этого нового закона.

Если существует противоречие и его необходимость, то, ясно, должно существовать какое-то определенное «третье», необходимое для противоречия (например, само противоречие). Следовательно, существует и закон необходимого третьего.

Но противоречием исключается определенное третье, поэтому существует и основание противоречия, в противном случае оно было бы невозможным, т.е. существует необходимое, первое для противоречия. Таким образом, получаем закон необходимого первого — переходим в сферу этого закона.

Необходимой стороной противоречия является взаимоисключение. Поэтому и существует взаимоисключение и соответствующий ему закон (взаимоисключения).

Но противоречие означает и то, что полаганием одного исключается (не только другое, но и) противоречащее; таким образом, получаем новый закон, который мы выше называли законом отрицания полаганием.

Противоречие есть не только отрицание полаганием, но и полагание отрицанием, поэтому существует и действует и закон полагания отрицанием.

Но противоречие есть не только взаимоотрицание (таковое, как было сказано, было бы невозможным), но и взаимополагание. Таким образом, у нас есть полное основание сказать, что в логическом действует и закон взаимополагания.

А этим мы уже подошли (само «дело» привело) к тому положительному, которое в логическом является результатом отрицания отрицания. Существует и логический закон отрицания отрицания.

Каждая из противоречащих сторон есть отрицание отрицания, поскольку каждая из них представляет и положительность. Поэтому противоречие есть двустороннее или двойное отрицание отрицания, результатом которого является единство. Поэтому, в логическом существует и действует закон единства.

Это единство есть определенное основание, которое оправдывает всякое другое основание и придает смысл всякому другому логическому основанию. Таким образом, в логическом действует и закон основания.

Для противоречия необходимо определенное единство, как его основание. Противоречие возможно на основании единства. Следовательно, в логическом существует закон единства противоречия, логический закон единства противоречия.

Все вышерассмотренные законы представляют собой односторонности закона единства противоречия, как закона логического. Вышерассмотренная связь между законами является развивающейся связью, логическим переходом-развитием. В единстве противоречия снимаются и сохраняются все его стороны, как необходимые для него моменты. Такова, вкратце, связь логических законов, их субординация.

§ 77. Основной закон логической мысли

Общность закона есть общность природы соответствующего предмета; она есть общность глубины сущности предмета; закон есть категория сущности. Существуют разные глубины сущности и поэтому — и общности разной глубины. Есть сущности первого рода, второго рода и т.д.⁴⁴, которым соответствуют различные общности, определяемые ими. Здесь, вследствие разности глубины, имеется подчинение, субординация. Содержательные общности, выражающие разные глубины сущности, определяют возможность множества законов. Вместе с тем, согласно понятию закона, должен существовать один основной (или наисновной) закон, подчиняющий себе их множество.

Как это вытекает из природы рассмотренной выше связи логических законов, логический закон единства противоречия подчиняет себе другие — со стороны как содержания, так и формы. Поэтому он является основным законом логического.

Это обстоятельство можно высказать и так: закон есть определенное единство, которое имеет разные глубины — ступени; основные из этих ступеней: 1) тождество, 2) единство различных, 3) единство разной глубины этого различия или противоположности, 4) единство полной конечной односторонности (одной стороны противоречия) и 5) единство противоречия (или единство бесконечности). Именно закон единства противоречия (или самополагания и бесконечности) и есть основной (или наисновной) закон, которому подчиняются законы всех других единств. Другие законы являются законами односторонностей основного закона, или, сравнительно с ним, являются специфическими. Основной закон логического — логический закон единства противоречия — осуществляется полностью в философских категориях — в их логической связи-единстве.

Логическая связь имеет характер необходимого синтеза. Поэтому ее основной закон должен полностью объяснять природу необходимого логического синтеза. «Законы мышления» не являются таковыми, это законы аналитичности, а не синтеза. Закон, полностью показывающий природу логического синтеза, ясно, должен предусматривать моменты необходимого синтеза; этими моментами являются: тождество, единство, отрицание, противоположность-противоречие, которые были рассмотрены выше. Законом, содержащим такие моменты, является только логический закон единства противоположностей или противоречия, который, именно вследствие здесь сказанного, является основным законом логической мысли.

Основной закон логического должен быть специфическим представителем основного закона действительности, его действием в сфере логики (это должно быть так, как это имеет место в логике Аристотеля, где ее основной закон — закон невозможности противоречия — является в логическом специфически представленной формой основного закона «Первой философии»). Это обеспечивает объективность логического, помимо которой логика была бы беспредметной и поэтому лишней.

§ 78. Основные и неосновные законы логического

В характеристике логических законов, которую мы дали выше, почти полностью дан ответ на вопрос об основных и неосновных законах логического. В этом параграфе наша цель — выдвинуть вперед отношение между этими законами.

Как выяснилось, существуют основные и неосновные законы логического. Основной закон может быть только один. Признание более одного основного закона противоречит понятию основного. Невозможно существование трех или четырех (более одного) основных законов, как это признается в формальной логике, в которой логический характер взаимоотношения законов окончательно не установлен (если мы основными назовем несколько законов, тогда один будет наисновным. Это обстоятельство зависит от соглашения. А логическая точность требует признания одного основного закона).

Не один из «законов мышления», так же как и все вместе, не является основным законом мысли, поскольку они представляют собой только отрицательные условия для логического мышления и хотя необходимы для него, но недостаточны.

Основным является закон, определяющий сущность предмета и его развитие. Таков и основной закон логического. Таким, как было сказано, является закон единства противоречия. Неосновной закон определяет одну необходимую сторону логического (или предмета). Следовательно, взаимоотношение основных и неосновных законов носит характер подчинения-субординации, иначе, это есть

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 38, изд. четвертое, стр. 249.

взаимоотношение содержательного общего и содержательных частных, или взаимоотношение единства и его моментов, или же: взаимоотношение общего и специфичного, где специфичное понимается как содержательное частное.

Как было сказано, основной закон мысли (как и другие логические законы) обосновывает связь мысли с действительностью, ее объективность. Если бы мысль не имела с действительностью ничего общего, то была бы невозможной и объективность мысли, постольку и логика осталась бы без предмета. Логика невозможна и тогда, когда мысль не имеет специфичности: она, в таком случае, совпала бы с онтологией; а специфичность с необходимостью требует того, специфичностью чего она является.

Поскольку неосновные законы представляют собой односторонности основного закона, постольку они имеют смысл в отношении друг к другу и к основному закону. Это значит, что взаимоотношение основного и неосновных законов есть взаимоотношение абсолютного и относительного. Единство противоречия абсолютно, поскольку: 1) отрицание противоречия утверждает его же; противоречие, как мы знаем, есть категория логического; 2) отрицание единства есть определенное единство; 3) невозможность противоречащего единству противоречия полагает его же. Смысл неосновных законов опирается на смысл (друг друга) и основного закона, который оправдан существованием его же моментов.

Это означает и то, что такая взаимоподдержка имеет логический характер, т.е. она является определенным отношением основания-следствия. Следовательно, отношение основного и неосновных логических законов может быть представлено как логическое отношение основания-следствия: поэтому оно оправдывает всякое логическое отношение основания-следствия, как это будет показано в последующем.

Итак, 1) Основной закон логического есть закон единства противоречия, поскольку он является абсолютным и имеет природу логической бесконечности; это закон самополагания внутренним отрицанием и имеет природу рефлексивности категорий логического; то, что самоотрицанием (внутренним отрицанием полагает себя, не может подчиняться другому, тогда как это последнее подчиняется ему с необходимостью. 2) «Основные законы» логического зиждутся на другом, полагаются другим; поэтому они представляют собой односторонности-моменты основного закона логического и постольку имеют подчиненный характер. 3) Взаимоотношение основного и неосновных законов логической мысли есть взаимоотношение конечного и бесконечного, поскольку самополагание внутренним отрицанием есть логическое бесконечное, а его односторонности имеют природу конечного. 4) Наиобщий закон бытия и мысли не может не быть первым для логического, поскольку, ясно, что он действует в логическом как закон, определяющий логические формы и их объективность.

Все законы логического действуют в логических формах, в которых они реализуются, но так, что они не являются их логическими посылками; в противном случае мы получили бы логическую нелепость: для связи посылок со следствием нужна была бы другая посылка и т.д. до бесконечности.

§ 79. Онтологические и логические законы

Из сказанного видно, что реальным основанием логических законов являются реальные законы. Некоторые законы действительности действуют и в логическом, но специфически; этим, как было сказано, доказывается объективность логического.

Логические законы обосновываются онтологическими с предметной стороны. Поэтому логика должна быть и является онтологической. Противоположная точка зрения доходит до того, что объявляет логические законы законами игры. Но утверждение того, что законы логики являются законами игры, само не будет игрой; в противном случае, логика вообще потеряла бы смысл. Признание логических законов законами игры упраздняет логику, а воззрение, согласно которому логические законы являются законами игры, исключает себя, поскольку оно и эту свою мысль должно было бы признать игрой. Это самоисключение, как ошибка, доказывает необходимость противоположного. Невозможность построения логики с субъективистской точки зрения указывает на необходимость ее построения на объективной основе.

Если с предметной стороны логика зиждется на онтологии, то с логической стороны онтология, как и все другие науки, опирается на логику. Логически, несомненно, первой является логика, иначе и быть не может. Доказательство, осуществляемое в другой науке, в частности в онтологии, находит свое начало в логике. Основной закон логики, как логический закон, логически оправдывает всякое доказательство и его

законы и правила во всех науках, и в частности, в онтологии.

Даже такие онтологические категории, как категория бытия, количества, качества (и много других), действуют в суждениях и умозаклечениях, но, ясно, специфически; категория бытия подразумевается в суждении существования, в копуле и т.д., качество существует в суждении в виде положительности и отрицательности, экстенциональная логика основывается вообще на количестве и т.д. Основание есть как реальное так и логическое; категории конечного и бесконечного действуют как в онтологии, так и в логике, хотя в специфичном виде и т.д.

Нельзя отождествлять онтологическую логику с онтологией; это было бы отрицанием логики, что невозможно, поскольку доказательство, которое имеет место в онтологии и в других науках, имеет для них общую природу, что и изучается логикой, а не онтологией или другой наукой. С этой стороны все науки опираются на логику, которая со стороны доказательства рефлексивна и зиждется на самой себе. Логика сама логически рефлексивна.

Логическая рефлексивность характерна для логических, а не онтологических законов. Некоторые онтологические категории действуют и в логическом как категория логического (как это было показано выше), но логическая рефлексивность характерна для категории логического, а не онтологического; утверждение нечто отрицанием этого нечто есть доказательство, которое, ясно, не имеет места в действительности, хотя реальным основанием такого доказательства является внутреннее противоречие предмета.

В логике (в диалектической, а не в формальной) имеет место обратимость основания-следствия, тогда как в онтологической сфере нет такого обстоятельства; например, в действительности невозможно обращение причины и следствия, тогда как в логике умозаклечение реализуется не только от причины к следствию, но и от следствия к основанию. Реальным основанием обратимости логического основания-следствия являются существующие в действительности обратные связи, взаимосвязи.

У логики имеются и свои специфические категории, которые представляют собой только ее собственность. Это категории понятия, суждения и умозаклечения. С этой стороны, ясно, отождествление логики с онтологией недопустимо. Законы и правила суждения и умозаклечения, как правила именно суждения и умозаклечения, являются только собственностью логики.

Следовательно, существуют законы онтологической логики, которые не представляют собой законов онтологии; но несмотря на это, логические законы имеют онтологическое основание.

§ 80. Закон единства противоречия, как логический закон

В марксистско-ленинской философии, как известно, основным законом онтологии является закон единства противоречия. В диалектической логике, которая представляет собой онтологическую логику, роль основного закона выполняет именно закон единства противоречия. «Логика вещей» определяет логику мыслей. Закон противоречия существует в логическом в своеобразном, специфическом виде.

Об единстве противоречия, как логическом законе, было сказано достаточно; здесь для нас важно подчеркнуть, чем доказывается своеобразность этого закона как именно логического закона и в чем состоит его логический характер.

Противоречие и единство противоречащих, как было сказано, абсолютно и логически. Логическая абсолютность единства противоречия выражается в том, что его отрицание (так же, как и отрицание противоречия) невозможно и, что самое главное, его отрицание утверждает его же. В этом смысле абсолютны и такие моменты единства противоречия, как отрицание и противоречие. Отрицание отрицания есть именно отрицание. Отрицание противоречия само создает противоречие; отрицание, как сущность противоречия, по существу есть противоречие. Отрицание целиком единства противоречия полагает его же, поскольку при таком отрицании, как это выяснилось выше, оно представляется как односторонность, которая становится необходимой для односторонности, полученной в результате ее отрицания, т.е. возникает необходимость нового единства противоречия и т.д. Эта нелепость уже является полаганием необходимости единства противоречия. Поэтому мы и говорим, что невозможно отрицание противоречия и что это отрицание, вследствие здесь указанного, полагает его же.

Эта логическая рефлексивность единства противоречия доказывает его абсолютность в логическом.

Закон единства противоречия является и логическим законом, поскольку он действует в логических формах, как основной, существенный. Единство противоречия с необходимостью действует в логическом,

поскольку логическая связь, как выяснилось, есть синтетическая связь, с необходимостью содержащая аналитичность; она есть единство аналитичности и синтетичности, т.е. единство противоречащих. Логическое по своей природе диалектично. В дальнейшем (при рассмотрении природы доказательства) будет подробно выяснено, каким образом синтез-анализ есть единство противоположностей. Специально будет выяснено (в теории умозаключения) и то, что в логическом единстве противоречия реализуется непосредственно, прямо и полностью только в бесконечном умозаключении, которое является сущностью доказательства. А здесь, на основании уже выясненного материала, можно сказать, что единство противоречащих является логическим в том смысле, что оно имеет природу категории логического.

Как это было отмечено выше, закон единства противоречия может иметь в логике и другое название. Единство противоречия в логическом есть самополагание, осуществляемое посредством внутреннего отрицания, поэтому этот закон может быть назван законом самополагания, если самополагание понимается как самополагание внутренним отрицанием, а не самоутверждение в тавтологическом смысле (что часто так и понимают).

В синтетически-логическом имеется необходимое единство различных. Различие содержит внутреннее отрицание. Оно полностью представлено в противоположности-противоречии, именно тогда, когда мы имеем дело с логической связью категорий, которая действует по существу в каждом суждении и умозаключении. Суждение «частное есть общее» необходимо содержит отрицание, противоположность-противоречие, что высказывается отрицательным суждением так: «частное не есть общее». То положительное, которое с необходимостью содержит противоречие, есть единство противоречащих, осуществленное как самоутверждение. В логике то, что содержит внутреннее отрицание, является самополагающимся самополаганием, которое действует в суждениях, умозаключениях, переходе суждения в умозаключение, в определенных умозаключениях и является сущностью доказательства, логическим началом доказательства (это обстоятельство в последующем будет рассмотрено специально. Оно обосновано в нашем труде «Начало доказательства», 1963 г.).

Таким образом, в логике закон единства противоречия является законом самополагания.

§ 81. Логический закон и правило

В логике по сей день точно не установлено, что называется законом и что правилом. Правда, то или иное употребление слов «закон» и «правило» зависит и от соглашения, но всё-таки нужно внести ясность в этот вопрос.

Логическим законом должен быть принцип, который действует в каждой форме логического, несмотря на то, будет ли этот закон основным или неосновным законом односторонности или сущности логического. Логическим правилом называется положение, которое действует только в какой-нибудь форме мысли.

Надо сказать, что логический закон можно назвать правилом, но не наоборот, не каждое правило есть закон, поскольку законом может быть только такое правило, которое является общим для всех логических форм.

Как это мы увидим в последующем, существует такое умозаключение, которое вместе с тем является и доказательством. Поэтому не будет разницы между его законом и правилом; ему подчиняются также и составные части умозаключения-суждения. Такой закон, или правило есть закон и правило категории логического или бесконечного умозаключения.

Слова «закон» и «правило» имеют совершенно другой смысл в математической логике. Логическим законом называется тавтологичное или всегда истинное положение, т.е. такое предложение, которое является истинным несмотря на истинность или ложность его составных частей, функцию истинности которых оно представляет. Логическое правило в математической логике в действительности есть не логическое, а металогическое правило, как напр., способ подстановки, применение которого носит механический характер. Функциональное отношение также не является логическим отношением (понятие функции есть основное понятие математики, а не логики) и механический процесс не имеет характера логической необходимости. Поэтому в логике логический закон и правило, мы должны понимать так, как это было сказано выше.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ МЫСЛИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ (5) СУЖДЕНИЕ

§ 82. Проблема необходимого синтеза

Проблема синтеза была впервые поставлена Парменидом (вообще элейцами). Парменид представил ее в виде проблемы бытия, но можно сказать, что проблема бытия, была у него и проблемой мысли, так как для него бытие и мысль одно и то же (5 и 8 фрагменты); существует только то, что имеет природу мысли (не бытие, имеющее природу мысли, но отличающееся от нашей мысли; нет, такого противопоставления у Парменида нет. Для него бытие только одно). Есть одно только бытие, небытия нет. Поэтому нельзя приписывать бытию что-либо иное, иначе существовали бы бытие и нечто другое, второе по отношению к бытию. Всякое различие необходимо содержит небытие (этот момент был развит Платоном в «Софисте»). Поэтому нет множества и движения (мысль Парменида против этих понятий своеобразными аргументами укрепил Зенон элеец). Различие неосмысливаемо; т.е. синтез невозможен, так как синтез необходимо подразумевает различие (Парменид не ставил непосредственно проблемы синтеза, он сформулировал положения, исключающие возможность синтеза, решая проблему бытия). Мысль Парменида оказала большое влияние на последующую философию вообще, и в частности, на логику; она (эта мысль) явилась источником учений об аналитичности логического.

Проблема синтеза в логическом непосредственно была поставлена сократовскими школами. Здесь она была представлена с двух сторон: 1) Мегарцы (Эвклид) утверждали, что существует только тождество, общность, единое и нет различия, частного, множества; поэтому нельзя приписывать субъекту суждения отличный от него предикат. Истинны только тавтологические суждения (стол есть стол, человек есть человек и т.п.), 2) Циники (Антисфен) утверждали, что существует не тождество, а только различие, не общее, а частное, не единое, а множество. Поэтому синтез невозможен, нельзя приписывать субъекту отличный от него предикат; отождествление, объединение различных невозможно (так как нет тождества, единого). Следовательно, эти две школы приходили к одному и тому же выводу; как одна, так и вторая признавали истинность тавтологических суждений и отрицали возможность логического синтеза.

Мегарцы противоречили сами себе, так как с одной стороны признавали невозможность различия, но с другой стороны тавтологических суждений у них было множество, а не только одно. Признание множества ведь не соответствует и исключает отрицание множества и допущение только единого? Противоречили сами себе и циники, так как если невозможна связь субъекта с отличным от него предикатом, поскольку различные не объединимы, то ведь тогда каждое из этих различных будет тождественно себе? В противном случае оно будет другим (реализуется синтез).

Следовательно, точки зрения, отрицающие синтез, содержат безвыходные противоречия, но такие, которые по своей природе требуют именно синтеза.

Аристотель не рассматривал этой проблемы, он принял синтетическое суждение как факт и потребовал синтетичность умозаключения и доказательства (об этом будет речь ниже); хотя охарактеризованное им силлогистически-логическое, в конечном счете, было аналитическим.

В новое время впервые со всей остротой проблему синтеза поставил и попытался разрешить Кант, чем он и положил основу проблеме диалектико-логического. Как было отмечено и выше, Кант поставил в «Versuch...» проблему: «как я должен понять, что вследствие того, что есть нечто одно, есть также и другое». Здесь вопрос поставлен в категориальной сфере — в плоскости первой философии, поэтому он касается и логического. Но проблему синтеза, как проблему суждения, Кант считал основной проблемой в своей «Критике чистого разума». Главным вопросом этого труда, как известно, является вопрос синтетически-априорных суждений, т.е. вопрос необходимого синтетического суждения. Кант эту проблему разрешил так: синтетически-априорное суждение возможно и существует на основе априорной чувственной интуиции; синтез невозможен в понятиях, поскольку нет интеллектуальной интуиции.

Необходимый синтез осуществляется в отношении явлений, при применении категорий к явлениям (категория есть форма суждения), а не к вещам в себе. Возможны и существуют синтетически-априорные суждения (в математике и в физике), а синтетические умозаключения невозможны (поэтому и невозможна старая метафизика, как наука).

Кантово деление суждений на аналитические и синтетические, на апостериорные и априорные касалось не только проблемы познания, но, прежде всего, именно проблемы логики, поскольку это деление было произведено не только по содержанию, но и по форме. В трансцендентальной логике теория познания и логика были в известной мере отождествлены (как это мы в последующем рассмотрим более подробно); содержание и форма суждения были рассмотрены в единстве. Различие суждений, как синтетической и аналитической связи, касается и формы. Проблема необходимого синтеза есть проблема именно суждения как логической связи. Реализованная в аналитическом суждении связь основывается на тождестве; а для синтеза требуется большее — больше чем тождество и невозможность противоречия, поскольку синтез содержит различие, а различие — определенное отрицание (это чувствовал, как было сказано, еще Парменид). Форма положительности и форма отрицательности логически отличаются друг от друга.

Проблему синтеза в логическом, как синтеза понятийного (что Кант считал невозможным), впервые попытался положительно разрешить Фихте (и именно на основе философии Канта). Синтезы, осуществленные в «Наукоучении» Фихте, были синтезами — и через это системой понятий, я именно категорий. Эта система была одновременно и теорией познания и логикой и метафизикой (несмотря на субъективный идеализм Фихте). Именно это обстоятельство легло в основу гегелевской философии.

Гегель открыл синтетичность в понятии и во взаимосвязи понятий. Анализом понятия он доказал возможность синтеза и этим заложил основы диалектической логики (но и извратил ее вследствие идеализма).

Например, анализ чистого тождества показывает, что это тождество есть пустота, определенное ничто, имеющее относительный характер. Здесь было применено и развито понятие относительного небытия как относительного отрицания из произведения Платона «Софист» (абсолютное бытие Парменида было то же самое, что и ничто Горгия, которое он вывел именно из бытия Парменида, поскольку бытие помимо различия есть ничто).

Идеализм извратил проблему синтеза у Гегеля, поскольку в его философии отрицание является силой абсолюта, что и извратило логический характер отрицания. Это и стало причиной того, что, с одной стороны, неокантианцы остались в сфере кантианского синтеза, а с другой стороны, формальная логика восстановила логическую аналитичность, которую она отождествила вообще с логическим; а это в математической логике дошло до абсолютной тавтологичности логического. Сегодня эта проблема, именно проблема логической синтетичности, является наиактуальнейшей проблемой (представители математической логики тоже чувствуют нелепость ограничения логического только аналитичностью и ставят проблему синтеза. В этом смысле интересна точка зрения Карнапа).

Следовательно, проблема синтетической природы логического, именно логических форм, есть основная проблема логики и в первую очередь диалектической логики. Отказ от разрешения проблемы необходимого синтеза есть измена логике. Если взять отрицание в логическом смысле, то надо сказать, что отрицание необходимого синтеза просто невозможно, так как это отрицание само создает синтетичность, поскольку оно есть сущность различия.

§ 83. Понятие определенности

Для доказательства синтетичности логического, и прежде всего суждения, необходимо рассмотреть природу определенности (Bestimmtheit) вообще.

Определенность вообще, все равно будет ли она определенностью бытия или мысли, есть то, что нечто есть это. Нечто характеризуется каким-то признаком, нечто таково — это и есть определенность нечто; например, роза характеризуется красным цветом, понятие — общностью и т.п. Они есть определенности, именно, определенности розы и понятия.

Определенность нечто существует тогда, если это нечто различается от другого; в противном случае, у нас будет не определенность, а имен но неопределенность, т.е. неразличимость нечто от другого нечто; какая-нибудь определенность не есть другая определенность; в этом смысле они исключают друг друга;

нечто есть это именно потому, что оно не есть другое и, наоборот, нечто есть недругое; следовательно, к нечто приписывается определенное отрицание; именно в таком случае имеется определенность. Определенности всегда присуще такое отрицание, нечто характеризуется исключением другого, именно тем, что оно не есть другое. Но с другой стороны (и вследствие первой), нечто есть это именно из-за того, что оно не есть другое, т.е. из-за другого является нечто этим, а не другим. Это другое есть известное основание определенности нечто. Определенность другого определяет нечто, как это, а не другое. Поэтому, можно сказать, что отрицание есть необходимый элемент определенности — *determinatio est negatio* (Спиноза, Маркс). То обстоятельство, что частное есть частное, а не общее, представляет определенность частного. Частное есть не общее, т.е. частное есть частное именно вследствие того, что оно содержит определенно отрицание и т.д.

Именно благодаря отрицанию возможно изменение, переход любой определенности в другую. Определенность с необходимостью связывается с другим. Связь с другим есть определенность и наоборот.

Определенность по своей природе синтетична. Синтетическое не может не содержать в себе внутреннего отрицания. В каждой определенности есть отрицание. Если в определенности есть отрицание, то для нее будет необходимым и противоречие, поскольку отрицание есть сущность противоречия. Таким образом, определенность, именно из-за внутреннего отрицания и противоречия, имеет диалектическую природу.

Если определенность нечто зависит от иного, если оно таково из-за иного, то это иное будет «его иным», а его понятие — содержать признак этого иного. Поэтому, можно представить дело так, что нечто содержит иное в самом себе, как внутреннее для него. Например, в суждении «Жучка собака», собака как общее есть иное, но внутреннее для Жучки. Именно эту внутренность выражает суждение «Жучка собака» или «частное есть общее», где общее есть противоположность частного и поэтому их связь содержит внутреннее отрицание. Если это так, то каждая определенность есть в сущности единство противоположностей.

Единством противоположностей является, например, определенность свободы, т.е. то, что она представляет собою; свобода содержит противоположное — необходимость; свобода есть осознанная необходимость; нечто свободно, если оно внутренне содержит необходимость и это им осознано. Понятие случайности тоже с необходимостью подразумевает «свое иное», которое противоположно ему. Поэтому говорим, что случайность есть форма существования необходимости. Причина содержит признак следствия, так как причиной называется причина следствия; то же относится и к следствию и т.п.

Каждая вещь, каждая мысль и каждый их признак имеют определенность. Логическое отрицание определенности тоже есть совершенно определенная определенность, поскольку отрицание есть то, что существенно для определенности, как таковой.

§ 84. Конечное логическое

Природа определенности определяет конечное логическое. Реальная определенность есть реальное основание, прежде всего-, суждения, которое, как мы увидим, является конечно-логическим.

Для Аристотеля (и вообще для древнегреческого мышления) бесконечное есть неопределенность, а конечное — определенность; конечное то же самое, что и определенное. Конечное или определенное есть то, что есть это, а не другое; существующее таким, а не иным образом, есть конечное — определенное (Лейбниц, Больцано, Гуссерль и др.).

На категорию конечного опираются и полностью ее выражают аристотелевы положения о невозможности противоречия, тождестве и исключенном третьем: 1) это есть это (закон тождества), 2) это есть непротиворечащее (закон невозможности противоречия), 3) это есть или А или не-А, третье исключено (закон исключенного третьего).

Эти законы или положения конечны не только в том смысле, что выражают природу конечных вещей, но и в том, что они сами имеют характер конечного. 1) «А есть А», как было сказано, есть не полагание А, но «если есть А, то есть А», т.е. условное положение, положение условности. 2) Положения о невозможности противоречия и об исключенном третьем, как было сказано, отрицательны; поэтому они имеют смысл из-за чего-то положительного, заранее подразумевают что-то положительное и опираются на него. 3) Эти три положения недостаточны как для истины, так и для правильности (для логической истины), поскольку на эти законы опирается и неистинное и неправильное (как было отмечено выше). 4)

Они недостаточны для синтеза, не могут объяснить его природу, хотя для его объяснения они необходимы. 5) Они пригодны только для аналитического, в том смысле, что являются законами тавтологичности. 6) Они являются не положительными, а только отрицательными условиями как для истины, так и для правильности; их нарушение приводит к ошибке, но соблюдение не дает гарантии истины или правильности. 7) Они по своей природе тавтологичны (как это было выяснено выше). 8) Они опираются и подразумевают другие законы (это тоже было выяснено выше при рассмотрении логических законов). 9) Они являются односторонними или неосновными законами. 10) Эти логические законы, именно как законы мысли, по своей природе вторичны, так как мысль есть отражение предмета.

Понятие конечного можно определить и следующим образом: конечное есть то, что полагается или отрицается другим. Таковы каждый предмет, явление и каждая мысль, как обоснованные и отрицаемые другим. Например, конечны причина, основание, условие, так как смысл им придает следствие, обусловленное. Очевидна сама по себе конечность следствия и обусловленного. Также конечны заключение и тезис, поскольку они имеют определенное основание; но конечны также основание или посылки, которым придает смысл тезис, заключение. Без заключения нет и посылки.

Природу конечного хорошо выражает понятие модуса у Спинозы. Конечное (говоря словами Спинозы) есть то, что существует в другом, что имеет причиной другое и для осмысления чего необходимо осмысление другого.

Полагается и отрицается другим то, что может опереться и на самое себя и быть отрицаемым самим собой. Если нечто не опирается само на себя хотя бы частично, то оно и не существует. Что со всех сторон находится в другом, то есть не само оно, а только другое (религиозная точка зрения, что все в этом мире своим основанием подразумевает бога, что кроме бога нет ничего самостоятельного, объявляет весь мир, кроме бога, видимостью). Что какая-нибудь определенность есть это, а не другое, означает то, что она опирается на себя хотя бы относительно, частично. Отрицаться внешним может то, что именно может это, что имеет способность — возможность быть отрицаемым, чему присуще внутреннее отрицание. Человек может умереть от пули, но он ни от чего и никак не умрет, если в нем нет возможности смерти. Поэтому, можно сказать, что конечное есть то, чему, присуще внутреннее отрицание и отрицается им.

В. И. Ленин определяет конечное так: «Нечто, взятое с точки зрения его имманентной границы — с точки зрения его противоречия с самим собой, каковое противоречие толкает его (это нечто) и выводит его дальше своих пределов, есть конечное»¹. Это соответствует одной мысли Гегеля: все (всякое конечное) изменятся благодаря внутреннему противоречию; эта мысль — «рациональное зерно» положений Гегеля о природе конечного. В. И. Ленин развил это рациональное зерно на материалистической основе.

Мысль Гегеля о природе конечного имеет и другую сторону, а именно отождествление конечного с небытием и признание бытия только за абсолютном; это противоречило самой же диалектике Гегеля, именно диалектике конечного и бесконечного.

Гегель также утверждал, что конечное есть то, в чем понятие и бытие не совпадают, раздельны². Такое понимание приводит к отрицанию понятия конечного, так как понятие конечного невозможно, если оно не высказывает именно конечного, если бытие конечного не выражено в его понятии, если это понятие не соответствует его бытию.

По мнению Гегеля, конечное логическое есть логическое рассудка, который односторонние понятия и суждения считает полными, одностороннее принимает за полное, неодностороннее, логические определенности представляет раздельно; например, представляет свободу без необходимости, положительное без отрицательного и т.д.

Надо сказать, что эта мысль Гегеля хорошо характеризует формально-логическое. И в самом деле, конечное односторонне: например, в формальной логике положительное суждение представлено вне отрицательного, независимо; также представлено и отрицательное суждение; не установлена логическая связь между формой положительности и формой отрицательности, в противном случае мы имели бы единство противоположностей — диалектическое в логическом.

Можно и нужно сказать, что конечное есть условное, которое в логике выражается так: «если-то» (если есть А, то есть В, или: если А, то В). Это положение, как известно, есть формально-логический принцип логического вообще, в частности умозаключений. Поэтому, в формальной логике умозаключения имеют конечную природу; таковы и суждения, поскольку и они опираются на принцип «если-то». В

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, изд. четвертое, стр. 98.

² Hegel, W. d L. I, стр. 75.

дальнейшем выяснится, что формально-логические умозаключения в сущности представляют собой суждения, сводятся к суждениям; поэтому можно сказать, что конечно-логическое есть суждение, как односторонность полной логической опосредствованной связи. Следовательно, формальная логика есть логика конечно-логического. Она изучает только одну сторону полного логического.

Надо отметить и то, что если конечное есть то, что отрицается и полагается другим, то конечно-логическое не исчерпывается аналитическим, наоборот, оно должно быть синтетическим. Если для полагания и отрицания нечто необходимо другое, то необходима и синтетичность. Но это уже означает необходимость бесконечного для конечного (но об этом будет речь ниже).

§ 85. О формально-логическом суждении

Формально-логическим мы называем суждение, которое рассматривалось и рассматривается в формальной логике. Это вид суждения, представленный впервые Аристотелем, а затем сохраненный традиционной логикой.

Конечно-логическое, прежде всего, есть формально-логическое суждение S-P. Как известно, по Аристотелю суждение есть или утверждение или отрицание; поэтому с точки зрения качества он делил суждение на два вида: на положительное и отрицательное суждения. Эти суждения исключают друг друга и являются противоречащими; если поставить вопрос на категориальном уровне, то надо сказать, что утверждаемое положительным суждением отрицается отрицательным и наоборот. В категориальном смысле существует только одно положительное суждение и только одно отрицательное; и суждение, как таковое, только одно.

Суждение является конечно-логическим, так как утверждение и отрицание есть высказывание смысла категории конечного; ведь конечным называется то, что есть это, а не другое? Что нечто есть это, представлено положительным суждением и что нечто не есть это — отрицательным; точнее: положительное суждение высказывает смысл категории конечного, отрицательное — то же самое, но с отрицательной стороны. Положительные и отрицательные суждения непосредственно высказывают (мысленно высказывают) природу определенности (о которой шла речь выше). Простейшее мысленное высказывание определенности есть суждение.

Но, как это вытекает из природы определенности, для ее полного мысленного высказывания нужны положительное и отрицательное суждения; поскольку определенности присущи как положительный, так и отрицательный моменты, постольку ее нельзя полностью высказать только одним суждением — или только положительным или только отрицательным. Какую-нибудь определенность можно, конечно, высказать и одним суждением (не только суждением, но и одним понятием), если мы, вместе с тем, подразумеваем второе суждение и если суждение, высказывающее определенность, энтимемно. Но полное логическое оформление такого подразумевающегося необходимо для логического.

Говорят, что суждение есть мысль, которая истинна или ложна; это определение суждения неверно, поскольку истина и ложь приписываются умозаключению, доказательству и могут быть приписаны также и понятию, тем более если мы стоим на позициях материалистической теории отражения. То, что может быть характеристикой всех форм мысли, ясно, не будет достаточным для определения какой-нибудь одной формы. Признак «истины-лжи» суждению не приписывается, если его понимают с точки зрения исчисления предложений. Функция истинности не может определить суждение, так как суждение, с точки зрения логической связи, не может быть функциональным отношением, которое имеет внешний характер и характерно только для математического. Неправильна та мысль (например, Декарта), согласно которой в суждении, как в утверждении-отрицании, действует свободная воля (и поэтому суждение может быть как истинным, так и ложным), так как такое понимание суждения психологистично, а логика должна с необходимостью исключать психологическое. Из логики так же должно быть исключено сведение суждения к субъективной убежденности, так как и такое понимание также психологистично, тогда как логика, как это выяснилось выше, имеет дело только с тем, что объективно в мысли.

Определенное основание суждения, как утверждения и отрицания, есть два момента определенности — моменты положительности и отрицательности. Поэтому надо сказать, что суждение есть простейшая объективная определенность в мысли. Определенность является объективным основанием суждения, но суждение само есть определенность, именно логическая определенность, которая имеет объективный характер, поскольку логическая определенность есть своеобразное высказывание определенности,

существующей независимо от нее.

Положительное суждение высказывает то, что нечто есть это — нечто имеет этот признак; а отрицательное суждение является высказыванием того, что нечто не есть это — нечто не имеет этого признака; в суждении, в формально-логическом смысле, ничего иного не высказывается. Здесь высказывание одной определенности разделено на два, их связь потеряна; в формальной логике «S есть P» ничего не говорит о том, что «S не есть другое»; это высказывается отрицательным суждением — «S не есть P». В формальной логике утеряна связь этих двух сторон — одна определенность разложена на две стороны; они, положительные и (отрицательные суждения, рассматриваются в отрыве друг от друга. Формальная логика не рассматривает логической связи положительного и отрицательного суждения, именно их категориальной связи. Формально-логическое понимание суждения оставляет без внимания логическую связь формы положительности с формой отрицательности, тогда как в категориальном смысле должно быть не два суждения, а только одно.

§ 86. Суждение и предложение

Суждение есть высказывание определенности, но это мысленное, а не языковое высказывание. Аристотель часто смешивал грамматическое и логическое при словесном выражении этого последнего но это не значит, что Аристотель точно не различал логическое и языковое. Недостаток языкового высказывания мысли у Аристотеля не является недостатком его логики; более того — мы не должны думать, что Аристотель сводит мысль к языку (как это замечается у представителей математической логики, например у Лукасевича)³.

Языковая форма высказывания суждения есть предложение. Суждение выражается предложением, но их отождествление является ошибкой. Каждое суждение выражается предложением, но не каждое предложение является языковым выражением суждения; например, вопросительные, восклицательные и повелительные предложения не выражают суждений, хотя содержат определенные мысли. Не каждое предложение и не каждая мысль может быть суждением. Мысль, в которой нет утверждения или отрицания, не представляет суждения.

Языковое выражение суждения многообразно. Одним и тем же предложением может быть выражено множество суждений и одно и то же суждение может быть выражено в нескольких предложениях. Например, предложение «способ производства определяет общественную жизнь» может выражать различные суждения смотря по тому, какое слово этого предложения имеет ударение; а именно суждения: 1) «Способ производства (именно он) определяет...», 2) Способ производства определяет общественную...» (именно общественную). 3) «Способ производства определяет...» и т.п. С другой стороны, одно и то же суждение может быть выражено различными предложениями. Самым простым случаем этого обстоятельства является то, когда одно и то же суждение высказываем на различных языках.

Структура предложения и его части, с одной стороны, а с другой стороны, структура суждения и его части, отличаются друг от друга. Суждение состоит из двух основных частей — субъекта и предиката; а предложение имеет столько частей, сколько содержит слов. Предложение подчиняется грамматическим, а суждение логическим правилам. Множество языков выражают одну и ту же мысль. Если возможен соответствующий мысли один единственный символический язык, то и тогда он будет именно языком и поэтому — одним из языков; он увеличит на одно существующее количество языков. Нельзя сводить мысль к языку. Так как множество языков выражает одну и ту же мысль, поэтому, и существует множество грамматических систем, а логика только одна. Предложение есть условный знак, или совокупность знаков, оно есть символ, который может быть различным; но, несмотря на это, оно может выражать одну мысль; а суждение есть не символ, а совершенно определенное объективное в мысли. Форма суждения отличается от формы предложения. Суждение есть форма мысли, а предложение — форма речи. Предложение есть не только форма языкового выражения суждения, оно выражает и умозаключение. Одно и то же предложение может быть как формой выражения суждения, так и формой выражения умозаключения; это в том смысле, что в грамматике нет специфической языковой формы для выражения умозаключения. Умозаключение и суждение — различные логические формы, тогда как в грамматике имеются только предложения, которые применяются для выражения этих двух логических форм.

³ Я. Лукасевич, Аристотелевская силлогистика..., стр. 56, 58 и др.

Предложение высказывает отношение, все содержание суждения находится в предикате. Чтобы превратить предложение в суждение, его содержание надо отделить от копулы.

Поэтому неправильно сведение суждения к предложению, логики — к грамматике. Здесь имеются две, а не одна наука о двух закономерностях; в случае их отождествления обе теряют смысл (как это показывает история логики и грамматики).

Правда, суждение как мысль, не существует вне предложения, оно выражается предложением, для него необходимо предложение. Но это обстоятельство вовсе не указывает на их тождество. Суждение и соответствующее ему предложение не существуют помимо друг друга, но суждение есть определенная мысль, а предложение, как таковое, не является мыслью. Мы должны отличать друг от Друга собственную форму мысли, например форму суждения, и форму языкового выражения мысли; например, предложение есть форма языкового выражения суждения, как формы мысли.

С точки зрения некоторых логиков (например, Гегеля), если предикат суждения есть единичное, а не общее (более общее чем субъект), то мы имеем дело с предложением, а не суждением; суждение должно ставить и разрешать проблему. Например, следующие выражения являются предложениями, а не суждениями: 1) «Аристотель родился в 384 году до нашей эры», 2) «Цезарь перешел Рубикон» и др. Против такой точки зрения можно сказать только то, что единичное понятие тоже содержит своеобразную общность, именно содержательную общность (как это было выяснено выше). Там, где видят только единичность, она не всегда такова, если иметь в виду именно содержательную общность. Поэтому правильна мысль, согласно которой в каждом суждении должна быть общность. Без общности нет никакой мысли (применение каждого слова с необходимостью подразумевает общность)⁴. Если в логике отношений обе стороны суждения являются единичными, например в суждении $A=B$, то предикатом будет равенство, которое, как содержательная общность, относится и к A и к B .

Суждение не может не содержать общность не только потому, что предикат должен быть более общим чем субъект, но и потому, что (и это главное) суждение само есть единая мысль, охватывающая (с точки зрения содержательной общности) его стороны. Субъект и предикат являются моментами суждения, как единой мысли. Само суждение, как единство, есть общность, именно содержательная общность (это обстоятельство осталось за полем зрения как старой, так и новой формальной логики). Такая общность характерна для суждения, а не для предложения. Предложение есть общее постольку, поскольку оно является общим для множества предложений, но для него, не характерно логическое единство частного и общего, изучаемое только логикой.

Суждение рефлексивно, а предложение нет. В предложении не осуществляется логическая рефлексивность, а в суждении она может и должна осуществляться. Вуд в работе «Анализ познания» пишет, что предложение «не существует предложений» (There are no propositions) содержит противоречие по отношению к факту существования предложения, а не логическое противоречие. Если бы это «самоотрицающее» предложение содержало логическое противоречие, тогда оно должно было бы содержать предложение «существуют предложения»; это невозможно, поэтому и не существует самоотрицающихся предложений⁵. И в самом деле, невозможно существование самоотрицающегося, т.е. рефлексивного предложения. Но неправильно отождествление суждения с предложением, как это делает Вуд. Суждение рефлексивно, тогда как предложение не является рефлексивным. Суждение рефлексивно логически, так как отрицание суждения само есть суждение. Правда, в предложении нет противоречащего ему предложения (не устно и не письменно), но суждение есть мысль и отрицающее его суждение тоже есть мысль, так что отрицание суждения есть суждение, отрицание суждения утверждает суждение; оно является рефлексивным логическим. Здесь видно и то, что для логической рефлексивности необходимо внутреннее противоречие, внутреннее отрицание, диалектика. Рефлексивность суждения и вообще логическая рефлексивность непонятна для формальной логики, тем более, для такой логики, которая сводит логическое к грамматическому и в частности — суждение к предложению.

Логика имеет дело с суждением, а не с предложением; последнее изучается совершенно другой наукой. Сведение суждения к предложению означает упразднение логики, как независимой науки. Только диалектическая логика компетентна изучать диалектичность рефлексивности суждения. Поэтому она и стоит выше формальной и представляет высшую ступень развития логики.

⁴ См.: В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 272.

⁵ L. Wood, The Analysis of Knowledge, London, 1940, стр. 195.

§ 87. Объективность суждения

Объективность суждения непосредственно вытекает вообще из объективности логического (что было рассмотрено выше). Было сказано и то, что объективность суждения опирается на определенность предмета, так как суждение есть мысленное высказывание этой определенности. Суждение есть определенность предмета, «перенесенная и переработанная» в мысли. Оно, как логическая определенность, есть мысленное высказывание определенности предмета. Поэтому истинное суждение не зависит от субъекта; суждение есть мысль, которая зависит от определенности предмета. Оно есть форма мысли, но независимая от мысли (а несуществующая независимо от нее; эти два определения необходимо различать). Суждения нет в предмете, предмет не является суждением (как это полагал Гегель); нет, оно есть определенная мысль, но зависящая от предмета, определенность мысли, зависящей от предмета, но не зависящей от мысли. Поэтому оно не может быть необъективным, субъективным. Суждение есть определенное отражение предмета, поэтому оно и объективно; это не объективность предмета, а объективность истины (содержания мысли, зависящей от предмета, от его определенности, а не от субъекта, от его мысли).

И ложное суждение есть отражение предмета, но извращенное. Заблуждение есть искажение истины, постольку оно есть ее отрицание, но оно понятно только на основе истины. Поэтому и заблуждение, ошибочная мысль как-то связана с действительностью. Правда, признание несуществующего существующим, что представляет собой заблуждение, является нашей психологической деятельностью, но понятие несуществующего возможно только на основе понятия существующего. Небытие с необходимостью подразумевает бытие.

Аристотель был прав, считая суждение высказыванием действительности. По его мнению, то, что связано в действительности, должно, быть так и представлено в мысли; утвердительное суждение, как положительная связь, должно выражать ту положительную связь, которая имеется в вещи или в вещах, а разобщенное в действительности должно быть также представлено и в мышлении; отрицательное суждение выражает то, что находится в действительности в разобщенном виде. Обратное будет ошибкой. Здесь речь идет именно о суждении, а не о предложении, поскольку отрицательное суждение можно выразить и положительным предложением. Следовательно, суждение имеет объективный характер, объективную природу.

Объективность суждения отрицается тогда, когда не видят разницы между суждением и предложением, или тогда, когда суждение отождествляют с субъективной уверенностью, что изучается психологией, а не логикой. Но, как было сказано: 1) предложение есть определенный символ, нечто условное (в противном случае, был бы возможен только один язык), которое многообразно изменяется, но выражает (в языковом смысле) одно и то же суждение. Предложение может меняться, но нельзя, чтобы изменялось истинное суждение, а предмет; высказываемый им, оставался бы тем же самым. Тождественность определенности предмета определяет (указанную здесь) тождественность суждения. Данная определенность предмета одна и одно так же мысленно высказывающее ее суждение; поэтому суждение с необходимостью имеет объективный характер. 2) Уверенность есть психологический акт, это совершенно другая область и вторична по отношению к суждению, к его объективности. Суждение заранее предполагается для уверенности в нем. Должно быть осуществлено суждение, чтобы быть уверенным в нем. Логика есть логическое основание психологии (так же, как и всякой науки).

Известно, что в суждении отличаются друг от друга акт и содержание этого акта. Акт суждения изучается психологией; а содержание акта есть та логическая форма, которую изучает логика. Акт суждения субъективен, а содержание акта, как логическая форма, логически-объективно. Объективность суждения не есть, как было сказано, объективность предмета; объективность суждения не есть ни идеальность (как это было у Гуссерля), ни «значимость» Риккерта. Объективность суждения, как было сказано, состоит в том, что оно есть отражение определенности предмета, его мысленное высказывание. Нельзя сводить суждение к акту, так как акт субъективен; необходима объективность суждения, но это не значит, что суждению должно предшествовать положение, являющееся суждением в себе. Для объективности суждения допущение этого излишне, достаточна объективность определенности предмета. Поэтому не был прав Больцано⁶, который объективным основанием суждения считал «положение» (Satz).

⁶ См. начало Wissenschaftslehre Больцано.

Если для объективности суждения недостаточна определенность предмета и необходимо Satz, то и для последнего необходимо другое такое идеальное и т.д.

Именно на основании определенности объективны как положительное, так и отрицательное суждения. Отрицательный момент определенности есть реальное основание отрицательного суждения. Поэтому объективно не только положительное, но и отрицательное суждение. Поэтому ошибочно понимание отрицательного суждения, как отрицания положительного (Зигварт).

Логическая объективность суждения полностью видна в его категориальности. Суждение, как было сказано, само есть логическая категория и категория логического. Отрицание суждения есть суждение, невозможно логическое отрицание суждения. Отрицанием суждения с необходимостью полагается опять-таки суждение. Эта необходимость то же самое, что и логическая объективность. Объективность суждения отличается от объективности предмета, прежде всего, логической рефлексивностью. Предмет объективен, невозможно его отрицание, но это отрицание не полагает его, существование предмета абсолютно независимо от мысли. Суждение (так же как и другие категории логического) полагается его же отрицанием. Здесь имеется логичность и объективность логического. Необходимость, осуществленная в полагании суждения его же отрицанием, есть наиполнейшая логическая необходимость. Не может быть «большей» логической необходимости и объективности логического. Необходимость же реального есть основание для всякой логической необходимости. Категориально существует только одна необходимость, только одна категория необходимости, определяемая реальной необходимостью, на что и опирается необходимость логическая. Объективность мысли создается предметом.

§ 88. Понятие суждения в математической логике

Здесь достаточно отметить несколько моментов понимания суждения в математической логике, а именно рассмотреть, что выполняет в ней функцию суждения. Развила ли она традиционную формальную логику, в частности, теорию суждения? Приведенные выше соображения о математической логике заставляют нас думать, что такого развития не должно быть.

Математическая логика сводит суждение к предложению. Что из себя представляет предложение в математической логике? По мнению Чёрча⁷, **предложение** (Sentence) есть простейшее выражение в обычном языке. Предложение — это такое соединение слов, которое имеет самостоятельный смысл, т.е. выражает законченную мысль (предложение есть языковое выражение законченной мысли). В математической логике применяются повествовательные предложения, т.е. такие, которые выражают положительную мысль (т.е. исключают отрицание). Чёрч (в согласии с Фреге), понимает предложение, как частный случай имени, как имя определенного вида. У предложений, различающихся друг от друга в смысловом отношении, может быть один денотат (предмет). Следующие предложения имеют один и тот же денотат: 1) «Илья Чавчавадзе является автором «Человек ли он?» и 2) «В Советском Союзе 15 республик», в том смысле, что оба эти предложения истинны. Поэтому можно сказать, что все истинные предложения (как и все ложные) имеют один и тот же денотат. Таким образом, постулируется два абстрактных предмета — два истинностных значения — истина и ложь.

Можно понимать смысл предложения, но не знать его денотат — истинностное значение. **Суждение** (proposition) есть концепт истинностного значения, независимо от того, является ли он смыслом предложения в данном языке или нет. Суждение есть абстрактный объект той же степени общности, что и класс, число или функция. Оно, не есть предложение, взятое в связи с его содержанием. В нем нет ничего психологического. Для Чёрча суждение так же объективно, как *Gedanke* Фреге. Каждое суждение есть концепт, т.е. имеет то или иное истинностное значение. Предложение, имеющее смысл, но не могущее иметь истинностного значения, не является суждением (суждение есть определенный вид предложения). Суждение истинно, если оно имеет истинностное значение — истину, и ложно, если имеет истинностное значение — ложь. Одно и то же суждение высказывается разными предложениями в разных языках и одно и то же предложение может быть использовано для выражения различных суждений в зависимости от того, на каком языке говорят.

В математической логике суждение, вследствие только-что сказанного, непосредственно связано с пропозициональной функцией, которая опирается на пропозициональную форму, а она — на

⁷ См. А. Черч, Введение в математическую логику, стр. 29-35.

пропозициональное переменное. Пропозициональное есть такое переменное, область значений которого составляют два истинностных значения, т.е. такое, вместо которой естественно подставлять предложения, выражающие суждения. Чёрч не применяет переменных, значениями которых будут суждения. Пропозициональной называется форма, значениями которой являются истинностные значения; пропозициональная функция есть функция, область значений которой состоит только из истинностных значений. Пропозициональная функция удовлетворяется данным аргументом, если она принимает значение истины для данного аргумента.

Если мы несколько отклонимся от содержательного понимания класса, то можно отождествить класс (множество, совокупность) с сингулярной пропозициональной функцией; класс есть сингулярная пропозициональная функция. Отношение тоже может быть отождествлено с бинарными пропозициональными функциями и т.д. Отношение есть то же самое, что и объемное экстенциональное отношение.

Свойство отличается от класса, в основном, тем, что два свойства могут быть различными несмотря на то, что они определяют один и тот же класс. Чёрч отождествляет свойство с концептом класса. Два свойства имеют равный объем, если они определяют один и тот же класс. Отношение в интенциональном понимании есть концепт отношения, т.е. концепт отношения в экстенциональном понимании (класс, который не имеет элементов, есть пустой класс; класс, если он совпадает с областью его определения, есть универсальный класс. Из отождествления пропозициональной функции и класса выходит, что если область определения фиксирована, тогда существует только один пустой класс).

Таким образом, ясно, что математическая логика: 1) отождествляет суждение с одним видом предложения; 2) из суждения исключает главное для него — «утверждение-отрицание»; 3) «суждение» понимает как истинность-ложность, как своеобразный условный знак; 4) основной формой считает пропозициональную функцию и применяет предложение (суждение) с использованием способа подстановки; 5) свойство сводит к классу, интенциональное — к экстенциональному и т.д.

Нужно отметить, что для природы суждения необходимо свойство, как предикат. Его сведение к классу пригодно для математики, но приносит вред логической природе суждения. Как это отмечает Карнап, два свойства не могут быть тождественными, тогда как два класса могут быть таковыми⁸. В исчислении классов применяются математически-механические правила, но логические связи свойств как предикатов суждение своеобразны. Если в классе тождество выполняется как равенство, то связи различных свойств с необходимостью должны иметь синтетический характер, что исключается математической логикой, поскольку для нее главное — получение тавтологических положений.

В математической логике предложение обозначается символами, поскольку логика должна иметь дело с общностью; эта общность в математической логике представлена в виде символов схем. Но, надо сказать, что схема не является обобщением, поскольку она, например, пропозициональная функция, не есть мысль, она есть схема в прямом значении этого слова. Обобщение имеет место тогда, когда от менее общей мысли переходим к более общей, а не тогда, когда мы переходим к немысли, например, к схеме. Результатом обобщения должны быть категории, а не символы. Известно, что номинализм (на который опирается математическая логика) отрицает обобщение, считает его невозможным, поскольку он вообще отрицает правильно понятую общность, как таковую.

В математической логике категорическое суждение сведено к условному, а это последнее к разделительному. Основным отношением в логике признается отношение «если А, то В», которое понимается как «А или В», но так, что «или-или» (в основном) не означает исключения. Поэтому формула суждения «S-P» считается устаревшей и излишней.

Говорят, что форма «S-P» непригодна, поскольку нельзя свести к ней такое отношение, как, например, «точка С лежит между А и В». Это и в самом деле так, но, как уже было сказано выше, это отношение вещей, а не логическое отношение. Математическая логика сводит суждение к отношению вещей, берет их вместо суждений. Отношение «точка С лежит между А и В», есть отношение вещей, а не понятий. Оно есть не суждение, а предложение, высказывающее отношение вещей. Это пространственное отношение — положение точек в пространстве. Суждение, высказывающее это положение, будет таким: «точка С есть точка, лежащая между А и В». Здесь имеется отношение единичного и общего, суждение; а отношение самих точек не может быть суждением. В логике недопустимо сведение суждения к пространственному

⁸ Р. Карнап, Значение и необходимость, стр. 168.

отношению.

Ни предложение, ни отношение вещей не являются предметом логики. В математической логике не рассматривается суждение, как форма мышления; не рассматривается суждение по его настоящей природе; это так и должно быть, поскольку «математическая логика» есть отрасль математики, а не в самом деле логика.

§ 89. Суждение и формально-логические умозаклучения

Умозаклучения, рассматриваемые в формальной логике, могут быть сведены к суждению. Речь идёт не об искусственном сведении, а о том, что формально-логические умозаклучения по своей природе являются суждениями.

Формально-логическое умозаклучение сводится к суждению: 1) С точки зрения знания, формой знания считается суждение а не умозаклучение. Эту мысль впервые высказал Кант, который оформил формальную логику, как именно формальную («общая логика»), (хотя рядом с ней признал и такую логику, которая отождествляется им с теорией познания — «трансцендентальную логику»). По мнению Канта, суждение есть единственная форма знания. Умозаклучение не является формой знания, оно форма мысли, применяемая за пределами опыта, тогда как знание остается в пределах опыта. Там, где не используется материал опыта, знание невозможно (существуют только две науки — математика, которая опирается на априорные формы чувственности, и естествознание — физика, — которая, применяет категории в отношении данного в опыте; метафизика опирается на умозаклучения и не является наукой). Мысль Канта, что единственная форма знания есть суждение, в дальнейшем была использована разными направлениями (кантианцы, Гуссерль и др.).

И в самом деле, с точки зрения знания, формально-логическое умозаклучение то же самое, что и суждение. Знанием, высказанным в суждении, исчерпывается знание, данное в формально-логическом умозаклучении. Это так, поскольку в формальной логике умозаклучение не опосредствованно, оно непосредственная связь, именно связь, имеющая характер суждения. Эта мысль станет очевидной следующим:

2) Эта связь и по форме мысли имеет характер суждения, а) Например, категорический силлогизм (самое типичное формально-логическое умозаклучение) есть не опосредствованная, а непосредственная связь. В нем посылки, как основание, связаны со следствием (заклучением) непосредственно; между ними нет ничего среднего. Все силлогистическое умозаклучение сводится к условному суждению: «если есть А, то есть В» (если есть посылки, то есть и заклучение). «Среднее» содержится в основании, из которого следствие вытекает непосредственно, б) Сущность категорического силлогизма выражается положением: признак признака есть признак предмета; но это значит, что среднее понятие, являющееся предикатом субъекта в малой посылке (первая фигура), то же самое, что и большее понятие. Из трех терминов — S-M-P, связанных друг с другом в посылках, М и Р одно и то же, поскольку в М подразумевается признак Р и именно в этом смысле приписывается в заклучении к S (из Сократа — человека-смертного в человеке берется признак смертности и высказывается относительно Сократа, поэтому и имеем заклучение: Сократ смертен). Одним словом, здесь мы имеем дело с суждением и в этом смысле с непосредственной, а не опосредствованной связью различных, в) Образцовым модусом категорического силлогизма считается первый модус его первой фигуры — Barbara, который представляет собой положительную аналитическую связь; в нем имеется только положительность и нет никакой отрицательности; здесь пропущено различие и поэтому синтетичность, хотя она для него необходима, так как в нем речь идет о трех терминах, о трех суждениях, а не только об одном. Barbara исключает синтетичность, поэтому оно есть повторение одного и того же (это понятно согласно сказанному в пункте «б»). Поэтому, можно сказать, что Barbara не только сводится к суждению, но из-за него теряет смысл и суждение, поскольку здесь мы имеем дело с повторением одного и того же — с тавтологией.

г) Поскольку в Barbara посылки представляют мысль одного суждения и эта мысль повторяется и в заклучении, постольку мы здесь имеем дело с повторением суждения, а не с умозаклучением. Повторение суждения логически есть одно суждение и ничего более.

Из сказанного не вытекает, что мы отрицаем формально-логические умозаклучения и, сводя их к суждениям, признаем только эти последние; нет, формально-логические умозаклучения суть умозаклучения (и мы их рассмотрим именно в теории умозаклучения), но они так оформлены, что в

действительности представляют собой суждения, а не умозаключения, а не опосредствованные связи. Формально-логические умозаключения являются умозаключениями, поскольку они требуют и опираются на синтетичность, на отрицание и опосредствованное», характерные для синтетичности. Например, в Barbara должно быть три различных термина (они обозначаются именно различными знаками: S-M-P); оно требует трех суждений, которые, конечно, не должны представлять собой одного и того же, т.е. одно должно быть тем, что не есть второе и наоборот; иначе говоря, здесь необходим момент относительного отрицания. В Barbara должно быть три термина, из которых один будет средним, т.е. это умозаключение должно представлять собой опосредствованную (а не непосредственную) необходимую связь.

Поэтому надо сказать, что формально-логические умозаключения делает умозаключениями то, что исключено из них, но необходимо для них. Они имеют энтимемный характер; они подразумевают синтетичность, опосредствованность, отрицание, — без этого они не могут существовать; но они не могут существовать и без их исключения — при оформлении подразумеваемого в них они будут невозможны (об этом будет речь и в дальнейшем).

Формально-логические умозаключения суть умозаключения; они не сводятся к суждениям, если для них необходима синтетичность и опосредствованность. Этого требуют эти умозаключения, но это требование в формальной логике не выполнено; подразумевающиеся умозаключением, необходимые для него синтетичность и опосредствованность там логически не оформляются. Поэтому и говорим, что формально-логическое умозаключение сводится к суждению, в сущности, в логическом смысле, представляет собой суждение.

Математическая логика опирается именно на это обстоятельство, когда требует высказывания умозаключения одним условным (и разделительным) предложением (об этом будет речь ниже).

§ 90. Содержание и форма суждения

Говорят, что суждение есть форма, которую логика изучает независимо от содержания; предметом логики являются именно чистые формы мысли, она не должна обращать внимание на содержание. Суждение «Сократ есть человек» представляет интерес для логики только со стороны формы, Сократ и человек не изучаются логикой. Эта точка зрения отчасти правильна, отчасти ошибочна, т.е. неопределенна.

Дело в том, что: 1) содержание некоторых предложений, как было сказано, есть сама логическая форма — суждение. Как известно, обособление суждения, как формы, привело многих логиков к отождествлению суждения с предложением; но в действительности суждение, как форма, и есть содержание предложения. Здесь содержание равняется форме. Если мы возьмем форму предложения без его содержания, то суждение останется вне поля нашего зрения.

2) Логическая форма сама имеет собственное, именно логическое, содержание (Гегель, Маркс). Чем является форма, то и есть ее содержание (именно то, чем она отличается от других форм). Содержание суждения, как формы, есть содержание понятия формы суждения. Разнообразие форм сама представляет собой содержание. Разнообразие логических форм и видов этих форм есть то содержание, которое является предметом науки логики.

3) Суждение, как единство определенных моментов, есть содержание. Способ этого единства, составляющий сущность суждения, именно способ утверждения-отрицания и есть форма суждения. Следовательно, у суждения имеется как содержание, так и форма. Без единства, как содержания, суждения не существует. Оно является именно определенным единством — Его форма есть способ и определенность этого единства.

4) Эмпирическое содержание суждения (Сократ, смертность, металл, проводник электричества и т.д.) и в самом деле должно быть исключено из логики, именно из ее содержания, оно есть предмет других наук. В этом смысле суждение должно быть взято как форма, но вместе с тем, суждение, например положительное суждение как положительная связь, является общим (как содержательным, так и — объемным общим) для эмпирических содержаний. Существует множество положительных суждений, эмпирическое содержание которых может быть совершенно различным (например, «Сократ есть человек» и «Роза имеет красный цвет»), но общим для них будет то, что все они представляют положительную связь, которую положительное суждение выражает как содержание. Существующая в действительности положительная связь есть объективное содержание суждения, исключение которого из суждения невозможно, так как само положительное суждение является положительной связью. Положительная связь

есть единство, которое является наиобщей категорией.

5) Суждение, как форма, само имеет формы. Существуют разные формы суждения — различные суждения, например: положительные, отрицательные, бесконечные. Если бы у суждения, как формы, не было собственного содержания, то не было бы и различных форм суждения. Различие суждений есть а) форма — этим они отличаются друг от друга — и б) содержание, которое и есть само это различие.

Форма суждения есть не что иное, как определенность его содержания. Поэтому нельзя расчленять суждение на форму и содержание. Отчлененная от содержания форма (если это возможно) будет опять-таки чем-то определенным, т.е. будет иметь содержание и т.д. «Избавиться» от содержания невозможно.

Суждение отличается от понятия и умозаключения: оно своеобразно и противостоит им и связано с ними — и своей формой, и собственным содержанием. Вне содержания суждение лишится и собственной определенности, и способности связываться с другими формами, подчинять их или подчиняться им.

Для суждения, в отличие от понятия, характерно утверждение и отрицание; но некоторые суждения, а именно определения, полагают понятия. Без утверждения-отрицания, характерного для суждения, невозможно и умозаключение. Умозаключение содержит суждения, подчиняет их. Само доказательство осуществляется именно путем утверждения-отрицания. Так что различие понятия, суждения, умозаключения и доказательства коренится в их собственном содержании, одним моментом которого и является форма суждения.

Вне содержания суждение не будет иметь собственной структуры, а без структуры нет ничего и, в частности, нет суждения.

§ 91. О структуре суждения

В суждении различают три части: субъект, предикат и копулу. Субъект есть то, о чем что-либо высказывается, предикат — то, что высказывается о нем, а копула — само высказывание, положительное или отрицательное; положительная копула обозначается словом «есть», отрицательная — словами «не есть».

Некоторые логики (Рассел, Серрюс, представители математической логики вообще) отождествляют суждение с предикатом и отрицают субъект, представляя и его как предикат и говорят об исчислении или отношении предикатов. Субъект они исключают, считая его «пережитком» старой метафизики. В основном это имеет место у позитивистов, которые «избегают» аристотелевского субстанционализма и вообще материализма; они пытаются построить логику без предмета и поэтому-то и исключают из суждения субъект.

Сведение суждения к предикату и исключение субъекта может показаться правильным — можно же сказать, что предикат есть то, чем высказывается субъект! Предикат есть именно высказывание субъекта, и если даже допустить наличие последнего в суждении, то он все-таки будет высказан предикатом и высказан без остатка («остаток» не касается данного суждения). Гегель тоже говорил, что предикат высказывает то, чем является субъект, но не отрицал и наличия последнего. По его мнению, субъект есть единичное, предикат — общее; общим высказывается единичное; здесь имеет место диалектика частного и общего, которую и «упраздняют» некоторые логики, пытаясь исключить из суждения субъект.

Если бы суждение и впрямь совпадало с предикатом, то он был бы тем единственным, что высказывается в суждении, т.е. был бы не предикатом, а субъектом. Признание только предиката упраздняет его, превращая в субъект. Поэтому отрицать наличие субъекта в суждении значит впасть в заблуждение, в безвыходное противоречие.

В утверждении-отрицании логически необходимо то, о чем что-либо утверждается, то, что утверждается и, понятно, сами утверждение или отрицание. Одним словом, необходимы и субъект, и предикат, и копула суждения.

§ 92. Субъект суждения

Что такое субъект суждения? Это спорный вопрос. Одни считают субъектом суждения понятие, другие — представление, третьи — предмет; по мнению некоторых, субъект есть не что иное, как логическое основание предиката.

Если субъект суждения есть понятие, то понятие предшествует суждению. Но здесь возникает

трудность: понятие вне суждения может быть либо представлением, либо пустым словом. Понятие полагается суждением, а не наоборот. Суждение «стол черен» полагает понятие «черный стол», являющееся сокращенно взятым суждением («Стол черен»). Так это или не так, по крайней мере здесь трудность менее заметна; поэтому понятие не должно предшествовать суждению (этот вопрос мы рассмотрим в дальнейшем — в теории понятия), т.е. субъект суждения не должен быть понятием.

Если субъект суждения не понятие, то может быть он является представлением? Но надо сказать, что представлению не место в логике. Оно не является формой логического мышления. Его место в логике занимает понятие.

Неверна и та мысль, согласно которой субъектом суждения является предмет, поскольку предмет есть именно то, о чем идет суждение. Правда, суждение как мысль, отражающая предмет, имеет свой предмет, но субъект суждения, как элемент мысли, не может быть таким предметом. Субъект суждения подразумевает предмет, но сам является мыслью. Субъект есть то, о чем высказывается предикат, но оба являются элементами мысли, именно суждения. Если скажут, что в суждении предмет дан интуитивно-непосредственно, то надо сказать и то, что эта интуитивность совершенно излишня в суждении. Оно снимает интуитивность. Интуиция есть психологическое состояние познающего субъекта, суждение же — форма логического. 160

Как было сказано, субъект суждения не есть понятие. Понятие не предшествует суждению. Но нельзя сказать, что субъект суждения ничего общего не имеет с понятием. Суждение должно подразумевать и содержать понятие. Субъект суждения не есть понятие, но он также не есть и не-понятие. Он должен быть понятием, ничего другое не может входить в суждение, как в форму мысли. Таким образом, получили трудность: субъект суждения должен быть понятием и не должен быть понятием. Где выход?

Дело в том, что суждение подчиняется принципу определения, определения, которым полагается понятие. Определение есть суждение, хотя не каждое суждение есть определение. Суждение выражает определенность и само является известной определенностью. Определение есть полагание мысленного высказывания сущности, есть высказывание того, что из себя представляет нечто (об этом ниже). Но и суждение похоже на это, хотя оно шире по объему, поскольку высказывает и несущественное, как таковое. Поэтому, как определение начинает с субъекта (и исчерпывая его предикацией полагает понятие, в начале определения обозначенное субъектом), так и в суждении субъект есть Начало определенного логического процесса. Как начало именно логического процесса оно с необходимостью подразумевает его. Начало, ясно, есть начало целого, а не целое. Субъект есть начало. Он, как именно начало, не есть ни понятие, ни суждение, но именно начало понятия, поскольку суждение-определение полагает понятие. Субъект не есть понятие, так как он только начало; субъект есть понятие, так как он именно его начало, поскольку является началом суждения-определения, полагания понятия. Поэтому надо сказать, что ни понятие не предшествует суждению, ни наоборот; они подразумевают и требуют друг друга, но так, что оба имеют одно начало. Это — субъект суждения-определения, начавшийся с которого процесс кончается именно полаганием понятия. Субъект есть понятие в начале его полагания.

Нельзя упразднить из логики субъект суждения, поскольку в ней, в конечном счете, рассматривается только один вопрос: что такое логическое. Предикаты, исчерпывающие логическое как субъект, и составляют все содержание логики.

§ 93. Предикат суждения

Субъект, взятый без предиката, есть ничто, но относительное по своей природе, так как он есть именно начало. Поэтому он ни только ничто, но и нечто относительно-положительное. Именно определенность этого положительного и есть предикат.

Предикат есть то, что из себя представляет субъект, но он также и отличается от него. К субъекту «прибавляется» не совершенно другое, это невозможно, но, так сказать, «свое другое», т.е. то, что имеется в самом субъекте, как различное. Что в субъекте, как в начале, возможно различие и даже противоположность, видно из того, что: 1) он есть только начало и 2) он в начале есть ничто, т.е. начало является как положительным, так и отрицательным; положительности начала противопоставляется его же отрицательность (это возможно тем, что, как было сказано, эти моменты являются относительными).

Поэтому, надо сказать, что предикат в отношении субъекта является и тождественным и различным; предикат выражает различную природу субъекта, то, что из себя представляет субъект.

Вследствие этого, суждение и не только аналитическое, и не только синтетическое (это будет доказано в теории доказательства, при рассмотрении необходимой связи аналитичности и синтетичности). Нет только аналитического и только синтетического суждений (как это было у Локка и Канта); нет, одно и то же суждение является как аналитическим, так и синтетическим; аналитичность и синтетичность есть моменты связи, которой и является суждение.

Невозможно, чтобы суждение было только аналитическим, так как только аналитичность есть повторение одного и того же -тавтология, которая логически ничего не высказывает. Правда, повторение одного и того же есть количественная синтетичность (и поэтому пригодно для математики), но логически оно есть тавтология, или, с точки зрения доказательства, ничто. Хотя можно и нужно сказать и то, что тавтология, как чистая положительность, приводит к синтетичности, так как то, что должно быть только положительным, есть ничто — отрицательное; тавтологичность. — это своеобразный переход в противоречащее, а приостановка этого перехода есть обыкновенная тавтология, которая ничего не говорит. Если высказывается нечто (высказывается логически), то высказывается синтетически. Поэтому связь субъекта с предикатом с необходимостью синтетична. Это непосредственно выражает сама формула S-P.

Поскольку субъект есть начало суждения, процесса суждения-определения, постольку он есть содержательное частное (или единичное). Он, в определенном смысле, не есть общее (вышерассмотренное понятие субъекта здесь — при рассмотрении понятия предиката — делается более конкретным). Содержательная общность с необходимостью подразумевает различие, единством которого она является, поэтому субъект как начало, ясно, не есть такое общее. Поэтому надо сказать, что предикат является всегда более общим, чем субъект. Это так, поскольку предикат подразумевает как субъект, так и отличие от него. Предикат есть содержательное общее (но не только содержательное, он может быть и объемным общим). В суждении, как в синтетической связи, предикат более общ, чем субъект (поэтому были правы Аристотель, Гегель и многие другие логики, которые придерживались этой точки зрения, хотя, по их мнению, общность предиката имеет объемный характер. Это повторяет и Гегель, когда он представляет общность предиката, как объемную — общую для различных единичных)⁹. Если в суждении субъект и предикат представлены как единичные (в суждениях отношения), то и тогда предикат будет не единичным, а самым отношением единичных, которые представлены как «субъект» и «предикат», точнее, как их заменители; например в $A=B$ равенство будет предикатом, который является содержательным общим в отношении A и B, (т.е. трудность здесь разрешается понятием содержательной общности).

Выше было сказано, что субъект есть частное-единичное (содержательно, но возможно и в объемном смысле), но можно сказать и противоположное этому: в определенном смысле субъект есть общее, именно содержательное общее, поскольку один субъект может быть высказан несколькими предикатами, единством которых он и является. Анализ субъекта дает предикаты, а предикация полагает различие — определенности одного, что исчерпывает его и дает понятие с множеством признаков. В этом случае, предикат будет частным, односторонностью субъекта.

В определенном смысле и на основании вышесказанного можно сказать, что субъект есть основание предиката, а предикат есть следствие субъекта. Субъект может быть основанием предиката в двояком смысле: 1) субъект как частное есть индуктивное основание предиката как общего; 2) субъект, как общее, есть дедуктивное основание предиката, предикатов, как своих односторонностей — частных. Однако, сведение сложного отношения основания-следствия к суждению следует считать ошибкой, поскольку это было бы упразднением умозаключения и доказательства; это было бы смешением суждения и опосредствованной связи суждений, что скрыло бы природу логической необходимости и не проявило бы ее. Логическая необходимость полностью проявляется только в умозаключении-доказательстве, суждение является только стороной-моментом умозаключения.

Если субъект есть единичное, а предикат общее, то они противоположны друг другу; это так и тогда, когда субъект понимается как общее, а предикат как его односторонность — частное. Но если предикатом называется то, что высказывает субъект, то единство этих двух моментов будет единством противоположностей. В суждении субъект высказывается его противоположностью — предикатом. Это значит, что между субъектом и предикатом необходим момент отрицания. Здесь полностью представлена рассмотренная выше связь синтетичности и аналитичности. Единство противоположностей дает смысл суждению, без него оно как синтетическая связь невозможно (это не значит, что суждение равняется

⁹ См. Hegel, Wissenschaft der Logik, стр. 277

единству логических противоположностей, как это в последующем будет рассмотрено полностью). Синтетичность суждения, его аналитичность-синтетичность полностью представлена в единстве противоположностей, если, конечно, это единство возможно в логике. А это, с нашей точки зрения, не только возможно, но и необходимо, так как природа полного логического имеет характер единства противоположностей или противоречия (об этом см. выше — «Логические законы» и далее — «Бесконечное умозаключение»).

Таким образом, мы выяснили и то, что из себя представляют субъект и предикат суждения, и то, каким должно быть отношение между ними; но для более полного и ясного представления этого последнего необходимо рассмотреть понятие копулы.

§ 94. Копула

Как было отмечено, суждение есть определенная необходимая связь; оно есть определенное единство; суждение есть одна мысль, поэтому она не может не быть необходимой связью. В суждении и суждением реализованная связь и реализованная в нем необходимость отличается от умозаключения и реализованной в нем необходимости. Если бы в суждении совершенно не было логической необходимости, то оно и не входило бы в предмет логики; логика изучала бы только умозаключение (как это думают некоторые логики). Логическое имеет всегда природу необходимости, такова и одна форма логического — суждение, в противном случае, оно не было бы логической формой мысли.

Как можно отрицать необходимую связь в суждении, когда оно есть мысленное высказывание того, что нечто есть это или не есть это. «Есть» признана даже такой связью, что ее отождествляют с равенством, или же понимают как тождество. Равенство или тождество, конечно, представляют необходимую связь. «Есть» должно означать и означает категорическую связь, поэтому существует категорическое суждение. Невозможно признание категоричности связи в суждении и, вместе с тем, отрицание существования в нем логической необходимости. «Есть» означает категорическую связь, хотя она часто понимается как условная; например, Фихте писал, что «А есть А» то же самое, что и «если есть А, то есть А», но этим не отрицалась необходимость этой связи (в математической логике «если-то» не означает отношения основания-следствия, не содержит его необходимости; но функциональное отношение все-таки имеет природу, своеобразной необходимости).

Копулу «есть» понимают разное. Аристотель не выделяет и не рассматривает ее отдельно как элемент суждения. Для него суждение есть утверждение и отрицание, которые подразумевают следующее: то, о чем мы утверждаем, и то, что мы утверждаем. По мнению некоторых, копула «есть» означает «существует», для других она является только знаком словесной связи. Как было сказано, некоторые понимают «есть» как тождество (отсюда аналитическое понимание суждения, признание только аналитических суждений). Для некоторых «есть» означает равенство (2×2 есть 4, то же самое, что и $2 \times 2 = 4$). На такое понимание копулы опирается принцип квантификации предиката. Такое понимание копулы лежит в основе признания только тавтологических суждений.

С точки зрения Канта, копула «есть» есть необходимое единство трансцендентальной апперцепции, которое является корнем суждения и поэтому действует во взаимосвязи представлений, как ее логическое условие¹⁰. Для Фихте, как было сказано, «есть» есть необходимая связь, именно, связь «если-то», обозначающая определенную форму (которая в «Я есть» является и содержательной). Для Фихте «есть» является необходимым и существенным элементом «если-то»¹¹.

Существование различных пониманий «есть» вовсе не означает, что невозможно его одно правильное понимание. Надо установить подлинный смысл копулы и отвергнуть неправильные мнения о ней (в философии нет ни одной такой основной проблемы, которая не была бы объектом различных мнений; это не означает, конечно, невозможности правильного понимания вопросов философии. То же можно сказать вообще об основных проблемах науки).

Мысль Гегеля¹² о копуле и материалистическое ее прочтение Лениным представляют копулу, именно «есть», как имеющую двойную природу; копула диалектична, так как она показывает, что «единичное, субъект есть также не единичное, а всеобщее»; (об этом Ленин пишет: 1) «Диалектика понятий и ее

¹⁰ Кант, Критика чистого разума, издание Эрдмана, стр. 135.

¹¹ Фихте, Теория науки, издание Медикуса стр. 14.

¹² Hegel, Enz. § 214, Примечание, стр. 266.

материалистические корни»; 2) NB — «отдельное = всеобщему»¹³; (т.е. копула показывает, что единичное (субъект) есть единичное (субъект), но оно и не есть единичное (субъект), а общее (предикат).

Именно поэтому суждение высказывается так: «субъект есть предикат» или «единичное есть общее». «Единичное есть общее» означает: единичное есть не только единичное, но и общее. Что единичное есть общее, это не означает того, что оно не есть единичное. Здесь у нас имеется не отождествление единичного с общим и не снятие единичного, а то, что единичное и общее противоположны друг другу, но первое есть второе. В противном случае, суждение не было бы единством противоположностей. Оно таково именно вследствие отмеченной выше двойственности копулы.

Так понятая копула «есть» имеет относительный характер, поскольку она содержит и «не есть», которое со своей стороны не может быть взято в абсолютном значении. Поэтому «есть» имеет двойную природу, это корень единства различных, в данном случае, единства противоположностей. (Двойственность копулы необходима в каждом синтетическом суждении, поскольку оно есть единство различных; в нем копула показывает, что субъект есть не только субъект, но и предикат; суждение есть именно единство субъекта с отличным от него предикатом. Это не значит, что есть две копулы, а не одна. Правда, существует и копула «есть» и копула «не есть», это две копулы, но при первой копуле («есть») «не есть» является ее моментом. И при второй копуле имеется положительность, в противном случае было бы невозможным отрицательное суждение, как единая мысль.

Все вышеотмеченное означает, что суждение имеет противоречивую природу; оно диалектично, имеет смысл благодаря диалектическому противоречию. Если бы было возможным полное разрешение противоречия суждения в сфере его самого, то (как мы в этом убедимся в последующем) суждение исчерпало бы сферу логики и было бы лишним умозаключением и доказательством.

Двойственность копулы создает такие трудности, рассмотрение которых даст возможность полной характеристики суждения и понимания его связи с умозаключением. Природа копулы, как мы это увидим, полностью выявляется при переходе от суждения к умозаключению.

§ 95. Содержательное суждение

В данном случае, «содержательное» может быть понято как «общее» или как «категорическое». Когда говорят, что суждение есть только чистая форма, то часто отмечают и то, что «частное» и «общее» не входят в логику, поскольку эти понятия имеют содержательный характер, а логика изучает только формы. Именно с этой целью мы здесь рассматриваем «содержательное» суждение. Такое суждение является связью категорий, именно категорий частного и общего. Поэтому, в отличие от обычного формально-логического суждения, такое суждение может быть названо категориальным. Связь категорий, как суждение, отличается от суждения формальной логики. Например, «частное есть общее» отличается от суждения «Жучка есть собака»; это различие состоит в том, что первое, сравнительно со вторым, является общим; поэтому такое суждение может быть названо общим, но под этой общностью мы должны понимать только общность категорий. Выбор названия зависит от нас.

Здесь надо отметить и то, что переход от частных примеров суждения к общему, или представление общей формы суждения, возможно только путем перехода к категориям. Категория есть наибо́льшее понятие. Представление суждения в общем виде, что необходимо для логики, возможно только посредством связи категорий, а не посредством «общей» схемы (схема не является общей), например, посредством символа, поскольку символ есть условный знак, а не понятийная общность.

Как было сказано (а в последующем будет рассмотрено более подробно), отрицание (внутреннее отрицание) расширяет понятие; например, расширение понятия числа производится путем отрицания; логическое развитие, например развитие в логике Гегеля, происходит посредством отрицания и т.п. Здесь для нас важно показать необходимость для логики суждения, представленного в виде связи категорий.

Суждение «Жучка собака» — синтетическое, в нем имеется различие, поэтому и отрицание, внутреннее, относительное отрицание, именно то, что Жучка и собака различны; Жучка не есть то же самое, что и собака; в этом смысле Жучка не есть собака. Это различие будет представлено, полностью — в виде противоположности, — если выразить суждение подразумеваемыми в нем категориями. Отрицание расширяет мысль суждения, обобщает ее. Суждение «Жучка собака» в обобщенном виде выражается

¹³ В. И. Ленин, Соч., т. 38, изд. четвертое, стр. 191.

посредством связи категорий именно так: «единичное есть общее», поскольку «Жучка» есть единичное или частное, а «собака» — общее. Логика изучает именно общее, а не эмпирическое. Она, прежде всего, имеет дело с категориями, с их логической связью. «Жучка собака» есть эмпирический пример формы суждения, которое существует в следующем виде: «частное есть общее» (а не в виде пропозициональной функции, которая представляет собой только схему).

Наиболее общая категория. Суждение в наиболее общей форме то же самое, что и «частное есть общее». Частное и общее, ясно, являются противоположными категориями. Эта противоположность тождественна противоречию, так как нечастное есть только общее и наоборот. Суждение «Жучка — собака» опирается на внешнюю — «поверхностную» сторону предмета и само тоже логически поверхностно по сравнению со связью категорий («частное есть общее»); связь категорий «частное есть общее» есть сущность суждения «Жучка — собака» и вообще всех таких суждений. Суждение, по существу, есть связь частного и общего как категорий, которая проявляется в таком суждении, как «Жучка — собака». «Содержательное суждение» есть сущность и общая форма формально-логического суждения. Логика рассматривает суждение в его общности.

Вышерассмотренная природа копулы — именно ее двойственность или диалектичность — определено и полностью представлена в суждении как связь категорий частного и общего. «Частное есть общее» не выражает всесторонне мысль суждения, наоборот, кажется даже непонятным, как может частное быть общим (это и в самом деле является проблемой и в истории философии и сегодня). Легко понять «Жучка — собака», но трудно понять «частное есть общее», хотя суждение «Жучка — собака», логически то же самое, что и «частное есть общее». Для полного представления мысли суждения необходимо связать с «частное есть общее» противоречащее ему. Это противоречащее есть «частное есть общее», что вполне понятно поскольку частное и общее — противоположные понятия и, конечно, одно не есть другое. Вместе с тем, «частное не есть общее» более понятно, чем «Жучка не есть собака». Как трудно понять, что «частное есть общее», так же трудно понимается, что «Жучка не есть собака», тогда как вполне понятно «частное не есть общее» и «Жучка есть собака». Представление формально-логического положительного суждения посредством связи категорий вызывает больше сложности, чем представление формально-логического отрицательного суждения.

«Частное, есть общее» непосредственно подразумевает, что оно не есть общее. Именно здесь представлена в полном виде двойственность копулы, ее диалектичность. «Частное не есть общее», но «частное есть общее»; связь частного и общего, их единство содержит две противоположные стороны: 1) «частное есть общее» и 2) «частное не есть общее». «Есть» и «не есть» суть моменты единства частного и общего. Если это единство выражено словом «есть», то это последнее содержит и «не есть». Здесь видна двойственность копулы, ее диалектичность, что более полно представлено во взаимосвязи категорий, чем в обыкновенном суждении, где она (диалектичность копулы) подразумевается, но, с точки зрения логического оформления, исключена.

Если копула означает, что частное (единичное) есть частное, а также и общее, то именно это обстоятельство выражено тем, что частное есть общее, т.е. именно то, что оно не частное, а противоположность частного (окончательное доказательство этого обстоятельства и полное оформление логического дано в «бесконечном умозаключении», где будет разрешена трудность суждения и трудности всех видов умозаключения. Об этом будет речь ниже).

Как было сказано, по мнению некоторых, категории единичного или частного и общего не входят в сферу логики. Это воззрение ошибочно, так как: 1) предикат Жучки «собака» не может быть необщим: а) «собака» высказывает именно Жучку, предикат есть высказывание субъекта, «собака» есть «собака» и вместе с тем высказывание «Жучки», т.е. здесь у нас имеется единство различных; б) «собака» есть предикат не только «Жучки», но и других единичных; в) предикатом «собака» «Жучка» связывается и с другими (подобными ей) единичными. 2) общее не только предикат «собака», но и субъект «Жучка», поскольку она имеет и множество других предикатов, она есть единство — единое, содержащее множество, одно из которых есть «собака»; возможность приписывания какого-нибудь предиката субъекту есть также возможность приписывания или имени другого предиката (или предикатов), хотя приписывание одного исключает другое; различные предикаты могут выражать одно и то же; это последнее и будет общим, но только содержательным общим. Единичное есть единичное, но вместе с тем оно есть и содержательное общее. 3) Связь субъекта и предиката, единство суждения, сама есть определенное — содержательное общее, односторонностями которого являются субъект и предикат. 4)

Если даже взять сторонами суждения только единичные, то и в этом случае общность не будет исключена, поскольку единичные опираются на категорию единичного и представляют именно ее. Каждая категория обща, такова и категория единичного, явление которой представляет собой каждое единичное. 5) Единство единичных не может не быть общностью, именно содержательной общностью. Суждение, имеющее своими сторонами единичные, представляет общность; общность есть сама копула, но главное то, что б) невозможно отрицание общего, поскольку: а) частное, полученное в результате отрицания общего, имеет абсолютный характер, т.е. оно есть общее; б) такое отрицание само будет общим. Нельзя отрицать общее, не беря это отрицание в общем значении. Поэтому отрицание общего невозможно, более того, отрицание общего с необходимостью утверждает его же. Отрицание общего само есть суждение, которое имеет смысл, общего. Поэтому нельзя в суждении (и вообще в логике) отрицать общность (поэтому для него необходимо и частное. Общее необходимо не только в теории познания, но и в логике).

§ 96. Суждение как логическая односторонность

Правда, суждение, по своей природе, есть «единичное есть общее», но, как было сказано, это есть единство противоположностей, сторонами которого являются: 1) «единичное есть общее» и 2) «единичное не есть общее»; но это уже не одно, а два суждения. Поэтому «единичное есть общее» не есть точное представление природы суждения. Единство частного и общего «больше», чем суждение.

Представление суждения в виде связи частного и общего требует уточнения, так как: 1) в суждении «Жучка -собака» не высказано и не оформлено «не есть», тогда как это суждение должно содержать его, в противном случае мы должны были бы сказать «Жучка есть Жучка», а не «Жучка есть собака». 2) Суждение «Жучка — собака», как было сказано, в большинстве случаев не вызывает спора, его считают приемлемым, тогда как «единичное есть общее» считается невозможным, ошибкой, хотя первое суждение имеет смысл и оправдание во втором.

Нельзя сказать, что «Жучка есть собака» возможно, а «единичное есть общее» невозможно, поскольку здесь логически мы имеем одно и то же, именно, суждение как связь; более того, второе есть общая форма суждения, а первое — ее проявление. 3) «Единичное есть общее» есть единство противоположных категорий, которое, как это более определенно представим ниже, есть не суждение, а логическая форма, подчиняющая себе суждение и более совершенная, чем оно; точнее: «единичное есть общее», как единство противоположностей, содержит два, суждения, или есть единство двух суждений: а) «единичное есть общее», и б) «единичное не есть общее». Поэтому надо сказать, что суждение есть односторонность той полной логической связи, которой является единство единичного и общего. Суждение должно высказывать это единство, но оно высказывает его только с одной стороны, односторонне, поскольку суждение является одной стороной единства противоположностей. Мысль суждения состоит в единстве единичного и общего, в котором оно оправдывается как односторонность в единстве — в целом, но в суждении, как в оправдываемом, не представлено полностью то, что его оправдывает. В одной стороне целое содержится только частично. Суждение есть единство противоположностей не полностью, а частично.

Единство противоположностей или противоречия в логическом, как это было отмечено выше, есть бесконечно-логическое; поэтому его односторонность, являющаяся суждением, есть конечно-логическое. Суждение, как одна сторона единства противоположностей, диалектически отрицающая вторую, есть, очевидно, логическое конечное. Правда, «единичное есть общее» с необходимостью подразумевает свою противоположность — «единичное не есть общее», но это именно второе суждение, а не первое; наоборот, оно отрицает его, хотя оба с необходимостью подразумевают друг друга, они имеют смысл только благодаря друг другу. Суждение «Жучка — собака» невозможно, если Жучка и собака, как единичное и общее, не отличаются друг от друга, и более того, если они не противоположны друг другу.

Следовательно, суждение есть логическое конечное, односторонность полного логического; суждение есть односторонность и именно поэтому оно требует оправдания, доказательства.

§ 97. Диалектичность суждения

Выше было отмечено, что 1) копула содержит как положительность, так и отрицательность, с этой стороны она двойственна, диалектична, 2) в суждении применяются противоположные категории, оно есть

единство частного и общего, как противоположных категорий; поэтому мы и говорили, что суждение есть единство противоположностей и диалектично по своей природе. Но с другой стороны, выяснилось и то, что суждение является не единством противоположностей, а только его одной стороной; суждение есть односторонность. В этом смысле, суждение должно быть недиалектическим. Эти две мысли, на первый взгляд, несовместимы, более того, здесь как-будто непреодолимое противоречие. Трудность здесь безусловно, имеется, но такая, разрешение которой представит суждение в полном виде.

Эта трудность, по нашему мнению, может быть разрешена следующим образом: если односторонность будет представлена как неодносторонность — полнота, тогда имеется недиалектичность, как это имеет место в формальной логике, которая, конечно, не есть диалектическая логика. Но если односторонность будет понята как раз как односторонность, именно односторонность единства, имеющая смысл в единстве, тогда она подчинится ему и так и будет понята. Одна сторона диалектического также диалектична, поскольку она подчиняется диалектическому; односторонность диалектического подчиняется законам диалектики; одна сторона единства противоречия, понята как именно его одна сторона, подчиняется закону единства противоречия. То же можно сказать и о суждении, как односторонности единства противоречия. Суждение, как одна сторона диалектики, подчиняется законам диалектики и в этом смысле имеет диалектическую природу. Суждение, как было сказано, есть конечно-логическое; конечное имеет смысл в связи с бесконечностью, как единством конечного и бесконечного, той бесконечностью, односторонностью которой она является. Конечно-логическое определяется бесконечным логическим.

Суждение не есть единство противоположностей, взятое полностью. Оно есть односторонность противоположностей, единство противоположностей частично, односторонне. Суждение не есть единство противоположностей полностью, но оно должно быть таковым; как только оно станет таковым, тогда не будет только суждения, а будет единство противоположных суждений, которое представляет умозаключение, как полную опосредствованную логическую связь. Это переход суждения в умозаключение (об этом более подробно ниже). Суждение, как односторонность, требует целого, как своего основания, и оправдания в этом основании. Основание суждения, как односторонности, есть единство, именно единство противоположностей, которое и дает своей односторонности смысл и оправдание.

Суждение, как было сказано, по своей сущности имеет природу единства частного и общего; оно должно быть единством единичного и общего, но в действительности является только одной стороной этого единства. Единство единичного и общего имеет две — противоположные — стороны: 1) единичное есть общее и 2) единичное не есть общее; эти стороны являются суждениями, имеющими смысл только в отношении друг друга и только в единстве; они, как было сказано, с необходимостью подразумевают друг друга и подчиняются единству противоположностей.

«Единство противоположностей» есть понятие, высказывающее именно единство противоположностей. Оно может быть высказано суждением «единичное есть общее», которое само является единством противоположностей, поскольку единичное и общее противоположны друг другу. В этом смысле суждение есть единство противоположностей, именно, «единичное есть общее», но так, что это суждение с необходимостью подразумевает второе суждение, которое, высказывает то отрицательное, которое подразумевается в нем, именно то, что единичное не есть общее. Поэтому полнота логической связи сострит в единстве противоположных суждений («единичное есть общее» и «единичное не есть общее»). Суждение «единичное есть общее» есть единство противоположностей, поскольку это суждение энтимемное — оно подразумевает свою противоположность. Но полное выражение логической связи возможно только логическим оформлением двух противоположностей и их единства. Одним словом, единство противоположностей может быть высказано умозаключением, суждением и понятием, но полностью оформленная логическая связь высказывается только умозаключением и состоит в умозаключении, именно в полном умозаключении (это бесконечное умозаключение — единство противоположностей в логическом, логическое единство противоположностей, но об этом ниже).

То, что: 1) суждение «единичное есть общее» есть единство противоположностей и 2) «единичное есть общее» делится на два суждения а) «единичное есть общее» и б) «единичное не есть общее» — эти два обстоятельства не исключают друг друга и не вызывают регресса в бесконечность, так как: 1) если «единичное есть общее» энтимемно, то оно прямо высказывает одну сторону связи, а другую («единичное не есть общее») подразумевает; это другое — отрицательное суждение, подразумеваемое первым

положительным суждением; 2) эта противоположность доводит до единства, которое является целым, а не односторонностью.

Поэтому надо сказать, что деление энтимемного суждения «единичное есть общее» на неэнтимемные: а) «единичное есть общее» и б) «единичное не есть общее» — исчерпывающее деление. Полученные суждения не делятся более на два и т.д., так как они с необходимостью подразумевают друг друга, а не какие-то еще другие суждения и т.д. Противоположность-противоречие, как мы знаем, состоит только из двух полных сторон, из двух полных конечных сторон и не более. Эти стороны, ясно, не содержат других таких же сторон. Стороны противоречия подразумевают друг друга. Одна сторона сама не является единством противоречия, тем, сторону чего она представляет собой.

И утверждение и отрицание суть суждения. Утверждение, как суждение, подразумевает отрицание, как суждение, но так, что если утверждение (положительное суждение) подразумевает в самом себе неоформленное отрицание, то результатом оформления этого является отрицательное суждение, которое есть вне первого, хотя для оправдания самих себя они подразумевают друг друга. Положительное суждение подразумевает в самом себе внутреннее отрицание, которое оформляется как второе суждение. После такого оформления в каждом суждении не остается ничего, что подлежало бы оформлению. После этого ново только то, что необходимо их единство, т.е. остается неоформленным не новое суждение, а умозаключение, как единство противоположностей, такая опосредствованная связь, которая представляет собой единство противоположностей.

Положительное суждение содержит различие, отрицание, которое оформляется отрицательным. Отрицательное суждение содержит положительный момент, определенное единство, помимо которого оно не было бы единой мыслью — одним суждением. Эти два суждения противоположны, но имеют смысл только благодаря друг другу; поэтому они дополняют друг друга вплоть до единства и составляют полную логическую опосредствованную связь, которая уже есть не суждение, а то, в чем оно оправдывается.

§ 98. Определение суждения

Со времен Аристотеля суждение часто определяют как мысль, которая представляет собой или истину или ложь. Такое определение не должно быть правильным в том смысле, что истина-ложь не выражает специфику суждения, а определение состоит именно в установлении специфики. Не только суждение является истинным или ложным. Таковым может быть умозаключение, доказательство, понятие и вся наука. Если наука не является истинной, то она, конечно, не представляет собой науки; система доказательства должна быть именно истинной системой.

Начиная с Аристотеля, суждение определяют и как утвердительную или отрицательную мысль, или, как говорил Аристотель, суждение есть утверждение или отрицание. Признаки утверждения и отрицания и в самом деле специфичны для суждения, поэтому такое определение суждения должно быть правильным.

Но определение суждения как утверждения или отрицания неточно и постольку неправильно, так как это определение номинальное, а не реальное; этим определением перечислены виды суждения. Оно выполнено указанием видов суждения-утверждения и отрицания. Аристотель прав, считая, что положительное и отрицательное суждение представляют собой виды суждения, но указания на них недостаточно для определения суждения. Перечисление видов понятия суждения не дает специфики суждения, его определения; виды могут быть поняты на основе специфики суждения, а не наоборот.

С другой стороны, если суждение есть род, а положительные и отрицательные суждения являются его видами, тогда надо сказать и то, что (в таком случае) положительность и отрицательность будут признаками этих видов, а не рода — самого суждения. Как известно, для рода излишни специфические признаки его видов. Если суждение есть род и положительные и отрицательные суждения являются его видами, то положительность и отрицательность, как специфические признаки видов, будут лишними для суждения, как для рода. Поэтому определение суждения, как утверждения или отрицания не будет правильным. Если утверждение и отрицание не являются признаками суждения вообще, то какой признак остается для суждения, что специфично для него, как мы должны определить суждение?

По нашему мнению. Аристотель правильно назвал утверждение и отрицание признаками суждения, но ошибочно распределил эти признаки на виды суждения. Суждение не должно быть только родом для положительных и отрицательных суждений. Положительность и отрицательность являются не видами суждения, а его специфическими признаками, точнее, моментами. Без утверждения и отрицания суждения

вообще не существует, без них суждение не имеет никакого специфического признака. Перенесение утверждения-отрицания на виды суждения никаких признаков не оставляет для суждения, как рода.

Надо сказать, что утверждение и отрицание являются моментами самого суждения, как такового. На эти моменты опираются его виды — положительные и отрицательные суждения.

Для положительного суждения специфична положительность, а для отрицательного — отрицательность, но эти два признака являются моментами суждения, как суждения.

Суждение не следует определять так: суждение есть утверждение или отрицание, или: суждение есть утверждение и отрицание, как разделенные друг от друга признаки. Суждение должно определяться так: суждение есть утверждение-отрицание, тождественное для утверждения-отрицания; точнее: суждение есть единая утвердительно-отрицательная мысль (*Behauptung*, которое состоит из двух моментов: *Bejahung* и *Verneinung*, которые создают виды суждения); суждение есть мысленное высказывание — утвердительно-отрицательное высказывание. Еще точнее можно определить суждение следующим образом: суждение есть мысленное высказывание, заключающееся в утверждении-отрицании.

В определении суждения, как утвердительно-отрицательной мысли, хорошо видна его диалектическая природа, то, что суждение должно быть единством противоположностей. Вышерассмотренная двойственность-диалектичность копулы непосредственно видна в этом определении.

То обстоятельство что суждение есть мысль, которая истинна или ложна, имеет вторичный характер, опирается на суждение, как на утверждение-отрицание.

Содержание этого определения суждения и содержание суждения как односторонности будет более ясно представлено тогда, когда мы рассмотрим переход суждения в умозаключение. То обстоятельство, что суждение есть односторонность и то, что оно есть утверждение-отрицание, как-будто несовместимы друг с другом. И в самом деле, если суждение есть утверждение-отрицание, то оно не будет только утверждением или только отрицанием — односторонностью, и наоборот — если суждение есть односторонность, то оно будет утверждением или отрицанием, а не утверждением-отрицанием — единой мыслью утверждения-отрицания. Здесь надо отметить, что суждение есть односторонность, которая имеет природу утверждения-отрицания, но так, что утверждение подразумевает отрицание, а отрицание-утверждение, как это было рассмотрено выше.

§ 99. Об основных видах суждения

Как было выяснено выше, суждение есть логическая определенность, высказывающая определенность реальную. В суждении, как определенности, два момента — положительный и отрицательный. С другой стороны, из определения суждения ясно видно, что оно содержит два момента — утверждение и отрицание. Это не значит, что суждение есть единство двух суждений; если бы оно (суждение) было единством двух суждений, то: 1) получился бы регресс в бесконечность, поскольку и составное суждение суждения состояло бы из двух суждений и т.д., что невозможно (как это было выяснено выше); 2) в таком случае, суждение содержало бы суждение, что представляет логическую ошибку; 3) если суждение есть единство двух суждений, то оно является не суждением, а умозаключением. Высказывание-оформление двух моментов определенности суждения, как двух суждений, даст моменты умозаключения (об этом после).

Здесь нас интересует то, что на основе двух моментов суждения создается два его вида. Суждение, как таковое, раздваивается, т.е. здесь имеется раздвоение единого (диалектика). В результате этого раздвоения получаем два вида суждения: положительное и отрицательное, которые, как видно, с необходимостью вытекают из определения суждения.

§ 100. Положительное суждение

Положительное есть такое суждение, в котором чему-либо приписывается нечто отличное от него. Это «что-либо» есть, конечно, мысль, поскольку оно элемент суждения. Оно называется его субъектом. Приписываемое ему есть предикат. Формула этого суждения, как известно — $S+P$, где S и P различаются друг от друга, но последнее приписывается первому.

Если положительное суждение понимать как тавтологическое, то его следует обозначать так: $S + S$, но здесь подразумевается не два S , а одно. И в таком случае положительность, как тавтологичность,

связывается с отрицательностью, как с ничто. Тавтологичность сама есть ничто, она ничего не высказывает (прежде всего с точки зрения доказательства, поскольку тавтологичное доказательство не доказывает ничего), т.е. чистая положительность есть отрицательность (как это было отмечено выше).

Из определения положительного суждения непосредственно видна его (суждения) синтетичность. Определение положительного суждения и определение положительного синтетического суждения — одно и то же, так как суждение не может не быть синтетическим; в противном случае, как было отмечено, суждение теряет собственный смысл.

Суждение положительно, как единство различных, но оно может быть: 1) единством только различных; это будет формально-логическим суждением, например, «Жучка — собака».; 2) единством противоположностей; это «содержательное» суждение — суждение, составленное из категорий, связь категорий, как например «единичное (частное) есть общее». Эти два суждения не одно и то же, хотя сущность или корень первого заключается во втором (это различие до конца будет выяснено при рассмотрении умозаключений).

Как было сказано, положительное синтетическое суждение, правда, положительно, но содержит и момент отрицания, так как синтетическое с необходимостью содержит различие, где одно есть то, что не есть другое. Оформление этого отрицательного момента, что необходимо для полного и определенного представления логической связи (неопределенное не есть логическое и наоборот), дает отрицательное суждение. Это значит, что из положительного суждения с необходимостью вытекает отрицательное, положительное суждение переходит в отрицательное.

§ 101. Отрицательное суждение

Отрицательное суждение есть такое, где чему-либо приписывается нечто его исключяющее; о субъекте высказывается то, чем он не является. Это (как было сказано) единая мысль, несмотря на то, что предикат не присущ субъекту. Высказывание именно этого обстоятельства и есть отрицательное суждение как одна определенная мысль.

Отрицательное суждение было бы невозможным, если бы в нем не было единства мысли, определенной положительности, помимо которой суждение вообще невозможно. В отрицательном суждении имеются положительные и отрицательные моменты: 1) субъекту приписывается 2) отрицательное. Отрицательное суждение, конечно, отрицательно, но оно есть: 1) приписывание-высказывание — определенная мысленная положительная связь, 2) положительный вид или форма суждения. Ничто существующее, и в частности суждение, не имеет отрицательного вида. То обстоятельство, что субъекту приписывается то, что он не есть, ясно показывает синтетичность и диалектичность логической определенности, как таковой (об этом будет речь ниже).

Отрицательное суждение может быть: 1) таким, где чему-либо отрицательно приписывается отличный от него и отрицательный для него признак, например, «Жучка не есть двуногое», 2) таким, где чему-либо отрицательно приписывается его противоположность, например, «единичное (частное) не есть общее». В обоих случаях субъекту приписывается другое, которое не есть субъект. Здесь имеется приписывание, определенная связь, имеющая отрицательный характер; субъекту отрицательно приписывается исключяющее его, но так, что эта отрицательная связь содержит и положительное (и наоборот), в противном случае, отрицательное суждение как одна-единая мысль будет невозможно, как это было отмечено выше. То обстоятельство, что А не есть В, означает, что для А характерно отсутствие в нем В.

То обстоятельство, что друг от друга отличаются: 1) приписывание чему-либо отличного от него признака и 2) приписывание противоположного признака — означает, что в обоих случаях действует мысль отрицательного суждения, но во втором случае представлено в полном виде то, что является неполным в первом случае. Мысль отрицательного суждения представлена в более полном виде во взаимосвязи категорий — «единичное не есть общее», поскольку то единичное или частное (их различие мы здесь не принимаем во внимание, об этом будет речь ниже), которое не есть общее — исключает общее, а если оно представлено независимо, тогда оно само будет общим. И наоборот: «общее не есть частное», но общее, взятое помимо частного, само есть частное. Это значит, что в обоих случаях субъект непосредственно есть то, что исключает его, переходит в противоречие; точнее: необходима связь между субъектом и исключяющим его предикатом.

Во взаимосвязи категорий определенно представлен и необходимый переход положительного

суждения в отрицательное: «единичное есть общее» есть неадекватное выражение суждения; для адекватного выражения и представления суждения необходимо и то, что «единичное не есть общее» (единичное есть единичное, а не общее). Но их связь есть уже «больше» того, что из себя представляет суждение.

§ 102. «Бесконечное» суждение

«Бесконечное» суждение непосредственно опирается на определение суждения. Из определения суждения непосредственно вытекает не только то, что существуют положительные и отрицательные суждения, но и то, что должен существовать и третий его вид. Как известно, Кант считает третьим видом качественного суждения «бесконечное суждение» — (здесь мы рассмотрим т.н. «бесконечное» суждение, а так суждение не может быть бесконечным; суждение, как было сказано, есть конечно-логическое, а не бесконечно-логическое).

В формальной логике бесконечным называется такое суждение, в котором субъекту положительно приписывается отрицательный предикат; это обозначается так: $S + (-P)$. Это суждение многие логики отождествляли с отрицательным, считали его лишним; но Кант, внеся логику в теорию познания, развил старую логику и в этом пункте, когда указал на необходимость бесконечного суждения, того суждения, в котором действует категория лимитации (так же, как в положительном суждении действует категория реальности, а в отрицательном — категория отрицания). В характеристике Кантом бесконечного суждения есть некоторое указание на то, что бесконечность каким-то образом связывается с определенностью, но это обстоятельство осталось у него невыясненным (оно было выяснено у Фихте и Гегеля).

Формально-логическое бесконечное суждение и в самом деле бесконечно в следующем смысле: 1) предикаты бесконечны, так как они отрицательны; субъекту приписывается бесконечное число отрицательных предикатов; 2) сферы субъекта и предиката исчерпывают понятие, субъект и не субъект покрывают все.

Бесконечное суждение есть своеобразное единство положительного и отрицательного суждений. Третий вид суждения есть определенное единство первых двух видов, но такое, что это именно вид суждения, суждение и ничего более (так же, как у Канта единство категорий реальности и отрицания представляет собой категорию лимитации).

В формальной логике бесконечное суждение является не объединением положительного и отрицательного суждений (это объединение считается там невозможным), а оно есть, так сказать, снятие-сохранение первых двух; из каждого что-то отрицается и что-то сохраняется и получается новое, представляющее собой именно суждение, а не умозаключение. Моменты положительных и отрицательных суждений выбраны и связаны так, что получаем новое суждение, которое не сводится ни к положительному, ни к отрицательному, но, несмотря на это является суждением. У положительного суждения снимается только положительность — абстрактная положительность, у отрицательного — также абстрактная отрицательность. Из положительного суждения сохраняется момент положительности, как именно момент, и так же из отрицательного суждения сохраняется отрицание, как именно момент. Так же из положительного суждения сохраняется момент отрицания, а из отрицательного — момент положительности (момент приписывания предиката субъекту, именно то, что субъекту приписывается отрицательное). Поэтому бесконечное суждение своеобразно (этим разрешается спор о том, отрицательно бесконечное суждение или нет). Стороны суждения как такового представлены в положительном и отрицательном суждении абстрактно, односторонне, без необходимой для них второй стороны; а бесконечное суждение содержит эти стороны в себе в виде моментов.

Бесконечное суждение есть своеобразное единство положительного и отрицательного, это-то и представлено в формальной логике, так сказать, механически, в виде формулы $S + (-P)$, хотя здесь указывается на связь с бесконечным; субъекту также приписывается то, что он не есть; а таковым может быть бесконечное. Но приписывание в бесконечном суждении субъекту того, чем он не является, есть не что иное, как отрицательное суждение; поэтому и имеет место в формальной логике неопределенность природы бесконечного суждения, потому-то трудно провести различие между бесконечным и отрицательным суждениями.

Бесконечное суждение вытекает из понятия суждения, из его определения так же, как и положительное «отрицательное суждения, поэтому и существует три вида суждения; но если

положительное и отрицательное представляют две стороны природы суждения отдельно друг от друга, то бесконечное восстанавливает цельность суждения; бесконечное суждение должно полностью представить смысл суждения, его понятие. В бесконечном суждении суждение доходит до своего предела (это обстоятельство не было понято ни формальной логикой, ни Гегелем). Бесконечное суждение исчерпывает суждение, как утвердительно-отрицательную мысль.

Отрицательный предикат бесконечного, суждения (-P) есть все, кроме субъекта, поэтому $S + (-P)$ равно всему. Постольку бесконечное суждение должно выражать бесконечность. Выражение бесконечности перечислением всего невозможно, так как нельзя перечислить бесконечность. Как мы знаем, выражение бесконечности на языке суждения логически возможно посредством единства противоречия. Бесконечное суждение указывает именно на это обстоятельство тем, что объединяет положительность и отрицательность, но формально-логическое бесконечное суждение не может реализовать это его требование, поскольку его отрицательный предикат является неопределенным (поэтому остается неопределенным и субъект). Для осуществления смысла бесконечного суждения и для снятия отмеченной здесь неопределенности необходимо определенно представить «не-P», определить противоречащее субъекту, снять неопределенность его отрицательного предиката; то, что не является субъектом, должно быть представлено не в виде множества отрицаний, не в виде бесконечного множества отрицательных предикатов, а в виде одного предиката, который противопоставляется субъекту, но представляет вместе с ним единство — одно суждение.

Отмеченная здесь определенность в сфере формально-логического суждения не осуществляется. Охарактеризованный выше смысл «бесконечного суждения» представляется в полном виде только в сфере категорий, в логической связи категорий, где имеется один субъект и — один предикат, хотя, вместе с тем, они являются и противоположными понятиями, где противоречие и противоположность равняются друг другу, т.е. предикат, противоречащий субъекту, имеет и положительный признак. Такова связь частного и общего в суждении: «частное есть общее», где нечастное есть общее и необщее есть частное (эта мысль повторяется и во взаимосвязи понятий, выражающих вообще сущность вещи; например, для К. Маркса в товаре непотребительная стоимость есть стоимость и наоборот)¹⁴. Эта связь категорий есть единство противоречия, а оно, как мы знаем, представляет бесконечность. Единство противоположностей в логическом есть логическая бесконечность.

Следовательно, единство единичного (частного) и общего в полном виде есть то, что из себя должна представлять бесконечность. Но полное единство частного и общего, как было сказано, уже не есть суждение, оно больше него, т.е. здесь исчерпывается мысль суждения и имеется переход к умозаключению, что будет выяснено ниже (полная мысль бесконечного суждения осуществляется в умозаключении определенного вида, этим суждение достигает своего полного оправдания).

Таким образом, можно сказать, что мысль бесконечного суждения осуществляется в логической связи категорий. Но эта связь, как суждение, именно как бесконечное суждение, оправдывает мысль этого последнего так, что проблема остается все же неразрешенной, именно проблема о том, как возможно логическое единство положительного и отрицательного. Здесь мы отметим только, что эта мысль бесконечного суждения остается неразрешенной в сфере суждения, она, как было сказано, разрешается только в сфере умозаключения.

Если бы определение природы суждения не оставляло ничего неопределенного, то не нужна была бы другая форма мышления, кроме суждения, но суждение само требует оправдания, что будет реализовано в другой форме мысли. Поэтому и необходима для суждения другая форма мысли. Эта необходимость хорошо видна в бесконечном суждении, природа которого была охарактеризована выше.

Бесконечное суждение осуществляет мысль суждения — мысль утверждения-отрицания, но, вместе с тем, в нем с необходимостью видно, что для суждения необходимо умозаключение.

§ 103. О неосновных видах суждения

Неосновные виды суждения — это такие суждения, которые получаются (производятся) из его основных видов непосредственно или путем их применения в какой-то определенной сфере. Неосновные виды суждения, со своей стороны, могут быть различены смотря по тому, представляют ли они связи

¹⁴ К. Маркс, К критике политической экономии, 1953, стр. 26.

категорий или нет, по тому, как осуществляется смысл суждения (утверждение-отрицание) в одном случае и как в другом.

Поэтому мы рассматриваем два вида неосновных суждений (два подвида суждения): а) связь категорий, представленную в виде суждения, суждение, как связь категорий, или связь категорий, как суждение, например, «единичное есть общее» и т.д. б) обыкновенные, формально-логические суждения, например «Жучка — собака» и т.д.

Надо сказать, что деление суждений на основные и неосновные виды, как мы это произвели выше, содержит какую-то неопределенность, снятие которой и установление определенности необходимо для правильного представления обстоятельства дела. Эта неопределенность или трудность состоит в следующем: 1) ничего не должно быть первичнее, общее или основнее категорий и их связи, поэтому основным видом суждения должна быть именно утвердительно-отрицательная связь категорий, а не нечто другое — другой вид суждения; 2) рассмотренные выше основные виды суждения, как мы знаем, содержат как связи категорий, так и формально-логические суждения, поэтому их отдельное представление, да еще в качестве основных видов, не должно быть правильным. То, что не существует в отдельном виде, не является и видом. Эти трудности разрешаются следующим образом:

1) Именно то обстоятельство, что основные виды суждения содержат как связи категорий, так и формально-логические суждения, доказывает, что они являются более основными, чем эти два подвида, предшествуют им и лежат в их основании. Если скажут, что выше рассмотренный основной вид суждения не является не только основным, но и видом вообще, поскольку он не существует как отдельное суждение, т.е. отдельно от вышеотмеченных двух видов (от связи категорий и обыкновенного, формально-логического суждения), то мы ответим следующее: правда, суждение существует или в виде категорий или в виде формально-логического суждения (поэтому и существуют эти два вида суждения), но с категориальной точки зрения сущность одно, а ее явление другое; правда, сущность не может существовать в виде отдельного явления, она не есть отдельный вид — одно из явлений — но она все-таки есть что-то другое, чем явление. Явление проявляет сущность, но сущность и явление вещи разные. Сущность содержит все свои явления, кроме них ей не соответствует ничего из мира явлений, но необходима ее отдельная характеристика, отделение ее, в определенном смысле, от явления. Вот именно в этом смысле отделили мы основной вид суждения от неосновного.

Дело в том, что сущность суждения — это как раз утверждение-отрицание. Основным видом суждения мы представили именно это утверждение-отрицание, мы его не смешали с явлениями, хотя кроме этих явлений у него, конечно, нет других проявлений. Видами сущности суждения-утверждения-отрицания как определенного единства (в определенном понимании) — мы представили стороны этой сущности: а) утверждение, как положительное суждение, в) отрицание, как отрицательное суждение и с) их определенное единство — «бесконечное» суждение. Суждение как утверждение-отрицание, существует или а) в виде положительного суждения, подразумевающего отрицание, которое оформляется отрицательным суждением, или в) в виде отрицательного суждения, подразумевающего положительность, которая оформляется положительным суждением, или с) в виде их своеобразного единства — «бесконечного» суждения. Слово «вид», применяемое в этом смысле, пригодно для того, чтобы основную сторону суждения — его сущность — выделить как вид мысли, именно, как своеобразный вид судящей мысли. Это обстоятельство недостаточно для оправдания нашей точки зрения, поэтому мы должны принять во внимание еще следующее:

2) Связи категорий только тогда являются суждениями, когда в них реализовано утверждение-отрицание, т.е. если в них применяется эта сущность суждения, предшествующая тому, в чем оно применяется. Правда, утверждение и отрицание опираются и выражают положительное и отрицательное, как категории, но связь, в форме суждения, любых категорий (в том числе категорий положительного и отрицательного) заранее предполагает эту форму суждения. Связь частного и общего, как категорий, представляет суждение тогда, когда она реализована утверждением-отрицанием, что является для нее первичным и основным. Деление суждения именно на основе этого первичного и дает основные виды суждения: положительное, отрицательное и «бесконечное».

Надо отметить и то, что суждение по своей природе рефлексивно; правда, логическая рефлексивность суждения (а не та извращенная форма рефлексивности, которую дал Гегель, у которого рефлексивность представляет мистическую силу абсолюта, как познающего субъекта) есть то же самое, что и рефлексивность категорий логического вообще (как это было рассмотрено выше); но она (рефлексивность

суждения) есть более развитый вид рефлексивности категории логического, что проявляется в том, что рефлексивность суждения [именно то, что отрицание суждения утверждает (и есть) суждение] применяется в каждом случае рефлексивности категории логического, поскольку отрицание, помимо которого не осуществляется вообще логическая рефлексивность, само является существенным моментом суждения. Логическая рефлексивность осуществляется посредством отрицания-утверждения.

Связь категорий в форме суждения предшествует формально-логическому суждению, сущность которого она представляет; «Жучка — собака» в сущности то же самое, что и «единичное есть общее», которое лежит в основании первого суждения и действует в нем, как его общий вид (суждение вообще есть связь категорий, а не схема).

Следовательно, связь категорий, как суждение и формально-логическое суждение, заранее подразумевает утверждение-отрицание, как первое и основное для них, что и является сущностью суждения.

3) Можно сказать, что более главным, чем два вышеотмеченных момента, является третий момент, именно следующий: основной вид суждения и его подвиды выделены согласно содержательному общему, что и является основным в умозаклчениях (как это мы увидим после). Существенным в логике является умозаклчение, поэтому именно с точки зрения умозаклчения мы должны рассматривать другие формы логического и виды этих форм.

Суждение как таковое есть содержательная общность; оно есть единство утверждения-отрицания. Положительное суждение является одной существенной стороной содержательного общего, таково и отрицательное суждение, представляющее его вторую сторону. Бесконечное суждение полностью исчерпывает мысль суждения, этим оно подходит к полному выражению содержательного общего, хотя, как мы видели, оно этого не достигает. Полное содержательное общее, как мы знаем, есть общее единства противоположностей, которое не вмещается в суждение; для него необходима высшая форма логического. Одним словом, положительное и отрицательное суждения являются логическими односторонностями, т.е. содержательными полными частными; а бесконечное суждение, как это было выяснено, выше, представляет своеобразное единство этих частных, как односторонностей, хотя это единство не доходит до полной общности (до общности, с точки зрения которой суждение надо понимать как частное).

4) Отмеченное здесь обстоятельство будет представлено яснее, если учтем следующее: первый вид неосновного суждения, как связь категорий, содержит, как мы сейчас увидим, такую категорию, как особенное, которое мешает этому виду суждения дойти до основного вида — до полного выражения природы суждения, именно до того общего, которым является единство противоположностей; именно «особенное» есть то, что, по словам Маркса¹⁵, скрывает противоречие или противоположность; именно особенное, как среднее для противоположностей, не дает мысли подняться до единства противоречия, до полной содержательной общности. Именно вследствие этого обстоятельства надо сказать, что связь категорий, как суждение, есть неосновной вид суждения как такового — как именно утверждения-отрицания, где нет конечного «третьего», занимающего место между «утверждением» и «отрицанием».

§ 104. Связь категорий как суждение

Первым видом неосновного суждения является то, которое было рассмотрено еще Гегелем, а позднее Ф. Энгельсом¹⁶, как связи категорий — единичного, особенного и общего — именно, как связи-единства в форме суждения.

Ф. Энгельс делит суждения на три группы: 1) единичные, 2) особенные (или частные) и 3) общие; (или три вида суждения: единичное, особенное и общее). Единичное — это приблизительно такое суждение, которое Гегель называл суждением существования (о субъекте высказывается какое-нибудь свойство); таковы: 1) положительное суждение, например, «роза красна», 2) отрицательное суждение — «роза не синяя» и бесконечное суждение «роза — не верблюд». Особенное (или частное) — это приблизительно такое суждение, которое Гегель называл суждением: рефлексии (о субъекте высказывается какое-нибудь отношение): 1) сингулярное суждение, например, «этот человек смертен», 2) партикулярное суждение — «некоторые люди смертны», 3) универсальное суждение — «все люди смертны», и суждением необходимости (о субъекте высказывается его субстанциональная

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, 1955, стр. 316.

¹⁶ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1953, стр. 177.

определенность): 1) категорическое суждение, например, «роза — растение», 2) гипотетическое суждение, — «если солнце всходит, начинается день», 3) дизъюнктивное суждение, — «чешуйчатое есть или рыба, или амфибия». Общее суждение приблизительно таково, каким было «суждение понятия» Гегеля (о субъекте высказывается то, насколько он соответствует своей общей природе — понятию): 1) ассерторическое суждение — «этот дом плох», 2) проблематическое суждение — «если дом таков и таков, то он хорош», 3) аподиктическое суждение, — «дом, устроенный так и так, хорош».

Здесь мы должны отметить одно, именно то, что в этих суждениях даны как связи категорий, так и, так сказать, эмпирические суждения но первые применяются для выражения вторых в общей форме, тогда как: мы здесь различаем друг от друга два вида суждения вследствие того, что связи категорий содержат своеобразность (как это было отмечено и выше).

Ф. Энгельс отмечает, что данная Гегелем классификация суждений, как тема, гениальна, и сама классификация имеет глубокие корни как в законах мышления, так и в законах природы¹⁷. Энгельс, конечно, ясно отличает друг от друга логическое и эмпирическое, не сводит первое ко второму (как это думают некоторые логики). Для демонстрации того, что логическим группам соответствует и эмпирическая сфера, Ф. Энгельс перечисляет следующие суждения: 1) примером единичного суждения является суждение «трение есть источник тепла» (приблизительно один из видов суждения существования — положительное суждение 2) частное (приблизительно универсальное суждение рефлексии) — «каждое механическое движение имеет способность превращения в тепла посредством трения», 3) общее (приблизительно аподиктическое суждение понятия) — «любая форма движения способна и вынуждена при, определенных для каждого случая условиях, превращаться прямо или косвенно в любую другую форму движения»¹⁸. Это последнее, с точки зрения Ф. Энгельса, есть вообще высшая форма суждения. Поэтому, согласно Ф. Энгельсу, законы мысли и природы соответствуют друг другу. Логическая классификация и эмпирическая действительность находятся в согласии друг с другом.

Ф. Энгельс отмечает, что в общем суждении дана общность закона, в котором «форма и содержание одинаково всеобща»¹⁹ (этот закон не может быть более обобщен, поскольку он — абсолютный закон природы). Здесь примечательно то, что Энгельс говорит об общности содержания, о которой ничего не знает формальная логика. Рассмотренную выше классификацию суждений Энгельс дал именно на основе понимания общности формы и содержания. Вследствие игнорирования содержательной общности формальная логика не может принять энгельсову классификацию суждений, которая опирается не только на объемную общность, являющуюся исходной точкой для формальной логики. Для формальной логики три суждения Энгельса лишь один вид суждения, а не три — единичное, особенное и общее. Здесь несомненно видна ограниченность формальной логики, ее «узкий горизонт» (Ф. Энгельс).

Следовательно, можно сказать, что первый вид неосновного суждения есть суждение, представляющее собой связь двух из следующих трех категорий: единичное, особенное и общее. Это так с точки зрения умозаключения, так как в определенном умозаключении особенное является средним понятием, скрывающим противоположность-противоречие, которое состоит только из двух сторон²⁰, поэтому особенное, как среднее, мешает получению полной общности — общности единства противоположностей, — ограничивает такую общность.

Это не значит, что такого умозаключения, где средним понятием является особенное или частное, нет; такие умозаключения не только существуют, но и составляют одну из основных групп умозаключений (напр., категорический силлогизм и лежащие в его основе опосредствованные связи категорий). Такие умозаключения (о которых будет речь ниже) существуют и поэтому существуют и составляющие их суждения, суждения, как вышеотмеченные связи категорий. Таковы суждения: 1) «единичное есть особенное», 2) «особенное есть общее», 3) «общее есть единичное», 4) «общее есть особенное», 5) «единичное есть общее». Например: 1) «потребление есть распределение-обмен», 2) «распределение-обмен есть производство», 3) «производство есть потребление», 4) «производство есть распределение-обмен», 5) «потребление есть производство»; производство есть общность, распределение-обмен — особенность, а потребление — единичность²¹. Стороны «кругооборотов» в «Капитале» К. Маркса являются такими же

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, 1953, стр. 178.

¹⁹ Там же, стр. 179.

²⁰ Маркс, Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 1, 1955, стр. 316.

²¹ К. М а р к с, *К критике политической экономии*, предисловие, 1951.

суждениями.

Если копула «есть» означает, что единичное настолько же есть общее, насколько не есть (как это выяснилось выше), то у нас будет момент «необщее есть особенное» и получим: «единичное есть особенное». Таким образом, оправдываются все связи между единичным и общим, что и оформляется в виде суждений.

Связи категорий, как суждения, имеют эмпирический эквивалент: «эта роза красна», «эта роза имеет какой-то цвет» и т.д.

Но, как было сказано, связи категорий, как суждения, и обыкновенные суждения соответствуют друг другу, так как связи категорий составляют и должны составлять сущность обычного — традиционного формально-логического суждения; но это не значит, что между этими двумя суждениями нет различия. Характер связи категорий отличается от связи обыкновенных понятий: например, противоположность в категориях есть то же самое, что и противоречие; поэтому, во взаимосвязи категорий, как в суждении, обращение всегда прямое: что не есть частное, то есть общее, и наоборот: в такой взаимосвязи категорий единство противоположностей высказывается непосредственно — «единичное есть общее».

Можно сказать больше: связь категорий, как суждение, с точки зрения формально-логического суждения, может показаться даже ложной; например, такие суждения: «бытие есть ничто» и — наоборот, «количество есть качество», «единичное есть общее» и т.д. кажутся ложными.

§ 105. Формально-логические суждения

Если вместо категорий возьмем некатегориальные и в этом смысле «поверхностные» определенности или признаки мысли и свяжем их утверждение-отрицанием, то получим обыкновенные, формально-логические (традиционно-логические) суждения. Эти суждения не исключают применения категорий и не могут исключать, так как логическое мышление есть мышление только категориями; невозможно мышление без применения и использования категорий. Поэтому, суждения, рассмотренные формальной логикой, являются применением категорий в различных сферах. Если формальная логика на месте категорий подставит схемы и условные символы, то получим математическую «логику», которая будет иметь большое практическое применение, но не будет логикой в общем значении, иная же логика не есть логика в философском смысле. Логика является только философской наукой, так как она есть и должна быть, прежде всего, логикой категорий и их связей.

Как было только-что сказано, если категории, в частности категории единичного, особенного и общего, мы применим в различных сферах, то получим обыкновенные, формально-логические суждения. Применение этих категорий в отношении свойств дает «качественные» суждения, каковыми являются, например, «роза красна», «роза не синяя» и т.д. Их применение в количественной сфере, а именно применение общего в объемном смысле, дает единичное, частное и общее суждения (именно это обстоятельство имел в виду Кант, говоря, что деление понятий на общее, частное или единичное касается только их применения)²². Здесь «общее» есть то же самое, что и «все», а «частное» — «некоторые», но как некоторые, так и все сводятся к единичному, так как повторение единичного — повторение одного и того же много раз — дает как «некоторое», так и «все». «Все» имеет другую природу тогда, когда она есть одно общее; напр.: когда «все люди» равняется «человеку вообще» (это неприемлемо для математической логики, которая общее сводит к единичным или представляет его только в виде схемы).

Частное, как «некоторые», содержит особенность, именно ту, что в частном суждении своеобразно применяется качество суждения: «некоторые» означает и указывает и на другое, например «некоторые металлы являются твердыми», указывает и на то, что некоторые не являются твердыми (например, ртуть). Такое понимание частного суждения²³ опирается на то, что каждое «некоторые» означает «только некоторые». То обстоятельство, что возможно применение «некоторых» не всегда «только некоторых», не должно касаться логики; суждение «некоторые металлы являются твердыми» ничего не говорит о других, поскольку мы не знаем, тверды или нет другие металлы: оно касается знания с психологической точки зрения; логически же «некоторые» есть «только некоторые», определенные некоторые. Если эта мысль правильна, то надо сказать и то, что «некоторые» указывает на переход от суждения к умозаключению, поскольку одно частное суждение с необходимостью требует второго; а необходимая связь суждений

²² См.: I. Kant, Logik, Leipzig, 1904, стр. 98.

²³ См. вышеназванный труд Васильева 1923, стр. 136. и нем «Логику» Лосского.

может быть только умозаключением.

Применение указанных категорий в сфере отношений дает следующие суждения: категорическое, условное и разделительное. Первым характерным признаком логического, логической связи, должна быть категориальность, без ее наличия логическая необходимость невозможна. Условная логическая связь только постольку есть логическая связь, поскольку в ней подразумевается и принимает участие категориальность; то же касается и разделительной связи. Если в этой последней нет взаимоисключения, то в «или-или» нет логической необходимости, что с неизбежностью означает отсутствие в ней категориальности. Если категориальность сводится к условности, условное — к разделительному, а это последнее понимается не как взаимоисключение (как это имеет место в математической логике), то не будет логической необходимости, т.е. необходимого осново-следственного отношения.

Категорическое суждение $S \pm P$ (например «человек смертен» и «человек не есть четвероногое») есть суждение именно вследствие утверждения-отрицания; здесь утверждение и отрицание применяются в определенном отношении. Суждение есть суждение не вследствие этого отношения, а именно вследствие утверждения-отрицания. В отношении «если есть А, то есть В» мы имеем суждение потому, что утверждение А есть основание утверждения В, получается именно вследствие утверждения. То же относится и к разделительному суждению. Разделительное суждение «А есть или В, или не-В» является суждением именно потому, что отрицанием первого производится утверждение второго и наоборот. Поэтому надо сказать, что эти суждения являются неосновными. Они — применения основных суждений в сфере отношения. Отношение может быть суждением именно вследствие утверждения-отрицания.

Применение-использование основных суждений, или применение существенного для этих суждений в сфере отношения мысли к действительности, или сфере мысленного отражения осуществления необходимости в действительности, дают т.н. модальные суждения: проблематическое, ассерторическое и аподиктическое, которые являются суждениями именно потому, что осуществляют утверждение-отрицание, сущность суждения. Без утверждения-отрицания отношение мысли к действительности, или отражение определенного осуществления необходимости не дает суждения. Проблематическое суждение «завтра, возможно, будет плохая погода» представляет собой суждение только потому, что здесь имеется определенное утверждение, определенное полагание, возможность этого полагания, подразумевающая также и его невозможность — невозможность полагания («завтра, возможно, не будет плохой погоды»). Это суждение с необходимостью указывает на возможность противоречащего, на суждение, высказывающее возможность противоречащего, на возможность полагания такого суждения. Ассерторическое суждение (напр., «сегодня хорошая погода») есть именно высказывание полагания нечто и само это высказывание есть полагание, определенное утверждение; оно является суждением именно вследствие этого, а не чего-нибудь другого. Аподиктическое суждение (напр., «сумма внутренних углов треугольника на плоскости необходимо равна двум прямым») есть суждение вследствие того, что здесь имеется необходимое полагание, утверждение. Различие этих суждений состоит не в том, что они суждения, это для них общее; различие порождается тем, где применяется мысль суждения, в какой сфере происходит утверждение или отрицание. Утверждение в сфере возможности представляется своеобразно, именно, как было сказано, утверждение подразумевает и отрицание. В сфере действительности (в сфере категории действительности, а не в такой действительности, которая содержит все, которая означает независимое от нас существование) есть только утверждение, или только отрицание, как полагание факта. В аподиктической сфере, т.е. в сфере категории необходимости, утверждение-отрицание непосредственно выражает именно необходимость, оно есть необходимое утверждение или отрицание, как утверждение или отрицание необходимости.

Вышесказанное иначе, более точно, можно выразить и так: мышление есть только мышление категориями. Суждения могут осуществляться с применением различных категорий и их можно классифицировать по сферам этих категорий. Впервые на это обстоятельство обратил внимание Кант, согласно которому категория есть форма суждения. По нашему мнению, применение суждений в сфере действия различных категорий дает различие суждений, как различие неосновных суждений. Суждение создает не та или иная категория, а утверждение-отрицание, применяемое в сфере той или иной категории. Утверждение и отрицание, как было сказано, содержат и опираются только на две категории — на категории положительности и отрицательности. Если мы примем во внимание названные Кантом сферы категорий, то различие суждений будет выглядеть следующим образом: 1) утверждение-отрицание, действующее в сфере категории единства, дает общее суждение, 2) в сфере множества действует частное

суждение, 3) в сфере всякости (Allheit) — единичное, 4) в сфере реальности — положительное, 5) в сфере отрицания — отрицательное, 6) в сфере лимитации — бесконечное, 7) в сфере категории субстанции — категорическое, 8) в сфере категории причинности — условное, 9) в сфере взаимодействия — разделительное, 10) в сфере возможности — проблематическое, 11) в сфере категории действительности — ассерторическое и 12) в сфере категории необходимости — аподиктическое суждение. Эти суждения создают применение утверждения-отрицания в определенной сфере.

Особым видом неосновных суждений можно считать суждения логики отношения, т.н. суждения отношения, если такие суждения и в самом деле представляют собой суждения; но, например, суждения о пространственном отношении должны представлять пространственные взаимоотношения. Они не суждения, а предложения, выражающие пространственные взаимоотношения, а не логические связи мыслей. Предложение «А находится вправо от В» выражает пространственное отношение А и В, которое, конечно, не есть связь формы суждения. Предложение «Москва находится севернее Тбилиси» есть пространственное отношение, а не логическое отношение-суждение. Предложение «Наполеон взшел на трон после Французской буржуазной революции», или предложение «А есть после В» суть выражения временного отношения, отношения двух нечто во времени, а не отношения компонентов суждения. Такие отношения суть отношения вещей, а не суждения. Смешение суждения и отношения вещей, что характерно для логики отношения, следует считать ошибкой. Логика изучает определенные отношения мыслей, а не отношения вещей, которое является предметом изучения другой науки, или других наук.

Это не значит, что вышеприведенные предложения не выражают мысли и что как-будто существуют такие мысли, которые не выражаются в логических формах, — как-будто логические формы не распространяются на все мысли; нет, все мысли выражаются в логической форме, каждая мысль оформляется логически. Например, выраженная в предложении мысль, что «А находится вправо от В» логически оформляется следующими суждениями: «А есть предмет, лежащий вправо от В» или «А есть предмет, который находится вправо от В»; здесь предикат является более общим, чем субъект, поэтому тут можно говорить о суждении: а само пространственное отношение единичных вещей (А и В), конечно, не есть суждение. Предложение, в котором выражается равенство двух величин или количеств, например, « $A=B$ », будет представлено в виде суждения, тогда, если скажем, что «А и В *есть* равные величины», где «А и В» есть субъект, а «равные величины» является предикатом. Предложение «Москва находится севернее Тбилиси» оформляется суждением: «Москва есть город, который находится севернее Тбилиси». Предложение «А есть после В» логически оформляется в суждении «А есть предмет, существующий после В» и т.д.

Следовательно, т.н. суждения отношения представляют собой предикативные суждения. Без предикативности они выражают отношение вещей, т.е. не являются суждениями. Каждое общее понятие, например категории, в том числе и категории отношения, являются предикатами; а субъект может быть единичным, природа которого будет выражена в предикате. Предметы не создаются отношениями, а наоборот — предметы, согласно своей природе, находятся в определенных отношениях. Природа предметов определяет отношение. Поэтому, надо сказать, что даже такое предложение, как « $A=B$ », оформленное в суждении «А и В — равные величины», представляет собой синтетическое суждение, тогда как « $A=B$ » может быть тавтологией и в самом деле есть тавтология. « $A=B$ » имеет природу тавтологии, хотя эта формула не соответствует тавтологичности, поскольку различны стороны равенства: первая есть А, а вторая — В.

Предикативно и экзистенциальное суждение, поскольку в нем субъекту приписывается существование, поэтому, не нужно два «есть» (точнее — не нужны оба вместе: «есть» и «существует»). В математической логике суждение существования тождественно с единичным или с частным суждением.

В математической логике ни предложение, ни пропозициональная функция не суть суждения; в исчислении предикатов нет субъекта, а есть только схема или отношение вещей, которое не представляет собой суждения.

Признаваемое нами понимание природы суждения дает основание для непризнания т.н. сложных суждений. Сложные суждения признает тот, кто отождествляет суждение с предложением. Сложным считают такое суждение, которое представляет собой единство суждений. Единство суждений может быть выражено одним предложением и поэтому суждение считается одним, хотя оно есть единство суждений. Суждение или является простым, или оно не есть суждение. Поэтому нет сложных суждений. Сложные суждения, как соединение — единство суждений, логически могут быть только умозаключением, если из-

за «сложности» его составные элементы не теряют свойства суждения; если же они теряют это свойство, то оно будет простым суждением, а не сложным. Нельзя сказать и того, что поскольку каждое умозаключение есть единая мысль, постольку, как-будто, нет умозаключения, а есть только суждение, или, в худшем случае, — предложение, как это имеет место в математической логике, где и умозаключение отождествляют с предложением.

Сложными суждениями считают, например, **условные** и **разделительные** суждения: но условное суждение, как связь суждений, именно как «если А есть В, то С есть Д», есть не суждение, а выражение природы непосредственного умозаключения; поэтому ему придают форму: «если есть А, то есть В», или «если А, то В». Здесь тоже выражается принцип умозаключения, если «если-то» понимается как отношение основания-следствия (а не как импликация).

В математической логике «если-то» понимается не как отношение основания-следствия, а как импликация, где антецедент не равен основанию, и консеквент — логическому следствию. В математической логике «если-то» сводится к разделительному предложению, как более точному выражению природы импликации; «если А, то В» равняется «А или В» ($A \vee B$), что, конечно, имеет совершенно другой смысл, чем отношение основания-следствия; хотя это последнее содержит и такую сторону, что можно сказать: «или отрицание истинности основания или истинность следствия», где пропущена основная мысль отношения основания-следствия. В математической логике «если-то» понимается как отношение функций истинности и ложности; это отношение берется в четырех случаях: 1) из истины выводится истина, 2) из ложного ложное, 3) из ложного-истинное и 4) из истинного-ложное; только этот последний случай считается ложным, поскольку нельзя вывести из истины ложное; остальные случаи считаются правильными. Это обстоятельство хорошо знал и Аристотель, когда говорил, что из истины не выводится ложное, тогда как из ложного выводится ложное, из истины — истинное, и из ложного — истинное, хотя это последнее правильно в определенном случае; оно правильно фактически, поскольку имеются случаи вывода из ложных посылок истинного заключения, но имеются и такие случаи, когда из ложного не выводится истинное; ложным называется именно то, из чего выводится как ложное, так и истинное; если из ложного выводилось бы только ложное, то не было бы трудности, для получения истины достаточно было бы обращение ложного. Поэтому и говорит Аристотель, что такое выведение не отвечает на вопрос «почему»²⁴.

Но надо сказать и то, что отношение истины-ложности в логике Аристотеля есть отношение основания-следствия, такое отношение, когда из содержания основания вытекает содержание следствия, тогда как в математической логике рассматриваются функциональные отношения, имеющие характер совершенно внешней связи; например, такие: 1) «если $2X^2=4$, то снег белый», что представляет истинную импликацию, и 2) «если $2X^2=4$, то снег черный» (ложная импликация). Здесь конечно, нет отношения основания-следствия.

Условное суждение «если-то», как отношение основания-следствия, есть предложение, в котором выражается принцип умозаключения; «ос ли есть основание, то есть следствие»; связь же основания-следствия есть умозаключение; соединение суждений посредством «если-то» есть умозаключение, а не суждение.

Но «если-то» можно понять и как суждение, простое суждение, если в нем подразумевается и своеобразно высказана мысль категорического суждения, как суждения синтетического, или точнее, если в нем высказано выдвижение на первый план момента синтетичности категорического суждения, а не единства суждений, т.е. если в нем высказано приблизительно то, что Гегель называл истиной категорического суждения. Это обстоятельство заключается в следующем: в категорическом суждении — S есть P — подразумевается, что если есть S, то оно имеет свойство P, как нечто отличное от S. В этом смысле «если есть А, то есть В» есть простое суждение, представляющее, вместе с тем, требование перехода суждения в умозаключение.

«Если есть А то есть В» означает и то, что В отличается от А; поэтому, в определенном смысле, верно следующее: «если есть А, то есть не-А (В)». Именно из этой синтетичности суждения вытекает необходимость для него умозаключения и возможность перехода суждения в умозаключение (как это мы увидим ниже).

Одним словом, «если есть А, то есть В» только тогда есть суждение (конечно, «простое» суждение),

²⁴ Аристотель. Первая аналитика, ч. II, гл. 2.

когда око понимается, как более точное выражение синтетичности, существующей в категорическом суждении; а так, условное суждение есть единство суждений, и в таком случае око есть умозаключение (представленное с неполной ясностью) или предложение, выражающее принцип умозаключения.

Сложным считается и разделительное суждение — «А есть или В, или С, или Д» — и понимается как определенная связь суждений. Если разделительное суждение есть связь суждений, то оно может быть умозаключением, а не суждением, так как: в нем «или-или» есть взаимоисключение, виды исключают друг друга, а родом этих видов будет их определенное единство, т.е. целиком суждение будет единством противоположностей — полной синтетической связью. Единство противоположностей, как полная опосредствованная связь, может быть умозаключением, а не всего лишь суждением.

Если «разделительное суждение» есть суждение, то оно должно быть суждением простым, означающим развитие мысли условного суждения до крайности, т.е. так, чтобы здесь ясно был виден (представлен) предел суждения, именно, тот момент, где суждение превращается в умозаключение (подобно «бесконечному» суждению, что было показано выше). Если условное суждение выдвигает вперед синтетичность суждения категорического, то разделительное суждение есть та же синтетичность, дошедшая до единства противоположностей, хотя формально-логическое разделительное суждение исключает это обстоятельство (хотя и опирается на него).

Сложными считаются как т.н. обще-разделительные, так и обще-исключающие суждения. Если здесь мы имеем дело с единством суждений (и именно потому называют их сложными), то надо сказать, что они представляют не суждения, а умозаключения. Если это не так, то они предложения, а не суждения, именно, такие предложения, где неопределенно соединяются различные суждения, подразумевающиеся в умозаключениях.

Обще-исключающее суждение «все металлы, кроме ртути, являются твердыми телами» есть предложение, в котором подразумеваются две мысли — два суждения: 1) «некоторые металлы являются твердыми» и 2) «некоторые металлы не являются твердыми» (их единством будет (единство противоположностей, поскольку оно объединяет два момента: «есть» и «не есть»). Предложением является также и «обще-выделительное суждение» — «только человек есть животное, изготовляющее орудия» которое подразумевает и другую мысль, что другие животные не могут изготовлять орудия. Слово «только» противопоставляет друг другу две мысли — два суждения. Это обстоятельство означает, что здесь мы имеем не суждение, а один момент умозаключения, как опосредствованной связи, а именно, противоречие двух суждений в умозаключении-доказательстве. Слово «только» (и «некоторые» частного суждения, которое мы рассматривали выше) есть та часть предложения, которая указывает на необходимую связь одного суждения с другим. Здесь берется определенно тот момент, который является необходимым для перехода суждения в умозаключение. Формальная логика не рассматривает такие переходы и поэтому в ней имеет место неопределенность представления таких (вышеотмеченных) моментов в виде суждений, так сказать, искусственных «суждений», которые представляют собой предложения, а не суждения. «Сложное суждение» есть предложение, которое ошибочно считается видом суждения; некоторые предложения считаются суждениями, что означает отождествление суждения с предложением, а это, как мы убедились, означает ошибку. Такое смешение приносит вред как логике, которая изучает суждения, так и тем наукам, которые изучают предложение.

В математической логике, как это было отмечено и выше, вместо суждения берется предложение, которое математическими способами (например, с помощью подстановки) «выводится» из пропозициональной функции. Пропозициональная функция есть явление языка, имеющее грамматическую форму положительного предложения, но содержащее переменную, о которой пока ничего не сказано; эта переменная, так сказать, есть пока пустое место. Например X есть человек. Пропозициональная функция становится предложением тогда, когда мы вместо переменной подставим единичное, например, Сократа. «Сократ есть человек» есть предложение. Предложение является или ложным или истинным, тогда как сама пропозициональная функция — ни истинна, ни ложна. Правда, пропозициональная функция имеет грамматическую форму предложения, но она, вследствие сказанного, есть не грамматическое явление, а математическая схема, которая превращается в предложение не только подстановкой единичного взамен переменной, но и кванторами (операторами) «все» («все X»), «существование» («существует X») и логическим отрицанием (напр., нет такого X, чтобы $X + 5 = X + 6$).

Пропозициональная функция, напр., «X есть человек», есть одна из грамматических форм предложения. Имеются и другие его формы. Например $(a + b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$; это общее предложение,

поскольку оно правильно для всех значений a и b . Первая форма отличается от второй тем, что в первом случае переменные являются свободными, а во втором случае имеются связанные переменные. В случае связанных переменных имеем всегда истинное выражение, тогда как в случае свободной переменной подстановки получаем или истинное или ложное предложение. Имеется и третья форма предложения, это «суждение существования», например, «существуют такие люди X , которые написали более одной книги». Такие предложения близко стоят к частным суждениям традиционной формальной логики, но совершенно отличаются от ее экзистенциальных суждений. Таким образом, получается три вида «суждения»: общее, существования и единичное «суждения» (единичное есть, напр., «это есть человек»), которые существенно отличаются от суждений соответствующих названий в традиционной логике. В математической логике окончательно отрицается субъект суждения, суждение сводится к предикату.

Логику называют формальной, поскольку в ней стало системой применение переменных. А это, по нашему мнению, возможно только при внесении в логику математики, превращении логики в математику.

Таким образом, рассмотрение суждения убедило нас в том, что оно есть односторонность логического, которая нуждается и с необходимостью требует умозаключения, как целого, единства. Это не означает необъективности суждения; нет, суждение есть логико-объективная односторонность. Правда, суждение есть односторонность, но оно представляет собой и категорию. Суждение есть категория логического, оно имеет природу логической рефлексии. В суждении имеется категорическая абсолютность (которая оправдывается в умозаключении), состоящая в том, что отрицание суждения представляет собой суждение, утверждает его же.

§ 106. О переходе суждения в умозаключение

Логический переход суждения в умозаключение рассматривает только диалектическая (а не формальная) логика. «Переход» означает не что иное, как синтетически-логическую связь²⁵, например, суждения с умозаключением. Эта связь, в сущности, есть логическая необходимость, например, необходимость умозаключения для суждения. Это осуществление субординации — необходимости логического подчинения суждения умозаключению, подчинение простого (суждения) более сложному (умозаключению). «Переход» есть своеобразное логическое выведение умозаключения из природы суждения, а не отождествление суждения с умозаключением²⁶. «Переход» есть синтетически-логическая субординация, как своеобразное развитие. Надо отметить несколько моментов перехода суждения в умозаключение.

§ 107. «Бесконечное» суждение и умозаключение

Как было сказано, т.н. бесконечное суждение (суждение есть логическое конечное, а не бесконечное; бесконечное логическое есть только определенное умозаключение, умозаключение, которое мы ниже рассмотрим специально) приводит к пределу суждения и к смыслу умозаключения, поскольку оно доходит до исчерпывания понятия и до единства противоположностей. Исчерпывание понятия осуществляется противоречием — противоречием между A и не- A , которое возможно, и в этом смысле требует единства, как основания.

Такое же положение имеется, как мы знаем, в разделительном суждении, где род есть единство, а виды исключают друг друга, т.е. составляют противоречие, которое опирается на род и осуществляется в нем. Это «разделительное суждение» должно состоять из двух членов, поскольку противоречие состоит только из двух полных конечных сторон.

По нашему мнению, «разделительное суждение», как простое суждение, сводится к «бесконечному» суждению (к смыслу «бесконечного» суждения в нашем понимании); иначе и не может быть, поскольку мы имеем дело именно с суждением — с утверждением-отрицанием, что, как единство противоположностей, составляет смысл, как «разделительного», так и «бесконечного» суждения.

«Бесконечное» суждение бесконечно именно потому, что оно выходит за пределы конечного,

²⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 38, изд. четвертое, стр. 218.

²⁶ См. о переходе суждения в умозаключение, стр. 307 — 308.

поскольку: 1) противоречие исчерпывает конечное, 2) единство противоречия есть бесконечное, содержащее конечное, которое (бесконечное) уже не есть суждение. Так совершается переход из сферы суждения в сферу умозаключения, как в сферу полной опосредствованной связи (этот «переход» существенно отличается от того перехода, который признается Гегелем)²⁷.

§ 108. Природа копулы и умозаключение

Природу копулы суждения мы рассмотрели выше, — здесь она нас интересует с точки зрения перехода к умозаключению. Как было отмечено выше, В. И. Ленин согласен с точкой зрения Гегеля о природе копулы. В. И. Ленин согласен с положением Гегеля о том, что копула показывает (указывает) то, что «единичное, субъект, есть постольку-же не единичное, а общее (... vom Einzelnen dem Subjekte, aussagt, dass das, *Einzelne ebenso sehr nicht Einzelnes, sondern Allgemeines ist*». Подчеркнуто Лениным — С. Ц.).

На одной стороне выписки В. И. Ленин пишет: «отдельное = всеобщему», а на другой стороне отмечает: «диалектика понятий и ее материалистические корни»²⁸. Эта природа копулы непосредственно указывает и представляет то, что здесь имеется переход одного понятия (субъекта) в другое (в предикат); это переход от единичного к общему, как к своей противоположности. В действительности здесь имеется не два понятия, а развитие одного понятия, в начале чего оно представлено в виде субъекта, а в конце — в виде предиката, так что понятие есть единство единичного и общего, а не какая-нибудь его сторона.

Вышеприведенное понимание копулы суждения свидетельствует о том, что суждение, согласно своей природе, которая осуществляется в копуле, с необходимостью требует единства противоположностей, односторонность которого оно представляет; суждение требует того целого-единства, моментом которого оно и является. Поэтому, можно сказать, что суждение само является переходом (переходом от суждения к умозаключению).

§ 109. Суждение как переход

Как только-что было отмечено, природа копулы показывает, что само суждение является переходом, именно, переходом от единичного к общему.

Но суждение является переходом и в том смысле, что оно есть ничто без перехода в противоречащее — без связи с противоречащим; суждение имеет смысл благодаря противоречащему суждению; «единичное есть общее» представляет собой даже нелепость без того, если «единичное не есть общее». «Жучка — собака» невозможно, если Жучка и собака не являются различными в том смысле, что «Жучка не есть собака», как это было выяснено выше. Суждение имеет смысл, как именно односторонность, т.е. как нечто такое, для чего необходима другая односторонность (и целое-единство этих односторонностей). Как было выяснено выше, отрицательный момент положительного суждения придает ему смысл как суждению синтетическому, хотя этот отрицательный момент должен оформиться и оформляется отдельным, именно отрицательным суждением. Поэтому надо сказать, что здесь имеется переход одного суждения (положительного) в другое (в отрицательное) и наоборот; постольку осуществляется требование их единства; если положительное суждение с необходимостью требует отрицательного и наоборот, то это означает, что необходимо их единство — единство противоположных суждений. Это единство необходимо для каждого суждения, которые без единства невозможны. Каждое из них невозможно без противоположного суждения и без единства с ним. Требование единства противоположных суждений, т.е. требование полной опосредствованной связи, есть требование умозаключения, переход суждения в умозаключение, необходимость умозаключения для суждения; умозаключение оправдывает суждение; суждение оправдывает само себя в умозаключении (отмеченным здесь утверждается и то, что мы должны понимать Умозаключение, как необходимую опосредствованную связь, в конечном счете, как единство противоположностей, а не только «выведение»).

§ 110. Суждение как заключение

²⁷ Hegel, W. d. Logik, II, стр. 307-308; см. также нашу книгу «Рациональное зерно в теории умозаключения Гегеля», 1959, стр. 203-228 (на груз. яз.).

²⁸ В. И. Ленин, т. 38, изд. четвертое, стр. 191 (на груз. яз.).

Вышерассмотренное означает, что суждение требует оправдания себя в умозаключении-доказательстве. Суждение, подлежащее оправданию или оправданное, есть заключение или тезис. Таково каждое суждение, которое есть всегда односторонность (поскольку оно неэнтимемно) и поэтому имеет смысл целым и в целом, как в единстве. Очевидно, что суждение, как заключение (или тезис), логически требует посылок; единство же заключения и посылок есть умозаключение. Природа суждения заключается в переходе к умозаключению, представляет собой этот переход.

Поскольку каждое суждение есть заключение — требует противоположного и содержит в себе его признак, — постольку каждое суждение требует доказательства (здесь психологическая очевидность исключается). Каждое суждение должно оправдаться и оправдывается в умозаключении-доказательстве (которое не всегда является применением внешнего основания, как это мы покажем ниже); следовательно, каждое суждение проще и ниже умозаключения. Постольку переход от суждения к умозаключению есть логическое развитие.

Это развитие, как переход от заключения к посылкам, от следствия к основанию, в формальной логике считается невозможным (является ложным модусом условно-категорического силлогизма), хотя индукция (как это мы выясним ниже) есть именно такой переход, поскольку при переходе от частного к общему общее понимается как основание частного. Необходимость перехода от следствия к основанию есть необходимость редукции, неясная в формальной логике, но определяемая, диалектической; этим будет показана и природа отмеченного здесь развития (на этом более подробно мы остановимся ниже — в теории доказательства).

Таким образом, суждение, как заключение, означает уже переход к умозаключению.

§ 111. Суждение как основание

Вышесказанное означает и то, что суждение есть основание не только в том смысле, что обычно посылка есть суждение, являющееся основанием для заключения, а и в том (и это для нас главное), что переход от суждения к умозаключению возможен только в том случае, если это суждение каким-то образом является основанием; переход совершается от основания к следствию; но если мы имеем дело с обратным положением, то и тогда следствие должно быть каким-то своеобразным основанием, в противном случае, логический переход от него к другому был бы невозможным, его вообще бы не было.

Переход от суждения, как основания, к умозаключению, конечно, не есть переход от внешнего основания к внешнему следствию; нет, так как и основание и следствие являются составными частями умозаключения. Это — восхождение суждения к умозаключению, «восполнение» одного суждения другим, т.е. уже умозаключение. Умозаключение есть единство суждений, как основания и следствия. Переход суждения к умозаключению есть переход своеобразного частного, именно односторонности, к общему, как единству; это переход от содержательного частного к содержательному общему и поэтому — своеобразная индукция; вернее, в нем оправдывается смысл индукции. Это индукция, где основание есть суждение, как частное, а следствие является общим, что и представляет умозаключение. Переход от суждения к умозаключению есть своеобразная индукция, логическая индукция именно в логических формах. Как это будет выяснено ниже, такой переход-развитие является диалектико-логическим переходом и не сводится к той индукции, на природу которой мы только что указали.

При переходе суждения к умозаключению суждение есть основание, поскольку, как это будет выяснено ниже, положительное суждение, которое всегда синтетично, содержит момент отрицания, оформляемый в виде отрицательного суждения и поэтому положительное суждение с необходимостью связывается с отрицательным; эта необходимая связь суждений составляет определенную опосредствованную связь, которая должна быть названа умозаключением (об этом, более подробно, см. в теории умозаключения). Необходимое единство положительного и отрицательного суждений есть определенное умозаключение, которое имеет две противоположные стороны — моменты. Как это будет выяснено в последующем, и было только что отмечено, это единство получается не одним суждением, а двумя; постольку, эти два суждения, как два частных, две полные односторонности, будут основанием собственного единства. Суждение, как односторонность и вместе с тем как основание, оправдывает само себя в умозаключении, хотя оправдание умозаключения, как его возможность, производится суждением. В этом смысле суждение есть основание. Основанием называется оправдывающее. Если суждение оправдывается в умозаключении, то основанием будет умозаключение. Но оправдание умозаключения

производится суждением, без которого оно невозможно. Полное представление суждения, как преодоление его односторонности и переход к единству, использует его (суждение) в качестве определенного основания. Восполнение мысли суждения необходимым для него противоположным суждением есть уже не суждение, а умозаключение — переход к умозаключению. Следовательно, суждение есть определенное основание, (хотя с другой стороны, как было сказано, оно является и следствием).

§ 112. Антиномичность суждения

Суждение по своей природе антиномично. Это обстоятельство было рассмотрено выше, но здесь нужно, с этой стороны, более определенно представить то, что до сих пор содержало неопределенность.

Суждение антиномично, поскольку, как было сказано: 1) положительное суждение содержит момент отрицания, который оформляется отрицательным суждением; «Жучка — собака» содержит и то, что Жучка, как единичное, не есть собака, как общее; наоборот, они противоположны друг другу. В более общем понимании: «частное есть общее» и «частное не есть общее» суть противоречащие суждения, но представляют одно и то же суждение, выражают мысль одного и того же суждения; точнее, одно и то же суждение раздваивается на две противоположные стороны; «частное есть общее» содержит свою противоположность «частное не есть общее». Наличие антиномичности очевидно. 2) Эта антиномичность характерна для синтетического суждения, но надо сказать и то, что, как это было и выше отмечено, тавтологическое суждение тоже является антиномичным, поскольку его положительность тождественна с отрицательностью, — тавтологичность ничего не выражает. 3) Как было отмечено, суждение есть как следствие так и основание, как оправдываемое, так и оправдывающее; как должна разрешиться эта противоположность? На это, как было сказано, окончательного ответа само суждение не дает.

Таким образом, природа суждения антиномична. Но было сказано и то, что в суждении противоположности находятся в единстве; это оправдывает суждение, но логическое единство противоположностей больше чем суждение, оно представляет собой умозаключение-доказательство. Антиномичность суждения должна разрешиться, в противном случае суждение будет нелепостью; эта трудность разрешится в умозаключении (именно, в бесконечном умозаключении), как в положительно-диалектически-логическом. Антиномичность суждения является отрицательно-диалектико-логической. Эта антиномичность разрешится, — т.е. ее снятие-сохранение (а не упразднение) дано в умозаключении, которое имеет положительно-диалектически-логическую природу. Здесь ясно видна необходимость умозаключения для суждения, необходимость перехода суждения в умозаключение.

Как увидим ниже, антиномичность суждения более ясно выражена в непосредственном умозаключении; полное же опосредствованное умозаключение разрешает ее, разрешает диалектически, т.е. сохраняет противоречие, а не упраздняет его. Это означает, что проблема суждения разрешится в полном умозаключении-доказательстве. Этим исчерпывается и природа логического. Поэтому, суждение есть необходимая, но недостаточная форма логического; кроме нее необходимы и другие формы

ГЛАВА ВТОРАЯ (6) **НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ**

§ 113. Понятие непосредственного

Можно сказать (и говорят так), что непосредственное есть то, чему ничего не предшествует, т.е. то, что есть начало; например, непосредственное познание есть чувственное — «живое» созерцание, поскольку ему не предшествует фактически никакое познание; говорят, что «познание» начинается с опыта; но «живое созерцание», как непосредственное познание не является тем, чему ничего не предшествует. Любому познанию предшествует предмет, познанием которого оно является и поэтому опосредствовано предметом. Но чувственное познание непосредственно в том смысле, что оно есть первое — начало в познании, что его никакое другое познание не опережает; начальное познание, начало познания непосредственно именно с точки зрения познания. То, чему ничто не предшествует — абсолютно непосредственно. Такова, например, вся действительность; в этом смысле она непосредственна по отношению к самой себе, но надо сказать и то, что нельзя взять целиком всю действительность и начать поиски предшествующего ей сущего, поскольку действительность во всех отношениях бесконечна.

Поэтому, говоря о непосредственности чего-либо, имеют в виду первое среди подобных себе, то, чему не предшествует определяющее такой же природы. В этом смысле говорят о живом созерцании, как о непосредственном познании. Такое непосредственное есть начало, в данном случае — начало познания, первое познание.

Непосредственное, как первое, может быть понято по-разному; например, с точки зрения Аристотеля, «первым для природы» является наибо́льшее; а «для нас первым» является частный предмет¹ (с точки зрения индуктивного познания). Существует точка зрения, согласно которой непосредственно не чувственное познание, а интеллектуальная интуиция, т.е. непосредственность, существенно отличающаяся от чувственной интуиции. Примером интеллектуальной интуиции может служить интуиция, подразумеваемая, например, в аксиомах геометрии; аксиомы геометрии являются интуитивными, а именно, интеллектуально интуитивными положениями.

Но здесь нас интересует не начало познания или интуитивное познание, не непосредственное с точки зрения познания, а непосредственное с логической точки зрения. Здесь надо отметить, что интуиция, как непосредственная, не имеет логического характера; поэтому она не входит в понятие логического непосредственного; логически непосредственное отличается от интуиции, имеющей или познавательный, или психологический смысл; интуиция есть психологическое явление, психологическое состояние субъекта, или определенное состоянием субъекта познания, что не может подразумеваться в логическом. Никакая интуиция не может быть логическим непосредственным, оно — нечто иное.

Из вышесказанного вытекает, что логически непосредственным может быть то, чему не предшествует другое логическое, что является логически первым, первым по отношению к какому-нибудь логическому, или началом вообще логического. Как в одном, так и в другом случае мы имеем дело с непосредственным в логическом смысле. Одним словом, непосредственное есть то, что является первым, чему не предшествует другое. Например, начало доказательства является первым и непосредственным для доказательства. Поэтому-то начальные положения доказательства — аксиомы — относят к сфере непосредственного. С точки зрения доказательства, непосредственно то, что не доказывается другим, то, что есть первое по линии доказательства, что не имеет другого логического основания. Логически непосредственное есть недоказанное, недоказанное именно другим логическим. Если в доказательстве имеется нечто беспосылочное, недоказанное, то оно и будет логически непосредственным. Иначе говоря, логически непосредственным является то, чему не предшествует логически его определяющее, то, что в этом смысле логически неопределено. Но ведь в доказательстве может быть такое положение, когда нечто логически не опережается другим, но, несмотря на это, определено другим нечто, определено не предшествующим, а следствием и последующим. -Когда началом доказательства считают аксиомы, тогда *они* логически не определяются ничем предшествующим, но своеобразно определяются тем, аксиомами чего они являются: поэтому и существуют разные аксиомы разных геометрических систем, разные аксиомы разных систем математической логики, что нельзя обосновать различные системы одними и теми

¹ Аристотель, Физика. 184а; «Вторая аналитика», кн. I, 71в-72а.

же аксиомами.

Поэтому можно сказать, что непосредственно то, что не определяется ни предшествующим, ни последующим. То, что определяется последующим, будет и опосредствовано им. Следовательно, логически непосредственное есть логически неопределенное. Непосредственное есть неопределенное. Всякое определенное нечто будет опосредствованным, а не непосредственным.

Таким образом, логически неопределенное есть беспосылочное и бесследственное — оно не имеет ни посылок, ни следствий. Нечто, связанное с другим, обязательно есть определенное, опосредствованное, а не непосредственное. Если нечто непосредственно есть другое нечто, то между ними не будет различия, они будут тождественными; здесь имелось бы повторение. Нечто не будет непосредственным, если оно связано с другим: 1) или посредством нечего, или 2) без этого «посредника», но связано с отличным от него, где связь определяется отрицанием, где одно нечто опосредствовано чем-то отличным от него

Непосредственное, как неопределенное, логически неясно. Каждое логически ясное есть определенное. Каждое логически определенное опосредствовано логически.

Но если непосредственное неясно, то логическое непосредственное будет невозможным, поскольку невозможно неясное логическое, поскольку логическое всегда ясно. Мы выше говорили не вообще о неясном, а о неопределенном неясном. Но ведь то, что не определяется другим, может быть ясным и определенным в самом себе. Ведь тождественное с самим собой должно быть совершенно ясным? Ясность является результатом именно тождественности. Поэтому и считается одним из законов логического именно закон тождества. Постольку надо сказать, что логически ясное непосредственное есть то, что тождественно самому себе; логическая непосредственность состоит в тождестве по отношению к себе. Уточненное таким образом понятие непосредственного можно выразить словами: «вот это», «это есть это» (логическое «это»).

Постольку надо сказать, что непосредственное, понятое таким образом, есть не только нечто, как начало, именно как начало опосредствования, но и следствие опосредствования. Например, непосредственны как начало определения понятия, поскольку оно еще не определено, так и результат определения, поскольку именно вследствие определения и получается понятие, как «это», тождественное себе. Завершенное понятие (незавершенного понятия нет) тождественно себе, непосредственно. Непосредственность, как тождество с самим собой, касается всего, таково все существующее. Нет ничего без непосредственности; в данном смысле, все непосредственно.

Если непосредственность есть тождество с самим собой и положение «нечто непосредственно есть другое» означает их тождество, то непосредственность есть неразличенность; где есть различие, там есть и определенность, поэтому нет непосредственности. Но «неопределенность» можно понимать двояким образом: неразличенность от другого и неразличенность в самом себе. То, что не различается от другого, тождественно другому, непосредственно есть другое; а, то, что различается от другого, тождественно себе. Но различенное от другого и тождественное себе может в самом себе — внутри себя — быть различенным, иметь внутреннюю различенность. Такое нечто имеет внутреннюю опосредствованность, оно не будет внутренне непосредственным.

Следовательно, можно сказать, что непосредственное, в смысле отношения к другому, может быть в самом себе опосредствованным; «вот это», может иметь внутреннюю определенность, внутреннюю различенность-опосредствование, но, взятое целиком, быть непосредственным. Таковы, например, понятие, полученное в результате определения, суждение, умозаключение. Понятие, как понятие, есть непосредственно взятое понятие. То же относится к суждению и умозаключению, хотя в них имеется различенность и опосредствование, известная опосредствованность.

Таким образом, всякое логическое, как ясное, не может быть только непосредственным, чистой непосредственностью. Ничего не может быть только непосредственным. Чистое непосредственное логически невозможно, поскольку логическое всегда есть нечто определенное. Логически невозможно только непосредственное, отдельно взятое непосредственное., поскольку такое отделение само есть совершенно определенное опосредствование. Так что, как это мы докажем. (см. ниже о понятии опосредствования), положение «все существующее непосредственно» означает, что все существующее имеет, момент или сторону непосредственности; поэтому нет ничего только непосредственного. Логически, категориально (в общелогической форме) понятие непосредственности подразумевает понятие опосредствования. Оба эти понятия — категории — соотносительны, имеют смысл по отношению друг к другу. Поэтому и необходимо их единство, их нераздельность, но это уже характерная черта природы

опосредствования. Непосредственность снимается ответом на вопрос: что такое непосредственное? Определение непосредственного есть уже опосредствование. Поэтому опосредствование имеет место как в понятии, так и в суждении, хотя они и непосредственны, особенно по сравнению с опосредствованностью умозаключения.

§ 114. Понятие непосредственного умозаключения

Данное выше определение суждения показало, что непосредственное умозаключение есть результат завершения суждения, но оно есть и начало другой — отличной от суждения — логической формы мысли. Поэтому оно опосредствовано суждением, но как начало умозаключения непосредственно. Это относится и к суждению. Субъект суждения есть начало — непосредственное в суждении; так же и само суждение, как таковое, есть непосредственное, оно есть определенное «это» — тождественное себе; хотя внутри суждения имеет место опосредствование, именно, опосредствование субъекта предикатом; предикат определяет субъект, опосредствует его; синтетическое суждение, как мы знаем, содержит отрицание, т.е. имеет в самом себе различие и опосредствование. Но суждение непосредственно также и в том отношении, что оно есть начало умозаключения; умозаключение начинается суждением.

Как было отмечено, синтетичность суждения, и поэтому само суждение, требует оправдания; его природа содержит противоположность, которая должна разрешиться, что и будет оправданием суждения. Это оправдание осуществляется переходом в умозаключение и умозаключением. Началом оправдания синтетичности суждения является непосредственное умозаключение, как первое умозаключение. Суждение оправдывается в умозаключении-доказательстве. Поэтому необходимо и нужно доказательство суждения, что, как видно из сказанного, также и возможно.

Непосредственное умозаключение непосредственно только сравнительно с опосредствованным умозаключением, вообще же логическое мышление не может быть только непосредственным. Как было сказано, необходимая опосредствованность есть и в суждении; тем более не может быть непосредственным умозаключение. Любое умозаключение и любое абстрактно-логическое опосредствованны (являются единством непосредственности и опосредствования). Поскольку непосредственное умозаключение непосредственно по сравнению с опосредствованным, природа первого будет выяснена только при рассмотрении второго.

Непосредственным умозаключением называют выведение одного суждения из другого, а именно такое, когда между ними нет ничего; в непосредственном умозаключении нет среднего. В качестве посылки непосредственного умозаключения берется одно суждение, из которого с необходимостью получается второе, как заключение, как следствие. Непосредственное умозаключение есть первый, простой вид отношения основания-следствия, их необходимой связи.

Такое понимание непосредственного умозаключения правильно, но, мы должны к этому добавить следующее: в каждом выведении, в каждом умозаключении есть момент непосредственности, именно, тождественность с самим собой, то, что эта мысль есть именно «эта». Как посылка, так и заключение непосредственного умозаключения являются непосредственными, но между, ними имеется опосредствование, поскольку основание — посылка опосредствует следствие и следствие определяет свое основание, поскольку основанием называется основание следствия, а следствием — следствие основания.

Надо отметить, что и переходы категорий друг в друга представляют собой непосредственные умозаключения. Количество, как таковое, есть его качество; частное, как таковое, есть общее и т.д. Понятие количества есть определенное основание понятия качества; частное есть определенное основание общего (это и придает смысл индукции) и т.д. Все это не значит, что непосредственное умозаключение не отличается от суждения. «Частное есть общее» представляет собой суждение, но, «если есть частное, то есть общее», является непосредственным умозаключением, поскольку здесь имеется отношение основания-следствия; а в первом случае (в случае суждения) мы имеем дело с отношением предикации. В суждении имеется субъект и предикат, а в умозаключении основание и следствие.

Непосредственное умозаключение есть логический переход от основания к следствию, (или наоборот), когда из природы логической определенности основания прямо — помимо третьего — вытекает второе, другое, как следствие (или наоборот). Этот переход подчиняется принципу: «если есть А, то есть В», но так, что это («если-то») означает: 1) отношение основания-следствия (а не импликацию математической логики), 2) синтетичность в переходе, 3) то, что переход есть мысленный, т.е. содержательный; это

содержательная форма, а не схема, мысленный переход, а не связь символов.

Непосредственным умозаключением является любое логическое отношение двух суждений, их необходимое отношение. Таковы превращения суждений, так же т.н. сложные суждения, рассмотренные выше (именно выше было отмечено, чем, например, отличается: условное суждение, как суждение, от «условного суждения», как непосредственного умозаключения, также, — разделительное суждение от «разделительного суждения», как умозаключения и т.д.).

Как увидим в последующем, непосредственное умозаключение есть момент каждой опосредствованной логической связи — опосредствованного умозаключения. Невозможно никакое умозаключение без непосредственной выводной связи. Непосредственная выводная связь является одной стороной каждой синтетической опосредствованной связи; аналитические же опосредствованные умозаключения прямо являются непосредственными умозаключениями.

§ 115. Тавтологические непосредственные умозаключения

Непосредственные умозаключения, рассмотренные в старой формальной логике, аналитичны, тавтологичны; здесь непосредственное умозаключение есть выражение одной и той же мысли различными предложениями, тогда как оно должно быть необходимым выводением из одной мысли отличной от нее мысли, что в старой логике неясно. Возьмем несколько примеров тавтологического непосредственного умозаключения.

Обращение (*conversio*) есть непосредственное умозаключение в отношении предиката суждения (посылки). Из данного суждения выводится суждение, где субъект и предикат, сравнительно с посылкой, меняются местами; например, «все люди смертны, следовательно, некоторые смертные — люди». Здесь в заключении та же мысль, что и в посылке, В посылке речь идет о всех людях, а не о всех смертных, поэтому и в заключении говорится, что не каждое смертное есть человек. Если человек смертен, то в «смертности» есть такое нечто, которое совпадает с одним признаком человека; обращение производится на основании этого тождества, вследствие его (именно вследствие этого осуществляется простое обращение суждения, высказывающего определение). Здесь умозаключение является повторением одного и того же признака (если не принять во внимание объем, на который опирается обращение; если мы примем во внимание объем, тогда аналитичность умозаключения становится очевидной, поскольку «некоторые» есть часть «всего» и прямо вытекают отсюда), так как в человеке признак смертности будет, конечно, признаком смертности в человеке. В этом состоит смысл обращения и ясно видна его тавтологичность; а тавтологичность в умозаключении ничего не дает, поэтому указанное умозаключение не является умозаключением. Именно поэтому и спорят: есть ли оно умозаключение или превращение суждения.

Когда вышерассмотренное непосредственное умозаключение считается умозаключением, тогда различие предложений принимается за различие суждений; имеется в виду не различие мыслей, а различие словесных выражений. Правда, общие и частные суждения различаются друг от друга логически, но в вышерассмотренном умозаключении в форме общего и частного взяты только предложения, а не мысли — суждения.

Действительное непосредственное умозаключение осуществляется во взаимосвязи категорий и на их основании — их предположением, например, во взаимосвязи «человека» как «частного» и «смертного» как «общего» (категории и их взаимосвязи действуют в их проявлении, хотя не так определенно); поэтому, «человек смертен» как посылка, дает заключение: «смертный не есть человек», поскольку смертный и человек не одно и то же (невозможно чистое тождество никаких двух свойств). Здесь имеется какая-то неясность, которую можно снять, если мысль выразим только категориями; «частное есть общее» содержит вторую сторону (поэтому и выводится из него) — «частное не есть общее». То обстоятельство, что частное есть его противоположное — общее, ясно, содержит то, что частное не есть общее и поэтому это последнее непосредственно вытекает из него. Из положительного вытекает отрицательное, которое подразумевается им, но этим оформляется то, что было неоформленным. Необходимость отрицательного для положительного означает то, что здесь имеется синтетическая связь, именно, осново-следственная связь противоположностей. То, что было сказано в отношении вышерассмотренного умозаключения, относится и к обращению других суждений.

Выше охарактеризованная мысль обращения прямо переходит (формальной логикой этот переход не

принимается во внимание) во второй вид непосредственного умозаключения — в превращение (*obversio*), которое представляет собой установление отношения субъекта посылки с противоположным предикатом; например, «человек смертен, следовательно, человек не бессмертен». Здесь тоже повторение одного и того же, хотя посредством отрицательного признака, который характерен для формы предложения, а не для мысли — не для формы суждения; но, вместе с тем, этот отрицательный признак и вся эта связь требует синтетичности, поскольку друг с другом должны связаться формы положительности и отрицательности; иначе говоря, для того, чтобы указанная связь предложений была прямым выражением связи соответствующих суждений, необходима связь формы положительности с формой отрицательности, как связь именно логических, а не только грамматических форм. Логическая связь логических форм положительности и отрицательности не была предусмотрена старой логикой; она и не могла предусмотреть это, поскольку не рассматривала и не рассматривает категорий, связи категорий, тогда, как они-то и составляют основание и сущность того, что рассматривается в формальной логике.

Превращение во всей полноте представлено во взаимосвязи категорий. Из суждения «частное есть общее» непосредственно вытекает, что «частное не есть необщее», но это последнее есть повторение первого и поэтому необходимая связь формы положительности с формой отрицательности здесь не осуществляется. Такая связь осуществляется тогда, когда частное связывается с нечастным, а это имеет место в отрицании, которое подразумевается первым суждением. «Частное есть общее» уже означает, что «частное есть нечастное», поскольку нечастное есть общее; с другой стороны «частное есть общее» означает, что «частное не есть частное» (а общее). Но это уже больше, чем обыкновенное превращение.

Тавтологические умозаключения переходят в свою противоположность.

Другие известные виды непосредственного умозаключения ничего нового не дают. Сказанное показывает, как приходит старая логика к логике диалектической.

§ 116. Логический треугольник

Логический треугольник получается из «логического квадрата», если мы отношения этого квадрата возвысим до логического отношения категорий.

В логическом квадрате: 1) противоположность (контрарность) — отношение обще-положительных (А) и обще-отрицательных (Е) суждений, как непосредственное умозаключение — не является: а) взаимоисключением и б) обратимым отношением; если А истинно, то Е ложно, но если А ложно, то Е не обязательно истинно — возможно, что и Е будет ложным; умозаключение осуществляется односторонне, т.е. обращение не совершается прямо, поскольку здесь нет взаимоисключения. Такова природа контрарности, когда общее имеет объемный характер. 2) Взаимоисключение и обращение осуществляется тогда, когда имеется контрадикторное отношение, противоречие; исключают друг друга и находятся в противоречии А и о, Е и і, принятие одного есть отрицание второго и наоборот, т.е. здесь действуют законы отрицания утверждением и утверждения отрицанием. Вследствие этого взаимоисключения возможно обращение умозаключения (утверждением одного отрицание второго, и наоборот).

В «логическом квадрате» кроме этих двух отношений существуют еще отношения субконтрарных суждений и подчиненных суждений (отношения подчиняющего и подчиняемого). Но если мы в А, Е, і, о «подставим» категории, если их обобщим до категорий, то получим отношение двух — взаимопровержающих; отношения «логического квадрата» соединяются в категориях в отношение двух противоречащих друг другу, где оправдываются взаимоисключение и обращение. Этими категориями являются частное и общее; нечастное есть общее и необщее есть частное. Здесь противоположность совпадает с противоречием; нет субконтрарности, поскольку категории не имеют видов (в противном случае, одна категория была бы не одной, что невозможно). Отношение частного и общего является взаимоисключающим и обратимым. Таково и отношение конечного и бесконечного и других категорий. Если предположим, что положение «действительность конечна» ложно, то положение «действительность бесконечна» будет истинным, и наоборот. Здесь основным является взаимоотрицание-утверждение, а не истинность-ложность, которая (как было сказано) имеет вторичный характер.

В «логическом квадрате» взаимоисключающие положения (А и о, Е и і) являются только взаимоисключающими: первое исключает второе и наоборот. Но отношение противоположных или противоречащих категорий есть не только взаимоисключение, но, вместе с тем, и взаимоутверждение; здесь действует и закон взаимоутверждения. Частное и общее, конечное и бесконечное и т.д. не только

отрицают, но и утверждают друг друга; поэтому и составляют они единство противоречия. Это единство противоречия будет не «квадратом», а «треугольником», поскольку это отношение состоит из двух — противоречащих друг другу — сторон (противоречие состоит только из двух сторон) и существует их единство, как их корень, т.е. здесь имеется раздвоение единого, что может быть выражено так:

$$\begin{array}{c} A \\ +A \Delta -A \end{array}$$

где +A и -A будут противоречащими категориями, но так, что -A будет иметь и положительный признак (например, частное и общее) их единством будет A, как определенное основание противоположностей.

Если в логическом «треугольнике» +A и -A противоречащи друг другу, то стороны этого треугольника должны быть параллельными и не должны соединяться в A, т.е. не должны составлять треугольник; но здесь имеется «треугольник» потому, что параллельность сторон не исключает их соединения в бесконечности. Если мы отметим и то, что подлинная бесконечность есть не «дурная» бесконечность, а «истинная» — положительная, т.е.вершенная, в смысле полноты, бесконечность, то единством противоположностей будет вершина «треугольника», «точка» соединения двух сторон.

В этом рассуждении имеется какая-то неясность. Это неясность не единства противоположностей, а представления этого единства в виде треугольника (фигуры). Логическое не может быть наглядным, представлять фигуру, вопреки Гильберту, для которого «доказательство есть фигура»². «Треугольник» мы использовали по аналогии с «квадратом», а не для полного выражения рассмотренного выше логического.

Указанный «треугольник», как единство противоречия в логическом будет представлен полностью, если возможно единство противоречащих мыслей, что осуществимо в самоутверждении посредством отрицания. Это обстоятельство будет выяснено ниже — в главе «Бесконечное умозаключение».

§ 117. Черты непосредственной логической связи

Согласно вышеуказанным логическим законам, чертами логической связи являются: 1) тождество, которое необходимо для логической связи — для логической необходимости; 2) сама необходимость, без которой логическая связь невозможна; сущностью логического является логическая необходимость; 3) синтетичность, без которой не осуществляется логическая необходимость; без логической ясности необходимость связи теряет смысл; 4) момент отрицания, без которого нет синтетичности; для необходимого синтеза главное — момент внутреннего отрицания и другие черты. Черты логической связи показывают, какими должны быть эти связи и какие связи нельзя считать логическими. Здесь нас главным образом интересует выяснение того, суть ли связи исчисления предложений действительно логические связи, или нет.

1) Связка «и», конъюнкция, как известно, есть такая связь, которая истинна в том случае, если обе ее стороны истинны. Здесь речь идет о чертах истины, а не о внутренней логической необходимости, которая должна существовать между связываемыми сторонами. С точки зрения логической необходимости связи основания-следствия (а в логике это всё), связка «и» не есть логическая связь. Это только грамматическая, а не такая связь, которая имеет природу логической необходимости. Связкой «и» можно связать все, она не отличается случайное от необходимого, случайную связь от необходимой.

Еще Кант, против Юма, указывал, что, правда, последовательность во времени не означает причинной — необходимой связи, что *post hoc, ergo, propter hoc* ложно, но положение о том, что «солнечные лучи нагревают камень» выражает необходимую связь; положение «солнечные лучи падают на камень и камень нагревается» не является выражением необходимой связи; «и» не выражает необходимой связи. Кто связку «и» считает необходимой связью, тот должен принять и ложное положение — «после этого, следовательно, вследствие этого». В. И. Ленин определенно указывает, что связывание определенностей посредством «и» является случайным; таково, например, «стеклянный цилиндр и посуда для питья»; это эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета и только³; т.е. связкой «и» обозначаются только разные, а не необходимая связь этих разных. С точки зрения В. И. Ленина, такая

² Д. Гильберт, Основания геометрии, 1948, стр. 366.

³ В. И. Ленин, т. 32, изд. четвертое, стр. 72.

эклeктическая связь пригодна для каждого софиста.

То, что интересует математическую логику, правильно выражено связкой «и»; в самом деле, если два предложения связаны связкой «и», то эта связь истинна, если оба предложения истинны. Но это поверхностная связь, не имеющая характера логической необходимости связи основания-следствия. Это только функциональное отношение, изучаемое не логикой, а наукой, имеющей математический характер.

2) Связь «или» — дизъюнкция (понимаемая не в разделительном смысле, не в смысле «или-или» старой формальной логики) истинна тогда, когда истинна хотя-бы одна сторона предложения; истинными могут быть обе стороны, поэтому здесь нет взаимоисключения, тогда как в логическом «или-или» истинна только одна сторона и имеет место взаимоисключение. Для умозаключений, как для отношения основания-следствия, непригодна связка «или», если она не имеет смысла взаимоисключения; такое «или» не есть логическая связь. «Или-или» выражает логическую необходимость, как взаимоисключение, которое действует в самом отношении основания-следствия, а не в функциональном отношении, которое есть только математическое, а не логическое отношение.

3) Связь $A \rightarrow B$ (если A , то B) — импликация, импликационное предложение — ложно тогда, если A истинно, а B ложно (в остальных трех случаях она истинна), хотя здесь нет связи основания-следствия (и при наличии этой связи невозможен вывод ложного из истинного, а остальные три случая возможны, как это хорошо знал и Аристотель). Импликация пригодна и полезна в математике, а не в логике, тем более в диалектической логике.

4) связь «отрицание» — $\bar{A}$ ложно, если A истинно; $\bar{A}$ истинно, когда A ложно. Это понятно согласно закону невозможности противоречия. Математическая логика тоже вынуждена везде применять отрицание, но как «связь» в функциональном отношении истинности. Но если отрицание есть связь, то она должна иметь и положительный смысл, в противном случае, невозможно, например, отрицательное суждение, как это было выяснено выше. Единством этих двух моментов — положительного и отрицательного — будет определенная диалектическая форма, которая играет основную роль в логических связях; поэтому и существует логика, как именно диалектическая логика.

5) Эквивалентность — $A \sim B$ — истинна тогда и только тогда, если A и B оба истинны или оба ложны. Эквивалентность не означает одного и того же содержания двух предложений. Такова, например, эквивалентность: « $2 \times 2 = 4 \sim$ солнце есть неподвижная звезда». Такие связи предложений имеют характер функционального, а не логического осново-следственного отношения, логической необходимости. В указанных связях имеется в виду только свойство предложений — быть истинными или ложными, главное здесь функция истинности. «Истина» и «ложь» являются простыми признаками.

Функция есть операция, применяемая по отношению к чему-либо как к аргументу, она дает определенное нечто как значение функции для данного аргумента. Математическая логика имеет в виду функцию истинности. Охарактеризованные выше связи создают сложные предложения, истинность которых зависит от истинности-ложности их составных частей. Это отношение берется как только функциональное отношение. Истинность-ложность сложных предложений зависит только от истинности-ложности составных предложений, а не от их содержания. Например, являются истинными импликации: 1) если « $2 \times 2 = 4$ », то «снег белый»; 2) если « $2 \times 2 = 5$ », то «снег белый»; 3) если « $2 \times 2 = 5$ » то «снег черный». Будет ложной импликация: если « $2 \times 2 = 4$ », то «снег черный», так как из истинного ложное не выводится; возможность получения из ложного как ложного, так и истинного хорошо знал и Аристотель, который рассматривал отношение основания-следствия, а не функции истинности, функциональное отношение.

Таким образом, вышерассмотренные связи не есть логические связи. Черты логических связей должны быть установлены на основе тех законов, которые были рассмотрены выше и которые имеют диалектический характер. Логическая связь диалектична.

§ 118. Понятие непосредственного умозаключения в математической логике

Сказанное в предыдущем параграфе прямо относится к понятию непосредственного умозаключения в математической логике. В исчислении предложений суждения связь суждений представлена как одно нераздельное предложение, все равно, является оно действительно непосредственным умозаключением или опосредствованным. Предложение взято без всякого внутреннего различия, как единое. Обращают внимание только на признак истинности. Так представлен, например, силлогизм, который выражается так: «если A есть B и B есть C , то A есть C »; разделение умозаключения на посылки и заключение означает

отсутствие связи (например, для Лукасевича)⁴; но здесь все сводится к предложению, т.е. пропущено именно логическое; у умозаключения нет соответствующей специфической формы в грамматике.

В исчислении предложений суждение и умозаключение сводятся к условному предложению, которое в более точной форме равняется разделительному. То, что в старой логике считается четырьмя модусами непосредственного умозаключения, здесь представляет четыре предложения, из которых ложно только одно (согласно аристотелевским положениям, как это было указано и выше): 1) если А ложно, то В истинно, 2) если А истинно, то В истинно, 3) если А ложно, то В ложно, 4) если А истинно, то В ложно. Ложно только это последнее, а остальные предложения истинны. В математической логике эти положения понимаются не как логическое осново-следственное, а только как функциональное отношение, хотя для определения истинности и ложности предложений применяется старое правило, именно, положение Аристотеля о том, что из истинного ложное не выводится.

Во взаимоотношении контрадикторных суждений, при истинности одного второе ложно и наоборот. Здесь тоже нет такого осново-следственного отношения, где из истинного не выводится ложное.

В математической логике место умозаключения занимает импликация; импликация $A \rightarrow B$ есть сокращенное выражение отношения $\bar{A} \vee B$; здесь оставлено без внимания отношение основания-следствия, главное для которого: если есть основание, то есть и следствие, но невозможно: или отрицание основания или следствие, так как следствие есть следствие именно основания; умозаключение может быть правильным, независимо от истинности или ложности основания и следствия; поэтому истина умозаключения не зависит от истинности-ложности его компонентов. В этом смысле умозаключение не является функцией истинности. Умозаключение есть логическое осново-следственное, а не функциональное отношение.

Примерами непосредственного «умозаключения» математической логики могут служить следующие: 1) из $x \cdot y$, как из посылки, получается $x \rightarrow y$, как заключение — «логическое следствие», 2) из аксиомы $x \vee x \rightarrow x$ следует $/x/ \rightarrow /x/$, что означает: если у каждой вещи есть свойство $x \vee x$ (принадлежность сумме классов x и x), то у каждой вещи имеется и свойство x (принадлежность классу x); 3) из аксиомы $x \rightarrow x \vee y$ вытекает всегда истинная формула (т.е. такая, которая истинна, независимо от ложности или истинности ее компонентов $/x/ \rightarrow /x \vee y/$, что означает: если объем предиката x содержит все предметы, то и объем предиката $x \vee y$ содержит все предметы.

«Непосредственное умозаключение» означает превращение: частное «суждение» превращается в общее, например, «некоторые предметы красны», означает: «не все предметы некрасны»; «некоторые числа нечетны» — может быть выражено: «неверно, что все числа являются четными»; утверждением «некоторые x суть y » мы отрицаем, что «ни один x не есть y »; утверждением «некоторые x суть не y » мы отрицаем, что «все x суть y ». Каждое частное предложение можно рассмотреть, как отрицание какого-нибудь общего.

В математической логике общее суждение не имеет экзистенциальной интерпретации, поэтому из обще-утвердительного суждения нельзя получить частно-утвердительное. Если предикат A имеет силу для всех предметов, то это обозначается так: $/A/$; если от предиката A перейдем к $/A/$ и будем отрицать его, то получим частно-отрицательное суждение. Если мы отрицаем предикат A и переходим от $\bar{A}$ к предложению $/\bar{A}/$, то получим отрицательное суждение.

Получение формул из аксиом, посредством правил умозаключения, происходит всегда в виде «непосредственных умозаключений», кроме правил умозаключения, которые являются металогическими; т.е. в системе «логики» осуществляются только непосредственные умозаключения, но это осуществление возможно только посредством правил умозаключения, и в этом смысле, опосредствованно (об опосредствованных умозаключениях будет речь в последующем).

В математической логике непосредственное умозаключение определяется следующим образом. В традиционной логике непосредственное умозаключение означает вывод из одного суждения, как из посылки, второго суждения, как заключения. Здесь имеется отношение основания-следствия; в математической же логике «непосредственное умозаключение» понимается по другому: это такое умозаключение, которое осуществляется однократным применением одного из правил умозаключения⁵. Это превращение одной формулы в другую, когда имеется не отношение основания-следствия (что является главным в логике), а функциональное отношение, функция истинности. Но, как было сказано,

⁴ См.: Я. Лукасевич, Аристотелевская силлогистика..., стр. 58-59.

⁵ См.: А. Черч, Введение в математическую логику, стр. 372.

превращение одной формулы в другую осуществляется только применением правил умозаключения, т.е. осуществляется всегда опосредствованно.

Следует отметить, что в математической логике имеются попытки формализации отношения основания-следствия, как «строгой импликации» (Льюис и его последователи), но эти попытки пока-что не дают определенных результатов. Логическое отношение основания-следствия есть внутренняя необходимая выводимость-связь, формализация чего упразднит ее; поэтому формализация такой связи невозможна. Правильное понятие умозаключения заранее подразумевается при всякой формализации. Математическая логика есть применение общей логики (об этом будет речь ниже).

§ 119. Логический смысл «если-то»

Как было выяснено выше, смысл «если-то» непосредственно вытекает из природы суждения.

«Если-то», прежде всего, есть условное положение, как принцип непосредственного умозаключения; оно есть вообще принцип формально-логического умозаключения. Логический смысл «если-то» есть смысл отношения основания-следствия и, ясно, не сводится к разделительному отношению; «если А, то В» не то же самое, что «А или В», как это имеет место в математической логике. В математической логике «если-то» понимается не содержательно, а с точки зрения функции истинности; оно обозначает отношение между значениями истинности, а не отношение основания-следствия между суждениями, как это имеет место в общей логике, а именно в традиционной формальной логике.

Как это выяснилось при рассмотрении категорий логического, основание есть определяющее, а следствие — определяемое, основание есть доказывающее, а следствие-доказываемое. Полаганием основания полагается следствие. Основание есть полагание, а следствие — полагемое. Связь между ними есть не что иное, как логическое полагание.

«Если-то» есть условное отношение, именно отношение между логическим условием, как основанием, и его следствием; но сама связь безусловна, поскольку она по своей природе логически необходима. В «если-то», как логической связи, с необходимостью есть нечто безусловное, в противном случае, логическое не могло бы существовать. Условность «если-то» имеет логически-объективный характер.

В формальной логике (как в традиционной, так и в математической) невозможно обращение «если-то», нельзя сказать «если есть следствие, то есть и основание»; положительно-регрессивный модус условного умозаключения, как известно, считается ошибочным. Если бы в формальной логике это обращение было возможным, то опасности регресса в бесконечность, вызываемой необходимостью доказательства основания, можно было бы избежать и без апелляции к аксиомам. Если есть возможность оправдать положение «если есть следствие, то есть и основание», то основание в какой-то мере доказывается и нет нужды в аксиомах, нет регресса в бесконечность. Именно невозможность подобного обращения в формальной логике ставит ее перед опасностью регресса в бесконечность и вынуждает ее прибегнуть к аксиоматическому методу, пытаться остановить этот регресс аксиомами, т.е. положениями, недоказанными и недоказуемыми; т.е. формальная логика вынуждена оправдывать доказательство недоказуемым, что и ставит ее, как это подробнее будет показано ниже, в безвыходное положение; это противоречие доказательства и недоказательства.

Если «если-то» есть такой принцип мышления, которым снимается безусловное, т.е. если здесь имеется только условное отношение, то как должна быть принята или допущена первичность аксиом, как определенная безусловность? По-видимому, это должно быть осуществлено интуицией (аксиомы считаются интуитивными положениями); но ведь интуиция есть нелогическое состояние? Ведь логическая связь нелогического с логическим создаст безвыходное противоречие?

Если отношение основания-следствия таково, что вышеуказанное обращение возможно, т.е. если вместе с положением «если А, то В», правомерно и «если В, то А», то здесь должна быть безусловность, которая является определенным самоутверждением. Следовательно, можно сказать, что смысл «если-то» оправдывается, если возможно логическое безусловное, как определенное самоутверждение (это обстоятельство в последующем будет рассмотрено специально). Как было сказано, «если-то» не может не содержать момента безусловного, в противном случае здесь не было бы логического, логической необходимости.

Необходимость осново-следственного отношения как логическая необходимость, снимается, если «если-то» сводится к разделительному отношению, а именно, к такому отношению, которое применяется в

математической логике, когда разделительность не тождественна взаимоотрицанию. Если «или-или» понимается как взаимоотрицание, то и тогда нет полноты осново-следственного отношения, поскольку «отрицание истинности основания или истинность следствия» не исчерпывает осново-следственной связи. С другой стороны, взаимоотрицание требует взаимоутверждения, а это последнее — самоутверждения, которое будет рассмотрено в последующем на основе уже рассмотренных законов.

§ 120. Переход как непосредственное умозаключение

Из природы суждения непосредственно вытекает, что логический переход есть умозаключение. Переход от одного суждения ко второму, переход от одной категории, или от одной формы мысли к другой, например, переход от суждения к умозаключению, есть непосредственное умозаключение.

«Переход», конечно, не надо понимать в буквальном (напр., в пространственном) смысле. Логический переход есть синтетическая, необходимая связь какой-либо мысли с отличной от нее мыслью.

Для диалектической логики очень важны положения В. И. Ленина о логическом переходе. Приведем несколько из них: 1) Начало положительно, но необходимо различие, связь, переход. Здесь имеется диалектика — связь положительного и отрицательного⁶. Это положение говорит именно о том, что переход есть синтетическая связь, связь, содержащая различие, начало которой является положительным, с которым с необходимостью связывается отрицательное, т.е. связь имеет диалектическую природу. 2) Главное связь, переход, тождество противоположностей⁷. 3) Диалектика состоит в переходе понятий друг в друга, всех понятий, без исключения. Каждое понятие находится в определенной связи — в отношении к другому⁸. Здесь, ясно, идет речь о диалектике понятий, о диалектико-логических переходах. 4) Понятие, по своей природе, равняется переходу⁹. Здесь, главным образом, имеется в виду категория, как понятие, определение которого есть переход к другому (этот вопрос будет рассмотрен ниже — при рассмотрении понятия). 5) Переход конечного в бесконечное есть их связь. 6) «Момент» означает момент связи (например, суждение, понятие являются моментами умозаключения. 7) Существует движение понятий, их связь, взаимопереходы¹⁰. В старой логике нет переходов внутренней необходимой связи¹¹. Здесь имеются в виду взаимные переходы форм мысли, их субординация. Логический переход есть внутренняя необходимая связь. 8) Обыкновенное представление находит различие, противоречие, но не переход от одного ко второму, а это имеет самое большое значение¹² и т.д.

Мы привели эти положения В. И. Ленина потому, что некоторые советские логики отрицают логический переход, считают логические переходы невозможными, тогда как методом всех наук и, в частности, логики считают метод материалистической диалектики.

Непосредственные умозаключения осуществляются во взаимосвязи видов суждения; например, в переходе утвердительного суждения в отрицательное; как было выяснено выше, утвердительное суждение переходит в отрицательное с логической необходимостью, поскольку первое, как суждение синтетическое, содержит момент отрицания, который должен оформиться отрицательным суждением. Их единство, чего требует положительное суждение, будет уже переходом в умозаключение, как в единство противоположных суждений. Каждый логический процесс есть переход, являющийся непосредственным умозаключением. Логический процесс, ясно, есть не психологический процесс, а необходимая связь одной мысли с отличной от нее мыслью; логический процесс есть такая связь, в которой осуществлена необходимость одной мысли для другой.

Непосредственное-умозаключение имеет место при каждом логическом переходе, но последние отличаются друг от друга той или иной полнотой, именно, в том смысле, что не каждая синтетическая связь — т.е. переход есть переход в противоположное или в противоречащее. Переход к отличному неполон, конечно, не в смысле его частичности, а в том смысле, что различие не исчерпывает природу перехода; переход от чего-либо к отличному от него оставляет еще возможность перехода к чему-то

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 219.

⁷ Там же, стр. 168.

⁸ Там же, стр. 188.

⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 218.

¹⁰ Там же, стр. 249.

¹¹ Там же, стр. 85.

¹² Там же, стр. 132.

другому; переход же в противоречащее исключает другую возможность, поскольку, как известно, противоречие имеет две стороны. «Все люди смертны», как посылка, дает заключение: «Некоторые смертные люди»; «все люди животные», пригодно как посылка для другого умозаключения и, т.д.; но «частное есть общее» непосредственно переходит в противоположное — «частное не есть общее» и т.д.

§ 121. Отрицание как средство перехода

; Отрицание, на первый взгляд, есть разрыв, невозможность перехода. Отрицание, понятое так, есть абстрактное, чистое — абсолютное отрицание, применяемое в формальной логике. На такое отрицание опирается логическая необходимость, как невозможность противоречащего, где запрещается переход к противоречащему, отрицается связь с противоречащим. Такое понимание отрицания дал впервые Парменид, который: придал «небытию» абсолютное значение. Для Парменида и Зенона небытие есть то, чего нет, что есть абсолютное ничто, что абсолютно невозможно; бытие абсолютно исключает небытие, небытие не существует ни в каком смысле. Вследствие несуществования небытия невозможно никакое различие, множество, движение. Это значит, что отрицания не существует, на основании, чего Парменид и Зенон и пытались отрицать множество и движение.

Отрицание, как разрыв, действует в аналитико-логическом; согласно формальной логике, если одна определенность отрицает другую, то переход — связь между ними — недопустим. Всякое различие содержит отрицание, именно то, что одно из различающихся не есть другое; считается невозможным синтетический переход, синтетичность перехода, именно вследствие своеобразного понимания отрицания.

Отрицание, понимаемое как только разрыв, делает невозможной субординационную связь форм мысли, чего поэтому-то и нет в формальной логике. На основании такого отрицания и считается невозможным, например, переход утвердительного суждения в отрицательное и т.д. Поэтому отрицают к возможность логического развития (хотя, вместе с тем, признают логический процесс). Но если отрицание означает только разрыв, то останется, необъяснимой, например, возможность отрицательного суждения, поскольку отрицательное суждение, как мы знаем, есть связь, которая не только отрицательна, но и положительна, поскольку предикат приписывается субъекту отрицательно. Именно это обстоятельство вынуждает нас признать относительное отрицание.

Понятие относительного отрицания, как это было выяснено выше, дает возможность для оправдания синтеза, перехода. На основе критики Парменида Платон определил понятие небытия, как понятие различия, относительного отрицания. Различие существует, поэтому существует относительное небытие, которое является логическим предметом (у Демокрита эта небытие есть пустота); логически есть как бытие, так и небытие, а положение «небытие есть» уже диалектично.

Относительное отрицание, правда, является разрывом, прерывом, но, именно, относительным прерывом; оно есть прерыв в непрерывности, момент непрерывности, как положительной связи. «Отрицание есть момент связи»¹³.

Не может быть синтеза, синтетического перехода без внутреннего отрицания. Синтез есть определенный переход; несинтетический переход невозможен. Переход есть всегда переход к отличному, т.е. переход, осуществленный посредством отрицания. Различие в действительности может не означать взаимоисключения, но логически, перенесенное в логическую сферу, различие осуществляется посредством отрицания. «Жучка собака», Жучка имеет свой признак — «собака», здесь нет взаимоисключения, есть только различие, но 1) основой этого различия, его корнем, является противоположность частного и общего; 2) логически: а) Жучка есть то, что не есть собака — первое есть то, что не есть второе и наоборот; б) частное и общее противоположны, являются противоположными, противоречащими, категориями.

Отрицание есть средство перехода не только в том смысле, что в синтетическом переходе от А переходят к тому, что не есть А, но и в том смысле (и это главное), что переход осуществляется отрицанием и в отрицании. Отрицание есть средство перехода, так как: 1) оно есть отрицание того, от чего совершается переход; в противном случае, переход не совершился бы и мы остались бы в начале, не перешли бы к другому; 2) отрицание есть момент перехода, оно есть момент связи; переход есть движение, которое совершается внутренним отрицанием-противоречием; 3) отрицание есть средство перехода и в том

¹³ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 219.

смысле, что отрицание одного не есть только его отрицание, но, вместе с тем, есть и полагание второго, например, несчастное есть общее и наоборот; здесь отрицанием одного полагается противоречащее ему и наоборот.

Следует отметить, что отрицание перехода означает отрицание другого. Если говорим, что невозможен переход от нечего к другому, то мы, конечно, отрицаем этот переход. Но на самом деле это отрицание есть переход от отрицаемого к тому, к чему мы должны были совершить переход. Отрицать переход и оставаться на месте значит оставаться именно на основании отрицания другого. «Нечто есть это, а не противоречащее», — это уже есть полагание, совершенное на основании отрицания противоречащего.

Поэтому и невозможно избежать отрицания, как средства перехода, т.е. оно необходимо, оно есть необходимое средство перехода. Отрицание само есть переход и наоборот — переход есть отрицание, определенное отрицание. Ведь и отрицание отрицания является отрицанием.

§ 122. Переходы суждений

Как было отмечено: 1) понятие есть переход, 2) суждение, по своей природе, есть переход; умозаключение, очевидно, тоже является логическим переходом. Это, конечно, означает не то, что понятие, суждение и умозаключение одно и то же, а то, что все три формы являются именно логическими формами, без перехода же логическая форма невозможна. Переход есть определенная связь; мы выше видели, какую связь представляет собой суждение. В последующем будет выяснена природа понятия и умозаключения. Здесь мы остановимся на характере переходов суждений. Слово «переход», как было отмечено, здесь используется в смысле логической связи, именно синтетической необходимой связи, а не в гегелевском понимании этого слова. Для Гегеля область перехода есть область бытия — переход одного качества в другое качество.

Каждое умозаключение формальной логики есть переход суждений, переход одного или нескольких суждений в другое суждение. Каждый логический процесс есть переход; например, дедукция есть переход от общего к частному, индукция — переход от частного к общему; редукция есть переход от следствия к основанию, в то время, как дедукция и индукция являются переходами от основания к следствию.

Все формально-логические непосредственные умозаключения, рассмотренные выше, являются переходами суждений — переходами от одного суждения к другому. Но для нас в данном случае важны такие переходы суждений, в которых осуществляется отрицательная диалектика.

Переход, в котором осуществляется необходимость противоречащего, есть отрицательно-диалектический переход. Суждение (или категория) может переходить в противоречащее или: 1) так, чтобы это противоречащее полагалось в отрицательном аспекте, т.е. полагалось бы, как нечто неустранимое и, в этом смысле, необходимое, или 2) полагалось, бы в положительном аспекте, т.е. нечто оправдывалось бы тем, что ему противоречит. С первым случаем имеем дело в отрицательном суждении, отрицающем нечто неотрицаемое; напр., в суждении «Мысли не существует»; это суждение вынуждено признать противоположное, перейти в него, ибо логическое отрицание мысли невозможно, так как само это отрицание является мыслью. Когда невозможно избежать чего-либо, тогда мы имеем дело с его полаганием, с переходом к нему в отрицательном аспекте¹⁴. Такое полагание выявляет неустранимость противоречащего, ошибочность его игнорирования; но столь же ошибочно и признание только противоречия, т.е. противоречия, не доведенного, до разрешения, до единства, являющегося его основанием (как это имеет место, например, в «антиномиях» Канта).

Со вторым случаем — прямым, положительным переходом в противоречащее — имеем дело тогда, когда в положительном есть внутреннее отрицание, высказываемое, оформляемое отрицательным суждением; например, утвердительное синтетическое суждение «частное есть общее» с необходимостью содержит «частное не есть общее», подразумевает, что частное есть нечто противоположное -или противоречащее (что в данном случае одно и то же) общему. Энтимемность первого суждения должна быть снята и ее односторонность полностью выявлена путем взаимосвязи с другой, противоречащей ей односторонностью, путем утвердительного полагания этой второй односторонности. Положение Гегеля о том, что частное есть не только частное, но и общее, требует объединения двух положительных — частного и общего; здесь объединяются такие положительные, которые противоречат друг другу, т.е.

¹⁴ Таковы, например, «коренные выводы» проф. Л. П. Гокиели. См. его «О природе логического», Тбилиси, 1958.

находятся в отрицательном, а не только в положительном, отношении.

Синтетическая необходимая связь есть необходимая связь положительного и отрицательного; поэтому ее односторонности переходят друг в друга, что осуществляется в виде непосредственного умозаключения и представляет собой непосредственное умозаключение. Таков каждый логический синтез. Единство положительного и отрицательного в логически полном виде осуществляется в том умозаключении, которое мы специально рассмотрим ниже и односторонностей которого мы сейчас касаемся.

Переход суждения в противоречащее ему есть отрицательная диалектика, если это переход не случайный, а необходимый, т.е. вытекает из природы того, что переходит; но если эта необходимость противоречащего еще не дошла до единства, до единства противоречия (что и будет положительной диалектикой), если отрицательно-диалектический переход не необходим, т.е. если нечто и противоречащее ему не связаны друг с другом с необходимостью, то мы имеем дело с софистикой. Так отличается отрицательная диалектика от софистики.

Суждение «величина прерывна» с необходимостью переходит в суждение «величина не прерывна» — «величина непрерывна», поскольку прерывная величина состоит из непрерывных единиц. Множество, состоящее из десяти единиц, прерывно, но оно есть: 1) одно непрерывное множество — одна десятка, и 2) множество единиц с одной и той же природой; по понятию, единицы не отличаются друг от друга, они равны и арифметически (единство же прерывности и непрерывности будет опосредствованной связью).

Суждение «мир конечен» переходит в суждение «мир бесконечен», поскольку: 1) если мир только конечен, то существует только один мир, поэтому он абсолютен, т.е. бесконечен; 2) граница конечного входит в конечное — она конечна; 3) именно конечные называются бесконечным, «сумма» всех конечных составляет бесконечное¹⁵.

В первой «антиномии» Канта развита такая мысль: если мир конечен, то он не конечен, а бесконечен; если мир бесконечен, то он не бесконечен, а конечен. Допущение одного с необходимостью вызывает второе и наоборот; невозможно отдельно взятое конечное; такое конечное отрицательно утверждает бесконечное и наоборот. Отрицающее само себя отрицательно утверждает противоречащее себе. Здесь есть необходимость противоречия, но если остановиться здесь, то это было бы ошибкой, «Schein». Одним словом, такова отрицательная диалектика, которая требует положительную диалектику; противоречие требует того, что его оправдывает — единства.

Указанные здесь переходы являются непосредственными умозаключениями, которые, как мы убедились, имеют диалектическую природу. В таких умозаключениях суждение является конечным; его переход в противоречащее делает полностью очевидным, выявляет, полагает эту конечность. Можно сказать, что конечно-логическое есть суждение и наоборот — суждение есть конечно-логическое. Конечность суждения выявляется именно в умозаключении, полагается в нем. Суждение есть односторонность умозаключения. Необходимость противоречащей ей односторонности выявляется и утверждается в умозаключении. Полный смысл суждения виден в умозаключении; суждение оправдывается в умозаключении. Поэтому надо сказать, что суждение есть нечто относительное, релятивно-логическое. Релятивность суждения полностью представлена в отрицательной диалектике, но эта полнота полагается положительно-диалектическим умозаключением (которое мы рассмотрим ниже).

§ 123. Переходы категорий

Переходы суждений, как непосредственные умозаключения, прямо показывают, что и переходы категорий являются непосредственными умозаключениями, причем такими, в которых более полно представлена суть непосредственного умозаключения. В переходах категорий осуществляется переход в противоположное, в противоречащее не только отрицательно, но и положительно. В них имеется не только отрицательная диалектика, но и положительная, не только необходимость противоречащего, но и положительный переход в противоречащее.

Например, бесконечное переходит в конечное, поскольку: 1) бесконечное есть «сумма» всех конечных, 2) в понятии бесконечного имеется: и признак конечного, в бесконечном есть конечное, поскольку положительная бесконечность есть полнота; первое бесконечное, т.е. бесконечное, как «сумма» всех конечных, есть отрицательное бесконечное, поскольку эта «сумма» есть нечто незаконченное. С точки

¹⁵ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1953, стр. 187.

зрения понятия, бесконечное есть конечное как полнота, т.е. если мы знаем, что такое бесконечное, т.е. если у нас имеется определение его понятия, то, ясно, что с логической точки зрения бесконечное представлено как конечное, как полнота, т.е. мы имеем дело с диалектическим единством конечного и бесконечного; 3) незавершаемое движение-развитие представлено в завершенном виде в основном законе движения-развития. Если мы знаем, что такое развитие, то развитие, не имеющее конца, высказано в законченном виде. Природа самого развития в развитии, не имеющем конца, одна и та же; 4) бесконечное есть конечное, если оно представлено помимо конечного; только бесконечное, бесконечное по ту сторону конечного, само есть конечное¹⁶; а только конечное есть абсолютное, бесконечное; здесь имеется отрицательная диалектика — невозможность «избавиться» от противоречащего.

В рассмотренных здесь четырех случаях очевидна необходимость конечного для бесконечного и необходимость бесконечного для конечного (более того: и необходимость их единства).

В диалектическом материализме известно, что случайность переходит в необходимость и наоборот, не только в действительности, но и в понятиях — понятие случайности и понятие необходимости с необходимостью требуют друг друга; случайность есть форма существования необходимости, а не ее упразднение. Это относится и к понятиям свободы и необходимости. Свобода есть осознанная внутренняя необходимость, а не ее отрицание-упразднение. Понятие количества переходит в понятие качества, поскольку определение понятия количества есть полагание понятия качества количества. Общее, взятое отдельно, есть отдельное и т.д.

С необходимостью переходят друг в друга и такие категории логического, как суждение, умозаключение и понятие. Суждение переходит в умозаключение, как это было выяснено выше. Этот переход сам является умозаключением, а именно, непосредственным умозаключением. Суждение по существу есть умозаключение: 1) положительное суждение, с необходимостью подразумевает отрицательное, а оба они — их единство, — умозаключение; 2) суждение, как «частное есть общее», есть переход частного в общее; 3) утверждение-отрицание есть сущность умозаключения и доказательства; доказательство осуществляется путем утверждения-отрицания. Умозаключение выражается суждением, например, условным суждением. Умозаключение, выраженное односторонне, есть суждение. Понятие, как это выяснится ниже, есть общая мысль умозаключения, которая получается на основании единства суждений. Суждение, умозаключение представляют собой понятия; существует понятие суждения, понятие умозаключения, понятие доказательства. Суждение, умозаключение, понятие суть категории — понятия логического и т.п.

Если индукция есть логический метод, то можно сказать, что частное есть основание общего. Из частного получается общее, и само частное есть общее, что выражает природу суждения. Если дедукция есть логический метод, то общее есть основание частного. Такое отношение частного и общего будет представлено полностью, если существует метод, объединяющий индукцию и дедукцию. Такой метод должен существовать, так как: 1) одно понятие метода требует именно одного метода, 2) диалектическое единство частного и общего полагает один логический метод. Что существует такой один логический универсальный метод, об этом будет речь ниже — в теории доказательства.

«Если-то» есть принцип одностороннего перехода, например, если есть частное, то есть общее, или наоборот. Принципом двустороннего перехода является не сам двусторонний переход, а единое основание этой двусторонности. Если возможно следующее: «если есть А, то есть В и наоборот» и «если нет А, то нет В и наоборот», тогда должно иметь место самоутверждение посредством отрицания, которое «больше», чем «если-то», но это «большее» будет уже полным опосредствованным, а не непосредственным, умозаключением: второе может быть только его односторонностью (об этом ниже).

§ 124. Логическая рефлексия

В предыдущем параграфе дана характеристика как одностороннего, так и двустороннего перехода. Двусторонний или обратимый переход есть то, что может быть названо логической рефлексией. Если А есть основание В и В есть основание А, то имеет место логическая рефлексия (а не познавательная, когда она понимается как интенция познающего субъекта на самого себя — превращение себя в объект, что, как известно, было основным как для Фихте, так и для Гегеля, в учении о рефлексии и вообще в их

¹⁶ См. В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 100.

философии).

Но здесь имеется следующая трудность: ведь следствие, как основание, и в самом деле есть основание? Если мы используем следствие как основание, то ведь переход от этого основания будет опять-таки переходом от основания к следствию? Поэтому, как-будто, нет обращения и логическая рефлексия должна быть невозможной. Если это на самом деле так, то односторонний переход должен иметь абсолютный характер: возможным должен быть только односторонний переход. Но признание абсолютности одностороннего перехода сделает непонятным диалектическое взаимоотношение частного и общего, а это показывает не абсолютность одностороннего перехода, а его односторонность... Останется непонятной и необъяснимой также и индукция, если логическая рефлексия будет невозможной, поскольку, как известно, индукция есть переход от частного к общему, но он имеет смысл и возможен только тогда, когда опирается на общность. Только в условиях возможности логической рефлексии можно оправдать этот круг. Логическая рефлексия, обратимость или кругообразность не может не оправдаться, поскольку основание есть основание следствия, а следствием называется именно следствие основания; эти понятия с необходимостью требуют и подразумевают друг друга.

Признание только одностороннего перехода лишит доказательство основательности, у него не будет начала, и возможно, не будет и конца; а это будет ошибка бесконечного регресса, что сделает доказательство невозможным. Поэтому необходима логическая рефлексия, какое-то оправдание, полагание основания следствием.

Безосновательности перехода можно избежать только в том случае, если осуществится двусторонний — обратимый переход и если он будет иметь место в одном и том же, если осново-следственное отношение будет опираться на одно своеобразное основание и будет оправдано в нем; в противном случае, мы не сможем избежать логического круга, как ошибки.

Прежде всего, мы должны ответить на вопрос: в каком смысле можно взять следствие за основание и наоборот — основание за следствие? Возможен такой ответ: следствие, в смысле частного, есть основание своего основания — общего, и наоборот — общее, как таковое, есть основание частного. Здесь оправдываются индукция и дедукция. Индукция есть оправдание общего на основании частного, но само это оправдание возможно на основании общего принципа (например, на основании принципа единообразия природы). В дедукции на основании общего оправдывается частное, но для логического получения общего становится необходимым частное; вывод общего из частного — индукция — становится необходимым для дедукции и наоборот; а это уже есть логическая рефлексия. Содержательное частное есть основание содержательного общего, поскольку такое общее есть единство частных; содержательное частное есть таковое на основании общего, поскольку односторонность есть сторона, момент именно целого, единства.

Логическая рефлексия, как мы видели, непосредственно существует в категориях логического. Природа категории логического состоит в логической рефлексии. Например, тождество, как категория логического, рефлексивно, так как при отрицании тождества применяется и полагается оно же; отрицание отрицания есть именно отрицание, отрицание мысли (логическое отрицание) само есть мысль. Отрицание частного дает опять-таки частное и т. п. (полная логическая рефлексия осуществляется в полной логической опосредствованной связи, именно, в бесконечном умозаключении, как это будет показано ниже).

Непонимание логической рефлексивности, ее отрицание из-за невозможности ее формализации, т.е. признание только одностороннего перехода вызывает такие парадоксы, с целью разрешения которых Рассел создал теорию типов. Оно приводит вообще к сведению логического к языковому, замене логики «логическим синтаксисом». Разрешение этих парадоксов возможно только тогда, если будет оправдано рефлексивно-логическое, логическая рефлексия; а это возможно только в диалектической логике. Логика категорий преодолевает те трудности, которые ставят в безвыходное положение формальную и математическую логику.

§ 125. Антиномичность непосредственного умозаключения

В сказанном о логической рефлексивности есть одна основная неопределенность, которая вызывается рассмотрением логической рефлексивности в плоскости непосредственного умозаключения и которая состоит в антиномичности последнего. Логическая рефлексивность, если рассматривать ее на уровне

непосредственного умозаключения, неполна, поскольку мы останавливаемся на обратимости, представляющей некий круг, притом неразрешимый. Если основание есть следствие, а следствие основание, то их различие становится невозможным. Выходит, что основание, как таковое, есть не основание, а следствие; а следствие есть основание, а не следствие. Каждое из них переходит в противоречащее так, что теряет смысл как одно, так и другое, поэтому существует необходимая «нелепость», противоречие, бессмыслица. Это есть антиномичность непосредственного умозаключения, которая требует разрешения, в противном случае, существование непосредственного умозаключения должно считаться невозможным.

В антиномичности непосредственного умозаключения, своеобразно и на более высоком уровне, повторяется антиномичность суждения, она представляет развитие этой последней. Утвердительное суждение «частное есть общее» есть какая-то нелепость, поскольку: 1) частное есть частное, а не общее, а здесь сказано наоборот: «частное есть общее»; 2) «частное есть общее» переходит в противоречащее, оно имеет смысл только тогда, если «частное не есть общее», если частное исключает общее, но, вместе с тем, этим оно теряет смысл, поскольку оно впадает в противоречие: «частное есть общее» оправдано противоречащим — «частное не есть общее», но это исключает его, а не оправдывает; т.е. получаем: что оправдывает, то не оправдывает; а это явная антиномия.

Итак, получается безвыходное положение: непосредственные умозаключения, как определенные переходы, запутываются в антиномиях, т.е. представляют собой какие-то «нелепости». Выходит, что непосредственное умозаключение не есть умозаключение. И в самом деле, умозаключение есть опосредствование и поэтому у «непосредственного умозаключения» должен быть противоречивый, антиномичный характер. Умозаключение должно быть не непосредственным, а опосредствованным. Понятие умозаключения оправдывается только в опосредствованном, а не в непосредственном умозаключении.

§ 126. Переход непосредственного умозаключения в опосредствованное

Антиномичность непосредственного умозаключения есть отрицательная диалектика, которая имеет смысл только тогда, когда подчиняется положительной диалектике; в противном случае она и в самом деле есть «нелепость», ошибка. Противоречие, взятое отдельно, т.е. голое противоречие, представляет ошибку. Именно поэтому имеет смысл и оправдание закон невозможности противоречия. Но мы знаем и то, что противоречие имеет смысл и оправдание, если у него есть основание, если противоречие существует в едином. Поэтому антиномичность непосредственного умозаключения можно разрешить. Это разрешение есть переход непосредственного умозаключения в опосредствованное. Этот переход осуществляется разрешением антиномичности непосредственного умозаключения.

Как было выяснено выше, из природы суждения непосредственно вытекает умозаключение, прежде всего — умозаключение непосредственное. Поэтому непосредственное умозаключение необходимо для суждения, т.е. его антиномичность есть необходимое противоречие. Именно эта необходимость и указывает на возможность его разрешения. В самом деле, суждение «частное есть общее» есть какое-то основание для того, чтобы сказать: «на основании частного есть общее», или «если есть частное, то есть общее», но это уже антиномичность, так как на основании частного должно быть возможным частное, а не противоположное или противоречащее ему. Сказать, что нечто есть основание для противоречащего ему, для исключаящего его, значит, конечно, впасть в антиномию.

Было сказано, что разрешение этой антиномичности возможно и она должна разрешиться, но что разрешит ее, чем и как она разрешится? Ответить на этот вопрос можно так: антиномия непосредственного умозаключения будет разрешена путем опосредствования, т.е. путем полагания «третьего». Частное непосредственно не есть общее; непосредственно оно есть частное, а не общее. Частное есть общее посредством чего-то третьего; каким-то опосредствованием полагается то, что частное есть общее, иначе это вообще невозможно. Так что, если непосредственное умозаключение возможно, то оно оправдывается только опосредствованным умозаключением и только в нем. В этом смысле, опосредствованное умозаключение будет основанием непосредственного, и переход непосредственного умозаключения в опосредствованное сам будет примером перехода следствия в основание; но следствие, как основание, имеет один смысл, а основание, как следствие, — другой (более подробно об этом будет речь в последующем).

Основание, как только основание, односторонне: основание, взятое помимо следствия, не есть основание. Поскольку оно есть основание, постольку с необходимостью подразумевает и следствие. Понятие основания подразумевает и признак следствия. Поэтому основание, как таковое, является односторонним, но таким односторонним, которое подразумевает вторую односторонность. Эта вторая односторонность есть следствие, о котором можно сказать то же, что и об основании. Поэтому, как основание, так и следствие представляют односторонности; они имеют конечный характер и представляют собой односторонности полного. Таково отношение частного, как основания, и общего, как следствия, или наоборот. Отношение такого основания и следствия оправдывается их необходимым единством, как их корнем. А это их единство опосредствованно, оно осуществлено посредством чего-то «третьего». Рассмотрение опосредствованного умозаключения выявит природу этого третьего. Выяснится, что «среднее» опосредствованной связи не будет тождественным в каждом умозаключении, что существуют разные «средние» или «третьи» и поэтому и различные опосредствованные умозаключения. Выяснится и то, что эти различные «средние», с точки зрения умозаключения, не одинаковы, не имеют одну природу; они имеют различный характер в том смысле, что посредством их полагается опосредствованная связь различной полноты, что существуют формы логической опосредствованной связи, представляющие ступени Определенного развития, из которых первая является самой низшей, а последняя полностью представляет логическую необходимость. В этом последнем случае, «среднее» уже не будет таким, какими являются «крайние»; в других же случаях мы будем иметь дело с противоположным положением. Все это будет выяснено при характеристике опосредствованного умозаключения. Как увидим, опосредствованное умозаключение будет иметь два вида — конечное и бесконечное умозаключения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ (7)

КОНЕЧНОЕ ОПОСРЕДСТВОВАННОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 127. Понятие опосредствованности

Понятие (категория) опосредствованного противоположно непосредственному. Рассмотренное выше содержание понятия непосредственного уже указывает на то, каково понятие опосредствованности, поэтому здесь мы ограничимся рассмотрением нескольких положений.

Опосредствованное есть последующее, следствие, которому предшествует нечто другое, как необходимое для него, или же то, что определяется последующим. В сфере логики опосредствованное есть то же самое, что и доказанное, имеющее посылку; опосредствованное есть определенное, находящееся в известных отношениях как со своей посылкой, так и с последующим. Опосредствованное есть то, что с необходимостью подразумевает другое; оно не есть только тождественное, именно, тождественное самому себе. С ним с необходимостью связывается различие. Поэтому опосредствованное не может не быть синтетическим, причем таким, в котором синтез осуществлен с необходимостью, в противном случае, мы и не будем иметь дело с логической синтетичностью. Где есть различие, там есть и опосредствованность и наоборот. Опосредствованность есть не только различенность, но и единство различных. Опосредствованность есть опосредствованная связь различных. Все опосредствовано, так как: 1) оно есть и в самом деле все, 2) все находится в единстве, 3) каждое из всего находится во взаимосвязи с другим.

Всякое опосредствованное таково в отношении к другому, но это другое, как это было отмечено и выше, может быть как вовне, так и внутри. Внутреннее различие есть необходимое условие для внутреннего опосредствования. Например, в суждении имеются различные стороны — субъект и предикат, которые определяют, опосредствуют друг друга; суждение есть пример внутреннего опосредствования. Таковы же и умозаключение и доказательство. Сфера, в которой действует утверждение-отрицание, не может не быть сферой опосредствованности.

Поскольку находящееся в отношении к другому опосредствовано и — наоборот, постольку каждое опосредствованное является относительным, имеет смысл в отношении к другому. Субъект есть субъект в отношении предиката и наоборот. Посылка имеет смысл в отношении к заключению. И наоборот, тезис и основание имеют смысл благодаря друг другу.

Опосредствованное, взятое отдельно, само по себе есть непосредственное. Суждение непосредственно, если оно берется отдельно, независимо от других суждений и без внутреннего различия, как только одна — тождественная самой себе — мысль. Это относится и к умозаключению. Но, с другой стороны, непосредственное, как отделенное от другого, абстрагированное, уже не есть непосредственное, поскольку оно определяется и имеет смысл тем, от чего оно абстрагировано. Такое нечто может попросту потерять смысл; например, субъект суждения, взятый совершенно, отдельно, уже не есть субъект. При сохранении же смысла, нечто является непосредственным; например, таково суждение, которое имеет смысл и отдельно; допустим, суждение — «это дом».

Это уже значит, что непосредственное и опосредствованное — понятия относительные, они имеют смысл по отношению друг к другу, в единстве, помимо которого ни одно из них не мыслимо, ни одно из них не существует. Единство непосредственного и опосредствованного необходимо, необходима их неразрывность, имеющая не только отрицательный, но и положительный смысл. Опосредствованное и непосредственное находятся в необходимом положительном единстве, хотя они противоположные или противоречащие понятия. Единство непосредственности, и опосредствования есть единство противоположностей, образцовый пример такого единства.

При рассмотрении понятия непосредственного мы видим, что существование только непосредственного невозможно. На этом же основании мы можем теперь сказать, что не может существовать и только опосредствованное: 1) Ведь это опосредствованное будет тождественным себе? Следовательно, оно будет непосредственным. 2) Опосредствованность или опосредствование с необходимостью подразумевает то, что опосредствуется; Опосредствованность не означает нового опосредствования, она непосредственна.

Субъект и предикат суждения опосредствуют друг друга, но в этом опосредствовании они участвуют, как непосредственные. Посылка и заключение опосредствуют друг друга, но сами по себе непосредственны. Суждение, как было сказано, является непосредственным, но оно опосредствовано в

самом себе.

В единстве противоположностей каждая его сторона, взятая отдельно, с необходимостью требует вторую — свою противоположность и наоборот; частное требует общего и наоборот; это обстоятельство, ясно выявляется при попытке их абсолютной изоляции друг от друга, как это было несколько раз отмечено выше. Это уже значит, что они — противоположности — не только отрицают, но и утверждают друг друга, а этим утверждается их необходимое единство. Единство противоположностей есть полное опосредствование, поскольку противоречие исчерпывает конечное и утверждает бесконечное, как полноту.

Если в начале есть непосредственное, поскольку ему ничего не предшествует (как это было показано при рассмотрении понятия непосредственного), то верно и то, что оно, как начало, есть начало чего-то (в противном случае, оно и не было бы началом), имеет смысл благодаря этому нечто и определяется им и поэтому оно опосредствовано; начинание уже есть опосредствование. Поэтому аксиома, как начало доказательства, должна быть невозможной (об этом ниже).

Если нечто непосредственное стоит в доказательстве на первом месте, то это место и есть его определение, поскольку определение есть установление места; установление первого места (как мы это докажем ниже) уже есть доказательство, т.е. логическое опосредствование.

Поэтому нет ничего только непосредственного и только опосредствованного ни на небе ни на земле (по выражению Гегеля). Необходимо единство опосредствования и непосредственности. Таким единством должно быть умозаключение, поэтому оно должно быть диалектическим, не может не быть таким.

§ 128. Понятие логической необходимости

Логическая необходимость есть необходимость логического опосредствования. Логически опосредствованное есть необходимое. Если и непосредственное необходимо, то мы имеем дело с его опосредствованием.

В формальной логике необходимое есть то, противоречащее чему невозможно. Основной закон такой необходимости, как известно, есть закон невозможности противоречия. Это необходимость исключения противоречащего. Необходимое есть то, что по-иному невозможно. Это уже больше, чем исключение противоречащего, поскольку здесь берется не только противоречащее, но и вообще другое. Если нечто есть это, то невозможно чтобы оно было другим. Следовательно, формально-логическая необходимость есть необходимость конечного. Ведь логическое конечное есть «это, а не другое»? Необходимость конечного есть необходимость существования таким, а не иным образом.

Формально-логическая необходимость имеет природу объемного общего, ее нельзя отрицать, так как она содержит необходимость, осуществленную в каждой форме мысли; о каждом необходимом можно сказать, что оно невозможно по-другому. Необходимость, как существование таким, а не иным образом, является наиболей по своему объему: постольку в ней есть и какая-то неопределенность, так как и относительно совсем иначе понимаемой необходимости можно сказать, что она есть необходимость существования таким, а не иным образом. Если необходимое трактуется как не исключающее противоречащее, а именно утверждающее его, то и тогда будет правильным понятие необходимости, как невозможности существования по-иному. Поэтому нельзя отрицать закон невозможности противоречия. Диалектик, признающий закон единства противоречия, тоже считает, что невозможно противоречащее этому закону, что невозможность противоречащего этому закону и означает его необходимость. Если логическое опосредствование содержит различие и противоречие, то невозможность противоречащего этому докажет именно внутренне противоречивое опосредствование. Но надо отметить и то, что выше указанная неопределенность, этим путем, опираясь на такую необходимость, никогда не упразднится. Если необходимое есть то, что невозможно по-другому, то это в одинаковой степени можно сказать как о невозможности противоречия, так и об единстве противоречия; об обоих можно сказать, что по-иному они невозможны.

Итак, следует выяснить два обстоятельства: 1) если, как было сказано, «иное» больше, чем противоречащее, то главным будет невозможность различия, а не невозможность противоречащего, т.е. не закон невозможности противоречия есть закон или основной закон логической необходимости, а закон невозможности различия; 2) если необходимость невозможности существования по-иному распространяется и на единство противоречия, то мы должны понять это последнее, как подчиненное первому, а не наоборот, т.е. диалектическое должно подчиниться формально-логическому, а этим

диалектическое по существу упраздняется.

Понятие «невозможности существования по-иному», как было сказано, шире по объему, чем понятие «невозможности противоречащего», но с точки зрения содержательной общности последнее «больше» — более обще, чем первое, поэтому, в этом смысле, оно подчиняет его себе. Противоречащее «больше», более обще, чем «иное»: 1) «противоречащее» является более определенным, чем «иное», которое не таково, как противоречащее. Определенность представляется полностью, если противоречащее есть категория; взаимно противоречащие категории (например, частное и общее, конечное и бесконечное) являются определенными (в категориях противоположность есть противоречие и наоборот); 2) противоречащее (как и то, чему оно противоречит) есть, как мы знаем, полное конечное, а «иное» не есть такое полное конечное. Неполное, ясно, подчиняется полному. Поэтому надо сказать, что формально-логическое подчиняется диалектическому, а не наоборот. Неопределенность «невозможности существования по-иному» снимается единством противоречия. Неопределенное подчиняется определенному, а не наоборот. Невозможность противоречащего единству противоречия означает, следовательно, именно необходимость этого единства, служит ему и поэтому подчиняется ему же; тем более, что, как мы знаем, невозможность противоречия составляет один момент противоречия.

Таково, в общих чертах, понятие логической необходимости, но здесь, главным образом, была рассмотрена необходимость односторонней логической связи, хотя, вместе с тем, было указано и на необходимость Другой — двусторонней связи. Необходимость односторонней логической связи не есть полная необходимость; надо рассмотреть эту последнюю — необходимость логической рефлексии, которая, как двусторонняя, содержит в себе одностороннюю необходимость.

§ 129. Формально-логическая и диалектико-логическая необходимость

Рассмотреть этот вопрос — значит: 1) показать необходимость диалектико-логического для формально-логического и 2) охарактеризовать природу диалектико-логической необходимости. Мы здесь рассмотрим, главным образом, первый момент, и только частично второй. Природа диалектико-логической необходимости будет полностью рассмотрена ниже (при рассмотрении бесконечного умозаключения).

Заранее мы должны отметить, что признание формально-логической и диалектико-логической необходимости не означает признания двух логических необходимостей, что было бы нелепостью. Кто признает две логические необходимости, тот должен признать и третью, объединяющую их, и т.д. до бесконечности, что бессмысленно. Возможна только одна — полная логическая необходимость, ее малейшее нарушение упраздняет ее. Но формальная логика, которая изучает логическую необходимость, рассматривает только одну ее сторону; поэтому полная логическая необходимость представляется в ней неполно (а не в низшей степени; логическая необходимость не имеет степеней, как это будет показано ниже — в теории доказательства).

Формально-логическая необходимость (логическая необходимость, представленная в формальной логике), есть конечная необходимость, поскольку она есть необходимость конечного. Необходимость конечного может быть выражена как «это есть это, а не иное» (т.е. как невозможность противоречащего). Но, как известно, нечто есть это вследствие того, что оно не есть иное. Чтобы нечто было именно этим, необходимо, чтобы оно не было иным, было не-другим. Поэтому для него необходимо и другое, поскольку оно есть именно недругое. Признак «другого» должен быть предусмотрен в понятии нечто. Поэтому надо сказать, что для необходимости нечто нужна необходимость другого (и противоречащего). Необходимость, которая состоит в невозможности противоречащего, представляется более полно в необходимости противоречащего, поскольку, в данном случае будет необходимым как нечто, так и противоречащее ему, так же как и наоборот. Необходимость противоречащего для нечто, как известно, есть отрицательная диалектика. Логическая необходимость полностью представляется не только в необходимости противоречащего, но и в необходимости единства противоречия, которая есть положительно-диалектико-логическая необходимость и поэтому содержит как отрицательно-диалектическую, так и формально-логическую необходимость, как собственные моменты — односторонности;

Как известно, конечное не может быть только конечным (только конечное есть абсолютизированное конечное, представленное, как бесконечное; а это является ошибкой), т.е. для него необходимо бесконечное. Поэтому для необходимости конечного необходима необходимость бесконечного, диалектико-логическая необходимость, одну сторону которой представляет собой необходимость

конечного или формально-логическая необходимость. Необходимость одной стороны противоречия есть отрицание, исключение противоречащей стороны; без этого нет самого противоречия, для которого необходимы как его одна сторона, так и противоречащее (отрицательная диалектика). Одним словом, для необходимости невозможности противоречия нужна (необходима) и необходимость противоречащего, более того — и необходимость единства противоречия. Противоречие возможно на основании единства, поэтому необходимость одной стороны противоречия и противоречащей ей стороны возможна на основании необходимости единства противоречия и внутри нее. Следовательно, полная логическая необходимость есть положительно-диалектико-логическая необходимость.

Таким образом, для установления природы логической необходимости мы должны обратить внимание на следующие моменты: 1) Необходимость есть невозможность существования по-иному, точнее — невозможность противоречащего. Необходимое есть то, что по-иному невозможно, или, необходимое есть то, противоречащее чему невозможно; 2) С другой стороны, это значит, что необходимое есть то, отрицание чего невозможно. Если необходимость нечто состоит в невозможности противоречащего ему, то необходимость этого нечто должна заключаться в невозможности его отрицания. С этим обстоятельством непосредственно связано, что 3) не необходимо то, отрицание чего возможно. Необходимость нечто состоит именно в невозможности его отрицания. 4) Но еще более необходимо то, противоречащее чему требует его же; что требует противоречащего, то есть необходимость противоречащего (отрицательная диалектика). 5) Полная необходимость есть такая необходимость, когда отрицание нечто не только невозможно, но когда отрицание нечто утверждает его же. Вопрос о том, как возможна такая логическая необходимость, будет рассмотрен: как было сказано, при рассмотрении «бесконечного умозаключения».

Здесь мы считаем нужным сделать одно замечание: правда, необходимо то, отрицание чего невозможно, но это положение содержит какую-то неопределенность. Если нечто существует и его отрицание невозможно (отрицание случайного возможно, хотя случайное существует), то ясно, что оно необходимо; но если нечто не существует, то и тогда невозможно его отрицание. Нельзя отрицать несуществующее; это, конечно, не сделает его существование необходимым. Поэтому, необходимость имеется полностью тогда, т.е. здесь отмеченная и схожая неопределенность снимается тогда, если скажем, что необходимое есть то, отрицание чего утверждает его же (а не только то, отрицание чего невозможно).

§ 130. Понятие опосредствованного умозаключения в математической логике

Как было сказано, в математической логике формально-логическое опосредствованное умозаключение, например категорический силлогизм, сводится к условному предложению.

«Если А есть В и В есть С, то А есть С». В этом предложении, по мнению Лукасевича, есть единство, тогда как в традиционном понимании категорического силлогизма, отдельное представление посылок и заключения, как трех суждений, не дает этого единства¹. Из этого видно, что в математической логике единство умозаключения сведено к единству предложения; она не замечает единства умозаключения, если оно выражается различными предложениями; таким образом, здесь отрицается само умозаключение, как определенное опосредствованное единство мысли.

Правда, как Гегель, так и Маркс² были против разложения умозаключения на посылки и заключение — на отдельные суждения, но признавали необходимое единство умозаключения, как такового, представленного в виде единства трех категорий — «единичного-особенного-общего», что является общей формой умозаключения, тогда как математическая логика общее сводит к схеме, т.е. упраздняет действительную общность. Без общности невозможно понимание не только умозаключения, но и любой формы логического.

Для лучшего понимания характера опосредствованного умозаключения в математической логике сравним его с аристотелевской трактовкой силлогизма.

В математической логике использован смысл опосредствованного умозаключения, именно, *modus ponens*, который записывается так:

А

¹ Я. Лукасевич, Аристотелевская силлогистика..., стр. 58.

² См. фигуры умозаключения в «Логике» Гегеля и в «Критике политической экономии» Маркса и кругообороты в «Капитале».

$$\begin{array}{c} A \rightarrow B, \\ B \end{array}$$

где $A \rightarrow B$ есть большая посылка, A — малая, а B — заключение. Эта схема, которая называется схемой умозаключения (или «схемой зачеркивания»), высказывается так: если знаем, что предложение A истинно и $A \rightarrow B$ правильно, то имеем право сделать вывод об истинности B . В математической логике понятие опосредствованного умозаключения не рассматривается (многие логики не считают *modus ponens* опосредствованным умозаключением, поскольку в нем нет среднего понятия, а есть только два понятия: A и B), а дается заранее; «схема умозаключения» есть не логическое, а металогическое правило. Доказательство здесь понимается как следствие формул, осуществляемое посредством металогических правил (способом подстановки и схемой умозаключения). Поэтому опосредствование осуществляют именно эти правила (об этом см. в последующем, § 203).

В математической логике модус категорического силлогизма Аристотеля Barbara — MaP и SaM, следовательно SaP — принимает вид закона транзитивности импликации: $[(M \rightarrow P) \cdot (S \rightarrow M)] \rightarrow (S \rightarrow P)$. Но в силлогизме могут быть не только общие, но и частные суждения. Превращение частного суждения в общее осуществляют посредством отрицания; например, «некоторые предметы красны» превращается в суждение «не все предметы некрасны». Предикат «некрасный» обозначим через x , но он может обозначать две различные вещи: 1) «не все предметы красны» и 2) «все предметы некрасны». Эту трудность пытаются преодолеть внесением нового символа — помещением соответствующего предиката в вертикальные линии (как это делают Гильберт и Аккерман); «все предметы имеют свойство X » изображается так: $|X|$; $|\bar{X}|$ обозначает «все предметы имеют свойство $\bar{X}$ »; $|\bar{X}|$ обозначает: «неверно, что все предметы имеют свойство X ». Постольку:

SaP	соответствует	$ \bar{S} \vee P $,
SeP	соответствует	$ \bar{S} \vee \bar{P} $,
SiP	соответствует	$ \overline{S \vee \bar{P}} $,
SoP	соответствует	$ \overline{\bar{S} \vee P} $.

Этим путем умозаключения Аристотеля превращаются в отношения: исчисления предложений. Но этим теряется главное для опосредствованного умозаключения: внутренняя необходимая опосредствованная осново-следственная связь (Аристотель говорил, что силлогизм касается внутренней мысли, а не внешнего изображения). Нельзя сводить силлогизм к импликации.

В исчислении предикатов вывод заключений из посылок (которые не имеют чисто логической природы) производится следующим образом: в посылках есть не только переменные, но и индивидуальные предикаты и индивидуальные предметы. Для обозначения индивидуальных предикатов применяют комбинацию прописных латинских букв с малыми латинскими буквами, например: St, Ms, Dsc. (или греческими, или математическими знаками $<$, $>$, $=$, ...). Формальное выведение заключений (формальное доказательство) осуществляется так: символически пишутся посылки и с ними соединяются определенные логические формулы, как основные (аксиомы), вместе с которыми они создают начальные формулы для формальных операций, которые должны осуществляться согласно правилам умозаключения.

Для примера возьмем первый модус категорического силлогизма — «все люди смертны, Сократ человек, следовательно, Сократ смертен». Здесь три индивидуальных обозначения. Словам «человек», «смертен» — соответствует два предиката $Ms(x)$ и $St(x)$, для которых общим предметным родом можно считать род живых существ. Третье индивидуальное обозначение — собственное имя «Сократ». Посылками, записанными в виде формул, являются:

$$\begin{array}{c} (x)(Ms(x) \rightarrow St(x)) \\ Ms(\text{Сократ}). \end{array}$$

путем подстановки в формуле: $(x)F(x) \rightarrow F(y)$ (это аксиома: «если предикат F осуществляется для всех x ,

тогда он осуществляется также для всех y) получаем:

$$(x)(Ms(x) \rightarrow St(x)) \rightarrow Ms(y) \rightarrow St(y)$$

и далее (применением определенного правила):

$$(x) [Ms(x) \rightarrow St(x)] \rightarrow [Ms(\text{Сократ}) \rightarrow St(\text{Сократ})], Ms(\text{Сократ}) \rightarrow St(\text{Сократ}), St(\text{Сократ}).$$

Последняя формула есть символическое выражение заключения «Сократ смертен»³. Здесь применяется аксиома и одно правило умозаключения, т.е. все подразумевается заранее, и постольку опосредствованное умозаключение пропущено. Превращение формул согласно способу подстановки и правилу умозаключения, осуществляемое здесь, имеет (и в данном случае, и вообще) математически-механический характер, и не является опосредствованным умозаключением в строго логическом смысле. Как известно, из 19 правильных модусов категорического силлогизма в математической логике не оправдывается 4 модуса: модусы III фигуры Darapti и Felapton и модусы IV фигуры Bramalip и Fesaro; т.е. не оправдываются:

- 1) MaP и MaS, след. SiP
- 2) MeP и MaS, след. SoP
- 3) PaM и MaS, след. SiP
- 4) PeM и MeS, след. SoP

Эти модусы неоправданны, якобы, потому, что для их получения нужна дополнительная посылка, что, якобы, Аристотель не учел того, что, например, умозаключение «MaP и MaS, следовательно SiP» правильно тогда, когда дополнительно учитывается, что существуют предметы, входящие в класс M. Гильберт и Аккерман отмечают, что аристотелево понимание общеутвердительного суждения («все A суть B») не полностью соответствует их интерпретации формулы $(xv\check{y})$; положение Аристотеля «все A суть B» считается, истинным, если существуют предметы A. Эти авторы говорят, что их отклонение от Аристотеля оправдывается требованиями математического применения логики⁴.

Это означает, что математическое применение логики суживает ее; напр., из 19 правильных модусов остается только 15. Ошибкой является не то, что субъект общеутвердительного суждения подразумевает существование предметов, а то, что исключается их существование. Понятие предмета для логики необходимо. Да и невозможно отрицание понятия предмета; категория предмета есть категория логического, т.е. такое понятие, отрицание которого невозможно и полагает его же.

В математической логике все умозаключения являются превращениями, поэтому они непосредственны. В математическом умозаключении нет «среднего понятия», которое внутренне для посылок, как это имеет место в традиционной логике. В математической логике умозаключения не являются опосредствованными, так как умозаключение есть вывод следствия из основания, а здесь вместо осново-следственной связи применяется импликация.

Но можно сказать и то, что в математической логике ни одно умозаключение не является непосредственным, поскольку из аксиом ничего не выводится непосредственно, т.е. без применения метаправил. Выведение осуществляется всегда посредством металогических правил; иначе говоря, в математической логике все умозаключения опосредствованны, поскольку они осуществляются посредством метаправил. Но, назначение метаправил заключается в том, что они защищают тавтологичность аксиом (посылок)⁵. Это значит, что метаправила являются правилами вывода, действия и, вместе с тем, правилами не-выведения (в смысле синтетическом) и бездействия.

«Правила действия» являются лишними и чуждыми — внешними для умозаключения, его внутренней необходимости. В выведении заключения из посылок не должно действовать ничего, кроме осуществления внутреннего следования. Только внутренняя связь есть необходимая связь; внешняя связь имеет механический характер. В математической логике «умозаключение» осуществляется механически,

³ См.: Д. Гильберт и В. Аккерман. Основы теоретической логики, стр. 133-135.

⁴ Д. Гильберт и В. Аккерман, Основы теоретической логики, стр. 79.

⁵ А. Черч, Введение в математическую логику, стр. 121.

например посредством подстановок. Поэтому здесь нет умозаключения, как внутренней необходимости; т.е. в математической логике «умозаключение» применяется в другом, специфическом смысле. Главное для логического — внутренняя необходимость; в логических переходах должна действовать внутренняя объективная логика⁶.

В математической логике правила умозаключения металогичны, они заранее подразумевают мысль умозаключения: 1) математически — в виде способа подстановки и 2) логически — в виде *modus ponens*, т.е. мысль умозаключения применяется помимо рассмотрения его природы. Это означает, что математическая логика есть применение логики в определенной сфере.

В математической логике такое опосредствованное умозаключение, как категорический силлогизм, рассматривается в исчислении классов, тогда, как: 1) в категорическом силлогизме применяются предикатные суждения, 2) а сведение свойств к классам невозможно. Могут быть тождественными два класса, но не два свойства⁷.

Следовательно, правильное понятие опосредствованного умозаключения в математической логике не рассматривается; на его месте ставятся превращения формул, осуществляемые посредством металогических правил.

§ 131. Восьмисторонность логической связи

Как было сказано, осново-следственное отношение обратимо; основание определяет следствие, но и следствие определяет основание; следствие есть следствие именно основания; здесь имеет место взаимоопределение (объяснение-разрешение чего даст понятие бесконечного умозаключения, которое будет рассмотрено впоследствии). Если противоположные или противоречащие понятия или суждения находятся в таких отношениях друг к другу, то это отношение будет содержать восемь основных сторон-моментов; т.е. такое осново-следственное отношение будет восьмисторонним. Здесь главное два момента: 1) противоречие и 2) обратимость осново-следственного отношения. Оба эти момента в формальной и математической логиках считаются невозможными, как будто противоречивость и обратимость осново-следственного отношения всегда невозможны.

Возьмем для примера отношение частного и общего как отношение осново-следственное. Оно восьмисторонне: 1) если частное, то и общее (или поскольку есть частное, постольку есть и общее); 2) если общее, то и частное (поскольку есть общее, постольку есть и частное); 3) если не частное, то и не общее; 4) если не общее, то и не частное; 5) если частное, то не общее (если есть частное, то есть частное, а не общее); 6) если общее, то не частное; 7) если не частное, то общее и 8) если не общее, то частное.

Для формальной логики приемлемы последние четыре суждения, поскольку здесь имеет место тождество, аналитическое отношение; первые же четыре суждения неприемлемы, поскольку в них противоположные понятия и суждения берутся в виде осново-следственного отношения. Неприемлема для нее и обратимость, имеющаяся в вышерассмотренном примере (который, вместе с тем, является и образцовым). Формальная логика не примет восемь модусов этого осново-следственного отношения, поскольку она признает только два модуса условного умозаключения. Также чуждо ей отношение категорий, которые она не рассматривает и, более того, исключает из логической сферы. Одним словом, в указанной восьмисторонности много чего неприемлемо для формальной логики, неприемлемо, поскольку она не может их рассматривать; в диалектической же логике эта восьмисторонность оправдывается; восьмистороннее отношение основания-следствия, просто необходимо, если имеет место отношение противоположностей, отношение сторон единства противоположностей.

В таком же отношении находятся конечное и бесконечное, относительное и абсолютное и другие категории и высказывающие их суждения, находящиеся во взаимосвязи единства противоположностей. То же можно сказать и об отношении производства и потребления, о меновой и потребительной стоимости товара и т.д. Такое отношение основания-следствия ясно видно в отношениях категорий и высказывающих их суждений, в отношениях же некатегориальных понятий оно видно менее ясно, а может быть даже вовсе незаметным.

Охарактеризованная выше восьмисторонность есть восьмисторонность одной и той же логической

⁶ См. В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 85.

⁷ См. А. Черч, Введение..., стр. 36, Р. Карнап, Значение и необходимость, стр. 168.

связи как осново-следственного отношения, каждую сторону которой следует рассматривать как именно одну сторону — односторонность: ее не следует представлять отдельно, абсолютно, в противном случае мы впали бы в ошибку. Одностороннее и относительное не должно быть представлено как целое и абсолютное. Было бы ошибкой считать одностороннее неодносторонним, релятивное нерелятивным.

Из вышеприведенных восьми сторон первая — «если частное, то общее» — и пятая — «если частное, то не общее» — как-будто несовместимы друг с другом, но в действительности они не упраздняют (хотя и отрицают), а восполняют друг друга до целостности, именно, до целостности суждения. Как было сказано, смысл копулы состоит в том, что частное есть частное, но также и нечастное-общее. Частное есть частное, а не общее, но частное есть общее, т.е. суждение: «частное есть общее»; как было сказано, содержит и противоположность частного и общего. Эти две стороны должны быть представлены двумя суждениями, если представить их определенно, логически оформленными. Таким же образом можно выяснить и содержание других сторон восьмисторонности и их отношения,

Вышерассмотренная восьмисторонность, которую мы представили посредством условных суждений, может быть выражена и в виде категорических суждений: 1) частное есть общее, поэтому и в этом смысле 2) частное не есть частное, 3) общее есть частное, поэтому 4) общее не есть общее, 5) частное не есть общее, 6) общее не есть частное, 7) частное есть частное, 8) общее есть общее. Это восемь сторон единства единичного и общего.

§ 132. Принцип классификации умозаключений

Если осново-следственное отношение восьмисторонне, то ясно, что эти стороны, как отношения основания-следствия, имеющие частный характер, будут основой своеобразных умозаключений; каждая из этих сторон будет принципом определенного умозаключения. Поэтому восьмисторонность отношения основания-следствия есть принцип классификации умозаключений.

Положение «если частное, то общее» лежит в основе индуктивных умозаключений. Индукция имеется тогда, когда из частного выводится общее. Если основанием берется частное, а следствием общее, то, ясно, осуществляется индуктивное умозаключение. «Если-то» является принципом не только непосредственных, но и опосредствованных умозаключений. Так же — положение «если общее, то частное» осуществляется в дедукции, является принципом дедуктивных умозаключений. Положению «если частное, то не общее» (т.е. «если частное, то частное, а не общее») соответствуют определенные умозаключения, некоторые из традитивных умозаключений. То же можно сказать о каждой стороне вышерассмотренной восьмисторонности. Не все из соответствующих этим сторонам умозаключений исследованы в логике; некоторые из них изучены подробно, а некоторые нет.

Если есть основание, то есть следствие и наоборот. Если нет основания, то нет и следствия и наоборот. Но «основание» может быть различным: как частным, так и общим, которые противопоставляются друг другу, содержат и отрицание друг друга. То же относится и к следствию. Поэтому основание может содержать и отрицание следствия и наоборот, и следствие тоже может быть в таком отношении к основанию. Поэтому восьмистороннее отношение исчерпывает стороны осново-следственного отношения, как конечные стороны (основные конечные стороны, поскольку можно взять и «не-А» и «не-В» и т.д.). Следовательно, восьмисторонность осново-следственного отношения есть принцип классификации конечных умозаключений (но осталось еще одно, именно бесконечное умозаключение, которое лежит в основе указанной восьмисторонности. Об этом будет речь ниже).

§ 133. Конечные опосредствованные умозаключения

Все виды умозаключений, рассматриваемые в формальной логике, конечны, поскольку они подчиняются только «законам мышления», например, закону невозможности противоречия, который, как мы знаем, выражает мысль категории конечного.

Например, силлогизм, в классической форме, есть конечное умозаключение, так как: 1) он аналитичен, заключение подразумевается уже в посылках и вытекает из них аналитически; 2) из посылок непосредственно вытекает заключение, здесь нет опосредствования, поэтому вывод имеет характер непосредственного умозаключения; 3) в посылках малый, средний и больший термины берутся как один признак, поэтому это умозаключение тавтологично, вопреки требованию Аристотеля об его

синтетичности⁸; 4) в этом умозаключении логически не оформлен необходимый для него момент отрицания; например, Barbara (полный модус) не содержит никакого отрицания (хотя это для него необходимо, так как в нем три термина, три суждения); 5) поэтому в таком умозаключении не оформлена необходимость связи положительного с отрицательным; 6) это умозаключение энтимемно, оно подразумевает различие, в противном случае, оно вообще было бы невозможным; 7) но оформление в нем этого различия-отрицания невозможно, так как такое оформление разрушило бы его; 8) поэтому это умозаключение требует более высокого логического, которое свяжет положительное с отрицательным, оправдывает синтетичность логического.

Силлогизм должен быть опосредствованным умозаключением, но в нем это плохо оформлено. Вместо опосредствованности связи посылок с заключением, опосредствованность осуществлена в самих посылках; опосредствованность, так указать, перенесена назад и потом осуществлен вывод; здесь заранее подразумевается то, что должно быть осуществлено после, в самом выводе; существенная для умозаключения синтетичность перенесена в посылки, поэтому получаем аналитичность и непосредственную связь в самом умозаключении. Подразумевать мысль умозаключения до его осуществления, значит впасть в логическую ошибку.

Конечны также и т.н. несиллогистические или умозаключения отношения, если, их вообще можно считать умозаключениями. 1) Эти умозаключения выражают не отношение мыслей, а отношение вещей, поэтому они не должны входить в логику; 2) оформление их, как мыслей, а умозаключения упраздняет их своеобразие, как это было отмечено выше; 3) в этих «умозаключениях» субъектом являются единичные, а предикатом их единство, которое представляет собой содержательную общность; 4) поэтому, и в таких умозаключениях имеет место отношение частного и общего, которое не только не оформляется в них, но принципиально отрицается логикой отношений.

Конечны также условные и разделительные силлогизмы, поскольку они сводятся к непосредственным связям: 1) в условно-категорическом умозаключении нет среднего понятия, поэтому оно сводится к условному суждению, которое есть всего лишь предложение, высказывающее принцип умозаключения; 2) но здесь имеет место и неопределенность: в условных умозаключениях фактически действует определенное среднее понятие, которое не может оформить опосредствованности; в нем имеется среднее понятие, поскольку «если есть А» (начало первой посылки) и «есть А» (вторая посылка) отличны друг от друга; 3) разделительные умозаключения тоже аналитичны, поскольку в заключении берется один из видов, перечисленных в большей посылке; своей аналитичностью это умозаключение, не согласуется с его же принципом, поскольку члены, исключаяющие друг друга, находятся в роде, как в их единстве (т.е. имеется единство противоположностей, которое придает смысл такому умозаключению, хотя оно и исключается из него).

Вышесказанное означает, что конечные умозаключения, как именно конечные связи, сводятся к суждениям. Это потому, что: 1) как было сказано, в силлогизме из посылок заключение вытекает непосредственно, а не опосредствованно; поэтому оно есть непосредственное умозаключение, которое сводится к условному суждению (это заметила математическая логика и поэтому силлогизм свела к условному предложению); 2) но условное суждение содержит и мысль категорического, оно есть «истина» категорического суждения (как говорил Гегель и как мы отметили это выше); 3) категорическое суждение есть «непосредственная» связь «есть» (или «не есть»), которое для своего оправдания требует опосредствования, поскольку, как было сказано, копула имеет двойную природу.

Опосредствованность осуществится только тогда, если в единой мысли будет иметься опосредствование, осуществленное внутренним отрицанием; в противном случае мы будем иметь дело по существу с суждением, с «непосредственной» связью, сущность которой состоит в суждении.

§ 134. Необходимость безусловно-логического для условного умозаключения

Как было отмечено только-что, для непосредственности необходима опосредствованность; иными словами это означает, что для условного необходимо безусловное. Слово «условное» здесь означает конечное, а не психологическую условность, как релятивность. Поэтому необходимость безусловного для условного есть необходимость бесконечного для конечного.

⁸ См. Аристотель, Первая аналитика, кн. I, гл. I

С точки зрения содержательного общего, конечное есть одностороннее; полное одностороннее есть полное содержательное частное, что как мы уже знаем, равняется одной стороне противоречия. Поэтому существует только два частных, которые имеют одно общее. Это общее есть единство, которое необходимо для этих двух частных, так же как и наоборот — для двух полных частных необходимо единство, — именно их единство. Для частных необходимо общее, поскольку частные, взятые вне общего, сами составляют общее; все частные уже есть общее, т.е. в таких условиях частные переходят в свое противоречие, этим они общее делают необходимым для них. Если частное, как одностороннее, есть условное, то общее, необходимое для двух полных частных, будет безусловным. Поэтому для условного необходимо безусловное: для противоречия необходимо именно единство противоречия.

Если мы условное возьмем вне безусловного, то само условное выступит в роли безусловного; этим получим ошибку, отдельно взятую отрицательную диалектику, которая с необходимостью требует безусловного. Указанная ошибка требует преодоления; переход в противоречащее, который был сейчас отмечен, полагает необходимость противоречащего и поэтому требует единства.

Условность выражается так: «если-то». «Если-то» — форма, которая подразумевает и содержательность; «если есть А, то есть В» подразумевает и требует и того, что такое А; это значит, как это впервые указал Фихте, что условное полагание требует самополагания, как подчиняющего его. Форма «если-то» делается содержательной, когда мы вносим в нее то, что такое А; это уже есть безусловное; самополагание есть безусловное, которое необходимо для условного.

То, что такое А, нельзя исключить вообще из логического (а из условно-логического оно исключается), так как в отношении всего, и в частности, в отношении «если-то», можно поставить вопрос о том, «что такое это?» и ответ на этот вопрос есть его определение, которое входит в логическую связь (вопреки мнению многих логиков).

Если мы имеем положительное синтетическое суждение, то для него, как мы уже знаем, необходимо суждение, выражающее его внутреннее отрицание, поэтому необходимо единство этих двух частных — двух полных конечных (противоречащих друг другу конечных), которое само уже не будет конечным; единство двух полных конечных, или единство полностью исчерпанных условных, есть уже не конечное и условное, а безусловное.

Смысл суждения заключается, в утверждении-отрицании, каждое из которых конечно; смысл суждения оправдывается единством утверждения и отрицания, которое есть уже умозаключение, а именно полная опосредствованная связь, на основании которой оправдывается всякая логическая непосредственность. Умозаключение, взятое вообще, есть опосредствованная связь (которая не равна выводимости; выводимость тоже есть опосредствованная связь, но не наоборот). Поэтому, надо сказать, что суждение, как условное одностороннее (как и вообще непосредственность, как одностороннее) требует опосредствованности — опосредствования, односторонностью чего оно и является. Определенная опосредствованная связь, именно такая, в которой условное исчерпано, будет безусловно логическим, которое, как было отмечено, необходимо для условного.

Единичное и общее противоположны друг другу, поэтому правильно, что «единичное не есть общее», но правильно, как мы знаем, и то, что общую мысль суждения выражает «единичное есть общее». «Единичное есть общее», но «единичное не есть общее». Необходимо их единство, которое односторонне выражается так: «единичное есть общее». Каждое из них есть полное одностороннее, условное, а их единство является безусловным.

Аналитические и вообще конечные умозаключения суть умозаключения односторонние; они имеют энтимемный характер, поэтому необходимо единство их противоположности, т.е. необходима безусловность диалектико-логического. Переход от условных умозаключений к безусловно логическим связям, как умозаключениям, осуществляется посредством связей категорий; этот переход делается понятным посредством связей категорий, как умозаключений.

§ 135. Связи категорий как умозаключения.

Формально-логические конечные умозаключения не способны осуществлять синтетичность, хотя они невозможны и в условиях полного исключения синтетичности. Например, как было сказано, в Barbara не осуществляется синтетичность, оно аналитическое умозаключение, но если бы оно не подразумевало различия, своеобразного отрицания, то оно, как умозаключение, было бы невозможным (ведь оно

содержит три различных термина и столько-же суждений). Но в случае оформления в нем этого отрицания, модус Barbara был бы невозможным; если бы в Barbara было столько же отрицательных суждений, сколько положительных, то ясно, мы не смогли бы говорить о каком-либо умозаключении; в таком случае, вместо двух посылок было бы четыре, вместо одного заключения — два суждения, притом исключających и упраздняющих друг друга, что создало бы полную неразбериху и вообще расстроило бы мысль. Это означает, что такое конечное умозаключение имеет антиномичную природу: оно не синтетическое, но должно быть синтетическим, — оно невозможно в условиях чистой аналитичности, но невозможно и в условиях оформления синтетичности. Эта антиномичность должна означать невозможность такого умозаключения; но это не так. Barbara есть определенное — аналитическое умозаключение, где различие подразумевается, но не оформляется. Разрешение указанной антиномичности дает: 1) оправдание этого умозаключения и 2) более высокую логическую связь, более полную логичность, чем та, которая осуществлена в указанном конечном умозаключении.

Как было сказано, антиномичность создается отрицанием, но именно оформление отрицания разрешит ее, поскольку, как мы уже знаем, отрицание расширяет понятие; как раз посредством отрицания получаем более общее, именно содержательное общее. Антиномичность конечного умозаключения вызвана находящимся в нем отрицанием, но это отрицание дает более общее, более общую связь, именно связь категорий. Более общее есть категория, а не схема, которую применяют в математической логике.

Оформление находящегося в Barbara отрицания возможно в более общей связи — в связи категорий — что и действует в самом Barbara, но «больше», более общее (содержательно общее), чем оно; эта — связь единичного, особенного и общего, как связь категорий, имеющая характер умозаключения. Необходимое опосредствованное единство этих категорий есть своеобразное умозаключение. В Barbara малый термин (например, Сократ), средний (например, человек) и больший (например, смертность) представляют собой частные случаи категорий: единичного, особенного и общего; но связь этих категорий более общая, чем связь терминов. Логика же изучает именно общие формы, а не Сократа и его смертность или человечность.

Необходимая связь категорий единичного, особенного и общего впервые была понята как умозаключение Гегелем, а затем это «рациональное зерно» своеобразно развил К. Маркс.

Рассматриваемые Гегелем умозаключения опираются на единство категорий единичного, особенного и общего, так что формально-логические умозаключения возведены до их общей формы — до логической связи этих категорий. По мнению Гегеля, умозаключения выражают связь этих категорий, потому, что единство единичного, особенного и общего есть понятие. Умозаключение есть полное осуществление природы понятия, тогда как суждение есть связь только двух из этих трех категорий, третья в нем пропущена; у понятия же три момента (моменты единичности, особенности и общности). Умозаключение есть опосредствованная связь этих трех категорий и может иметь различный вид в зависимости от того, которая из них играет роль среднего термина. Имеются такие виды умозаключений: 1) средний термин-особенное, 2) среднее-общее, 3) среднее-единичное. Полное взаимоопосредствование этих трех категорий осуществляется их отождествлением, что дает математическое умозаключение (общее-общее-общее) в котором смысл умозаключения уже потерян, так как здесь опосредствование, оформленное в умозаключениях, сводится к тавтологичности, но этой тавтологичностью уже начинаются другие, именно рефлексивные умозаключения и т.д.⁹

Опосредствованная связь единичного, особенного и общего, как категорий, с точки зрения К. Маркса, есть умозаключение. Например, производство есть общее, потребление отдельное (единичное), а распределение — обмен — особенное. Их связь дает умозаключение¹⁰; таковы же связи категорий Т-Д-Т и другие кругообороты, которые рассматриваются в «Капитале»).

§ 136. Конечные содержательные умозаключения

«Содержательное» здесь есть условное наименование, которое определяется не столько положением дела, сколько историческими обстоятельствами, и именно тем, что умозаключения старой логики называются формальными; в отличие от них «содержательными» могут быть названы те умозаключения, которые представляют собой связи категорий. А так категория представляет не только содержательность, а

⁹ Об этом подробно см. наш труд «Рациональное зерно в теории умозаключения Гегеля» (на груз, языке), Тбилиси, 1959.

¹⁰ См.: К. Маркс, К критике политической экономии, 1951, стр. 200.

она есть именно форма, форма мысли (впервые Кант внес в логику категорию, как форму — способ мысли, именно суждения, далее это было развито Фихте и Гегелем).

«Единичное-особенное-всеобщее» (Е-О-В) является умозаключением. Существуют различные умозаключения, смотря по тому, какая из этих категорий есть среднее, а именно: 1) Е-О-В, 2) О-Е-В, 3) О-В-Е. Например: 1) потребление есть производство посредством распределения-обмена; 2) распределение-обмен есть производство посредством потребления; 3) распределение-обмен есть потребление посредством производства.

Образцом О-В-Е является пример К. Маркса: Т-Д-Т, где первый товар относится к деньгам, как особенный товар к общему (всеобщему), а деньги относятся ко второму товару, как общий товар к единичному. Поэтому Т-Д-Т сводится к форме умозаключения О-В-Е¹¹.

То обстоятельство, что связи категорий представляют собой умозаключения, более полно видно в связях философских категорий, именно в следующих связях (которые понимаются не по-гегелевски, а так, как это диктует вышерассмотренный мною характер отношений категорий): 1) единичное есть общее посредством особенного и наоборот — общее есть единичное посредством особенного, так как: единичное (частное) само есть общее, если оно берется обособленно — отдельно, и общее есть единичное, если оно берется обособленно; 2) особенное есть общее посредством единичного и наоборот — общее есть особенное посредством единичного, так как частное есть общее, если оно (частное) берется как единичное; его единственность (определенная абсолютность) есть уже общность; и общность, взятая как единичное есть особенность; 3) единичное есть особенное посредством общего, и наоборот, так как единичное, взятое вообще, есть особенное (взять его вообще, абсолютно — значит оторвать его от общности); и особенное есть единичное, если оно берется вообще (взять его абсолютно отдельно, значит представить его единичным).

Эти умозаключения тоже конечны, так как в них реализована связь трех категорий. Это хорошо видно в таком умозаключении, в котором среднее есть особенное. Особенное есть третье между двумя противоположностями — единичным и общим, тогда как в категориях противоположность-противоречие исключает такое третье. Особенное, как среднее, скрывает противоречие¹². То умозаключение, то опосредствованное единство, где полностью будут проявлены противоречие и единство противоречащих, не будет уже конечным (об этом см. ниже).

Взятые вне особенного противоположные категории — единичное и общее — где особенное будет входить в единичное (особенное по существу есть единичное), исключают конечное третье и дают единство противоположностей; поэтому мы должны взять две противоположные друг другу категории, именно, частное (единичное, которое есть и особенное) и общее и выяснить их отношение. Это отношение имеет три вида, или имеется три модуса единства частного и общего. Эти модусы надо рассмотреть отдельно друг от друга, чтобы полностью были представлены те односторонности, которые преодолеваются и сохраняются в более высоком логическом (в бесконечном умозаключении).

§ 137. Переход от общего к частному как умозаключение

Переход от общего к частному можно понять двояким образом: 1) как непосредственное умозаключение и 2) как опосредствованное умозаключение (опосредствованная необходимая связь). Здесь мы, понятно, коснемся, опосредствованных умозаключений, существенным моментом которых является непосредственная связь. Переход от общего к частному, как было отмечено, является опосредствованным: 1) когда существует конечное третье, 2) когда не существует такого третьего. В этом последнем случае роль опосредствования — среднего — выполняет отрицание. Как мы уже знаем, во взаимосвязи частного и общего, как и непосредственном умозаключении, осуществляется неустранимость одного для второго — отрицательная диалектика. В соответствующих же опосредствованных умозаключениях имеет место определенная сторона положительной диалектики, именно то, что частное и общее придают смысл друг другу. Частное и общее отрицанием друг друга утверждают друг друга, т.е. отрицанием друг друга переходят друг в друга; существующая между ними связь имеет опосредствованный характер.

В переходе от общего к частному, как умозаключении, должна осуществиться необходимость частного для общего, что и лежит в основании дедукции; но переход от общего к частному есть переход в

¹¹ К. Маркс, К критике политической экономии, 1951, стр. 87.

¹² К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 1, 1955, стр. 316.

противоположное, а формально-логическая дедукция не признает этого, считает его невозможным.

Частное необходимо для общего, поскольку общее без частного, т.е. общее, для которого частное случайно, само есть необщее, частное. Для общего необходимо частное, так как общее есть именно общее частного; общее имеет смысл благодаря частному. Общее есть то, что высказывается о многих, о множестве элементов (Аристотель, Маркс); без множества нет и общего для этих многих.

Это общее, для которого необходимо частное, есть содержательное общее. Для объемного общего — для рода — специфичность вида является лишней (он получается именно устранением этой специфичности). Если род содержит специфичность вида, то он не род, а вид. Из рода вид не выводится. Поэтому общее, для которого необходимо частное, есть единство, моменты которого являются частными — односторонностями. Категорический силлогизм должен быть дедукцией — выводом частного из общего, но это в нем не осуществляется, поскольку там из общих суждений выходит опять-же общее, а не частное. Частное имеет специфику, которая отличается от общего, поэтому, с точки зрения формально-логической дедукции, частное не выводится из общего. В силлогизме частное заключение выводится из частного, которое имеется в нераспределенном в посылах понятии, например, в модусах: *Darapti* (III фигура), *Bramalip* (IV фигура).

Если из общего выводится частное, как конкретное, то общее, являющееся исходной точкой, есть абстрактное; например, у Гегеля начальное общее есть бытие, из которого посредством абстрактного небытия выводится конкретное бытие — становление и затем наличное бытие (*Dasein*) и т.д. Здесь средством вывода является отрицание — небытие. Из тождества вытекает различие, так как только тождество есть ничто и т.п. Также у Маркса из товара выводятся деньги, так как деньги есть такой товар, потребительная стоимость которого то же, что и — меновая стоимость (отрицается непосредственная потребительная стоимость — полезность). Из денег выводится капитал — опять посредством отрицания-преодоления противоречия (в капитале преодолевается и сохраняется противоречие, он возникает из обращения и не возникает из обращения, возникает из производства и не возникает из производства; капитал возникает из такого производства, в котором имеется момент обращения — рабочая сила, как товар, который производит прибавочную стоимость; капитал есть такое обращение денег, где деньги приносят прибавочные деньги, т.е. на основе эквивалентного обмена нарушается сам эквивалентный обмен). Здесь роль среднего исполняет отрицание, а не особенное.

Нельзя на место общего ставить переменную (когда переменная понимается не как общее, а как неопределенный *x*) и выводить из нее единичное, так как: 1) сама переменная является неопределенной совокупностью единичных и выведение оттуда единичного может быть лишь только подстановкой, но 2) само правило подстановки является логически ложным, поскольку «аксиома постановки» требует подстановку на место общего его единичного; в таком случае, в самой аксиоме должны взять как общее единичное общего, а это опять требует эту аксиому и т.д.¹³ Получение из общего, как категории, частного, как категории, есть своеобразная дедукция (которая будет рассмотрена в последующем); на нее и опирается дедукция формально-логическая, хотя они различны, так как в первой действует содержательное общее, а во второй — объемное.

§ 138. Переход от частного к общему как умозаключение

Выведение из частного общего или переход к нему есть своеобразная индукция, так как это переход к противоречащему (так же как и при рассмотренной выше дедукции). Переход от частного к общему, или наоборот, как переход к противоречащему, осуществляется посредством отрицания. «Среднее» перехода к противоречащему есть отрицание.

В переходе от частного к общему выявляется необходимость общего для частного, на что опирается обыкновенная — формально-логическая — индукция и должна, но не в силах, ее осуществить; умозаключения обыкновенной индукции имеют вероятностный характер. Но если взять переход от частного к общему в сфере категорий, т.е. как переход категории частного к категории общего, то он (переход) будет иметь характер необходимости; этим будет решена до сих пор нерешенная в формальной логике проблема индукции и будет создана теория новой индукции, которая будет уже не теорией индукции, а теорией диалектики.

¹³ См. Л. П. Гокиели, К проблеме аксиоматизации логики, Тбилиси, 1947, стр. 61.

Переход частного к общему (если они берутся как категории) есть своеобразное индуктивное умозаключение, точнее, диалектическое умозаключение, поскольку, как было сказано, здесь имеется логический переход к противоположному или к противоречащему.

Рассматриваемый нами переход от частного к общему, как умозаключение, есть переход от содержательного частного к содержательному общему. Содержательное частное есть односторонность, а содержательное общее — единство. В переходе от частного к общему осуществляется снятие-сохранение односторонности, превращение ее в момент общего. Например, для Гегеля начальное бытие есть частное — односторонность; таково и небытие. Бытие и небытие переходят в становление (переходом друг в друга создают становление), односторонности которого они и представляют собой. Бытие и небытие, как частные, односторонности, дают становление с необходимостью. Становление с необходимостью вытекает из этих понятий. Становление есть содержательное общее, а бытие и небытие — являются частными — односторонностями. Частное с необходимостью переходит в общее.

Второй пример возьмем из «Капитала» К. Маркса. Капитал есть содержательное общее. Он есть круговращение денег и поэтому возникает из обращения, но он возникает не из обращения, а из производства. Капитал возникает и не возникает из обращения, так же он возникает и не возникает из производства. Эти две — противоположные друг другу — стороны являются своеобразными частными, откуда получается их единство — капитал, как общность. Капитал есть обращение денег $D-T-D'$. ($D+\Delta D$), где товар представляет рабочую силу в производстве, поэтому капитал возникает на основании определенного единства обращения и производства, как единства — общности вышеназванных односторонностей (противоположных, противоречащих друг другу). В понятии капитала объединяется смысл суждений, высказывающих эти противоречащие односторонности.

Из этих двух примеров ясно видно, что переходы от абстрактного общего к конкретному и от содержательного частного к содержательному общему совпадают друг с другом. Это означает, как выяснится ниже, что дедукция и индукция в определенном аспекте совпадают друг с другом, точнее, индуктивный переход есть своеобразный дедуктивный и наоборот.

Переход от частного к общему представляется более полно тогда, когда осуществляется переход от частного, как от категории, к общему, как к категории. Само частное переходит в свое противоположное — в общее. Частное переходит в общее, поскольку общее необходимо для частного. Частное вне общего есть: 1) частное, взятое в абсолютном смысле, т.е. общее, 2) частное, взятое в значении общего. Для частного необходимо общее, поскольку частное есть частное именно общего, поэтому частное определяется общим; частное имеет смысл благодаря общему, в противном случае оно не будет частным. Общее есть то, что высказывается о многих частных, но, с определенной стороны, оно есть общее именно вследствие многого, многое придает смысл общности; поэтому и частное определяет общность (так же, как и наоборот, многие являются моментами общего).

Движение есть общее, «есть» и «не есть» являются его частными (содержательно частными); прерывность и непрерывность, как односторонности, частные, с необходимостью дают движение, как их единство-общность. Это единство-общность имеет смысл именно движением. Его моменты имеют смысл также именно движением. «Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства)». Движение есть противоречие, есть единство противоречий¹⁴. Эти противоречащие стороны с необходимостью дают их единство. Это по существу то же самое, что и получение категории «становления» из категорий «бытия» и «небытия».

Каждое единство противоречия есть содержательная общность, односторонностями — содержательными частными — которой являются стороны противоречия. Мы ниже специально рассмотрим, в какой логической форме существует единство противоречий и в каком умозаключении осуществляется переход от противоречащих частных к их общему. Здесь мы ограничимся только указанием, того, что в сфере категорий частное с необходимостью переходит в общее.

Если для обыкновенной — формально-логической — индукции трудность создавалась необходимостью «прохождения» бесконечного числа частных, что неосуществимо, то при переходе от противоречия к его единству такой трудности нет, так как противоречие имеет только две частные стороны. — «Прохождение» двух частных не создает указанной трудности. Две стороны противоречия являются двумя полными частными, которые исчерпывают частное, сферу конечного, его природу,

¹⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 253.

поэтому переход от частного к общему осуществляется с необходимостью. Здесь не бесконечные «все», а только две. Поэтому получение их единства, возможно и оно осуществляется с необходимостью. Более того: в сфере категорий имеются не два частных, а только одно; частное, как категория, только одна, поэтому общее является его предикатом. Частное с необходимостью переходит в общее (это обстоятельство будет более подробно рассмотрено ниже, при рассмотрении бесконечного умозаключения и теории доказательства. Здесь идет речь только об определенном переходе).

§ 139. Приведение частного к общему как умозаключение

Приведение частного к общему, как умозаключение, есть редукция, которая по существу есть то же самое, что рассмотренная выше индукция. В сфере категорий индукция есть переход от частного к общему, где основанием служит частное, именно, два частных, а следствие есть их единство. Этот переход осуществляется посредством отрицания-противоречия, частное переходит в общее, как следствие в основание, путем противоречия. Поэтому индукция синтетична; два частных и их единство не одно и то же, нет, эти частные являются моментами, односторонностями единства: единство не есть сумма этих частных; сумма противоречащих друг другу дает ничто, точнее нелепость, тогда как их единство есть корень, основание этих частных, как полных конечных частных, основание, имеющее природу бесконечности.

Но переход от частного к общему можно понять как переход от следствия к основанию: это есть редукция, где частные понимаются как следствие, а общность — как их основание. Правда, и здесь совершается переход от частного к общему, но сравнительно с индукцией здесь обратное, противоположное направление. При индукции совершается переход от основания к следствию, а при редукции наоборот — от следствия к основанию. При редукции следствие непонятно и бессмысленно, если оно берется само по себе, его оправдание происходит в основании; поэтому следствие для оправдания самого себя переходит в основание. Например, непонятны частные: 1) частное не есть общее и 2) частное есть общее; эти два частных оправдываются в их единстве. Непонятны два частных (содержательных частных): 1) мир конечен и 2) мир бесконечен; их сумма представляет нелепость, но единство конечного и бесконечного оправдывает оба. Непонятны взятые вместе две мысли: 1) бытие есть и 2) бытия нет, но обе понятны, в становлении; «есть» и «не есть» объединяются в движении. В условиях капитализма товар имеет смысл благодаря деньгам, а деньги — благодаря капиталу. Товар придает смысл взаимосвязи потребительной и меновой стоимости, как односторонностей. Единство здесь есть общность, которая является объясняющим, полагающим основанием. То обстоятельство, что следствие объясняется в основании, есть познавательный момент; но то, что следствие полагается в основании, есть логический момент. Эти два момента неотделимы, точнее, они представляют собой одно и то же, (это один из аргументов в пользу тождества логики и теории познания). Редукция есть оправдание следствия в основании; индукция (так же как и дедукция) есть оправдание следствия основанием. Абстрактные — односторонности — есть следствия конкретного и поэтому имеют смысл в конкретном, как в их основании, содержательная общность — единство — придает смысл, оправдывает его моменты, которые полагаются в основании. Моменты полагаются в основании и, в этом смысле, переходят в основание.

Доказательство любого положения есть его оправдание в основании. Так понимают, например, силлогизм, последователи редукции. Силлогизм есть дедуктивное умозаключение, выведение следствия из основания, но с точки зрения редукции он есть не это, а приведение следствия к основанию. Дедуктивный вывод следствия из основания, в действительности есть приведение следствия к основанию, оправдание следствия. Дедуктивный вывод следствия из основания выявляет, что следствие оправдывается в основании, следствие приводится к основанию. Поэтому редукция имеется и в индукции, именно то, что вывод общего из частного оправдывается общим основанием.

Для редуктивной логики (например, для логики Паулера)¹⁵ индукция и дедукция есть методы специальных наук, а метод философствования есть только редукция: философствование возможно не путем индукции или дедукции, а только редуктивным путем (для Когена и Наторпа логика не дедуктивная наука, как напр., математика, а своеобразная индуктивная наука, полагающая необходимость логического

¹⁵ Akos von Pauler. Grundeggen der Philosophic, 1925, S- 9, 58; его же Logik (Versuch einer Theorie, der Wahrheit), 1929, S. S. 269, 244.

начала (Ursprung)¹⁶. Эта мысль не должна быть правильной, поскольку, как это мы докажем ниже, дедукция, индукция и редукция являются только моментами диалектического метода, которые оправдываются в нем: отдельно взятая редукция, т.е. редукция, взятая в абсолютном значении, представляет собой даже ошибку.

Редукция имеется тогда, когда совершается некоторое движение назад — «обратное» умозаключение. Получение единства положительного и отрицательного есть движение назад от положительного и отрицательного к их основанию, так как единство есть основание положительного и отрицательного. Диалектика есть раздвоение единого; редукция есть движение от раздвоения к единству, и как таковое — один момент диалектики (об этом ниже). Одно полное частное, одна сторона противоречия с необходимостью подразумевает вторую такую сторону, противоречащую ей, поэтому необходимо их единство. Противоречие с необходимостью идет к единству, так как оно выходит из него и возможно на его основании. Здесь имеется своеобразный круг, о котором будет речь ниже.

Необходимая связь положительных и отрицательных суждений, которая должна оправдаться в логике, возможна на основании единства, «приведением» их к основанию, их переходом в основание, определенной редукцией. Редукцию представляет собой, например, вышеуказанный переход суждения к умозаключению. Как было отмечено, суждение имеет антиномичную природу, его оправдание есть разрешение этой антиномичности, что и осуществляется в умозаключении. Суждение переходит в свое основание, в умозаключение (это будет полностью выяснено при рассмотрении бесконечного умозаключения). Само суждение тоже есть приведение частного к общему, поскольку, «частное есть общее», «Жучка есть собака» есть переход частного к общему.

Как было отмечено, переходы, осуществленные в логике Гегеля, с необходимостью содержат редуктивный момент. Но здесь надо сказать и то, что существующая у (Гегеля) редуктивность по существу есть то же самое, что и редуктивность, выясненная Платоном: движение посредством противоречия к идее как основанию.

§ 140. Переход от частного к частному как умозаключение

Дедукция должна быть переходом от общего к частному, но она, как-было сказано, не в силах осуществить его, поскольку, например, в силлогизме имеется переход от общего к общему или от частного к частному, т.е. осуществляется аналитический вывод. Индукция должна быть переходом от частного к общему, но и она не в силах осуществить это; индукция не может вывести из частного общее с логической необходимостью; только вероятностное получение общего из частного, характерное для формально-логической индукции, свидетельствует о том, что в индукции осуществляется, только переход от частного к частному. Таким образом, и в дедукции и в индукции по существу одно и то же положение. Оба имеют аналитическую природу. С этой стороны они не отличаются друг от друга. Это — важное обстоятельство для доказательства единства дедукции и индукции.

Следует отметить, что переход от общего к общему или от частного к частному, то же самое, что переход от единичного к единичному, или переход от частного к частному, что и хотим мы здесь выяснить.

Как было показано выше, переходы от общего к частному и от частного к общему осуществляются в сфере категорий. Оба перехода, как было сказано, диалектичны, так как частное и общее являются противоположными и противоречащими друг другу категориями и поэтому переход от одного ко второму есть переход к противоположному и к противоречащему.

То обстоятельство, что индукция не выходит за сферу частного, не переходит к общему и что дедукция тоже переходит от общего к общему или от единичного к единичному и не может осуществлять другого перехода, т.е. что в формальной логике осуществляется только переход от частного к частному, было замечено логикой отношений, в которой было создано учение о переходе от частного к частному, например, было принято за умозаключение такое отношение, как « $A=B$, $B=C$, следовательно, $A=C$ ». Но, надо сказать, что такие переходы не касаются логики, так как это переходы вещей, а не умозаключение, как это было выяснено выше.

Переход от частного к частному есть момент единства частного и общего, так как общее,

¹⁶ P. Natorp, Die logische Grundlagen der exakten Wissenschaften, 1910, S- 23-45. H. Cohen, Logik der reinen Erkenntnis, 1914, S. 12, 13.

противоположаемое частному, само есть частное, обособленное от частного. Настоящее общее есть то, что может быть названо «охватывающим» моментом. Например, производство, с точки зрения Маркса, есть охватывающий момент по отношению к другим моментам, поэтому и в этом смысле оно (производство) есть общее по отношению к потреблению, распределению-обмену и собственно производству (производству, противоположаемому другим моментам производства)¹⁷.

Переход от частного к общему, как переход от следствия к основанию, так же как и наоборот, отличается от перехода от частного к частному, между прочим, тем, что в последнем случае (как его понимает логика отношений) частные в действительности представляют субъект, а предикат есть их единство, пропущенное в умозаключении отношения. Переход от частного к частному есть утверждение того единства, той содержательной общности, в которой осуществляется необходимость этого перехода и которое может быть представлено в виде предиката.

Отношение, высказанное в предложении: «Харьков севернее Тбилиси, Москва севернее Харькова, следовательно, Москва севернее Тбилиси» есть пространственное отношение вещей, которое, ясно, не может быть умозаключением, так как это последнее представляет собой только необходимую связь мыслей, а не пространственное отношение вещей. Мысль, высказанная в указанном предложении, примет форму умозаключения только тогда, если мысли о частных будут связаны, в мысли об общем отношении этих частных, как субъекты в предикате, т.е. если выводная связь мыслей осуществится посредством суждения, как единства частного с общим; выводной, логической будет такая связь: «Харьков есть город, расположенный севернее Тбилиси, Москва есть город, расположенный севернее Харькова, следовательно Москва есть город, расположенный севернее Тбилиси». Такое умозаключение есть логическая связь (хотя оно не силлогизм); Тбилиси, Харьков и Москва — города, расположенные севернее друг друга. Тбилиси, Харьков и Москва единичные, а город — общее; определенная связь единичного и общего есть особенное, высказывающее то, что один город севернее другого, т.е. общее представлено в виде особенного. Без общности логическая связь невозможна.

Переход от частного к частному в более полном виде представлен во взаимосвязи категорий, так как переход от частного к частному то же самое, что и переход от единичного к единичному. Переход от одной категории ко второй (она тоже одна) есть именно переход от единичного к единичному, но такой, где единичное есть понятие, а не единичная вещь. Логика изучает переходы не вещей, а мыслей о них, такие переходы, которые имеют общую форму. Связь категорий есть общая связь мыслей, которая и является предметом логики.

Здесь надо указать на одну трудность: если осуществляется переход от частного к частному, то ведь это будет аналитическим выводом? Ведь из частного выводится частное же? Ведь одно и то же каждое частное: или единичное, как категория? Но дело в том, что переход от частного к частному есть синтетический переход, который содержит аналитичность, так как переход от частного к частному невозможен вне содержательного общего, он возможен и осуществляется в содержательной общности; такова каждая синтетическая связь, где единство различных как частных, представляет собой содержательную общность. Единство частных есть содержательная общность. Частные с необходимостью связываются друг с другом именно посредством содержательной общности и в содержательной общности. К этому обстоятельству добавляется и то, что такое и любое другое единство частного и общего есть единство противоположностей, т.е. оно осуществляется внутренним отрицанием и, ясно, имеет синтетический характер.

Частное по своей природе переходит в общее, которое само есть частное (общее, взятое отдельно, есть частное), но их необходимое единство есть общность, как охватывающее. Переход, частного в частное есть полагание частного на основании частного. Такое частное есть общее — категория. Тождество по своей природе переходит в различие, а единство обоих есть конкретное тождество, как содержательная общность. Так что, переходы от частного к общему, от общего — к частному и от частного к: частному осуществляются посредством отрицания; в этом смысле они являются опосредствованными переходами-умозаключениями. Это опосредствование не полное, поскольку для полного опосредствования только момент отрицания недостаточен. Но это обстоятельство, по своей природе, более сложно, чем природа конечного опосредствованного умозаключения, и поэтому будет специально рассмотрено в последующем. Антиномичность природы суждения разрешилась в конечных опосредствованных умозаключениях

¹⁷ К. Маркс, К критике политической экономии, Введение.

частично, полного разрешения она все еще ждет.

§ 141. Единство общего и частного как понятие

Возможно понятие всего, но понятие как понятие только одно; это — категория понятия. Не может быть двух категорий понятия. Если даже допустить два понятия, то они, как таковые, все-таки будут одним и тем же понятием; поэтому допущение двух понятий, как категорий, невозможно.

Мы здесь должны коснуться понятия только с одной стороны, именно с той, что рассмотренные выше отношения частного и общего в результате дают понятие, что определенные отношения суждений и категорий в результате дают то, на основании чего они возможны. Это основание не есть целиком понятие, но содержит его. Рассмотренные выше конечные умозаклучения приводят нас именно к такому понятию. Природа понятия будет рассмотрена в последующем, здесь, как было только что сказано, рассмотрим только одну сторону дела.

Рассмотренные выше отношения частного и общего, дают возможность установить, что понятие есть единство частного и общего, представляющее одну неделимую мысль. И в самом деле, общее вне частного не есть общее, так как такое общее есть частное. Так же частное без общего уже не есть частное, так как только частное и все частные есть все, оно есть абсолютное. Частное, как таковое, есть уже общее. Отрицание частного дает частное же, и отрицание общего дает общее. Они взаимно неразрывны. Они с необходимостью полагают друг друга. Но «оба имеют относительный характер, поэтому являются односторонностями. Частное и общее имеют одну общую мысль, они оправданы одной мыслью и поэтому объединяются в одной мысли. Полагание самого частного, как частного, есть утверждение частного в общей форме. Категория частного не может не быть общей. Частное и общее нераздельны и с этой стороны.

Необходимое единство частного и общего не есть смесь частного и общего, сложное нечто. Их единство есть нераздельное единое, представляющее собой понятие.

Понятия частного и общего необходимы друг для друга не только в отрицательном аспекте, не только в том смысле, что невозможно отрицание ни одного из них, но и в положительном аспекте; их связь необходима так, что ее можно выразить суждениями: «частное есть общее» и «общее есть частное». Поэтому частное и общее являются положительными моментами одного понятия (это доказывается выше рассмотренными непосредственными умозаклучениями, а не так, как у Гегеля)¹⁸. Неразрывность частного и общего дана именно в понятии. Так как частное и общее не имеют смысла отдельно друг от друга, теряют его вне друг друга, переходя в свое противоречие, то поэтому существует их необходимое единство, одна необходимая для них мысль, являющаяся понятием.

§ 142. Умозаклучение и понятие

Говорят, что умозаклучение состоит из суждений, а суждение — из понятий. Поэтому следует сказать, что понятие должно быть вначале, т.е. должно предшествовать суждению, но, как мы уже знаем и в последующем рассмотрим более подробно, эта мысль неправильна, поскольку понятие, как определенное и конкретное, не может быть вначале. Вначале всегда имеется абстрактное, конкретное есть результат развития. Понятие есть единство частного и общего. Поэтому умозаклучение, как опосредствованное единство частного и общего, должно давать понятие как свой результат. Как видим, единство частного и общего осуществляется в умозаклучениях, результатом которых является понятие.

Указанное здесь обстоятельство станет более ясным при рассмотрении природы самого понятия, здесь же мы хотим отметить только одно обстоятельство, именно то, что осуществление в умозаклучениях отношения общего и частного приводит к понятию; но это не значит, что мы уже завершили рассмотрение природы умозаклучения и что понятие есть последнее слово логики. Логика не должна ни начинаться и ни кончаться понятием, хотя в логике — в логических формах и в их системе — с начала и до конца есть понятие; без понятия, так же как и без суждения, логическое невозможно. В логике с начала и до конца имеется понятие, именно, понятие логического, понятие полной логической связи — умозаклучения; понятие, как определенная форма мысли, участвует во всех ее формах, так же как и наоборот, другие

¹⁸ См. об этом наш труд «Рациональное зерно в теории умозаклучения Гегеля», (на груз. яз.).

формы мысли — суждение и умозаключение, — так сказать, «создают» понятие, дают его в результате; умозаключение приходит к своей сущности, которая есть понятие.

Если умозаключение берется как одна общая мысль, т.е. берется без расчленения, то у нас будет понятие. Поэтому определенные (именно, рассмотренные выше) умозаключения дают основание для перехода к понятию, но поскольку в понятии не представлено полностью, во всей своей конкретности логическое — полная опосредствованная связь, которая есть единство различных и противоположных моментов, — постольку после рассмотрения понятия мы должны рассмотреть умозаключение в полном виде. Понятие есть момент умозаключения и поэтому оно рассматривается между различными умозаключениями. Понятие переходит в полное логическое, именно: в бесконечное умозаключение, в котором полнее выявляется смысл не только понятия, но и суждения и каждого конечного умозаключения.

Таким образом, получается, на первый взгляд, безвыходное — антиномичное положение: 1) Конечное умозаключение есть умозаключение, поскольку оно Должно быть синтетической опосредствованной связью, без которой оно невозможно; но конечное умозаключение не есть синтетическая опосредствованная связь, содержащая внутреннее отрицание, постольку оно не есть умозаключение; т.е. оно и есть и не есть умозаключение. 2) Конечное умозаключение, по существу, есть не умозаключение, а суждение, поскольку оно есть единство частного и общего; но оно должно быть умозаключением, а не суждением. 3) Конечное умозаключение, как единство частного и общего, есть не суждение и не умозаключение, а понятие; но умозаключение не может быть понятием.

Эта антиномичность конечного умозаключения разрешится в природе понятия, но, вместе с тем, будет представлена в ней более полно и в своеобразной форме. Окончательно она разрешается в бесконечном умозаключении, которое будет охарактеризовано после рассмотрения понятия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ (8)

ПОНЯТИЕ

§ 143. Суждение, умозаключение и понятие

Как было сказано, понятие не может предшествовать суждению, так как оно есть определенная мысль с собственным содержанием — признаками, которые приписываются чему-либо, как субъекту, а это приписывание представляет собой суждение; признаки являются признаками понятия, приписываются ему; единство этих признаков и составляет понятие. Понятие получается суждением. Постольку понятие заранее подразумевает суждение, но суждение заранее подразумевает свои элементы — субъект и предикат, которые должны быть понятиями. И действительно, субъект и предикат должны быть понятиями, но они не могут быть и не есть понятия. Понятие оформляется в суждении и суждением. Так что они не предшествуют друг другу: нельзя оказать, что сперва есть понятие и ему не нужно никакое суждение; нельзя сказать и того, что сперва есть суждение и ему не нужно никакое понятие. Как было выяснено выше, процесс суждения есть процесс полагания понятия, поэтому понятие полагается в конце, но начинается с субъекта суждения, в начале же суждения. Субъект суждения есть начало понятия, начало его полагания. Предикат есть то, что из себя представляет субъект, поэтому завершение суждения есть вместе с тем полагание понятия. Такое суждение есть определение, суждение как определение понятия. А определением называется именно установление, полагание понятия.

Не каждое суждение является определением, т.е. полаганием понятия. Суждение, которое не есть определение понятия, т.е. не может полагать его, будет, очевидно «хуже» определения; и если суждению, которое представляет собой определение, не предшествует понятие, то это тем более относится к суждению, которое не может полагать понятия. Такое суждение, должно, так сказать, возвыситься до определения, чтобы смочь полагать понятие. Но и до такого возвышения оно полагает некоторое понятие (например, суждение «стол имеет красный цвет» полагает понятие «красного стола»).

Вышесказанное будет яснее, если рассмотрим связь категорий. Для определения какой-нибудь категории необходимо применение другой категории. Применение одной категории к другой есть не только утверждение какой-нибудь определенности, но и определение, поскольку оно показывает первичность или вторичность категорий, т.е. выясняет ее место, выясняет, какая из категорий предшествует другой. Определение категории, как определенного понятия, есть указание ее места в системе.

Категория предшествует в мышлении всему, мышление возможно только на основании категории, ее применением, посредством нее. Но, как было выяснено выше, понятие есть единство частного и общего. Предшествует ли частное и общее этому единству или это единство дано прежде? Нет, выше было отмечено и то, что частное и общее, взятые сами по себе, просто невозможны, они имеют смысл только в единстве, полагаются именно в нем. Если мы скажем, что категория есть основание-средство суждения, тогда надо сказать и то, что это основание полагается именно суждением. Как будет выяснено далее, в логическом изложении имеет место переход от следствия к основанию. С точки зрения этого логического перехода, суждение полагает понятие. Суждение полагает понятие, более того, оно необходимо для его полагания, но недостаточно для этого. Для полагания понятия суждение недостаточно, нужны суждения, поскольку одно суждение есть высказывание-приписывание понятию как субъекту одного признака, а понятие может иметь много признаков. Поэтому для полагания понятия одного суждения недостаточно.

Выше было выяснено и то, что для выражения мысли суждения недостаточна односторонность, которой оно является, необходима также и противоположная ему односторонность. Поэтому понятие полагается не односторонним суждением, а противоположными суждениями: оно будет дано единством и в единстве противоположных суждений. Поэтому-то и есть понятие единство частного и общего, как двух односторонностей: 1) «частное есть общее» и 2) «частное не есть общее». Единство этих двух суждений есть умозаключение. Поэтому надо сказать, что понятие полагается в результате умозаключения, в умозаключении. В последующем будет выяснено, что понятие есть результат не только умозаключения, но и доказательства. Например, понятие какой-

нибудь науки получается в результате этой науки, как системы доказательства. Таково и понятие логики. Если существует такое умозаключение, которое вместе с тем есть и доказательство (что такое умозаключение существует, на это указал еще Аристотель), тогда надо сказать, что понятие полагается в умозаключении — доказательстве.

Понятие есть результат доказательства, но впервые — в первоначальном виде — оно полагается в результате конечного умозаключения; окончательно же понятие будет выяснено в бесконечном умозаключении, которое есть и доказательство.

Существуют понятия всего, в том числе и понятия общего, частного и единичного, но в общей форме понятие есть единство частного и общего, односторонностями которого являются частное и общее. Единство частного и общего осуществляется в умозаключениях, поэтому понятие есть результат умозаключения, точнее, оно есть в умозаключении, как общая мысль единства частного и общего, представленная одним нераздельным понятием.

Вне суждения и умозаключения понятие есть не понятие, а пустое слово. Поэтому некоторые логики и отождествляют понятие и слово, поскольку они понятие представляют вне суждения, тогда, как оно полагается именно в суждении и в суждениях.

Сказать, что понятие есть общая мысль умозаключения — не значит утверждать, что понятие не является особой формой мысли и растворяется в умозаключении и суждении; нет, вышеуказанное единство означает только то, что между формами мысли существует необходимая внутренняя связь. Суждение тоже оправдывается в умозаключении, но это не означает, что оно не является особенной формой мысли. Умозаключение осуществляется утверждением-отрицанием, но это не означает сведения умозаключения к суждению. Понятие, суждение и умозаключение являются особыми формами логического, но это логическое — одно. Этим обеспечено и внутреннее единство этих форм и возможность и необходимость их различия.

Внутренняя связь-единство форм мысли — логическое — состоит в определенном, логическом, развитии, ступенями которого эти формы и являются; первая ступень есть суждение (элементарная форма мысли), вторая — умозаключение (непосредственное и конечное опосредствованное умозаключения); третья — понятие, которое полностью раскрывается в бесконечном умозаключении-доказательстве, общую и, так сказать, сокращенную мысль которого оно представляет собой. Таким образом, понятие есть результат суждения-умозаключения именно логически (а не только с точки зрения познания). Такой результат, как было сказано, является и определенным основанием.

§ 144. Формально-логическое понимание понятия

Нашей целью не является рассмотрение формально-логической теории понятия. Мы коснемся только одного основного вопроса.

Вообще в формальной логике имеются две, по нашему мнению несовместимые друг с другом, точки зрения о природе понятия. Согласно одной точке зрения, понятие, есть мысль о сущности предмета; согласно второй, понятие не есть мысль о сущности, поскольку вопрос о сущности вообще не есть вопрос логики; это метафизический вопрос, сущность есть метафизическое, онтологическое понятие.

Данная несогласованность имеет место и в логике Аристотеля, поскольку он, с одной стороны, признает, что понятие есть мысль о сущности, в особенности среднее понятие некоторых, силлогизмов (тех, которые являются не только умозаключением, но и доказательством); а с другой стороны, по его мнению, понятие ни истинно, ни ложно, хотя истинной признается мысль, которая объективна, имеет объективное значение; без этого аподиктичность доказательства была бы невозможной. А мысль о сущности не может не быть истинной, если истина есть согласие мысли с действительностью, как это понимал Аристотель (что им ясно выражено при определении суждения).

Мысль Аристотеля об определении понятия, как о полагании сущности, правильна. Верна и мысль о том, что определение-полагание понятия, есть ответ на вопрос: «что есть это?». Это ответ на вопрос: «что?». Такая сущность имеется у всего, и у несущественного, например, у цвета. Поэтому возможно и существует понятие обо всем существующем. Постольку указанная здесь сущность не равняется аристотелевской «усии». Усия есть сущность вещи, ее мистическая

душа, но сущность как «что», не такова. Поэтому заблуждаются современные позитивисты и все те, кто считает, что сущность, признанная в аристотелевской логике, есть вообще метафизическое, мистическое понятие, которое отрицается наукой.

Нельзя устранить из логики ответ на вопрос: «что?», поскольку для логики главным является ответ на вопрос: что такое логическое?

Если мы лишим понятие объективности, то оно будет или: 1) субъективно-психической мыслью, что не входит в предмет логики, или 2) пустым словом, с которым логика не имеет дела, его изучает другая наука. Логика изучает только ту мысль, которая имеет объективное содержание.

Сведение понятия к символу, схеме или механическому исчислению есть отрицание понятия, как логической мысли. Если понятие есть мысль о сущности вещи, о том, «что это», то оно может быть как истинным, так и ложным, входит в сферу истины. Мысль, имеющая объективное значение, не может не входить в сферу истины. Понятия, понятого таким образом, как было сказано, не может быть до суждения, оно после суждения, как положенное именно им. Оно есть результат суждения и умозаключения. Понятие есть результат суждения не только в том смысле, что мы сперва познаем внешние стороны предмета, а потом его сущность и этим путем устанавливаем мысль о сущности предмета — понятие, но и в том смысле, что одно суждение высказывает одну сторону сущности, другое — другую сторону, т.е. мысль суждений односторонняя, их же единство есть умозаключение, общую мысль которого представляет понятие. Таким образом, здесь нас интересует то, что не только гносеологически, но и логически (что не исключает гносеологического, как это мы выясним в последующем) понятие получается в результате суждений и умозаключения. Понятие заранее подразумевает свои признаки, их необходимость для себя, поэтому понятие и есть результат суждений. Категория, как особое понятие, подразумевает другую категорию или до или после себя. Категория определяется во взаимосвязи с другой категорией. Поэтому-то и есть понятие общая мысль умозаключения, именно та, в которой снимается утверждение-отрицание суждения (суждений, составляющих умозаключение), хотя понятие есть результат именно суждения — утверждения-отрицания. Таким образом, понятие есть особая форма логического, отличная от суждения и умозаключения. Поскольку понятие полагается именно суждением и умозаключением, утверждается именно в них, постольку оно необходимо для логической необходимости, без него нет логического, оно необходимая его форма, одна из своеобразных форм. Поэтому ложно воззрение, которое исключает понятие из сферы логического (очевидно потому, что представляет его вне суждения-умозаключения; понятие, представленное таким образом, и в самом деле не входит в логику).

У логики обязательно должна быть общая мысль о понятии, она должна «справляться» с любыми понятиями без всяких исключений, в противном случае, она не может выполнить свой долг; логика, ограничивающаяся частным, изменяет самой себе. У формальной логики нет общей мысли о понятии, так как она не справляется со всеми понятиями, она может рассмотреть только понятия, находящиеся в родо-видовом отношении; категории и единичные понятия не входят в ее компетенцию. Основное формально-логическое правило определения понятия касается понятий, находящихся в родо-видовом отношении, понятий, которые имеют ближайший род и специфический признак. Определением понятия считается полагание именно этих признаков; категория же не имеет ни рода, ни вида. Если бы категория имела виды, то одна категория, вместе с тем, была бы не одной. Категорией называется такое понятие, которое не имеет ни рода, ни вида. Формальная логика не имеет правила определения категорий; она не рассматривает их. Математическая логика исключает из логики всякие философские категории, отрицает их (хотя этим отрицанием применяют именно категорию отрицания). Логика, которая сумеет определить категорию, будет диалектической логикой. Поскольку определение категории есть определение ее места в системе категорий, постольку определения категорий устанавливают систему, как логическое развитие, что непонятно для формальной логики.

Формальная логика не смогла справиться и с единичным понятием (понятием единственного). Одни логики признают его, другие отрицают. Иногда единичное понятие отождествляют с представлением, хотя, вместе с тем, считают, что понятие есть мысль о сущности предмета. Единичное тоже имеет свою сущность, поэтому нельзя отождествлять понятие о ней с представлением, которое

не должно иметь и не имеет места в логике. Эта неясность, непонимание единичного понятия, имеется в формальной логике, потому, что в ней понятие отождествляется с объемным общим, а оно не применимо к единичному понятию.

Дело спасает содержательное понимание общего, содержательное общее. Каждое понятие, в том числе и категория и единичное понятие, имеет природу содержательного общего. Понятие и в самом деле есть общее, но это общее есть единство, как общность его моментов. Сущность есть сущность именно единичного, представляет собой единство его моментов. Это единство повторяется во множестве единичных вещей, поэтому, как это было выяснено выше, объемное общее есть «явление» содержательного общего. Опираясь именно на содержательную общность, диалектическая логика понимает понятие в его общем значении, она не оставляет вне поля зрения ни одного понятия.

Поскольку общее имеет содержательную природу, постольку чем больше у него сторон-моментов, тем больше его общность, вопреки правилу обратного отношения объема и содержания понятия в формальной логике. Поскольку объемное общее по отношению к содержательному вторично, постольку диалектической логикой предусматривается и обратное отношение объема и содержания понятия. Формально-логическое есть одна сторона, момент диалектико-логического.

Понятие есть мысль о сущности вещи. В этом смысле оно только одно. Но можно сказать и то, что понятие имеет своеобразно понятые виды, именно, виды, понимаемые в смысле моментов. Такими моментами являются: 1) какая-нибудь сторона, понятие о которой полагается суждением, исключающим отличную сторону, 2) полная конечная сторона, понятие которой полагается суждением, исключающим противоречащую сторону, 3) единство противоположностей, которое утверждается взаимопротиворечащими суждениями, единством этих суждений (это будет общей мыслью бесконечного умозаключения, о котором будет речь ниже, и там же окончательно раскроется природа понятия).

Таким образом, возможно понятие всего: понятие какого-нибудь признака, понятие одной стороны сущности предмета и понятие всей сущности. У всего существующего имеется сущность, именно то, что оно есть. Поэтому определение понятия есть полагание того, что есть нечто. Это не значит, что мы и представление признали понятием, нет, понятие всегда общее, тогда как представление всегда частное («общее представление» есть нечто логически неопределенное). И единичное есть единство-содержательная общность именно в отношении к собственным моментам.

§ 145. Понятие в математической логике

Как мы уже знаем, в математической логике не рассматривается суждение, как форма мысли; оно сводится к предложению или к отношению предметов («суждение отношения»). То же можно сказать и о понятии. Форма мысли, как таковая (как это было отмечено и выше) непонятна для математической логики. Лукасевич прямо говорит, что он не понимает, что называется формой мысли, поскольку мысль не имеет фигуры¹. Для него мышление есть только психологическое явление. Он не видит объективной мысли, т.е. логического.

Нечто, соответствующее понятию, рассматривается в математической логике в исчислении предикатов, в частности, в исчислении классов. Исчисление предикатов есть та часть математической логики, где применяется разделение суждения на субъект и предикат, тогда как в исчислении предложений такого разделения нет. Разделение суждения необходимо для установления связи между посылками и заключением (математическая логика окончательно приходит к отрицанию субъекта суждения и сводит его к предикату).

Понятию соответствует класс. Существует и пустой класс, т.е. такой, котором нет ни одного элемента, например, бог, амазонка и т. д. Если для суждения характерно утверждение и отрицание, истинность и ложность, то для понятия это не характерно.

Для понимания того, каков смысл понятия в математической логике, надо исходить из природы вышеназванных «суждений», именно из общих, частных и единичных «суждений». Возьмем эти суждения в виде следующего примера и в следующей форме: 1) единичное предложение — «этот человек смертен», 2) предложение существования — «существует такой X, когда x смертен» — $E_x (x \text{ смертен})$, 3) общее предложение — «для каждого x правильно, что x смертен» — $Ax (x \text{ смертен})$. В

¹ Я. Лукасевич, Аристотелевская силлогистика..., стр. 48.

скобках помещена пропозициональная функция, которая ни истинна, ни ложна: она станет такой, если перед ней будут помещены кванторы или x получит определенное — единичное значение. Единичное предложение, составленное пропозициональной функцией, будет истинным, если значение переменного x есть элемент класса, который соответствует понятию «смертен». Частное предложение является истинным, если класс, соответствующий понятию «смертен», содержит в себе элементы, т.е. если не пуст. Общее предложение истинно только тогда, когда класс, соответствующий понятию «смертен», содержит все предметы. Отсюда заключают, что понятие в математической логике есть пропозициональная функция.

Эта мысль не должна быть верной уже вследствие того простого обстоятельства, что понятие не может иметь форму пропозициональной функции и содержать переменное. Отождествление понятия с пропозициональной функцией означает изъятие понятия, как самостоятельной формы смысла, из логики, допущение чего невозможно. Пропозициональная функция есть схема, а не мысль, понятие же представляет собой совершенно определенную мысль, определенную форму мысли, которая должна изучаться логикой.

Сама мысль «понятие есть пропозициональная функция — схема», тоже не может быть схемой. Поэтому понятие не есть схема, пропозициональная функция.

§ 146. Понятие и категория

Каждая категория есть понятие, но не наоборот — не каждое понятие есть категория, т.е. категориями являются только некоторые понятия. Категория есть мысль о наибо́льшей стороне действительности. Здесь понятие действительности охватывает все существующее, в частности и мысль. Философская категория (мы говорим здесь только об этой категории) абсолютно всеобща. Категория касается всего; например, категория существования касается всего, существуют как вещи так и мысли. Всеобща также и категория сущности, поскольку все существующее имеет сущность, — то, что она есть. Наибо́льшее и качество, поскольку все имеет качество, именно то, что это есть, а не другое; таково же количество; каждая вещь имеет количественную сторону, внешнюю для нее, но необходимую сторону. И объем понятия есть множество определенного вида, есть совокупность элементов, которая подразумевается в понятии. Закон тоже является одной из категорий, поскольку везде существуют необходимые, внутренние и общие связи явлений. То же относится и к другим философским категориям, но этого нельзя сказать о других понятиях. Категория не имеет рода. Нет более высокого, более общего количества чем «просто» количество. Нет и качества более общего чем качество (что нечто есть это, а не другое). Невозможно более общее понятие сущности чем понятие сущности и т. д. Во взаимосвязи категорий есть один аспект, где предусматривается объем и где, поэтому, различают друг от друга род и вид; например, понятие категории есть род всех категорий. Какая-нибудь категория может быть более общей, чем другие категории, например, есть множество категорий сущности (категории тождества противоречия, закона и другие); так же, бытие есть одна категория, но существуют категории бытия: количество, качество, мера; и наибо́льшая сторона какой-нибудь категории может быть категорией: но это общность содержательная, а не объемная.

Как было сказано и выше, нет у категории и видов. Например, нет более частного количества чем количество, более частной сущности, чем сущность, более частного закона, чем закон, более частной, необходимости, чем необходимость (поэтому, необходимость и не имеет степеней); если бы какая-нибудь категория имела виды, то, как было уже сказано, одна категория, вместе с тем, была бы не одной, а множеством, что невозможно. Какая-нибудь категория логически не может быть больше одной.

Существуют не виды категорий, а их формы, их конкретизация в той или иной сфере. В различных сферах категория проявляется различным образом. Но сама категория везде одна и та же. Например, существует категория необходимости, хотя историческая необходимость и логическая необходимость различаются друг от друга. Можно сказать, что историческая и логическая необходимость суть «виды» понятия необходимости, но необходимость, как категория, только одна. Категория, взятая в объемном аспекте, будет уже понятием, которое взято не в категориальном смысле. Рассмотрение «видов» необходимости не касается необходимости как категории. Таким образом, какая-нибудь категория может быть рассмотрена в аспекте обычного — формально-логического — понятия,

именно, в аспекте объема понятия. Но это не будет категорией, как таковой, которая не входит в сферу формальной логики.

Какая-нибудь философская категория может иметь стороны, моменты, которые сами будут категориями, входящими в первую категорию. Такие моменты, как категории, не являются видами той категории, моментами которой они являются. Таковы, например, категории сущности, бытия и др. названные выше. Например, в категорию бытия входит количество, как одна ее сторона, но род количества не есть бытие. Род количества может быть только количеством, а не чем-то другим; но, как было сказано, нет более общего количества чем категория количества; это относится и к другим категориям.

Категория может быть формой необходимой связи, например, мера есть форма связи качества и количества; но не каждая категория есть форма связи: существуют и такие категории, которые не являются формами связи. Например, явление и случайность представляют собой категории, но они не являются формами связи.

Существуют такие категории — понятия, отражающие наибо́льшую сторону действительности — устранение которых в мышлении логически, невозможно; они для него необходимы. Это такие категории, которые пригодны как объективные правила — средства для мысли. Это категории логического, рассмотренные выше. Как мы уже знаем, категорий логического больше, чем тех, которые являются и онтологическими категориями. Существуют и категории только логического (понятие, суждение, умозаключение). Мы знаем и то, что друг от друга отличаются логические категории и категории логического. Обычными формально-логическими являются понятия, которые подчиняются логическим категориям и категориям логического. Следовательно, существует три вида понятий, два из которых являются категориями. Понятие, как род, подчиняет категории, как особенные понятия, но категории, как содержательные общности и как формы логического, своеобразно подчиняют себе всякие понятия.

Категории в логику впервые внес Кант; у Аристотеля, и до Канта, категории рассматривались, главным образом, как понятия онтологии. Например, в метафизике Аристотеля рассмотрены категории: сущности, общего, материи, формы, возможности, действительности и др.; в его физике рассматриваются категории времени, пространства, движения и др. Кант впервые понял категорию, как логическую форму. Для него понятия рассудка являются категориями, т.е. формами суждения. Категории (единство, множество, всеобщность, субстанция, причинность, взаимоотношение, возможность, действительность и необходимость) представляют собой трансцендентальные, своеобразные логические условия суждений. Невозможно суждение без категорий. Категории суть правила, поэтому характерная для них общность есть общность правила, а не общность объемного характера. Кант ввел категории не в «общую» — формальную — а в «трансцендентальную логику», в теоретико-познавательную логику, в ту логику, которая то же самое, что и теория познания, и наоборот. Учение о категориях, как о логических формах, получило развитие у Фихте и Гегеля, которые поняли логику, как систему категорий.

§ 147. Форма и содержание понятия

Понятие есть одна из форм мысли, отличающаяся от других — от суждения и умозаключения. То, что характерно для понятия, как для формы, и что отличает его от других форм мысли, есть собственное содержание формы понятия. Здесь содержание и форма совпадают друг с другом не так, что якобы одно из них остается, а второе отрицается, а оба имеют один и тот же смысл, оба есть одно и то же. Понятие, как форма имеет свое собственное содержание, так же, как и у каждой формы имеется характерное для нее содержание. Что из себя представляет понятие, то и есть его собственное содержание; это есть и форма. Содержание понятия, как такового, полагается определением понятия. С логической точки зрения, содержание чего-либо полагается именно его определением. Это определение полагает «признаки» — содержание.

Понятие имеет и другое содержание. Именно то, что оно высказывает. Это содержание имеет две стороны: 1) эмпирически-единичную и 2) общую сторону предметов, которая высказывается в понятии. Например, понятие «красная роза» высказывает или применяет как эмпирически-

единичное содержание, так и общность — розу и красный цвет сообща. Поэтому это понятие получается суждением: «роза имеет красный цвет». Понятие есть общее; оно опирается на общность, существующую в действительности; оно есть высказывание общей стороны действительности (так, как это имеет место в суждении). Понятие человека высказывает то общее и существенное, что является основным вообще для человека. Понятие человека не есть символ всех людей; понятие не есть пропозициональная функция. Пропозициональная функция как схема сама невозможна без какой-то общности.

Понятие является общим и тогда, когда мы имеем дело с единичным понятием, поскольку общность понимается нами в смысле содержательного общего, о чем мы говорили выше. Является общей и категория, в том числе и такая, как категория единичного. Следовательно, каждое понятие является общим.

Общность понятия не означает того, что оно пустое и не подчиняет себе эмпирического содержания. Всякое содержание подчиняется понятию так, как, например, явления подчиняются закону, хотя признаки явлений не входят в закон. У Канта суждение подчиняется категории, например, общее суждение — категории единства, но это не значит, что признаки суждения входят в признаки категории. Как закон не содержит всех признаков явлений, так же и понятие не содержит признаков единичных, хотя эти последние подчиняются ему. Это, конечно, не объемное, а подчинение содержательному общему. Это обстоятельство ясно видно в понятии, если оно понимается как содержательное общее. Понятие единственного, единичного тоже есть единство его моментов.

Следовательно, понятие есть форма и оно имеет различное содержание. Это содержание объективно, поэтому понятие имеет объективное значение; для логики из содержаний понятия главным является его (понятия) собственное содержание. Содержание есть единство элементов; а форма есть определенность — способ этого единства.

Как было сказано, собственное содержание понятия полагается его определением, так же, как и вообще содержание полагается определением. Определением полагается и предметное содержание, которое выражается, высказывается понятием. Например, если содержание понятия стола полагается указанием существенных признаков стола, то и содержание понятия, как такового, полагается таким его определением, которое имеет в виду признак понятия, которым оно отличается от суждения и умозаключения.

Понятие всегда есть единство собственного содержания, поэтому и возможна его связь с другим понятием; поэтому и возможно «логическое развитие» — переход от простого к более сложному. Если бы понятие не имело содержания, то оно ничем не могло бы связаться с другими понятиями. Поэтому и является ошибкой представление понятия в виде схемы — пропозициональной функции. Представление понятия в виде схемы есть его упразднение. Возведение понятия до общности, есть его превращение не в схему, а возвышение до категории. Категория есть высшая общность.

У понятия с одним признаком (категории) есть не только один признак. Полагание содержания (одного признака) такого понятия возможно переходом в другие, — посредством других, именно тех, одно из которых необходимо предшествует ему, а другое следует за ним. Например, в «Капитале» Маркса товар предшествует деньгам, но после денег идет капитал; у Гегеля — бытие предшествует небытию, а после него идет становление, и т. д. Тождество предшествует различию, а за ним следует их единство — единство противоположностей и т. п. Один признак есть единство собственных моментов. Последующая категория содержит предыдущие в виде моментов — содержания.

Понятие всегда подразумевает различие. Это обстоятельство хорошо выражено немецким словом «Begriff». Нет пустого понятия. Если бы существовало такое, то и оно содержало бы какое-то различие; небытие с необходимостью подразумевает бытие.

§ 148. Понятие и его признаки

Как было сказано, понятие не может не иметь содержания. Оно всегда имеет его. Содержание понятия есть признаки — один или много признаков. Логически они, как признаки понятия, получаются суждениями. Предикация дает признаки понятия. В суждении полагаются признаки — предикаты. Это полагание опирается на познание — на знание предмета (этим предметом может быть и само понятие). Развитие познания, знания расширяет понятие, например, понятия атома, общества и

другие. Этим обеспечивается объективность понятия (в смысле истины).

Но понятие не есть сумма признаков, их совокупность, собранная путем познания предмета. Признаки понятия есть его материал, «материя», «база», на почве которого устанавливается определенное единство — одно определенное понятие. В этом единстве нет утверждения-отрицания, т.е. понятие не есть ни познавательная, ни логическая связь суждений; в этом последнем случае оно было бы умозаключением, а не понятием. В понятии снимаются и сохраняются суждения; в результате которых оно получено. Предикаты суждений сохраняются в понятии, как его признаки.

Признаки в понятии не имеют независимости, они являются его моментами; в противном случае, признаки сами будут понятиями — совершенно другими понятиями. Например, отдельно представленный признак понятия человека — двуногость — есть понятие двуногого, а не человека. Понятие не есть связь понятий; признание противного было бы логической ошибкой. Нельзя сказать, «понятие есть связь понятий», множество признаков одного понятия не умножает его. Понятие есть одно, одно для множества признаков. Признаки составляют одно-неделимое понятие. Одно, неделимое понятие имеет много признаков.

Понятие может иметь бесчисленное множество признаков, как например, понятия философии, науки, действительности. Понятие науки, содержащее все его признаки, никогда не установится; но это не значит, что нет или невозможно полное понятие науки. В логике с начала же известно, что для определения понятия не необходимы все признаки, достаточно нескольких. Например, для определения понятия человека достаточно двух признаков: 1) животного и 2) создания орудий труда; понятие человека определяется так: человек есть животное, делающее орудия труда. Нельзя исчерпать понятие действительности вопреки Гегелю, который для установления абсолютного знания стремился к исчерпанию понятия абсолюта, но для его определения достаточно и одного признака, именно, признака независимого от сознания существования. То же относится и к другим понятиям.

§ 149. Понятие диалектической абстракции

Абстракция есть полагание какого-нибудь признака. Мы должны отличить друг от друга три вида абстракции. 1) Абстракцию можно понимать (так ее понимали и так она сегодня понимается многими) как отвлечение какого-либо признака. Из какого-нибудь предмета или мысли признак отвлекается, предмет, т.е. то, признак чего мы отвлекаем, остается за полем нашего зрения. Такой признак может быть как существенным, так и несущественным — случайным; но такое отвлечение превращает признак в нечто такое, отрицание чего возможно; в противном случае, сама абстракция была бы невозможной. Эта абстракция и есть именно такое отвлечение признака, когда отрицание отвлекаемого возможно. Этой абстракцией сущность не полагается; такой абстракцией можно случайно установить сущность, но в этом случае мы впадаем, в противоречие, поскольку получаем то, отрицание чего возможно, тогда как оно должно быть невозможным, если сохраняется предмет, от которого был отвлечен признак. Например, отвлечение красного цвета от красной розы есть отвлечение признака, отрицание которого возможно; но отвлечение от розы существенного признака ничего не оставит от розы. Отвлеченный от понятия человека какой-нибудь его случайный признак можно отрицать; но если мы от человека отвлечем признак делания орудий, то отрицание этого признака не оставляет в человеке ничего. Невозможна абстракция, отвлечение от предмета его сущности, в таком случае это отвлечение теряет смысл. Нельзя отвлечь предмет от самого этого предмета.

2) Другого рода абстракция (гуссерлевская) состоит в «заклучении в скобки» того, отрицание чего возможно, и сохранении того, отрицание чего невозможно. В этой абстракции существенно не отвлечение, а сохранение, которое использует отвлечение как средство. Такую абстракцию Гуссерль называл эйдетической абстракцией. Посредством этой абстракции получается не отвлеченный признак, а то, отвлечение чего невозможно. Имеется объективная сущность, отрицание которой невозможно. Возможно только «созерцание» того, что получается в результате эйдетической абстракции; это созерцание есть созерцание сущности, логоса, интеллектуальная интуиция².

² См. E. Husserl, *Ideen...* 1 B., 1950, стр. 68 и след.

Но каждая интуиция есть психологическое состояние, чуждое для логики. Эйдетическое «созерцание» есть психологическое состояние в отношении того, отрицание и устранение чего невозможно. То, отрицание чего невозможно эйдетической абстракцией, с логической точки зрения — согласно понятию — есть мистическая сущность — мистическое нечто. «Заключение в скобки» отрывает сущность от того, сущность чего она есть (хотя «заключение в скобки» призвано именно к тому, чтобы установить нечто); именно поэтому она логически неопределенна, не имеет логического определения. Но в этой абстракции имеется и определенное «рациональное зерно», именно получение посредством отрицания того, отрицание чего невозможно (но, как было сказано выше, невозможно так же и отрицание несуществующего).

3) Диалектическая абстракция снимает, отрицает вышеназванные абстракции, но содержит в себе в качестве своих моментов их рациональные зерна. Диалектическая абстракция посредством отрицания полагает: 1) могущие быть отрицаемыми или конечные признаки и 2) то, отрицание чего невозможно — бесконечное. Диалектическая абстракция не отказывается от отрицаемого и от самого отрицания; это последнее она не считает только субъективным способом подхода к тому, отрицание чего невозможно; отрицание есть момент логического в ней; это не только отрицание, но и полагание, именно, полагание того, отрицание чего невозможно. В этом полагании отрицанием сохраняется в качестве моментов то, что отрицается, поскольку абстрагированное определяется тем, от чего оно абстрагировано. В противном случае абстракция теряет смысл — отринутая определенность не будет иметь логического значения. То, отрицание чего невозможно, полагается именно отрицанием. Полагание нечто его же отрицанием есть логическое состояние, необходимым элементом которого является отрицание.

Именно диалектическая, абстракция полагает понятие как содержательную общность, которая не исключает его моменты, а содержит их с необходимостью. Понятие, очищенное от признаков, есть ничто, хотя существует и понятие «ничто»; существует и понятие отрицания, не «пустое понятие», а именно понятие отрицания.

В диалектической абстракции, прежде всего, отрицаются такие признаки, отрицание которых возможно; например, с точки зрения К. Маркса, можно рассматривать капитализм в чистом виде, как содержащий только два класса — буржуазию и пролетариат, а остальное игнорировать. Но затем, в диалектической абстракции значительно такое отрицание, когда полученное абстракцией (оставшееся после отрицания другого) с необходимостью подразумевает то, что было отрицаемо. Например, отрицание потребления есть получение производства и наоборот, но отрицаемое сохраняется в том, что мы получили путем отрицания: в производстве сохраняется потребление и в потреблении — производство. Нет производства без потребления и наоборот, производство само есть особенное потребление и потребление есть производство³. Так же можно сказать и о следующем: нельзя получить суждение только отрицанием его субъекта, так чтобы субъект не остался в суждении. То же относится и к предикату суждения. Утверждение-отрицание с необходимостью подразумевает то, что утверждается и отрицается (см. понятие отрицания в вышерассмотренных логических законах мышления). Отрицанием получается из качества количество, но качество есть одно и количество есть определенное качество. Действительное число содержит натуральное число, хотя оно получается его отрицанием. Отрицание положительного суждения есть отрицательное суждение, но и у отрицательного имеется положительным момент; в противном случае оно и не было бы суждением.

И наконец, диалектическим отрицанием получаем, то, отрицание чего невозможно (напр., отрицание суждения невозможно, поскольку отрицание суждения само есть суждение); но это не есть что-то мистическое; нет, оно полагается именно отрицанием, поэтому имеет необходимую связь с отрицаемым и отрицание есть его момент; таким отрицанием можно получить то, отрицание чего мы осуществили; поэтому абстрагировать, далее, идти дальше этим путем уже невозможно. Окончательный результат диалектической абстракции есть то, что отрицанием чего-либо получаем его же полагание.

Только диалектической абстракцией полагается понятие, как нечто конкретное — богатое признаками, а не пустое. Это понятие есть мысль, имеющая природу содержательного общего.

³ К. Маркс, К критике политической экономии. Введение.

Именно этим путем полученное понятие есть результат суждения, взаимосвязи суждений — умозаключения и доказательства.

Диалектическая абстракция не есть один из видов абстракции, одна из абстракций; она единственно правильная абстракция, поскольку, как было сказано, она есть полная — абстракция, содержащая другие абстракции в качестве моментов.

Диалектическая абстракция есть логическое средство, путь получения понятия. Поэтому она предмет логики, ее исключение из логики невозможно; именно из такой логики, которая не исключает теорию познания. Диалектическая абстракция, прежде всего, есть логическая, но применяется почти во всех сферах теории познания.

§ 150. Диалектический анализ и определение понятия

Абстракция есть средство выделения признаков понятия, анализа понятия. Анализ отделяет главное от неглавного в понятии. Диалектической абстракцией осуществляется диалектический анализ. В силу диалектичности это не только анализ, поскольку в нем осуществляется снятие-сохранение. Диалектический анализ есть синтез, осуществленный путем анализа. В анализе осуществляется синтез. Об единстве анализа и синтеза будет речь ниже (в теории доказательства), а здесь мы ограничимся рассмотрением только следующего.

Ввиду того, что анализ есть отвлечение-полагание признаков, а диалектический анализ представляет собой снятие и сохранение признака, возможно полагание понятия, именно, такого, которое конкретно, т.е. общность которого имеет содержательный характер. Следовательно, анализ, осуществленный посредством диалектической абстракции, есть путь определения, полагания понятия; это способ определения понятия, соответствующий природе этого определения. Например, полагание понятия производства осуществляется определением его взаимоисключающих и взаимоутверждающих моментов, утверждением их единства, мысль о котором и есть понятие производства. Так же полагаются понятия товара, числа суждения; умозаключение, как диалектическое единство частного и общего, получается именно путем определения его моментов. Так же полагается каждая категория.

Полагание понятия чего-либо есть именно полагание существенных признаков как моментов. Поэтому здесь единственный путь — это путь анализа; но, как было сказано, это не только анализ, иначе мы имели бы дело не с полаганием понятия, а с разложением его на признаки, что дало бы несколько других понятий, а не то, полаганию которого должен служить этот анализ. Анализ, полагающий понятие, есть анализ, служащий синтезу; диалектическим анализом полагается синтез, определенное единство, которое и есть понятие. Понятие, как было сказано, не сумма признаков, а единство, одна неделимая мысль, которая содержит признаки, моменты в снятом виде. Определение понятия есть полагание этого единства.

Здесь мы должны провести следующее различие: 1) единство признаков, как предмет (например, производство), 2) понятие, отражающее это единство, как единая мысль, одно — неделимое — понятие, 3) способ, которым полагается понятие, как синтетическое единство. Это способ диалектического анализа.

Именно диалектическим анализом или единством анализа-синтеза возможно полагание такого единства (неабстрактного общего), которое представляет собой содержательную общность и которое в подчиненном виде содержит определенные «признаки», точнее, моменты, что и составляет содержание понятия.

§ 151. Категорияльная предикация, как определение

Рассмотренный выше диалектический анализ и вообще анализ, как отвлечение признака от предмета (именно его признака) есть не только отвлечение, но и приписывание его предмету, т.е. синтез «или следствие этого синтеза: приписывание или отвлечение признака от предмета осуществляется, понятно, в виде суждения. Здесь нас интересует то, что такое суждение осуществляется в категориях приписыванием-привязыванием одной категории ко второй. Суждение как утверждение-отрицание о чем-либо чего-либо есть предикация, а в сфере категорий —

категориальная предикация. Эта предикация есть определение. Приписывание одной категории ко второй есть определение. Здесь не нужно и невозможно полагание ближайшего (и вообще) рода. Как было уже сказано, определение категории есть установление ее места в системе категорий.

Приписывание одной категории к другой содержит трудность, так как категории, находящиеся в такой связи, могут и отрицать друг друга. Проблема именно в том, каким образом возможно приписывание друг другу противоположных или противоречащих категорий, как предикатов, т.е. так, чтобы они составляли суждение. Но такие суждения существуют, таковы, например: «конечное есть бесконечное», «одно есть многое», «единичное есть всеобщее»⁴. Это так, поскольку, по выражению Ленина, диалектика состоит вообще в отрицании первого «положения, в замене его вторым (в переходе первого во второе, в выявлении взаимосвязи первого со вторым и др.). Второе может стать предикатом первого»⁵, это возможно, так как в данном случае отрицание понимается не как голое отрицание, а как момент связи, момент развития с сохранением положительного⁶.

Категориальная предикация, как определение, означает, что из природы одной категории посредством отрицания получается такая, которая может быть приписана первой, как предикат. Это своеобразное логическое развитие, в котором отражается реально-историческое развитие или его сущность. Например, из товара получаются деньги, из них — капитал; определение денег, как категории, есть то, что впереди них полагается товар, а после него — капитал. Количество, как таковое, есть определенное качество, а количество качества называется мерой и т. п. «Конечное есть бесконечное», так как: 1) если существует только конечное, то оно есть все — бесконечное, 2) все конечные составляют бесконечное, 3) «дурная бесконечность» конечна, т.е. конечное, не имеющее конца, есть бесконечное как незавершенное, такова бесконечность времени и пространства, 4) конечное есть бесконечное, если под конечным понимается основной закон бесконечного развития, который, ясно, не является незавершенным, 5) конечное есть бесконечное, поскольку бесконечное является полным и т. п. Впервые Платон в «Пармениде» сделал попытку доказательства того положения, что «одно есть множество». Одно нечто в своем развитии может полагаться как множество ступеней; входном имеется бесконечно много частей больше нуля; одно составляет множество, поскольку множество есть много единиц и т. д. Положение «единичное есть общее», выражается, как мы знаем, суждением, и т. п. Знаем и то, что суждение переходит в умозаключение; это означает, что суждение определяется, оправдывается в умозаключении; суждение, как утверждение-отрицание, по существу есть умозаключение; доказательство осуществляется тоже путем утверждения-отрицания.

В категориальной предикации полагание определенности и определение совпадают друг с другом; этого нет в формальной логике, где определение осуществляется полаганием ближайшего рода и специфического признака, что не есть связь-развитие категорий; но тем не менее, это последнее лежит в ее основе (единство общего и частного лежит в основе единства рода и специфического признака). Из-за отсутствия в формальной логике категориальной предикации, там нет внутренней необходимой связи и переходов форм мысли⁷. Для диалектической же логики главное и существенное — логическая связь категорий, что и осуществляется категориальной предикацией, как определением.

§ 152. Особенность некоторых связей категорий

Как известно, категория есть особенное понятие, поэтому и связь категорий имеет особенность сравнительно со связью других понятий.

В связи единичного предмета с его признаком, высказанной в суждении (например, «Жучка собака»), противоположность и связь противоположностей не даны явно; не видна связь, непосредственно выраженная в суждении «единичное есть общее», что в формальной логике принимается даже за ошибку, хотя оно выражает то, что подразумевается первым суждением и на что оно опирается. Первое суждение в общем виде выражается только в форме второго.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 219.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 219.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 85.

Одна категория с необходимостью связывается со второй, несмотря на возможность того, чтобы вторая отрицала первую, что считается недопустимым для связи других понятий в формальной логике, поскольку связь категорий с необходимостью полагает понятие относительного отрицания, непонятую старой логикой.

Формальная логика отрицает логическое развитие, необходимую, внутреннюю и субординационную связь логических форм мысли; этим она и изменяет требованию логики о необходимой связи, так как во взаимосвязи обычных — формально-логических — понятий и суждений непосредственно, прямо не видно логическое развитие; оно возможно и полностью осуществляется на основании категорий и в их. взаимосвязи.

Поэтому связь категорий, как логическая связь, более высока, логически более обща, чем связь других понятий. Логическая связь полностью осуществляется во взаимосвязи категорий.

Связь категорий может быть категорией или законом, тогда как связь двух формально-логических понятий будет суждением, а связь двух или больше суждений — умозаключением; в суждении «Жучка собака» выражается связь предмета с его признаком, но сама эта связь не есть ни предмет, ни признак, а именно связь; в противном случае получим логическую ошибку, именно, искусственное размножение предметов и признаков.

Во взаимосвязи категорий возможна и полностью осуществляется логическая рефлексивность; именно непонимание природы логической рефлексивности приводит математическую логику (расширенное исчисление предикатов) к парадоксам (попытка преодоления которых теорией типов Рассела не спасает положения). Формально-логические понятия, в основном, есть понятия о вещах, или они понимаются как схемы (пропозициональная функция); а в категориях имеется и рефлексивность, на почве которой и раскрывается природа содержательного общего, непонятая для формальной логики. Понятия однозначны, но это не исключает того, что однозначность содержит в себе своеобразную двузначность. В понятии причины видно и понятие следствия и наоборот, в понятии основания есть признак следствия и наоборот. То обстоятельство, что в понятии основания видно и понятие следствия, означает двузначность этого понятия, но такую, которая не упраздняет однозначность, в противном случае получилась бы софистика. То обстоятельство, что основание есть именно основание следствия, есть однозначность, в которой имеется какое-то раздвоение-двузначность, хотя она преодолена и сохранена в однозначности. Категория логического рефлексивна; она применяется и по-отношению к самой себе, как это было выяснено выше. Для отрицания отрицания необходимо применение самого отрицания, и в этом смысле, его утверждение.

Рефлексивность категории логического, т.е. ее применимость к самой себе, и делает ее объективным логическим средством, средством, совершенно необходимым, абсолютно логическим, чего никак нельзя сказать ни о понятии единичного предмета, ни об объемном общем.

Логическая рефлексивность указывает на существование логических связей категорий, имеющих смысл первичного логического, т.е. связей, в которых осуществляется логическая бесконечность, логическое безусловное. В формальной логике осуществляются только односторонние конечные связи понятий. В ней нет никакого логического безусловного, такое для нее абсолютно непонятно, что вызывает множество непреодолимых трудностей, как это мы увидим ниже.

§ 153. Конкретность и диалектичность понятия

Понятие, как форма абстрактного мышления, само абстрактно; но, с другой стороны, оно конкретно, но, ясно, не чувственно-конкретно. Понятие, как имеющее определенное содержание, как определенное содержание и как определенная форма, не может не быть конкретным. Каждое определенное есть конкретное, а понятие не может быть неопределенным. Понятие имеет содержание, признаки, единство которых — их единую мысль — оно представляет. Конкретное есть единство многосторонности⁸. Таково и понятие и поэтому оно всегда конкретно. Понятие конкретно и тогда, когда оно имеет один признак, поскольку оно имеет содержание. Такое понятие, которое не имеет никаких признаков, есть не понятие, а пустота, ничто, а не абстрактное

⁸ К. Маркс, К критике политической экономии, 1951, стр. 213.

понятие. Правда, существует понятие небытия, но оно имеет смысл только благодаря понятию бытия. Понятие относительного небытия, как мы знаем, имеет свою определенность и не есть пустота — ничто. «Пустое понятие» может иметь математическое значение, а не логическое. В логическом действует не «пустое понятие», а «отрицание».

Вышесказанное не значит, что невозможна абстрактность понятия, абстрактное понятие. Абстрактное и конкретное — относительные понятия. Одно понятие по сравнению с другим более или менее конкретно и абстрактно. Понятие, имеющее меньше признаков, сравнительно с понятием, имеющим их больше, более конкретно, сравнительно с понятием, подчиняющим себе меньше, если общность понимается, как содержательная общность).

Ставится вопрос, имеют ли предел абстракция и конкретизация, или: имеется ли такое абстрактное понятие, абстрактнее которого не может быть, и такое конкретное понятие, конкретнее которого невозможно. Имеет ли абстракция-конкретизация низший и высший пределы? Такие пределы существуют, но только в следующем смысле. Внизу, вначале есть такое абстрактное понятие, которое имеет только один признак и содержательно ничего себе не подчиняет, а в объемном смысле подчиняет себе все. Таково, например, «бытие» в «Логике» Гегеля и «товар» в «Капитале» Маркса (речь о «начале» вообще будет ниже, при рассмотрении природы доказательства). Это простейшая, с одним признаком, категория, если мы имеем в виду систему категорий. Если мы станем на точку зрения обычного суждения, то простейшим будет какое-нибудь внешнее свойство, например, объективное содержание цвета. Одним словом, начальной будет категория, которой ничего не предшествует. Поэтому такое понятие переходит в ничто; оно почти ничто; небытие конкретнее, чем бытие, поскольку оно с необходимостью подразумевает бытие, по сравнению с ним вторично. Небытие тоже логический предмет, природу которого впервые рассмотрел Платон в произведении «Софист». Следовательно, можно сказать, что существует такое понятие, «ниже» которого ничего нет. Это понятие, с одним признаком, обеднение которого невозможно, поскольку вычитание признака превратит его в ничто.

Более конкретным будет понятие, содержательно подчиняющее себе первое. Это будет понятие, содержащее различие и т. д. Каждая категория по существу представляет собой понятие с одним признаком. Но они подразумевают и друг друга, поэтому и являются конкретными, представляют ступени конкретизации. Наличие у понятия одного признака, не означает его поверхностности; и наиконкретное имеет один признак, ибо оно есть неделимое; и в самом деле, будучи наиконкретным, оно подчиняет себе других, поэтому оно есть глубочайшее и наисновное. Например, закон есть одна категория, не может быть двух категорий закона (на вопрос «что такое закон?» возможен только один правильный ответ).

Что из себя представляет наиконкретное понятие? Как было сказано, наипростейшее понятие есть наиабстрактное. Теперь можно сказать, что наиабстрактное есть такая односторонность, которая более не имеет односторонности. Оно крайнее конечное. Следующее за этим будет более полным конечным, единством различных; а полное конечное, как мы уже знаем, есть одна сторона противоречия. Конкретизация, дошедшая до противоречия, для формальной логики уже завершена. С формально-логической точки зрения, противоречие есть предел мышления; а с точки зрения диалектической логики таким пределом является единство противоречий. Наиконкретное понятие само есть понятие единства противоречий. Это наиконкретное есть верхняя граница конкретизации. Такая граница существует, поскольку она есть бесконечное — логическое бесконечное, где преодолевается всякая односторонность. Противоречие, как мы знаем, исчерпывает понятие конечного, оно исключает третье конечное, существует одно логическое бесконечное. Нет ни ослабленной, ни высшей или содержательно более общей бесконечности. Бесконечность не имеет степеней. Это так в сфере категорий, категориально (о понятии бесконечности более подробно будет оказано ниже).

Здесь идет речь о наиконкретном с точки зрения правила, закона, логической необходимости, а не с фактической точки зрения; фактически ничего нет наиконкретного, вся действительность развивается бесконечно, у нее нет предела. Но то наиконкретное, о котором идет речь, есть основание бесконечного развития, его основной закон. Наисновной закон бесконечного развития действительности и знания, отражающего ее, есть закон единства противоречий, выше которого не стоит ни один закон. То, что объясняет бесконечное развитие, есть наиконкретный закон, в

котором «схвачена» вся бесконечность, т.е. этим осуществлено диалектическое единство конечного и бесконечного. Сущность бесконечного развития есть единство противоречий. Мысль о сущности называется понятием. Поэтому понятие бесконечности есть понятие единства противоречий. Бесконечность логически в полном виде представлена в ее понятии. Если у нас сегодня нет такого понятия, то когда оно будет, тогда осуществится то, что сейчас было сказано. Бесконечность есть то, что она есть, она не может быть другой.

Таким образом, понятие конкретно существует и наиконкретное понятие, которое диалектично, так как оно есть понятие единства противоречия. Все другие понятия выражают его односторонне, и поэтому определяются единством противоречий, подчиняются ему. Поэтому надо сказать, что все понятия диалектичны. Сторона диалектического подчиняется диалектике и диалектична.

Если это так, то почему в формальной логике понятие не было и не является диалектическим? Потому, что она понятие понимала неконкретно, абстрактно; для нее непонятна конкретность понятия; несмотря на то, что ее понятия имеют содержание — признаки. Что содержит различие, то уже содержательно. Поэтому, если бы формальная логика довела свое дело до конца, то превратилось бы в диалектическую. Диалектическая логика представляет высшую ступень развития логики и в аспекте понятия. Диалектическая логика есть «высшая логика» и с этой точки зрения.

§ 154. Природа определения понятия

Мы здесь должны рассмотреть определение понятия, как определение (дефиницию), т.е. должны ответить на вопрос «что такое определение», а не «что такое понятие»? Об этом последнем будет речь ниже; сейчас же мы рассмотрим природу **определения** понятия.

Известно, что определение (дефиниция) есть установление понятия. Что значит и что такое установление — определение понятия? Есть или нет дефиниция, суждение? На этот вопрос отвечают по-разному: одни не считают дефиницию суждением. По мнению других, дефиниция есть суждение, третьи думают, что определение есть единство нескольких суждений.

Первую точку зрения разделяет Аристотель и многие другие. С точки зрения Аристотеля, дефиниция не есть суждение, поскольку суждение есть утверждение или отрицание, а утверждение-отрицание логически является сложным; дефиниция же есть положительность простого. Суждение может быть отрицанием — отрицательным, а дефиниция только положительна, она не может быть отрицательной, так как определение есть полагание признаков. Утверждение того, чем не является предмет, не есть определение этого предмета; определение всегда есть мысленное высказывание того, что есть (а не что не есть) нечто. (Необходимо отрицательное определение отрицательного понятия, но можно, в определенном смысле, сказать, что и здесь определение должно быть положительным, поскольку и здесь определение приписывает отрицательному то, что оно есть).

Суждение логически является сложным, а определение есть простая положительность, поэтому определение предшествует суждению (простое предшествует сложному). Дефиниция предшествует суждению, и ока, таким образом, не есть суждение (в этом смысле, суждение не может предшествовать суждению, это было бы ошибкой). Дефиниция есть начало суждения, умозаключения и вообще доказательства, думает Аристотель (речь об этом начале будет в последующем).

Но если положительность дефиниции проста, т.е. представляет собой чистую положительность, то она не содержит различия; это значит, что дефиниция не есть полагание содержания, она есть пустота, тогда как дефиниция должна быть полагавшем содержания понятия. Дефиниция чего-либо есть полагание того, что из себя представляет это нечто; а это именно выявление-полагание содержания. Поэтому она не может не иметь содержания. Полагание содержания, ясно, не есть неполагание содержания. Поэтому невозможно чтобы дефиниция не была суждением; дефиниция с необходимостью есть суждение. Дефиниция есть определенное суждение, которое полагает содержание понятия — «признаки». Нет простой положительности, именно такой, которая абсолютно исключала бы различие. А имеющее различие есть то же самое,

что и имеющее содержание. Отрицание различия само есть определенное суждение. Отрицание есть суждение. Если мы применяем отрицание так, что исключаем различие и получаем простую положительность, то эта простота будет не первичной, а именно вторичной, результатом суждения.

Дефиниция в формально-логическом понимании есть полагание ближайшего рода и специфического признака, поэтому дефиницией должно быть не одно суждение, а единство двух суждений. Вместе с тем дефиниция, как единство рода и специфичности вида, не может не быть единством общего и частного, т.е. диалектической.

Если дефиниция необходимо должна быть первичной, то и в таком случае она не может быть непосредственной (простой положительностью, взятой помимо различия, чем-то таким, что ничем не определяется-опосредствуется); она все-таки будет опосредствованной: 1) внутренне опосредствованной — единством различных, 2) опосредствованной следствием; и первое место есть определенное место в системе. Поэтому дефиниция сама определена и опосредствованна. Определение само определяется. Здесь имеется рефлексивность.

§ 155. Природа понятия

В широком понимании, понятие есть мысль о сущности чего-либо, о том, что оно есть. В узком и более точном понимании, понятие, как это выяснилось из вышерассмотренных вопросов, есть общая мысль умозаключения; в этом понимании оно есть сущность умозаключения, сущность логического. Понятие есть определенность логического, его такая, а не другая природа. Понятие объективно, поскольку оно мысленно высказывает предметную определенность; Его объективность есть объективность истины.

Определенность понятия, как его такое, а не иное бытие, конечно, есть необходимая сторона понятия, но не достаточная, поскольку она поверхностно-односторонне представляет его. «Такое, а не другое» есть характеристика конечного, одностороннего; а понятие не должно быть односторонним, оно должно быть «больше» него, поскольку оно представляет собой общую мысль умозаключения (как это в последующем — при рассмотрении природы бесконечного умозаключения — будет показано более полно). Определенность конечного содержит и неопределенность, поскольку оно таково в результате того, что оно не другое. Быть таким, а не иным — значит зависеть от исключения, отрицания этого иного (и противоположного и противоречащего) и, тем самым, от самого этого иного. Понятие чего-либо именно с точки зрения понятия содержит признак противоречащего, необходимое единство с ним; это так, поскольку отрицание есть отрицание определенного, поэтому и само имеет определенную природу.

Таким образом, определенность понятия не есть определенность конечного; нет, она должна быть диалектической определенностью, определенностью единства противоположностей, определенностью бесконечности.

Определенность конечного распространяется и на определенность бесконечного, так как: 1) бесконечное не исключает конечного, а содержит его, как свою односторонность; 2) бесконечное есть единство конечных (двух противоречащих); 3) бесконечное (подлинно бесконечное) есть единство конечного и бесконечного, 4) и это единство есть это, а не другое, но это уже есть не определенность конечного, а именно полагание бесконечного. Следовательно, понятие должно быть определенностью бесконечного, одной определенной мыслью бесконечно-логического (так должно быть, но как это возможно, мы выясним в последующем).

Понятие имеет рефлексивную природу, поскольку возможно и существует понятие понятия и отрицание понятия есть понятие. Невозможно его логическое отрицание; его логическое отрицание есть его-же утверждение. В этой рефлексивности непосредственно видна природа понятия, то, что оно есть определенность логической бесконечности.

Существует понятие всего, существует и понятие ничто. Все имеет определенность. Возможно определение всего. Всегда возможен ответ на вопрос «что такое нечто?». Поэтому, понятие полагается дефиницией, которая выражает его природу. Как было сказано и выше, дефиниция есть полагание единства общего и частного, поэтому надо сказать, что понятие есть единство общего и

частного, одна, нераздельная мысль этого единства. Понятие есть результат определения и его природа раскрывается в определении, т.е. в суждении и умозаключении.

§ 156. Определение понятия как суждение

В этом и в последующем параграфах будет представлено более конкретно — в развитом виде — то, что было сказано выше о природе определения.

Как было уже сказано, для Аристотеля определение понятия не есть суждение, поскольку оно есть простая положительность, а суждение имеет сложную природу утверждения-отрицания. Но если дефиниция есть простая положительность, то она будет интуитивной. Дефиницию понимают как интуитивное положение те, которые считают ее началом доказательства. Но надо сказать, что интуиция не должна иметь места в логике, поскольку она нелогическое, психологическое состояние. Невозможно оправдание доказательства, как логического, психологическим. То, что логически полагает понятие, не может быть нелогическим. Определение есть логическая операция, а не нечто интуитивное.

Если для определения характерна какая-нибудь непосредственность (непосредственность, как мы знаем, характерна для всего, нет ничего вне непосредственности), то эта непосредственность не может быть интуицией; поскольку непосредственность не сводится к интуиции и существует также и логическая непосредственность, постольку непосредственность дефиниции может быть только логической непосредственностью. Говорят, что дефиниция есть только положительность, эту положительность понимают как логическую, именно, как мысленное выражение того, что нечто есть это. Дефиниция, как полагание понятия, может быть «простой положительностью» только в виде логической непосредственности.

Дефиниция, как полагание понятия, есть логическое опосредствование, которое должно быть суждением, поскольку нет ничего только непосредственного; тем более логическое не может быть только непосредственным. Категория непосредственного, как мы уже знаем, является соотносительной, она имеет смысл во взаимосвязи с опосредствованием. Нечто может иметь момент непосредственности, но только как момент, а само нечто будет единством непосредственности и опосредствования. Поэтому определение понятия, единство непосредственного и опосредствования, есть суждение. Суждение, как было сказано выше, в определенном смысле или с определенной стороны, представляет собой непосредственность, содержит сторону непосредственности, но не исчерпывается этой стороной, оно содержит внутреннее опосредствование. Определение понятия, как установление ближайшего рода и специфического различия, есть единство различных и, ясно, не просто и только непосредственное. Определение понятия есть особенное суждение, выражающее сущность предмета. Не проста и сущность предмета (как это было у Аристотеля в виде «Усии») и его определение не есть только непосредственность, какая-то простая положительность.

Можно (и нужно) сказать больше. То, что содержит утверждение-отрицание, будет содержать двусмысленность (*Zweideutigkeit* или *Zweiwertigkeit*), а то, что есть только положительность, будет иметь однозначность (*Eindeutigkeit*); в формальной логике определение понятия понимается именно как однозначное (формальная логика признает вообще только однозначность; двусмысленность считается ошибкой, вопреки диалектике). Но не может быть однозначным то, что содержит в себе единство общего и частного, а определение именно таково.

Определение есть высказывание известной определенности и само представляет логическую определенность, поэтому оно с необходимостью содержит моменты отрицания, внутреннего отрицания. Это значит, что определение имеет природу суждения; оно есть суждение. Определение, как единство ближайшего рода и специфического отличия, т.е. как единство общего и частного, не может не быть суждением. Такое суждение, взятое как только единство, будет таким непосредственным, которое содержит внутреннее опосредствование. Это внутреннее опосредствование есть отношение общего и частного, которое содержит отрицание, поскольку это отношение противоположностей. Определение понятия выражает не только то, что нечто есть — в таком случае оно было бы суждением существования — а то, что такое это нечто. Но выражение этого, как мы знаем, есть полагание единства общего и частного, именно полагание понятия; понятие же есть единство частного и общего, взятая как общая, нерасчлененная мысль; непосредственно берется единая мысль суждения (и

умозаключения, как это было отмечено и выше).

Если определение, именно некоторое реальное определение, выражает сущность предмета и полагает понятие, пригодное, в качестве термина в умозаключении, как это было представлено у Аристотеля, то оно не простое, а имеет природу суждения. С точки зрения Аристотеля, понятие, установленное некоторым реальным определением, как среднее понятие, есть своеобразное общее. Общность среднего понятия не имеет характера объемной общности, она есть содержательная общность. Если это так, т.е. если понятие, установленное дефиницией, есть общее, то оно не, может быть простым (простым не может быть ни понятие, ни его определение), так как общее ведь есть то, что высказывается о множестве (согласно самому Аристотелю). Если здесь имеется высказывание о множестве, то ясно, что мы имеем дело с логической предикацией, т.е. с суждением, а не только с «простой положительностью».

К этому надо добавить, что определение как высказывание того, что нечто есть это, не может не иметь рефлексивного характера. Эта рефлексивность, правда, содержит тождество, но не равняется ему, не сводится к нему. Сведение рефлексивности к тождеству характерно для математики, для математической⁹, а не диалектической логики. Логическая (и вообще всякая) рефлексия невозможна без внутреннего различия. В суждении имеет место такая рефлексия, поскольку «единичное есть общее» означает то, что предикат высказывает субъект, общее высказывает единичное, т.е. природа единичного есть общее. Но это обстоятельство для суждения является чем-то неадекватным, и эта неадекватность должна быть снята; а это осуществляется в умозаключении, как в более высоком логическом, сравнительно с суждением. Следовательно, определение понятия есть суждение, но не только суждение.

§ 157. Определение понятия как умозаключение

Определение есть суждение, но, как было сказано, развитие суждения в результате дает умозаключение. То же относится и к определению, как суждению, которое в полностью развитом виде есть умозаключение. Поэтому надо сказать, что определение есть умозаключение, определение понятия имеет природу умозаключения.

Определение есть не такое умозаключение, как силлогизм или другой вывод — следование, а некоторая опосредствованная связь, умозаключение как опосредствованное единство. Если определение есть полагание ближайшего рода и специфического признака, то оно есть единство двух суждений, поскольку выражение ближайшего рода и специфического признака осуществляется двумя суждениями (а предложение будет одно); а единство двух суждений есть умозаключение, как опосредствованная связь, тем более, что эта связь содержит внутреннее отрицание-противоположность (различие частного и общего), представляет собой единство этих противоположностей. Логическое единство суждений больше чем суждение, оно есть умозаключение.

Если определение имеет природу единства общего и частного, тогда оно содержит двузначность, не однозначно. Двузначность различия (что немцы называют *Zweiwertigkeit*, *Zweideutigkeit* и *Doppeldeutigkeit*, см., например, в трудах Heiss-a и Gunther-a)¹⁰ означает не только его антиномичность, но и ее разрешение. Эта двузначность-противоположность дана в единстве. Определение есть одна мысль и понятие тоже представляет одну мысль. Можно сказать, что если определение есть умозаключение, то оно может быть и доказательством; ведь доказательство осуществляется в форме умозаключения. Если определение есть умозаключение, то оно есть доказательство. Но здесь необходимо указать на своеобразное понимание определения, как доказательства. Оно есть доказательство в том смысле, что логическое определение чего-либо есть его полагание и, в этом смысле, доказательство. Такое понимание определения полностью осуществляется в категориях. Определение есть полагание категории, полагание его места в системе, а это и есть доказательство. Именно посредством определения полагается первичность-вторичность категорий в отношении друг к другу, т.е. осуществляется их доказательство. Определяющее есть основание, а определяемое — следствие, само же определение — их необходимая связь. Определение места каждой категории будет осуществлением полной системы. Каждое понятие имеет свое

⁹ См. А. Тарский. Введение в логику и методологию дедуктивных наук, 1948, стр. 138.

¹⁰ См. Предисловие этого труда.

определенное место. Целиком все доказательство не имеет такого места, поэтому и говорят, что невозможно доказательство доказательства (но здесь осуществляется самополагание, что будет рассмотрено в дальнейшем).

Могут заметить, что сказанное здесь не касается определения, рассматриваемого в формальной логике; определение, как доказательство одно дело, а определение понятия — совершенно другое. Эта мысль правильна частично, но не целиком, поскольку определение, как полагание ближайшего рода и специфического различия, представляет своеобразное полагание места понятия. Когда мы находим для понятия ближайший род и то, чем оно отличается от других видов, этим полагается место понятия. В определении категорий это обстоятельство осуществляется, как это было отмечено выше, полностью, так что определение есть доказательство, и поэтому оно не может не быть умозаключением.

Во всяком случае, должно быть ясно, что поскольку определение может быть представлено как суждение или как умозаключение, постольку оно имеет логическую природу. Если определение есть полагание понятия, то оно не может не быть суждением или умозаключением, поскольку, как было уже сказано, в определении осуществляется понятие, а понятие есть результат суждения и умозаключения; оно есть общая мысль умозаключения, начало которой есть субъект суждения. Поэтому надо сказать что, что определение не есть пояснение слова (как, например, думает Котарбинский¹¹). Определение есть логическая форма, в противном случае, оно не смогло бы полагать понятие. Началом определения начинается полагание понятия, его окончание завершает это полагание. Понятие наличествует в процессе определения с начала и до конца я в этом смысле есть результат определения (можно сказать и то, что для определения какого-нибудь понятия надо заранее определить другие понятия. Определение какого-нибудь сложного понятия, находящегося, напр., в конце системы или ближе к концу, с необходимостью заранее требует определения других понятий. Этот вопрос здесь нас непосредственно не касается).

Вышесказанное не значит, что определение, суждение, умозаключение и доказательство есть одно и то же; допущение этого было бы полным недоразумением (логические формы мысли, как именно формы логического, являются формами одного и того же, они тождественны в роде). Определение есть логическая операция, полагающая понятие, но оно не простая положительность, а так же логически сложно, как суждение и умозаключение. Все три формы имеют логическую природу, все они входят в сферу системы доказательства. Определение может быть выражено как суждением, так и умозаключением, поскольку у всех трех форм логически сложный характер. Поэтому, как это было отмечено выше и в дальнейшем выяснится полностью, определение не предшествует доказательству, как нечто нелогическое, как некая непосредственность, имеющая недоказательный характер. Все может быть доказано, может быть доказано также и первое для доказательства, поскольку, ведь и полагание места первого будет доказательством?

§ 158. Диалектичность определения понятия

Из содержания предыдущих параграфов непосредственно вытекает диалектичность определения понятия.

Вопреки большинству логиков, надо сказать, что определение понятия не аналитично, не есть тавтология, хотя возможно его прямое обращение, поскольку, как известно, определяющее и определяемое понятия по объему тождественны; но известно и то, что тождественные по объему понятия могут быть совершенно различными по содержанию. Тождество понятий должно быть установлено с точки зрения содержания, поскольку, два понятия, как две мысли, подразумевающие одно и то же множество, могут не иметь ничего общего. Например, одни понимают человека как божественное существо, а другие — как животное, делающее орудия; первое — ложное понятие, а второе — правильное. Эти два понятия, как две мысли, не имеют ничего общего, кроме того, что оба обозначаются одним и тем же словом «человек». Слово есть не мысль, а лишь способ ее языкового выражения. Могут быть тождественными два класса, но никогда два свойства (это обстоятельство признает и Карнап)¹².

Как было сказано, определение содержит отрицание, противоположность, поэтому оно имеет

¹¹ См. Котарбинский, Избранные произведения, Москва, 1963, стр. 627.

¹² См. Р. Карнап, Значение и необходимость, стр. 168.

природу единства противоположностей. До такого понимания определения дошла и старая — формальная логика, поскольку главным правилом определения было признано полагание ближайшего рода и специфического различия. Такое определение есть единство противоположностей, поскольку род есть общее, а специфический отличительный признак есть частное, поэтому определение есть единство частного и общего как противоположностей, полагание этого единства. Это правило определения как видно из сказанного, непосредственно опирается на единство известных категорий, но не равняется ему, в противном случае и старая логика была бы диалектической, но это не так, поскольку вообще для формальной логики природа категорий непонятна, а признание единства противоположных категорий недопустимо, так как это исключается законом невозможности противоречия. До логики категорий формальная логика не возвысилась и не могла возвыситься; а диалектическая логика есть прежде всего логика категорий.

Диалектичность определения понятия отчетливо осуществляется в определении категорий, как в полагании их места, где одна категория определяется противоположной ей категорией, поскольку природу первой выражает ее противоположность. Например, свобода определяется категорией необходимости; свобода есть осознанная и внутренняя необходимость. И случайность определяется необходимостью; случайность есть форма существования необходимости. Категория конечного определяется применением категории бесконечного, посредством его и наоборот: так же, возможность определяется действительностью и наоборот, обе эти категории определяют необходимость и наоборот. Причинность определяется взаимодействием, а оно — самопричинностью; причина определяется следствием и наоборот. Полагание определенности здесь есть то же самое, что и определение. Полагание первичности-вторичности категорий есть их определение. Такие определения могут быть выражены суждениями, например: «единичное есть общее», «единое есть многое», «конечное есть бесконечное» (о которых была речь выше) и др.

Таким образом, определение понятия имеет диалектическую природу.

§ 159. Признак сущности и ее открытия и определение понятия

Понятие есть мысль о сущности предмета; но как понять, что такое сущность? Как установить, когда — на какой ступени познания — имеем дело с сущностью предмета? Какова мысль о сущности? Каков признак сущности предмета? По какому признаку замечаем, когда мы открыли, установили сущность предмета? Каков признак у сущности предмета и у ее открытия? Если мы знаем такой признак, то, разумеется, легко определить понятие, понять, что такое понятие.

Ответа на эти вопросы в формальной логике нет, хотя ее представители часто определяют понятие, как мысль о сущности предмета (понимание сущности, как это было отмечено выше, означает понимание того, что из себя представляет нечто; это нечто может быть как объективной вещью, так и мыслью: понятием, суждением, умозаключением). Сущность предмета на различных ступенях его познания представляется различно. Например, сущность человека в разное время и в различных системах знания представлена по-разному. Вследствие этого, часто смешивали представление о предмете и его понятие.

Сказанное выше дает основание для определения сущности предмета, его существеннейшего признака, что даст возможность установить понятие как мысль о сущности предмета. Дело в том, что с точки зрения существенности признаки предмета различны. Отличают друг от друга и мы должны отличать существенные и несущественные признаки предмета (нечто). Несущественным будет такой признак, отрицание которого не изменяет предмет (нечто). Такой признак случаен для предмета; например, красный цвет для стола. Мы должны отличить друг от друга также и необходимый и существенный признаки предмета (нечто). Каждый существенный признак необходим, но не наоборот — не каждый необходимый признак существенен. Например, географическая среда необходима для общества, но не является для него существенной. Тождество необходимо для суждения и умозаключения, но не существенно. Отрицанием географической среды отрицается общество, но не наоборот (хотя среда есть среда именно чего-то). Отрицанием тождества отрицаются и суждение и умозаключение, но не наоборот, ибо отсутствие суждения и умозаключения не означает вообще отсутствия самого тождества, так как тождество и суждение-умозаключение, ясно, не одно и то же. Признак, без которого предмет невозможен, есть необходимый признак. Отрицание необходимого

признака приводит к отрицанию предмета (хотя такой признак может быть несущественным).

Но если отрицанием признака отрицается предмет (нечто) и наоборот, если, вместе с тем, и отрицание предмета вызывает отрицание признака, то мы имеем дело с существенным признаком (определенностью, сущностной). Например, вследствие отрицания способа производства отрицается общество и наоборот. Вследствие отрицания признака утверждения-отрицания отрицается суждение и умозаключение-доказательство и наоборот.

Но здесь существенное определяется с отрицательной стороны, поскольку, если отрицание признака означает отрицание предмета и наоборот, тогда установлено только то, что они друг без друга не существуют, что они не могут устранить друг друга, они нераздельны и ничего более. Необходимо определение существенного и с положительной стороны, именно указание на то, что мы должны прибавить к отрицательной стороне существенного, чтобы получить законченную мысль о сущности. Существенное с положительной стороны означает то, что полагание признака (определенности) полагает предмет и наоборот — полагание предмета полагает его признак. Но и это есть одностороннее представление существенного, поскольку возможны случаи, когда полаганием какого-нибудь признака полагается то, признаком чего он является и наоборот, но все-таки мы не имеем дела с сущностью (например, ушная мочка для человека). Поэтому необходимо объединение обеих сторон существенного — как отрицательной, так и положительной. Этим мы получим не только существенное, но и сущность, т.е. существенное будет представлено полностью, что можно выразить так: полагание-отрицание одного нечего полагает и отрицает второе нечего и наоборот.

Но это, как мы уже знаем, есть определение конечного (одно из его определений, рассмотренное выше). Поэтому данное здесь определение относится к сущности конечного (или же, во всяком случае, того, что существенно для конечного). Но, выше было выяснено и то, что сущностью конечного должно быть бесконечное. Это значит, что мысль о существенном и сущности еще требует уточнения, что, по нашему мнению, может быть представлено следующим образом: сущность есть то, отрицание чего утверждает его же. Эта сущность есть бесконечное. Сущность конечного есть бесконечное.

Если сущность есть то, отрицание чего полагает его же, то она есть единство противоречий. Именно понятие этого и есть мысль о сущности. Мысль о бесконечном конечном есть понятие, что представляет единство противоречий не полностью, а только со стороны его общности. Понятие есть единая мысль о бесконечном.

Понятие есть мысль о том, отрицание чего полагает его же. Отсюда видно, что у нас нет понятий всех тех предметов, знание которых у нас имеется. Мы знаем многое, но можем не иметь понятия обо всем этом. Понятие есть знание, но не наоборот; не каждое знание есть понятие. Однако, знание может быть знанием какого-нибудь момента понятия. Поэтому и есть понятие результат развития знания. Знание момента понятия часто принимается за понятие. Это не ошибка, если принимается во внимание полное, завершенное понятие, определение которого мы привели выше.

То, отрицание чего полагает его же, есть сущность, мыслью о которой является понятие. Например, понятие тождества, понятие отрицания, понятие частного и др. Но, как мы это выясним в следующей главе, отрицанием нечего его же утверждение есть умозаключение. Поэтому и говорим, что понятие есть общая мысль умозаключения (но об этом ниже).

Что такое движение-развитие? Что из себя представляет сущность движения-развития? Это есть внутреннее противоречие, единство противоречий, как это доказано в диалектическом материализме — в марксистско-ленинской философии. Понятие единства противоречий и понятие движения-развития, есть одно и то же понятие. Сущность бесконечного развития в законченном виде выражается в ее понятии. Сущностью каждого предмета, находящегося в движении-развитии, будет его внутреннее противоречие. Понятие есть общая мысль о существующем в каждом предмете единстве противоречий; единство противоречий, представленное в полном виде, есть особое умозаключение, которое требует подробного рассмотрения.

§ 160. Понятие понятия

Мысль о сущности предмета есть понятие. Понятие есть мысль о том, что из себя представляет нечто. Таких сущностей бесконечно много. Поэтому и существует бесконечно много понятий. Но мы знаем и можем знать то, что из себя представляет само понятие; мы можем дать определение понятия, его полагание. Такая мысль будет понятием о понятии, понятием понятия. Оно может быть только одно. Понятие, как форма мысли, может быть только одно. Если оно было бы больше одного, тогда мысль о них была бы все-таки одной. Того, что называется понятием, не может быть более одного. Понятие понятия есть то же самое, что и категория понятия. Понятие есть одна из логических категорий. Понятие понятия то же самое, что и понятие как понятие. Оно есть категория логического.

Это относится и к понятию суждения. Понятие суждения есть то, что из себя представляет суждение, это — категория суждения. В этом смысле и суждение есть категория логического. Понятие умозаключения представляет собой тоже категорию логического. Существуют три формы логического: понятие, суждение и умозаключение; все три представляют собой категории логического (см. выше о категориях логического).

Невозможно логическое отрицание понятия, поскольку и это отрицание есть понятие. При отрицании понятия применяется категория отрицания. Отрицание понятия не только невозможно, но и само утверждает понятие. Поэтому понятие является рефлексивным, рефлексивно-логическим. Понятие какого-нибудь предмета не есть предмет, а есть именно понятие предмета, но понятие понятия само есть понятие. Понятие понятия есть понятие и отрицание понятия есть (и полагает) понятие.

В понятии понятия есть не два понятия, а одно, но внутренне раздвоенное; это есть, так сказать, понятие, относящееся к самому себе. Понятие суждения, как мысль о суждении, отличается от суждения, так же, как и понятие умозаключения — от умозаключения; но понятие суждения, как мысль суждения — то, что есть суждение, представляет суждение, именно вообще суждение, категорию суждения. То же можно сказать об умозаключении.

То, что понятие понятия есть раздвоение одного понятия, ясно видно в утверждении понятия его отрицанием. Отрицанием понятия совершается утверждение понятия, а отрицанием суждения осуществляется утверждение суждения (и отрицание суждения есть суждение; отрицание, так же, как и утверждение, есть суждение). Отрицание подразумевает отрицаемое и отрицающее (как это было выяснено выше), но и отрицание умозаключения утверждает что-то, поэтому и здесь имеет место утверждение умозаключения, поскольку утверждение отрицанием есть логическое опосредствование, и в этом смысле, умозаключение.

Внутреннее раздвоение понятия, как понятие понятия, есть рефлексивность понятия. Эта рефлексивность завершена, поскольку невозможно понятие понятия понятия. Понятие понятия исчерпывает само себя, для него не требуется новое понятие или новая рефлексия. Если мы знаем то, что такое понятие, этим дело окончено. Поэтому не существует опасности бесконечного регресса. Опасность бесконечного регресса существует для конечного, а понятие понятия имеет природу бесконечно-логического, поскольку отрицание понятия утверждает его же.

В логической рефлексивности понятия понятия нет никакой парадоксальности, поскольку, оно логически бесконечно. Понятие понятия есть содержательная общность. Если понятие понимать как только объемное общее, тогда в отношении понятия понятия возникает вопрос: входит оно в само себя, как элемент, или нет? Мы получим парадокс, сходный с парадоксом Рассела (парадокс множества, которое содержит в себе элементом само себя. И этот парадокс легко разрешить на основании содержательного общего и бесконечно-логического). Понятие не есть только объемное общее и символ. Понятие понятия есть содержательное общее, категория, именно, категория логического. Как ее утверждение, так и отрицание применяет ее же. Понятие применяется и в отношении себя. Оно не есть содержательное частное, для которого требуется другое общее и т. п. Оно есть содержательное общее, имеющее природу бесконечно-логического и поэтому снимается парадоксальность.

Рефлексивность вызывает парадоксы в математической, а не в диалектической логике, которая является логикой именно логической рефлексивности. Полное снятие логических парадоксов возможно только в диалектической логике. Рефлексивность понятия понятия, именно: то, что

отрицание понятия утверждает его же, означает «двузначность», сведение чего к однозначности (что имеет место в теории типов Рассела) вызывает неразрешимость трудности, оставляет ее открытой. Диалектико-логическое, именно бесконечно-логическое, содержит двузначность — утверждение отрицанием, где отрицание имеет и положительный смысл. Это не упраздняет ни однозначности ни двузначности, а дает однозначное, в котором двузначность сохранена в снятом виде¹³.

§ 161. Деление понятия

Рассмотрение природы определения понятия, мы закончили выяснением логической рефлексивности понятия. Было отмечено, что в логической рефлексивности понятия имеет место какое-то внутреннее раздвоение. Это обстоятельство будет понятным, если мы вспомним то, что было сказано выше о понятии, как единстве частного и общего. Было сказано и то, что в определении понятия полагается единство общего и частного. Это значит, что полагание понятия есть также и полагание его моментов, осуществляется путем их полагания. Поэтому естественно, что в рефлексивности понятия должны быть восстановлены именно моменты понятия. Рефлексивность понятия, как внутреннее раздвоение — противоположность самому себе — полагает моменты понятия как бесконечно-логического; в этом раздвоении противоположностями являются содержательные частные, а понятие, как таковое, есть их нераздельное единство, их корень, их единая мысль. Следовательно, надо сказать, что из понятия, из его рефлексивности вытекает деление понятия; или по-другому: определение понятия переходит в деление понятия.

Как было сказано, если возможно понятие понятия, как рефлексия понятия, тогда понятие то же самое, что и понятие о нем; понятие понятия есть одно понятие, одна категория. До этого дошла формальная логика именно при рассмотрении определения понятия, точнее — при установлении природы деления понятия. С точки зрения формальной логики, в определении понятия полагается именно понятие. В делении понятия полагаются «части» понятия, где понятие равняется своим «частям» — видам. Этого требует деление понятия; в противном случае, мы не имели бы деления понятия. При делении понятия должно быть разделено именно понятие и единство членов деления есть понятие; хотя в одном случае берется «род» помимо различия, а во втором случае берется он же с учетом различия. Члены деления исчерпывают разделяемое понятие; и здесь имеет место логическая рефлексия понятия в самое себя.

При формально-логическом понятии род — разделяемое понятие — есть определенный признак, виды — члены деления — имеют специфические признаки, так что, с точки зрения содержания понятия, делится признак и его делением должны быть установлены специфические признаки (тогда как, как известно, из рода не выводятся виды); но это обстоятельство не осуществляется в формальной логике, хотя, с точки зрения деления понятия, должно осуществляться, должно выполняться требование деления; т.е. должно делиться само основание деления, а не только совершаться деление согласно ему, как признаку.

Как известно, членов деления может быть много (например, треугольник или прямоугольный или тупоугольный или остроугольный), но деление разделительного умозаключения как умозаключения с точки зрения логической необходимости, должно быть дихотомическим; разделяемое должно разделяться на два члена: «это и другое», но здесь вместо «и» должно быть «или», понимаемое как исключение (например, «это есть или прямоугольный треугольник или другой»). «Это или другое» дает необходимость умозаключения в формальной логике: «если есть это, тогда не есть другое и наоборот» (возможно и обращение).

Но дихотомическое деление в формальной логике содержит неясность, именно ту, что второй член дихотомического деления является неопределенным. Эта неопределенность снимается в сфере категорий, где, как мы знаем, две противоположные стороны являются также и исключающими-противоречащими; противоречие имеет две полные стороны — совершенно определенные, взаимоисключающие (и взаимоутверждающие).

¹³ Так должна разрешиться та трудность, которую пытаются разрешить, напр., Heiss и Günther, не замечаящие правильного пути выхода из трудности.

Если деление дихотомично, но при этом оба члена определены, то нельзя ли сказать, что оно трихотомично, так как в нем кроме членов деления будет и третий член — делимое? Это невозможно в формальной логике, поскольку здесь «третий» член есть то же самое, что и вместе взятые два члена деления; хотя и здесь имеется неопределенность, поскольку разделяемое должно равняться сумме членов деления только объемно, а не содержательно, так как сумма специфических признаков видов не есть признак рода; Эта неопределенность снимается в сфере категорий, поскольку в единстве противоречий его стороны являются полными конечными частными, а единство отличается от них, но оно — не конечное, не частное; единство не таково, каковы стороны противоречия, в противном случае, было бы необходимо новое единство и т. д. бесконечно.

Таким образом, в сфере категорий дихотомическое деление в действительности есть трихотомическое, т.е. то, что с точки зрения членов деления дихотомично, то, с точки зрения деления в целом, трихотомично: здесь члены деления не равняются целому — единству, которое не есть один из членов деления, хотя помимо него члены ничего собой не представляют. В этой трихотомичности единство как «третье» есть единство именно двух членов, но такое, где два члена, как стороны противоречия, исчерпывают сферу конечного, а их единый корень есть бесконечное, содержащее конечное. Таким образом, трихотомичность деления оправдывается в диалектике. Трихотомичность деления равняется единству противоречий. Понятие, как единство частного и общего, делится на свои моменты, но не равняется им, оно есть единство противоположностей.

Если определение полагает единство частного и общего, как понятие — содержательное общее, — то деление делит понятие на частные. Так переходит определение в деление, как в свое развитие, поскольку деление понятия ведет к бесконечному, но так, что раскрытие понятия необходимо для полного полагания логической бесконечности.

§ 162. Понятие и бесконечность логического

В этом параграфе мы сделаем выводы из вышесказанного и поставим новый вопрос, ответ на который дадим в следующей главе.

Понятие есть мысль о сущности, мысль о том, что такое нечто. Изъятие этого вопроса из логики невозможно, поскольку, как было сказано, обо всем, а частности о логическом и о его формах, можно и нужно ставить вопрос: «что такое это», и ответ на этот вопрос должна дать именно логика.

Выяснилось, что сущность предмета есть бесконечное в конечном. Поэтому понятие должно быть мыслью о бесконечном. Это не значит, что нет понятия конечного; понятие конечного есть именно понятие односторонности бесконечного. Конечное и бесконечное находятся в неразрывном единстве. Понятие бесконечного невозможно помимо конечного, и наоборот — понятие конечного помимо бесконечного. Эти два понятия в конечном счете составляют одно и то же понятие. Возможно понятие о каждом одностороннем. Трудность отношения понятий конечного и бесконечного, как видно из сказанного, легко разрешается на основании содержательного общего. Полное содержательное общее есть бесконечное, его одна сторона есть конечное, полное же конечное есть одна сторона противоречия. Полная общность и общность единства противоречий есть одна и та же общность.

Определение понятия есть полагание единства общего и частного, т.е. единство и есть понятие; как понятие так и его определение есть единство противоположностей.

Конечными являются суждение и некоторые умозаключения, которые дают понятие как их общую мысль. Общая мысль конечного должна быть бесконечной. В логическом конечном есть условное: «если—то». Условному придает смысл безусловное, что и должно быть понятием. Следовательно, понятие есть логически безусловное, бесконечное.

Понятие должно быть бесконечным, но не является, таковым, поскольку оно представляет только общую мысль умозаключения; понятие, ясно, не есть полная опосредствованная связь; таковым является умозаключение совершенно определенного вида — бесконечное умозаключение. Таким образом, понятие есть бесконечное, но оно не есть бесконечное (или: понятие должно быть умозаключением, но не есть умозаключение); эта антиномия разрешается в

бесконечном умозаключении, так что выше понятия стоит бесконечное умозаключение (вопреки Гегелю). Именно в этом умозаключении оправдывается понятие; т.е. здесь совершается переход от понятия к бесконечному умозаключению.

ГЛАВА ПЯТАЯ (9)
БЕСКОНЕЧНОЕ УМОЗАКЛЮЧЕНИЕ
1. ПОНЯТИЕ БЕСКОНЕЧНОГО УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ

§ 163. Полнота логической опосредствованности

Как было сказано, каждое определение есть опосредствование. Нечто определяет нечто, это значит, что одно опосредствует второе. Логическое подчинение есть опосредствование. Непосредственное может быть началом, но и начало уже есть опосредствование. Опосредствующее может предшествовать опосредствованному, но может быть и последующим, если это последующее необходимо для предшествующего. В умозаключении опосредствовано не только следствие — заключение, но и основание — посылки.

Существует конечное опосредствование. Конечное опосредствование есть опосредствование посредством другого. Полное конечное опосредствование есть опосредствование посредством противоречащего. Противоречащие опосредствуют друг друга полностью. Это так, поскольку противоречие имеет только две полные конечные стороны. Третья исключена.

Конечное опосредствование опирается на принцип «если — то». Конечное опосредствование не есть полное опосредствование, поскольку оно имеет условный характер. Существует бесконечное логическое, в котором осуществляется смысл категории логического — полное логическое опосредствование. Это не только опосредствование посредством противоречащего, но и единство противоречий, что и представляет собой полное опосредствование. Полное опосредствование есть то же самое, что и бесконечное логическое. Полное опосредствование — единство противоречий в логическом — есть оправдание «если—то» в самоутверждении, если это самоутверждение не есть тавтология, если оно синтетическое, точнее, если оно осуществляется внутренним отрицанием. Полное логическое опосредствование будет полной синтетичностью, полным осуществлением содержательной общности, самоутверждением посредством внутреннего отрицания — внутреннего противоречия. Полное опосредствование будет тогда, когда осуществится утверждение нечто его же отрицанием. Возможно или нет такое опосредствование? Если возможно, то в чем-же оно состоит? Что такое опосредствование возможно и необходимо, это подтверждается существованием категории логического; такое опосредствование необходимо для оправдания суждения, конечного умозаключения и понятия.

§ 164. Понятие бесконечного (безусловного) логического

Существуют различные понимания бесконечности: 1) Бесконечное есть только лишь множество (Аристотель, Больцано, Кантор и др.). 2) Существует не только количественное бесконечное, но и качественное бесконечное; бесконечность количественности состоит в ее качественности (Гегель, диалектический материализм). По-другому, существуют следующие понимания бесконечности: 1) Бесконечное есть потенциальное бесконечное, оно есть нескончаемое конечное, нескончаемость, «дурное» бесконечное, отрицательное бесконечное. Например, идея Канта, как Sollen, чем бы она ни была, она никогда не осуществится; нескончаемость натуральных чисел; нескончаемость движения-развития во времени и в пространстве и т.п. 2) Бесконечное есть актуальное бесконечное, например, а) фиксированное бесконечно малое и б) фиксированное, постоянное бесконечное большое. Точка зрения такой бесконечности есть мистическая точка зрения (как это отметил К. Маркс)¹ 3) Бесконечное есть «истинное» бесконечное, положительная бесконечность (с точки зрения Гегеля, такая бесконечность есть качественная бесконечность). 4) Бесконечность есть единство противоречий, она есть закон, общность (Ф. Энгельс). Бесконечное есть в конечном (Ф. Энгельс), единство бесконечного и конечного необходимо (В. И. Ленин). Единство конечного и нескончаемого есть положительное бесконечное².

¹ К. Маркс, Математические рукописи, 1948 (на груз. языке), стр. 77.

² См. наш труд «О диалектической природе логической связи», 1956, стр. 111 и далее (на груз. яз.).

Все это не значит, что существует несколько бесконечных, несколько понятий бесконечного; нет, допущение этого было бы логической ошибкой. Понятие бесконечного может быть только одно. Потенциальная бесконечность есть ослабленная бесконечность. Ослабленная же бесконечность уже не есть бесконечность. Фиксированная бесконечность есть бесконечность, представленная как конечное, которая или мистична или является единством конечного и бесконечного. В математическом бесконечно малом и в бесконечно большом осуществляется одна и та же бесконечность. Это впервые заметил Кузанский, сказав, что максимум равняется минимуму. Бесконечно малое и бесконечно большое со стороны бесконечности одно и то же. Бесконечное изменение, движение, развитие внутренне определено, и, в этом смысле, завершено. Бесконечность завершена в своем понятии.

Кантор впервые отметил, что бесконечность может быть дана в конечном виде, разумеется, не по объему (невозможно сосчитанное бесконечное, сосчитать можно только конечное), а по содержанию, общему признаку. Он впервые определил бесконечное положительно: бесконечное есть множество, эквивалентное какой-нибудь своей части. Бесконечное множество есть трансфинитное число, но и трансфинитные числа бесконечны. Так что, бесконечное и выступает и не выступает в законченном виде. Получается парадоксальное положение. И вообще понятие бесконечности часто вызывало парадоксы.

Известен парадокс, выражающий противоречивость теории множества Кантора; это парадокс Бурали-Форти: бесконечный ряд чисел (натуральные и трансфинитные числа), как тип нормально упорядоченного множества, есть новое порядковое число, которое больше каждого порядкового числа; но бесконечный ряд чисел содержит все порядковые числа и среди них и это новое порядковое число, поэтому оно меньше того, в отношении чего оно было большим; оно и больше и меньше одного и того же числа. Это безвыходное противоречие — парадокс.

Следует отметить парадокс Рассела: входит ли в множество множеств, как в множество, само оно, как элемент? Если входит, то не должно входить, так как оно есть именно множество всех множеств. Но если не входит, то оно, как содержащее все множества, должно содержать само себя; а это и есть безвыходное противоречие, парадокс. Что вызывает этот и подобные парадоксы? Ответ на этот вопрос укажет нам, где искать выход.

Как отмечают (Хайсс, Гюнтер)³, все эти парадоксы вызываются рефлексивностью и характерной для нее двузначностью, если истинность мысли понимается только как однозначность. Средством выхода из трудности, преодоления парадоксов признают снятие двузначности, снятие рефлексивности. Хотя имеется и попытка, точнее обещание (Г. Гюнтер), объяснения рефлексивности и двузначности математическими методами.

Что двузначность слова есть неясность, неопределенность, которая должна быть снята, разумеется, не вызывает спора. Каждое слово должно иметь определенное значение, и не быть неясным, неопределенным. Но двузначность рефлексии имеет совершенно другой характер.

Как известно, одним из основных средств преодоления парадоксов считают теорию типов Рассела. Правда, класс «человек» не есть человек, множество натуральных чисел не есть натуральное число, но множество множеств есть множество. Двузначны именно это последнее и подобные ему понятия: необходимо установить однозначность, что, по мнению Рассела, совершается и должно совершиться типовым ограничением. Элементы класса являются объектами одного типа, а класс, составленный из них, есть объект высшего типа. Объекты различных типов не могут замещать друг друга. Поэтому в отношении класса нельзя доказать ни то, что он есть член самого себя, ни то, что он не есть член самого себя.

Этим как-будто снимается двузначность «множества» и утверждается однозначность в каждом типе. Двузначность распределяется в различных типах. Но это только кажущееся разрешение трудности, поскольку распределение двузначности рефлексии упраздняет ее, тогда как она факт. Нужно не ее упразднение, а объяснение. Нельзя объяснить рефлексии попыткой ее упразднения. Объяснение ее означает ее сохранение и вместе с тем ее понимание-оправдание.

Как было сказано, трудность создается определенной рефлексивностью, именно рефлексивностью, связанной с бесконечностью. Трудность связана с понятием бесконечности,

³ См. их труды, упомянутые выше.

поскольку пытаются представить бесконечность, как конечную. Когда берется множество, как все множества — бесконечное множество, тогда уже поздно считать это «все» как бы не «всем» и расчленять его на типы, число которых может быть бесконечно многим. «Все», как бесконечное и как общее не может быть расчленено типовым ограничением, разложением его на типы. Указанная трудность не может быть преодолена таким путем. Разрешение парадоксов семантическими способами невозможно, поскольку бесконечность, рефлексивность и двужначность есть факт. То обстоятельство, что понятие бесконечного само есть конечное, не означает сведения бесконечности к конечному, иначе мы не имели бы и понятия бесконечности. Нельзя объяснять рефлексивность и двужначность путем их упразднения.

С формально-логической точки зрения, бесконечность есть отрицательное понятие, положительное определение которого смогла дать математика. Положительное определение бесконечности, данное в математике, должно быть обобщено так, чтобы получилось философско-логическое положительное понятие бесконечности. Как бы мы ни понимали бесконечность, ее понятие должно быть положительным, оно должно выражать положительную природу бесконечности. Как было сказано, в понятии бесконечности она представлена в виде конечного, именно как завершенная. Полное понятие бесконечности требует положительного необходимого единства конечного и бесконечного. Это уже означает, что вышеуказанная трудность, как философско-логическая трудность, должна быть разрешена в диалектике, в теории материалистической диалектики; в специальных науках должно быть использовано это разрешение с целью преодоления имеющихся там соответствующих трудностей.

Это означает и требует разрешения трудности рефлексии и ее двужначности на диалектической почве. Рефлексивность категории логического, как мы знаем, не только не вызывает трудности, но, наоборот, представляет средство преодоления трудностей. Рефлексия не равняется тождеству, как это понимается в математической логике; логическая рефлексия есть единство противоречий; тождество есть только один его момент. Однозначность и двужначность являются также моментами логической рефлексии. Двужначность или противоречие, в голом виде, есть ошибка; но единство противоречий есть истина, не потому, что здесь как-будто упраздняется противоречие, а вследствие того, что единство содержит противоречие-двужначность, как собственный, подчиненный ему момент.

Как мы уже знаем, конечное есть «это, а не другое»; полное конечное есть одна сторона противоречия; бесконечность в положительном смысле есть единство противоречий. Иначе говоря: конечное есть то, что утверждается и отрицается другим. Принципом конечного является «если—то»; а бесконечное есть самоутверждение, осуществляемое отрицанием, т.е. бесконечное рефлексивно и имеет внутреннее отрицание-противоречие. Бесконечное есть самоутверждение посредством отрицания. Возможно ли такое логическое? Если возможно, то в каком виде существует оно?

§ 165. Восьмисторонность логической связи и логическое бесконечное

Выше мы рассмотрели восьмисторонность логической связи, которая, в данном случае, будет использована для установления логической бесконечности. Как мы знаем, отношение частного и общего восьмистороннее: 1) если есть частное, то есть общее и 2) наоборот; 3) если нет частного, то нет общего и 4) наоборот; 5) если есть частное, то нет общего и 6) наоборот; 7) если нет частного, то есть общее и 8) наоборот. Если есть частное, то есть его противоположность — общее и наоборот: если нет одного, то нет и второго; здесь имеется необходимость противоположностей, для одного необходимо второе. Если есть частное, тогда оно исключает общее и наоборот: если нет одного, тогда есть второе, поскольку они исключают друг друга. Следовательно, эти отношения составляют полное единство противоположностей.

Это означает и то, что полная общность есть единство противоположностей — единство полных частных. Противоположности — противоречащие, как мы знаем, являются полными содержательными частными, а их единство есть полная содержательная общность. Точнее: здесь имеется утверждение единства, как общности, посредством внутреннего отрицания; т.е. у нас имеется отрицанием чего-то его-же утверждение, что и представляет собой логическую

бесконечность.

Единство противоречий, как утверждение нечто его-же отрицанием имеет две полные конечные — частные стороны, но неполных сторон, как мы видели, имеется восемь. Восьмисторонность сводится к двусторонности («двузначности»), а их единство представляет собой полную общность. Логическая бесконечность есть не только общность, но общность частных, точнее, полное единство частного и общего, как корень односторонностей. Восемь односторонностей имеют смысл в их единстве, как частные в общем, и наоборот: общее имеет смысл в односторонностях, в частных, единством которых оно является.

Единство восьмисторонности, или единство двух противоположных — противоречащих сторон есть утверждение чего-либо его же отрицанием и наоборот. Если это невозможно, то невозможно и единство противоположностей в сфере логического. Утверждение чего-либо его же отрицанием оправдывает его односторонности — моменты. Этим разрешаются все те трудности, связанные с природой суждения, непосредственного умозаключения, конечных умозаключений и понятия, о которых говорилось выше. Утверждение чего-либо его же отрицанием есть логическое оправдание смысла категории логического. В основе восьмисторонности логической связи лежит бесконечное умозаключение.

§ 166. Бесконечное умозаключение

Как мы знаем, суждение есть конечное логическое, так как оно (суждение) утверждается и отрицается другим суждением (само же это обстоятельство — что отрицание суждения есть суждение — уже не есть суждение). Логически конечны, также, обычные — формально-логические — умозаключения, так как они имеют условный характер — «если есть А, то есть В». Поэтому, как было выяснено выше, формально-логическое умозаключение — умозаключение, рассматриваемое формальной логикой — есть по существу суждение. Они оба имеют конечную логическую природу.

Конечность формально-логического умозаключения, так же как и суждения, определенно проявляется в том, что как суждение, так и умозаключение требует доказательства, которое состоит в установлении — в утверждении — внешнего основания. Поэтому такое доказательство не имеет, так сказать, искусственного, естественного предела, оно по линии полагания основания уходит в бесконечный регресс — в логическую нелепость, т.е. отрицает само себя. Здесь везде господствует природа суждения, суждения, которое доказывается-оправдывается другим, т.е. господствует логическая конечность, нерелексивность, прямолинейность, необходимость внешнего основания. А это и создает, как мы знаем, антиномичность суждения, требующую разрешения и оправдания.

Как было сказано, конечное логическое — это такое логическое, которое основано на утверждении другим, на «действии» внешнего основания, и которое отрицается внешним отрицанием, т.е. утверждается другим и отрицается другим, поскольку оно утверждается тавтологически-аналитически и содержит внутреннее несоответствие (например, антиномичность и бесконечный регресс); подразумевает и представляет какую-то неоправданность, т.е. осуществляет логическое только односторонне.

Рассмотрение природы суждения показало, что положительное суждение содержит отрицательный момент, (что дает отрицательное суждение) и наоборот; поэтому существует их необходимое единство, которое может быть названо умозаключением, как опосредствованной связью. Суждение — конечное логическое — внутренним отрицанием связывается с другим, именно со «своим другим» и т. д., но не бесконечно.

Такое понимание суждения, как конечного логического, есть понимание его как односторонности того, что должно быть названо умозаключением, именно, бесконечным умозаключением. Суждение есть односторонность умозаключения, одностороннее логическое, конечное логическое: а бесконечное логическое есть бесконечное умозаключение, которое представляет собой единство двух противоположных суждений — двух полных конечных логических. Бесконечное умозаключение, как бесконечное логическое, есть утверждение

внутренним отрицанием. Это, как было выяснено выше, полное умозаключение, полная логическая опосредствованность, которая не «прямолинейна», а рефлексивна. Утверждение и отрицание — противоположные суждения; а их единство есть бесконечное умозаключение. Это такое единство утверждения-отрицания, когда отрицание чего-либо утверждает его же.

Единство утверждения и отрицания, как суждений (согласно Аристотелю суждение есть или утверждение или отрицание; он не выделял копулу), осуществляется переходом друг в друга, внутренней необходимостью друг для друга (такие переходы, как мы знаем, представляют собой непосредственные умозаключения). Суждение, если можно так выразиться, больше самого себя: конечно не есть только конечное, чисто конечное (так же как и нет чистой бесконечности). Положительное суждение не есть только лишь положительное, оно содержит и отрицательное, так же как и наоборот, отрицательное содержит и положительное. Более этого: «отрицательное есть столь же положительное»⁴, как это говорит Гегель и с чем согласен и развивает В. И. Ленин. Невозможно суждение помимо внутреннего отрицания. Но имеющее внутреннее отрицание — именно тем, что оно есть положительность, содержащая внутреннее отрицание — есть единство противоположностей, которое не исчерпывается одним суждением и представляет собой умозаключение. Суждение внутренним отрицанием переходит в противоположное и наоборот. Внутреннее отрицание не может быть только отрицанием, поскольку оно есть внутреннее, внутреннее положительного. Такое отрицание есть относительное отрицание, конкретное отрицание, определенное отрицание определенного, точнее, — полная форма такого отрицания (абсолютное же отрицание содержит и неопределенность).

Если положительное есть, вместе с тем, и отрицательное и наоборот, то мы имеем дело с «двузначностью», но поскольку существует их единство, постольку должна существовать, если можно так выразиться, «трехзначность». Если формальная логика есть двузначная логика или логика двузначности — то диалектическая логика будет своеобразной «трехзначной», точнее, логикой «трехзначности»; но, она, конечно, отличается от трехзначной математической логики, поскольку в диалектической логике, как в логике «трехзначности», «третье» есть не «возможность», не неопределенность или вероятность (которая полностью представлена в многозначной логике, и поэтому она есть математическая наука, а не логика, которая представляет философскую науку), а есть бесконечное (которое содержит конечное). Диалектическая логика есть логика бесконечного умозаключения. Это есть логика утверждения нечто его же отрицанием; она объясняет все формы логического, рассматриваемые в формальной логике. Здесь бесконечное понимается как бесконечное логическое, а оно — как умозаключение определенного вида. Ясно, это не означает отождествления бесконечного и бесконечного умозаключения. Как мы знаем, бесконечное есть и категория онтологического и логическая категория и категория логического. В бесконечном умозаключении осуществляется именно смысл категории логического.

Вообще синтетическая логическая связь есть связь утверждения-отрицания нечто посредством другого; если это «другое» есть противоречащее и вместе с тем внутреннее, тогда у нас будет единство противоположностей, осуществляющееся в логике в виде бесконечного умозаключения. Такое умозаключение есть единство утверждения и отрицания, такое единство противоположных суждений, когда положительное суждение не только соединяется с отрицательным, но посредством отрицания совершается утверждение того, чему подчиняется и отрицание. Но мы должны поставить вопрос: возможны ли и существуют ли» такие умозаключения? Ответ: такие умозаключения существуют, они фактически осуществлялись и осуществляются в диалектическом мышлении, которое и является предметом диалектической логики.

Все категории логического, некоторые из которых были специально рассмотрены выше, в полном логическом виде представлены в бесконечных умозаключениях. Категория логического, как мы знаем, есть то средство, — объективное и необходимое основание-средство, которое применяется во всяческом логическом и в отношении самого себя, как корень логического мышления — как первосредство. Категория логического есть та категория, отрицание чего невозможно и отрицание

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 218, 219.

чего применяет и утверждает его же. Но осуществление категории логического в полном логическом виде не есть только категория, как определенное понятие, нет, оно есть полная опосредствованная связь, и в этом смысле, оно умозаклучение, именно, бесконечное умозаклучение — отрицанием нечто его же утверждение.

Рассмотрим несколько примеров бесконечного умозаклучения. 1. Отрицание отрицания есть утверждение отрицания. Здесь мы хотим отметить не то, что отрицание отрицания есть двойное отрицание, т.е. отрицание отрицания нечто есть нечто — первоначальная положительность, которую мы отрицали первым отрицанием и восстановили вторым; и не то, что отрицание отрицания есть триада: тезис, антитезис и синтез, т.е. такое отрицание отрицания, которое является одним из основных законов диалектики, а только то, что невозможно отрицать отрицание, невозможно логическое отрицание отрицания; при логическом отрицании отрицания утверждается необходимость самого отрицания, точнее, само отрицание; отрицание отрицания утверждает отрицание.

Отрицание, как мы знаем, есть категория логического; т.е. есть то, при отрицании чего применяется то же отрицание, как средство и основание отрицания; его можно понимать также и как своеобразное следствие. Не каждая категория логического такова, но отрицание именно таково, т.е. оно и средство для самого себя, и следствие; отрицание отрицания утверждает отрицание. Категориально здесь отрицается и утверждается одно и то же отрицание. Здесь полностью осуществляется логическая рефлексия. Это обстоятельство непонятно тому, кто исключает категорию из логики; но такое исключение само есть отрицание, применение категории отрицания.

Отрицание применяется ко всему, но в данном случае нас интересует то, что отрицание применяется к самому отрицанию, а этим и утверждается неустранимость отрицания, утверждается само отрицание. Применение отрицания представляет утверждение самого отрицания, как средства, именно, объективного (логически объективного) основания-средства. Но утвержденное отрицание получено вследствие отрицания, поскольку можно получить основание из следствия. Но здесь и отрицаемое есть отрицание и средство отрицания представляет отрицание, и полученное есть отрицание.

Отрицание, неустранимо и, в этом смысле, необходимо; в противном случае, было бы возможным его (отрицания) отрицание-устранение. Такое необходимое, как мы знаем, и есть категория логического, как корень вообще логического мышления.

Когда мы говорим, что отрицание отрицания невозможно, этим мы хотим сказать не то, что отрицание отрицания не осуществляется, а только то, что при логическом отрицании отрицания, применяем — осуществляем отрицание, как средство, которым производим его же утверждение. При отрицании отрицания, утверждается, прежде всего, именно отрицание. Отрицание отрицания утверждает именно отрицание.

Мы отметили, что в утверждении отрицания посредством отрицания отрицания все эти три отрицания одно и то же, мы здесь имеем дело с одной и той же категорией отрицания (ясно, что не может быть более одной категории отрицания). Эта тождественность непременно существует, ее упразднение невозможно. Но этого недостаточно для понимания того, что из себя представляет утверждение отрицания посредством отрицания. Необходимо указать и на момент различия. Логически мы должны различать первое отрицание (отрицаемое отрицание) и утвержденное (утвержденное отрицанием) отрицание, поскольку исходное отрицание, как отрицаемое, разумеется, логически отличается от утвержденного отрицания: отрицаемое одно, а утвержденное — другое. Отрицание и утверждение, все равно каким бы средством они не осуществлялись, не только отличаются друг от друга, но и противоположны. Отрицание и утверждение противоположны друг другу и то, что этими противоположными средствами в одном случае отрицается, а в другом утверждается, разумеется, будет отличаться друг от друга. Отрицание отличается и от утверждения отрицания, и от утвержденного отрицания; отрицаемое отличается от утверждаемого. Если после отрицания утверждается то, что было отрицаемо, то ясно, что отрицаемое и утвержденное отрицания отличаются друг от друга. Поскольку отрицается и утверждается одно и то же отрицание, постольку утвержденное отрицание есть то же самое, что и первое отрицание, как отрицаемое; но первое отрицание, было принято без доказательства: а утвержденное отрицание доказано, поэтому они логически отличаются друг от друга (различаются по понятию в одном и том же умозаклучении, ведь понятие есть одна общая мысль умозаклучения). Логичность состоит в доказательстве, поэтому,

доказанное, ясно, есть другое, чем доказуемое. Это различие состоит именно в получении логичности. Наконец, надо сказать и то, что утверждение отрицания, разумеется, логически объединяет отрицание и утверждение, тем более, что оба — как отрицание, так и утверждение — осуществляются одним и тем же отрицанием. Утвержденное отрицание, так сказать, «больше», чем отрицание отрицаемое. Утвержденное отрицание есть логическое следствие. Поэтому можно сказать, что утверждение отрицания посредством отрицания отрицания есть логическое развитие, логическое опосредствование, осуществленное посредством отрицания.

Логическое развитие мы специально рассмотрим ниже, а здесь нас интересует только следующее. Там, где при отрицании нечто это нечто применяется как необходимое (логически необходимое) средство, и вместе с тем, утверждается то же самое, везде, во всех таких случаях осуществляется бесконечное умозаключение — определенная опосредствованная связь, осуществляемая внутренним отрицанием. Утверждение отрицания отрицанием отрицания есть один, ясный пример бесконечного умозаключения.

Если отрицание нечто дает или ничего, или другое нечто, то отрицание действует в конечной сфере и в конечном смысле. Если отрицание нечто утверждает его же, то мы имеем дело с бесконечностью, с логической бесконечностью.

2. Вторым примером бесконечного умозаключения возьмем утверждение тождества его же отрицанием. Как мы уже знаем, тождество есть категория логического. Этот пример мы рассмотрим более кратко; будем подразумевать моменты, уже рассмотренные в первом примере; здесь мы рассмотрим только некоторые из них.

Отрицание тождества невозможно, поскольку при отрицании тождества применяется само тождество, как необходимое средство. При отрицании тождества само это отрицание с необходимостью должно быть тождественным самому себе, в противном случае, оно не было бы именно отрицанием. Поэтому понятно, что отрицание тождества утверждает тождество, как необходимое средство-основание. Отрицанием тождества утверждается тождество (не как следствие, не как такое следствие, каково, например, заключение силлогизма). Здесь сказано не то, что тождество и его, отрицание одно и то же, это было бы нелепостью, но то, что отрицание тождества применяет тождество, как средство и, в этом смысле, утверждает его с необходимостью. Тождество есть; тождества нет; это «нет» тождественно себе.

Невозможность отрицания тождества и якобы поэтому невозможность его (тождества) доказательства, поскольку в обоих случаях должно применяться тождество, все это, по нашему мнению, не означает того, что мы должны принять тождество недоказанно-аксиоматически; нет, наоборот, утверждение тождества его же отрицанием есть, правда своеобразное, но все-таки доказательство. Утверждение тождества его отрицанием есть бесконечное умозаключение.

3. Отрицание истины невозможно, поскольку тот, кто отрицает истину и говорит «истины не существует», признает это положение за истину, в противном случае, мы не имели бы данного положения. Если мы скажем «истины не существует», то мы это положение принимаем за истину, т.е. мы не в силах устранить истину, отрицать ее. Истина необходима при отрицании истины. Это, понятно, не значит, что мы признаем истинность двух следующих положений»: 1) «Истина существует» и 2) «Истины не существует», что мы признаем и истинность положения, отрицающего истину: это было бы нелепо. Нет, положение «истины не существует» ошибочно, но и эта ошибка с необходимостью требует того, что она отрицает — истину. Мерило заблуждения — истина. Если бы мы не знали, что такое истина, мы не знали бы и того, что такое ошибка. Понимание ложности какого-нибудь положения возможно на основании истины. Поэтому можно сказать, что отрицание истины применяет истину, как необходимое средство и, в этом смысле, утверждает ее же. Отрицание истины невозможно; ее отрицание с необходимостью требует ее же — истину, как средство. Отрицание истины утверждает истину, как средство-основание. Постольку здесь у нас имеется два момента: 1) необходимость истины и 2) определенное утверждение истины. Следовательно, отрицание истины утверждает ее же.

Софисты отрицали истину, поскольку: 1) признавали истинность каждой мысли, т.е. в том числе и отрицающей эту их мысль; они считали истиной и положение, отрицающее истину; 2) отрицали объективную истину, т.е. истину, но и это отрицание считали истиной; 3) отрицали обязательную для всех истину, но истинность своей мысли считали обязательной для всех. Для

софистов все мысли истинны: но если это так, тогда истина существует для всех. Положение софистов отрицает само себя. Аристотель отмечал, что утверждение и отрицание противоречащи по отношению друг друга, утверждение-отрицание есть противоречие. Ложь есть отрицание истины и наоборот. Поэтому кто признает истинность всех мыслей, тот отрицает самого себя, поскольку он должен признать и истинность противоречащей ему мысли. А тот, кто признает ложность всех мыслей, признает и ложность этой своей мысли. Логической ошибкой является также и утверждение истинности истинного положения, поскольку это вызывает регресс в бесконечность. Утверждение, которое истинное положение объявляет истинным, само тоже истинно, но этот ряд уходит в бесконечность⁵. Таким образом, софисты утверждали то, что отрицали, и отрицали то, что утверждали, т.е. впадали в безвыходное противоречие. Сократ показал: 1) это безвыходное противоречие софистов и 2) на основе этого противоречия необходимость абсолютности истины, то, что отрицание истины невозможно, что и при этом отрицании мы вынуждены принять истину, т.е. что истина абсолютна; отрицание истины вынуждает нас принять абсолютность истины. Следовательно, для положения «истины не существует» необходима истина. Кто отрицает истину, тот должен это отрицание принять за истину. Это означает то, что отрицание истины утверждает истину, как средство-основание. Выявление необходимости истины, ее утверждение посредством ее отрицания есть необходимая опосредствованная, притом полная опосредствованная связь, которую мы называем бесконечным умозаключением. Это не только выводимость, а опосредствованная связь, в которой выводимость содержится в качестве момента, именно, она содержит моментом получение необходимости истины путем ее отрицания, но этот процесс есть единая мысль, не расчлененная на посылки и заключение.

4. По нашей интерпретации, изложенной в монографии «Начало доказательства», «*Cogito ergo sum*» Декарта есть бесконечное умозаключение, именно утверждение мысли ее же отрицанием. Логическое отрицание мысли невозможно, поскольку само это отрицание есть мысль. Отрицанием мысли утверждается мысль. Категориально здесь отрицается и утверждается этим отрицанием одна и та же мысль. Несмотря на это тождество, здесь нет тавтологии, поскольку отрицается требующее доказательства, а утвержденное отрицанием доказано; требующее доказательства и доказанное, ясно, логически отличаются друг от друга. Так как отрицается и утверждается одна и та же мысль и это единое раздваивается посредством отрицания, поэтому здесь имеет место раздвоение единого — единство противоположностей, как полное опосредствованное единство, т.е. бесконечное умозаключение. Положение «я, как мышление, не существую» само есть мышление и его существование, утверждение мышления как такового. Сомнение Декарта есть мышление, это сомнение, направленное на мышление, есть отрицание мышления, которое утверждает мышление. Отрицание мышления показывает необходимость мышления и посредством отрицания утверждает это мышление (поэтому неправильно признание «пререфлексивного сознания» логическим условием картезианского *Cogito*)⁶.

Логическое отрицание мысли утверждает мысль, поскольку это отрицание само есть мысль. Поскольку мысль, полученная отрицанием мысли, есть отрицание отрицания — отрицание отрицания мысли — утверждение мысли.

5. Вследствие сказанного неправильна мысль (напр. Вуда)⁷ о несуществовании логики «самоотрицающихся» положений и самоотрицания, поскольку «не существует предложения» само есть предложение, «не существует суждения» само есть суждение, «не существует понятия» само утверждает понятие. Правда, в одно предложение не вписывается второе, именно, противоречащее ему предложение, предложение не имеет рефлексивного характера, но суждение есть именно рефлексивная мысль, таково и понятие. Логическое отрицание суждения невозможно, поскольку такое отрицание само есть суждение. Отрицание суждения утверждает необходимость суждения, полагает его. Невозможно также логическое отрицание понятия, поскольку это отрицание есть понятие, категория отрицания, как понятие; отрицанием суждения утверждение суждения и отрицанием понятия, утверждение понятия же представляют бесконечные умозаключения

6. Положение Сократа «Я знаю, что я ничего не знаю» имеет природу бесконечного умозаключения. Первая половина этого положения «Я знаю» означает «истинно знаю», знание здесь

⁵ См. Аристотель, *Метафизика*, кн., IV, гл.- 8.

⁶ См. J. P. Sartre, *Das Sein und das Nichts*. 1962. 5.10.

⁷ Ledger Wood, *The Analysis of Knowledge*, стр. 195

означает истинное знание. Вторая половина положения Сократа — «ничего не знаю», означает незнание, как отрицание истинного знания. Поэтому все это положение есть отрицание отрицания истинного знания, как знание. Знание незнания есть преодоление незнания и возвышение до знания. Знание незнания возможно, поскольку истина есть рефлексивное понятие. «Знаю то, что ничего не знаю» есть такая связь знания и незнания, которая не равняется противоречию, поэтому это не упразднение самого себя — не парадокс, не безвыходное противоречие. Положение Сократа содержит противоречие, но оно больше, чем противоречие, оно есть возвышение над противоречием — преодоление незнания и получение знания. Противоречие, как определенная двусмысленность, преодолено-сохранено (не упразднено) в однозначности. Поэтому в отношении этого положения Сократа нельзя поставить альтернативный вопрос: оно правильно, или неправильно; такой вопрос был бы требованием полного упразднения противоречия, существующего в этом положении Сократа, что было бы неверно.

7. Отрицание частного есть частное, отрицание частного утверждает частное, поскольку: а) отрицание частного невозможно; отрицанием частного должно быть получено общее, но такое общее есть частное: общее, отделенное от частного, само есть отдельное единичное или частное. Такова идея Платона, как это доказал Аристотель. Общее, полученное отрицанием частного — идея — само есть частное, этим умножились частные. Общее, отделенное от частных, теряет смысл общности, поскольку общее есть таковое только лишь тогда, когда оно есть общее для частных. Общее есть общее частных. То обстоятельство, что для общего необходимо частное, есть отрицательная диалектика, противоречие, которое показывает нелепость общего без частного и необходимость частного для него, б) Утверждение частного его же отрицанием не есть только отрицательная диалектика; для общего, полученного отрицанием частного, необходима его противоположность, оно переходит в свое противоположное, но здесь не только потеря смысла, а то, что общее, полученное отрицанием частного, само утверждает частное. Здесь утверждается не только необходимость частного для общего, но и само частное, как положительное содержание общего. Общее есть общее только тогда, если оно есть общее частного. Общее, оторванное от частного, не есть общее, оно есть частное; это означает то, что частное для общего есть внутреннее, его необходимый элемент или момент, но так что необходимость частного для общего утверждается посредством отрицания. Поэтому отрицание частного с необходимостью утверждает частное посредством общего. Частное утверждается его отрицанием — общим. Отрицание частного есть общее, для которого необходимо частное, как средство утверждения общего. Это общее как отрицание частного, само требует частного, утверждения частного.

8. Отрицание общего есть общее: а) отрицанием общего получается частное, но только частное, которое само есть все — абсолютное или общее; б) общее здесь отрицается вообще; отрицание общего имеет свойство общности; такое отрицание само имеет природу общности, оно есть общее.

Следовательно, не только отрицание частного утверждает частное, но и отрицание общего утверждает общее. Отрицание частного дает общее, а это требует и утверждает частное. Отрицание общего утверждает частное, но это частное требует и утверждает необходимое для него общее. Частное утверждается посредством общего, а общее — посредством частного. Частное и общее являются противоположными — противоречащими категориями, которые отрицанием друг друга утверждают друг друга. Это уже больше, чем отрицательная диалектика, это утверждение единства частного и общего.

Частное есть отрицание общего, а общее есть отрицание частного (поэтому здесь противоположность и противоречие одно и то же). Отрицание частного есть общее и наоборот, следовательно, именно отрицанием утверждается как одно, так и второе и единство обоих. Единство, утвержденное внутренним отрицанием, есть полное опосредствование, полное опосредствованное умозаключение — бесконечное умозаключение.

Так можно сказать о тех опосредствованных связях, в основании которых лежат вышерассмотренные категории логического. Сколько существует категорий логического, столько же осуществляется бесконечных умозаключений. Бесконечное умозаключение имеет природу рефлексивности категории логического.

9. Некоторые парадоксы, если представить их в разрешенном виде, подобны бесконечному умозаключению, но только подобны, а в действительности его не представляют. Указанное здесь

«разрешение» означает то, что парадокс должен быть представлен имеющим природу противоречия и, вместе с тем, это противоречие должно быть базировано на единстве. Это невозможно в отношении таких парадоксов, каковы «лжец» и «цирюльник», рассмотрение которых поможет нам правильно понять бесконечное умозаключение, понять, когда мы имеем дело с подлинным бесконечным умозаключением и когда с его видимостью — ошибкой или софизмом.

По нашему мнению, «лжец» есть софизм, а не парадокс, как неразрешенное противоречие, которое требует разрешения и разрешение которого якобы возможно без упразднения противоречия, с его сохранением. Парадокс «лжец» есть софизм, разрешением которого будет определение того, в чем его ошибка. Парадокс «лжец», как известно, выражается так: «то, что я говорю, есть ложь». Ложь или ложность не есть рефлексивное понятие вроде истины. Для отрицания истины, как это выяснилось выше, необходима истина; а для отрицания ложности, ясно, не необходима ложность, для нее необходима истина (отрицание ложности, ясно, есть истина). Ложность измеряется и понимается истиной (а не наоборот), так как ложность есть отрицательное понятие (ложность есть то же самое, что и неистина).

Нельзя, наподобие вышерассмотренного положения Сократа — «Я знаю, что ничего не знаю» — сказать: «это ложь, что я говорю ложь». Это невозможно, поскольку сказать: «то, что я говорю, есть ложь», значит сказать уже истину, а не ложь. Если мы ложность (ложь) будем считать рефлексивной, т.е. таким понятием, какова истина, то мы получим парадокс. Но, как было сказано, это не так; ложность не есть рефлексивное понятие, подобно истине. Отрицание ложности ни в коем случае не утверждает ложность; для отрицания ложности не необходима ложность, как средство. Такое средство есть истина: истина есть средство как при отрицании истины, так и при отрицании ложности.

«То, что я говорю, есть ложь» создает как будто безвыходное противоречие: если это положение есть ложь, то я говорю истину, а если оно есть истина, то я говорю ложь, или: если оно истинно, то ложно, а если ложно, то истинно. Такое противоречие возникает только тогда, когда мы ложь считаем такой же рефлексивной, как и истину, но это не так. Ложь считает рефлексивной тот, кто в отношении указанного положения ставит альтернативный вопрос; именно тот, кто ставит этот вопрос, смешивает друг с другом характер понятий ложности и истины. Мы не должны ставить альтернативный вопрос в отношении положения «то, что я говорю, есть ложь», поскольку, «то что я говорю, есть ложь» уже есть истина, отрицание лжи; факт ложности есть истина (об этом были написаны исследования в новейшей философии). Отрицание лжи не утверждает ложь так, как отрицание истины утверждает истину, как средство. Отрицание лжи есть истина и больше ничего (поэтому неправ Heiss⁸, когда он этот парадокс считает отрицанием отрицания и рассматривает так как вышерассмотренное положение Сократа).

Примером псевдобесконечного умозаключения является также парадокс «цирюльник»; он тоже похож на бесконечное умозаключение, но в действительности не является им. Парадокс «цирюльник» состоит в следующем: цирюльник бреет того, кто не бреет самого себя. Если мы это положение применим к цирюльнику, то надо сказать: если он бреет самого себя, то не бреет самого себя и если он не бреет самого себя, то он бреет самого себя. Где выход? Дело в том, что положение «цирюльник бреет того, кто не бреет самого себя» касается другого, а не цирюльника; это частное положение, оно не распространяется на всех, в том числе и на самого цирюльника, т.е. оно не общее положение и не рефлексивная мысль. Если мы частное представим, как общее, и нерефлексивное, как рефлексивное, то вследствие такой путаницы получим софизм, как и был понят парадокс «цирюльник» с античного времени до сегодняшнего дня.

Похож на «Цирюльника» и парадокс «Критянин» (первый вариант «Лжеца»); один критянин говорил: «все критяне лжецы», но он ведь тоже с острова Крит, тогда и он лжец, т.е. он сказал неправду, что «все критяне лжецы»; если эта ложь, тогда правда то, что не все критяне лжецы, т.е. не является лжецом и этот критянин; тогда он говорит правду, что все критяне являются лжецами и т. д. Это софизм, поскольку: 1) противоречит положению «все критяне

⁸ См. Heiss, Wesen und Fomen der Dialektik, S. 85.

лжецы» не положение «ни один критянин не есть лжец»; оно не противоречащее, а всего только его противоположность. Оба могут быть ложными. 2) Положение критянина «все критяне лжецы» есть частное, а не общее и рефлексивное, поскольку оно касается других критян, а не, вместе с тем, и его. Если его положение сделаем рефлексивным, тогда мы получим парадокс. Таким образом, этот софизм объясняется тем, что в нем частное и нерефлексивное смешано с общим и с (рефлексивным).

Таким образом, парадокс вызывает: представление нерефлексивного рефлексивным или наоборот, представление частного общим или наоборот, представление однозначного двузначным или наоборот, представление конечного бесконечным или наоборот. Суждение, понятие, истина, отрицание и др. являются рефлексивными. Истина рефлексивна, поскольку отрицание истины утверждает ее же — истину; правда, отрицание истины есть ошибка, но при отрицании истины с необходимостью применяется истина. Ошибка не рефлексивна, отрицание ошибки есть истина. При отрицании ошибки не применяется ошибка как средство. Поэтому представление ложности как рефлексивной вызывает софизм или парадокс. Так же, смешение частного с общим есть источник софизма или парадокса.

10. Множество логически не рефлексивно, поскольку отрицание множества возможно и оно (отрицание) не утверждает множества. Поэтому множество создает парадокс (парадокс Рассела). Парадокс создается тогда, когда принимают за множество саму природу бесконечного множества. Что такое бесконечное множество? Ответ на этот вопрос будет качеством бесконечного множества, а не множеством. Что такое количество? То, чем оно является. То, чем является количество, что называется количеством, есть качество количества, выражаемое в понятии количества. Определение количества есть полагание понятия качества количества. Если мы примем за множество и это качество, то у нас будет ошибка, которой можно придать и вид парадокса. Множество множеств есть множество вообще или понятие множества, которое само не есть множество.

Логически рефлексивное двузначно, оно содержит определенное противоречие, но не сводится к этому противоречию. Можно сказать, что каждая категория антиномична (как это признавал Гегель), но в ней (в категории) ее антиномичность разрешена, поскольку она есть единство противоречий (именно поэтому не может формальная логика, которая признает только однозначность, понять категории. Антиномичность не означает софизма или парадокса). Логика категорий есть диалектическая логика, которая как открывает, так и разрешает антиномичность в категориях (так должны быть разрешены и антиномии Канта, и апории Зенона). Антиномична, например, категория количества, поскольку оно есть единство прерывности и непрерывности; антиномичны движение, общность, бесконечность и все категории логического, но эта антиномичность существует в логической рефлексивности в снятом и сохраненном, т.е. в разрешенном и оправданном виде. Двузначно отрицание, поскольку «отрицательное есть столь же и положительное»⁹. Двузначное нельзя сводить-разлагать на однозначные и наоборот, в противном случае получим ошибку. Поэтому диалектичность необходима для логического.

§ 167. Определение умозаключения

Умозаключение определяют, как вывод нового суждения из одного или нескольких суждений, как необходимое получение нового суждения. В этом выведении-получении осуществляется логическая необходимость, логическое опосредствование, логическая опосредствованная связь. Иначе говоря: умозаключение означает необходимую связь одного или нескольких суждений с другим — с новым суждением; умозаключение есть их необходимое единство, именно, синтетическое необходимое единство.

Такое понимание природы умозаключения было требованием формальной логики (начиная с Аристотеля и по сей день), но это требование не осуществилось, не удалось доказать синтетическую природу умозаключения; умозаключение было понято как аналитическая вытекаемость, тавтологическая связь; логика была сведена к тавтологии. Это обстоятельство особенно рельефно предстало в системе современной математической логики (например, с точки зрения Рассела,

⁹ В. И. Ленин. Соч. т. 38, стр. 218, 219.

положения логики и математики представляют тавтологии)¹⁰.

Представление умозаключения и вообще логической связи в виде аналитичности тавтологической связи надо считать ошибкой. Эта ошибка рельефно проявляется в умозаключении и в доказательстве. С точки зрения доказательства, тавтологичность есть логическая ошибка (логический круг), поскольку, в таком случае, доказуемое, вместе с тем, есть и доказывающее, теряется опосредствованность — главное в умозаключении и доказательстве. Против такой ошибки выступала сама формальная логика, вопреки тому результату, который она получала, сведя умозаключение к аналитичности и тавтологичности. Формальная логика впала в противоречие.

Тавтологическая связь, в действительности, не есть связь, поскольку связь с необходимостью содержит различие. Связь может быть связью различных, она с необходимостью должна быть синтетической, в противном случае связь теряет смысл; связь невозможна без связующихся. Поэтому, умозаключение, как определенная связь, должно быть синтетическим; умозаключение должно быть логически синтетическим, синтез должен осуществляться с логической необходимостью.

Чистая непосредственная связь является тавтологической, если нечто непосредственно есть другое, тогда между ними нет различия, здесь имеется повторение одного и того же, а не связь нечто с другим. Поэтому, умозаключение не может быть непосредственной связью; в этом смысле, невозможно «непосредственное умозаключение». Это название или ничего не говорит, или является условным именем какой-то опосредствованной связи (об этом у нас был разговор при рассмотрении «непосредственных умозаключений»). Если, например, силлогизм есть непосредственная связь посылок с заключением, то он, как опосредствованное умозаключение, теряет смысл (как это было рассмотрено выше).

Но надо сказать, что всякое умозаключение, как в самом деле умозаключение, может быть понято, только как опосредствованная связь мыслей. Умозаключение есть необходимая опосредствованная связь мыслей (а не, например, силлогистическая непосредственная вытекаемость; вытекаемость есть одна из опосредствованных связей, если она не понимается психологически, как психологический переход).

Необходимая опосредствованная связь может быть дана как в неполном, так и в полном виде. В первом случае логическая необходимость полностью не осуществляется и требует стороннего доказательства, или же она полностью осуществляется, т.е. осуществляется полное умозаключение, которое будет иметь и характер доказательства. Самая неполная опосредствованная связь осуществляется, как мы знаем, в суждении, поэтому оно требует доказательства, по своей природе требует умозаключения-доказательства. Опосредствованная связь еще «больше» осуществляется в «непосредственных умозаключениях», далее она еще полнее представлена в формально-логических опосредствованных умозаключениях; полная же опосредствованная необходимая логическая связь осуществляется только в бесконечном умозаключении. Это «возрастание» опосредствованной связи, ясно, не имеет количественного характера; оно есть определенное логическое развитие (природу которого мы выясним в дальнейшем — в теории доказательства). Полная необходимая опосредствованная связь в логическом — это полное умозаключение, которое мы называем бесконечным умозаключением. Полная необходимая опосредствованная логическая связь — это утверждение нечто его же внутренним отрицанием.

Полное умозаключение есть связь-единство полных конечных. Как мы знаем, полное конечное есть одна сторона противоречия. Единство двух таких сторон есть полнее умозаключение. Единство противоречий в логическом есть отрицанием нечто его же утверждение — бесконечное умозаключение.

В пределах полного конечного находятся все неполные умозаключения, которые в конечном счете имеют смысл тем, что они являются энтимемными, т.е. как-то подразумевают противоположное (в противном случае, как мы знаем, они были бы невозможными), логическое оформление связи которого с первой стороной дает полную логическую связь — полное умозаключение.

Понимание природы умозаключения равнозначно пониманию природы логической

¹⁰ См. Б. Рассел, Человеческое познание, стр. 411.

необходимости. Как это выяснилось выше, в конечных умозаклЮчениях логическая необходимость осуществляется неполно, так сказать «наполовину», поскольку в таких умозаклЮчениях необходимое есть то, противоречащее чему невозможно; логическая необходимость есть невозможность противоречащего. Эта необходимость, как мы уже знаем, опирается на категорию конечного, имеет ее природу; вследствие того, что нет не-А, есть и необходимо А. Это необходимость апагогического доказательства. Формальная логика не знает другой необходимости, хотя считает апагогическое доказательство слабым, а прямое доказательство совершенным, несмотря на то, что необходимость, осуществленная в прямом доказательстве, является невозможностью противоречащего.

Для необходимости нечто необходима невозможность противоречащего, но это, как мы уже знаем, есть необходимость конечного. Невозможность противоречащего есть условие необходимости конечного; это условие, разумеется, определяет его, как обусловленного им. Но здесь уже видна необходимость противоречащего. А есть А именно вследствие того, что оно не есть не-А. Для А необходимо подразумевание не-А. А есть именно то, что не есть не-А, поэтому понятие А содержит и признак противоречащего, именно как признак противоречащего ему (а не как признак непротиворечащего), как это было выяснено выше.

Поэтому можно сказать, что необходимое есть то, отрицание чего невозможно; но поскольку то, о невозможности отрицания чего мы сейчас говорим, должно существовать (как было отмечено выше, невозможно отрицание и того, что не существует), постольку отрицаемое надо считать утвержденным, чтобы можно было говорить о невозможности его отрицания. Следовательно, логически необходимым должно быть то, отрицание чего утверждает его же; а логическая необходимость есть утверждение нечто его отрицанием, отрицанием нечто его же утверждение. Невозможна более сильная логическая необходимость чем эта необходимость: невозможна «большая» необходимость, чем та, когда нечто утверждается даже его отрицанием. Эта есть необходимость логического бесконечного, необходимость, которая осуществляется в бесконечном умозаклЮчении. Необходимость конечного есть одна сторона бесконечной логической необходимости, есть односторонность, которую изучала и изучает формальная логика.

Полное умозаклЮчение есть полная опосредствованная связь, содержащая внутреннее отрицание. Конечное умозаклЮчение, например Barbara, имеет антиномичный характер: без отрицания оно ничего собой не представляет, а с оформленным отрицанием оно невозможно. Эту антиномичность разрешает связь категорий (как это было выяснено выше), осуществляемая в бесконечном умозаклЮчении. Вообще умозаклЮчение есть необходимая опосредствованная связь мыслей. Полное умозаклЮчение есть опосредствование, осуществленное посредством внутреннего отрицания опосредствованная связь-отношение или яснее: полное умозаклЮчение — бесконечное умозаклЮчение — есть самоутверждение отрицанием.

§ 168. Природа среднего понятия

Если умозаклЮчение есть опосредствованная связь, то возникает вопрос о природе среднего. Это один из вопросов, касающихся структуры умозаклЮчения, но он имеет такое значение, что должен быть выделен и рассмотрен отдельно (остальные вопросы структуры бесконечного умозаклЮчения будут рассмотрены в следующем параграфе).

В каждом опосредствовании действует среднее («среднее» непригодное выражение для логического, поскольку оно опирается на пространственное представление, но мысль, условно обозначенная этим словом, была понятна всегда). Без «среднего» нельзя выполнить опосредствование. Для Аристотеля основной проблемой была проблема среднего (не только в логике). По его мнению средним термином силлогизма должно было быть понятие, высказывающее сущность предмета — «усию», (такое умозаклЮчение, вместе с тем, было бы и доказательством); но мистическая «усия» не смогла перейти в логическое — в понятие, поэтому логика Аристотеля, которая должна была опираться на онтологию, оторвалась от этого своего основания, и, например, в умозаклЮчениях не была осуществлена содержательная общность (о которой Аристотель имел совершенно определенное представление) и правила силлогизма были ограничены отношением объемного общего и частного.

В формальной логике силлогизм (категорический силлогизм) считается образцовым

опосредствованным умозаключением. Среднее категорического силлогизма есть и в самом деле среднее, поскольку оно в объемном отношении больше малого понятия и меньше большего понятия; средний термин есть среднее по отношению крайних с точки зрения объемной общности; а по содержанию среднее имеет тот же признак, что и малый и больший термины. В категорическом силлогизме все три термина учтены со стороны одного и того же признака, поэтому для него и со стороны объема существенна тождественность. Поэтому и имеет силлогистическое умозаключение аналитический характер, хотя оно не должно быть таким, поскольку в нем участвуют три различных термина, где среднее должно быть и в самом деле средним, а не тождественным с крайними.

В категорическом силлогизме это среднее должно как-то отличаться от крайних. Силлогизм имеет смысл именно этим различием и отличным средним, хотя это различие в нем логически и не оформлено.

Поскольку в силлогизме среднее должно отличаться от крайних, постольку он и представляет собой опосредствованное умозаключение. Но, как это было выяснено, выше, категорический силлогизм сводится к «если—то», т.е. на самом деле он является не опосредствованной, а непосредственной связью. В нем заключение непосредственно вытекает из посылок, нет среднего между основанием и следствием; именно поэтому оно и есть аналитическое умозаключение. В аналитичности опосредствованность не осуществляется. Аналогичное положение имеется и в других опосредствованных умозаключениях формальной логики.

Гегель и Маркс представили умозаключение в виде связи категорий. Как мы уже знаем, во взаимосвязи категорий, если эта связь представлена в общей форме, среднее есть особенное. Правда, среднее может быть как единичным, так и общим, но для общей формы умозаключения среднее есть особенное, а единичное и общее являются крайними.

У К. Маркса двоякая мысль об особенном, в умозаключении, как о среднем. С одной стороны, К. Маркс отмечает, что среднее умозаключения есть особенное, например, «распределение-обмен» в отношении «производства» и «потребления», как крайних¹¹. Такое среднее применяется и в кругооборотах «Капитала». С другой стороны, К. Маркс критикует теорию умозаключения Гегеля отмечая, что у него среднее умозаключения, как особенное, есть *mixtum compositum*, скрывает противоположность единичного и общего, тогда как оно не должно скрывать этого, т.е. противоположность должна быть оформлена полностью¹².

Если у Гегеля противоположность между единичным и общим в умозаключении скрыта потому, что в нем роль среднего выполняет «особенное», тогда почему «среднее» К. Маркса — тоже особенное — не скрывает противоположности между единичным и общим? Особенное, как среднее, скрывает эту противоположность везде — как у Гегеля, так и у К. Маркса. Поэтому «особенное», как «среднее», вообще должно быть *mixtum compositum*, «деревянным железом». Особенное, как среднее, объединяет единичное и общее, но само оно и есть такое единство. Поэтому здесь имеется какая-то логическая неясность. Но, по нашему мнению, эта неясность существует с точки зрения умозаключения, как единства противоположностей.

Выход из указанной здесь трудности, по нашему мнению, состоит в следующем. В действительности существуют умозаключения, в которых роль среднего выполняет «особенное». Примеры такого умозаключения, как было сказано, Маркс приводит в своих трудах. Маркс признает такие умозаключения. Но это не значит, что, с точки зрения К. Маркса, должны существовать только такие умозаключения и что он отрицает существование других умозаключений, в частности таких, где особенное, как скрывающее противоположности, не будет средним; нет, при критике теории умозаключения Гегеля К. Маркс имеет в виду такое умозаключение, где противоположность должна быть представлена полностью, в явном виде; в таком умозаключении среднее больше не будет особенным.

Таким образом, существуют такие умозаключения, где среднее есть особенное, но должны существовать и такие, в которых среднее не есть особенное и в которых осуществлено единство противоположностей; существуют такие умозаключения, где противоположность или противоречие не представлены полностью, но также и такое, где противоречие оформлено полностью.

¹¹ См. К. Маркс, К критике политической экономии. Предисловие.

¹² К. Маркс, Ф.Энгельс, Соч., т. I, 1955, стр. 316.

Следовательно, опосредствованные умозаклучения отличаются друг от друга по природе среднего; существует три вида умозаклучения: 1) Умозаклучение, где среднее тождественно с крайними, т.е. говоря словами К. Маркса, «скрывает», исключает различие, хотя оно для него необходимо; таков, например, категорический силлогизм. 2) Умозаклучения, как такие связи категорий, где действует не только различие, но и противоположность, и среднее представлено в виде «особенного», хотя оно «скрывает» противоположность. 3) Умозаклучения, где противоположность-противоречие не скрывается, а полностью проявлено и оформлено, т.е. такие, каждое из которых представляет собой единство противоположностей, единство противоречий и в которых действует среднее — ни только тождественное, но и ни только «особенное», а совершенно другое. Все-таки какое? С нашей точки зрения, это среднее есть «среднее» бесконечного умозаклучения. Противоположность-противоречие полностью оформлено именно в бесконечном умозаклучении, представлено в нем «явно». Главным вопросом этого параграфа является вопрос «среднего» именно в бесконечном умозаклучении как в полной опосредствованной связи. Мы должны ответить на вопрос: что из себя представляет «среднее» в бесконечных умозаклучениях?

Бесконечное умозаклучение есть единство логических противоположностей, единство противоречий. Противоречие, как известно, исключает определенное «третье», в этом смысле исключается и «среднее». Противоречие исключает конечное третье, конечное среднее, такое, какова одна сторона противоречия, или такое, каково особенное — «скрывающее» противоречие. В единстве противоречий нет конечного среднего, связывающего стороны противоречия. Одна сторона противоречия связывается с другой не посредством конечного среднего, а посредством отрицания. Отрицание не только отрицает, но также и утверждает. Точнее: среднее здесь есть не только, отрицание, но и противоречие — взаимоотрицание; но одно лишь взаимоотрицание не свяжет стороны противоречия, наоборот, оно их разъединит. Но, как нам известно, в единстве противоречий действует относительное отрицание, и взаимоотрицание есть не только взаимоисключение, но и взаимоутверждение. Вместе с тем, мы знаем и то, что противоречие, правда, исключает «третье», но это исключенное «третье» есть «третье», как предикат, а не как субъект. Противоречие исключает «третье», как предикат, но опирается на «третье» как на субъект, как на корень противоречия — единство, которое и раздваивается в противоречия. Поэтому «средним» в бесконечном умозаклучении, как в единстве логического противоречия должно быть единство. В утверждении чего-либо его же отрицанием средним должно быть единство утверждения и отрицания, как их корень.

Таким образом, получается, что в бесконечном умозаклучении среднее есть: 1) отрицание, 2) взаимоотрицание — противоречие и 3) единство; получилось три средних, что, ясно, есть нелепость. Среднее может быть только одно. В самом деле, среднее в бесконечном умозаклучении только одно, это — единство, но не единство, исключаящее отрицание и различие, а такое единство, для которого необходимы стороны противоречия (поэтому это единство не есть формально-логический род). Среднее бесконечного умозаклучения есть единство, содержащее отрицание, конкретное (а не абстрактное) единство, конкретное и полное общее.

Здесь мы должны дать ответ на одну трудность, которая состоит в следующем: бесконечное умозаклучение есть единство противоречий. Его «среднее» есть единство, содержащее отрицание; единство, содержащее отрицание, есть единство противоречий. Выходит что «среднее» единства противоречий есть само единство противоречий.

Дело в том, что «среднее» бесконечного умозаклучения, как единства противоречия — единство, содержащее отрицание, — есть только один момент единства противоречий, как бесконечного умозаклучения; оно есть корень противоречия — единство, как общая мысль-понятие бесконечного умозаклучения. Как было выяснено выше, понятие есть общая мысль умозаклучения. Общая мысль бесконечного умозаклучения, как понятие, будет специально рассмотрено. Здесь достаточно отметить, что среднее понятие бесконечного умозаклучения есть его общая мысль, как понятие. Это корень противоречия — единство. Например, в бесконечном умозаклучении «отрицание истины утверждает истину» средним будет понятие истины, как общая мысль определенной опосредствованной связи. В утверждении отрицания отрицанием отрицания «среднее» есть понятие отрицания, и т. п. Таким образом, среднее понятие бесконечного умозаклучения, — это единство, содержащее отрицание, как общность-понятие, представляющее собой общую мысль

этого умозаключения (аналогичное этому или неопределенный зародыш этой мысли имеется у Аристотеля в виде среднего термина силлогизма, общего для крайних). Среднее умозаключения есть понятие. Такова определенная связь умозаключения и понятия, как логических форм. В умозаключении понятие снимается и сохраняется и существует в виде «среднего».

Как мы уже знаем, в единства противоречий корень противоречия, как субъект, не таков, какова одна сторона противоречия; он не конечен, в противном случае для объединения трёх конечных было бы необходимо новое единство и т. д. Корень противоречий — единство — есть не конечное, а момент бесконечного, как «охватывающий» момент (поэтому и есть оно понятие). Таким образом, среднее бесконечного умозаключения есть момент бесконечного, как понятие — общая мысль умозаключения: среднее бесконечного умозаключения есть понятие как рефлексивное — категория логического. Это понятие есть среднее для утверждения посредством отрицания, для полного единства непосредственности-опосредствования.

§ 169. Структура бесконечного умозаключения

Понимание структуры бесконечного умозаключения означает установление его элементов и строения; это расчленение природы бесконечного умозаключения с целью его понимания.

1. Как это было выяснено в предыдущем параграфе, среднее бесконечного умозаключения есть понятие. Но это не среднее «между» двумя понятиями, нет, здесь не три понятия, а только одно. В бесконечном умозаключении есть только одно понятие. Оно есть однопонятийное умозаключение, подобного которому формальная логика не знает. Бесконечное умозаключение есть умозаключение, составленное подразумеваемыми в одном понятии утверждением и отрицанием (ведь понятие снимает и сохраняет суждение); оно есть опосредствованная связь, полученная применением утверждения-отрицания в отношении одного понятия и в одном понятии. Оно однопонятийно в том смысле, в каком категорический силлогизм трехпонятиен. Если в категорическом силлогизме три понятия — малое, среднее и большое, а «есть» и «не есть» не считаются понятиями (хотя глаголы всегда имеют общее содержание), то, именно в таком понимании, в бесконечном умозаключении есть только одно понятие. В предыдущем параграфе был рассмотрен один основной элемент структуры бесконечного умозаключения, именно, среднее понятие. Бесконечные умозаключения, построенные на основании вышерассмотренных категорий логического, содержат именно эти категории, как среднее, каждое бесконечное умозаключение содержит только одно понятие — категорию.

Отрицанием отрицания утверждается отрицание, вопреки обыкновенному двойному отрицанию, где отрицание отрицания есть только восстановление положительного. Отрицанием отрицания утверждается отрицание, но это утверждение есть положительное, как опосредствованная связь, а не получение такого положительного, которое имеет место в обыкновенном отрицании: отрицание отрицания нечто есть это же нечто, которое мы отрицали. В утверждении отрицания отрицанием отрицания есть только одно понятие — понятие отрицания. Отрицание мысли есть мысль, и здесь есть одно понятие, именно, понятие мысли. Отрицанием суждения утверждается суждение; здесь действует только одно понятие — понятие суждения. Отрицание понятия утверждает понятие, здесь тоже имеется одно понятие, именно, понятие понятия. Отрицание истины утверждает истину, здесь тоже «действует» только одно понятие — понятие истины. Отрицание категории применяет категорию (катеорию отрицания) как средство и утверждает ее как таковую. Отрицание частного утверждает частное и т. д. В каждом бесконечном умозаключении имеется только одно понятие.

2. Бесконечное умозаключение есть нераздельное единство, единство, «связанное» необходимостью. Оно не может быть другим, поскольку, как выяснилось, в нем имеется только одно понятие. Нераздельное единство бесконечного умозаключения означает то, что оно не разлагается на суждения, именно, на посылки и заключение, как это имеет место, например, в категорическом силлогизме, где отдельно каждое суждение имеет совершенно самостоятельное значение и само по себе представляет законченную мысль (поскольку оно энтимемно, как это было выяснено выше), тогда как в бесконечном умозаключении его элементы не имеют такой самостоятельности. Самостоятельная и законченная мысль есть только целиком умозаключение — целиком бесконечное умозаключение. Необходимость такой целостности умозаключения была

замечена: 1) Гегелем, который был против деления умозаключения на посылки и заключение; поэтому он придавал умозаключению следующую форму: $E—O—V$. С этим, как мы знаем, были согласны К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин; 2) математической логикой, которая сформулировала категорический силлогизм в одном условном предложении («если А есть В и В есть С, то А есть С»). Но целостность бесконечного умозаключения не есть ни единство трех понятий, ни единство предложения. Оно есть логическое единство мысли, осуществленное внутренним отрицанием, где имеется только одно понятие; его можно высказать я одним предложением. Бесконечное умозаключение есть единый переход-возвращение или «круговращение», которое равно утверждению нечто его же отрицанием.

3. Нераздельное единство бесконечного умозаключения не означает отсутствия в нем различия; в таком случае (т.е. вне различия) оно не было бы не только умозаключением, но и суждением. В бесконечном умозаключении имеются различные и совершенно определенные моменты: а) отрицаемое, без которого нет ни отрицания, ни утверждения; б) отрицание, применяемое в отношении отрицаемого; в) утверждение, утверждение именно отрицанием; г) противоречие, так как имеет место отрицание-утверждение одного и того же; д) единство этого противоречия, которое устанавливается именно внутренним отрицанием-противоречием как корень противоречия и единство опосредствования. Таким образом, бесконечное умозаключение есть нераздельное единство противоречия.

4. В бесконечном умозаключении имеет место противоречие между двумя мыслями (двумя сторонами единого) — логическое противоречие, а не нелогическое противоречие между фактом и суждением (как это представлено у Вуда)¹³. Здесь «факт» не отличается от суждения. «Нет суждения» — само есть суждение, которое противоречит мысленному высказыванию его отрицания. Если мы сведем суждение к предложению, то (как было сказано) рефлексивность — рефлексивность суждения — исчезнет. Рефлексивность характерна для мысли, а не для предложения. Одно предложение действительно не вписывается в другое и поэтому «нет предложения» противоречит факту существования этого предложения, но отрицание суждения есть суждение, где две мысли противоречат друг другу. Факт суждения логически есть то же самое суждение, и его отрицание тоже есть суждение. То обстоятельство, что отрицание суждения есть суждение, не создает трудности в виде парадокса, поскольку суждение, как категория, логически рефлексивно. Кто не возвысится до категории логического, тот не поймет ни рефлексивности, ни противоречия в логике, не поймет диалектику логического. Утверждение суждения его отрицанием есть не только противоречие, но и его преодоление — снятие и сохранение в единстве, оно есть единство логического противоречия.

5. Бесконечное умозаключение не имеет внешних посылок. То, что есть вне его и на что оно опирается, есть его реальное основание, а не логическая посылка-основание. И заключение бесконечного умозаключения не есть вне его, как его такое следствие, в отношении которого какая-нибудь сторона бесконечного умозаключения была бы внешней посылкой. Как «посылка», так и заключение бесконечного умозаключения даны внутри него. Они являются внутренними моментами бесконечного умозаключения. Оно есть единство, содержащее внутреннюю необходимость (старая логика не знает такого умозаключения)¹⁴, единство внутреннего отрицания-утверждения, опосредствованная связь, имеющая полную логическую необходимость, внутреннее опосредствование.

6. В бесконечном умозаключении осуществляется полагание противоречия, поэтому оно не есть осуществление апагогического доказательства; апагогия есть отрицание противоречащего чему-либо выявлением невозможности этого противоречащего. Апагогия есть отрицание противоречащего, а не его необходимость. Это противоречащее устанавливается в бесконечном умозаключении, как одна его необходимая сторона. Бесконечное умозаключение содержит не только необходимость противоречащего, но и утверждение нечто посредством необходимости противоречащего ему. Отрицание частного утверждает опять-же частное, отрицание суждения есть суждение, отрицание необходимости имеет природу необходимости и т. д. Утверждение противоречащего и утверждение самого себя посредством противоречащего являются необходимыми элементами бесконечной опосредствованной связи-единства.

¹³ См. ту же страницу вышеназванного труда Вуда.

¹⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 65.

7. В бесконечном умозаключении существует то, отрицание чего невозможно, а также утверждение посредством отрицания. Эти два момента одно и то же, поскольку утверждение нечто его же отрицанием есть, так сказать, первое логическое, совершеннейшая логическая необходимость, отрицание которой невозможно и в которой осуществляется утверждение отрицаемого и отрицающего посредством отрицания. То, отрицание чего невозможно, есть понятие, действующее в бесконечном умозаключении, и также невозможно отрицание самого утверждения отрицанием. Отрицание и утверждение внутренни для бесконечного умозаключения; у него нет ни утверждающей, ни отрицающей внешней посылки.

8. В бесконечном умозаключении утверждение осуществляется не только в отрицательном аспекте — как неустранимость — это было бы сведением бесконечного умозаключения к отрицательной диалектике, нет, утверждение в нем осуществляется и в положительном аспекте, который содержит в себе и отрицательный аспект — отрицаемое применяется как средство для его отрицания — при его отрицании, утверждает именно его положительно, как средство и основание. Где это не осуществляется, там бесконечного умозаключения нет. При отрицании истины как основание применяется именно истина и постольку это основание утверждается положительно, и т. п. Здесь имеется некоторая редукция — движение вспять, к основанию, но не только редукция, а такое опосредствование, где подразумевается и движение вперед, поскольку отрицаемое утверждается-доказывается в конце, а в начале оно было недоказанным. поэтому и было применено к нему отрицание.

9. Утверждение нечто его же отрицанием есть круг, «круговращение». Этот круг не есть тавтология, поскольку он осуществляется внутренним отрицанием. Поэтому это не логическая ошибка. Этот круг имеет природу бесконечности. Круг в конечном логическом является ошибкой. Кругообороты, рассмотренные в «Капитале» К. Маркса — «Т-Д-Т», «Д-Т-Д» являются истинными формулами. В кругообороте бесконечного логического имеет место не ошибка, а «наисильнейшая» истина; именно та, на которую указал Декарт в своем *Cogito*, сказав, что невозможно мыслить, что я не мыслю, поэтому «мыслю, следовательно существую». Даже если бы все было ошибкой, то это положение — мысль о существовании мысли — будет логически безупречным, поскольку логическое отрицание мысли утверждает мысль же; логическое отрицание мысли само есть мысль, а мысль для мысли, разумеется, необходима: эта необходимость утверждается отрицанием. Невозможность отрицания мысли означает, что отрицанием мысли осуществляется утверждение мысли.

10. Бесконечное умозаключение кругообразно; но этим не отрицается, а наоборот, утверждается логическое развитие, поскольку утвержденное отрицанием, правда, то же самое, что и отрицаемое, но именно, как уже утвержденное, и поэтому логически «высшее». Если бы отрицание утверждало не то, что отрицается, у нас не было бы логического, но поскольку утверждение осуществляется отрицанием, постольку осуществляется доказательство, имеющее характер развития. Отрицаемое, т.е. то, в отношении чего применяем отрицание, есть начало, которое, ясно, является непосредственным, но в конце утверждается то, что было началом, поэтому в конце получаем опосредствованное; то, что было непосредственным, опосредствуется. Утвержденное отрицанием содержит как начало, так и отрицание, т.е. осуществляется опосредствование-доказательство как развитие. Таково самоутверждение отрицанием в логической сфере. Кругообразность бесконечного умозаключения означает полноту.

11. Бесконечное умозаключение начинает с непосредственного, недоказанного и кончает опосредствованием этого непосредственного, его доказательством. Следовательно, здесь имеется единство непосредственного и опосредствования. В этом умозаключении утверждение и отрицание опосредствуют друг друга, данное отрицается и этим отрицанием утверждается. Здесь осуществляется взаимопосредствование, двустороннее опосредствование. Но этим бесконечное умозаключение не исчерпывается поскольку только взаимопосредствование представляет ошибку — круг, взаимопосредствование конечных (утверждения и отрицания). Эта ошибка снимается тем, что бесконечное умозаключение есть самоутверждение, самоутверждение внутренним отрицанием. Взаимодействие объясняется, т.е. снимается и сохраняется в самоосновании и самоутверждении; а самоутверждение есть самоопосредствование. Таково единство непосредственности и опосредствованности в бесконечном умозаключении.

12. В бесконечном умозаключении осуществляется единство обусловленного и безусловного или

единство конечного и бесконечного. Утверждение и отрицание суть конечные моменты, а их единство представляет собой бесконечность. Утверждение и отрицание определяют, т.е. обуславливают друг друга, каждое из них обусловлено, условно; а их единство представляет собой безусловное. Утвержденное отрицанием отрицаемое есть бесконечное. Самоутвержденное внутренним отрицанием есть бесконечное, безусловное; в этом бесконечном и безусловном конечное и условное являются моментами.

13. В бесконечном умозаключении имеется два полных содержательных частных, единство которых представляет собой полную содержательную общность. Возможна только одна категория частного. Поэтому бесконечное умозаключение есть единство частного и общего; оно есть общее, содержащее в себе полное частное.

14. Отрицание, содержащееся в бесконечном умозаключении, есть своеобразный прерыв, а само оно есть единая — непрерывная мысль; поэтому можно и нужно сказать, что бесконечное умозаключение есть единство логической прерывности и непрерывности.

15. В бесконечном умозаключении, как в единой мысли, отрицание осуществляет некоторое разъединение-расчленение, выделение и деление, что представляет собой анализ; а утверждение отрицанием есть осуществление синтеза, и именно полного синтеза, поскольку здесь объединяются противоположности — отрицание и утверждение. Следовательно, бесконечное умозаключение есть единство анализа и синтеза. Такой должна быть каждая логическая связь, каждое суждение и каждое умозаключение. Бесконечное умозаключение, как единство противоположностей, представляет собой высшую форму единства анализа-синтеза.

16. Структура бесконечного умозаключения имеет характер единства противоположностей; оно есть раздвоение единого, где отрицание и утверждение имеют относительный характер, а их единство — абсолютный. Таким образом, бесконечное умозаключение есть единство относительного и абсолютного, оно есть абсолютное, содержащее в себе относительное, абсолютно-логическое.

17. В бесконечном умозаключении осуществляется переход в противоречащее, необходимость противоречия, именно, необходимость отрицания для утверждения, необходимость общего для частного и наоборот; это значит, что в нем имеется отрицательная диалектика. Но отрицательной диалектикой оно не исчерпывается. Бесконечное умозаключение содержит отрицательную диалектику, но само является положительно-диалектическим — единством противоположностей: единством утверждения и отрицания, единством частного и общего и т. д. Бесконечное умозаключение есть логическое внутреннее противоречие и постольку и единство этого противоречия. Это умозаключение имеет природу «ядра» диалектики и само является «ядром» диалектико-логического.

18. Бесконечное умозаключение есть категориальная связь и единство не только потому, что в нем имеется единство категорий непосредственности и опосредствованности, противоречия, конечного и бесконечного, частного и общего и других, но и потому, что само умозаключение имеет природу категории логического; оно логически-рефлексивно, в нем в подчиненном виде существует «двузначность», именно, то, что отрицательное вместе с тем есть и положительное. Отрицанием нечто его же утверждение не может быть иным.

19. Необходимость, осуществленная в бесконечном умозаключении, с одной стороны, есть необходимость логического бесконечного для логического конечного: а) для противоречия утверждения-отрицания необходимо единство-основание; б) для этих двух частных (равных «всему») необходимо общее; в) единство конечного и неконечного есть бесконечное; г) для суждения (т.е. отдельно утверждения и отрицания необходимо умозаключение (полное опосредствованное единство), поскольку первое оправдывается во втором, первое имеет смысл благодаря второму; д) необходимость друг для друга утверждения и отрицания требует необходимости самой себя; е) для обусловленного необходимо безусловное, поскольку первое оправдывается во втором — односторонность в единстве; ж) для односторонностей необходима определенность, именно, определенность единства..

20. Необходимость, осуществленная в бесконечном умозаключении, с другой стороны, есть необходимость логического конечного для логического бесконечного, поскольку: а) для единства необходимо различие и противоречие; единство есть именно единство противоречий; б) для общего необходимо частное, поскольку, в противном случае оно было бы необщим — частным; в) для бесконечности необходимо конечное, поскольку, в противном случае, она сама была бы конечной; г)

для умозаключения необходимо суждение, поскольку умозаключение есть именно определенная связь — единство суждений; д) необходимость для самого себя требует внутреннего различия, в противном случае, она, как пустота, была бы невозможной, е) безусловное — единство — таково только в отношении условного и одностороннего; ж) для определенности единства — для полной определенности — необходимы определенности односторонностей (которые содержат неопределенность именно вследствие односторонности), неопределенность которых преодолевается в определенности единства.

21. Необходимость бесконечного для логического конечного и наоборот представляют необходимые стороны бесконечного умозаключения, именно, стороны единства — существенного момента для этого умозаключения. Но сам момент единства в бесконечном умозаключении не имеет и не может иметь конечного характера. Если это единство конечное, тогда возникает логическая трудность нужды в новых единствах. Противоречащее находится в единстве, для их связи не требуются новые единства. Единство противоречий есть именно единство, имеющее природу бесконечности и неконечности; так же, как единство производства есть единство его моментов, движение есть единство покоя-движения и т. д. Как мы уже знаем, отрицание-противоречие расширяет сферу конечного до бесконечного, которое, разумеется, уже не есть третье конечное, исключаемое противоречием; последнее опирается на единство, как на момент бесконечного в конечном. Единство и противоречие необходимы друг для друга, как это было отмечено выше — при рассмотрении этих категорий. Умозаключение есть связь суждений, но эта связь не есть еще лишнее суждение. Закон есть связь явлений, а не новое явление среди связываемых явлений. Правило соединения посылок с заключением есть именно такое правило, а не новая посылка. Таково и единство для противоречия. Единство-бесконечное находится в двух полных конечных и наоборот. Это бесконечное достигнуто двумя полными конечными и не есть долженствование для конечного. Незавершаемость доказательства снимается в самодоказательстве. Самообоснование оправдывает его логические стороны. Единство бесконечного умозаключения есть самооснование.

22. Бесконечное умозаключение имеет такую природу, что представляет собой корень логических форм.

В бесконечном умозаключении суждение и умозаключение не положены рядом или после друг друга (как в формальной логике), бесконечнее умозаключение есть единство умозаключения и суждения. Стороны противоречия суть суждения, а их единство есть умозаключение. С точки зрения Аристотеля, суждение есть или утверждение или отрицание (копула пропущена) как единые мысли; именно так понятые суждения составляют бесконечное умозаключение, как определенное опосредствованное единство, именно, единство утверждения-отрицания. Это не должно быть понято так, как будто два противоречащих суждения давали бы умозаключение прибавлением друг к другу¹⁵; нет, с одной и той же необходимостью суждение есть умозаключение и умозаключение есть суждение, так же, как первое не есть второе и наоборот, (см. об этом ниже — «Правила умозаключения»). Суждение при полном оформлении собственной противоречащей двусторонности есть умозаключение. Оно есть «сжатое» умозаключение; суждение и умозаключение в «сжатом» виде есть понятие, которое в раскрытом виде представляет умозаключение. Умозаключение, высказанное односторонне, есть суждение. Раскрытие энтимемности суждения дает умозаключение; умозаключение, высказанное энтимемно, есть суждение. Как суждение, так и умозаключение могут быть высказаны так: «частное есть общее». Это положение, взятое непосредственно, есть суждение, субъект которого есть «частное», а предикат — «общее», но «частное есть общее» с необходимостью подразумевает противоположность «частного» и «общего», именно то, что «частное не есть общее»; единство обоих, как опосредствованное единство «частного» и «общего», есть умозаключение.

Умозаключение есть суждение, которое подразумевает «среднее», именно то, которое не должно быть пропущено, а должно быть оформлено. Если это «среднее» есть момент бесконечного, тогда мы имеем дело с полным умозаключением, с бесконечным умозаключением (как это было выяснено выше). Если «среднее» есть конечное, тогда у нас имеется конечное умозаключение. И в обычном силлогизме (категорический силлогизм) в заключении подразумевается средний термин (иначе, оно не было бы заключением); а тот подразумевает посылки (среднее и члены заключения, т.е. малый,

¹⁵ Ср. Аристотель, Первая аналитика, кн., II, гл. 15.

средний и большой термины составляют посылки), постольку, можно сказать, что заключение, как суждение, есть сжатое умозаключение, точнее сжатые, посылки, поскольку категорический силлогизм имеет аналитическую природу). Поэтому и говорил Гегель, что аподиктическое суждение переходит в умозаключение: S посредством M есть P , т.е. $S—M—P$, $E—O—B$.

Противоречие суждений «частное есть общее» и «частное не есть общее» — взятое в таком виде — исчерпывает сферу суждения и дает умозаключение. Невозможно только противоречие — «сложение» положительных и отрицательных суждений, поскольку они отрицают друг друга; а их единство возможно тем, что оно есть их основание; но таким образом осуществленное опосредствование, как мы уже знаем, есть бесконечное умозаключение.

Определение бесконечного умозаключения есть суждение с собственными положительными и отрицательными моментами; здесь имеется снятие-сохранение, т.е. развитие-отрицание, этим отрицанием утверждение-доказательство того, что в начале было непосредственным и что мы отрицали, В определении суждения, как конечного логического, бесконечное представлено отрицательно; здесь положительно показана отрицательная бесконечность; то, что нечто есть это, а не другое, означает то, что «недругое» есть бесконечное, благодаря чему нечто и есть именно это; но и наоборот: что не есть это, то есть другое. В определении бесконечного умозаключения полностью представлены полные суждения: отрицание и утверждение (которые противоречат друг другу и с точки зрения Аристотеля)¹⁶; а этим осуществляется умозаключение, поскольку здесь выполняется утверждение отрицанием (отрицание имеет положительный смысл). Полные суждения противоречат друг другу, а умозаключение есть единство их как односторонностей (поскольку не необходимо существование формальной логики, как логики суждения, рядом с диалектической логикой).

Конечное логическое есть то, что утверждается и отрицается другим; это мысль условного суждения и вообще суждения, как односторонности, которая оправдывается другим, именно, противоречащим суждением. Единство «этого» и «другого», как противоречащих, есть полная опосредствованная связь — умозаключение. Единство «этого» и «другого» есть как суждение, так и умозаключение; как неполное логическое оно есть суждение, а как полное — умозаключение.

Бесконечное логическое есть отрицанием нечто его же утверждение где отрицание и утверждение, как было сказано, суть суждения; отрицание выделяет конечное — суждение, но утверждение этим отрицанием есть бесконечное умозаключение.

Копула суждения оправдывается в умозаключении; сама копула есть по существу умозаключение, поскольку она показывает то, что единичное есть столь же не единичное, а общее (как это было выяснено выше); а полное единство единичного и общего есть умозаключение; единство двух полных конечных и их общего есть умозаключение. Суждение, представленное в полном виде, — «возвращенное» само в себя посредством отрицания — есть умозаключение.

Бесконечное умозаключение есть оправдание смысла суждения; бесконечное логическое предполагается суждением, но не «вмещается» в одно суждение. Ведь смысл суждения состоит в утверждении-отрицании? Утверждение-отрицание есть противоречие, единство же противоречащих есть бесконечное умозаключение. Это умозаключение есть развернутое суждение, развернутое понятие. Бесконечное умозаключение есть единство суждения-понятия-умозаключения; точнее, единство суждения и понятия в умозаключении. Бесконечное умозаключение, следовательно, есть высшая логическая форма.

23. Бесконечное умозаключение есть полное единство основания-следствия. Отношение основания-следствия будет рассмотрено ниже — в теории доказательства, здесь идет речь об основании и следствии, как о моментах бесконечного умозаключения.

Одной стороной или моментом бесконечного умозаключения является то, что из нечто вытекает подразумеваемое в нем, т.е. Существует тождество основания и следствия, аналитичность, что основание есть только основание (а следствие — только следствие), и отношение основания и следствия есть односторонне направленное от основания к следствию. Именно эта сторона бесконечного умозаключения определяет формально-логические умозаключения, как вывод следствия, из основания. Эта сторона бесконечного умозаключения состоит в том, что оно начинает с непосредственного, которое подлежит отрицанию, но в конце утверждается то же, что отрицалось; в

¹⁶ См. вышеуказанное место из «Метафизики» Аристотеля, именно 8-ю главу IV книги.

конце получается отрицаемое (но в утвержденном виде); из основания получается утвержденное следствие, которое, одной стороны, есть то же основание; то, что отрицается, получается конце. Начало и конец есть одно и то же; начало, середина и конец одно и то же; ведь в бесконечном умозаключении есть только одно понятие. Поэтому невозможно нарушение в нем тождества. Его одна сторона есть аналитичность. С этой стороны основание и следствие суть односторонности: основание есть только основание и следствие — только следствие; более того — оба одно и то же. Здесь имеется конечное основание и конечное следствие.

В бесконечном умозаключении имеются другие конечные основания и следствие (см. категорию основания, рассмотренную выше в категориях логического), — двустороннее основание и следствие. Противоречащие моменты бесконечного умозаключения, именно, утверждение и отрицание, определяют, обосновывают друг друга (а не только отрицают). Эти моменты и отрицают и утверждают друг друга — определяют и утверждают друг друга посредством отрицания. Каждый из них есть и основание и следствие. Определяющее есть основание, а определяемое — следствие. Таковы как одно, так и второе.

Здесь конечны и основание и следствие, поскольку одно отрицается и утверждается другим — противоречащим. Это, как мы уже знаем, есть сфера полного конечного. Для этого отношения основания-следствия характерно: 1) они взаимопротиворечащи: основание, утверждает противоречащее следствие; 2) имеет место обратимость (не «обращение основания»), именно то, что основание переходит в следствие и следствие в основание, основание есть следствие своего следствия, а следствие есть основание своего основания. Этой обратимости и противоречия основания-следствия не знает формальная логика.

Это отношение основания-следствия неполно, содержит недостаток; недостаток состоит в том, что: 1) в таком отношении есть противоречие, которое невозможно без единства; 2) обратимость отождествляет основание и следствие, не видно их различия; хотя необходимость этого различия состоит в том, что здесь имеет место противоречие; с другой стороны обратимость указывает и на то, что основание — единство противоречия — утверждается уже именно этой обратимостью. Необходимо только окончание дела; должно существовать полное отношение основания-следствия, необходимость чего уже видна в рассмотренных здесь моментах.

Поэтому существует и бесконечное основание-следствие, без которого нет бесконечного умозаключения и всех тех моментов или сторон, которые были рассмотрены выше.

Обратимость основания-следствия имеет кругообразный характер. Это конечный круг, который непосредственно является ошибкой, но требует оправдания, т.е. полагания того, в чем этот круг преодолевается и объясняется. Оправдывается этот круг в единстве, как не конечном, а бесконечном. Бесконечное есть единство, содержащее противоречие, определенное целое (а не единство без противоречия). Это непосредственно видно в бесконечном умозаключении, в его определении.

Бесконечное логическое есть самообоснование, имеющее круговой характер, но это не конечный круг, представляющий собой ошибку. Самообоснование осуществляется внутренним отрицанием, которое исчерпывает конечное и доходит до бесконечно-логического. В самообосновании существует самооснование и самоследствие, которые не являются тавтологиями — чистыми тождествами, поскольку они осуществляются внутренним отрицанием. Именно этого требует и это есть бесконечное умозаключение, как отрицанием нечто его же обоснование.

Противоречие утверждения-отрицания с необходимостью обосновывает собственное основание — единство-общность, поскольку это противоречие есть не только взаимоисключение, но и вместе с тем, взаимоутверждение. Взаимоутверждение, осуществленное взаимоисключающими, есть и утверждение того, что представляет общность, их содержательную общность.

Таким образом, в бесконечном умозаключении можно различить следующие стороны осново-следственного отношения: 1) конечное осново-следственное отношение: а) односторонняя осново-следственная связь, б) двусторонняя связь основания-следствия, и 2) бесконечное единство основания и следствия, самообоснование, логическое *causa sui* или *ratio sui* (*causa sive ratio* правомерно именно здесь, а не в природе, в субстанции Спинозы).

Сказанное надо понимать не в том смысле, что в бесконечном умозаключении даны в наличии разные виды осново-следственного отношения, а в том, что в этом умозаключении как едином

самообосновании есть стороны или моменты, в которых, — если их вычленишь отдельно, — основание, следствие и их связь представлены по-разному. Здесь идет речь о структуре одной и той же единой осново-следственной связи, как о самообосновании посредством внутреннего отрицания.

Самообоснование не означает того, что основание предшествует себе, что основание существует до основания; в сфере конечного это невозможно. В сфере же бесконечного основание и предшествует себе и не предшествует, поскольку оно обосновывает себя, т.е. является для себя основанием и следствием. Это осуществляется в самообосновании посредством внутреннего отрицания, как в единстве противоречащих.

Самообоснование, самооснование, как внутреннее основание, неизбежно в логическом, так как ему присуща внутренняя необходимость, без которой логическое, логические законы и сама логика просто невозможны. В логическом имеют силу не только внешнее основание — утверждение одним положением другого, но и самообоснование: 1) применение аксиомы в качестве начала доказательства есть требование самооснования, требование того, чтобы логическим основанием логического было только оно само, а не реальная действительность, которая представляет собой реальное основание; 2) каждое синтетически-логическое, как мы знаем, содержит внутреннее отрицание, есть определенное единство, которое определяется и утверждается внутренним отрицанием. То, что содержит внутреннее отрицание, является самостоятельным; относительная независимость для положений, содержащих внутреннее отрицание, необходима.

Онтологическим основанием логического самообоснования является: 1) предмет, имеющий относительно самостоятельное существование; 2) самодвижущаяся действительность, единство противоречий в действительности. Бесконечное умозаключение, как самообоснование, содержащее внутреннее отрицание, есть «аналог» действительности, или точнее, отражение, своеобразная репродукция.

24. Бесконечное умозаключение есть корень логических методов, и само является определенным — полным логическим, именно диалектико-логическим — методом. Вышесказанное прямо указывает, что в бесконечном умозаключении есть своеобразные моменты, которые имеют характер дедукции, индукции и редукции (это обстоятельство мы рассмотрим более подробно при рассмотрении методов доказательства). Этими моментами являются:

а) утверждение нечто его же отрицанием есть «получение» и «утверждение» его же моментов — утверждения и отрицания; это утверждение оправдание на основе единства, как содержательного общего, его собственных моментов, его односторонностей — полных содержательных частных. Здесь основанием берется общее, а следствиями являются частные — два полных частных. Одним, словом, здесь имеется своеобразный вывод частного из общего; это своеобразная дедукция.

б) Утверждение и отрицание, как стороны противоречия, взаимным отрицание-утверждением, как было отмечено, «утверждают» их корень единство — общее. В этом случае, за основание берутся два полных частных, а следствие есть их единство — общее. Таким образом, из частного, как из основания, получается общее, как следствие. Это — своеобразная индукция.

в) В бесконечном умозаключении имеет место движение от следствия к основанию, переход, сведение, т.е. своеобразная редукция. Если в индукции частные представляют основание, а общее — следствие, то в редукции наоборот — частные являются следствием, а общее — основанием, но переход совершается от следствия к основанию, тогда как в индукции и дедукции осуществляется переход от основания к следствию. В редукции осуществляется полагание основания от следствия, полагание основания-средства, исходя из следствия, приведением следствия к основанию, оправданием следствия в основании; в редукции действует противоречие и выявляется неустранимость, необходимость основания. Полагание необходимости нечто (в данном случае основания) есть доказательство.

Бесконечное умозаключение есть своеобразная редукция, как «обратное» умозаключение — «возвращение» от следствия к основанию. Примеры: 1) отрицание истины с необходимостью утверждает истину, как основание, а не как следствие; следствием утверждается основание, средство следствия. Отрицание истины как ошибка, с необходимостью требует истину как основание не только для понимания природы ошибки, но и для утверждения абсолютности истины. Здесь основание получается движением «вспять». 2) Отрицание тождества невозможно: отрицанием

тождества утверждается само тождество, его необходимость; т.е. оно доказывается, как основание, средство, имеющее категорический и безусловный характер. Такое полагание основания-средства есть не только неустранимость, не только отрицательное, но и положительное полагание основания. Это своеобразие мы должны принять во внимание, в противном случае, останется непонятным главное, именно, природа бесконечного умозаключения. 3) Такое полагание основания может быть полаганием того основания, которое равняется следствию, т.е. кругом; например, отрицание отрицания есть именно отрицание, отрицание мысли есть мысль, отрицание суждения есть суждение и т. д.

Поэтому можно сказать, что существуют два вида бесконечного умозаключения: а) полагание основания, как только средства и б) полагание основания так, что основание совпадает со следствием. Несмотря на это различие, основание все-таки полагается, поэтому круг осуществляется и положенное представляется как определенное следствие. В этих двух случаях имеет место утверждение нечто посредством его же (нечто) отрицания, т.е. самоутверждение, где нечто есть как основание, так и следствие самого себя. Таким образом, в этих двух случаях имеется по существу одно и то же логическое обстоятельство.

г) Бесконечное умозаключение содержит в себе три вышеотмеченных метода, как моменты, но не как их сумму, но так, что само есть один полный метод, существующий в виде умозаключения, полной опосредствованной связи.

Бесконечное умозаключение есть форма категориальной рефлексии логического; оно есть умозаключение, имеющее природу категории логического. Если одна сторона противоречия утверждается отрицанием ее отрицания, то самоутверждение осуществляется двойным отрицанием отрицания — противоречием. Бесконечное умозаключение, как было оказано, само есть самоутверждение, самообоснование. Оно есть бесконечное единство основания-следствия; это единство имеет форму полной опосредствованной связи — умозаключения.

Все три охарактеризованных выше метода односторонни. Они представляют собой односторонности бесконечного умозаключения и объединяются в нем, как в собственном корне или начале. Метод, бесконечного умозаключения, как было сказано, есть полный — диалектико-логический метод, универсальный логический метод.

Такова структура бесконечного умозаключения. Мы рассмотрели стороны или моменты бесконечного умозаключения. Логические методы мы специально рассмотрим ниже.

2. ПРАВИЛА УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ

§ 170. О правилах умозаключения

На основании рассмотрения структуры бесконечного умозаключения можно сформулировать правила умозаключения. Правила умозаключения являются не посылками умозаключения (представление правил умозаключения его посылками является логической ошибкой, поскольку в таком случае становятся необходимыми новые правила и т. д.; это вынесение природы умозаключения за умозаключение, что недопустимо), а его сторонами, основными характерными чертами, показывающими, как осуществляется и как должно осуществляться умозаключение. Выяснение правил умозаключения есть выяснение его природы. Поэтому рассмотрение правил умозаключения даст более конкретную его характеристику.

Выше мы рассмотрели три основных вида или формы умозаключения: 1) формально-логические умозаключения; 2) определенные связи категорий как умозаключения; 3) бесконечные умозаключения. В соответствии с этим и правила должны быть разделены на три группы; но рассмотрение природы бесконечного умозаключения показало то, что другие умозаключения являются его отдельно представленными сторонами, поэтому правилам бесконечного умозаключения должны подчиняться правила других умозаключений. Моменты утверждения и отрицания, содержащиеся в бесконечном умозаключении, непосредственно определяют природу других умозаключений и их правила. Было отмечено и то, что правило бесконечного умозаключения действует в мышлении, как его закон. Возможно отождествление правила бесконечного умозаключения и закона мысли, поэтому в первую очередь, рассмотрим эти правила.

§ 171. Бесконечное умозаключение есть круг

Если отрицается отрицание чего-то конечного, то мы получим то, что отрицалось вначале. Отрицание отрицания красного цвета есть красный цвет, его восстановление. Это — упразднение отрицания и восстановление отрицаемого, что является повторением, тавтологическим кругом. Но отрицание не должно и не может упраздняться, поскольку это «упразднение» само есть отрицание. Это значит, что необходимо сохранение-отрицания; а отрицание, со своей стороны, снимает тавтологичность круга и полагает своеобразный круг, по выражению К. Маркса «кругооборот». Такой своеобразный круг характерен и необходим для бесконечного умозаключения; утверждение нечто его же отрицанием есть круг, но такой, когда отрицание не упраздняется, а остается необходимым моментом, — восстанавливается первое отринутое, но уже как утвержденное отрицанием; в самом же утверждении объединяются положительность и отрицательность, поскольку утверждение совершается отрицанием. Взаимоотрицание и взаимоутверждение утверждения и отрицания, как двух моментов, есть круг, объясняющим основанием которого — его внутренним основанием — является момент бесконечности; целое же есть бесконечное. Круг содержит внутреннее отрицание; это есть единство утверждения и отрицания.

Процесс определения понятия есть круг, поскольку этот процесс начинается понятием и кончается им же; начало определения понятия есть начало понятия, окончание этого определения есть завершение полагания понятия, завершение понятия. Суждение тоже есть относительный круг, поскольку оно есть законченная мысль (незаконченная мысль не рассматривается в логике), в противном случае суждение не будет определенной формой мысли.

Каждый относительно независимо существующий предмет, предмет, который имеет свою сущность — а иначе предмет невозможен, — представляет определенный круг; то, что преодолевает внутреннее отрицание, выдерживает и сохраняет его, не может не быть относительно независимым и не может не представлять определенного круга. Этот круг означает относительную завершенность, относительную полноту. Самоутверждение, самооснование, самоследствие не могут не иметь природу круга (самопричина, самодвижение, развитие мысли не может не содержать определенного круга и кругов)¹⁷. Таково все, что имеет относительную независимость. Относительно независимая полнота всегда есть круг. Абсолютно независимое является еще более определенным кругом; вся действительность есть круг, поскольку действительность есть основание самой себя и следствие самой себя; действительность есть круг как самооснование, а не как нечто завершенное — находящееся вне развития (как это было у Гегеля, когда он завершил развитие и получил законченное абсолютное). Саморазвитие есть круг. Этот круг означает не законченность и прекращение развития, а только определенность природы развития: 1) То, чем является развитие, не может не быть полным; развитие бесконечно, но то, что есть развитие, является полным, завершенным. Сущность развития и понятие развития не могут не быть завершенными (когда мы понимаем развитие так, как оно есть, тогда мы имеем его понятие). 2) Основной закон развития не может не быть завершенным, совершенно определенным. 3) Внутренний источник бесконечного развития является полным, завершенным в себе, в противном случае такое развитие было бы невозможным.

Бесконечность вообще есть круг. Кругообразна не «дурная» — отрицательная, — а подлинная, «истинная», положительная бесконечность. Ф. Энгельс писал, что «закон о смене форм движения является бесконечным, замыкающимся в себе»¹⁸. Эта замкнутость в себе есть полнота — положительная определенность, определенная завершенность (вещи или мысли), определенная целостность.

Бесконечное умозаключение есть круг, поскольку оно есть рефлексивное самоутверждение. Кругообразны и категории логического, поскольку их отрицание применяет их же.

Утверждение нечто его же отрицанием, несмотря на круг, есть развитие (как это было выяснено выше), поскольку утвержденное логически выше, чем то же самое, но еще только

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 360, 361.

¹⁸ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1953, стр. 189.

отрицаемое: конец выше, чем начало. Законченное определение, ясно, выше, чем начало определения понятия; целиком суждение — выше, чем субъект суждения. В бесконечном умозаключении отрицаемое есть одностороннее, а само умозаключение есть целое, которое содержит отрицаемое, отрицание и утверждение; оно есть логическое снятие-сохранение, восстановление снятого в доказанной форме. В бесконечном умозаключении, как было сказано, отрицание есть некоторый прерыв, но оно, вместе с тем, есть и отрицание, утверждающее и осуществляющее непрерывность. Утверждение и отрицание составляют целостность, которая, разумеется, представляет круг. «Охватывающий момент» и создает и снимает круг — он объясняет его (с точки зрения К. Маркса, производство определяет и то, как определяют его определяемые им его же моменты)¹⁹. Чистый конечный круг есть тавтологичность, невозможность, ошибка. Смысл ему придает внутреннее отрицание, которое упраздняет тавтологичность. и в утверждении отрицанием осуществляется бесконечность. Поэтому настоящий круг содержит «охватывающий момент». Круг имеет смысл и оправдание в бесконечности, а в конечном он является ошибкой. Кругообразность бесконечности означает ее полноту, рефлексивность.

Такой круг не означает отрыва. Рассмотренные выше «кругообороты» в «Капитале» К. Маркса — «Т-Д-Т», «Д-Т-Д» и др. кругообразны, но переходят друг в друга, не оторваны друг от друга.

Общность, закон есть круг. С точки зрения Ф. Энгельса, «форма всеобщности есть форма внутренней завершенности, и тем самым бесконечности»²⁰. Если общность не завершена, она не есть общность: если закон не завершен, он не есть закон. Как было сказано, закон бесконечного развития сам есть и должен быть завершенным, в противном случае, он не существовал бы. Закон развития, не имеющего конца, является полным; именно в этом полном и схвачена бесконечность, которая объясняется на основании полного закона. Здесь имеется единство конечного к бесконечного. Бесконечное есть единство конечных, единство конечного и нескончаемого. Развитие спирально и нескончаемо, но его закон является завершенным. В этом смысле закон есть круг. Такова и общность, поскольку общее есть то, что высказывается обо многих элементах и это общее для многих является одним и определенным, имеет полную природу, все равно бесчисленно это многое или нет.

Бесконечное умозаключение есть определенная содержательная общность, общность, логической связи, единство, которое не может не быть законченным, определенным кругом. Правило этого умозаключения не может не быть полным. Таково не только бесконечное умозаключение, но и любое другое, так как умозаключение не может не быть законченным, как, например, Barbara, поскольку оно есть законченная мысль. Но только, как мы знаем, положительность, которая характерна для Barbara, должна быть выполнена отрицанием; это «восполнение» осуществляется во взаимосвязи категорий, а в конечном счете — в бесконечном умозаключении. Поэтому правило этого последнего придает смысл всем умозаключениям и обязательно для них;

То обстоятельство, что кругообразность бесконечного умозаключения не исключает связи с другим (об этом свидетельствует, например, связь «кругооборотов» в «Капитале»), выяснится в последующем — в теории доказательства; здесь же мы должны отметить только следующее. Бесконечное умозаключение, как отрицанием нечто его же утверждение, подчиняет себе всякое утверждение и отрицание, и в этом смысле, связывается с ними. Оно есть начало — сущность доказательства вообще, как это подробно будет выяснено в последующем. Бесконечное умозаключение содержит в себе все то, что содержит логическое. Суждение, конечное умозаключение и понятие, как мы уже знаем, являются его односторонностями. Бесконечное умозаключение само есть доказательство.

§ 172. Бесконечное умозаключение есть и должно быть синтетическим

Бесконечное умозаключение — бесконечное логическое — есть единство противоположностей.

¹⁹ К. Маркс, К критике политической экономии. Предисловие.

²⁰ Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 185—186.

Связь, имеющая природу единства противоположностей, является полной синтетической, поскольку: а) здесь единство не различных, но и противоположностей, противоречий; б) противоречие полностью исчерпывает природу конечного, третье конечное исключено; в) это противоречие с необходимостью утверждает его основание и корень — единство; г) получаем бесконечное — целое, полное, которое содержит противоречие как момент. Противоречие с необходимостью откроет то, отрицание чего невозможно, т.е. утверждается то, что по-другому невозможно, но содержит в себе «свое другое», конкретное отрицание. Поэтому здесь осуществляется логическая необходимость. Например, понятие производства и его моменты, понятие капитала, двойственность суждения и умозаключение, понятие движения и его моменты, категории логического и др., о которых говорилось выше.

Настоящая полная логическая необходимость и полный необходимый синтез осуществляются тогда, когда отрицанием утверждается то, что было отвергнуто. Связь различных и по существу противоречащих осуществляется бесконечностью, поскольку, как мы знаем, в противоречии третье конечное исключается, а бесконечное есть корень противоречия.

Синтез противоположностей выявляет их единое основание. Это повторяется везде, где имеется синтетичность, где действует конкретное тождество. Каждая синтетическая связь содержит внутреннее отрицание. Это отрицание обосновывает ту положительность, моментом которой оно является. Поэтому и есть везде момент бесконечного. Определение-полагание самого себя посредством отрицания выражается, если мы полностью его оформим, единством противоположных суждений.

Полное бесконечное логическое есть единство противоречий; а его односторонности являются конечными, формально-логическими; формальная логика ошибается, когда одностороннее принимает за целое. Бесконечное умозаключение есть полное синтетическое. Конечное умозаключение тоже синтетично, но имеет энтимемный характер, его полное оформление есть переход одностороннего в полное. Конечному придает смысл бесконечное.

§ 173. Бесконечное умозаключение содержит и должно содержать внутреннее отрицание

Каждая синтетически-логическая связь содержит отрицание. Без отрицания нет связи и в математической логике (хотя в ней действует только внешнее отрицание. Формальная логика вообще не понимает внутреннего отрицания). В связи вообще и в любой логической связи не может не быть внутреннего отрицания. Связь невозможна без внутреннего отрицания, так как она может быть связью только различных; например, в *Barbara* подразумевается различие, поскольку, в противном случае, там не было бы трех понятий и трех суждений. Это отрицание подразумевается в нем, но логически не оформляется (а словесно представлено). Но если это отрицание оформить логически, то это умозаключение разрушится. Так что, для этого умозаключения, как это было выяснено выше, отрицание необходимо, но в то же время и исключается; оно невозможно без отрицания, но оформление такого отрицания делает его невозможным. Эта антиномичность, как мы уже знаем, разрешается переходом в более высокое логическое, в логическую связь категорий; отрицание расширяет понятие логического; логическая связь частного и общего есть связь противоположных категорий.

В бесконечном умозаключении оформляется отрицание, взаимоотрицание и противоречие. Это существенный в нем момент. Утверждение нечто отрицанием этого нечто, ясно, опирается на отрицание, которое утверждает положительно. Здесь не только отрицательная связь (неустранимость нечто), но и положительная — отрицанием выполняется утверждение.

Утверждается основание, которое с необходимостью получается обратным умозаключением — редукцией.

В самоутверждении имеется момент внутреннего отрицания. Это отрицание входит в утверждение (*die Begründung*); это не только психологический способ (который следует исключить из логического) получения того, отрицание чего невозможно. То, отрицание чего невозможно, утверждается именно посредством отрицания. Поэтому здесь имеется не интуиция (вопреки Гуссерлю), а полная логичность.

Бесконечное умозаключение должно содержать внутреннее отрицание. Таковым должно быть каждое синтетическое умозаключение и каждое умозаключение, поскольку чистая аналитичность есть только одна сторона умозаключения. Чистое аналитическое умозаключение логически

невозможно. Аналитичность имеет смысл благодаря синтетичности. Аналитическое умозаключение возможно, если оно является энтимемным — подразумевающим синтетичность.

§ 174. Бесконечное умозаключение есть и должно быть положительным

Бесконечное есть отрицательное выражение, которое в прямом смысле означает «неоконченное», нескончаемое, то, что не имеет конца, именно то конечное, которое не кончается. Это есть противоречие, отрицательность. Неполное есть конечное, не имеющее конца — отрицательное бесконечное, которое заранее подразумевает положительное бесконечное, как полное. Если мы имеем понятие бесконечного, то ясно, что бесконечность полностью (в этом смысле, конечным образом) представлена в ее понятии (здесь имеется диалектическое единство конечного и бесконечного, их положительное единство).

Сущность бесконечного процесса есть определенный закон — единство противоположностей, в котором полностью (в этом смысле, конечным образом) представлена бесконечность.

Конечное, не имеющее конца, представляет противоречие; а единство противоречий есть положительная бесконечность. Поэтому бесконечное умозаключение должно быть положительной связью.

Положительность бесконечного логического выражается в том, что: а) противоречащие переходят друг в друга (отрицательная диалектика); б) они утверждают необходимость друг друга; в) требуют друг друга для собственного существования; г) находятся в неразрывном единстве, не существуют друг без друга; д) утверждают — обосновывают друг друга; е) содержат тождественное; ж) создают единство. Это вообще так, тем более логически — согласно понятию; логическое полностью выражает реальное; оно есть его отражение.

Противоположности — утверждение и отрицание — друг друга: 1) отрицают, 2) утверждают отрицательно, 3) обосновывают положительно, 4) этим, утверждают их корень — единство. (Закон тоже содержит отрицание: 1) он есть необходимая синтетическая положительная связь, содержащая отрицание, 2) он есть закон явлений, закон того, что не есть закон). Бесконечное логическое, бесконечное умозаключение есть положительное логическое, содержащее внутреннее отрицание.

Конечное и бесконечное соотносительны так, что бесконечное есть охватывающее. Поэтому суждение — утверждение или отрицание — относительно в бесконечном умозаключении (и не только в бесконечном умозаключении; суждение, как односторонность, всегда относительно). Полное логическое — бесконечное умозаключение — есть безусловное, абсолютно-логическое; оно есть единство двух полных конечных — утверждения и отрицания. Бесконечное умозаключение есть возведенное до категориальности положительное единство противоположных суждений. Положительное суждение, возведенное до категориальности, есть полагание, а такое отрицательное суждение есть отрицание. Суждение есть конечное логическое, полное умозаключение есть бесконечное логическое. Суждение условно, а умозаключение — безусловно. Старая формальная логика есть логика суждения, а диалектическая логика есть логика полного умозаключения; она изучает каждую сторону логического, т.е. снимает и сохраняет формальную логику (теорию умозаключения, именно синтетического умозаключения, не смогли создать Кант, неокантианцы, Гуссерль, математическая логика, они боятся «метафизики», бесконечности). Математическая логика не изучает ни понятия, ни суждения и ни умозаключения; она изучает математические схемы и их моделирование; для нее логика, как учение о формах мысли, есть только одна из моделей. Схема математической логики не имеет природы общности и модель тоже не есть частное. Схема математической логики, как внешняя, касается всего, что достаточно для математики, но чуждо логике.

§ 175. Бесконечное логическое есть и должно быть общим

Бесконечное умозаключение, как единство конечного и бесконечного, как единство противоречий — двух полных частных, — имеет природу общности. Оно есть полное содержательное общее. В этой общности, как в определенном единстве, действуют: 1) отрицание, которое создает конечное — суждение; 2) преодоление-сохранение этого отрицания в единстве. Этим уже создается полная опосредствованная связь. Взаимоотрицание-утверждение, или противоречие на основании единства,

имеет, разумеется, природу общности. Общность единства противоречий есть наиконкретная общность. Она есть единство двух полных частных — противоположных суждений (утверждения и отрицания) — и представляет собой полное содержательное общее (неполное содержательное общее есть каждое синтетическое единство, как единство различных, единство, содержащее различие).

Общность есть внутренняя завершенность, бесконечность²¹. Как было сказано, форма этой общности есть закон²². Следовательно, общность закона, правила противоречия, есть общность бесконечного логического. Это — общность категориальной связи.

Единство суждения полностью представлено во взаимосвязи категорий («частное есть общее»). Поэтому общность единства таких противоположных суждений есть общность бесконечного умозаключения. Эта общность есть общность единства двух полных частных, сведение которой к суждению — «частное есть общее» — создает неадекватность логического, взятого в виде суждения; адекватна логическому общность бесконечного умозаключения, общность бесконечного логического.

§ 176. Моменты бесконечного умозаключения находятся и должны находиться в опосредствованном отношении основания и следствия

Здесь мы должны рассмотреть двоякое отношение: 1) отношение моментов бесконечного умозаключения — утверждения и отрицания как суждений — к самому умозаключению, как к их корню, единству; 2) отношение конечного и бесконечного, как отношение суждения и бесконечного умозаключения; суждение, как полное конечное, т.е. как одна сторона противоречия, находится в определенном осново-следственном отношении с бесконечным умозаключением как с бесконечным логическим. 1. Рассмотрим сперва осново-следственное отношение моментов бесконечного умозаключения — утверждения и отрицания — поскольку это отношение дает бесконечное умозаключение. Как мы уже знаем, это и такие отношения восьмисторонни, поэтому мы можем сказать, что имеется и действует восемь правил. Нас здесь интересуют именно правила умозаключения. Осново-следственное отношение противоположностей в логическом, являющееся восьмисторонним, дает восемь правил, которым подчиняются определенные, а именно, конечные умозаключения. Эти восемь правил опираются и должны опираться на одно правило, которое и будет правилом бесконечного умозаключения, как самоутверждения — самоутверждения отрицанием.

В бесконечном умозаключении восьмистороннее отношение утверждения и отрицания дает восемь правил: а) если есть А, то есть В; б) если, есть В, то есть А; в) если нет А, то нет В; г) если нет В, то нет А; д) если есть А, то нет В; е) если есть В, то нет А; ж) если нет А, то есть В; з) если нет В, то есть А.

Если мы вместо А и В возьмем «утверждение» и «отрицание», как моменты бесконечного умозаключения, то у нас будут следующие правила: а) если есть утверждение, то есть отрицание; б) если есть отрицание, то есть утверждение; в) если нет утверждения, то нет и отрицания; г) если нет отрицания, то нет и утверждения; д) если есть утверждение, то нет отрицания; е) если есть отрицание, то нет утверждения; ж) если нет утверждения, то есть отрицание; з) если нет отрицания, то есть утверждение.

Из этих восьми правил последние четыре суть правила аналитического вывода; если есть утверждение, то есть именно утверждение, а не отрицание; если есть отрицание, то нет утверждения и наоборот (отрицание этих двух положений дает ту же самую аналитичность). Первые четыре правила диалектичны, так как они суть правила полного синтеза, поскольку утверждение и отрицание утверждают друг друга, утверждение одного есть утверждение и второго и наоборот — отрицание одного есть отрицание и второго. Правила «в» и «ж» как-будто исключают друг друга, но оба имеют определенный смысл, так что они должны восполнять друг друга или какое-то целое — должны составлять моменты этого целого. Правило «в» отмечает то, что без утверждения нет и отрицания, а правило «ж» просто говорит о том, что если нет утверждения, то есть-противоречащее ему отрицание. Тоже относится и к правилам «г» и «з». Надо отметить и то, что правило «з» отмечает следующее: двойное отрицание есть утверждение, поскольку выражение «нет отрицания» означает «отрицание отрицания» — двойное отрицание; двойное отрицание — отрицание отрицания есть утверждение. Но в

²¹ Die Form der Allgemeinheit ist aber Form der In sich Abgeschlossenheit, d. h. Unendlichkeit. М. Е. Г. А. 475—476.

²² См. Ф. Энгельс, Диалектика природы, стр. 185—186.

правиле «г» двойное отрицание — «нет отрицания» есть не утверждение, а отрицание утверждения, т.е. двойное отрицание представляет отрицание. Обе эти мысли, — именно то, что 1) отрицание отрицания есть утверждение и 2) отрицание отрицания есть отрицание, — правильны, поскольку в первом случае сказано то, что отрицание отрицания нечто есть утверждение или восстановление нечего, а во втором случае подчеркнута вторая сторона отрицания, именно то, что отрицание отрицания означает именно отрицание, что отрицание отрицания невозможно (здесь, ясно, идет речь не об отрицании отрицания как, об основном законе диалектики или триаде).

В указанных правилах имеет место обратимость: 1) если есть утверждение, то есть отрицание и наоборот; 2) если нет утверждения, то нет и отрицания и наоборот. Здесь следует обратить внимание на два пункта: 1) на эту обратимость и 2) на взаимоисключение основания и следствия, или, точнее, утверждением нечего, как основания, утверждение противоречащего следствия. Эти два пункта неосуществимы в формальной логике, а в диалектической не только возможны, но и необходимы. Но ставится вопрос, каким образом возможна обратимость и необходимость утверждения противоречащего? Эти два обстоятельства, как мы знаем, возможны тем, что вышеперечисленные восемь правил представляют собой односторонние правила, подразумевающие одно универсальное правило, как оправдывающее их основание. Они возможны только в единстве противоположностей, именно, в единстве утверждения и отрицания, где утверждение и отрицание являются сторонами противоречия; а такое единство противоположностей, как мы знаем, есть бесконечное умозаключение — отрицанием нечего его же утверждение. Охарактеризованные выше правила являются односторонностями бесконечного умозаключения, которые окончательно оправдываются в целом, в том, односторонностями чего они являются, в бесконечном умозаключении. Взаимоотрицание и взаимоутверждение объединяются в их основании — в утверждении нечего его же отрицанием, что и оправдывает их. Иными словами: вышеуказанные восемь правил опираются на одно универсальное правило, именно, на правило самоутверждения внутренним отрицанием.

2) Теперь уместно и естественно рассмотреть второе отношение, на которое мы указали выше, именно, в начале рассмотрения 6-го правила бесконечного умозаключения. Это отношение между суждением, как полным конечным логическим, и самоутверждением (бесконечным умозаключением). Как осново-следственное отношение оно то же самое, что и отношение конечного и бесконечного, как логических категорий; «суждение» здесь должно быть понято, как категория конечного, а бесконечное умозаключение, как категория бесконечного; т. е. здесь у нас будет отношение суждения и умозаключения, возведенное до категорий — до общности категорий.

Это отношение выражается в следующем: а) если есть суждение, то есть умозаключение; б) если есть умозаключение, то есть суждение; в) если нет суждения, то нет умозаключения, г) если нет умозаключения, то нет суждения; д) если есть суждение, то нет умозаключения, е) если есть умозаключение, то нет суждения; ж) если нет суждения, то есть умозаключение и з) если нет умозаключения, то есть суждение.

Здесь, повторяем, выражение «суждение» и «умозаключение» взяты не в формально-логическом понимании, а как «конечное логическое» и «бесконечное логическое», короче говоря — как «конечное» и «бесконечное». «Суждение» означает содержательное частное — односторонность, именно, полную односторонность, а «умозаключение» — общее. «Суждение» есть логическое непосредственное, а «умозаключение» — логическое опосредствованное. «Суждение» есть момент, «умозаключение» — охватывающий момент; «суждение» есть момент, «умозаключение» — целое. «Суждение» есть одностороннее, правило, «умозаключение» — универсальное правило, закон. «Суждение» относительная — частичная логическая истина (здесь окончательно выясняется относительность природы суждения), а «умозаключение» — логическая абсолютная истина, логически абсолютное. Поэтому перечисленные в конце правила иные, чем предшествующие им восемь правил. Предшествующие восемь правил представляют собой правила «непосредственного» умозаключения, поскольку они являются правилами отношения утверждения и отрицания, как суждений; а перечисленные в конце восемь правил представляют собой правила опосредствованного умозаключения, поскольку в данном случае: 1) суждение есть основание умозаключения с точки зрения индукции: переход суждения к умозаключению есть переход содержательного частного к общему; 2) умозаключение есть основание суждения с точки зрения дедукции. В этих последних восьми правилах имеет место: 1) антиномичность, поскольку суждение есть и не есть умозаключение

и наоборот, но 2) эта антиномичность снимается и сохраняется в положительной диалектике, которая осуществляется в бесконечном умозаключении.

§ 177. Правила отношения моментов бесконечного умозаключения

Рассмотрим названные в конце правила каждое в отдельности.

1. Если есть суждение, то есть и умозаключение, или, поскольку есть суждение, постольку есть и умозаключение. Как это было рассмотрено выше, сущность суждения состоит в умозаключении. Суждение имеет смысл в умозаключении и умозаключением, оно оправдывается в нем. Поэтому если есть суждение, то есть и его сущность, то, что оправдывает его, придает ему смысл.

Умозаключение есть содержательное общее, основание суждения; суждение есть его элемент, содержательное частное. Если есть содержательное частное (суждение), то есть и содержательное общее (умозаключение).

С другой стороны, если есть содержательное частное, как основание, то индуктивно необходимо общее как следствие. В этом смысле, как это выяснится в последующем, в индуктивном умозаключении осуществляется логическая необходимость, т.е. такое умозаключение (и такой логический метод) возможно и существует.

Если существует только конечное логическое — суждение, то оно есть все, т.е. оно есть и бесконечное логическое: «все» означает бесконечное. Конечное заранее подразумевает бесконечное. Суждение должно оправдаться, оно, как односторонность должно быть заключением. Дурное бесконечное заранее подразумевает полную бесконечность (с точки зрения понятия это очевидно). Поэтому признание суждения вынуждает нас признать умозаключение.

Для положительного суждения необходимо отрицательное (и наоборот); здесь имеется диалектический переход в противоположное — отрицательная диалектика, что заранее подразумевает и опирается на положительную диалектику — на единство противоположностей.

«Понятие = переход»²³, суждение тоже есть переход, как это было выяснено выше. Переход же мысли есть умозаключение. Понятие и суждение имеют смысл в умозаключении.

Переход от суждения к умозаключению есть своеобразное индуктивное умозаключение, точнее, оно есть диалектическое умозаключение, представляющее собой логическое развитие.

Эти и подобные аргументы делают понятными и следующие положения.

2. Если есть умозаключение, то есть и суждение, или, поскольку есть умозаключение (бесконечное), постольку есть и суждение (конечное). Если есть умозаключение, то, понятно, будет и его сторона, момент-суждение.

Если мы скажем, что существует умозаключение без суждения, то оно само будет суждением; само такое признание есть суждение. Но умозаключение без суждения невозможно, оно есть ничто. Умозаключение есть именно переход от суждения или суждений к суждению. Для понятия умозаключения необходимо понятие суждения. Умозаключение есть обоснование суждения.

Переход от умозаключения, как от общего, к суждению, как к частному, есть своеобразная дедукция.

3. Если нет суждения, то нет и умозаключения, или, поскольку нет суждения — конечного логического, постольку нет и умозаключения — бесконечного логического. Если нет конечного, то, ясно, не будет и бесконечного. Существование конечного есть минимум существования бесконечного. Бесконечное составляют конечные. Если нет конечного, то нет и неконечного, поэтому нет и бесконечного. Если нет одного суждения, то нет и многих суждений, поэтому нет и их связи, которая и есть умозаключение. Если нет частного, то не будет и общего, поскольку общее есть именно общее для частных. Общее содержит частные, без них невозможно общее для них — то, что о них высказывается.

4. Если нет умозаключения, то нет и суждения, или поскольку нет умозаключения, постольку нет и суждения (это делают очевидным вышеприведенные аргументы). Если нет умозаключения, то не будет и его стороны — суждения. Если нет бесконечного, которое есть все, то не будет и его одного момента. Бесконечное есть сущность конечного, и если нет сущности, то, ясно, нет и того, сущность

²³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 218.

чего она собой представляет и должна представлять.

Суждение есть суждение умозаключения, суждение логического; суждение есть логическая связь. Суждение не имеет смысла без умозаключения. Умозаключение есть полное логическое, суждение есть только его одна сторона, но без первого второе не имеет смысла; если нет первого, то нет и второго. Односторонность не имеет смысла без того, односторонностью чего она является. Без полного нет и неполного — односторонности.

Это обстоятельство как будто не требует доказательства, но необходимость такого доказательства видна из того, что существует точка зрения, согласно которой в логическом мышлении существует только суждение; умозаключение сводится к суждению, т.е. можно отрицать умозаключение и признавать только суждение. Но если все, и в частности умозаключение, есть суждение, тогда суждение заставляют выполнять роль умозаключения. Суждение есть переход, вне перехода суждение непонятно, но переход уже есть умозаключение (например, «частное есть общее» есть переход от частного к общему, как это было выяснено выше). Это так, если мы имеем в виду синтетическое суждение. Но если мы скажем, что суждение тавтологично, то надо сказать и то, что оно по существу есть умозаключение, поскольку « $A = A$ » есть то же самое, что и «если есть A , то есть A », как определенный рефлексивный переход.

5. Если есть суждение, то нет умозаключения. Если есть конечное логическое, то нет бесконечного логического, или, поскольку есть суждение, постольку нет умозаключения; суждение есть именно суждение, а не умозаключение. Признание суждения есть исключение умозаключения. Признание логической непосредственности есть исключение логической опосредствованности. Если есть непосредственное, то нет опосредствованности. Между конечным и бесконечным логическим есть противоположность, взаимоисключение. Если есть конечное, то нет бесконечного. В формальной логике это признано необходимой истиной. Если есть одна из сторон противоречия, то нет второй; без этого противоречие не существует. Рассматриваемое здесь положение правильно только с одной стороны, именно с той, что конечное исключает бесконечное, частное — общее, одностороннее — целое и т. д.

Конечно, можно представить умозаключение и в виде суждения (или понятия) и потом исключить умозаключение, т.е. можно сказать, что есть суждение и нет умозаключения. Так поступает тот, кто умозаключение сводит к суждению. Бесконечное умозаключение тоже высказывается суждением: «утверждение нечто осуществляется его же отрицанием»: поэтому можно в этом смысле сказать, что существует это суждение, а не умозаключение. Если в положительном суждении будет подразумеваться отрицательное, если есть такое энтимемное суждение, то умозаключения нет.

Но энтимемность требует оформления, конечное требует бесконечного, частное — общего; требует то, что исключает. Но это должно быть высказано другими положениями; такие односторонние положения по своей природе утверждают необходимость их единства.

Положение, «поскольку есть конечное, постольку есть именно оно, а не бесконечное», есть формально-логическое положение, так как здесь признается тождественное и отрицается противоположное. Труднее понять диалектику — каким образом можно утверждением нечто получить противоречащее ему.

6. Если есть умозаключение, то нет суждения, или, поскольку есть умозаключение, постольку оно не есть суждение. Если есть бесконечное логическое, то нет конечного логического. Поскольку заключение и в самом деле есть умозаключение, а не суждение. Это положение правильно, но не абсолютно, так как бесконечное не абсолютно исключает конечное. Поскольку бесконечное исключает конечное, постольку оно само есть конечное. Поскольку есть общее, постольку нет частного. Поскольку есть опосредствование, постольку нет непосредственного.

7. Если нет суждения, то есть умозаключение, или поскольку нет конечного, постольку есть бесконечное. Отрицание суждения есть суждение, а это целиком есть умозаключение. Неконечное есть бесконечное, нечастное есть общее, непосредственное есть опосредствованное. Исключение конечного с необходимостью оставляет бесконечное, поскольку нечто есть или конечное (суждение) или бесконечное (умозаключение). Здесь соблюдаются принципы тождества и невозможности противоречия. Признание одной, из противоположностей исключает вторую.

Несмотря на это, данное наше положение непонятно для формальной логики, поскольку суждение и умозаключение не являются (для нее) противоречащими друг другу; но это наше положение

правильно, так как суждение есть конечное, а умозаключение — бесконечное (суждение есть «это а не другое», а бесконечное умозаключение есть утверждение нечто его же отрицанием; поэтому они находятся в диалектическом противоречии). Здесь у нас имеются категории: суждение как категория конечного логического и умозаключение как категория бесконечного; они являются категориями логического (в категориях, как мы уже знаем, контрарность, и контрадикторность равняются друг другу. Именно поэтому возможно обращение положений, которое мы осуществляем в этих правилах).

8. Если нет умозаключения, то есть суждение. Это положение опирается на те же — вышеприведенные — аргументы. Оно необходимо для формальной полноты, но как один из моментов единства оправдано также и содержательно.

Если бесконечного логического нет, то есть конечное логическое. Логическое отрицание логического невозможно, поскольку имеет место это отрицание и существует логическое; если отрицать умозаключение, суждение все-таки остается. Умозаключение часто сводят к суждению, этим при отрицании умозаключения оставляют суждение. Например, с точки зрения Лукасевича, силлогистическое умозаключение сводится к условному предложению «если А есть В и В есть С, то А есть С».

Если есть умозаключение или суждение, то отрицанием первого утверждается второе.

До получения умозаключения есть суждение. В начале логики, как мы знаем, должно быть суждение; в начале логики нет умозаключения, но есть суждение. Если нет общего, то есть частного; если нет опосредствованности, то есть непосредственное и т. д.

Эти восемь положений могут быть записаны так:

$$1) A \rightarrow B, 2) B \rightarrow A, 3) \bar{A} \rightarrow \bar{B}, 4) \bar{B} \rightarrow \bar{A},$$

$$5) A \rightarrow \bar{B}, 6) B \rightarrow \bar{A}, 7) \bar{A} \rightarrow B, 8) \bar{B} \rightarrow A$$

(знаком « $\rightarrow$ » обозначается здесь отношение основания и следствия, а не импликация). Недостаток этих формул заключается в том, что они не отличают друг от друга рассмотренные выше двойки правила. Символы не учитывают такие различия (если излишне искусственно не осложним эти символы).

Каждое из вышерассмотренных положений односторонне, поэтому оно может быть рассмотрено как начало, «посылка», своеобразной индукции или логического развития, и мысль, начиная с нее, дойдет в конце до бесконечного умозаключения, или совершится переход к этому умозаключению. Такое «заключение» и действительное начало одно и то же, это «утверждение нечто его же отрицанием», которое снимает и сохраняет, оправдывает все вышеперечисленные односторонности. Поэтому бесконечное умозаключение есть и основание вышерассмотренных положений, откуда они вытекают как «заключения», односторонности. Односторонности являются индуктивным основанием бесконечного умозаключения. Само бесконечное умозаключение представляет собой дедуктивное основание своих односторонностей или моментов. Переход от односторонностей, как следствий, к их основанию — к бесконечному умозаключению — есть редукция. Поэтому можно сказать, что здесь у нас имеются всесторонние (и во всех направлениях) отношения основания-следствия, которые оправдываются в бесконечном умозаключении.

Бесконечное умозаключение, как логическое единство противоположностей оправдывает односторонности и обратимость этих односторонностей, поскольку логическое представлено во взаимосвязи категорий, возвышено до наибо́льшего логического (где множественность «причин» для одних и тех же следствий снимается; этим оправдываются восемь «модусов» условного отношения и противоречие и противоположность отождествляются в их единстве).

9. Отрицание отрицания есть утверждение. Это правило, являющееся своеобразным, специфическим выражением одного из основных законов диалектики, действует в бесконечном умозаключении. Бесконечное умозаключение, как мы знаем, есть отрицанием нечто его же утверждение. Это по другому выражается так: отрицание отрицания есть утверждение. Когда

нечто утверждается его же отрицанием, это означает: нечто отрицается, но отрицается и это отрицание и этим отрицанием осуществляется утверждение. Это утверждение отрицает первое отрицание. Отрицание отрицания непосредственного есть утверждение и опосредствование первого отрицаемого — непосредственного. Отрицание частного есть общее, но оно общее, отрицающее частное — само есть частное. Первое частное отрицается общим, которое противопоставляется частному, но такое общее отрицается собственной природой — само переходит и есть частное, которое есть отрицание отрицания, но оно не есть только повторение первого частного, но есть такое частное, которое содержит и общее. Отрицание отрицания частного есть необходимость частного для общего, так же как и отрицание отрицания общего есть необходимость общего для частного. Постольку именно отрицанием отрицания, или, точнее, двойным отрицанием отрицания утверждается единство частного и общего.

10. Двойное отрицание отрицания есть самоутверждение. Тавтология тоже есть самоутверждение, но кажущееся, поскольку в ней различие и отрицание не участвуют. Поэтому она есть непосредственность, а не опосредствование-утверждение. Положение «А есть А», как мы знаем, есть не утверждение А, а лишь «если—то», где утверждение А не подразумевается. Поэтому ошибка тавтологии полностью представлена в умозаключении, где посылка равняется заключению; доказывать что-либо посредством самого себя было бы ошибкой, поскольку в данном случае доказываемое, вместе с тем, выходит в роли доказывающего. Это есть *circulus vitiosus* и *regresus in infinitum*.

Самоутверждение правильно, когда оно выполняется внутренним отрицанием. Если отрицание нечего утверждает это нечего, то у нас имеется самоутверждение, самообоснование.

Как было сказано, отрицание отрицания есть утверждение, но бесконечное умозаключение, как единство противоположностей, есть не только отрицание отрицания, но и, как было сказано, двойное отрицание отрицания: каждая сторона противоречия есть отрицание отрицания, т.е. противоречие есть двустороннее или двойное отрицание отрицания; единство противоположностей есть утверждение двойным отрицанием отрицания; это есть самоутверждение внутренним противоречием, определенное самообоснование, своеобразное самодвижение. Иначе говоря, моменты бесконечного умозаключения — утверждение и отрицание — создают целое отношением отрицания отрицания друг друга. Отрицаемое и утверждаемое утверждаются отрицанием отрицания. Отрицание осуществляет утверждение; отрицание, вместе с тем, есть и утверждение.

В правиле самоутверждения оправдываются все правила; поэтому оно есть и закон, именно, универсальный закон; в бесконечном логическом правиле есть основной закон.

Так как бесконечное умозаключение есть полное логическое (оно есть корень, начало доказательства, как это мы выясним ниже), поэтому главные законы логической мысли, вместе с тем, представляют собой и правила бесконечного умозаключения. Из рассмотренных выше логических законов (двадцати законов), главные законы являются правилами бесконечного умозаключения; главные правила бесконечного умозаключения, вместе с тем, являются и логическими законами.

§ 178. Правила некоторых связей категорий, как умозаключений

Как видно, из сказанного, правила, осуществленные в бесконечном умозаключении, лежат в основе всякой логической связи. Категории логически связываются друг с другом в форме бесконечного умозаключения или каким-нибудь его правилом, но здесь нас интересуют правила связи трех категорий — общего, особенного и единичного. Эти умозаключения, как было сказано, рассмотрели Гегель, а после Маркс и Энгельс. Мы здесь не повторим сказанного выше о них; скажем то, что эта связь есть своеобразная опосредствованная связь и поэтому она имеет собственные специфические правила, из которых рассмотрим только некоторые:

1. Предикация есть опосредствование. Умозаключения (о которых мы сейчас говорим) отличаются друг от друга и тем, какое понятие определяется-опосредствуется в них и какое не опосредствовано (берется непосредственно). Они отличаются друг от друга тем, какая категория является в «их непосредственной: единичное, особенное или общее. Предикация непосредственного есть его определение; определение есть опосредствование; а опосредствование

представляет собой определенный переход — умозаключение. В «Логике» Гегеля фигуры умозаключения отличаются друг от друга тем, какое понятие определяет-опосредствует другие и какое является непосредственным, неопределенным. Это значит, что предикация — определение (предикация категорией категории есть определение) как опосредствование — есть то правило, которому подчиняются некоторые умозаключения. Полное опосредствование совершается тогда, когда осуществляется взаимопредикация — опосредствование всех трех понятий умозаключения.

2. К а к о в о место среднего понятия, таково и умозаключение. Если единичное есть среднее понятие, то у нас имеется, например, индуктивное умозаключение (О-Е-В). Если особенное есть среднее понятие, тогда имеется обыкновенный категорический силлогизм (1 фигура) и связь, лежащая в его основе (Е-О-В). Среднее, так сказать, находится на естественном месте (см. «Логику» Гегеля, «Предисловие» к «К критике политической экономии» К. Маркса, кругообороты в «Капитале»). Эта форма считается вместе с тем общей формой умозаключения (см. выше критику К. Марксом учения Гегеля о среднем понятии как особенном). Если среднее понятие есть общее, то полностью осуществляется логическая необходимость (Е-В-О), поскольку общность содержит крайние и связывает их с полной необходимостью.

3. Для взаимопосредствования необходимо внутреннее отрицание. Взаимопосредствование трех понятий умозаключения означает, что каждое из них, в смысле суждения, есть второе; так что эти три понятия становятся тождественными взаимопосредствованием (В-В-В); а это, с точки зрения Гегеля, есть потеря смысла умозаключения (хотя совершается переход к умозаключению рефлексии). Такое взаимопосредствование доходит до отрицания взаимопосредствования, взаимопосредствование растворяется в тавтологии; таким образом, умозаключение теряет смысл. Взаимопосредствование, дошедшее до тождества, должно означать приход к самоопосредствованию, получение рефлексивности; но эта рефлексивность будет иметь смысл только тогда, если мы устраним тавтологичность, т.е. если в ней будет действовать отрицание. Такое умозаключение, как мы знаем, есть бесконечное умозаключение. Таким образом, для взаимопосредствования необходимо внутреннее отрицание.

4. Положительность и отрицательность относительны. Единичное, особенное и общее представляют собой противоположные категории. Частное и общее отрицают друг друга. Это отрицание, так же как и положительность их связи, относительно, а не абсолютно; иначе и не может быть, поскольку противоречие исключает третье, но здесь имеется три понятия, т.е. здесь «скрыто» противоречие (о чем шла речь выше, когда мы критиковали «среднее понятие» Гегеля). Несмотря на это, здесь имеется диалектичность, поскольку в их связи действует отрицание. Как мы знаем, эта диалектичность представляется в более полном виде тогда, когда снимается «скрытность» противоречия, т.е. когда вместо трех категорий будут взяты две — частное и общее, которые как отрицают, так и утверждают друг друга, составляют единство, которое абсолютно по сравнению со своими относительными сторонами. В единстве противоположностей положительность и отрицательность имеют и должны иметь относительный смысл.

5. *Среднее должно быть единством крайних.* Еще Аристотель отметил, что существует общность среднего понятия. Это не объемная, а содержательная общность.

Как мы уже знаем, когда среднее есть особенное, как единство единичного и общего, тогда имеется ошибка: единство единичного и общего осуществляется тем средним, которое само есть единство единичного и общего. Такое среднее, по выражению Маркса, есть *mixtum composition*. Такое среднее «скрывает» мысль противоречия.

Эта ошибка должна быть применена не для отрицания соответствующих умозаключений, а для характеристики более общей логической связи. Особенное есть среднее в определенных умозаключениях, для которых характерен определенный недостаток, но этот недостаток снимается в более полном умозаключении — в бесконечном умозаключении — где среднее есть не особенное, а такое единство, которое является корнем противоречия и оправдывает его. «Среднее должно быть определенным единством определенных «крайних», т.е. понятием — общей мыслью умозаключения, как это было выяснено выше.

§ 179. Правила формально-логического умозаклучения

Правила формально-логического умозаклучения, как мы уже знаем, непосредственно вытекают из правил вышерассмотренного умозаклучения, как его односторонности; эти правила известны и поэтому мы их здесь не будем рассматривать. Сделаем только несколько замечаний.

Умозаклучениями формальной логики в основном являются дедуктивные и индуктивные выводы, т.е. такие, в которых осуществляются переходы от общего к частному и наоборот, т.е. переходы в противоположное, поэтому в основании их лежит диалектическое единство частного и общего, хотя эта диалектика в формальной логике теряется, поскольку здесь внимание обращается только на отношение односторонностей.

Правила силлогистического умозаклучения суть правила отношения объемного общего и такого же частного. Здесь осуществляется вывод не частного из общего, а только общего из общего и частного из частного (как это было показано выше). Умозаклучение имеет аналитический характер. Переход от общего к частному, как к противоположному, есть разумеется, диалектический переход, что для формальной логики непонятно. Индуктивные умозаклучения тоже опираются на объемное и номиналистически понимаемое общее и поэтому имеют вероятностный характер; в них не осуществляется логическая необходимость, поэтому они не представляют собой умозаклучений, хотя должны быть таковыми, чего требует объясняющее их основание — диалектика перехода от частного к общему, диалектическое единство частного и общего.

Объемное общее, как мы уже знаем, есть повторение — явление содержательного. Поэтому всякое умозаклучение должно быть объяснено на основании содержательного общего. Этого требует у Аристотеля понятие содержательной общности «среднего». Реализация этого требования возможна только в диалектической логике.

Применение объемного общего в умозаклучениях развивается в математической логике так, что логический процесс сводится к исчислению; место общего занимает схема, которая не отличает мысль от предмета и наоборот. Исчисление и схема не подходят к природе логической связи; «логика», опирающаяся на них, приходит к отрицанию логики, хотя она формируется как специальная математическая наука.

Умозаклучения логики отношения не отличают отношения вещей от логических связей. Правила отношений во времени и в пространстве или причинных отношений не являются логическими правилами, поскольку они суть правила отношений вещей, а не мыслей.

Как известно, математическая логика есть аксиоматическая система, но из аксиом ничего не вытекает, если не применяются правила вывода, именно, правило подстановки и схема умозаклучения. Эти правила являются не логическими, — они не находят место в логической системе, — а металогическими правилами. Когда логика требует металогику, тогда нарушается целостность логики, разрушается логика; здесь имеет место логическая несостоятельность бесконечного регресса.

Применение правила подстановки имеет не логический, а механический характер и природу номиналистической схемы; оно пригодно в математических операциях, но не в логике. Когда в математике применяются символы, тогда мы имеем дело не с общностью, а со схемой, например, символом «а» возможно обозначение бесчисленных чисел, $a + b = c$ обозначает бесконечное множество сумм. Но такие символы представляют схемы, а не общности. Вместо «а» мы можем подставить какое-нибудь число, но это не значит, что общая природа чисел есть «а». Символы — это условные наименования и больше ничего. Если в символе $x + a$, x есть переменная и если ей придается смысл только после подстановки единичного, то применение способа подстановки должно ограничиться только математической сферой, невозможно его применение (способа подстановки) в логической сфере. Подстановка есть механическое действие, а не логическое.

Логическую ошибку представляет и применение «схемы умозаклучения», поскольку нельзя допустить, чтобы умозаклучению предшествовал смысл умозаклучения. Смысл умозаклучения осуществляется в умозаклучении а не является какой-то предшествующей схемой-правилом (см. параграф 203 «Аксиоматический метод»).

Ниже специально будет показано, что аксиоматическое построение логики невозможно. Наука, которая строится аксиоматически, есть специальная наука, а не логика, которая может быть только философской наукой.

В завершение надо сказать, что полное умозаключение, как было выяснено, есть бесконечное умозаключение, правила которого определяют правила конечных умозаключений. Конечные умозаключения оправдывают себя только в бесконечном умозаключении²⁴.

3. ПОЛНОТА ЛОГИЧЕСКОЙ ФОРМЫ МЫСЛИ

§ 180. Содержание и форма бесконечного умозаключения

Содержание бесконечного умозаключения есть единство его элементов — утверждения и отрицания; а форма есть способ этого единства (понятно, не любое соединение этих элементов дает умозаключение, или опосредствованную связь). Этот способ есть определенность этого единства; только определенное единство утверждения и отрицания есть бесконечное умозаключение.

В содержании бесконечного умозаключения элементы являются «материей» — материалом; утверждение и отрицание представляют собой частные средства, суждения, односторонности; они имеют конечную природу. Единство бесконечного умозаключения, как содержание, есть сама логическая бесконечность, которая представляет собой определенное самоутверждение — самоутверждение внутренним отрицанием. Единство бесконечного умозаключения есть общность, содержательная общность, для которой характерна полнота, поскольку оно есть единство противоположностей (оно исключает третье).

Общность имеет форму; единство, как общность, есть содержание; у него имеется форма, как было сказано, форма общности; согласно Ф. Энгельсу, есть форма бесконечности, которая есть то же самое, что и форма внутренней полноты. Эта форма бесконечного умозаключения, именно утверждение нечто его же отрицанием, или отрицанием нечто его же утверждение.

Так как умозаключение есть опосредствованная связь — единство, — оно должно иметь форму триплицитета (это отметил Гегель, но не смог осуществить, поскольку он не смог установить форму бесконечного умозаключения, хотя этого требовала его диалектика. У Гегеля среднее умозаключения, как было показано, было «деревянным железом», скрывающим противоположность и противоречие, т.е. извращало диалектику).

Бесконечное умозаключение есть единство логического противоречия; оно таково как по форме, так и по содержанию; бесконечное умозаключение есть полная рефлексивность; оно есть самоутверждение: самооснование и самоследствие. Поэтому в бесконечном умозаключении форма и содержание, с определенной стороны, совпадают друг с другом. В рефлексивности иначе и не может быть.

Как мы уже знаем, в бесконечном умозаключении подразумевается: 1) нечто, которое отрицается; это есть непосредственное; 2) отрицание этого нечто, 3) отрицание этого отрицания; это есть утверждение отрицанием того, что первый раз мы отрицали; 4) но утверждение есть отрицание отрицания, т.е. здесь имеется двойное отрицание отрицания, что дает единство противоположностей, отрицанием нечто его же утверждение — бесконечное умозаключение, которое представляет собой полную форму умозаключения; это есть форма единства определенных моментов.

Как «отрицание», так «утверждение» представляют логические формы; это — формы суждения; «утверждение» есть положительное суждение, а «отрицание» — отрицательное суждение. Их единство — утверждение отрицанием — представляет собой форму умозаключения. Эта форма бесконечного умозаключения. Эта не чистая форма, поскольку общность есть содержание и она имеет общую форму. Общность не есть только форма (как это представлял Кант, и как после него распространилось в логике и в гносеологии). Кант сводил содержание к многообразию. Он и не знал общности содержания и содержательности общности²⁵. Такая общность для формальной логики

²⁴ В системе логики, как в строгом логическом развитии, правила умозаключения должны быть рассмотрены в обратном порядке, именно, сперва должны быть рассмотрены правила конечного, а потом бесконечного умозаключения. А здесь нашей целью было установление правил бесконечного умозаключения и выявление того, что конечные умозаключения по своей природе и правилам опираются на бесконечное умозаключение и выводятся из него.

²⁵ N. Hartmann. Ethik, 1949, стр. 109—110.

непонятна и сегодня. Более того, математическая логика форму мысли сводит к символам, к схемам, которые уже не есть формы мысли. Аксиоматический метод в математической логике опирается именно на освобождение от содержания; а отрицание содержания вообще, как мы уже знаем, невозможно, представляет собой логическую ошибку. Отрицание тоже имеет определенное содержание, отличное от содержания утверждения.

В бесконечном умозаключении, как было отмечено, главное есть отрицание, которое не только отрицает, но, вместе с тем, и утверждает. Эта «двузначность» и единство этой двузначности есть как содержание, так и форма бесконечного умозаключения, поскольку отрицание как отрицает, так и утверждает, здесь осуществляется единство противоположностей.

Схематическое (условное) выражение бесконечного умозаключения выглядит так:

$$(A \leftrightarrow \bar{A}) \leftrightarrow \overset{\pm}{A}, \text{ или } (A \leftrightarrow \bar{A}) \leftrightarrow \overset{+}{A}, \text{ или}$$

«А» есть непосредственное нечто, « $\bar{A}$ » есть отрицание его, утверждение этим отрицанием дает то же «А», но утвержденного положительно, снявшего и сохранившего отрицание; иным образом отрицание отрицания не осуществляется.

Знак « $\leftrightarrow$ » означает что здесь не одностороннее движение а определенная рефлексия. Отрицание есть не внешнее, а внутреннее. Как утверждение, так и отрицание осуществляются в одной и той же сфере, в сфере нечто (А).

Эта формула или схема бесконечного умозаключения есть корень формул рассмотренной выше восьмисторонности, формула первого логического. Но надо сказать, что природу умозаключения адекватно не может выразить никакая схема.

§ 181. Бесконечное умозаключение и понятие

Как это выяснилось выше, понятие есть общая мысль умозаключения. Обыкновенные умозаключения доходят до понятия. Мы выше рассмотрели понятие именно так, но в бесконечном умозаключении это обстоятельство, а именно связь умозаключения и понятия, их отношение, единство, представлено более полно. Это потому, что бесконечное умозаключение, как было сказано, есть однопонятийное умозаключение. В нем полностью, в развернутом виде представлено одно понятие. Логическая полнота состоит в полном представлении логической необходимости, что осуществляется только в бесконечном умозаключении, а не в понятии — как в единой нераздельной мысли. Единство, как нераздельность, не в силах представлять опосредствованность. Для опосредствованности, как мы знаем, необходимо внутреннее различие, внутреннее отрицание, что может быть осуществлено только в умозаключении. Полная опосредствованность в логической сфере, как это выяснилось выше, существует в виде бесконечного умозаключения.

Бесконечное умозаключение, именно вследствие здесь отмеченного, логически стоит выше, чем суждение-умозаключение-понятие. Бесконечное умозаключение есть высшая форма умозаключения. Оно есть единство суждения и понятия.

Бесконечное умозаключение есть однопонятийное умозаключение. В бесконечном умозаключении участвует не каждое, а особенное понятие — категория; причем не каждая категория, а только некоторые, а именно те, которые мы назвали «категориями логического». И само «логическое» есть категория логического.

Логическое отрицание логического невозможно, поскольку это отрицание само есть логическое и категория логического. Логическое отрицание логического утверждает логическое-же. Вместо «логического» мы можем применять «мысль» и сказать, что отрицание мысли утверждает мысль. Отрицание мысли применяет мысль как основание-средство и поэтому при этом отрицании утверждается само отрицаемое, утверждается то, что отрицается. В утверждении логического

отрицанием логического есть одно понятие, понятие мысли.

В утверждении отрицания отрицанием отрицания есть одно — понятие отрицания. В утверждении истины отрицанием истины есть одно, — понятие истины. В утверждении бесконечности отрицанием бесконечности есть одно — понятие бесконечности. В утверждении частного отрицанием частного действует одно, именно, понятие частного и т. д. Это относится к каждому бесконечному умозаключению, в котором действует категория логического.

Общая мысль бесконечного умозаключения есть категория логического — понятие. Категория логического существует в полном виде в форме бесконечного умозаключения. Таково отношение понятия и умозаключения, которое неполно было рассмотрено выше.

Отношение умозаключения и понятия может быть выражено и другими примерами, например: понятие движения определяется, как единство прерывности и непрерывности времени и пространства²⁶. Это единство противоположностей, которое в виде опосредствованной связи представляет собой умозаключение, как развернутую форму понятия движения (этого одного понятия). Истина состоит в единстве относительного и абсолютного, как опосредствованной связи, где действует только одно понятие — понятие истины и т. д.

Таким образом, умозаключение и понятие находятся в неразрывном единстве; но умозаключение логически более полно, чем его общая мысль — понятие. Как было выяснено выше, понятие в умозаключении есть «среднее». Это обстоятельство осуществляется в более полном виде в однопонятийном умозаключении, в бесконечном умозаключении, где одно понятие есть «среднее» как единство противоположностей, единство утверждения и отрицания. Бесконечное умозаключение, понятно, более полно, чем его «среднее» (см. выше о «среднем понятии»).

Так как бесконечное умозаключение представляет логическое в полном виде, т.е. понятие представлено в логически развернутом виде, поэтому диалектическая логика есть логика умозаключения, а не понятия.

«Логика» Гегеля, по его же мнению, есть логика понятия. Понятие есть для него мощь абсолюта. Поэтому его «Логика» идеалистична. В ней диалектико-логическое мистифицировано. «Субъективность» понятия Гегеля без мистического момента не осуществляется. В нашем бесконечном умозаключении логическая рефлексивность осуществляется полностью и в научном, логическом смысле. Диалектическая логика построена на научной основе и сама представляет науку только тогда, когда представляет собой материалистически-диалектическую логику.

§ 182. Бесконечное умозаключение как доказательство

Как известно, один из признаков отличия доказательства от умозаключения состоит в том, что для превращения в доказательство посылки умозаключения требуют оправдания. Поэтому возникает в доказательстве опасность бесконечного регресса. Так как посылки должны быть доказаны другими посылками, поэтому нигде не видно то, что приостановило бы этот процесс и оправдало бы доказательство — сделало бы его возможным.

Бесконечное умозаключение не требует такого оправдания, поскольку: 1) У него нет и ему не требуются внешние — другие посылки; именно внешние посылки вызывают бесконечный регресс; если доказательство отождествляется с применением внешнего основания, то бесконечный регресс естественно, сам по себе, не остановится; мы можем удовлетвориться только его искусственным приостановлением. 2) Основание бесконечного умозаключения находится в самом этом умозаключении, а не вне его. В нем действует внутреннее основание, самооснование; бесконечное умозаключение есть умозаключение, осуществляющее самооснование и самоследствие, оно есть самоутверждение. 3) Бесконечное умозаключение, как мы уже знаем, представляет собой не прямую линию, а круг (самоутверждение); оно замкнуто в самом себе. Поэтому опасность бесконечного регресса снимается и это умозаключение представляет собой также и доказательство. 4) Бесконечное умозаключение, вместе с тем, есть и доказательство, поскольку в нем имеет место обратимость, рефлексивность, именно то, что начало доказывается следствием (и не остается недоказанным), то, что было непосредственным, опосредствуется-утверждается-доказывается в самом умозаключении. Бесконечное умозаключение опосредствует и доказывает непосредственное тем, что применяет

²⁶ См.: В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 253.

отрицание, средством которого используется само отрицаемое. Оправдание рефлексивности категории логического в умозаключении превращает это умозаключение в доказательство. 5) Отрицание бесконечного умозаключения невозможно, так же как и невозможно мыслить, что я не мыслю (Декарт).

По Аристотелю, доказательство есть умозаключение, среднее понятие которого установлено определением, выражающим сущность предмета. Бесконечное умозаключение имеет одно понятие — оно есть однопонятийное умозаключение; имеющееся в нем одно понятие есть «среднее», как полное «среднее» — оно единство (о котором говорилось выше). В бесконечном умозаключении действует одно понятие и суждения, а именно, утверждение и отрицание, единство которых представляет понятие. Поэтому бесконечное умозаключение есть единство суждения и понятия, именно, категориальное единство. Бесконечное умозаключение, как единство, утверждения и отрицания, есть единство противоположностей, оно есть опосредствованная связь, имеющая природу сущности — единства противоположностей (поэтому эта не мистическая сущность, какой была «Усия» Аристотеля, перенесение которой в логическое и представление ее в роли среднего понятия было, правда, необходимо, но не осуществилось).

В этом умозаключении суждения — утверждение и отрицание — (категориально представленные суждения) представляют собой односторонние опосредствования, а само бесконечное умозаключение есть двустороннее — рефлексивное логическое опосредствование. В нём логическая необходимость осуществляется в полном виде. Невозможно «больше» той необходимости, чем необходимость отрицанием нечто его же утверждения; большая объективность в логической сфере невозможна. Поэтому бесконечное умозаключение имеет природу полной аподиктичности, т.е. представляет собой полное доказательство. Бесконечное умозаключение есть начало доказательства, его сущность; начало доказательства имеет вид бесконечного умозаключения. Постольку, можно сказать, что бесконечное умозаключение есть такое умозаключение, которое является и доказательством, и наоборот — такое доказательство, которое представляет собой умозаключение. Бесконечное умозаключение есть умозаключение-доказательство.

Все это не значит, что в логике не нужна теория доказательства: наоборот, логика есть как раз теория доказательства, именно такая, которая, вместе с тем, представляет собой теорию логической аргументации. Если бесконечное умозаключение есть и доказательство, то теория бесконечного умозаключения сама будет теорией доказательства. Но возможно и то, чтобы бесконечное умозаключение, как умозаключение, была бы рассмотрено в теории умозаключения, а как доказательство — в теории доказательства, где оно окончательно и в полном виде будет представлено, как природа бесконечного логического. В данном случае мы стоим на второй точке зрения; после этого будет рассмотрена именно теория доказательства (хотя в «Системе логики» основные вопросы теории доказательства должны быть рассмотрены в теории бесконечного умозаключения; более того, все вопросы логики должны быть рассмотрены как вопросы бесконечного умозаключения. Диалектическая логика, определенная коротко и точно, есть наука о бесконечном умозаключении).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

§ 183. Проблема доказательства

Как было уже сказано, с точки зрения Аристотеля, каждое доказательство есть умозаключение, но не каждое умозаключение есть доказательство. Доказательство есть умозаключение из истинных посылок; а умозаключение осуществляется и из неистинных посылок; если неистинные посылки условно принимаются за истинные, то осуществляется умозаключение; здесь имеется условность. Умозаключение из истинных посылок, как доказательство, опирается на истину — на истинные положения, которые содержат и должны содержать какое-то безусловное. Но эта безусловность (в логике Аристотеля) может означать: 1) или безусловное допущение недоказанного, — таково допущение аксиомы, положения, которое не доказано, но не требует и не должно требовать доказательства; 2) или безусловное доказательство, безусловную логичность доказательства. Это последнее исключается у Аристотеля, оно признано невозможным, поскольку доказательство всегда условно — оно есть нахождение условия или основания, причем основания всегда внешнего. Но в таком случае становится необходимым бесконечный регресс; поиски внешнего основания уводят в бесконечность. Бесконечный регресс в доказательстве есть ошибка, невозможность доказательства; а обоснование доказательства на аксиоме, как это мы выясним ниже, представляет собой только искусственную приостановку регресса. Поэтому трудность доказательства остается неразрешенной; доказательство представляет собой проблему.

Умозаключение-доказательство из истинных посылок подразумевает, что эти посылки опираются и выражают реальное — действительность. Логическое должно опираться на реальное. Только это гарантирует аподиктичность; в противном случае открывается путь для необъективности, для субъективизма, т.е. природа доказательства — логического — игнорируется, оно становится невозможным.

Аксиома не может обеспечить объективность логического, так как она в конечном счете имеет условный характер. Объективность логического — умозаключения — могла бы быть обеспечена средним понятием умозаключения, полученным путем дефиниции, высказывающей сущность предмета («Усию», как этого хотел Аристотель). Но и это не выполнено у Аристотеля, так как «Усия» есть мистическая душа предмета, не переносимая в понятие; поэтому логика отрывается от онтологии, объективность умозаключения ставится под сомнение; единственное, чем оправдывается доказательство, — это опять-таки аксиома (аксиомы). Эта мысль в современной формальной логике, особенно математической, возведена в принцип.

Для решения проблемы доказательства, по нашему мнению, необходимо выяснить три обстоятельства: 1) объективность умозаключения-доказательства, определяемость логического природой объективного предмета; 2) универсальный метод такого объективно-логического или доказательства и 3) природу объективного начала доказательства. Этими вопросами исчерпывается проблема доказательства.

1. Объективный предмет, действительность, ее закономерность определяет и должна определять логическое, доказательство; логическая мысль определяется объективно: а) действительностью и б) революционно-преобразующей деятельностью человека — практикой. Мысль с таким объективным основанием сама имеет объективное содержание и определенную именно этим содержанием форму. Поэтому логическое, доказательство должно определяться истиной. Релятивная истина, как известно, определяется абсолютной. Таким же образом условное логическое определяется безусловным логическим.

Ввиду сказанного, логика, изучающая формы мысли, должна по существу равняться гносеологии и наоборот. Логические условия знания составляют предмет науки логики. Но теория познания определяется, со стороны предмета, онтологией, поэтому и логика должна быть онтологической. Если в действительности господствует диалектика, если она диалектична, то диалектической должно быть и отражение действительности — истина, и таковым же — диалектическим — должно быть и логическое, так как оно имеет природу объективности истины. Одним словом, диалектика, логика и гносеология должны равняться друг другу. Их тождество оправдывает аподиктичность доказательства.

Тождество диалектики, логики и теории познания указывает на своеобразность предмета логики, именно на характер предмета диалектической логики — доказательство. *Логика* есть наука о доказательстве. Такова и диалектическая логика. Но своеобразность этой логики определяется своеобразием природы доказательства. Истинная природа доказательства определяет то, что единственно истинная наука о формах мысли, о доказательстве есть диалектическая логика. Именно поэтому необходимо рассмотрение вопроса о тождестве диалектики, логики и теории познания с точки зрения природы доказательства. Это будет первым вопросом в теории доказательства.

2. Предмет должен определять и метод изучающей его науки. Нельзя допускать дуализм предмета и метода в логике; ошибочно, например, мысль, согласно которой предметом логики не являются формы мысли и ее метод есть метод другой науки, именно математики. Особенность метода логики должна вытекать из природы предмета логики. Как было указано выше (во «Введении»), логика — философская наука, поэтому и ее метод должен быть философским (а не частно-научным).

Предмет определяет метод, но метод логики, как философской науки, сам является ее предметом. Известные до сих пор в истории логики методы являются частными в том смысле, что ни один из них не универсален; понятие же логического требует единого универсального метода. Таков, как это будет доказано в последующем, диалектический метод, как именно метод доказательства, моментами которого являются известные до сегодняшнего дня логические методы. Характеристика диалектического метода, как метода доказательства, будет центральной частью теории доказательства.

Диалектический метод осуществляется в доказательстве, которое представляет собой «логическое развитие»¹. Это развитие есть процесс восхождения от абстрактного к конкретному, который начинается с содержательного частного и кончается содержательным общим; начало есть простейшее содержательное частное, а конец — конкретное общее. Логическое развитие, как доказательство, есть процесс, имеющий природу отношения основания-следствия. Логическое развитие есть процесс конкретизации. С одной стороны, он имеет дедуктивный характер, а с другой стороны — индуктивный. Действует в нем также редуктивность, которая необходима для логической полноты, для своеобразного круга.

Логическое развитие начинается с простой формы конечного — с положительного суждения и кончается бесконечным логическим — бесконечным умозаключением. Бесконечное умозаключение содержит все развитие, которое начинается с простейшего момента бесконечного умозаключения и кончается бесконечным умозаключением. Диалектическая логика есть логика бесконечного умозаключения. Бесконечное логическое, разумеется, содержит в себе всякое конечное логическое, каждый его момент. Диалектико-логическое содержит формально-логическое, как момент.

3. В последней — третьей — главе теории доказательства будет рассмотрена проблема начала доказательства, которая в течение двух тысяч лет остается актуальной проблемой. Будет сделана попытка обоснования того, что начало доказательства, как его сущность, есть бесконечное умозаключение. Именно вследствие этого попытка аксиоматизации логики должна быть признана неоправданной. Существует безусловное логическое, развертывание моментов которого и есть содержание всей логики. Сущность доказательства есть единство логических противоположностей, что равно бесконечному умозаключению. Начало логического, как доказательства — логического развития — есть синтетическое положительное суждение, начиная с которого процесс проходит все моменты логики и кончается бесконечным логическим — бесконечным умозаключением.

¹ К. Маркс, К критике политической экономии (рецензия Ф. Энгельса на эту книгу К. Маркса), 1951, стр. 235.

ГЛАВА ПЕРВАЯ (10) **ТОЖДЕСТВО ДИАЛЕКТИКИ, ЛОГИКИ И ГНОСЕОЛОГИИ**

§ 184. Необходимость логики знания

Без объективности логического доказательства невозможно. Необходимость объективности доказательства требует того, чтобы логика, как система доказательства, была тождеством диалектики, логики и гносеологии. Для диалектичности логического доказательства необходимо тождество путей логического развития и познания — знания.

Положение В. И. Ленина о тождестве диалектики, логики и теории познания означает не единство этих трех наук (это единство было известно всем, ни один философ никогда не пытался отрицать единство между философскими науками), а именно их тождество; это положение имеет в виду ту одну науку, в которой отождествляются три науки, существовавшие до этого раздельно: диалектика, логика и теория познания¹. Вопрос о тождестве этих трех наук разрешается диалектичностью логики. Логика, соответствующая диалектической действительности и диалектической онтологии, должна быть диалектической; это соответствие, а именно, объективность истины, существенна для этой логики, т.е. она представляет собой и теорию познания. Онтологическая логика вообще и, в частности, научная форма онтологической логики — диалектическая логика, — не может быть иной.

В онтологии, как в науке о бытии, в логике, как в науке о мысли и в теории познания, как в науке об определенном отношении бытия и мысли, существовало что-то тождественное, развитие чего отождествило диалектику, логику и теорию познания; эти три науки оформились в одну, которая выполняет их функции и не исключает ни одной из них; эта наука, снимающая и сохраняющая все три науки, есть такая логика, которая представляет собой и теорию познания, именно, такую теорию познания, которая представляет собой и логику; она имеет диалектическую природу. Такова диалектическая логика.

Логика Аристотеля была онтологической логикой, так как: 1) Она была «органом», инструментом и введением каждой науки, вообще знания, именно, объективного — отражающего действительность — знания. 2) Она, в особенности «вторая аналитика», представляет собой именно теорию знания. Это было не смешением логики и теории познания, а определенной наукой о логической природе мышления; логическая же природа мысли была понятна, как природа знания. 3) Для Аристотеля логические формы мысли и логические формы знания представляют собой одно и то же; 4) Доказательство понималось как логическое, имеющее объективный характер. Объективность логического доказательства (с точки зрения Аристотеля) осуществляется тем, что: а) им является умозаключение, среднее понятие которого высказывает сущность предмета («суть бытия»); б) начало доказательства есть закон, который является и законом существования предмета (закон невозможности противоречия).

Формализация логики, которая начинается стоиками и кончается современной математической логикой, привела к ликвидации логики как философской науки. Применение в логике математических методов превратило ее в специальную науку; она потеряла характер категориальной общности вообще для знания.

Мысль онтологической логики Аристотеля восстановилась своеобразно в идеалистической диалектике (Кант, Фихте, Гегель). Основной задачей теоретической философии Канта является исследование-установление логических условий знания. «Трансцендентальная логика» есть наука об условиях знания, именно о логических условиях, о логических условиях математики и естествознания. Это попытка исследования тех условий, без которых знание невозможно; главным здесь было выявление условий, из-за которых знание не может быть иным.

Проблему логических условий знания Кант отождествляет с проблемой синтетически-логического. Синтетически-логическое есть содержательное логическое. Для необходимого синтеза, именно, для априорно-синтетического суждения, с точки зрения Канта, известные в формальной логике законы мышления, в частности закон невозможности противоречия, недостаточны².

¹ См.: наш труд «Начало доказательства», стр. 294 и далее.

² Kant, Prolegmena, K. Schulz, S. 42.

«Законы мышления» представляют собой только отрицательные условия знания. Без их соблюдения знание не достигается, но их соблюдение не обеспечивает знания. Исследование условий знания ставит своей целью установление его положительных логических условий, положительного логического условия априорно-синтетического, т.е. необходимого синтетического суждения. С точки зрения Канта, априорно-синтетические суждения возможны только тогда, если мы формальные условия чувственной интуиции, синтез способности воображения и его необходимое единство в трансцендентальной апперцепции свяжем вообще с возможным опытным знанием, и получим, что вообще условия возможности опыта, являются, вместе с тем, условиями возможности предметов опыта и поэтому имеют значение в априорно-синтетическом суждении³.

Кант ограничил знание пределами опыта. Поэтому трансцендентальную логику, как логику знания он обосновал на конечно-логическом, формой которого является суждение. Необходимый синтез, с его точки зрения, осуществляется только в суждении. Бесконечное логическое и синтетическое умозаключение невозможны (поэтому и невозможна метафизика как наука о бесконечном). Логическая форма знания есть суждение, необходимое синтетическое суждение. Логическое условие, трансцендентальное условие или форма этого суждения, есть категория. Категория есть способ суждения, его форма. Суждение есть логическая форма знания: а категория представляет собой форму этой формы (например, форма, общего суждения есть единство, форма положительного суждения есть категория реальности и т. п.).

Кант впервые внес в логику категории. До этого категории рассматривались в сфере онтологии. Обоснование категорий как формы знания равносильно обоснованию логики знания. Логика категорий есть логика объективно-логических средств знания.

Таким образом, с точки зрения Канта, суждение и категория суть логические формы знания; а умозаключение есть форма мысли, но не знания. Только Фихте и Гегель смогли доказать, что и умозаключение есть логическая форма знания.

Особенностью трансцендентальной логики Канта, как логики знания является то, что она есть логика категорий и основоположений и имеет своеобразный логический метод; это метод трансцендентальной дедукции, своеобразный логический метод. Для характеристики этого своеобразия требуется специальное исследование. Мы здесь ограничимся указанием следующего.

Трансцендентальный метод (которого мы коснемся в последующем) есть своеобразное полагание основания — логического условия — из следствия, тогда как в формальной логике положительный регрессивный модус считается ошибкой. Например, общее суждение с необходимостью требует свое логическое условие — категорию единства, так как осуществление общего суждения есть применение того правила, которое представляет собой его форму. Полагание отрицательного суждения полагает категорию отрицания, как форму — правило, действие которого осуществляется в отрицательном суждении и т. д. Осуществление суждения есть уже полагание его условия — логического основания. Какое-нибудь суждение с необходимостью полагает то логически-объективное средство, применением которого оно является. Полагание следствия трансцендентальным методом есть, вместе с тем, и полагание основания. Поэтому оно содержит и момент редукции и целиком имеет характер логического круга.

Для Канта категория есть, правда, форма знания, форма суждения, но она -может быть применена и за пределами опыта, хотя такое применение, с точки зрения Канта, дает ошибку, так как в данном случае, мы имеем дело с попыткой осуществления бесконечно-логического. Применение категории в отношении бесконечности есть диалектика разума, как «иллюзия» разума. Трансцендентальная диалектика есть логика «видимости», а не истины. Логикой истины является трансцендентальная аналитика, а не диалектика. Это так, поскольку вне опыта синтез не осуществляется. Необходимый синтез в суждении опирается на формы чувственной интуиции (на время и пространство). Интеллектуальной интуиции не существует, поэтому синтетическое умозаключение невозможно.

Применение категорий вне опыта приводит к необходимой диалектике, вследствие чего разум впадает в противоречие. Это противоречие, с точки зрения Канта, необходимо. Например, для конечности мира необходима бесконечность и наоборот, для простоты необходима сложность и

³ Kant, Kritik der reinen Vernunft, B. Erdmann, 1900, SS. 179—180

наоборот и т. д. Противоречие есть, правда, ошибка, но оно и в самом деле, необходимо. Однако эта мысль Канта противоречит его же мысли о том, что в сфере разума — в сфере умозаключения — синтез якобы невозможен. Синтез, больший чем необходимость противоречия, нельзя даже представить. Правда, только противоречие является ошибкой, но, как это доказала в последующем диалектика Фихте и Гегеля, противоречие, его необходимость как отрицательная диалектика, оправдывается в положительной диалектике, моментом которой она является.

Одним словом, в трансцендентальной логике Канта, как в логике знания, зарождается диалектическая логика, но только зарождается; Кант начатое им дело разрешил отрицательно. Но Фихте, и в особенности Гегель, довели дело диалектической логики до конца, насколько это было возможно на основе идеализма.

Кант дошел до границы конечного логического, нарушил эту границу, но больше ничего не смог. В диалектике же Фихте и Гегеля решалась проблема бесконечно-логического. Бесконечное или безусловное логическое, в отличие от конечно-условного логического, должно было представлять собой не необходимое полагание другим — внешним основанием, а самополагание. Но основным средством самополагания Фихте и Гегель считали способность познающего субъекта; а это вызывает извращение логического и, в конечном счете, его мистификацию (у Гегеля); но, вместе с тем, разрабатывалось и «рациональное зерно».

Логика бесконечности есть логика самополагания, настоящее начало которой, с нашей точки зрения, дано не столько у Канта, сколько у Декарта в виде «*Cogito, ergo, sum*». Во всяком случае, в идеалистической диалектике стало возможным формирование своеобразной логики знания. Эта логика есть наука о бесконечно-логическом, она есть логика категорий, как их система, являющаяся системой логического развития. Основным законом этой логики есть закон единства противоречий. Это диалектическая логика, в которой осуществляется тождество диалектики, логики и теории познания.

Одним словом, Гегель создал такую логику, которая представляет собой логику знания, точнее логику, тождественную диалектике и теории познания. Но она была построена на основе идеализма. Идеализм извратил как диалектику, так и логику. В мистифицированной диалектической логике имеется все-таки «рациональное зерно», на основании применения которого стало возможным установление принципов той логики, которая была использована в частной сфере К. Марксом. Этим была создана логика «Капитала»⁴.

Следовательно, можно сказать, что история логики и вообще философии показала необходимость логики знания, а этим — необходимость отождествления диалектики, логики и теории познания.

§ 185. Правило логического определения

Это правило интересует нас здесь только постольку, поскольку на его основании можно доказать тождество диалектики, логики и теории познания. В аспекте этого правила эти три науки представляют собой одно и то же.

Правило логического определения есть правило рассмотрения определенности мысли самой по себе, категориально. Это такое рассмотрение предмета, когда полагается, что он из себя представляет, т.е. полагается его понятие, полагается определенность без психологического противопоставления субъекта и объекта. Правило логического определения или определения понятия есть путь, которым полагается понятие предмета; полагается то, что такое этот предмет, а не то, где он находится, или каков он в отношении другого предмета. Правило логического определения применяется и к такому отношению, поскольку возможно понятие всего; отношение тоже есть предмет.

Что такое предмет? С логической точки зрения, предметом считается все то, о чем можно высказать мысль; такова и объективно существующая вещь, и сама мысль, и форма материальной вещи и логическая форма мысли. Логическими предметами являются и бытие и ничто, и истина и ошибка. Отрицание предмета тоже есть определенный логический предмет: 1) само это отрицание есть нечто, о котором мы должны судить и судим; 2) результат отрицания предмета тоже есть предмет, возможно извращенный предмет, но все-таки предмет; видимость предмета тоже есть

⁴ См. В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 315.

определенный предмет, она выполняет роль предмета, хотя извращает его. Древние скептики отрицали действительность, считали ее видимостью, но, согласно К. Марксу, они так же относились к этой видимости, как к действительности⁵. Если вместо действительности предмета в логике берется символ (символы), тогда сам символ выходит в роли предмета и действительностью логики будет действительность символов. Если мы попытаемся устранить — отрицать предмет, действительность, тогда нашим предметом будет это отрицание. Отрицание действительности, бытия и доказательство этого отрицания изменяет все (как это было у Горгия). Так что отрицание предмета невозможно; он необходим для познания, для логического и для существования.

Согласно правилу логического определения, кантианское противопоставление вещи в себе и явления или сущности и явления ошибочно. Вещь в себе Канта не может быть непонятной для нас, так как мы знаем, что эта вещь есть причина наших ощущений; мы знаем и то, что вещь и наше ощущение отличаются друг от друга; вещью называется то, что не находится в пространстве и во времени и т. д. Существование понятия вещи в себе есть вполне достаточное основание для отрицания ее непознаваемости. Если вещь не переходит в явление, то нет и явления, оно теряет смысл. Явление может быть только явлением сущности. Если существует сущность без явления, то способ ее существования и будет явлением. Нельзя знать границу явления, не преодолевая ее (как это отметил Гегель). С точки зрения определения понятия, нельзя оторвать сущность от явления; что есть сущность, то и есть ее явление и природа явления состоит в его сущности.

Нас здесь интересует только одно: с точки зрения логического определения, предмет есть то, что существует в действительности и что обязательно, неустранимо для мысли. Более того: понятие предмета, т.е. то, что такое предмет, не определяется нашим к нему психологическим отношением. Понятно предмета одинаково имеет силу для онтологии, теории познания и логики. Правда, предмет, существующий в действительности и предмет отраженный, существующий в мысли, отличаются друг от друга, но правильное понятие предмета, его категория, может быть только одна; поэтому, с точки зрения категории предмета, логика и теория познания одно и то же; если предмет имеет диалектическую природу, чем определяется и диалектичность мысли, то диалектика, логика и теория познания, в указанном здесь аспекте, не могут не быть тождественными.

Природа противоречия не может определяться его «местонахождением». Противоречие, как таковое, одно и то же, независимо от того, где оно: в бытии или в мысли. Правда, реальное противоречие и противоречие в мысли существенно отличаются друг от друга, но противоречие, как категория, может быть только одна. И это противоречие, разумеется, одинаково действует в диалектике, в логике и в теории познания. Поэтому в аспекте категории противоречия эти три науки представляют собой не три, а одну и только одну науку.

Ошибочна точка зрения, согласно которой противоречие существует только в действительности, а не в мысли, так как если мы знаем, что противоречие существует в действительности, то у нас уже имеется понятие противоречия, т.е. знаем, что такое противоречие. Если у нас имеется понятие противоречия, то невозможно, чтобы противоречия не было в нашей мысли. То обстоятельство, что противоречие осмысливается нами, непротиворечиво, не упраздняет противоречия в мысли, а указывает именно на его осмысление и на его существование в мысли.

Ошибочна и та точка зрения, которая считает противоречие только достоянием мысли. Например, с точки зрения Канта, для разума характерно существование в нем необходимого противоречия, тогда как в действительности его нет. Где бы ни существовало противоречие, главным является то, что оно такое, какую природу оно имеет. Логическое определение противоречия одно и то же для каждой сферы знания.

Говоря, что противоречие в мысли есть ошибка, что в истинном и правильном мышлении оно невозможно, мы применяем категорию противоречия, согласно которой и говорим, что оно есть ошибка. Невозможность противоречия сама опирается на ее категорию, в противном случае был бы невозможным даже разговор о невозможности противоречия. Мы можем знать ошибку только тогда, если знаем истину. Истина есть критерий ошибки. Факт ошибки сам является истиной (это обстоятельство является предметом специального исследования).

Ответы на вопросы — конечен мир, или бесконечен? Познаем ли мы конечное или бесконечное? —

⁵ К. Маркс. Ф. Энгельс, Соч, т. 3, 1955, стр. 127.

определяются, прежде всего, тем, как мы понимаем понятия конечного и бесконечного. С точки зрения определения этих понятий, т.е. в аспекте категорий конечного и бесконечного, диалектика, логика и теория познания одно и то же. Во всех трех сферах применяются одни и те же категории конечного и бесконечного.

Одна из причин ошибки Канта при рассмотрении его первой антиномии состоит именно в том, что он исходит не из категорий конечного и бесконечного и непосредственно рассматривает не их, а конечность и бесконечность мира — конкретное применение этих категорий. Кант отрицает синтетичность взаимосвязи понятий, но если бы он непосредственно рассмотрел категории конечного и бесконечного и их логическую связь, то обязательно пришел бы к открытию их диалектического единства и не ограничился бы только отрицательной диалектикой — необходимостью конечного и бесконечного, как противоположностей — и не счел бы эту необходимость ошибкой; он открыл бы, что бесконечное не есть только потенциальное бесконечное (из чего он исходил догматически).

Если бы Кант непосредственно рассмотрел категории конечного и бесконечного, как именно категории, он убедился бы, что разрешение антиномии не требует отрицания мира как вещи в себе и признания его только как явления. В таком случае он не оторвал бы познание от метафизического и проблему метафизики, как науки, разрешил бы совершенно по-другому. Правило логического рассмотрения категорий конечного и бесконечного обосновывает тождество логического, познавательного и диалектического, что впервые понял Гегель.

Указанное здесь обстоятельство повторяется у Канта и при разрешении других антиномий. Например, при разрешении второй антиномии Кант опирается на различие вещи в себе и явления, отрывает познавательное от метафизического и логического; его подход к вопросу был недиалектическим, поэтому он, доведя дело до отрицательной диалектики, считает ее ошибкой. Непосредственно рассмотрев природу категории количества, он убедился бы, что прерывность и непрерывность не только необходимы друг для друга (и что эта необходимость не есть ошибка), но и составляют понятие одного и того же, именно, понятие количества, природа чего диалектична, является единством противоположностей (прерывности и непрерывности). В этом аспекте диалектика, логика и теория познания есть одно и то же. Кант дошел до того момента, откуда начинается Фихте, а Гегель продолжает и доводит дело до тождества трех наук.

Сказанное относится и к другим логическим категориям, например, к тождеству, содержанию, форме, единичному, частному, общему, относительному, абсолютному, закону и т. д. Применение этих категорий и вообще правила логического определения есть логически-объективное рассмотрение наибообщего для бытия и мысли. Рассмотрение понятий о наибообщих формах предмета и мысли в их логической системе является делом, той логики, которая есть одновременно и гносеология, и диалектика. Это онтологическая логика, в предмете которой отождествляются диалектическое, логическое и познавательное. В сферу логики входит как понятие о предмете, так и понятие о понятии, в сущности это одно и то же.

Как известно, классики марксизма указывали, что наибообщие законы бытия и мысли одни и те же для этих двух сфер. Материалистическая диалектика есть наука о наибообщих законах движения и развития природы, общества и мышления. Именно законы и категории движения и развития бытия и мысли, рассмотренные согласно правилу определения понятия и вообще правилу логического определения, дают основание для утверждения тождественности диалектики, логики и теории познания.

Правило логического определения, разумеется, применяется прежде всего, в отношении самого логического; правило логического рассмотрения применяется и в отношении этого правила. Этим создается логическая рефлексивность.

§ 186. Логическая рефлексивность

В теории познания и в логике по существу действует одна и та же рефлексивность; это — логическая рефлексивность. Превращение субъекта в объект и перенесение объекта в субъект, или представление, в процессе познания, трансцендентного имманентным (эта проблема, как известно, представляет головоломную проблему новейшей философии) возможно только благодаря логической рефлексии, именно логической рефлексивности категорий логического. Как мы уже знаем, некоторые категории онтологии

представляют собой вместе с тем и категории логического (категории бытия, сущности, тождества, противоречия-отрицания и др.). Их логическая рефлексивность в своеобразной форме вводит реальное в логическое. Этим обеспечивается объективность логического, логическое (необъективное логическое, как мы знаем, невозможно). Такие категории логического, которые не относятся к онтологии и принадлежат только к логической сфере (напр., понятие категории, понятие понятия, понятие суждения) являются объектами самих себя. Это не означает представления субъективного объективным; нет, это полное осуществление логической объективности, так как в рефлексивности этих категорий осуществляется полная логическая необходимость, необходимость самообоснования посредством отрицания самого себя, т.е. самое объективное, что можно себе представить логически.

В познании действует рефлексивность, поскольку истинны как знание, так и познание познания, как знание знания (этот вопрос, как известно, впервые поставил Сократ, «Теэтет» Платона и другие диалоги исследуют именно эту проблему). Что такое знание? Ответ на этот вопрос не может не содержать рефлексивности. Каковы логические условия знания, науки? Ответ на этот вопрос есть основное содержание гносеологии, начала которой заложил Кант. Понимание природы знания есть знание знания. Каковы формы знания? В каких формах существует в конечном счете знание? Ответ на этот вопрос и содержание логических форм знания совпадают друг с другом. Гносеология есть наука о логических формах знания. Но логика, как наука, также представляет собой науку о формах знания, научное знание о логических формах знания. В этом смысле гносеология и логика одно и то же; как для гносеологии, так и для логики существенна одна и та же логическая рефлексивность.

Метод познания, знания, не может не быть логическим методом. Даже тогда, когда в теории познания стоят на почве психологизма, способность познания используется в роли логического способа. В современном позитивизме применение принципа верификации имеет значение применения логического принципа. Использование ощущений и восприятий в качестве критерия истины придает им не только логическое значение, но и, так сказать, характер своеобразного метафизического принципа. Принцип, отрицающий принцип метафизики, является принципом новой метафизики и выступает в его роли.

Суждение о том, что знание опирается на опыт, само выходит за пределы опыта. Замыкание себя в пределы опыта означает ограничение, определение внеопытным, опору на внеопытное. Установление границы есть и ее преодоление, (как это говорил Гегель в адрес Канта).

Логический метод знания не дан логике заранее; метод логики есть в то же время и ее предмет. Дедуктивная логика изучает дедуктивный метод, осуществленный в формах мысли, в частности в умозаклчениях; так же предметом индуктивной логики является индуктивный метод, осуществленный в индуктивных умозаклчениях. Редуктивная логика делает своим предметом редуктивный метод и т. д. Это относится и к диалектической логике. Предметом диалектической логики является диалектический метод, осуществленный в логических формах мысли, диалектический метод как метод доказательства (об этом в последующем). Следовательно логический метод, как средство, есть для логики, вместе с тем, и предмет. Поэтому надо сказать, что логика, согласно своей природе, рефлексивна.

Рассмотрение диалектического метода само имеет диалектическую природу, познание этого метода диалектично. Рефлексивность логики существенна и для теории познания. Диалектический метод познания и диалектический метод логики есть один и тот же метод. Он содержит одни и те же законы и формы. Категории, как объективные средства, применяются и в отношении их-же: это одно и то же, существенное как в теории познания, так и в логике. Применение в отношении логической формы той же формы есть логическая рефлексивность. Для логики существенно понятие понятия, суждения о суждении, диалектичность понятия диалектики и т.д. Рассмотрение силлогизма с применением формы силлогизма, применение диалектических умозаклчений или суждений при рассмотрении диалектического метода являются в одно и то же время как логической, так и познавательной рефлексией. Поэтому логика, теория познания и диалектика одно и то же.

Логика рефлексивна по своей природе и у Аристотеля, логику которого называют логикой бытия; логику бытия отличают от логики рефлексии (например, Günther)⁶. Такое различие неправильно, поскольку, логика не может не быть рефлексивной. Логика изучает именно логическое;

⁶ G. Günther, Idee und Grundriss einer nicht-Aristotelischen Logik. B. I. 1959.

логические формы рассматривались всегда с применением этих форм и т. д. Но выводная форма логической рефлексии была открыта только на высшей ступени развития логики. Эта выводная форма не может быть дана в многозначной логике (как это полагает Günther) поскольку она — математическая наука. Выводную форму логической рефлексии представляет только бесконечное умозаключение, как это было достаточно доказано и показано выше.

Правда, логика всегда была рефлексивной, но учение об этой рефлексивности впервые разработал в своей диалектической логике Гегель (опираясь на Фихте). С точки зрения Гегеля, рефлексивными являются категории сущности; если в категориях бытия осуществляется переход к другому, то в сущности — в отношении к самому себе — имеется некое обращение — круг, где рефлексивность означает своеобразную релятивность: «просвечивание» одной категории во второй и наоборот — основание «видно» в следствии и наоборот, условие в обусловленном и наоборот, причина в действии и наоборот и т. д.

Поэтому признаваемая нами логическая рефлексивность по существу отличается от той рефлексивности, о которой говорит Гегель (мы имеем в виду только логическую сторону рассмотренной у Гегеля рефлексивности, пренебрегая мистической стороной). Признанная нами логическая рефлексивность похожа скорее на то, что у Гегеля называется «субъективностью» понятия. Понятие для Гегеля является самооснованием и саморазвитием; «субъективность» понятия состоит в том, что понятие представляет самообоснование; понятие есть общность, но оно есть и особенность; единство обоих есть единичность. Понятие, как единичное, содержит в самом себе общность и особенность. Эти три момента исчерпывают природу понятия. Понятие есть возвращенное в себя единство.

Признаваемая нами логическая рефлексивность, правда, похожа на «субъективность» понятия Гегеля, но, в действительности, по существу отличается от нее, поскольку; 1) Как это было выяснено выше, «особенное» Гегеля скрывает противоположность-противоречие, тогда как в рефлексивности бесконечного умозаключения полностью осуществляется единство противоположностей. 2) Для Гегеля понятие, как общность, есть мистическая способность абсолюта обращаться к себе, тогда, как рефлексивность категории логического, осуществленная в бесконечном умозаключении, не содержит ничего нелогического. 3) Гегель не смог дать форму диалектического умозаключения; он ограничился формально-логическими умозаключениями, хотя «рациональное зерно» его диалектики требовало выхода за пределы умозаключений старой логики. 4) Именно поэтому для Гегеля высшим умозаключением осталось разделительное умозаключение, являющееся модусом третьей фигуры (Е-В-О), тогда как для нас высшую форму умозаключения представляет бесконечное умозаключение.

Для нас рефлексивность есть внутреннее самоутверждение (а не действие мистической способности самопознания абсолюта, как это представлено у Гегеля). Рефлексивность не следует сводить к тождеству или равенству, к отношению к самому себе (xRx) без внутреннего различия и отрицания. Без внутреннего различия и отрицания логическая рефлексивность не осуществляется. И при тождестве, как мы знаем, имеется различие; «А есть А» означает: «если есть А, то есть А», здесь: «если есть А» (неутвержденное А) отличается от «есть А» (от утвержденного А). (Что касается рефлексивного отношения математической логики, то оно представляет равенство, точнее: отношение, которое и рефлексивно, и симметрично, и транзитивно, называется равенством или эквивалентностью.⁷ Но это — чисто математическое понятие, к которому нельзя сводить логическую рефлексивность).

Следовательно, можно сказать, что в аспекте логической рефлексии диалектика, логика и теория познания одно и то же. Это так именно с логической (а не с психологической или другой) точки зрения.

§ 187. Логика как органон

Логика, как рефлексивная наука о логической рефлексии, не может не быть «органомом», не только в античном понимании этого слова, но и с точки зрения «высшей логики», в диалектико-логическом понимании. Логические средства и формы применяются не только в каждой науке, в знании вообще, но они, как было сказано, применяются и в отношении их же. Поэтому и имеют они смысл логической рефлексии. Категории логического представляют собой

⁷ А. Тарский, Введение в логику..., стр. 136—138.

объективные логические средства — «инструменты» любого знания вообще. Поэтому логика есть «введение» во все науки, вообще в знание, в том числе в саму логику. Логика, как «введение», обща, т.е., содержит и себя.

Здесь для наших целей достаточно рассмотреть только два вопроса: 1) абсолютность науки логики в отношении других наук и 2) тождество правил логического и познания.

Как было сказано, возможна только одна логика; признание более одной логики представляет собой логическую ошибку. Поэтому можно сказать, что логика имеет абсолютный характер, она такова по отношению к другим наукам. Это — нахождение в отношении к другому — не упраздняет ее абсолютного характера; нет, отношение к другому она содержит в себе, поскольку логика сама есть одна из наук и ее абсолютность состоит именно в том, что она есть наука и вместе с тем теория науки.

Логические формы мысли одни и те же для всех наук; они являются формами знания вообще (в том числе и науки логики). Логические средства и формы всякого познания или знания — одни и те же. Такие средства и формы представляют предмет логики и рассмотрение их осуществляется этими же средствами и формами.

Логика применяется в каждой науке; наука невозможна без применения логики, поскольку знание существует в виде логических форм — понятия, суждения, умозаключения, доказательства. Логика тоже применяет науки, поскольку предметом логики являются формы научного знания и знания вообще. Достижения наук, результаты развития науки отражаются в понятиях и категориях, которые изучает логика. Но применение логики науками отличается от применения логикой других наук, поскольку частные науки применяют логику как собственное логическое основание, но сами не являются логическим основанием логики. Материал, примеры, в том числе образцовые, дают логике другие науки; например, как это было отмечено выше, математика (Кантор) смогла положительно определить бесконечность. Поэтому и логика вынуждена и для нее стало возможным установление общелогического положительного понятия бесконечности. При применении логикой других наук используется та же логика и ее средства. Логика едина. Применение и использование другого осуществляется и должно осуществляться на основании самой логики, в противном случае, мы должны допустить необходимость другой логики, существование двух логик.

Частные науки отличаются друг от друга предметами. Вообще, каждая наука определяется ее предметом; наука потому есть определенное знание, что она есть знание предмета. Без предмета наука, конечно, не существует, но, с другой стороны, она не сможет существовать, если логика невозможна. Каждая наука есть наука вследствие логики. Наука есть система, без системы она невозможна; но система — это доказательство, система доказательства. Система науки, как система доказательства, есть логичность, осуществленная в материале науки. Например, система геометрии Эвклида есть система, составленная на основании некоторых положений логики Аристотеля, система, где материал является геометрическим, а сама системность представляет собой логическую связь. Поэтому можно сказать, что «всякая наука есть прикладная логика»⁸. Например, в «Капитале» К. Маркса, как в частной науке, применяются логика, диалектика и теория познания, которые представляют собой одну науку⁹. Диалектика «Капитала» есть частный случай диалектики¹⁰. Это относится и к другим наукам. Логика логически не опирается ни на что. Она сама доказывается своими же средствами. В этом смысле логика имеет абсолютный характер.

Ввиду сказанного, логика не может опираться на метод частной науки, например на математические методы, как этого требуют некоторые последователи математической логики. Применение математического метода в логике превратило бы эту последнюю в математику. Если математический метод будет содержать все логические средства, то математика превратится в логику — в универсальную науку, т.е. изменится только название, а природа логики останется той же. Если математическая схема заменит логику, то логика, как наука, будет ликвидирована. Такое обстоятельство имеет место по крайней мере (частично), когда логику считают моделью «общей схемы». Логика есть наука, теория. Нельзя представить логику вне теории. Каждая логическая схема имеет какой-то смысл и именно смысл входит в предмет логики. Теория есть понимание,

⁸ В. И. Ленин Соч., т. 38, стр. 193.

⁹ Там же, стр. 315

¹⁰ Там же, стр. 359.

мысль, и когда мы имеем дело с логикой, тогда надо сказать, что логика есть теория о логическом, а логическое есть связь мыслей, представленная в виде мысли (а не схемы).

Логика, как теория о самой себе, не может не быть, вместе с тем, и теорией познания. Если логика диалектична, то диалектика, логика и теория познания не могут не совпадать друг с другом.

Метод и правило познания должны быть методом и правилом получения нового знания. Если логическое есть синтетически-логическое (а это, как было показано, так), тогда и логическое правило является правилом получения нового. Вследствие вышерассмотренной абсолютности логики, ее метод и основное правило должны быть универсальным методом и правилом. Такое правило получения нового и правило познания должны быть одним и тем же. Это должно быть правилом логики, как инструмента — «органона». Логическое объективное средство — инструмент — применяется вообще в науке и в логическом. Эта рефлексивность, как мы знаем, отождествляет познавательное и логическое, и поскольку синтетически-логическое имеет диалектическую природу, постольку это тождество содержит и диалектичность, оно является диалектическим.

Переход в логическом, как переход к новому, есть умозаключение, осуществление логической необходимости. Но этот переход, как получение нового есть вместе с тем «открытие». Поэтому в логике отождествляются друг с другом путь доказательства и путь открытия; правило доказательства и правило открытия должны представлять одно и то же правило. Осуществление дедуктивного метода должно представлять собой получение нового, поскольку дедукция, как переход от общего к частному, есть переход к противоположному. Индукция тоже есть переход к противоположному, поскольку она есть переход от частного к общему. Поэтому правило доказательства и правило открытия должны быть диалектическим правилом, правилом логического развития, в аспекте которого диалектика, логика и теория познания будут одним и тем же (указанное здесь правило будет специально рассмотрено ниже).

§ 188. Логически-объективное

Как было отмечено выше, логическое должно быть только объективным, несубъективным; но не в смысле независимого от мысли объективного существования предмета и не в смысле схемы. Логическое есть объективное в мысли, т.е. то, что не зависит от мысли, но существует только в мысли. Такова, как мы знаем, объективная истина; объективность логического есть объективность истины. Объективность, как независимость от мысли, т.е. такая определенность мысли, которая зависит от предмета, одна и та же как для истины, так для логического, поскольку диалектика вещей создает диалектику мысли¹¹. Поэтому, вследствие этой объективности, логика, диалектика и теория познания есть одно и то же. Диалектическая действительность создает диалектическое мышление. Сама мысль диалектична и с той стороны, что она содержит то, что независимо от нее.

Логическое или объективно, или его нет. Отрицание логического невозможно, поскольку это отрицание само представляет собой логическую операцию, логическую форму и средство. Поскольку такое отрицание имеет логический характер, постольку оно само полагает логическое.

Логическое не может не быть объективным, поскольку, как мы знаем, нельзя «освободить» мысль от объективности предмета. Предмет для мысли необходим. Если мы отрицаем предмет и признаем только мысль, то мысль сама выполняет роль предмета. Мысль есть мысль о предмете, а мысль не может не быть мыслью. Символ не может заменить мысль, поскольку мысль можно «заменить» только мыслью.

Объективность мысли, логического невозможна, если бытие и мысль не имеют общих объединяющих их законов. Такие законы существуют; наибо́льшие законы бытия и мысли «по существу идентичны»¹²; «законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются, с этими формами»¹³. Здесь, понятно, идет речь только о наибо́льших законах бытия и мысли, о законах диалектики. Основной закон движения-развития действительности есть закон единства противоположностей, который является основным и в логическом движении-развитии мысли; это положение было рассмотрено выше, здесь оно

¹¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 188.

¹² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II

¹³ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 346.

приводится для доказательства тождества диалектики логики и теории познания. Это тождество необходимо в аспекте понятия логически-объективного.

Объективность логического доказывается и тем, что признание той или иной формы логического зависит от признания или непризнания вещи в себе. Это делает очевидным пример «антиномий» Канта. Кант пытался разрешить антиномии отрицанием мира как вещи в себе. Если мир существует в себе, тогда в разуме противоречие не разрешится; если мир не есть вещь в себе, тогда мы можем избежать противоречия, хотя своеобразная необходимость вещи все-таки оставляет необходимость противоречия. Это значит, что вещь определяет как познавательное, так и логическое. Именно существование вещи и ее природа определяют как отрицательную, так и положительную диалектику мысли; а диалектика представляет собой высшую форму мышления; диалектическое мышление есть высшая форма мышления¹⁴.

Объективность логического доказывается и тем, что различие сущности и явления вызывает различие логических форм мысли. Если мы будем иметь в виду только формальные — внешние — определения вещи, т.е. такие, которые «являются самыми обыкновенными, или те, которые чаще всего попадают в поле зрения», то получим формальную логику; но если мы пойдем дальше и примем во внимание существенное «опосредствование», тогда мы переходим в диалектическую логику, которая идет дальше, чем формальная логика¹⁵. Следовательно, вещь определяет логическое.

Логическое можно представить по-разному, смотря по тому, на какую сторону мысли обращаем мы внимание. Если логика имеет в виду только «внешние», «поверхностные» определения своего предмета и не обращает внимание на внутреннюю — существенную сторону этих определенностей, т.е. на их внутренние переходы — движение и развитие. — тогда она есть формальная логика, которая только перечисляет формы мысли и рассматривает их в координации рядом друг с другом. Но если логика не ограничивается этим и рассматривает формы суждения и умозаключения в их внутренней связи, в развитии, в субординации, тогда мы имеем дело с диалектической логикой¹⁶. И здесь вещь определяет логическое. И с этой стороны доказывается объективность логического. Необходимость объективности логического вытекает и из того, что невозможно логическое отрицание существования. Существование необходимо для логического. При попытке отрицания существования существует само это отрицание. Отрицание существования логически устанавливает необходимость существования. Отрицание существования и сведение всего к символам должно все-таки опираться на существование этих символов. Одним словом, при попытке отрицания существования необходимо признавать существование этого отрицания и его результата. Необходимость существования для логического доказывает объективность этого последнего.

Самым полным и достоверным доказательством объективности логического является то, что было сказано выше о различии, основанном на логических категориях конечного и бесконечного, о том различии, которое возникает в логическом и в логике, как в науке. Как мы уже знаем, категория конечного определяет особенность формально-логического и науку о нем — формальную логику. Категория бесконечного (бесконечное, содержащее конечное) определяет диалектико-логическое, наука о котором называется диалектической логикой. Конечное логическое, как было сказано, есть условно-логическое; а бесконечное логическое есть безусловное-логическое самоутверждения. Как это будет выяснено ниже, оправдание доказательства возможно только на основе принципа самоутверждения. Если мы примем во внимание все сказанное выше о различии конечного и бесконечного логического, станет ясным, что предмет определяет логическое, что логическое объективно; а согласно понятию логически-объективного, диалектика, логика и теория познания есть одно и то же.

Как было отмечено и выше, невозможно логически более объективное, чем то объективное, которое осуществляется в невозможности отрицания нечего и отрицанием нечего в его же утверждении-доказательстве. Поэтому надо сказать, что на основании объективности бесконечного умозаключения устанавливается тождество диалектики, логики и теории познания.

§ 189. Логическое как отражение исторически-реального

¹⁴ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1967, стр. 15.

¹⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 72.

¹⁶ См. Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1953, стр. 177.

Если логическое объективно, то оно есть отражение. Отражением чего оно является? Ясно, это отражение реальной действительности, находящейся в движении-развитии, осуществляемое на основе практической деятельности человека. Отражение действительности есть ее познание, осуществляемое в истории. Поэтому логическое должно быть отражением исторически-реального. Этот вопрос, именно, логическое, как отражение развития, истории и как развитие, будет подробно рассмотрен в последующем. Здесь нас этот вопрос интересует как довод за то, что если логическое есть отражение исторически-реального, тогда, ясно, диалектика, логика и теория познания есть одно и то же.

Как известно (мы это рассмотрим в последующем), К. Маркс в введении к своему труду «К критике политической экономии» и Ф. Энгельс в рецензии на эту работу доказали, что логическое есть отражение исторического¹⁷; логическое есть историческое познание, взятое в его общих чертах. Это подчеркивается и В. И. Лениным¹⁸. Более того, В. И. Ленин говорит, что история мысли по существу совпадает с законами мышления¹⁹. Логическое, понятое таким образом, В. И. Ленин применяет для определения логики вообще; согласно В. И. Ленину, логика есть учение не о внешних формах мышления, а о результатах истории познания всей действительности²⁰.

Диалектическая логика не есть учение только о внешних формах мысли; ее предметом являются результаты истории познания всей действительности, «узловые пункты» этой истории — понятия, категории. Логика изучает эти категории в их взаимосвязи, именно в логической связи. Логическое есть логическое взаимосвязи узловых пунктов и результатов истории познания. Поэтому логика есть, вместе с тем, и теория познания. История и теория познания, взятая в его сущности, есть логика.

Логическая субординация категорий, как узловых пунктов истории познания, есть логическое развитие; его то и изучает логика, именно, диалектическая логика. Логическая связь категорий, как понятий, является существенной в познании, в истории и теории познания, поскольку здесь одновременно имеется отражение-познание, логическое и история-развитие логического, поэтому диалектика, логика и теория познания представляют одну и ту же науку.

Согласно К. Марксу, Ф. Энгельсу и В. И. Ленину, логическое есть историческое познания в его общности. Проблема аподиктичности логического разрешается и должна разрешаться на основании именно так понятого логического. Логическое есть не только отражение исторического, но и само есть история, как «логическое развитие»(Ф. (Ф. Энгельс). Логическое развитие, как это мы выясним в последующем, есть доказательство. Доказательство, как логическое развитие, представляет собой отражение исторического. Поэтому аподиктичность доказательства, его объективность доказаны.

Сущность всякого движения-развития, в частности, истории познания и логического развития, есть единство противоположностей (согласно материалистической диалектике). В этой сущности, ясно, совпадают друг с другом диалектика, логика и теория познания. В единстве противоположностей совпадают друг с другом диалектическое, познавательное и логическое, поэтому диалектика, логика и теория познания одно и то же. Тождество предмета отождествляет и науки о нем.

Логическое есть отражение исторического. Логическое, отражающее историческое, представляет, вместе с тем, и истину. Логическое есть и познавательное на основании реально-исторического; они оба представляют развитие, т.е. оба являются диалектическими. Следовательно: 1) диалектическое, логическое и познавательное есть одно и то же, поэтому 2) диалектика, логика и теория познания есть одно и то же.

§ 190. Истинность логического

Из содержания предыдущего параграфа непосредственно вытекает правильность-правомерность понятия истинности логического. В диалектике, в логике и в теории познания имеется одна и та же объективность. Объективность логического, как было сказано, есть объективность истины. Постольку можно говорить об истинности логического. Истинность логического состоит в том, что в мысли имеется объективное; а объективное в мысли есть то, логическое отрицание чего

¹⁷ См. К. Маркс, К критике политической экономии, 1951. Предисловие и стр. 238.

¹⁸ См. В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 315, 316.

¹⁹ Там же, стр. 314.

²⁰ Там же, стр. 80, 81.

невозможно; в противном случае, само это отрицание было бы объективным; поэтому в мысли объективное есть то, логическое отрицание чего утверждает его же. Логическая необходимость опирается на объективность логического; полная логическая необходимость, которая, например, осуществляется в рефлексивности категории логического, совпадает с логической объективностью, с тем, что является истинностью логического.

Объективность, осуществленная в бесконечном умозаключении, представляет собой истинность логического. Эта истинность имеет абсолютный характер и определяется природой бесконечности. Объективность и истинность моментов бесконечного умозаключения — утверждения и отрицания — имеют конечную природу. Первая объективность и истинность безусловна, а вторая — условна, поскольку конечное логическое подчиняется принципу «если—то». В последнем случае имеет место то, что называется правильностью. Правильность или «логическая истина», которая считается единственной в формальной логике, представляет собой истинность только условно-логического, односторонне-логического. Истинность логической условности требует оправдания, что и осуществляется в истинности безусловно-логического.

Формально-логическое есть конечное логическое, где необходимым является то, противоречащее чему невозможно. Необходимость, как невозможность противоречащего, не есть логическое, взятое вне истины. И в этом конечно-логическом логическое и истина, в определенном аспекте, совпадают друг с другом. Это совпадение состоит не только в том, что логический путь есть путь к истине, что истина есть критерий этого пути, но и в том (и это глазное), что невозможность противоречия есть одновременно и логическое к истине. Противоречие считается ошибкой, а его невозможность представляет как истину так и оправданно логического (об этом будет речь именно тогда, когда мы рассмотрим вопрос в аспекте логического закона).

Но необходимость доказательства — логическая необходимость, осуществленная в доказательстве — не равняется необходимости невозможности противоречащего, так как, поскольку нечто с необходимостью есть «это» вследствие невозможности противоречащего, постольку понятие нечто с необходимостью подразумевает и признак противоречащего. Это обстоятельство, между прочим, подтверждается и тем, что невозможно отрицание доказательства. Доказательство осуществляется всегда посредством утверждения-отрицания; доказательство возможно путем утверждения-отрицания. Это означает, что отрицание есть необходимый элемент доказательства. Поэтому, в случае отрицания доказательства (например, в случае «новых тропов» древних скептиков) применяется один основной элемент доказательства «отрицание», посредством чего совершается отрицание доказательства. Но это значит, что при отрицании доказательства применяется доказательство; невозможность доказательства доказывается. Таким образом, отрицание доказательства утверждает необходимость доказательства. Логическое отрицание доказательства есть не лишь логическая невозможность, но и невозможность с точки зрения истины. Утверждение необходимости доказательства отрицанием доказательства есть, вместе с тем, и логическое оправдание истины в доказательстве.

Доказательство нечто есть демонстрация необходимости этого нечто; показать, что нечто логически необходимо, и значит доказать его. Но это доказательство есть утверждение того, что нечто существует так, а не по другому; поэтому доказательство есть и объяснение; а объяснение означает и познавательную истинность. Поэтому доказательство есть и истина. Например, суждение, как это было выяснено выше, по своей природе антиномично. Разрешение этой антиномичности в умозаключении есть одновременно и переход суждения в умозаключение с логической необходимостью и объяснение-разрешение антиномичности суждения, т.е. и истина. Таким образом, доказательство требует не только того, чтобы логическая необходимость осуществлялась на основе истинных посылок, но и того (и это главное), чтобы в самом доказательстве осуществлялась истина. Истина состоит «в продолжении»²¹. В доказательстве логическая необходимость и истина совпадают друг с другом. Иначе доказательства, в конечном счете, невозможно.

Как мы уже знаем, логическое, которое осуществляет отношение «если—то» есть условно-логическое, релятивно-логическое. Существует релятивно-логическое так же, как существует релятивная истина. Релятивная истина, как известно, есть частичная истина; она есть частичность

²¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 161, 162.

безусловной или абсолютной истины, ее «зерне». Это относится, как мы знаем, и к условно-логическому: оно тоже есть «зерно», односторонность безусловного логического. Безусловно-абсолютное логическое есть логическое самоутверждения посредством отрицания — логическое бесконечного безусловного логического. Безусловно-абсолютное логическое есть логическое утверждения или отрицания. Утверждение или отрицание чего-либо есть утверждение-отрицание посредством другого, утверждение или отрицание внешним логическим основанием, тогда как самоутверждение есть логическое, имеющее внутреннее основание. Первое есть условно-логическое, а второе — безусловно-логическое.

Здесь мы хотим сказать, что при условно-логическом возможно расхождение логического и истины, поскольку мы можем условно взять ложное за истинное и оттуда с логической правильностью вывести заключение. Это обстоятельство, как известно, точно определяет и Аристотель и оно легло в основание тенденции отрыва логического от истины. Но в безусловно-логическом невозможно разделение логического и истины, они здесь совпадают друг с другом. Невозможность отрицания нечто и логическая необходимость отрицанием нечто его же утверждения, есть, вместе с тем, и абсолютная истина. В качестве примера этого можно привести из истории философии *cogito* Декарта в нашей интерпретации. Невозможно отрицание мысли, логическое отрицание мысли есть утверждение самой мысли, поскольку это отрицание само есть мысль, и именно этим отрицанием осуществляется доказательство как определенное самоутверждение. С точки зрения Декарта (как это мы выяснили в «Начале доказательства»), «*cogito, ergo sum*» выражает и представляет высшую — абсолютную — истину. Поэтому вызывает удивление то обстоятельство, что Декарт для оправдания, истинности своих положений обращается к богу. Если в *cogito* дана абсолютная истина, тогда именно оно оправдывает истинность других положений; бог становится совершенно излишним.

То обстоятельство, что в бесконечно-логическом совпадают друг с другом логическое и истина, и что бесконечное логическое представляет собой единство противоположностей (самоутверждение внутренним отрицанием есть единство противоположностей), означает, что логическое и познавательное имеют диалектическую природу. Поэтому надо сказать, что диалектика, логика и теория познания есть одно и то же. Диалектичность логического обеспечивает истинность логического и наоборот, истинность логического состоит в его диалектичности.

Истинность диалектико-логического проявляется в логических формах мысли. Суждение есть релятивно-логическое — односторонность полного логического, такова и истинность его — суждения как логического. В бесконечном умозаключении осуществляется полнота логического — полное логическое; это есть абсолютно-логическое; такова и его истинность. Смысл суждения, как мы знаем, состоит в утверждении-отрицании, а умозаключение представляет единство утверждения-отрицания. Суждение оправдывается в умозаключении; истинность суждения устанавливается в умозаключении. Это означает и то, что перевод суждения в умозаключение есть его доказательство, которое имеет характер развития. Поэтому надо сказать, что высшая форма объективного, истинности и логического есть единство противоречий, которое действует как универсальный закон. Поскольку предмет определяет мысль, постольку охарактеризованная здесь природа логического определяет тождество диалектики, логики и теории познания. Это означает и то, что каким является содержание логического, такова и его форма. Содержание определяет форму.

§ 191. Содержательность логической формы

Здесь нас интересует только одно, именно то, что вследствие содержательности логической формы (и в этом аспекте) диалектика, логика и теория познания есть одно и то же.

Взаимоисключающее противопоставление формы и содержания в логическом, в частности воззрение, согласно которому логика имеет, якобы, дело с формой мысли вне ее содержания, ошибочно. Неверно и мнение, будто формальная логика изучает только формы, а диалектическая логика — содержание мысли. Как формальная логика не может существовать только на основании чистых форм, так и диалектическая логика не может существовать без изучения форм мысли. Содержательность логической формы необходима для существования самой формы, и поэтому она необходима как для формальной логики, так и для диалектической, т.е. вообще для логики.

Каждая наука изучает форму, именно, формы движения, но эти формы являются формами содержания, внутренними его формами. Форма есть внутренняя определенность содержания,

существенная определенность, его сущность. Изучение формы есть изучение содержания. Знание вещи и изучение ее внутренней формы есть одно и то же. Это обстоятельство выяснено и доказано в материалистической диалектике, выяснен тот общий принцип, которым мы должны руководствоваться в каждой науке и, в частности, в логике.

В диалектическом материализме выяснено и доказано, что истинное содержание мысли имеет предметный характер. Содержание мысли есть содержание предмета, перенесенное и переработанное в мысли²². Оно есть репродукция содержания предмета²³. Поэтому мысль определяется предметом, определенностью предмета.

В формальной логике известно, что определение понятия предмета есть полагание его существенных признаков. Понятие предмета есть мысль об его сущности. Например, основным признаком понятия человека считается основной признак человека — способность изготовления орудий производства, — несмотря на то, что орудия изготавливает человек, а не понятие человека. Поэтому, определение понятия имеет предметный характер и с точки зрения самой формальной логики. Когда мы в логике говорим о содержании, тогда, ясно, мы должны иметь в виду, то содержание, которое полагается определением понятия. Определение есть единственное логическое средство полагания содержания логического. Определение есть средство, которым полагается понятие, все равно, будет ли это понятие вещи, или понятие мысли. Понятие о вещи и понятие о мысли полагается одним и тем же средством, как раз тем средством, которым полагается именно содержание. С точки зрения содержания понятия, форма не может не быть содержательной.

Содержательность логической формы двойка: 1) предметная содержательность и 2) собственное содержание логической формы, содержание самой формы. Как мы знаем, невозможна форма без содержания, чистая форма. Если бы существовала такая форма, тогда и она бы имела свое собственное содержание, устанавливаемое именно определением этого понятия.

Как известно, логические формы определяются той общностью, которая присуща существующим в действительности взаимосвязям; например, положительное суждение, как логическая форма, которая по своей природе обща, определяется общностью положительной связи, существующей в вещах, содержанием этой общности. Вообще говоря, диалектичность движения вещей определяет диалектичность логического движения мысли. Но к этому обстоятельству добавляется то, что логическая форма имеет свое собственное содержание. То, что из себя представляет форма, является ее содержанием. Определение понятия логической формы полагает ее содержание. Содержание понятия полагается его определением, так полагаются содержания суждения, понятия умозаключения и доказательства. Поэтому надо сказать, что логика изучает логические формы мысли не вне содержания, а она изучает именно содержательные формы. Изучение логической формы есть изучение ее содержания.

Бессодержательной, чистой формы нет. Чистая форма мысли имеет свое содержание. То, что содержится в понятии этой чистой формы, и есть ее содержание. Каждая мысль, по своей природе, есть содержание. Именно поэтому и получается, что формализация логики исключением содержания приводит к исключению мысли, к признанию таких символов и схем, которые не представляют мысль; формализация логики сводит мысль к символам, схемам, которые представляют или языковые схемы или предметные схемы, или же тождество этих двух схем, а мысль рассматривается как одна из их моделей; при этом выходит, что логическое «подведомственно» не логике, а математике, тогда как логика лежит в основе каждой науки (в частности, философии).

Логика имеет дело с общими формами мысли, а не с их эмпирическим содержанием. Схема, символ не могут представлять общность мысли, поскольку они сами не являются мыслями, формами мысли. Единственно наибо́льшая, как мы знаем, есть общность категории; а формализация категорий, как известно, невозможна. Категории есть наибо́льшие понятия, наибо́льшие мысли, которые отражают наибо́льшие стороны действительности. Поэтому они являются содержательными мыслями. Категория есть форма мысли (у Канта категория есть форма суждения), которая имеет как собственное, так и предметное содержание, так, что предметное содержание категории определяет ее собственное содержание и общность этого содержания. Диалектическая логика, прежде всего,

²² См. К. Маркс. Капитал, т. I, 1950, стр. 19.

²³ См. К. Маркс, К критике политической экономии, 1951, стр. 213, 214.

есть логика категорий, поэтому она представляет науку о содержательных формах. Категории понятия, суждения и умозаключения, правда, не представляют наиобщие стороны действительности, но опираются на них, поэтому они имеют предметное содержание.

Схема или символ имеют определенное содержание и значение. Например, символ А есть А, а не В и т. д. Символ, применяемый тождественно (например, А), указывает на его содержание и общность. Если мы возьмем символ, схему помимо содержания и значения, тогда они сами будут определенными вещами. Так что признание бессодержательности, т.е. признание только чистых форм или схем, невозможно, хотя именно этому и служит формализация логики, применение аксиоматического метода в логике (о невозможности которого будет речь ниже). Невозможно освобождение от содержания и общности в логике, так, чтобы мы не получили отрицание логики и не перешли бы в другую сферу, которая не подчиняет логику, а подчиняется ей, применяет ее.

Логическая форма имеет собственное содержание (Гегель, Маркс). Всяческая различенность есть содержание. Отрицание тоже есть определенное содержание (различие есть отрицание). Разнообразие форм мысли, их видов, разнообразие законов мысли есть содержание логики. Именно вследствие того, что формы мысли имеют собственное содержание, они связываются друг с другом. Логические формы мысли собственным содержанием и вследствие этого содержания с внутренней необходимостью связаны друг с другом и создают систему, которая имеет характер логического развития. Без содержания невозможно осуществление логической необходимости, именно, синтетическо-логической необходимости, логического развития.

Содержание нечто есть его *внутри-бытие*. Содержание есть бытие в бытии, бытие в самом себе; это есть раздвоенное в себе бытие, самобытное бытие, самобытие. Бытие, находящееся в отношении к самому себе, есть сущность²⁴ (эта мысль вытекает из источников словаря («Ситквис Кона») Сулхан Саба Орбелиани. Мысль, выраженную именно в этих источниках, которая господствовала с античного периода в средние века, развивает Гегель в своей «Логике сущности»). Содержание есть раздвоенное в самом себе и рефлексивное бытие. Таково и содержание логических форм; они, как мы знаем, имеют рефлексивную природу.

Мы здесь хотим отметить только то, что поскольку формы мышления имеют рефлексивный характер, постольку они имеют содержание, содержательны. Без содержания невозможна рефлексивность. Рефлексивность сама есть содержание. Здесь совпадают друг с другом содержание и форма, точнее содержание определяет форму. Категория логического, как форма мысли, рефлексивна, она есть свое собственное содержание. Понятие есть содержание и вместе с тем одна из логических форм мысли. Суждение суждения есть его содержание и определенная форма. Отрицание суждения есть суждение. Это содержание есть его форма. Необходимая связь суждений есть содержание умозаключения и форма мысли. Рефлексивность, в полном смысле, как мы знаем, осуществляется в бесконечном умозаключении.

Одним словом, невозможно, чтобы логическое, как рефлексивное, не представляло содержательную форму; а содержательность логического не может не быть, вместе с тем, и познавательной. Именно в аспекте логической содержательности являются тождественными диалектическое, логическое и познавательное. Вследствие этого тождества и в его аспекте диалектика, логика и теория познания есть одна и та же наука.

§ 192. Категориально-логическое

Из предыдущего параграфа непосредственно вытекает, что вследствие категориально-логического и содержательности общности диалектика, логика и теория познания есть одно и то же. В этом параграфе мы должны рассмотреть первый вопрос — вопрос о категориально-логическом; а в следующем параграфе — второй вопрос.

Категориально-логическое есть то логическое, которое непосредственно осуществляется во взаимосвязи категорий. Эта связь, ясно, есть логическая связь. Диалектическая логика, прежде всего, есть логика категорий. Диалектическая логика представляет систему логических категорий. Все в логике подчиняется категориям и их связям; в ее содержание входит и это подчиненное. Диалектическая логика есть система определенных категорий, которая является полным содержанием

²⁴ См. Сулхан-Саба Орбелиани, словарь («Ситквис Кона»).

логики. Диалектическая логика есть наука о категориях и о том, что подчиняется им. Логика развивалась и превратилась в диалектическую логику внесением в нее категорий и их логических связей. Формальная логика не знает категории, как логические формы (впервые Кант понял категорию как логическую форму, именно, как форму суждения). Диалектическая логика, как логика категорий, есть такая наука, в которой диалектика, логика и теория познания (гносеология) есть одно и то же.

Категории, как наиобщие понятия, представляют собой логические понятия. Каждая философская категория, как именно понятие, представляет логическую категорию. Каждая категория логическая, но, как мы знаем, логическая категория отличается от категории логического. Определенное — конкретное отрицание логической категории дает другую категорию, если категории рассматриваются в их системе, как в определенном развитии; отрицание же категории логического невозможно; отрицание какой-нибудь категории логического само применяет эту категорию, определенно утверждает ее. Это различие есть логическое различие; но оно есть, вместе с тем, и познавательное различие, поскольку: 1) переход к другому есть объяснение-доказательство другого, 2) обоснование на самом себе есть как объяснение самого себя, так и полагание средства, объясняющего другое. В одном случае есть полагание и объяснение другого, а во втором случае у нас имеется начальное средство объяснения и полагания. В этом отношении логическое и познавательное есть одно и то же. Категория логического как рефлексивная, является диалектической, она содержит двусмысленность. Категориально-логическое есть и познавательное.

Мы знаем также и то, что категория онтологии может быть и категорией логического. Например, тождество имеет место как в действительности, так и в логическом; таковы же различие, отрицание, общее и т. д. Поэтому в аспекте таких категорий, логическое и познавательное есть одно и то же; они объективны, поскольку опираются на категорию, общую для бытия и мысли. Логика, опирающаяся на такие категории, будет безусловно онтологической, в которой логическое не может не совпадать с познавательным. Объективное в ней имеет природу объективности истины. С точки зрения категории, общей для онтологии и логики, невозможно, чтобы диалектика, логика и теория познания не представляли одну и ту же науку.

Категория логического есть как форма мысли, так и форма знания. В аспекте этой категории нет различия между формой мысли и формой знания. По-другому трактовал это Кант, когда он категорию считал формой знания, если она применялась в конечной, именно, в чувственной сфере; применение же категории в сфере бесконечного (сверхчувственного) оставляло ей значение формы мысли, но лишало значения формы знания, поскольку бесконечность не может быть дана в опыте. Но логическое понимание бесконечности, именно такое понимание, которое, обосновано нами, опровергает это ошибочное воззрение Канта. Логическая бесконечность, как логическое рефлексивное, представленное в виде категории логического, есть не только форма мысли, но также и форма знания. В этом смысле, идея Канта выполнит роль категории и категория выступит как высшее понятие, как это в последующем было представлено у Гегеля (Фихте не смог преодолеть дуализм категории и идеи). Категории логического являются как логическими, так и познавательными первыми средствами-формами, которые имеют объективный характер. В этой сфере логическое есть категориально-логическое, и оно вместе с тем, есть и категориально-познавательное и не может не быть таковым.

Категории действуют в законах логического, а они, как это мы покажем ниже, представляют и законы знания. Закон есть одна из категорий. Он одинаково действует в мысли и в знании; закон тождества опирается на категорию тождества, которая одна и та же в знании и в логических формах мысли.

Категории действуют в формах мысли — в понятии, суждении, умозаключении. Как мы уже знаем, общая форма суждения есть связь категории частного и общего. Умозаключение, составленное из таких суждений, тоже представляет связь категорий. Понятие само есть общность, именно, общая мысль умозаключения. Так что категориально-логическое определяет формы мысли. Вследствие действия категорий в формах мысли, эти формы являются также и формами знания, познания. Поэтому в аспекте категориально-логического диалектика, логика и теория познания есть одно и то же.

Если универсальным законом мышления будем считать закон невозможности противоречия,

тогда категории противоречия, отрицания, тождества и возможности, которые этот закон с необходимостью подразумевает, одинаково действуют в логических формах и в знании. Без категорий невозможно мышление и познание. В аспектах этих категорий логическое и познание есть одно и то же. Известно и то, что закон невозможности противоречия был признан и законом существования, поскольку противоречие, как самоупразднение, делает невозможным существование вещи. Но если мы признали (и должны признать) универсальным законом закон единства противоречий, и тогда одни и те же категории будут действовать в логическом и в познании-знании. В теории материалистической диалектики известно, что закон единства противоречий есть самый универсальный закон всей действительности. Он действует в логическом и в познании. Способ диалектического мышления есть тот логический способ, который представляет метод познания (и действия). Поэтому те категории, которые подразумеваются единством противоречий, именно, категории, тождества, различия, отрицания, единства и противоположности-противоречия — одни и те же в логических формах и в знании. Поэтому в аспекте этих категорий диалектика, логика и теория познания есть одно и то же.

Единство противоречий есть сущность всякого движения; истина представляет единство противоречий; суждение, умозаключение имеют смысл благодаря единству противоречий. Единство противоречий в логическом непосредственно осуществляется в виде бесконечного умозаключения. Следовательно, единство противоречий по существу одно и то же в логическом и в знании. На основании единства противоречий диалектика, логика и теория познания есть одно и то же.

Известно, что формализация категорий и их связи невозможна. Нет ничего более высшего и общего чем категории; ни одна схема и ни один символ не могут быть более общими, чем категория, поскольку: 1) каждый символ (как было сказано) опирается сам на тождество и общность, поскольку символ или схема имеет смысл тогда, когда он применяется в одном и том же значении и если он берется в общем значении; символу предшествует мысль, благодаря которой он и имеет какое-то назначение; 2) отрицание категории невозможно, отрицание логической категории утверждает эту категорию. Именно то обстоятельство, что отрицание категории логического применяет эту категорию и поэтому утверждает ее-же, означает то, что нет ничего более общего и высшего, чем категории; их формализация невозможна.

Категория логического рефлексивна, в ней действует внутреннее отрицание. Такая рефлексивность действует в переходах категорий, в логической системе категорий, которая представляет доказательство. А это не что иное, как наука. Наука есть система доказательства. Это относится, прежде всего, к системе логики. Поэтому доказательная система логики и система-наука логики-знания есть одно и то же. Диалектико-логическое имеет рефлексивный характер. Логическая рефлексивность полностью проявляется, осуществляется в бесконечном умозаключении — отрицанием нечего в его же утверждении. В бесконечном умозаключении, как было сказано, совпадают друг с другом логическое и истина, безусловное логическое и абсолютная истина. Логическая бесконечность и познавательная бесконечность, как истина, по существу, есть одно и то же, обе представляют единство противоречия. Сферы самоутверждения и знания есть одно и то же в логическом аспекте рефлексивных категорий. Единство конечного и бесконечности одно и то же в логическом и в знании, в логике и в теории познания. Единство логического конечного и бесконечного есть то же самое, что и единство содержательного частного и содержательного общего.

§ 193. Содержательность логической общности

Как мы уже знаем, существует содержательная общность. Здесь мы хотим подчеркнуть, что в аспекте содержательной общности одно и то же логическое и познавательное, а на этом основании диалектика, логика и теория познания есть одно и то же.

Содержательное общее есть единство различных или противоположностей. Категория общего, как мы знаем, рефлексивна; частное, полученное отрицанием общего, с необходимостью требует общего.

Рефлексивность невозможна без содержательности. Содержательность заключается в рефлексивности. То, что общее рефлексивно, означает, что оно имеет содержание, точнее, оно есть содержание. В рефлексивности общего общее есть как «вне себя бытие» так и «внутри себя бытие». Оно есть отношение к самому себе, т.е. представляет сущность.

Содержательность общности была непонятна для Канта; для него общее есть только

бессодержательное правило: содержание привходит извне; содержание не имеет никакой общности и общность — никакого содержания. Поэтому общее есть априорная форма, пустая форма, которая должна быть заполнена содержанием, имеющим другой принцип и источник. Их связь посредством схем осталась неразрешимой трудностью у Канта.

Эта трудность Канта и трудности, связанные с формализмом, которые имеются в современной формальной логике, легко разрешаются, если мы встанем на почву содержательности общего, рефлексивности общего.

В содержательной общности содержание есть элементы, являющиеся содержательными частными, содержание, как элементы, представляет односторонность общего. Единство односторонностей, как частных, есть общность. Таково, например, производство в отношении своих моментов: собственно производства, распределения-обмена и потребления. Таков товар в отношении своих сторон и т.п. Такое общее есть единство своих элементов, но логическое единство есть, вместе с тем, понимание, понятие. Таким образом, в аспекте содержательного общего логическое и показательное совпадают друг с другом.

Таково положение и в самих логических формах. Понятие есть содержательное общее, поскольку оно есть единство признаков, которые представляют его односторонности, и в этом смысле, содержательные частные; таково, например, понятие производства, понятие истины и т. д. Каждое понятие есть одна, единая мысль, содержащая определенные признаки. Категория тоже имеет природу содержательной общности как единство подчиненных ей категорий, ее моментов; например, категория меры есть единство количества и качества; категория количества есть единство прерывности и непрерывности; категория бесконечного есть единство конечного и противоположного ему бесконечного; общее есть единство частного; противоположного ему общего. Понятие и категория как «охватывающие» имеют природу содержательной общности. Каждому понятию и каждой категории присущи общность и ее содержательность, поскольку содержанием называется единство элементов.

Как мы уже знаем, содержательное общее есть конкретное общее. Содержательность конкретного общего придает смысл абстрактному общему, которое представляет собой односторонность конкретного общего. Абстрактное общее есть менее конкретное общее. Категории находятся друг с другом в отношении абстрактной и конкретной общности. Абстрактные общие составляют конкретное, в котором они оправдываются. Абстрактное есть момент конкретного. Момент оправдывается в целом. Это обстоятельство есть доказательство, т.е. оно имеет логическую природу; но, вместе с тем, существование абстрактного в конкретном, как момента, есть его понимание. Так что, логическое и познавательное совпадают друг с другом, в отношении абстрактного и конкретного. Такое логически-познавательное представляет отражение существования сторон предмета в их целостности.

Содержательное общее, как «охватывающий» момент, есть сущность, односторонности которой представляют «явления». В определенном смысле, сторона есть «явление». Понятие есть отражение сущности, ее признаки представляют ее «явления». Так объединяются понятия сущности и явления, частного и общего на основании содержательного общего. Поэтому надо сказать, что содержательность общего есть определенное основание объективно-логического, познавательного и истины, которые с определенной стороны представляют одно и то же. На основании этого тождества диалектика, логика и теория познания есть одна и та же наука. В аспекте единства категорий общего и частного диалектика, логика и теория познания есть одно и то же.

Какой-нибудь признак понятия, как момент, таков потому, что само понятие есть его предикат. Так возникает суждение, которое посредством утверждения-отрицания связывает момент с его целым. Суждение, как мы знаем, есть односторонность, оно само есть момент целого, умозаключения, но и суждение имеет момент, в отношении которого оно есть единство, определенная содержательная общность. Так что, понятие, суждение и умозаключение являются содержательными общими. Их отношение есть отношение содержательной общности и содержательного частного. Переход суждения в умозаключение, умозаключения в понятие и осуществление понятия, как общей мысли умозаключения в бесконечном умозаключении, как мы знаем, представляют моменты или ступени единого процесса. Этот процесс представляет логическое развитие, которое равняется и развитию познания — знания.

Указанная здесь связь логических форм, как логическое развитие, есть отношение конечного

и бесконечного, которое было рассмотрено выше; здесь мы хотим использовать его как аргумент для доказательства тождества диалектики, логики и теории познания. Конечное есть содержательное частное, бесконечное есть наиобщее. Полное конечное есть полное частное, которое равняется одной стороне противоречия. Полное общее есть логическое бесконечное, являющееся общностью единства противоречия. Логический процесс, развернутый между конечным и бесконечным, есть логическое развитие, ступени которого представляют вышеназванные и ранее рассмотренные логические формы. Эти логические формы, их связи-переходы и действующие в них категории — тождество, отрицание, различие, противоречие, единство — представляют собой различные содержания и логические формы; все они имеют смысл благодаря содержательной общности, которая представляет общность бесконечно-логического; все объясняется единством противоречия. Поэтому и постольку диалектика, логика и теория познания есть одно и то же.

Выше было отмечено и то, что одним из аргументов, доказывающих тождество этих трех наук, является то, что мы назвали содержательным обобщением. Как было сказано, содержательное обобщение осуществляется посредством отрицания, именно посредством такого отрицания, которое осуществляет «прибавление»; посредством отрицания мы уходим более глубоко, переходим к «более» содержательной общности; в содержательном обобщении осуществляется «прибавление» признаков посредством отрицания, т.е. осуществляется логическое снятие-сохранение. Именно путем снятия-сохранения осуществляется переход от содержательного частного, как односторонности, к содержательному общему, как единству. Логическое развитие есть процесс становления содержательного общего.

Природу логического развития мы специально рассмотрим в последующем, здесь мы хотим только отметить, что логическое развитие является как диалектическим, так и логическим и познавательным. Поэтому диалектика, логика и теория познания должны представлять одну и ту же науку.

В логическом развитии содержательное частное переходит в содержательное общее. Этот переход означает, что: 1) первое есть второе — частное есть общее, и 2) «первое есть второе» означает «понять первое как второе» — понять частное, как общее, понять субъект как предикат, понять суждение как опосредствованную связь, которая в полном виде есть умозаключение. Суждение «частное есть общее» означает, что частное переходит в общее, иначе говоря: надо понять частное как общее (для Аристотеля общее — вторая субстанция — есть понятийная природа частного); а это означает понять первое как его противоположность. Поэтому надо сказать, что логическая форма и форма понимания, с определенной стороны, есть одно и то же.

Таким образом, признание содержательности логического общего есть один из аргументов для доказательства тождества диалектики, логики и теории познания.

§ 194. Диалектико-логическое

Понятие диалектико-логического есть основное понятие, на почве которого возможно и действительно доказывается тождество диалектики, логики и теории познания. Но как понятие диалектико-логического, так и тождество этих трех наук, спорны. Большинство логиков отрицает как первое, так и второе. Поэтому необходимо их рассмотрение. (Бесспорные вопросы в этой работе мы не рассматриваем).

Начиная с Аристотеля, понятие диалектики трактовали как тождественное понятиям вероятного, софистического или иллюзорного, хотя диалектика Платона не давала повода для этого. Платон считал диалектику действительной наукой²⁵; для него диалектика была действительным и единственным путем постижения идей. Платон диалектику понимал как логический и познавательный путь, один и тот же путь, который оправдывает существование (существование частных вещей благодаря идее) и логическую необходимость, в которой осуществляется познание. Гегель дал нам в законченном виде то, что в философии Платона было дано в незаконченном виде. Поэтому и хвалил Гегель диалектику Платона.

Для формальной логики (как для старой так и для современной) диалектическая мысль, диалектико-логическое невозможно, поскольку для нее (для формальной логики) необходимое

²⁵ См.: Платон, Государство, 534 Е.

есть то, противоречащее чему невозможно; логическая необходимость означает невозможность противоречащего. Если, например, существует свобода, то необходимость невозможна; если существует необходимость, то невозможна свобода; понятия свободы и необходимости исключают друг друга. Если все находится в движении, то ничего нет в покое; если существует покой, то нет движения; понятия движения и покоя несовместимы друг с другом; если существует общее, то нет частного и наоборот; если нечто есть частное, оно не общее и наоборот. Если оба, противоположные или противоречащие друг другу, существуют отдельно, то все-таки ставится вопрос об их связи, поскольку существование обоих содержит именно одно существование; исследование «причин» существования является исследованием природы единства.

Для формальной логики остается неразрешимой трудностью связь тождества и различия. Если нечто тождественно, то оно не должно быть нетождественным, содержащим различенность, и наоборот — различенность есть именно различенность, а не тождество. Если суждение тавтологично, то оно не может быть нетавтологичным. Субъект суждения должен быть именно субъектом; в этом смысле, мы должны считать невозможным положение: «субъект есть предикат». Предикат не может быть различенным от субъекта, поскольку он является именно его выражением. Если субъект суждения есть частное, то он не может быть общим, поскольку частное и общее являются противоположными понятиями; а нечто есть именно это вследствие того, что оно не есть различенное от него, а тем более — противоположное.

Поэтому мы говорили выше, что формально-логическое есть конечное логическое; формально-логическое определяется смыслом категории конечного. Категория конечного определяет не только логическое, но и познавательное. На формальную логику опирается определенная теория познания. Связь нечто с противоречащим есть не только логическая ошибка, но и ошибка знания, познания. Эта мысль господствовала и господствует среди большинства логиков и философов. Согласно их точке зрения, диалектико-логическое, вследствие указанного, должно быть признано невозможным.

Впервые Кант отметил, что противоречие необходимо, именно, что противоречие разума есть необходимое противоречие. Логический смысл антиномий Канта, как это было отмечено и выше, состоит именно в необходимости противоречия. Признанная Кантом необходимость противоречия есть отрицательная диалектика. Необходимое противоречие мысли Кант считает «иллюзией», «видимостью», ошибкой, но это необходимая ошибка разума. Кант остается в плену категории конечного, когда он противоречие принимает за ошибку (как логическую ошибку, так и ошибку познания). Но он дошел до предела категории конечного и подошел к сфере бесконечного. Мысль впадает в диалектику именно в отношении бесконечности, думал Кант. Антиномичность мысли вызывает именно бесконечность. Кант в «антиномиях» ясно показал то, как доходит с необходимостью понятие конечного до понятия бесконечного и наоборот. Но только Гегель попытался найти логическую форму бесконечности посредством положительной диалектики, опираясь на диалектику категорий Фихте; однако идеализм извратил природу бесконечно-логического.

Как известно, отрицательная диалектика есть один момент той связи категорий, которые непосредственно действуют в логическом, в логических формах мысли и которые содержат антиномичность (как это было показано выше при рассмотрении переходов, логических форм мысли). Единство общего и частного, как мы знаем, содержит такой момент, который является примером и образцом отрицательной диалектики. Отрицательной диалектикой является то, что для частного необходимо общее и для общего — частное. Отрицание частного невозможно, поскольку при отрицании частного невозможно устранить частное. Отрицание частного дает общее, но это общее само есть частное. «Общее есть частное» и «частное есть общее» с определенной стороны, именно, с той стороны, что они отождествляются, представляют отрицательную диалектику; отождествление частного и общего и в самом деле есть ошибка, но такое отождествление необходимо и оправдано как момент единства частного и общего. Поэтому надо сказать, что отрицательная диалектика есть момент положительной диалектики, в которой она оправдывается. Необходимость противоречащего для нечто оправдывается в единстве противоречий. Единство противоречий есть положительная диалектика; диалектико-логическое

есть положительное диалектико-логическое.

Здесь важно то, что диалектико-логическое есть такое логическое, которое, вместе с тем, есть и познавательное. Диалектико-логическое есть бесконечно-логическое, такое бесконечное, которое содержит конечное и представляет собой логическое единство противоположностей.

В логике, которая является как теорией познания, так и диалектикой, т.е. в диалектической логике, основным является понятие диалектико-логического, которое впервые исследовал Гегель. Тождество диалектики, логики и теории познания опирается на понятие диалектико-логического. Без этого понятия невозможно обоснование данного тождества. Гегель свою диалектическую логику обосновывал именно этим понятием. Материалистическая диалектическая логика тоже должна опираться на это понятие. Мы здесь очень кратко рассмотрим гегелевское понимание диалектико-логического, именно, постольку, поскольку это нужно для различения нашего понимания диалектико-логического от гегелевского и поскольку этого требует аргумент, которым доказывается тождество диалектики, логики и теории познания.

Гегель отличал друг от друга три стороны логического: 1) абстрактную или рассудочную, 2) диалектическую или отрицательно-разумную и 3) спекулятивную или положительно-разумно логическую²⁶. Для него абстрактно-логическое есть то же самое, что и формально-логическое, логическое односторонности; диалектико-логическое он отождествляет с отрицательной диалектикой Канта, а спекулятивное — с положительной диалектикой. Рассудок опирается на невозможность противоречия, отрицательно-разумное — ни необходимость противоречия, а положительно-разумное представляет единство противоречия. Правда, идеализм Гегеля извратил понятие логического, поскольку существенные моменты этого понятия — общность и отрицание — он представил как мистическую силу абсолюта, но указанная здесь характеристика трех сторон логического содержит «рациональное зерно», без применения которого невозможно установление понятия материалистическо-диалектико-логического. Правда, Гегель правильно отметил, что 1) абстрактная определенность мысли, на абсолютизирование которой опирается формальная логика, по своей природе с внутренней необходимостью переходит в свое противоречащее, т.е. 2) создает отрицательно-диалектическое, которое преодолевается в 3) спекулятивном — в положительно-диалектическом, но он не смог найти форму умозаключения, соответствующую спекулятивно-логическому. При рассмотрении форм умозаключения он ограничился видами умозаключения, которые рассматриваются в формальной логике.

С нашей точки зрения, следует отличать друг от друга два момента логического: 1) конечное логическое и 2) бесконечное логическое, но так, что бесконечное логическое, как это было выяснено выше, содержит в себе конечное логическое, как момент. Существует только одно логическое — диалектико-логическое, которое то же самое, что и бесконечное логическое, моментом, односторонностью которого является конечное логическое, где, со своей стороны, имеются два момента 1) момент опирающийся на невозможность противоречия и 2) момент необходимости противоречия — отрицательная диалектика. Конечное логическое есть формально-логическое, которое содержит и отрицательную диалектику, но взятое отдельно отрицательное диалектическое есть необходимое противоречие, как ошибка. Бесконечное логическое есть диалектико-логическое, которое содержит момент отрицательной диалектики, не как ошибку, а как оправданное, как момент логической истины.

Диалектико-логическое есть, вместе с тем, и познавательное. Конечное логическое есть как логическая, так и познавательная определенность, поскольку то, что «нечто есть это, а не другое», что определенность нечто есть существование таким, а не другим образом, есть как логическая определенность, так и определенность познания и знания. Но, как мы знаем, это неполная определенность, она содержит и неопределенность, поскольку, как это было показано выше, нечто, которое опирается на отрицание другого и противоречащего, с необходимостью содержит признак противоречащего, как именно противоречащего ему, поэтому необходимо не только противоречащее, но и единство противоречащих. А последнее есть одна и та же форма как для логического, так и для знания. Единство логического противоречия есть бесконечное умозаключение, которое есть одновременно и логическое безусловное и абсолютная истина.

²⁶ См. «Энциклопедию» Гегеля, §§ 79, 80, 81, 82.

Вследствие этого, диалектика, логика и теория познания — одно и то же.

§ 195. Синтетически-логическое

Диалектико-логическое, прежде всего, есть синтетически-логическое, логическое есть, вместе с тем, и познавательное именно вследствие синтетичности; оно есть логическое знания. Признание синтетически-логического есть решающий аргумент для доказательства тождества диалектики, логики и теории познания.

Для логичности необходима синтетичность. Аналитическое логическое является тавтологичным. Как известно, тавтология в суждении есть повторение одного и того же. Повторение есть количественная синтетичность, а не логическая. Тавтологическое суждение не есть суждение, поскольку оно есть ничто. Умозаключение теряет смысл вследствие тавтологичности, поскольку в нем посылка повторяется в заключении; повторение и здесь не представляет логическую связь. Повторение есть ничто и в умозаключении. Тавтологичность доказательства, как мы знаем, есть логическая ошибка, логический круг — отождествление доказываемого и доказывающего, их неразличимость, при которой ничего не доказывается. Доказательство, ничего не доказывающее, ясно, не есть доказательство. Тавтологичность, чистая аналитичность упраздняет доказательство.

Все вышесказанное не значит, что аналитичность, тождество не необходимы для логического; нет, без тождества и аналитичности логическое невозможно. Если в суждении между субъектом и предикатом нет тождественного, если они не содержат тождественное, общее, тогда суждение, как одна мысль, будет невозможным. Предикат должен выражать именно то, что из себя представляет субъект. Суждение означает именно то, что «субъект есть предикат», а это без тождества и аналитичности невозможно. Момент аналитичности и тождества необходим также и для умозаключения. Без тождества и аналитичности осуществление логической необходимости невозможно. Если между посылками и заключением нет тождества, то их необходимая связь не осуществится. Для каждой логической связи необходимо тождественное. Если в доказательстве не доказывается одно и то же, то оно будет невозможным. Доказывающее и доказываемое с необходимостью содержат тождественность. Доказывающее — основание — есть основание именно того, что подлежит доказательству. В доказательстве должна осуществляться одна мысль; доказательство должна иметь мысль, в противном случае ничего не докажет. Понятие тоже есть одна мысль, сколько бы признаков оно ни имело. Тождество необходимо для взаимосвязи форм мышления, поскольку эти формы являются формами одного и того же логического.

Аналитичность необходима для логического, но недостаточна для него. Для логического необходима и синтетичность; одним словом, для логического необходимы как аналитичность, так и синтетичность. Для логических форм обе должны быть достаточными. Логическое есть и должно быть единством аналитичности и синтетичности.

Для доказательства необходимости этого единства достаточен и один аргумент, характер которого был несколько раз отмечен выше. Этот аргумент заключается в том, что признание только аналитичности само показывает необходимость синтетичности. Дело в том, что чистое тождество переходит в свою противоположность. Чистое тождество, как чистая положительность, в действительности, есть чистая отрицательность, ничто. Это обстоятельство более ясно при тавтологичности доказательства, как это было отмечено выше. Поэтому можно сказать, что признание только аналитичности и отрицание синтетичности само доказывает необходимость синтетичности. Признание только аналитичности и логическое отрицание синтетичности невозможно, поскольку это отрицание есть необходимый элемент этого доказательства (и вообще доказательства). То доказательство, необходимым элементом которого является отрицание, не может не быть синтетическим.

Поскольку логическое есть единство аналитичности и синтетичности, поэтому логическая необходимость, логическая необходимая связь, в своей элементарной форме должна означать то, что в логическом одно нечто есть, вместе с тем, и другое. Это есть мысль суждения, которая выражается так: S есть P, где предикат отличается от субъекта но выражает именно его природу,

выражает то, что из себя представляет субъект. Умозаключение тоже имеет смысл именно тем, что из посылок вытекает что-то другое — отличное от них, в противном случае, невозможен необходимый вывод, необходимая связь. Доказательство означает именно то, что нечто есть другое вследствие нечего; доказывающее отличается от доказываемого, но первое обосновывает второе, и это обоснование имеет один смысл.

Мы знаем и то, что указанная здесь синтетичность полностью осуществляется в категориях, где одна категория может быть своей противоположностью. Мысль суждения выражается так: «частное есть общее», где частное и общее как противоположны, так и противоречащи. Дедуктивное умозаключение есть переход от общего к своей противоположности — к частному; индукция имеет смысл в обратном переходе — в переходе от частного к общему и т. п.

Эта синтетичность необходима и существенна в познании, в знании; познание означает переход от незнания к знанию, что, ясно, не может не быть синтетическим. Познание того, что мы уже знаем, излишне (апория «Менон»). Знание нечего означает знание различенности, существующей в нечем, знание содержания нечего. Познание нечего есть понимание этого нечего, как другого. Поэтому знание осуществляется в виде синтетического суждения. Элементарная форма знания есть суждение. Знание нечего есть не только знание его как другого, но и знание его как противоположного ему; понять частное означает понять частное как общее²⁷. Понятийная природа единичного заключается в общности (природа первой субстанции Аристотеля заключается в ее общности). Познание, как понимание одного как другого и понимание одного как противоречащего, в своей сущности, представляет логическую связь категорий. Поэтому логическая синтетичность и синтетичность познания, в их сущности, есть одно и то же.

Синтетичность связи категорий одна и та же, в логическом и в познании. Логическое и познавательное одно и то же в синтетичности связи категорий. Синтетичность связи категорий в наибо́льшей и тождественной форме выражает синтетичность логического и познавательного. Объективность синтетичности связи категорий определяется связью предметов, представляет ее отражение. Необходимая синтетичность характеризует и предмет и мысль и познание. Диалектическая синтетичность представляет собой понятие своеобразной «первой философии», наибо́льшая по своей природе.

Как при аналитичности, так и при синтетичности и их необходимом единстве действуют одни и те же категории. Необходимы одни и те же категории и их связи, которые не могут не быть синтетическими, не могут не иметь характера необходимого синтеза. Категории тождества, единства, отрицания, различия, противоречия действуют как в аналитичности, так и в синтетичности как по линии логического, так и познания и знания.

Синтетичность познания, необходимая синтетичность в знании, есть то же самое, что и синтетичность суждения и связей суждений. Необходимая синтетичность познания по существу есть то же самое, что и синтетичность логического; синтетичность логического означает и синтетичность познания. Если одно есть другое, тогда первое следует понять как другое. Если одно нечего есть противоречащее ему, то первое и следует понять как противоречащее ему. Это обстоятельство существенно для логического и для познания.

Такая синтетичность есть развитие, своеобразное поступательное движение. В суждении к субъекту «прибавляется» предикат, субъект переходит в предикат. Определение понятия есть определенное суждение, результат которого есть понятие. Как определение-положение понятия, так и суждение есть положение единичного или частного как общностей. Суждение «единичное есть общее» есть переход в противоположное. Положения понятия установлением ближайшего рода и специфического признака есть положение частного и общего, и представляет собой определенное развитие. Переход-оправдание суждения в умозаключение представляет развитие. Логическая связь категорий является синтетической и означает логическое развитие. Это развитие совершается определением, которое осуществляется внутренним отрицанием. Логическое развитие, как получение нового, есть и понимание нового, некоторое снятие-сохранение, которое имеет логический характер и представляет собой сущность развития знания.

Логическое снятие-сохранение осуществляется в логических формах. В суждении «частное

²⁷ См. Ф. Энгельс, *Диалектика природы*, 1953, стр. 185.

есть общее» частное переходит в общее. Общее снимает и сохраняет частное; поэтому получается суждение, как единство различных (и противоположностей). В дедуктивном умозаключении, как в необходимом выводе-переходе от общего к частному, осуществляется снятие-сохранение общего частным; поэтому и есть дедуктивное умозаключение единство-связь общего и частного. То же можно сказать и об индукции. Снимающее и сохраняющее есть как логическое основание так и познавательное, объясняющее. Логическое снятие-сохранение означает и объяснение. Объясняющее основание есть содержательное (конкретное) общее. Это обстоятельство полностью представлено в логической связи категорий, как в развитии.

В аспекте логического снятия-сохранения диалектическое, логическое и познавательное одно и то же, на основании чего осуществляется тождество диалектики, логики и теории познания; первое представляет содержание этого последнего.

Развитие предмета есть его исчерпывание и переход в другие предметы и т. д. Для исчерпывания предмета характерен какой-то круг. Развитие предмета начинается с его возникновения и кончается всем его содержанием. Развитие предмета начинается началом предмета и в этом развитии кончается то, что началось. Такой круг характерен и для познания. Познание начинается с познания предмета и кончается познанием этого же предмета. Логическое развитие тоже есть круг. Развитие суждения есть исчерпывание природы суждения. Таково и развитие умозаключения. Определение понятия начинается понятием и кончается установлением понятия. Кругообразность логического и познания, «кругооборот» есть однообразие их структуры. Эта кругообразность определяется предметом. В аспекте указанной здесь структуры логическое и познавательное одно и то же; а эта тождественность имеет объективный характер.

Круговая структура логического и познавательного есть то же самое, что и единство анализа-синтеза. Анализ есть выделение признака, определенности, например, выделение предиката из субъекта, но это выделение, есть, вместе с тем, установление их единства²⁸; выделение субъекта есть выделение того, что из себя представляет субъект. То же можно сказать и об единстве синтеза-анализа, осуществленного в умозаключении и в доказательстве.

Одним словом, на основании, синтетически-логического возможно обоснование тождества диалектики, логики и теории познания.

§ 196. Закон логического и знания

То что было сказано выше о логических законах, здесь должно быть использовано для доказательства тождества диалектики, логики и гносеологии.

Закон логики есть и закон знания-познания. В аспекте логического закона логическое и познавательное одно и то же. Если логическое должно подчиняться закону невозможности противоречия, то и познание-знание должно подчиняться этому закону; если противоречие есть логическая ошибка, то будет ошибкой и с точки зрения познания. С точки зрения формальной логики противоречие одинаково нарушает как истину, так и логическую правильность; противоречие и невозможность противоречия есть критерии отличия ошибки от истины и правильности. Мысль, содержащая противоречие, считается ошибочной как с логической точки зрения, так и с точки зрения познания.

Если закон единства противоречий признаем логическим законом, то он должен быть признан и законом познания-знания. В аспекте единства противоречий логическое и познавательное одно и то же. На основании единства противоречий диалектика, логика и теория познания представляют одну и ту же науку.

Таким образом, с точки зрения логического закона, все равно, примем ли мы невозможность противоречия формальной логики, или закон единства противоположностей диалектической логики, логика и теория познания есть одно и то же. Более того: подобно закону невозможности противоречия, признанному Аристотелем и законом онтологии, и закон единства противоречий является универсальным законом действительности; он является законом онтологии, который действует как в логическом, так и в процессе познания — в логике и в гносеологии.

²⁸ К. Маркс, Математические рукописи, 1948, стр. 16, 86, 87, 188, 190. (на груз, языке).

Мысль логиков-позитивистов о том, что законы логики являются законами игры, должна быть признана ошибкой. Признание законов логики законами игры есть отрицание их объективности, что означает отрицание законов логики как таковых. Закон науки, и в частности логики, есть объективный закон, тогда как законы игры не являются таковыми (хотя без какой-то объективности нет и законов игры); они устанавливаются на основании договора; их можно изменять произвольно (хотя и этот произвол имеет объективный предел). Против признания законов логики законами игры достаточно привести один аргумент: признание законов логики законами игры само не может быть игрой; в противном случае, мы можем свободно упразднить это признание, т.е. признать объективность законов логики. Если признание законов логики законами игры само есть игра, тогда становится возможным признать законы логики иногда законами игры, а иногда нет. В таком случае теряется всякая логика. Если признание законов логики законами игры само не есть игра, то законы логики имеют объективное основание, они объективные законы, а не законы игры. Признание законов логики законами игры упраздняет само себя, представляет собой отрицание законов логики. Невозможно вообще отрицание закона, поскольку, в противном случае, мы должны объявить само это отрицание абсолютным законом. Тем более, если это относится к логическому закону. Логическое отрицание логического закона невозможно, так как и в таком случае действует логический закон отрицания. Отрицание логических законов само утверждает их необходимость.

Как известно, закон есть одна из философских категорий. Он является наибо́льшим для бытия, логического и познания. Поэтому, как это мы показали выше, логический закон содержит те признаки, которые содержатся вообще в понятии закона, хотя он специфичен, поскольку является именно законом логической мысли. Поскольку закон, как таковой, есть категория, постольку признак категориальности имеет и закон логического; закон логического есть закон доказательства, поэтому он первичен для доказательства любого закона. Закон есть одна из категорий, но он сам представляет определенную связь категорий. Например, закон единства противоречий объединяет категории противоречия и единства; то же относится к другим законам. Закон, как мы знаем, есть форма общности существенной связи. Таков и закон логического. Логический закон, как форма общности существенной связи мыслей, сам является единством определенного содержания и формы; он есть определенность содержания, определенное правило. Закону, как правилу, ясно, присуща общность закона и правила, содержательная общность. Закон представляет собой форму содержательной общности. Закон не есть чистая форма. Он не является априорным и не принимается на основании соглашения. Всякое соглашение подчиняется закону, а не наоборот. Закон не может не быть объективным.

Логические законы должны быть положительными, необходимыми и достаточными условиями логической связи, они должны выражать ее природу. Из выше рассмотренных логических законов некоторые суть только отрицательные условия логической связи. Известно, что законы тождества, невозможности противоречия и исключенного третьего представляют собой необходимые, недостаточные и отрицательные условия логической связи и истины. Этим законам подчиняется и ошибка. «Всегда истинные» положения математической логики, как законы, имеют тавтологическую природу, поэтому они ничего не говорят о действительности, об объективности. Внесение различия в тождественное дает нам возможность говорить об объективности. Тождественно все, такова и ошибка. Закон единства противоречий и подразумеваемые им некоторые законы представляют собой необходимые, достаточные и положительные логические условия как истины, так и логического, поскольку они составляют одну и ту же сущность истины и логического. Поэтому обеспечено тождество диалектического, логического и познавательного.

Большинство логических законов общи для бытия, логического и познания, хотя приобретают в этих сферах специфичность. Как мы знаем, логические законы мысли объединяются в одном наибо́льшем законе — в законе единства противоречий, который является универсальным законом действительности, но действует и в познании, как метод, способ познания действительности, и в логическом, где имеет форму закона самоутверждения. Закон тождества есть закон как действительности, так и мысли; таков и закон невозможности противоречия, как закон существования, познания и логического; таков и закон основания, поскольку существует как реальное, так и логическое основание и основание познания. Это относится и к многим другим логическим законам и т. п.

Вследствие указанного, логические законы не могут не иметь объективного содержания, не могут не быть содержательными. Закон единства тождества и различия есть та форма, в содержании которой имеются элементы тождества и различия; закон взаимоутверждения содержит как моменты отрицания, так и утверждения. Закон утверждения отличается от закона тождества именно содержательностью (как это в своеобразной форме впервые доказал Фихте); закон утверждения утверждает «А», тогда, как закон тождества («А есть А») есть только форма, именно форма «если—то» и т. п.

Как было сказано, основные законы диалектики действуют специфически и в логической сфере. Например, закон перехода количества в качество и обратно действует в сфере логики, как закон получения нового или необходимого второго; закон отрицания отрицания непосредственно осуществляется в логической сфере; снятие-сохранение имеется и в этой сфере и внутреннее противоречие представляет двойное отрицание отрицания; закон единства противоречий представлен законом самоутверждения, именно, законом самоутверждения внутренним отрицанием. Этим обеспечивается тождество диалектики, логики и теории познания.

Рассмотрение логических законов и форм мысли убедило нас, что в каждой форме логического действует момент отрицания (математическая логика тоже вынуждена признать всеобщность отрицания). Как мы знаем, такое отрицание имеет относительный характер. Относительное отрицание есть момент связи вообще (В. И. Ленин) и, в частности, логической связи. Отрицание с необходимостью подразумевает отрицаемое и отрицающее, этим получается единство противоречий, как сущность логической связи; диалектическое, логическое и познавательное есть одно и то же и в аспекте «отрицания».

Некоторые законы логического оправдывают «прямолинейность» логического, его необратимость. Таковы все законы как старой, так и новой формальной логики. Формальная (и математическая) логика не знает обратимости в логическом. Логическая связь, природа которой выражена принципом «если—то», опирается на законы тождества, невозможности противоречия и на некоторые другие; основание определяет следствие, а не наоборот. Но в диалектической логике имеются законы, которые обеспечивают обратимость, непрямолинейность, круг в логической связи. Таковы законы необходимости противоречия (отрицательная диалектика), взаимоотрицания, взаимоутверждения, самоутверждения и другие. Не только основание определяет следствие, но и наоборот (поэтому и возможны индукция и дедукция). Обратимость, круг, ясно, не исключает «прямолинейности», в противном случае, будет невозможным сам круг. «Прямолинейность» есть момент «круга», так сказать, первая его половина.

Обратимость и круг в логическом означают рефлексивность логического. Рефлексивность диалектико-логического определяют законы, среди которых наисловным является закон самоутверждения, моменты которого выражаются законами взаимоотрицания, взаимоутверждения и др. Именно обратимость и рефлексивность обеспечивают возможность избежать опасности бесконечного регресса в доказательстве, оправдать доказательство без аксиом, недоказанных положений, как это мы специально выясним в последующем. Как мы знаем, рефлексивность и круг возможны и оправданы в логической бесконечности; в сфере конечного они представляют ошибку.

Вышерассмотренные логические законы непосредственно опираются на категории конечного и бесконечного; точнее, на диалектическое единство конечного и бесконечного, где бесконечное есть «охватывающее»; в конечном счете, законы логического представляют собой законы бесконечно-логического. Закон самоутверждения непосредственно выражает логически-бесконечное, утверждение нечто посредством его же отрицания. Логические законы объясняют как абстрактно-логическое, так и отрицательное диалектико-логическое и положительно-диалектико-логическое; они являются объясняющими законами логической односторонности — суждения, «неполных» и «полных» умозаключений, — законами логического развития. Логические законы представляют собой законы бесконечного умозаключения, поэтому и законы конечно-логического. Конечное., как «это, а не другое» или «это, а не противоречащее», и бесконечное, как самооснование, являются категориями универсального характера. На их основании и в их аспекте диалектическое, логическое и познавательное одно и то же.

Выше было выяснено и то, что связь логических законов представляет собой логическое развитие, где логические законы являются признаками — содержанием единого логического. Поэтому

связь логических законов имеет природу содержательного логического. Поэтому логика, обоснованная этими законами, есть «предметная» и содержательная логика. Вследствие этого она есть онтологическая логика и представляет собой определенную теорию познания.

Следовательно, в аспекте логических законов диалектика, логика и теория познания одно и то же.

§ 197. Диалектико-логически безусловное

В материалистической диалектике доказано, что диалектика есть наука о наибо́льших законах природы, общества и мышления. Предмет этой науки — существующая в действительности диалектика. Универсальные законы действительности есть законы диалектики. Диалектика господствует в каждой сфере действительности; все существующее подчиняется диалектике. Все существующее находится во взаимосвязи, в движении-развитии, которое осуществляется внутренним противоречием и представляет собой восходящее развитие. Все существующее обусловлено диалектичностью; а сама же диалектика не подчиняется ничему, ничем не обусловлена; она безусловна; диалектика безусловно действует во всем. Если бы диалектика подчинялась чему-то другому, если бы она была обусловлена другим, то это другое, как обуславливающее, само бы оказалось во взаимосвязи, само было бы моментом, входящим в диалектику. Отрицание диалектики невозможно, поскольку отрицание само есть сущность диалектики, сущность развития. Попытка отрицания диалектики сама показывает ее необходимость, утверждает ее. Поэтому диалектика, по своей природе, абсолютна и безусловна.

Диалектичность есть абсолютность, движение-развитие абсолютно. Оно абсолютно везде и в каждой сфере, где оно действует, — а оно действует везде, в каждой сфере, действительности. Бытие, логическое и познание диалектичны. В каждой этой сфере диалектичность означает абсолютность и безусловность. Как известно, эта абсолютность и безусловность не исключают и не упраздняют относительности и условности, а наоборот, содержат их. Абсолютное, безусловное, бесконечное, по выражению К. Маркса, «есть «охватывающий» момент в единстве абсолютного и относительного, безусловного и условного, бесконечного и конечного. Такая абсолютность и безусловность господствуют в бытии, в мысли и познании.

Не может быть более одного безусловного. Безусловное бытия, существующее в мысли безусловное и существующее в познании безусловное или абсолютное, не три абсолютных или безусловных, а только одно. Это одно есть диалектичность, диалектика. Диалектика бытия, диалектика логического и диалектика познания, в сущности есть одна и та же диалектика, которая приобретает специфичность в этих трех сферах. Но поскольку познание есть именно познание бытия, а логичность есть логичность познания и знания, постольку диалектика бытия определяет диалектику познания и логического. Познание и его логика есть своеобразная репродукция диалектики бытия (К. Маркс). Именно вследствие этого только материалистическая диалектика есть научная диалектика.

Поскольку диалектика бытия определяет диалектику познания и логического, поскольку в этих трех сферах в сущности господствует именно диалектика, постольку и аспекте диалектики, как определенного абсолютного и безусловного, онтология, логика и теория познания, одно и то же; точнее, со стороны предметности, как известно, онтология определяет логику и теорию познания. Поэтому логика, в которой господствует диалектика, диалектическая логика, есть онтологическая логика. Онтологическое определяет логическое, поэтому логическое объективно, т.е. имеет и познавательный характер. Именно вследствие диалектичности суть одно и то же логика и теория познания. В тождестве диалектики, логики и теории познания господствует диалектика как «охватывающий» момент. В тождестве диалектики, логики и теории познания диалектика является подчиняющей и определяющей. Тождество этих трех понятий доказывается именно диалектичностью. Логика и теория познания суть одно и то же в диалектичности, которая имеет абсолютный характер.

Предмет синтетичен, поскольку он есть единство различных. Познание имеет смысл благодаря синтетичности, поскольку познание есть постижение нового. Логическое тоже синтетично, поскольку, как мы уже знаем, логическая связь может быть связью только различных. Синтетичность предмета определяет синтетичность познания и логического. Синтетичность предмета специфически проявляется в мысли, в ее формах — суждении, умозаключении, понятии, доказательстве. В аспекте синтетичности диалектика, логика и теория познания одно и то же.

Господство синтетичности в этих трех сферах, как мы уже знаем, есть господство в них внутреннего отрицания. Различие — сущность синтетичности — есть внутреннее отрицание, которое господствует в предмете, поэтому и в мысли, и познании. Для логического существенно логическое отрицание. Нет суждения без внутреннего отрицания. Это относится и к умозаключению и доказательству. В аспекте отрицания логическое и познавательное одно и то же.

Отрицание создает противоречие, поскольку в отрицании с необходимостью подразумеваются отрицаемое и отрицающее; поэтому при действии отрицания имеется взаимоотрицание, противоречие. Диалектическое противоречие господствует в формах мысли: 1) суждение имеет природу утверждения-отрицания, 2) полное умозаключение есть утверждение внутренним отрицанием и т. д. Так что противоречие, которое абсолютно в действительности (В. И. Ленин)²⁹, действует своеобразно и в логическом, в логике знания. Абсолютность противоречия создает безусловность логического. В аспекте диалектического противоречия диалектика, логика и теория познания суть одно и то же.

Действие единства противоречий осуществляется в самодвижении, в движении-развитии, осуществленном внутренним отрицанием-противоречием. В таком движении и развитии находятся природа, общество и мышление: логическое и познавательное. Абсолютность самодвижения-развития осуществляется и в логическом. Мы видели, что суждение из-за внутреннего противоречия переходит в непосредственное умозаключение, а оно в опосредствованное, что кончается бесконечным умозаключением. Существует логическое (развитие, переходы логических форм мысли, в которых действуют именно законы логического развития. Абсолютность развития осуществляется и в логическом. Именно в аспекте этого абсолютного и вследствие его диалектика, логика и теория познания суть одно и то же.

Действительность есть *causa sui*. Таково и логическое, именно его высшая форма — бесконечное умозаключение. Это не означает ни отрыва логического от действительности, ни их отождествления, а только признание того, что логическое отражает действительность и в том смысле, что в обеих сферах действует внутреннее основание. Если бы в логическом не действовало внутреннее основание, именно внутреннее логическое основание, то логическое доказательство впало бы в бесконечный регресс, было бы невозможным; вместе с тем, стало бы необходимым отождествление реального основания с логическим, в результате чего, как мы уже знаем, получается: 1) логический регресс, нелепость и 2) объективный идеализм. Если бы логическое *causa sui* было невозможным, то была бы невозможной и логическая закономерность, логическая внутренняя необходимость, т.е. была бы невозможной логика, как самостоятельная наука, поскольку она осталась бы без предмета. Но мы знаем, что в логическом имеет место диалектическое единство условного и безусловного, которое существует в полном виде в бесконечном, безусловном логическом — в бесконечном умозаключении, в утверждении нечто его же отрицанием, что является логическим единством противоречащих. Бесконечное умозаключение логически осуществляет то, что является абсолютным в действительности и в ее познании. Это есть единство противоречия. С этой стороны, диалектика, логика и теория познания одно и то же.

Мы знаем и то, что бесконечное умозаключение как безусловное (логически безусловное, но реально обусловленное) логическое, представляет собой вместе с тем и безусловно-абсолютную истину. Здесь имеется первое логическое и первая истина, как сущность логического и сущность истины. В бесконечном умозаключении не только потому имеется истина, что оно представляет отражение единства реального противоречия, но и потому, что в нем логическое утверждение осуществляется внутренним отрицанием, что представляет и истину. Если отрицанием нечто утверждается оно же, тогда в нем осуществляется полная логическая необходимость, которая представляет собой и истину. Не может быть ошибкой то, что есть утверждение посредством внутреннего отрицания. Единство противоречия абсолютно в бытии, в познании и в логическом. В логическом оно есть безусловное. Полное осуществление единства противоречия в логическом есть логически безусловное, что представляет собой и абсолютную истину.

Можно сказать и больше, а именно, что только посредством бесконечного умозаключения

²⁹ Противоречие абсолютно, единство — относительно, но движение, как единство, является абсолютным. Абсолютно единство мира, заключающееся в его материальности. Следовательно, существует различие между этими двумя единствами.

возможно доказательство существования. Существование есть не только категория онтологии, но и категория логического. Существование действует и в логическом. Логическое отрицание существования невозможно, поскольку при этом само это отрицание обязательно должно существовать. Логическое отрицание существования есть средство, которым выявляется необходимость существования. Поэтому и зиждется логическое на онтологическом.

Таким образом, диалектико-логически безусловное есть то, что делает невозможным построение логики на основе субъективизма и релятивизма; оно выявляет, доказывает ложность такого построения.

Диалектико-логически безусловное, т.е. бесконечное умозаключение, является наибо́льшим и поэтому подчиняет себе каждую логическую форму. Эта общность имеет содержательный характер. Подчиненность ей каждой формы логического и мысль, например, каждое суждение есть бесконечное умозаключение; нет, бесконечное умозаключение есть не объемное, а содержательное общее. Ему подчиняется каждая его односторонность, которая, ясно, не есть неодносторонность, целое, то единство, односторонность которого оно представляет собой.

Следовательно, признание безусловности диалектико-логического является аргументом, на базе которого можно доказать и доказывается тождество диалектики, логики и теории познания.

§ 198. Диалектичность метода доказательства

Самым сильным из аргументов, которым доказывается тождество диалектики и теории познания, является аргумент, который заключается в признании диалектичности метода доказательства; это признание того, что диалектический метод является методом доказательства. Диалектический метод есть как метод познания, так и логический метод доказательства. Диалектический метод логическим методом будет только тогда, когда он представляет метод доказательства.

Мы здесь — в конце рассмотрения вопроса, о тождестве диалектики, логики и теории познания — приведем только несколько положений о диалектическом методе как методе доказательства. Две последние главы нашей книги целиком посвящаются именно диалектичности метода доказательства, диалектическому методу как методу доказательства; там доказывается то, о чем здесь будет сказано в общих чертах.

Ф. Энгельс отмечал против Дюринга, что диалектика не есть «какой-то инструмент простого доказательства»; «каким-то инструментом простого доказательства» может быть и формальная логика, если ее понимать ограниченно; но, в действительности, «и сама формальная логика представляет прежде всего метод отыскания новых результатов для перехода от известного к неизвестному»; «диалектика разрушает узкий горизонт формальной логики»; ошибаются, когда «результаты, добытые в диалектической области, хотят доказать посредством формальной логики»³⁰. Следовательно, диалектический метод, в более полном смысле, чем формально-логический, есть метод доказательства, который, с точки зрения Ф. Энгельса (см. его рецензию на книгу К. Маркса «К критике политической экономии»), и был применен К. Марксом в трудах «К критике политической экономии» и «Капитал».

Если диалектический метод, как это отмечает Энгельс, в более полном смысле, чем формально-логический, есть метод получения нового, то этот метод будет действовать как в логическом, так и в сфере познания; он будет как методом получения знания, так и методом синтетического доказательства, будет действовать в логике как логическое правило, а в теории познания как правило познания; правило синтетического доказательства («получения нового») не может не быть правилом познания.

Известно, что индукция есть метод исследования или познания, но она (индукция) должна быть оправдана как метод доказательства; это было проблемой индуктивной логики со дня ее возникновения и по сей день. Если индукция будет оправдана как метод доказательства, то она будет как методом логического доказательства, так и методом познания. Как это мы докажем ниже,

³⁰ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1967, стр. 134.

индукция, как метод доказательства, оправдывается во взаимосвязи категорий, именно, в диалектико-логической необходимости перехода от частного к общему. Необходимость общего для частного, как мы знаем, осуществляется в необходимости содержательного общего для такого же частного. Именно там становится возможным преодоление вероятности, которая характерна для индукции, если она берется в формально-логическом смысле, Вероятность, присущая формально-логической индукции, не может не преодолеваться, поскольку: 1) признание вероятности всего уже не есть вероятное; основанием вероятного должно быть невероятное, в противном случае, будет невозможным и само вероятное, (как это мы докажем в последующем — при рассмотрении методов доказательства; 2) для частного, как для категории, необходима категория общего (как это было показано выше).

Для формальной логики известно, что индукция идет от частного к общему; но, она, вместе с тем, исходит из общего (напр., из закона единообразия природы); это уже создает логический круг. Логический круг создает и дедукция, поскольку она исходит из общего и идет к частному, но для нее становится необходимым получение общего из частного. Эта трудность индукции и дедукции, именно, трудность, связанная с логическим кругом, разрешается в диалектической логике тем, что категории взаимодействия оправдываются самооснованием. Самооснование действует в самообосновании, которое, как мы знаем, является бесконечным умозаключением. Именно бесконечное логическое оправдывает условное логическое, действующее в индукции и дедукции. Индукция и дедукция опираются на отношение частного и общего, как на отношение основания-следствия, на диалектическое единство частного и общего, представляющее метод бесконечного умозаключения. Индукция и дедукция по своему призванию должны иметь диалектическую природу, поскольку они должны представлять переход в противоречащее. Индукция, как переход от частного к общему, и дедукция, как переход от общего к частному, должны представлять переходы в противоположное, или в противоречащее и должны опираться на единство частного и общего как противоположностей. Поэтому индукция и дедукция должны представлять собой моменты диалектического метода. Диалектический метод, как метод доказательства, как это мы покажем ниже, универсален и его моментами являются индукция и дедукция. Индукция и дедукция опираются на условное положение «если—то», а диалектический метод, — на природу единства противоречия; единство противоречия, как мы знаем, осуществляется в логическом в самоутверждении, выполняемом внутренним отрицанием, что является безусловным логическим. Условно-логическое оправдывается в безусловно-логическом. Диалектический метод, как метод доказательства, придает смысл индукции и дедукции, которые являются методами доказательства, имеющими частный характер, тогда как диалектический метод доказательства универсален.

Диалектический метод, как метод доказательства, как это мы выясним ниже, представляет собой не сумму методов дедукции и индукции, а такой метод, в котором осуществляются своеобразные, неформально-логические дедукция и индукция, служащие основаниями формально-логической дедукции и индукции.

В материалистической диалектике известно, что диалектический метод есть метод восхождения от абстрактного к конкретному³¹, метод логического, отражающего историческое. Мы здесь хотим отметить, что восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой как познавательное, так и логическое развитие, имеющее как индуктивную природу, так и дедуктивный характер. Восхождение от абстрактного к конкретному содержит следующие моменты: 1) Переход от абстрактного к конкретному есть своеобразная дедукция, поскольку абстрактное есть общее, а конкретное — частное, например, товар есть абстрактное общее, а деньги — особенный товар. Поэтому выведение конкретного из абстрактного есть выведение частного из общего, процесс, имеющий природу дедукции. 2) Переход от абстрактного к конкретному есть, вместе с тем, и своеобразная индукция, поскольку исходное абстрактное есть содержательное частное, а конкретное — содержательное общее, поэтому здесь осуществляется переход от частного к общему — своеобразная индукция. 3) Абстрактное есть как абстрактное общее, так и содержательное частное, они совпадают друг с другом; так же, конкретное есть частное, сравнительно с абстрактным общим, но оно представляет собой и содержательное общее; постольку, в переходе от

³¹ См. К. Маркс, К критике политической экономии. Введение, и рецензию Ф. Энгельса об этом труде.

абстрактного к конкретному индукция и дедукция совпадают друг с другом. 4) Надо сказать и то, что переход от абстрактного к конкретному есть переход от следствия к основанию, как переход к объясняющему и, вместе с тем, переход от основания к следствию. Когда мы переходим от товара к деньгам (мы имеем в виду «Капитал» К. Маркса), тогда товар является исходным основанием, а деньги следствием. Товар есть абстрактное общее, но и содержательное частное, поэтому переход от содержательного частного, как от основания, к содержательному общему (к деньгам) есть своеобразная индукция, так сказать, содержательная индукция. С другой стороны, здесь осуществляется переход от следствия к основанию; товар, как содержательное частное, есть следствие, деньги, как содержательное общее — основание; переход товара в деньги есть переход от следствия к основанию. То же можно сказать и о переходе денег в капитал. В «Логике» Гегеля переход от «бытия» и «ничто» к становлению есть как переход от основания к следствию, так и переход от следствия к основанию. «Бытие» и «ничто» оправдываются в «становлении»; это оправдание является как логическим, так и познавательным: а) из «бытия» и «ничто» с необходимостью получается «становление», это последнее есть единство первых; б) «бытие», «ничто» и их отношение становится понятным только в «становлении». Таким образом, в этом диалектическом доказательстве, и в доказательстве вообще, логическое основание как объясняющее, есть и познавательное основание, т.е. здесь имеется тождество логического и познавательного. 5) Как было отмечено выше, при восхождении от абстрактного к конкретному осуществляется переход от следствия к основанию (переход от содержательного частного к содержательному общему), оправдание следствия в основании, сведение следствия к основанию (в котором сохраняется следствие в виде момента, т.е. оно снимается и сохраняется), т.е. здесь осуществляется своеобразная редукция. 6) Переход от абстрактного к конкретному осуществляется анализом; это путь анализа, который, вместе с тем, есть и путь синтеза. Анализ содержательного частного дает такое новое, в котором анализируемое объясняется и оправдывается. Анализ товара дает такой товар, в котором потребительная стоимость совпадает с меновой; анализом стоимости товара полагается «всеобщий товар» — деньги, которые представляют содержательное общее и являются более конкретными, чем анализируемый товар, т.е. осуществляется синтез; переход от абстрактного к конкретному есть диалектическое единство анализа и синтеза, представляющее собой определенное развитие. Это есть как логический, так и познавательный путь. 7) Переход от абстрактного к конкретному представляет собой переход от непосредственности к опосредствованности — опосредствованию. При этом переходе непосредственное опосредствуется. Это опосредствование имеет синтетический характер. Оно как логично так и познавательно. Единство непосредственности и опосредствованности диалектично, является единством противоположностей. 8) Переход от абстрактного к конкретному, процесс конкретизации, как это будет выяснено в последующем, представляет собой процесс логической предикации. Анализом устанавливаются признаки, они являются признаками одного и того же субъекта. Если эти признаки представляют категории, как это имеет место в «Капитале» К. Маркса и в «Логике» Гегеля, то такими предикатами производится раскрытие содержания одного и того же субъекта, его исчерпывание; в конце этот субъект устанавливается как определенное понятие. Поэтому можно сказать, что восхождение от абстрактного к конкретному логически есть процесс определения понятия, являющийся определенным развитием. Это развитие имеет как логический, так и познавательный характер.

Следовательно, диалектический метод есть и метод доказательства. Он является как логическим правилом, так и способом познания. На основании диалектичности метода доказательства диалектическое, логическое и познавательное одно и то же, поэтому диалектика, логика и теория познания представляют одну и ту же науку.

Здесь, в виде замечания, надо сказать следующее. Вышерассмотренные аргументы доказывают, что диалектика, логика и теория познания есть одна и та же наука. Их отождествляет один и тот же предмет. Это новая наука, а не сумма старых наук. Но это не значит, что предметом этой науки не могут заниматься различные науки. Математика есть одна наука, но существуют математические науки. Также может существовать много логических наук, они с необходимостью разовьются из той одной науки, о которой мы говорили выше, поскольку возможно, и так и должно быть, чтобы стороны одного предмета стали предметом различных наук.

ГЛАВА ВТОРАЯ (11)

1. МЕТОДЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

§ 199. Логический метод

При рассмотрении форм мысли был использован определенный логический метод, который в последующем будет рассмотрен специально. В этом параграфе пойдет речь о логическом методе вообще — в виде введения.

Логический метод, разумеется, есть и должен быть методом доказательства; поскольку логическое есть необходимая объективная связь мыслей, постольку логическим методом будет способ этой связи, характер, форма этой связи. Это не субъективный способ, а определенное правило, имеющее объективный характер. Связь вещей, осуществляемая в движении-развитии, в переработанном виде должна перейти в мысли, что и дает объективный способ связи мыслей.

Известны логические методы — дедукция, индукция и др. Дедукция, есть правило необходимой связи мыслей, правило вытекаемости-подчиняемости мыслей. Дедуктивный метод осуществляется в определенных умозаклечениях, в противном случае он и не был бы методом. Он — форма определенных умозаклечений, правило, указывающее на то, каким образом связаны мысли в умозаклечениях, каким путем осуществляется в них взаимоподчинение мыслей. То же относится и к индукции: Индукция должна осуществляться и осуществляется в определенных умозаклечениях, в форме определенного подчинения мыслей. Каждый логический метод должен осуществляться в соответствующих умозаклечениях, в необходимых связях мыслей, имеющих объективный характер, т.е. определяемых связями вещей, зависящих от них. Если дедукция есть выведение частного из общего, необходимое подчинение частного общему, то это подчинение мыслей определяется тем, что и в действительности частные предметы подчиняются общим связям, законам; класс предметов содержит и подчиняет себе свой подкласс. Если индукция есть такая связь мыслей, где общее вытекает из частных, получается на их основании, то и такое подчинение определяется связью вещей. Необходимые связи явлений суть связи, вытекающие из природы явлений. Одно явление связано с другим по своей внутренней природе. Внутренние существенные связи явлений определяются природой этих явлений. Законы представляют собой связи, вытекающие из природы явлений. Так же связями вещей определяются и другие логические методы. Логический метод не может не быть объективным; в противном случае он не был бы логическим. Логическое есть, как мы знаем, объективное, содержащееся в мысли, объективное, существующее в форме мысли или ее определенности.

Логический метод, соответствующий развитию вещей, и являющийся методом логического развития мыслей, есть диалектический метод. Как было сказано, логические формы мысли — суждение, непосредственное умозаклечение, конечное опосредствованное умозаклечение, понятие, и, в особенности бесконечное умозаклечение — имеют диалектико-логическую природу; переход суждения в непосредственное умозаклечение (и другие переходы) диалектичен, является логическим развитием. Логико-диалектический метод осуществляется в логических формах мыслей. Бесконечное умозаклечение представляет собой высшую, полную форму логической связи мыслей. Эта форма определяет все логические формы мысли и виды этих форм. Ниже будет подробно рассмотрен диалектический метод, как логический метод, как метод доказательства и связь-отношение этого метода с другими логическими методами.

Логический метод, как это явствует из рассмотрения логических форм и будет полнее представлено в последующем, не есть пустая форма (тем более, схема или фигура)¹, но есть форма содержания, форма его имманентного развития, форма, существующая в содержании, — являющаяся определенностью содержания, — а не метод перехода от предложений к истинностным значениям, от связи предложений к функциям истинности, как это представлено в математической логике. Природа суждения, как мы знаем, антиномична; такова и природа других форм; эта антиномичность, в конечном счете, разрешается в бесконечном умозаклечении, а до этого переход к следующей форме есть частичное разрешение антиномичности предыдущей формы. Так что

¹ Д. Гильберт, Основания геометрии, стр. 360, 366.

переходы, связи логических форм представляют собой имманентное логическое развитие логических форм, именно как содержательных форм, формой чего и является диалектико-логический метод, диалектико-логический способ. Логическое объективно, поэтому логический метод есть определенность, существенная форма имманентной развивающейся связи форм объективной мысли. Как мы уже знаем, несинтетическая логическая связь невозможна, а синтетическая логическая связь представляет собой развитие. Логический метод есть форма имманентного развития содержания.

Мы сперва коротко рассмотрим известные логические, методы. Примем во внимание, главным образом, спорные, неразрешенные стороны этих методов, т.е. то, что они требуют необходимый для них универсальный метод, на основании чего они будут оправданы, как односторонние методы. Больше внимания будет обращено на индуктивный метод, природа которого вызывает много недоразумений. Будет дана попытка оправдания индукции как логического метода доказательства. Особо будет рассмотрена природа диалектического метода, как метода доказательства.

§ 200. Формально-логическая дедукция

«Дедукцию» часто понимают широко — отождествляют ее с доказательством вообще. Мы здесь рассмотрим «дедукцию» в узком значении, как один из методов доказательства; рассмотрим очень коротко, поскольку природа дедукции известна. В основном рассмотрим недостатки дедукции, как метода доказательства, и ее спорные стороны, именно такие, предусмотрение которых приведет нас к необходимости диалектического метода для дедукции.

Дедукция, вообще, понимается как вывод частного из общего, применение-использование-приложение общего к частному. Дедукция есть необходимое получение из общего не более общего; это необходимое получение из общего общего, менее общего или частного, подчинение частного общему.

Если дедукция есть выведение частного из общего, то надо сказать и то, что она не осуществляет его, не оправдывает себя. Для того, чтобы сделать эту мысль ясной, возьмем пример категорического силлогизма; во всех модусах категорического силлогизма в действительности из общего получается общее, из частного частное, а не из общего частное. Например, в Barbara из общих посылок получается общее заключение, и т. д. В Darapti и в Bramalip-e как будто из общего получается частное, но в действительности в этих модусах частное заключение получается из частных, существующих в посылках; нераспределенное в посылках понятие есть частное и оно повторяется в частном заключении; поэтому, здесь имеется получение частного из частного, а не из общего (общая форма предложения не равняется общности мысли суждения; общим предложением может быть выражена частная мысль). Вывод частного из общего запрещается и тем, что из рода не получается специфичность вида.

Вследствие отмеченного здесь надо сказать и то, что дедукция есть метод аналитического вывода. Если в дедукции общее получается из общего и частное из частного, то с точки зрения категориальности мы имеем дело с повторением одного и того же. Если понимать дедукцию, как получение частного из общего, то и тогда имеется аналитичность, именно частичное повторение (частное есть часть общего). Если общее вытекает из общего и частное из частного, то такое повторение логически есть только аналитичность; рассуждая точнее, такая аналитичность не есть никакое выведение, поскольку, если дано общее и оттуда выводим опять общее, или, если дано частное и оттуда выводим опять частное, это означает, что мы ничего не получили и остались там же, с чего начали. «Аналитическое выведение» не согласуется с самим собой, оно невозможно, поскольку выведение может иметь место только там, где имеется выведение нового. Постольку дедукция, как логический метод, не оправдывается.

Дедуктивные умозаключения известны как опосредствованные умозаключения. Дедукция должна быть методом логического опосредствования, но она не выполняет этого назначения. Известные до сегодняшнего дня формально-логические дедуктивные умозаключения представляют собой непосредственные связи. Например, категорический силлогизм есть не опосредствованное получение следствия из основания, а непосредственное. Аналитическое умозаключение не может быть опосредствованным, поскольку в нем следствие непосредственно вытекает из основания; следствие подразумевается в основании и поэтому для его выведения нет надобности в среднем в

опосредствовании. В посылках категорического силлогизма друг с другом связаны три понятия, отсюда в заключение переходит связь двух понятий, пропущено третье понятие и связь с ним, т.е. заключение есть сокращенное высказывание посылок.

Поскольку дедуктивное умозаключение непосредственно, постольку надо сказать, что оно сводится к суждению. Например, категорический, силлогизм, как это мы рассмотрели выше, сводится к суждению. Поскольку в дедуктивном умозаключении имеется непосредственная связь основания со следствием, постольку оно сводится к условному суждению «если—то», «если есть основание, то есть следствие». Логическое отношение основания и следствия, ясно, не сводится к импликации; отношение основания-следствия является гораздо более сложным, чем «или отрицание истинности основания, или истинность следствия». Дедукция как отношение основания-следствия, не может быть оправдана, если она аналитична, поскольку повторение основания в следствии, с точки зрения доказательства представляет собой ошибку, ошибку логического круга. Так что в формально-логической дедукции не оправдывается также и условное, отношение. Оправдание условного отношения возможно только на основании безусловного, а это не учтено, в теории формально-логической дедукции.

Дедукция есть такой метод доказательства, когда доказательство опирается на заранее допущенное недоказанное и вывод из такого недоказанного называется доказательством. Вследствие этого в дедукции имеет место несоответствие: 1) Логическая связь недоказанного с доказательством есть противоречие — ошибка. 2) То, что должно быть получено в последующем, принято заранее, т.е. доказываемое то, чем оно должно быть доказано. 3) Доказательство понимается как сведение, а сведение, к недоказанному упраздняет доказательство и т. д. Следовательно, в дедукции имеется как круг, так и неоправданность доказательства. Этот круг есть тавтологичность доказательства — пустота. Опираемость доказательства на логически недоказанное может только частично осуществлять доказательство, если то, что берется в дедукции недоказанно, будет оправдано другим путем, другим методом доказательства.

Таким образом, в дедукции, как в доказательстве, имеется момент недоказанного и недоказанности, что разрушает дедуктивный метод — отрицает и делает его невозможным, если не снять его (момент недоказанности), но такое снятие в самой дедукции не оправдывается, его оправдание невозможно, поскольку дедукцией называется именно такое доказательство, логической опорой которого является недоказанное (аксиомы). Это уже означает, что для оправдания дедукции требуется, другой метод, который снимет момент недоказанности. Но если это так, то сама дедукция есть не полный, совершенный, а односторонний, частный метод логического — метод, основанный на другом методе, но так что это обоснование, со своей стороны, не может быть дедуктивным, в противном случае, недостаток дедукции будет повторяться бесконечно.

Указанный здесь недостаток дедукции требует существования другого логического метода, имеющего большую логическую силу, чем дедукция, и, вместе с тем, недедуктивный характер. Вышеуказанный недостаток дедукции должен быть использован не для ее отрицания, что нелепо, ибо она необходима (это доказывается ее плодотворным использованием в науках), а для того, чтобы возвыситься до универсального логического метода; т.е. понятие доказательства требует снятия недостатков дедукции, а не ее самой.

§ 201. Формально-логическая индукция

Проблема индукции будет полностью рассмотрена ниже. Здесь мы коротко рассмотрим природу формально-логической индукции, для того, чтобы показать несколько трудностей, предусмотрение которых необходимо для понимания диалектического метода, как метода доказательства. Индукцию понимали как метод исследования: 1) индукция Сократа и Платона («эпагоге») означала восхождение от представлений, как от частных, к понятию, как к общему; это было поиском и нахождением общего, выявлением и преодолением противоречия, существующего в частных представлениях. 2) Индукция Ф. Бекона есть восхождение от фактов как от частного, к законам, как к общему; анализом фактов, их исследованием — поиск и открытие общих законов; индукция была представлена как метод открытия.

Индукция, как 1) получение общего из частного и 2) открытие законов в фактах, представляет

собой метод исследования или познания. Индукция, с точки зрения Аристотеля, есть метод восхождения к общему от «первого для нас» — от данного в ощущениях, — к «первому по природе». Поскольку, с точки зрения Аристотеля, возможно только нахождение, открытие общего, а не получение его с «силлогистической необходимостью», постольку индукция есть метод только открытия, а не доказательства. А с точки зрения Ф. Бекона, Дж. С. Милля и других, индукция есть не только метод открытия, но и метод доказательства, единственный, универсальный метод.

Несмотря на многие попытки, индукция до сегодняшнего дня не оформлена как логический метод доказательства, поскольку остались непреодоленными трудности, указанные еще Аристотелем. С точки зрения Аристотеля, частные (частные суждения) не представляют достаточного основания для общего, т.е. переход от частного к общему не имеет характера «силлогистической необходимости». Невозможно на основании нескольких частных сделать вывод обо всем; то, что нескольким единичным присущ какой-нибудь признак, не дает основания для заключения того, что всем присущ этот признак. Посредством меньшего понятия среднее не связано с логической необходимостью с большим понятием. Невозможно осуществление того умозаключения, среднее которого есть меньшее понятие, высказывающее единичное. Против этих воззрений Аристотеля в новое время было выдвинуто много аргументов, но представить индукцию логическим методом доказательства не смог ни один логик. Индуктивный метод был признан единственным методом доказательства эмпиристами (Милль и др.), но современные позитивисты — Рассел и другие — не считают его логическим методом.

Несмотря на то, что обосновать индукцию как логический метод доказательства пока не удалось, ее все-же признают индуктивным умозаключением. По сей день господствует воззрение, что индукция не есть осуществление необходимости, но она все-же есть умозаключение, поскольку возможно и вероятностное умозаключение; индукция считается именно вероятностным умозаключением; из нескольких частных можно сделать вывод, что вероятно все являются таковыми, каковы некоторые.

Индуктивное умозаключение признано вероятностным, поскольку: 1) общее, которое получается на основании частных, понимается номиналистически — как «все», а «все», если их бесконечное множество, исчерпать невозможно. 2) Пересчитать бесконечность невозможно, поэтому понятие, которое касается бесконечно многих вещей, не может быть установлено с логической необходимостью.

Таким образом, если умозаключение вообще невозможно без осуществления логической необходимости, а вероятность не есть необходимость, то, ясно, что индуктивное умозаключение нельзя считать умозаключением, поэтому и индукция не будет логическим методом, методом доказательства. Она может остаться одним из методов исследования, открытия.

Эта трудность индукции по другому означает, что индукция не есть логический метод, потому, что индукция есть синтез; переход к общему от нескольких частных, переход от частного к общему имеет, разумеется, синтетический характер (Рассел определенно указывает, что индукция имеет синтетический характер и поэтому она не есть логический метод)².

Но индукцию можно понимать как аналитическую: 1) полная индукция аналитична, поскольку перечисление всех конечных единичных и отсюда заключение обо всех единичных есть повторение одного и того же, если, конечно, «все» то же самое, что и «все единичные», 2) аналитична и неполная индукция, если понимать ее, как переход от частного к нескольким частным, и эти несколько уже перечислены при осуществлении индуктивного умозаключения; если, как было сказано, индукция является вероятностной, т.е. общее из частных получается только вероятно, тогда частные, перечисленные при этом, составляют «все», т.е. необходимость остается опять-же в сфере частного.

Таким образом, можно сказать, что вероятность индукции определяется номиналистическим общим и «дурной» бесконечностью, нескончаемостью «всех».

Еще Сократ заметил, что общее получается путем индукции, но не создается этим путем; понятие, как общее для представлений, получается преодолением их ограниченности, но не создается на их основании. Понятие не создается на основании представлений, поскольку выбор

² Б. Рассел, Человеческое познание, стр. 396, 411, 530.

определенных представлений уже заранее подразумевает понятие; например, для создания понятия человека надо опираться на частных людей и на представления о них, а это значит, что у нас уже имеется понятие и именно на его основании выделяем людей из других видов животных. Это обстоятельство, на которое в новое время указали многие, было известно уже Сократу. С точки зрения Сократа, понятие не создается, а мы его рождаем (для чего надобен метод «майевтики»). Следовательно, Сократ почувствовал, что индукция, которая идет к общему, заранее исходит из общего; т.е. для индукции необходим другой метод.

На основании вышеуказанных трудностей можно сказать, что индукция есть метод исследования, а не доказательства; отождествление этих двух методов — оформление метода исследования в метод доказательства кажется невозможным (правда ли это — выяснится в дальнейшем).

§ 202. Формально-логическая редукция

Формально-логическая редукция есть один из видов редукции (существуют также, феноменологическая редукция, диалектическая редукция и др.). Но здесь мы не рассматриваем виды редукции, выражение «формально-логическая редукция» употребляем в широком значении, именно в значении недиалектической редукции.

Редукция, вообще, означает переход от следствия к основанию, приведение следствия к основанию, оправдание следствия в основании, обратное умозаключение от следствия к основанию. Редуктивный метод есть способ перехода от следствия к основанию.

Трудности дедукции и индукции, часть которых была рассмотрена выше, вынуждали логиков обращаться к редукции. Если, например, трудность дедукции состоит в том, что она исходит из недоказанного, которое заранее допускается в начале доказательства, редукция, как будто преодолевает эту трудность, поскольку она не исходит из заранее допущенного, а наоборот, приходит — заключает к нему, как именно к основанию. Например, если в дедукции от общего идем к единичному, т.е. единичное объясняем общим (тогда как общее остается необъясненным), то редукция переходит от единичного к общему, приводит единичное к общему. Например, существуют тождественные камни, деревья и т. д. Их объяснение возможно на основании тождества. Мысль о тождественных камнях заранее подразумевает тождество, как таковое. Тождественность камней есть частное тождество, а частичное объясняется полным, поэтому оправдание частного осуществляется его приведением к общему (редукция исходит из «анамнезиса» Платона).

Как мы знаем, индукция есть переход от единичного к общему. Из вышесказанного видно, что и редукция есть переход от единичного к общему. Здесь различие состоит в том, что основанием индукции является единичное, а следствием — общее; редукция же переходит от единичного, как от следствия, к общему, как к основанию. Одним словом, редукция есть логический путь, противоположный индукции.

Редукция признает правильным то, что в формальной логике признано ложным. Таково отношение редукции и условно-категорического силлогизма. Путь редукции есть, так сказать, регрессивно-положительный, модус, что в условно-категорическом силлогизме считается ошибкой. В условно-категорическом силлогизме этот модус считается ошибкой, поскольку следствие может иметь много причин или оснований, поэтому нельзя от существования следствия заключать к существованию причины. Несмотря на это, наука заключается именно в открытии причины или реального основания; дано следствие, надо найти его причину или основание. С другой стороны, переход к основанию требуется и доказательством, поскольку доказательство должно найти основание для оправдания данного тезиса. С этой стороны, путь доказательства противоположен пути умозаключения. Вместе с тем, как было сказано, для логики необходимы снятие недоказанности основания и приход к основанию, а не только выход из него. Таким образом, редукция нужна как для теории познания, так и для логики; она как будто должна быть универсальным методом для познания и для логического доказательства. Именно поэтому и обращались к редукции как к методу, преодолевающему трудности формальной логики. Поэтому и было, что дедукцию и индукцию считали методами частных наук, а редукцию — универсально-

философским методом (напр., Акос фон Паулер)³.

Универсальность редуктивного метода видели и в том, что каждое умозаключение считали редуктивным. Дедукция, правда, есть выведение частного из общего, но в действительности она (например, категорический силлогизм) представляет собой оправдание заключения, она оправдывает заключение в основании, мысль заключения сводит к основанию; выведение следствия из основания есть оправдание следствия в основании. Также и индукция; она выводит общее из частного, но она есть оправдание частного в общем, как в основании. Поэтому, некоторые логики индукцию считают видом редукции.

О редукции будет разговор и ниже; мы окончательно оценим ее там, где окончательно будет оценена формально-логическая дедукция и индукция — при рассмотрении отношения этих методов друг к другу; а здесь о редукции мы скажем только следующее: редуктивный метод только тогда будет иметь смысл логического метода, только тогда будет логически оправдан, когда будет выяснена форма редуктивного умозаключения, его природа, т.е. когда будет создана логика редуктивного умозаключения. Но формальная, недиалектическая логика не смогла выяснить природу редуктивного умозаключения; редукция не была оформлена в виде умозаключения. Редукция осталась методическим приемом и требованием того, что она должна оформиться в виде умозаключения.

Редукция будет оправдана, если существует редуктивное умозаключение, если будет выяснена его логическая форма, т.е. 1) если выведение основания из следствия примет форму умозаключения; если применение следствия как основания не упразднит следственность следствия и принятие основания как следствия не снимет основание (переход от следствия к основанию ведь должен быть тем же, что и переход от основания к следствию?), следствие, должно остаться следствием, а основание основанием, но логический переход должен быть переходом от следствия к основанию. 2) Редукция будет оправдана, если будет открыта форма умозаключения перехода от тезиса к основанию; когда дан тезис, тогда ищут его основание; а редуктивная логика требует замены «поиска» определенным переходом, имеющим природу логической необходимости, форму умозаключения. 3) Редукция будет оправдана, если путь открытия реального основания, путь познания совпадет с логическим путем. Как это будет выяснено ниже, все указанные, здесь требования положительно осуществляются только в диалектико-логическом методе, содержащем редукцию в качестве одного из необходимых моментов.

§ 203. Аксиоматический метод

Аксиоматический или логистический метод⁴ является методом математической логики. Его содержание, коротко, заключается в том, что должен быть построен логический или формализованный язык. При его построении опираются на часть какого-нибудь обыкновенного языка, применяют ее, формируя словарь и правила языка. В этих правилах должна осуществиться теория или система логического анализа. Мы должны применять один язык, чтобы говорить о втором языке. Поэтому отличают друг от друга объект-язык и мета-язык; применение языка для того, чтобы говорить на этом языке об этом языке, не может быть методом построения формализованного языка (хотя отмечают и то, что после построения формализованного языка можно задним числом отразить в языке процесс его построения, т.е. не отрицается возможность совпадения объект-языка и мета-языка). Одним словом, посредством части какого-нибудь обыкновенного языка, исключая содержательность, строят формальную часть нового языка, этим получают неинтерпретированное исчисление или логическую систему. Более подробно это осуществляется следующим образом.

Словарь языка создается выписыванием единых символов, которые предполагается применять. Они называются начальными символами формализованного языка (таковы константы, переменные, связи и операторы, добавляют и скобки). Следует отметить, что: 1) при построении языка не используются его части и 2) начальные символы следуют друг за другом в определенной последовательности. Конечная последовательность начальных символов называется формулой. Из всех формул, согласно определенным правилам, выделяются т.н. правильно построенные формулы

³ См вышеназванные труды Паулера.

⁴ А. Черч, Введение в математическую логику, 1, стр. 48-56, 317 и др.

(только правильно построенные формулы являются высказываниями). После этого только некоторые правильно построенные формулы объявляются, аксиомами. Наконец, устанавливаются т.н. правила умозаключения, являющиеся правилами действия или превращений. Согласно этим правилам, из определенных правильно построенных формул, как из посылок, непосредственно выводятся другие правильно построенные формулы, как заключения.

Это не непосредственное умозаключение традиционной логики — выводение только из одного суждения, как из посылки (из основания) второго, как заключения (следствия). В математической логике непосредственное умозаключение понимается как выведение однократным применением одного из правил умозаключения. В неинтерпретированной логической системе термины «посылка», «непосредственно вытекает» и «заключение» имеют только то содержание, которое им дается правилами умозаключения.

Конечная последовательность, состоящая из одной или нескольких правильно построенных формул, называется доказательством, если каждая из правильно построенных формул в последовательности есть или аксиома, или непосредственно вытекает из предыдущих правильно построенных формул согласно одному правилу умозаключения.

Доказательство есть доказательство последней формулы в правильно построенной последовательности формул; а теоремами логической системы называются те правильно построенные формулы, для которых существует доказательство (в частности, каждая аксиома системы есть теорема, доказательство которой состоит из единственно правильно построенной формулы — из самой аксиомы). Вышеописанная схема, именно, начальные символы логической системы, правила, согласно части которых некоторая формула объявляется правильно построенной (правила построения), правила и аксиомы умозаключения, называется начальным базисом логической системы.

Для понимания особенностей логического метода и доказательства в математической логике необходимо учесть понятие эффективности.

Логический метод требует от мета-языка особой эффективности: 1. Данность начальных символов должна быть эффективной в том смысле, что должен существовать метод, который всегда даст возможность эффективно определить, есть или нет какой-нибудь данный символ один начальный символ. 2. Определение правильно построенной формулы должно быть эффективным в том смысле, что должен существовать метод, всегда дающий возможность эффективно определить, правильно построена или нет какая-нибудь формула. 3. Данность аксиом должна быть эффективной в том смысле, что должен существовать метод, дающий возможность эффективно определить, есть или нет данная правильно построенная формула одна из аксиом. 4. Правила умозаключения, взятые вместе, должны быть эффективными в том строгом смысле, что должен существовать метод, который даст возможность определить, непосредственно выводится или нет правилами умозаключения данная правильно построенная формула, как заключение, из данных правильно построенных формул, как из посылок.

Из этих требований вытекает следующее: понятие доказательства эффективно в том смысле, что всегда, когда дана конечная последовательность правильно построенных формул, эффективно можно установить, является она доказательством или нет.

О первом требовании надо сказать следующее: если число начальных символов конечно, то мы легко выполним это требование, полностью переписав их. Но если их число бесконечно, то для определения начальных символов становится нужным особое указание в мета-языке. То же можно сказать и о третьем требовании, хотя иногда лучше опираться на бесконечное число аксиом.

Понятие эффективности есть интуитивно ясное математическое понятие. Говорят, что интуитивное понятие вполне достаточно для различения эффективного от неэффективного. Эффективный метод исчисления, в особенности если он расчленяется на отдельные шаги, из которых последующий зависит от результата предыдущих, называется, алгоритмом (являющимся определенной схемой). Эффективен тот метод исчисления (или алгоритм), для которого, возможно построение вычислительной машины. При неэффективности невозможно определить, имеется или нет доказательство, т.е. является ли последовательность формул доказательством.

Логическая система строится вышеописанным способом, но формализованного языка у нас не будет до тех пор, пока не указана интерпретация. А для этого нужен более широкий мета-язык. Надо применять семантические правила, которые определяют то, что обозначается формулами. Указывают на

то, что для мета-языка требуется мета-метаязык.

Строгость доказательства требует отказа от использования интерпретации, его осуществления только по правилам логической системы. Это требование мотивируется следующим: 1) В вышеназванном доказательстве более точна формулировка традиционного различия формы и содержания; уточнен принцип, согласно которому правильность суждения зависит только от формы (доказательства в логической системе); форма доказательства обща для всех ее содержаний и для разных интерпретаций логической системы. 2) Здесь выполняется требование математической строгости, согласно которому доказательство должно опираться только на аксиомы и ничто другое не должно быть использовано. Это требование расширяется тем, что доказательство опирают только на аксиомы и ход доказательства определяют только правилами умозаключения. 3) Логическая система более надежна и определена чем интерпретации.

Отличают друг от друга неформальный аксиоматический метод и формальный аксиоматический метод. Первый применяется и рассматривается непосредственно в математике. Математические науки начинаются списком неопределенных терминов и списком постулатов, в которых эти термины содержатся и из которых средствами формальной логики выводятся теории («формальная логика» подразумевается заранее). Формальный аксиоматический метод отличается от неформального метода следующим: 1) в логической системе начальные символы делятся на две группы: символы, которые считаются принадлежностью логики, и неопределенные термины, которые считаются принадлежностью математики. Соответственно этому и аксиомы делятся на две группы: логические аксиомы, являющиеся правильно построенными формулами, в которых подразумеваются начальные символы, и постулаты; они содержат и неопределенные термины и считаются определяющими конкретную сферу математики. Правила умозаключения, согласно обыкновенной концепции аксиоматического метода, принадлежат логике, которая лежит в основании системы. В интерпретации семантические правила также делятся на две группы: одни фиксируют общий аспект интерпретации и то, что принадлежит логике, а другие определяют остальную часть интерпретации.

Перейдем к оценке аксиоматического или логического метода. Для математики и ее обоснования он оказался очень плодотворным. Нас здесь интересует только то, что аксиоматический метод не есть метод философской логики; он частно-научный метод, заранее подразумевающий общую логику, как определенное основание. О невозможности аксиоматизации логики будет речь ниже (§230), а здесь мы сделаем только некоторые замечания.

1. Правда, чтобы говорить об одном языке, надо использовать другой, но можно об языке говорить на том же языке; можно написать на английском языке латинскую грамматику (пример Чёрча), но ведь можно написать на английском языке и грамматику английского языка? Грузинская грамматика, написанная по-грузински, не является использованием двух языков. Рефлексивность не создает двух языков в одном и том же языке. Сам Чёрч отмечает, что возможно отождествление объекта-языка и мета-языка. Если это возможно, то рефлексивность обычного языка не делит его на два языка. Если один язык невозможен без второго и если для одного языка необходим второй, то будет невозможным понятие языка; которое может быть только одним.

Если для формализованного языка необходим мета-язык (а для того — мета-метаязык), то он (формализованный язык) имеет недостаток: а) он не может быть единственным языком, б) полная формализация будет невозможной, содержательный момент всегда будет необходим, в) общность языка разлагается, формализованный язык остается частным языком. Это означает и то, что он годен для частной науки, а не для общей логики.

2. Если правила умозаключения суть металогические правила, т.е. если они существуют за сферой логики и необходимы для математической логики, то математическая логика есть не логика, а ее применение, поскольку: а) Схема умозаключения — *modus ponens* — есть необходимая посылка для логической системы. Природа *modus ponens* рассматривается в общей логике, а в математической только применяется, б) Если модусы первой фигуры категорического силлогизма должны быть признаны аксиомами (Лукаевич), то аксиоматически построенная система заранее подразумевает и опирается на то, что изучается, например, логикой Аристотеля; логика Аристотеля, в конце концов, есть не что иное, как выяснение природы первой фигуры силлогизма, в) Аксиомы и правила умозаключения заранее подразумевают все. Поэтому прав Чёрч, который говорит, что правила умозаключения принадлежат логике, которая лежит в основании логической системы. Это значит, что логическая —

аксиоматическая система опирается на логику и не является ею; аксиоматический метод есть частно-научный, а не общелогический метод. Основное понятие в аксиоматической системе есть понятие функции, функционального отношения, а не понятие отношения логического основания-следствия, что и есть содержание логики.

Аксиомы, связи и метаправила для системы все подразумевают заранее. Назначение правил умозаключения состоит в выведении тавтологических положений из тавтологических же положений, в соблюдении тавтологичности⁵. Это значит, что: а) исключается необходимая для логического синтетичность, б) правила вывода, как правила действия, остаются правилами невыведения и бездействия; эти правила пригодны только для математических превращений, для превращений формул, для которых существенен способ подстановки, имеющий математически-механический характер.

3. «Посылки», «заключение», «умозаключение», «непосредственное умозаключение» и «доказательство» есть понятия общей логики, но они применяются в математической логике в другом значении, поскольку здесь не принимается во внимание основное для общей логики, а именно, отношение основания-следствия. Это последнее сведено к импликации; непосредственное умозаключение понимается как превращение, именно, как однократное применение одного правила умозаключения; а доказательство есть последовательность формул, выполненная посредством математических правил; опосредствованные связи сведены к непосредственным превращениям (так же, как Лукасевич сводит Barbara к условному предложению и т. д.). Но, главное все-таки то, что правила умозаключения объявлены посылками логики; использования схемы умозаключения в качестве посылки есть вынос умозаключения за умозаключение; представление природы умозаключения посылкой умозаключения является логической ошибкой с общелогической точки зрения. Этой ошибки нет в математической логике, так как она есть применение логики, а не сама логика. Указанная ошибка имеется тогда, когда математическую логику принимаем за общую логику и пытаемся аксиоматизировать последнюю. Начальный базис, как мы видели, представляет схему, поэтому математическая логика есть специальная наука, имеющая математический характер. Об этом свидетельствует и то, что, как было сказано, доказывается даже аксиома; это обстоятельство понятно только тогда, если общелогическое понятие доказательства заменим математическим понятием доказательства, именно, если поймем доказательство, как правильное построение формулы.

4. Сказанное станет более ясным, если вспомним одно положение Черча, указанное выше; именно, что доказательство от недоказательства мы отличаем посредством интуиции и что понятие эффективности есть интуитивно ясное математическое понятие. Это значит, что в математической логике нет логического правила, по которому можно отличить доказательство от недоказательства; в математической логике неясно, чем объясняется выбор аксиом и правил и как целиком охарактеризовать полученные из них доказанные формулы, отличающиеся вообще от формул исчисления⁶. То, что определяет общелогический метод, не может быть ни металогическим и ни интуицией, как это имеет место в логистическом методе.

5. Для уяснения характера доказательства в математической логике приведем один пример доказательства из книги Гильберта и Аккермана⁷. «Если существует сын, то существует отец», что символически выражается так:

$$(Ex)S(x) \rightarrow (Ex)V(x),$$

где $S(x)$ означает « x есть сын», а $V(x)$ — « x есть отец». Доказательство этого предложения возможно, если мы разложим находящиеся в нем предикаты. В понятии сына подразумевается, с одной стороны, предикат «мужчина», с другой стороны отношение сына к родителям; в понятии отца подразумевается отношение к жене и к сыну. Если мы заменим « x есть мужчина» признаком $M(x)$ и выразим предикат « x и y — родители Z » (или точнее: x и y , как муж и жена, имеют сына z) посредством символа $K(x, y, z)$, тогда мы можем определить $S(x)$ так:

⁵ А. Черч, Введение в математическую логику, стр. 121.

⁶ Д. Гильберт и В. Аккерман, Основы теоретической логики, стр. 237, 238.

⁷ Там же, стр. 89—90.

$$M(x) \cdot (E u) (E v) K(u, v, x)$$

(«х есть сын» означает «х есть мужчина, и существуют такие u и v, что u и v как муж, и как жена являются родителями х»). Так же определяется $V(x)$:

$$(E y)(E z) K(x, y, z)$$

(«х есть отец» означает «существуют такие у и z, что х и у как муж и жена, являются родителями z») Если мы указанные изображения подставим для $S(x)$ и $V(x)$, то получим следующее:

$$(E x)[M(x) \cdot (E u)(E v)K(u, v, x)] \rightarrow (E x)(E y)(E z)K(x, y, z)$$

Эта формула выражает отношение последовательности между двумя высказываниями; вопрос доказательства сводится к тому, чтобы от одного высказывания дойти до второго путем ряда «умозаключений», каждое из которых доказано в исчислении. Мы здесь применяем принцип, согласно которому из двух отношений предложений $A \rightarrow B$ и $B \rightarrow C$ возможно всегда заключить, что $A \rightarrow C$.

Этот пример ясно показывает, что в математической логике доказательство есть разложение данного и установление определенных связей его частей согласно заранее данному принципу, вытекающему из общей логики, а сами связи имеют математико-логистический характер.

6. Как известно, главная проблема математической логики есть проблема разрешимости. Проблема всегда — истинности и выполнимости, которые эквивалентны, — известна как одна проблема — проблема разрешимости. Проблема выполнимости отвечает на следующее: как должна разрешиться задача, является или нет данное выражение всегда ложным, или существуют такие высказывания, которые удовлетворяют ему, т.е. для которых оно является истинным. Формула чистого исчисления предикатов, в которой нет никаких индивидуальных знаков, выполняема в сфере индивидуумов, если возможно заменить переменные высказывания значениями «истина» и «ложь», переменные предикаты — какими-либо специальными предикатами, которые определяются в соответствующей сфере, и свободные предметные переменные — индивидуальными предметами так, чтобы формула превратилась в истинное высказывание⁸.

Получение общезначимого (тавтологического) предложения посредством таблицы осуществляется следующим образом: возьмем примеры:

а)

A	A	$A \rightarrow A$
И	И	И
Л	Л	И

$A \rightarrow A$ есть закон тождества, который является всегда истинным, представляет тавтологию.

б)

A	$\bar{A}$	$A \vee \bar{A}$
И	Л	И
Л	И	И

$A \vee \bar{A}$ есть закон исключенного третьего, который является всегда истинным, представляет тавтологию.

в)

A	$\bar{A}$	$A \cdot \bar{A}$	$\overline{(A \cdot \bar{A})}$
И	Л	Л	И
Л	И	Л	И

$\overline{(A \cdot \bar{A})}$ есть закон невозможности противоречия, который всегда является истинным, представляет тавтологию.

⁸ Д. Гильберт и В. Аккерман, Основы теоретической логики, стр. 42, 146, 147.

A	B	C	$A \rightarrow B$	$B \rightarrow C$	$(A \rightarrow B) \cdot (B \rightarrow C)$	$A \rightarrow C$	$[(A \rightarrow B) \cdot (B \rightarrow C)] \rightarrow (A \rightarrow C)$
И.	И.	И.	И.	И.	И.	И.	И.
И.	И.	Л.	И.	Л.	Л.	Л.	И.
И.	Л.	И.	Л.	И.	Л.	И.	И.
И.	Л.	Л.	Л.	И.	Л.	Л.	И.
И.	И.	И.	И.	И.	И.	Л.	И.
И.	И.	Л.	И.	Л.	Л.	И.	И.
И.	Л.	И.	И.	И.	И.	И.	И.
И.	Л.	Л.	И.	И.	И.	И.	И.

Это доказывает то, что гипотетический силлогизм есть всегда истинное (тавтологическое) высказывание, т.е. представляет закон.

Проблема разрешимости легко разрешается в исчислении предложений; здесь доказательство имеет чисто механический характер, как это видно из приведенной таблицы. В исчислении предложений проблема разрешимости осуществляется посредством таблиц и путем использования конъюнктивных и дизъюнктивных нормальных форм. Но в исчислении предикатов, которое представляет главную часть математической логики, проблема разрешимости не разрешается, как это доказал Черч. В исчислении предикатов невозможно найти всеобщий разрешающий метод проблемы разрешимости; т.е. невозможно осуществление доказательства чисто механически. Это означает то, что главная задача математической логики остается неразрешенной.

7. Как было сказано, в исчислении предикатов не разрешается проблема разрешимости; не существует полной системы тождественных (тавтологических) формул аксиом. Но в 1931 году Гёдель доказал еще больше, именно следующее: для произвольной системы основных формул и правил умозаключения можем указать на тождественные формулы, которые не могут быть выведены (вопрос касается неполноты логистической системы). Согласно Гёделю, каким бы полным и всеобъемлющим не был метод доказательства, можно всегда найти предложения, которые являются истинными лишь только тогда, когда их невозможно доказать посредством данного метода. Это обстоятельство приводит нас к альтернативе: теория, более или менее богатая содержанием, является или неполной или ложной. И в самом деле, если предложения (о которых говорит Гёдель) являются истинными, тогда они не подлежат доказательству, и, следовательно, в пределах теории существуют истинные предложения, которые не могут быть доказаны посредством метода, примененного в теории.

Такая теория неполна, ее полная аксиоматизация невозможна. Если указанные предложения подлежат доказательству, тогда они ложны. Но теория, посредством которой доказываются ложные предложения, является ложной. Таким образом, доказана ограниченность логистического метода.

Здесь надо отметить и то, что расширенное исчисление предикатов, в конечном счете, приводит к трудности логической рефлексивности, разрешение которой невозможно, если мы ограничимся логикой однозначности понятия (как это отметил G. Günther). Известно то, что расширенное исчисление предикатов приводит к парадоксам, которые создаются именно рефлексивностью. Такова, например, трудность: предложение «все предложения являются или истинными или ложными» само есть одно из предложений, но оно определяется именно отношением к совокупности всех предложений.

Эта и такие трудности которые связаны с логической рефлексивностью, разрешаются только в диалектической логике, как это мы доказываем в нашем труде.

Аксиоматический метод, как это было указано и выше, опирается и исходит из природы времени и пространства. Это доказывается, в первую очередь, точкой зрения Гильберта, о которой мы коротко говорили выше, а здесь мы ее представили сравнительно более широко. Как мы знаем, с точки зрения Гильберта и Аккермана, формализм исчисления предложений и исчисления классов (исчисления

одноместных предикатов, в котором подразумевается и логика Аристотеля) очень узок сравнительно с тем, что необходимо для исчисления предикатов, где основными являются отношения, каково, например, пространственное отношение между точками, именно, симметричное отношение между точками («если В находится между А и С, тогда В находится между С и А»), или такое отношение, каково отношение между сыном и отцом⁹. Мы отметили и то, что такие отношения есть отношения вещей, которые не должны входить в логику; они представляют математические отношения (отношение между величинами не есть отношение понятий, поэтому оно принадлежит математике, а не логике, то же касается и многих других отношений вещей).

То обстоятельство, что аксиоматический метод математической логики связан именно с природой времени и пространства, ясно показывает Гильберт в своем труде «Основания геометрии». Гильберт согласен с философией Канта в признании того, что логическому предшествует нелогическое, конкретные объекты, которые даются в непосредственном созерцании¹⁰; доказательство должно опираться на содержательно-натуральное¹¹; формализованное доказательство есть конкретная и наглядная вещь¹²; «доказательство есть фигура, которая должна предстать перед нами наглядно»¹³.

С указанным здесь воззрением Гильберта согласны многие современные исследователи и это они своеобразно доказывают и выражают. Так, например, Курт Вухтерл в своем труде «Чистая и математическая логика» отличает друг от друга две логики: 1) *Logik als Kanon des Denkens*, это есть формальная (общая) логика Канта, и 2) *Logik als Organon*, к которой относится и математическая логика, и которая есть применение общей логики в конкретной сфере. *Die Logik als Kanon* есть предварительное основание ее любого применения, в частности и математической логики. Вухтерл отмечает что структурные теории современной математики и логистика сводятся к представлению о конструкциях чистой интуиции, которое развивается Кантом, при этом указывается на чистую чувственную интуицию (*reine Anschauung*) как на основание¹⁴. Поэтому, математическая логика, говорит Вухтерл, имеет эстетический характер (как известно, в «трансцендентальной эстетике» Канта, как в учении о времени и пространстве, т.е. как в обосновании науки математики, использован смысл греческого слова «аистезис»).

Все это, ясно, не означает того, что математическая логика опирается на субъективный идеализм Канта; нет, это означает только то, что она имеет «эстетический характер», т.е. доказательство, примененное в математической логике, опирается на природу времени и пространства и поэтому имеет математически механический характер. Как это было выяснено выше, доказательство есть последовательность формул, где умозаключения осуществляются только применением метаправил, т.е. из природы аксиом ничего не выводится без помощи внешних средств, т.е. не реализуется внутреннее необходимое следование, что для логики является главным и основным.

Следовательно, мы можем сказать, что логистический (аксиоматический) метод не есть метод общей логики, философской логики, он представляет специальный метод специальной науки. Он не есть метод философствования; он в философских трудах нигде не применяется, является лишним для них.

§ 204. Гипотетический метод

«Гипотетичность», которую подразумевает гипотетический метод и о которой мы должны здесь говорить, не производится из обычно понятой «гипотезы», как из произвольного допущения положения. «Гипотетичность», подразумеваемая гипотетическим методом, производится из греческого «гипотезиса», как из первого положения — «первого тезиса». Для этой «гипотетичности» существенна определенная необходимость, именно, необходимость первого. Необходимость «первоположения» есть необходимость логического условия или основания, это приблизительно такая необходимость, какова необходимость категории логического, о чем мы говорили выше. Необходимость

⁹ Д. Гильберт, В. Аккерман, Основы теоретической логики, стр. 81, 82.

¹⁰ Д. Гильберт, Основания геометрии, стр. 351.

¹¹ Там же, стр. 373.

¹² Там же, стр. 377.

¹³ Там же, стр. 366, 360.

¹⁴ Kurt W u c h t e l , Reine und mathematische Logik. Eine Deutung auf dem Boden der Philosophie Kants., "Zeitschrift für philosophische Forschung" B. XVIII, H. 3. 1963. S. 408.

«перво-положения» заключается в том, что невозможно его неприменение, оно необходимо всегда и для всех положений в логике, в том числе и для самого себя. Здесь имеется логическая рефлексивность.

Гипотетический метод есть своеобразный метод логической рефлексии. Это метод необходимого основания, метод необходимости основания для следствия. Он представляет собой один из методов, получения необходимости основания для следствия (поэтому его нельзя отождествлять с «методом постулирования», который применяют философы современного буржуазного Запада).

Гипотетический метод сходен с методом редукции, но отличается от него, так как редукция есть необходимый переход от следствия к основанию, а в применении гипотетического метода осуществляется действие необходимого для следствия основания при полагании самого следствия. Существование следствия означает уже действие в нем основания. Здесь ни из следствия не вытекает основание, ни из основания — следствие. «Первое» как условие не существует ни после и ни только заранее. Оно есть «первое» во «втором» и «второе» — в «первом».

В истории логики и вообще в истории философии гипотетический метод применяли по-разному, хотя это был в сущности один и тот же метод. Возьмем несколько примеров, чтобы было понятно, о чем идет речь. В этом отношении образцами могут служить Платон и Кант.

1. Платон применяет гипотетический метод, заключающийся в следующем: а) для него идея есть «гипотезис», поскольку она есть определенное, своеобразное основание или «причина»¹⁵, «первообраз» или сущность, от которой зависит все, сущностью чего она является. Эта «причина» или «первообраз» независим и действует в зависящем от него. Например, тождественные камни зависят от тождества, которое действует в них. Существование и понимание тождественных деревьев означает понимание того тождественного, которое существует независимо и само по себе, но «действует» в зависящих от него. Понятие тождественного оправдывается понятием тождества, а не наоборот. Таким образом, для Платона «гипотетичность» «действует» в существовании, в познании и в логическом. Гипотетический метод есть метод «первой философии», если выражаться словами Аристотеля. С нашей точки зрения, гипотетический метод, применяемый Платоном, есть категориальный, универсальный метод, действие которого есть «действие» категории логического.

2. Метод, применяемый в «Пармениде» Платона, есть «гипотетический метод», заключающийся в оправдании нечто его следствиями. Применение гипотетического метода есть осуществление гипотетического доказательства, которое в «Пармениде» Платона заключается в том, что принятие-непринятие нечто должно быть выведено из следствий допущения-недопущения этого нечто; следствия должны оправдать допущенное положение. В диалоге «Парменид» дана своеобразная диалектика единого и неединого, которая может быть разделена на две части: 1) допущение единого и принятие-непринятие допущенного на основании полученных отсюда следствий; 2) допущение отрицания единого и оценка допущения полученными отсюда следствиями. Более точно схема основной части «Парменида» заключается в следующем: I. Допущение единого; 1) следствия для единого, а) — при абсолютном допущении единого, б) — при относительном допущении единого, в) — при синтезе обоих этих допущений; 2) следствия для другого (неодного); а) при относительном полагании единого, б) при абсолютном полагании единого. II. Отрицание единого; 1) следствия для единого, а) при относительном отрицании единого, б) при абсолютном отрицании единого.

Как видим, диалог «Парменид» состоит из двух главных частей: 1) тезис (полагание единого), 2) антитезис (отрицание единого); но ему не хватает синтеза-результата; антитетика в этом диалоге осталась как будто неразрешенной, неразрешенным осталось то, до чего дошла антитетика, представленная в диалоге в развернутом виде, как будто цели этого диалога Платон не достиг. С нашей точки зрения, это не так. Об этом свидетельствует один фрагмент из «Государства» Платона, где говорится, что учение об едином направляет дух и возвышает его до созерцания сущего¹⁶. И в самом деле, с точки зрения гипотетического метода, примененного в «Пармениде» Платона, развернутая в этом диалоге антитетика должна разрешиться не в последующем, а в «перво-основании», на почве чего и применением чего она и возможна; «синтез» не в последующем, а впереди, он есть вперед допущенное первое, стоящее выше противоречия и действующее в противоречии, которое имеет смысл и возможно только на основании «первого», подлинного «сущего».

¹⁵ См. Платон, Федон, 100В.

¹⁶ Платон. Государство, стр. 525А.

Правда, в методе, примененном в диалоге, используется и обычно понятая гипотетичность (условное допущение), но главное здесь — полагание безусловного первого.

2. Трансцендентальный метод Канта, вообще говоря, есть метод применения нечто в качестве необходимого средства. Это необходимое средство, вместе с тем, и достаточно. Оно не только априорное, но и трансцендентальное условие (время, пространство, категории, в определенном смысле — и идеи). Объяснение того способа, каким образом понятия находятся в априорном отношении к предметам, каким образом априорно принадлежат им, есть трансцендентальная дедукция¹⁷. Средства, которыми предметы даются в познании, есть чистые формы чувственного созерцания — время и пространство. Те средства, которыми осуществляются суждения, есть категории. Единство есть необходимое и достаточно средство для общего суждения, отрицание есть необходимое средство для отрицательного суждения и т. д. Эти средства представляют собой объективные условия. Они, в одно и то же время, являются как логическими средствами, так и средствами познания, такими логическими средствами, которые составляют необходимые условия знания.

Трансцендентальные условия, разумеется, не вытекают из того, условиями чего они являются; наоборот, они представляют предшествующие условия, но это предсуществование таково, что вне обусловленного они теряют смысл — не представляют собой того, чем они должны быть. Создание предмета этими условиями и полагание объективно значимого понятия предмета одно и то же. Существование предмета невозможно без его условий, так же как и условия представляют именно условия предмета. Общее суждение невозможно без категории единства; единство есть объективное средство — трансцендентальное условие — общего суждения, но единство представляет собой форму именно общего суждения. Единство есть, так сказать, «гипотезис» общего суждения: оно есть его сущность. Если есть условие, то есть и обусловленное. Нельзя сказать, чтобы трансцендентальное условие и обусловленное им имели независимое друг от друга существование, нет, их отношение осуществляется в одном и том же. Здесь имеется самопознание, самообоснование. Для Канта познание предмета есть то же самое, что его создание, так как мы здесь имеем дело с самопознанием, которое логически есть применение нечто в отношении самого себя. Это обстоятельство так и было понято в диалектике Фихте и Гегеля. Именно в теории диалектики было установлено, что категории, как логические формы мысли, применяются в отношении их же. В логике иначе и не может быть. Основные логические средства рефлексивны.

Гипотетический метод есть такой метод, когда полагание нечто осуществляется полаганием им же обусловленного. Если существует знание, существуют его логические условия и наоборот; если существуют логические формы, существуют и их логические условия и наоборот. Здесь имеется своеобразное действие категории логического. Это определенная логическая рефлексивность, где возможны и необходимы обращения в осново-следственных отношениях. Но гипотетический метод имеет и существенный недостаток; это — исключение отрицания, именно внутреннего отрицания, в рефлексии. Если в логической рефлексии не действует внутреннее отрицание, то логическая рефлексия будет невозможной, поскольку все будет сведено к тавтологии, которая осуществляет рефлексию только словесно. Именно вследствие этого получилось так, что трансцендентальное «я» Канта, как тавтологическое, не может быть связующим (несмотря на то, что существует и синтетическое «я»); из частного тождества ничего не вытекает. Диалектика Фихте и Гегеля идет по пути преодоления этого недостатка. В логической связи Гегель видит круг: переход от следствия к основанию и выведение следствия из основания Гегель отождествляет друг с другом; развитие представлено как возвращение к основанию.

Полная логическая рефлексивность, как мы знаем, осуществляется в бесконечном умозаключении — в самоутверждении внутренним отрицанием, где имеется самооснование и поэтому и самоследствие.

§ 205. Взаимнеобходимость дедукции, индукции и редукции

Трудности дедукции, индукции, редукции и других логических методов, на одну часть которых было указано выше, а другую мы рассмотрим теперь, и которые известны в истории логики, показывают не полную негодность этих методов, а то, что они необходимы друг для друга. А эта их необходимость друг

¹⁷ Kant, Kritik der reinen Vernunft², S. 117

для друга, как это будет выяснено ниже, доказывает, что для них, как для частных методов, необходим один универсальный логический метод.

Трудности дедукции показывают необходимость другого метода или методов. Эти трудности были указаны в «новых тропах», направленных против дедукции Аристотеля. «Новые тропы» отметили, что дедукция уходит в бесконечность, что аксиома не в состоянии приостановить такое движение; а движение в бесконечность указывает на невозможность доказательства, поскольку нужда в поисках для каждого основания нового основания беспредельна; но если опасность регресса в бесконечность мы попытаемся ликвидировать круговым доказательством (взаимоказательством положений), то и тогда доказательство упразднится, так как такой круг представляет собой логическую ошибку. Поэтому доказательство вообще невозможно, заключали древние скептики. Здесь трудность или невозможность дедукции отождествляется с невозможностью доказательства вообще. Но такое отрицание дедукции и вообще доказательства, само ложно, так как скептики античного периода сами доказывают невозможность доказательства. Доказывать невозможность доказательства нелепо. Доказательство невозможности доказательства показывает невозможность отрицания доказательства, его необходимость. Поэтому, если дедукция не полноценна, то следует искать другой метод доказательства. Недостаток дедукции указывает на необходимость другого метода доказательства.

На трудность дедукции указали последователи индуктивной логики (Ф. Бекон, Дж. С. Миль и Др.), выявив, что дедукция содержит ошибку *petitio principii*. В силлогистическом умозаключении заключение заранее подразумевается в большей посылке; например, смертность Сократа подразумевается в смертности всех людей, откуда, дедуктивисты заключают о смертности Сократа; требующее доказательства доказывают им же. Это безвыходный круг, который считается показателем ложности дедукции.

Сильнейший аргумент, выявляющий этот недостаток дедукции, с нашей точки зрения, есть *cogito* Декарта. «Мыслю, следовательно, существую» утверждает, что кто мыслит, тот и существует, а не наоборот. Положение «кто мыслит, тот и существует» заранее подразумевает «мыслю, следовательно, существую», поэтому оно не может быть посылкой и не может доказать это последнее; наоборот, если правильно второе положение, тогда и только тогда будет правильным и первое положение; а положение «мыслю, следовательно, существую» есть несомненное положение, поскольку, отрицание мысли само есть мысль, логическое отрицание мысли невозможно; отрицание мысли с необходимостью утверждает мысль.

Если недостаток дедукции заключается в том, что она не в состоянии уйти от бесконечного регресса, и если общая посылка дедуктивного умозаключения требует другого основания и т. д., то определяющим основанием общего должно быть не-общее, частное. Индуктивисты так и думали разрешить эту трудность. Но если основанием общего должно быть взято частное, если общее должно быть доказано посредством частного, то получается, что для дедукции необходима индукция. Дедукция должна опираться на индукцию. Ф. Бекон и Дж. С. Миль утверждали именно то, что индукция, которой мы постигаем общие положения, необходима, но необходимо и применение постигнутых индукцией общих положений к частным; т.е. дедукция есть необходимый элемент для индукции; дедукция подчиняется индукции, представляет собой ее своеобразный вид. Одним словом, недостаток дедукции не упраздняет ее; он показывает необходимость для нее индукции. Если недоказанная опора дедукции (общее) будет доказана, то это доказательство будет индуктивным, поскольку общее должно определяться, доказываться на основании частного. Развитие этой мысли может привести к мнению, что индукция есть универсальный логический метод, а дедукция — подчиненный ей метод, как это и считают некоторые логики. Общее, категориально, подразумевает частное, поэтому дедукция должна с необходимостью подразумевать индукцию и опираться на нее. В борьбе против Платона Аристотель отметил, что общее не имеет самостоятельности, оно есть предикат частного, поэтому зависит от частного (единичного); но он все-таки не смог представить индукцию, как логический метод, наоборот, он отрицает индукцию, как логический метод, и признает только дедуктивный метод.

И не только Аристотель; формальная логика не смогла оправдать индукцию, как логический метод доказательства. Так что, логический метод дедукции, несмотря на его недостаток, все-таки сохраняет свое господствующее положение в логике. Поэтому многие логики утверждают что не индукция подчиняется дедукции, а наоборот — индукция, подчиняется дедукции.

Индукция может быть понята, как вид дедукции, поскольку: 1) Правда, индуктивное умозаключение есть, вывод общего, из частного, получение законов из фактов, но индукция сама невозможна, если, не опирается, на общее. Известно, что опорой индукции был признан принцип

единообразия природы, как наиобщее положение. Поэтому можно сказать, что индукция опирается на дедукцию, поскольку получение общего из частного в качестве основания заранее подразумевает общее — принцип единообразия природы, т.е. она исходит, из общего, и постольку представляет собой каким-то образом вид дедукции. 2) Индукция есть вид дедукции постольку, поскольку она, с точки зрения Аристотеля, есть связь, среднего понятия с большим посредством меньшего понятия, и постольку, с точки зрения Гегеля, формула индуктивного умозаключения есть следующее: О-Е-В (особенное посредством единичного есть всеобщее). Эта форма есть один из видов дедукции — дедуктивного умозаключения. Вместе с тем, этот вид получается дедуктивно из предшествующего ему вида и т. д. 3) Ф. Энгельс прямо отмечает, что индукция начинается с общего, поскольку ее формулу представляет следующее: В-Е-О (всеобщее есть особенное посредством единичного)¹⁸. Если дедукция исходит — начинает с общего, то и индукция, которая начинает с общего, будет видом дедукции. Но если «начало» умозаключения есть среднее, (которое в индукции есть единичное), то в этом смысле индукция начинает с единичного. 4) В математической логике имеют место не только дедуктивные аксиоматические системы, но и попытки построения аксиоматической системы индукции. Применение аксиом для индукции есть подчинение индукции дедукции, представление индукции как вида дедукции. Аксиоматическая система всегда дедуктивна. 5) Как известно, категория единичного определяется общим; вместе с тем, сама категория единичного обща (необщей категории нет). Постольку индуктивность подчиняется дедуктивности. Но это диалектическое, а не обыкновенное индуктивное или дедуктивное подчинение.

Таким образом, надо, сказать, что для индукции необходима дедукция. Главный недостаток индукции заключается в том, что она переходит от частного к общему так, что применяет в качестве основания общее: 1) закон единообразия природы, 2) основанием частного считает общее. Это, на первый взгляд, безвыходный круг, логическая ошибка, преодолеть которую обыкновенная формально-логическая индукция не может. Индукцию невозможно объяснить самой индукцией; «никакая индукция на свете никогда не помогла бы нам уяснить себе процесс индукции»¹⁹. Для индукции необходим другой логический метод. Индукция есть логический метод с недостатками.

Представление дедукции и индукции, как независимых методов, отрыв их друг от друга, оставляет проблему доказательства открытой, так как их отдельное оправдание невозможно: каждая из них содержит какую-то недоказанность (дедукция опирается на недоказанное, индукция тоже опирается на постулат и переход от частного к общему тоже не представлен в виде доказательства), что выявляет их односторонность, которая обязательно должна быть снята; одностороннее не должно быть представлено неодносторонне, относительное — как абсолютное. Дедукция и индукция необходимы друг для друга, они ищут свои начала друг в друге, так как для общего необходимо частное, а для частного — общее. Частное и общее необходимы друг для друга, поэтому индукция необходима для дедукции и наоборот — дедукция для индукции.

Некоторые считают индукцию видом не дедукции, а редукции (например, Зигварт) так как общее понимается как основание частного, а индукция есть переход от частного к его основанию. Но надо отметить и то, что редукция есть переход от следствия к основанию, а индукция — переход от основания к следствию. Для индукции характерна редуктивность, а для редукции — индуктивность, но они не сводятся друг к другу. Не только индукцию, но и дедукцию понимают как подчиняющуюся смыслу редукции, поскольку: 1) в дедукции вывод следствия из основания есть, в конечном счете, оправдание следствия в основании. Эта мысль яснее видна в аксиоматическом методе, когда доказательство понимают как сведение к аксиоме, как оправдание следствий заранее принятыми положениями.

Дедукцию отрицают индукцией и наоборот; вместе с тем, дедукцию оправдывают индукцией и наоборот. В дедукции видят круг, круг действует также и в индукции. Взаимооправдание индукции и дедукции тоже является кругом. Выход ищут в редукции, поскольку смысл дедукции и индукции видят в оправдании следствия в основании. Но и редукция содержит много трудностей, выявление которых необходимо для того, чтобы стала ясной необходимость иного, универсального метода.

¹⁸ См.: Ф. Энгельс, Диалектика природы; стр. 180, 1953

¹⁹ Там же.

Для редукции характерна кругообразность; она представлена в ней более ясно, чем в индукции и в дедукции. Кругообразность редукции заключается в том, что редукция, как сведение следствия к основанию, заранее подразумевает выведение следствия из основания, поскольку следствие, с чего начинается редукция, понимается именно как следствие, т.е. как следствие, имеющее основание. Эта кругообразность, взятая отдельно — сама по себе — представляет собой логический круг, ошибку. Поэтому если редукция оправдывает индукцию и дедукцию, то и сама требует оправдания. Более того: редукция, вследствие характерной для нее кругообразности, более несовершенна, чем индукция и дедукция.

В редукции неясно и то, чем отличается следствие от основания, так как при сведении следствия к основанию следствие используется как своеобразное основание и основание имеет смысл своеобразного следствия.

Индукция начинается с частного, дедукция — с общего; эти начала имеются и в редукции, так как в ней действует и основание, которое есть общее, и следствие, которое есть частное, но редукция требует еще нового начала, поскольку в ней следствие есть определенное начало для перехода к общему. Эта неопределенность должна быть снята, но это снятие не может осуществиться ни в редукции, ни в индукции, ни в дедукции; для этого нужен какой-то универсальный метод, стоящий выше указанных здесь методов, включающий и объясняющий их.

Редукция заранее подразумевает как индуктивные, так и дедуктивные отношения между общим и частным, поэтому индукция и дедукция не сводятся к редукции. Редукции, с точки зрения метода доказательства, присущи недостатки формальной логики. Формально-логический метод доказательства, который вращается в пределах смысла индукции и дедукции, доходит до своего предела в редукции, которая оправдывает следствие в основании, но требует и оправдания основания в следствии, так как исходит из следствия.

А это последнее обстоятельство мешает редукции в осуществлении редуктивного перехода в определенной форме умозаключения. В редуктивной логике (напр., в логике Паулера) не установлена форма редуктивного умозаключения. Логический метод, если он и впрямь логический метод, должен осуществляться в умозаключении, в умозаключениях. Но то обстоятельство, что формальная логика не смогла осуществить редуктивные умозаключения, не означает невозможности их осуществления вообще. Не исключено существование другого метода, где будут осуществляться и редуктивные переходы.

Дедукция и индукция суть различные отношения общего и частного: дедукция переходит от общего к частному, а индукция — наоборот. В обоих случаях имеется переход от основания к следствию. Редукция от частного как от следствия, переходит к общему как к основанию. Это значит, что редукция, так же как и индукция и дедукция, односторонняя, является моментом единства частного и общего. Поэтому, если полное доказательство заключается в единстве общего и частного, то индукция, дедукция и редукция представляют собой моменты метода полного доказательства.

Характеристика методов индукции, дедукции и редукции, данная выше, убеждает нас в том, что ошибочны как сведение их друг к другу, так и отрыв их друг от друга и придание каждой значения абсолютного метода. Ясно и то, что универсальным методом логического должен быть какой-нибудь другой метод. Недостатки методов индукции, дедукции и редукции доказывают: 1) их неуниверсальность и 2) необходимость универсального метода.

Отрыв друг от друга индукции, дедукции и редукции, как неуниверсальных методов, есть главная ошибка с точки зрения теории доказательства. Их отрыв друг от друга есть результат отрыва общего от частного, их абсолютного противопоставления, придания общему и частному абсолютного значения. Говоря по-другому, недиалектическое понимание общего и частного есть причина нерешенности проблемы доказательства. Формальная логика не понимает диалектику отношения общего и частного, поэтому она и не может разрешить проблему доказательства.

Общее и частное необходимы друг для друга. Как мы знаем, отрыв друг от друга общего и частного утверждает их необходимость друг для друга. Общее и частное друг без друга теряют собственный смысл. Они определяют друг друга, представляют собой определяющие основания друг друга, т.е. необходимы друг для друга. Поэтому и методы индукции, дедукции и редукции необходимы друг для друга. Иначе и не может быть, так как основание дедукции есть необходимость частного для общего, а для индукции — наоборот — необходимость общего для частного, в редукции

же как будто имеется необходимость общего и частного друг для друга, но эта необходимость представлена односторонне в виде сведения следствия к основанию.

Преодоление вышеуказанных трудностей индукции, дедукции и редукции и доказательство необходимости этих методов друг для друга осуществляется тем, что общее и частное по своей природе соотносительны. Соотносительные понятия не подчиняются ни дедукции, ни индукции, ни редукции, если мы эти методы поймем так, как это понимается в формальной логике. Соотносительные понятия не подчиняются этим методам, и наоборот — эти методы не учитывают соотносительных понятий. Такие понятия подчиняются диалектике, теории развития, и наоборот — обоснование теории развития в логике опирается именно на соотносительные категории. Ф. Энгельс писал: «понятия, которыми оперирует индукция: вид, род, класс, благодаря теории развития стали текучими и тем самым относительными; а относительные понятия не поддаются индукции»²⁰. Эта мысль Ф. Энгельса касается, понятно, не только индукции, но и других методов формальной логики.

Следовательно, проблема доказательства разрешается и должна разрешиться в диалектической логике.

Преодоление трудностей формально-логических методов доказательства и их оправдание, как частных, возможно в диалектическом методе, как в методе доказательства, потому что: 1) дедукция, индукция и редукция, как взаимопереходы общего и частного, являются переходами в противоположное, т.е. содержат отрицательную диалектику, которая объясняется положительной диалектикой, а именно, единством противоположностей. 2) Как это было отмечено выше, характеристика путей определения и разделения понятия разрешает трудность индукции и дедукции, так как определение дает моменты — односторонности, для которых необходимо единство, а деление показывает необходимость для единства его моментов. 3) «Индукция и дедукция связаны между собою столь же необходимым образом, как синтез и анализ»²¹; а связь этих последних диалектична и должна рассматриваться в диалектике. 4) Кругообразность, характерная для индукции, дедукции, редукции и их отношений, может быть объяснена только в диалектической логике, так как кругообразность, характерная для отношения общего и частного, как основания и следствия, опирается на категорию взаимодействия. Характерная же для самого взаимодействия кругообразность объясняется самооснованием (логическим *causa sui*, *ratio sui*), которое, как мы знаем, осуществляется в самоутверждении внутренним отрицанием — в бесконечном умозаключении.

Надо отметить, что дедукция, индукция и редукция должны быть моментами диалектического метода, но этот последний, как именно метод доказательства, должен иметь, кроме этих трех, и другие моменты. Это подтверждается тем, что единство частного и общего, как мы уже знаем, восьмисторонне, причем каждая сторона есть определенный частный метод, долженствующий осуществляться в своеобразных умозаключениях. Так что в диалектическом методе должно подразумеваться восемь моментов, восемь методов. Сам диалектический метод, как метод единства противоречия или самоутверждения, есть «девятый», но универсальный, а не девятый частный метод.

Логика требует выяснения природы логических методов, как таковых, в аспекте логических форм мыслей и их связей. В самом деле, если мы вспомним рассмотренные выше формы мысли и их связи, то будет ясно, что смысл индукции совпадает с смыслом суждения, поскольку определение природы суждения, как связи частного и общего («частное есть общее») определяет природу индукции — перехода от частного к общему. Проблема индукции должна быть сведена к проблеме суждения. Переход суждения, как логической односторонности, в умозаключение, рассмотренный выше, представляет своеобразную индукцию. Единство суждения и умозаключения есть единство своеобразной индукции, дедукции и редукции.

Должны существовать своеобразные, именно, категориальные (содержательные) индукция, дедукция и редукция; об этом свидетельствуют рассмотренные выше умозаключения, осуществляющиеся во взаимосвязи категорий — в переходе частного в общее и наоборот, и в других переходах, рассмотренных выше; но эти своеобразные методы остались нерассмотренными постольку, поскольку они являются моментами бесконечного умозаключения. Учет этого обстоятельства необходим для определения диалектического метода, как метода доказательства. Но поскольку выяснение

²⁰ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1953, стр. 180.

²¹ Ф. Э н г е л ь с , Диалектика природы, 1953, стр. 180.

возможности индукции, как метода доказательства, представляет главную трудность в существующих по сей день учениях о доказательстве, постольку мы считаем нужным рассмотреть сперва этот последний вопрос, а уже потом дать краткую характеристику методов своеобразной индукции, дедукции и редукции, что и даст нам возможность перейти к рассмотрению собственно диалектико-логического универсального метода.

2. ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИНДУКЦИИ

§ 206. О трудности индукции

Цель индукции заключается в получении общего из частного. Трудность индукции есть трудность вывода общего из частного. Известно, что индуктивное умозаключение является вероятностным; общее на основании частного с необходимостью не получается; открытие законов на основании одних частных случаев вероятно. Поэтому, разрешение трудности проблемы индукции означает преодоление вероятности индуктивного умозаключения и открытие-установление в нем логической необходимости. Проблема индукции и проблема логической вероятности совпадают друг с другом. Поэтому для нас (в данном случае) главное именно понятие логической вероятности.

Преодоление вероятности индукции означало бы, что на основе опыта стало возможным необходимое открытие общности или закона. Но вероятностность вообще характерна для индукции, что свидетельствуется и современными теориями индукции, где эта трудность чувствуется со всей остротой.

С точки зрения Райта (Wright), доказательство общих положений науки производится путем дедукции, а их открытие путем индукции; между ними существует фундаментальное различие, которое является «фатальным для философии индукции»²².

Проблему индукции пытаются разрешить на основе теории вероятности. Теорию вероятности часто понимают как часть семантики (Кейнс, Джефрис, Карнап). Вероятность рассматривают как определенное логическое отношение между предложениями. Несмотря на это, индукция все-таки понимается, как вывод заключений из эмпирических наблюдений. Например, для Карнапа вероятность есть степень подтвержденности гипотезы данными эмпирических наблюдений (посылками)²³. С точки зрения Джефриса целью теории вероятности является «дать метод вывода заключений из данных наблюдений»²⁴; вероятность есть «отношение между множеством данных и умозаключением»²⁵. Эмпирические данные обеспечивают только поддержку заключений, т.е. не дают их достаточного основания.

В основании теории вероятности Райхенбаха лежит понятие вероятностной импликации, которая отличается от классической математической импликации тем, что если в этой последней при истинности антецедента консеквент всегда истинен, в вероятностной импликации при истинности антецедента можно сказать только то, что консеквент вероятен, скажем, в степени P .

Как известно, из ложного выводится как ложное, так и истинное, а из истинного выводится только истинное и ни в коем случае не ложное. Поэтому истина обеспечивает необходимость, что совершенно нарушается, если выведение истины из истинного сделаем вероятностным, что имеет место при признании вероятностной импликации. Теория вероятности Райхенбаха разрушает логику.

Существующая в логике проблема вероятности не сводится к математической вероятности, математическая вероятность сама зиждется на логических методах, а не наоборот. С точки зрения английского философа Айера, априорное исчисление вероятности есть чисто математическое дело, которое показывает то, как в логике заключения вытекают из случайно данного распределения, но ничего не говорит о том, каким путем осуществляются они. Вероятность заранее подразумевает индукцию, поэтому вероятность не есть основание индукции.

С точки зрения Райхенбаха, логика вероятности есть единственная логика, так как логическая необходимость имеет степени, являющиеся степенями вероятности. Рассел же отмечает, что логика

²² Wright, The Logical Problem of Induction. Oxford, 1957, p. 55.

²³ Carnap, Logical Foundations of Probability, Chicago. 1950, p. V.

²⁴ Jeffreys, Theory of Probability, Oxford, 1939, p. V.

²⁵ Там же, стр. 22.

вероятности является менее полной и бесспорной, чем элементарная логика. Суждение вероятности, т.е. сведение истины-ложности к степени вероятности, подпадает под абсолютную дихотомию истины-ложности²⁶.

С точки зрения Рассела, для индукции требуется принцип, находящийся вне логики, но не опирающийся на опыт. Для индукции требуется принцип, который не подчиняется индукции. Для индукции необходима дедукция. Для индукции нужно то, что необходимо. «Если мы не пытаемся доказать нечто, тогда невозможно никакое доказательство»²⁷.

С точки зрения Рассела, сфера логики и математики есть сфера тавтологии. Новое дает индукция; синтетичность присуща индукции, но очень трудно ответить на вопрос, что такое синтетическое. Синтетическое есть то, что не есть логическое и математическое²⁸. Индукция должна опираться на определенные постулаты, но эти постулаты, согласно Расселу, даже не вероятностны.

Если это так, то для таких постулатов будут нужны новые постулаты и т. д. Если природа синтеза непонятна, тогда будет непонятной и природа индукции, поскольку, согласно Расселу, синтетичность присуща индукции, а не логике. Этим индукция выносится за логику, тогда как индукция, согласно тому же Расселу, необходима для научной методологии.

Рассел чувствует, что проблему индукции нельзя разрешить на основании опыта, что для индукции необходим выход за пределы опыта. Индукция должна дать общее, но с самого же начала должна опираться на него. Рассел не указывает выхода из этого логического круга; и поскольку, вместе с тем, постулаты индукции сами хуже чем вероятностность, постольку современный позитивизм не только не разрешает проблему, но еще более затемняет ее. Одним словом, проблема индукции ожидает разрешения. Это необходимо как для логики, так и для теории познания. Разрешение проблемы индукции обоснует тождество методов доказательства и исследования.

§ 207. Недостаточное основание и вероятностность индукции

Вероятностность индукции связана: 1) с объективной вероятностью, поскольку в статистической закономерности существенна связь случаев с общим законом и 2) с вероятностностью знания. Вероятностность самой индукции есть вероятностность умозаключения, именно, индуктивного умозаключения; понятно индуктивной вероятности, прежде всего, используется при применении статистического метода. Если все, в том числе и знание, вероятно, то наука невозможна. Вероятностность делает невозможным и умозаключение, поскольку умозаключение имеется только тогда, если осуществляется не вероятность, а именно необходимость — логическая необходимость. Трудность вероятности умозаключения можно разрешить, если в действительности имеется не только вероятность. Существование объективной вероятности еще более осложняет проблему вероятности знания и умозаключения, поскольку, опора вероятности знания и логического — реальная вероятность сама требует объясняющей опоры. Объективная вероятность, правда, объективна, но эта объективность, ясно, не снимает вероятность, которая означает приближение к необходимости, а не саму необходимость, поэтому, категориально, по существу, объективная вероятность, как приближение к объективной необходимости и логическая вероятность или вероятность знания, как приближение к логической необходимости — есть одно и то же. Это тождество есть именно приближение к необходимости, хотя здесь мы имеем дело с разной необходимостью (но категория необходимости не может быть больше одной).

Проблема индукции и проблема отношения вероятности индуктивного умозаключения и необходимости логического совпадают друг с другом. Проблема индукции есть проблема возможности получения общего из частного. Понятие вероятности связывается именно с этой возможностью. Таким образом, разрешение проблемы индукции то же самое, что и разрешение проблемы связи возможности с вероятностью. Природа возможности должна объяснить природу

²⁶ Рассмотрение Расселом проблемы вероятности и индукции, в частности математической индукции, изложено нами в труде «Начало доказательства».

²⁷ Рассел, Человеческое познание, стр. 431.

²⁸ Там же, стр. 530.

вероятности.

Говорят, что возможность вообще имеет качественные и количественные стороны. Вероятность можно понимать, как выражение количественной стороны возможности, а именно величины реальной обоснованности, той или иной близости возможности к действительности. Поэтому говорят, что вероятность есть мера или граница возможности. Вероятность есть степень возможности, степень близости к действительности. Вероятность показывает меру зависимости чего-либо от его условий. Поэтому надо сказать, что вероятность не исключает необходимости, а подразумевает ее. Степень приближения к необходимости определяется именно необходимостью. Необходимость представляет собой масштаб вероятности. В этом смысле можно сказать, что вероятность есть момент необходимости. Если существует какое-нибудь достаточное основание, то существует и необходимая связь между нечем и его основанием. Нечто обосновывается с необходимостью, но если дело еще не дошло до такой необходимости, тогда вероятность будет степенью низшей, чем необходимость, степенью обоснованности нечего, не возвысившейся до необходимости. В таком случае нечто будет иметь недостаточное основание. Достаточное основание, ясно, содержит и недостаточное основание. Количественная или математическая вероятность связана с возможностью именно таким образом.

Можно сказать и то, что если закон действительности есть господствующая в явлениях тенденция, то вероятность есть не эта тенденция, а только ее момент, невозможный, если взять его отдельно; а как момент она определяется тенденцией, которую выражает закон. Вероятность определяется законом.

Но здесь нас интересует не вероятность вообще, а вероятность мысли, о которой говорят в логике. Говорят, что обоснованность мысли имеет степень. Вероятность и необходимость считают низшей и высшей степенью обоснованности мысли. Некоторые логики сводят вероятность к разделительному силлогизму (Зигварт, Ланге). Мысль вероятна, если ее основание может быть основанием противоположной мысли. Мы имеем дело с вероятностью, если А может быть и В и не-В. Возможность содержит и невозможность. Еще Аристотель говорил, что возможность есть такое существование, которое содержит и невозможность, в противном случае, т.е. при исключении невозможности, мы имеем дело с действительностью, как с необходимой определенностью.

Железо есть твердое тело, золото есть твердое тело, серебро есть твердое тело, следовательно, все металлы являются твердыми телами? Или не все металлы таковы? Все металлы являются или твердыми, или нетвердыми телами. На основании нескольких видов или примеров металла мы не можем сказать, что все металлы являются твердыми; они могут быть как твердыми, так и нетвердыми (напр., ртуть не твердое тело). Вероятность заключается в неопределенности этого противоречия. Трудность индукции заключается именно в этой вероятности.

Если вероятность мысли означает то, что основание какой-нибудь мысли может быть и основанием противоречащей мысли, то такое основание будет недостаточным. Но правильно воззрение, что основание всегда достаточно, недостаточное основание не есть основание. В «положении достаточного основания» слово «достаточное» излишне. Признание недостаточного основания достаточным, т.е. основанием, есть не что иное, как софистика. Каждая существующая вещь имеет реальное основание, «достаточное основание». Ничего не может существовать на реальном недостаточном основании, так как недостаточное основание не есть основание. Поэтому говорили Гегель и Маркс («Капитал»), что «все, что испорчено в мире, испорчено на хороших основаниях»²⁹. В мире и в самом деле все «испортится», если принимать недостаточное основание за достаточное.

Мысль определена, если она имеет основание (разумеется, достаточное основание). Мысль, не имеющая основания, ошибочна. Мысль, имеющая основание, есть доказанная мысль. Если мысль не имеет основания, то она не доказана. Мысль, для которой найдено только недостаточное основание, не доказана. Именно поэтому говорил Аристотель, что несколько частных случаев не дают достаточного основания для общего, и постольку в индукции не осуществляется «силлогистическая», т.е. логическая необходимость; индукция не есть метод доказательства. Если мы скажем, что индуктивное умозаключение осуществляется, но в нем нет достаточного основания для заключения и поэтому оно вероятно, то это вероятностное умозаключение будет умозаключением из недостаточного основания. Вероятностность индукции заключается в применении недостаточного

²⁹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1950, стр. 268.

основания.

§ 208. О степенях логической необходимости

Вероятность не есть низшая степень необходимости, как это кажется некоторым (Расселу и другим). Если бы вероятность была низшей степенью необходимости, то (как говорят и признают) необходимость была бы высшей степенью вероятности, т.е. существовала бы только вероятность (Райхенбах), а не необходимость; это — признание абсолютности вероятности. Вероятность, понятая таким образом, исключает абсолютное; признание же абсолютности вероятности упраздняет само себя, создает безвыходное противоречие, — все равно, говорят ли об объективной вероятности или вероятности знания. Против сведения знания к вероятности можно привести аргумент Гуссерля, заключающийся в следующем: утверждение, что каждое знание только вероятно, само тоже будет только вероятным; таким будет и это новое положение и т. д. до бесконечности³⁰. Это крайний пробабиллизм, который впадает в безвыходное противоречие. Представление вероятного абсолютным упраздняет само себя. Представление вероятного абсолютным есть признание вероятной категории. Если вероятное есть категория, то она не будет более вероятной; вероятная категория невозможна; категория не может иметь вероятный характер. Следовательно, логическая необходимость не имеет степени. Ослабление логической необходимости упраздняет ее.

Степенное различие есть количественное, а не существенное различие. Поэтому мысль о том, что необходимость есть высшая степень вероятности, является ложной. «Логическая вероятность» отличается от необходимости родом, а не степенью (вопреки Расселу и др.); это так, если вероятности придадим универсальный характер и самостоятельность. Логическая необходимость не может иметь степень, поскольку она не есть величина, количество; а степень есть количество.

Возможна только одна логическая необходимость. Но это не значит, что невозможно ее различное проявление. Логическая необходимость может существовать в полном виде. Такова, как мы знаем, необходимость, осуществляемая в бесконечном умозаключении; но возможно существование логической необходимости и в неполном виде, такова, например, формально-логическая необходимость, необходимость невозможности противоречия, необходимость конечно-логического, что, ясно, не имеет характера вероятности. Существует и безусловное и условное логическое («если—то»), но не вероятностно-логическое. Логическое имеет природу необходимости, оно не вероятностно. Логическая необходимость по разному проявляется в суждении, в непосредственном, в конечно-опосредствованном и в бесконечном умозаключениях. Но это не различие в степени логической необходимости. Логическая необходимость, подобно общности, не содержится только в какой-нибудь форме мысли, а есть во всех формах, хотя по разному, но не в виде и в смысле различных степеней. Различные логические формы мысли суть различные формы логической необходимости, а не ее различные степени. Логическая необходимость существует в суждении в виде копулы, в умозаключении — как следование, но это не различие в степени. Одностороннее существование логической необходимости не есть ее низшая степень. Логическая необходимость не может иметь степени. Поэтому невозможна логика вероятности. Невозможна вероятностная импликация Райхенбаха; из истинного не может не вытекать истинное.

Если логическая необходимость не имеет степени, то что же представляет из себя вероятностность, характерная для индукции? Эта вероятностность упразднит индукцию, если она не есть своеобразное проявление необходимости, ее существование в своеобразной форме; но если в индукции осуществляется логическая необходимость, то ведь вероятностность будет исключена? Если логическая вероятность невозможна, то что же должно быть на ее месте в индукции, чтобы индуктивное умозаключение, индуктивно-логическое стало возможным?

§ 209. Вероятностность индукции и отрицательная диалектика

С нашей точки зрения, «вероятностное» в логике есть не в самом деле вероятностное, а отрицательная диалектика, которая осуществляется и должна осуществляться в индукции (не только в индукции). Индукция возможна как отрицательная диалектика.

³⁰ Husserl, *Logische Untersuchungen*, 1922, S. 65. Здесь сказано: “Auch die Behauptung, dass alles Wissen ein bloss wahrscheinliches sei, wäre nur wahrscheinlich gültig; diese neue Behauptung abermals und so in infinitum”.

Если, как было сказано, применение недостаточного основания в качестве достаточного дает вероятность, то ее можно понять как софистику и скептицизм. Если противоречие чистое, голое, т.е. взято вне единства, и если в условиях такого противоречия, как абсолютного взаимоисключения, нечто применяется в качестве основания как для одного, так и для противоречащего ему, то будем иметь софистику; это было бы смешением противоречащих друг с другом. В этом смысле, «вероятность», софистика и скептицизм одно и то же. Но, если действительно существует оправдывающее основание противоречия, то этим будет единство противоположностей, положительная диалектика.

Вероятность как возможность противоречащих (о чем была речь выше), содержит неопределенность, поскольку в возможности содержится и невозможность. Снять эту неопределенность можно в двух случаях: 1) Снятием, исключением одного из противоречащих; здесь действует закон невозможности противоречия. Это, как нам известно, определенность конечного, именно полного — конечного — одной стороны противоречия (мы знаем и то, что такая определенность не является полной; она содержит и неопределенность, поскольку нечто есть это вследствие того, что оно не есть другое, противоречащее). 2). Единством, оправдывающим противоречие, содержащим противоречие, а не упраздняющим его; здесь действует закон единства противоречия. В единстве противоречия, ясно, наличествует противоречие, взаимозаключение, поэтому оно содержит в себе в виде момента возможность, которая имеется в «или—или». Вероятность связана именно с этой возможностью. Поэтому можно сказать, что «вероятность» — не упразднение необходимости (низшая степень-необходимости, как было сказано, есть ее упразднение), а ее один момент. Полная необходимость, как мы знаем, есть необходимость единства противоположностей. «Вероятность» — один момент необходимости противоположностей.

Момент единства противоположностей, который выступает как «вероятность», есть возможность противоречащего; нечто может быть и противоречащим; более того, для нечего, как для одной стороны противоречия, необходима ее вторая сторона; вот эта необходимость противоречия, являющаяся моментом единства противоречия, есть отрицательная диалектика, это ее «вероятность». «Вероятна» отрицательная диалектика; точнее, вместо вероятности действует и существует отрицательная диалектика. Она, как известно, имеет смысл как момент положительной диалектики. «Вероятность» в логике нужно снять и: сохранить, т.е. ее должна объяснить положительная диалектика. Само по себе невозможно отдельно взятое «вероятно-логическое». Оно возможно как отрицательно-диалектическое, как момент положительной диалектики, единства противоречия.

§ 210. Вероятность индукции и единство частного и общего

Сказанное выше станет яснее, если учесть, что «вероятное» есть отрицательно-диалектическое как момент единства противоположностей частного и общего. Вероятность индукции есть именно один момент этого единства, так как индукция заключается в переходе от частного к общему, а необходимость общего для частного есть не что иное, как отрицательная диалектика. Да, «вероятность» есть скептицизм, релятивизм, но ведь «диалектика включает в себя момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но не сводится к релятивизму»³¹.

В этом положении В. И. Ленина «релятивизм», «отрицание» и «скептицизм» берутся в одном значении. Необходимость противоречащего есть «скептицизм», поскольку объединение противоречащих есть нечто «сомнительное»; это «релятивизм», поскольку противоречащие представлены соотносительно, «текуче», в переходе в друг друга; это «отрицание», поскольку переход нечего в противоречащее есть отрицание первого (нечто). Необходимость противоречащего, необходимость противоречия есть «отрицание», «релятивизм», «скептицизм» и в том смысле, что она (эта необходимость) сама по себе, независимо, говоря словами Канта, представляет собой ошибку, «видимость», «иллюзию».

Переход нечего в свою противоположность содержит момент отрицательной диалектики, именно необходимость противоположного, его неустранимость. Взаимная необходимость противоположностей, их неразрывность состоит в том, что одна из противоположностей, противоречащих, взятая сама по себе, независимо, теряет собственный смысл, но противоречие в голом виде есть упразднение самого

³¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 124.

себя, ошибка; переход отдельно взятого общего в частное означает, что оно противоречит самому себе, исключает само себя; вот именно этот момент представляет ошибку, говоря словами Канта — «иллюзию», «видимость» (Shein). Несмотря на это, такой момент необходим — в соотношении противоположностей противоречие необходимо. Именно этот момент отрицательной диалектики есть момент индукции, «вероятного» перехода частного в общее. Вероятностность индукции представляет отрицательную диалектику, которая невозможна, если она не оправдывается, если она не есть момент более полной связи — положительной диалектики. Необходимость противоречащего для нечего, как отрицательная диалектика, есть момент перехода в противоречащее. Полнее, чем отрицательная диалектика, — такая связь, когда нечего с необходимостью, по своей внутренней природе, переходит в свою противоположность и наоборот, чем утверждается единство противоположностей. Индукция в конечном счете оправдывается в диалектическом единстве частного и общего.

§ 211. Относительность в индукции

Переход частного в общее и наоборот показывает относительность этих понятий. Их взаимонеобходимость и переходы выявляют «текучесть» этих понятий³², как это было указано и выше. Проблема индукции (как и дедукции) разрешается именно тем, что частное и общее являются относительными, текучими категориями. Но эта относительность представляет собой уже диалектику, а не сферу формальной логики, на основании которой проблему индукции невозможно разрешить именно вследствие понимания частного и общего как неотносительных понятий. При номиналистическом понимании общего индукция остается навсегда проблематичной, поскольку представление частного и общего как неотносительных понятий есть их абсолютный отрыв друг от друга. Когда частное и общее абсолютно отрывают друг от друга, то после этого уже, конечно, нельзя связать их. Это не значит, что для связывания частного и общего мы должны заранее исходить из их связи, что эту связь мы должны признать аксиомой; нет, такое допущение только переместило бы проблему, оставив ее нерешенной. Частное по своей внутренней природе переходит в общее и наоборот.

Отрицательная диалектика показывает не только то, что противоречие необходимо, но и то (и это главное), что необходимость противоречащего означает и его полагание. Общее, взятое отдельно, невозможно, оно возможно на основании существования частного; частное есть основание своей противоположности — общего. Переход частного в общее есть оправдание индукции (такая относительность частного и общего разрешает и проблему дедукции).

Проблему индукции (так же как и проблему дедукции) разрешает относительность частного и общего. Эта относительность проявляется и в том, что обыкновенная индукция имеет вероятностный характер, она есть приближение к необходимости. Это относительность и односторонность самой индукции, как логического метода, представляющего логическое содержательное частное. Это частное должно быть оправдано в общем методе. Преодоление и объяснение относительности и односторонности осуществляется в абсолютном, в безусловном, в универсальном. Индукция не объясняется самой индукцией³³, для этого требуется диалектический метод, который объясняет и оправдывает ее и является для нее общим. Необходимость диалектического метода для индуктивного и необходимость перехода второго в первый сама есть своеобразная индукция, но это уже диалектика, а не собственно индукция.

§ 212. Преодоление противоречия и индукция

Индуктивное умозаключение бесспорно, если противоречащее исключено, поскольку общее получается из частных только тогда, когда в частных нет противоречащего им. Если отдельные металлы тверды и если нетвердость вообще полностью исключается, то, ясно, получается положение: все металлы тверды. Но такое исключение противоречащего тавтологично. Если невозможен нетвердый металл, то, ясно, все металлы будут твердыми.

Такое исключение противоречащего не разрешает трудности индукции, а только указывает ее,

³² См.: Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1953, стр. 180.

³³ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1955, стр. 130.

поскольку эта трудность заключается именно в невозможности установления того, что противоречащее невозможно; Исключение противоречащего и принятие «всех» есть одно и то же. В условиях номиналистического общего разрешение трудности исключения противоречащего невозможно.

Индуктивный вывод бесспорен и тогда, когда посылки и заключение отрицательны. И здесь имеется тавтология, поскольку если какой-нибудь признак не характерен для одного, то он не характерен и для всех. Если какой-нибудь металл является жидким (ртуть) то, ясно, нельзя сказать: все металлы являются твердыми. Если один металл не тверд, то нельзя сказать и то, что все металлы не тверды. Если несколько единичных не имеют какого-нибудь свойства, то нельзя сказать, что все не имеют этого свойства. Железо не является жидким, золото, серебро и многие другие металлы не являются жидкими, но на этом основании мы не можем вывести заключение, что ни один металл не является жидким. Таким образом, трудность индукция повторяется и тогда, когда посылки отрицательны. Но если отрицательны и посылки и заключение, тогда индукция оправдывается, но трудность заключается именно в исчерпании бесконечности. Если противоречащее исключают заранее, то индукция, конечно, осуществляется, но трудность заключается именно в исключении противоречащего.

Несмотря на трудность исключения противоречащего, оно имеет один определенный рациональный смысл, именно то, что это исключение указывает на исчерпывание противоречия. Дело в том, что граница нечто с противоречащим ему показывает необходимость этого противоречащего, а переход в него означает исчерпывание — преодоление противоречия. Противоречие исчерпывается его преодолением, а не исключением-невозможностью противоречащего, хотя и это последнее (исключение-невозможность) показывает, что надо преодолеть противоречие. Способ исключения противоречащего отрицательно связывает положительность и отрицательность; но нужно связать их и положительно. Именно преодоление противоречия дает бесспорное преодоление вероятности индукции. Установление невозможности противоречащего в частных явлениях оставляет проблему индукции нерешенной. Если противоречащее невозможно, то достигается преодоление вероятности, но трудность заключается именно в установлении этой невозможности. Проблему индукции можно разрешить только одним путем — не упразднением противоречия, а его преодолением, исчерпыванием. Индукция есть переход частного в общее, а это переход в противоположное-противоречащее, а не невозможность противоречащего. Если противоречащее частному невозможно, то невозможно и общее, т.е. мы остаемся в сфере частного, не сможем перейти к общему. Правда, если все частные таковы, то общее достигается, но вопрос касается именно того, как дойти до этого «все».

Одним словом, переход от частного к общему есть исчерпывание-преодоление противоречия между ними, что означает разрешение трудности индукции. Проблема индукции разрешается в единстве противоречия, в сфере диалектики, на ее основании.

§ 213. Исчерпывание бесконечности и индукция

Исчерпывание противоречия, о котором мы говорили выше, есть то же самое, что и исчерпывание бесконечности. Цель индукции заключается в получении общего из частного, что и представляет собой исчерпывание бесконечности. Трудность индукции есть трудность исчерпывания бесконечности. Для получения общего необходимо «прохождение» бесконечности (полная индукция), именно «просмотр» бесконечного множества единичных или частных. Номиналистическое общее предусматривает «дурную» — потенциальную бесконечность. Если бы существовала только такая бесконечность, то ее «прохождение» было бы невозможным. Трудность индукции есть именно трудность «прохождения» такой бесконечности; поскольку и невозможен «просмотр» бесконечности, постольку невозможно преодолеть вероятность индукции. Эта вероятность, как было сказано, связана с возможностью, с потенциальностью, именно, с потенциальной бесконечностью. Если бесконечность только потенциальная, то ясно, что ее «прохождение» в действительности неосуществимо, т.е. индукция никогда не преодолет вероятность и никогда не дойдет до необходимости.

Но в теории диалектики известно, что подлинная бесконечность — «истинная» бесконечность — не является потенциальной, «дурной», отрицательной бесконечностью; она есть положительная бесконечность, и в ней потенциальная бесконечность уже «пройдена».

«Прохождение» бесконечности, прежде всего, осуществляется в понятии, в понятии

бесконечности, — в ответе на вопрос, что такое бесконечность; если мы знаем бесконечность, если имеем ее понятие, то это понятие, ясно, не продолжится в бесконечность, а является полным, законченным, нескончаемость представлена в полном виде в понятии нескончаемости. Когда мы имеем понятие бесконечности, тогда, ясно, что бесконечность представлена в нем в законченном виде. Здесь разрешается возможность индукции. То обстоятельство, что нескончаемость представлена в законченном и в полном виде в ее понятии, делает возможной индукцию, как средство достижения бесспорности. Поскольку прохождение бесконечности осуществляется в ее понятии, постольку разрешается проблема возможности индукции, как логического метода. Но надо превратить эту возможность в действительность, показать, каким образом осуществляется в действительности индукция. Что возможно, то должно осуществляться в действительности; этого требует разрешение проблемы индукции.

Правда, «прохождение» нескончаемости — потенциальной бесконечности — осуществляется в ее понятии, но трудность заключается именно в том, как получить это понятие. Мы должны получить понятие бесконечности в результате ее «прохождения». Как пройти бесконечное, т.е. как установить понятие бесконечного? Вот вопрос, на который мы должны ответить, в противном случае, трудность индукции останется неразрешенной.

Прохождение бесконечного (нескончаемого) числа единичных вещей невозможно, поэтому этим путем номиналистическое общее не достигается. Прохождение нескончаемого числа единичных будет «противоречием сосчитанной бесчисленности». Вследствие этого противоречия индуктивный переход от частного к общему остается неосуществленным.

Но, как нам известно, существует неноминалистическое общее и такое бесконечное, которое не равно нескончаемому, а «больше» его. Такое общее и такое бесконечное достигается путем прохождения конечных или частных, такое «прохождение» возможно и осуществляется. Из содержательного частного получается содержательное общее, поскольку для содержательного общего необходимы все односторонности, единством которых оно является, и, наоборот, для всех односторонностей необходимо их внутреннее единство. Например, для производства необходимо собственно производство, распределение-обмен, потребление; и наоборот: единство этих моментов есть их общность, которая равняется производству. Прохождение этих четырех односторонностей — частных, ясно, возможно, а этим получается общее, т.е. осуществляется индукция. Так получается единство бытия и ничто в становлении, единство субъекта и предиката в суждении, единство признаков в понятии, единство суждений в умозаключении и т. п.

Как мы уже знаем, односторонность есть содержательное частное; неполные частные исчерпываются одной стороной противоречия. Одна сторона противоречия есть полное частное. Существуют только две стороны противоречия, как два полных частных, как два полных конечных. Ввиду того, что таких частных только два и третье исключено, их «прохождение» возможно и осуществляется. Установлением двух таких частных уже пройдена сфера частного. Полаганием этих частных полагается необходимое для них единство (их корень). Это единство есть полное общее (бесконечное). Переход от частного к общему и «прохождение» бесконечности осуществляется таким образом.

Более того, правда, полных частных только два, но оба они, как частные, т.е. (как категория, есть одно. Прохождение бесконечности частных осуществляется в категории частного. А категория частного, как таковая, сама обща. Если бесконечное множество частных категориально есть одно частное, то можно сказать, что «частное есть общее». Частное не только переходит в общее, а само есть общее. Так осуществляется логическая необходимость, имеющая индуктивный характер.

Полученное здесь «частное есть общее» означает, что: 1) для частного необходима его противоположность — противоречащее ему общее (это отрицательная диалектика); 2) частное есть основание своей противоположности — общего; 3) частное переходит в общее и 4) частное само есть общее.

§ 214. Проблема индукции как проблема суждения

Разрешимость проблемы индукции во взаимосвязи категорий не означает, что известная трудность индукции осталась все-таки неразрешенной, поскольку индукция заключается в получении

общего из частных, а категории являются общими; разрешение проблемы индукции во взаимосвязи категорий как будто не содержит разрешения вопроса получения общего из единичных предметов, ведь вероятность индукции существует именно вследствие неисчерпаемости единичных? Правда, вопросы математической вероятности и математической статистики не входят в компетенцию логики, она не поглощает частные науки, но логика должна определить, на что должна опираться частная наука. Должен быть открыт логический путь, действующий и в области категорий и в получения общего из единичных.

Вышерассмотренный пример производства и отношения его моментов показывает именно то, как открывается в единичном общее и как это «открытие» осуществляется с логической необходимостью. Как мы знаем, К Маркс в введении «К критике политической экономии» рассматривает отношение моментов производства друг к другу и к производству, как их единству, представляющему общность этих моментов³⁴. В отношении моментов производства обнаруживается их единство-общность; это «обнаружение» имеет логический характер, поскольку: 1) оно есть предикация («потребление есть производство» и т. д.); 2) оно — необходимое единство моментов, необходимость общего для частных, в единичном производстве «обнаружилось» общее; моменты единичного с необходимостью связываются с их общностью, как с их единством.

В качестве второго примера можно взять паровую машину Сади Карно; Сади Карно обнаружил именно в одной машине, доказал на основании одной машины, что «из теплоты можно получить механическое движение. 100.000 паровых машин доказывали это не более убедительно, чем одна машина»³⁵. Единство определенных моментов, существующее в единичном, есть общность, для получения которой не нужны многие единичные, достаточно только одно. Если общее не обнаруживается в единичном, оно не обнаруживается также и во множестве таких единичных.

Обнаруженная в единичном содержательная общность есть его сущность, повторяющаяся в подобных единичных. Понятие есть отражение сущности единичного, а не повторения, хотя и это последнее подразумевается в нем. Единичные являются примерами содержательной общности одного единичного. Множество единичных нужно для психологической уверенности. Для индуктивного логического достаточно то множество, которое представляют собой моменты единичного и которые «составляют» их единство, как общность.

Отсюда нельзя вывести заключение о том, что номинализм (современный номинализм, напр., Куайн, Гудмен) якобы стоит на правильном пути, сводя общее к единичным, отрицая общее. Здесь достаточен и один аргумент: обнаружение общего в единичном есть обнаружение в нем его противоположности; поскольку общее противоположно и противоречит единичному, постольку его сведение к единичному ложно.

Обнаружение общего в единичном, о котором мы говорили выше, ясно, не есть формально-логическая индукция, которая всегда проблематична и осуществление которой в логическом смысле невозможно. Это своеобразная индукция, которая будет специально рассмотрена ниже.

Надо разрешить и выяснить путь обнаружения общего в единичном; каким образом действовал, напр., Сади Карно, о котором говорит Ф. Энгельс в связи с проблемой индукции? Это, как отмечает Ф. Энгельс, путь анализа. Ниже мы специально рассмотрим, каким образом достигается разрешение проблемы индукции посредством анализа, посредством единства анализа и синтеза; будет подробно рассмотрено и то, что проблема индукции в конечном счете разрешается в логическом развитии. Поэтому неправ Гуссерль, когда он говорит, что обнаружение общего в единичном осуществляется интуицией (эйдетическим созерцанием)³⁶.

Таким образом, в единичном открывается общее, в единичном осуществляется переход и именно логический переход от частного к общему. Путь обнаружения (открытия) и путь логического перехода совпадают друг с другом. Именно это есть основание и образец для отождествления путей открытия и доказательства. Метод индукции является логическим методом. Поэтому логика и теория познания должны совпадать друг с другом.

Следовательно, осуществляется логическая связь, которая может быть выражена так: «частное есть

³⁴ См.: К. Маркс, «К критике политической экономии», Введение.

³⁵ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1953, стр. 181.

³⁶ См.: Husserl. Ideen..., I, S. 13.

общее». Это — разрешение проблемы индукции. «Частное есть общее» есть, как мы знаем, суждение. Поэтому надо сказать, что проблема индукции сводится к проблеме суждения. Разрешение проблемы суждения и разрешение проблемы индукции — одно и то же. Если мы знаем, каким образом возможно «частное есть общее», то это дает нам знание и того, каким образом возможно суждение, и того, каким образом возможен переход от частного к общему, т.е. индукция.

Об этом вопросе будет речь ниже, но он фактически был разрешен при рассмотрении перехода от суждения к умозаключению. Как было сказано, суждение есть логическое конечное, логическая односторонность — частное. Его переход в умозаключение есть переход в общее, своеобразная индукция. Мы знаем и то, что суждение антиномично, имеет природу отрицательной диалектики. Эта антиномичность разрешается и отрицательная диалектика оправдывается в умозаключении, — в конечном счете, в бесконечном умозаключении; именно в бесконечном умозаключении разрешается окончательно проблема индукции (но не только проблема индукции). В самом отношении моментов бесконечного умозаключения имеется своеобразная индукция, дедукция и редукция. Именно поэтому необходимо рассмотрение этих моментов для окончательного разрешения нашей проблемы (как индукции, так и вообще проблемы доказательства).

3. КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

§ 215. Содержательная (категориальная) индукция

Этот вопрос будет исчерпывающе разрешен при рассмотрении диалектического метода, как метода доказательства, поскольку в нем оправдываются как индукция, так и другие частные логические методы. Здесь вопрос будет рассмотрен в несколько общих чертах, как заключение того, что было сказано выше об индукции и как часть введения для окончательного разрешения этой проблемы.

Как было сказано, для индукции должно быть достаточным одно единичное: если это так, тогда, ясно, что она, как получение общего из частного, должна осуществляться в сфере одного единичного, где частное будет односторонностью единичного, а общее — единством, существующим в единичном; содержательное частное перейдет в содержательное общее. Содержательная индукция есть переход от односторонности к единству.

При формально-логической индукции (рассматриваемой в формальной логике) субъектов единичных суждений, данных в посылках, множество, а предикат всего один (Иван смертен, Сократ смертен... следовательно, все люди смертны), при содержательной же индукции наоборот меняются предикаты, а субъект остается тем же, но так, что предикаты исчерпывают субъект, имеющий характер содержательной общности, представляющий собой единство, именно, единство предикатов; субъект превращается в предикат, предикаты совпадают с субъектом. Предикаты исчерпывают субъект, который и есть их корень, их единство. Например, моменты производства исчерпывают его; производство есть потребление, распределение, обмен, собственно производство. Оно субъект своих моментов, но и общий их предикат. В производстве субъект и исчерпывающие его предикаты — признаки, моменты совпадают друг с другом и вообще субъект суждения высказывается предикатом; предикат есть то, что из себя представляет субъект.

Впервые Аристотель отметил, что: 1) общее выражает природу единичного (вторая субстанция представляет природу первой субстанции); 2) первая субстанция, как категория, такова именно потому, что она есть общее подлежащее — субъект других категорий, как ее определенных предикатов. Исходя из этих положений Аристотель должен был разрешить проблему индукции, как метода доказательства, но он не рассмотрел ее в этом аспекте.

Обыкновенную — формально-логическую — индукцию считают аналитической, когда; 1) говорят о полной индукции, где заключение суммирует, повторяет посылки; 2) имеют в виду, что индукция не доходит до общего и постольку остается опять-же в сфере частного. Но когда общее получают вероятно, тогда индукцию понимают синтетически; вероятное получение общего из частных, правда, не необходимо, но синтетично. Однако поскольку в такой синтетичности нет логической необходимости, а есть только вероятность, постольку синтетичность отрицают,

исключают из сферы логики; индукцию не считают логическим методом, именно, методом доказательства.

Содержательная индукция есть как логический, т.е. необходимый, так и синтетический переход. Синтез здесь осуществляется с необходимостью. Потребление есть сторона производства, но «потребление есть производство». Субъект суждения, как частное, есть предикат, как общее; «частное есть общее» значит и то, что частное переходит в общее; общее — предикат — высказывает то, что есть частное — субъект.

Обыкновенная, т.е. формально-логическая индукция, опирается на индукцию содержательную (это относится и к дедукции), поскольку получение «всех» из единичных опирается на получение единства из односторонности. Общее получается из единичных потому, что оно есть в них. Общее, существующее в одном единичном, повторяется и во многих, из которых и пытаются получить общее. Единичные не могут дать общее, если из единичного оно заранее исключено (это и есть недостаток старой индукции).

В содержательной индукции имеется полная необходимость, поскольку, как мы знаем, есть только два полных частных; только два полных частных необходимы и достаточны для получения их единства, как общего. Два полных конечных необходимы и достаточны для полагания, «получения» бесконечности; противоречие, которое имеет только две стороны, полагает единство противоречия.

Из содержательного частного — «частное есть общее», — как мы уже знаем, вытекает второе, противоположное частное — «частное не есть общее». Из этой противоположности получается их основание — единство частного и общего, в котором они оправдываются. Именно переход суждения в умозаключение есть, как нам известно, содержательная индукция, индукция во взаимосвязи логических форм.

Содержательная или категориальная индукция осуществляется в переходе от частного как категории, к общему как категории, что было рассмотрено выше как один из видов умозаключения. От частного с необходимостью осуществляется переход к общему, поскольку частное, взятое вне общего, само имеет абсолютный характер.

В бесконечном умозаключении утверждение и отрицание являются частными, их необходимое единство, осуществляемое в этом умозаключении, есть общее; поэтому утверждение отрицанием дает общее; это полная форма содержательной индукции.

Содержательная индукция должна быть понята как переход от абстрактного к конкретному, поскольку, как мы знаем, односторонность есть абстрактное, а единство односторонностей — конкретное. Например, по «Капиталу» К. Маркса, товар переходит в деньги, а деньги — в капитал. Это переходы от абстрактного к конкретному, как от частного к общему. Таков переход от суждения, как от односторонности к умозаключению, как к единству и т. п.

Если содержательные частные берутся как основание, а общее как их следствие, то имеется содержательная индукция, в полном виде она осуществляется в бесконечном умозаключении. Но это уже не индукция, а диалектика. Во взаимоотношении содержательного частного и содержательного общего индукция представляется совершенно своеобразно. Такая индукция так связывается с соответствующей ей дедукцией и редукцией, что получаем диалектический метод как метод доказательства.

§ 216. Содержательная (категориальная) дедукция

В обыкновенной — формально-логической — дедукции из «всех» вытекают «некоторые», из класса — подкласс. Поэтому этот вывод тавтологически-аналитичен. Содержательная дедукция есть получение односторонности из единства, вывод содержательного частного из содержательного общего; например, вывод потребления из производства, вывод суждения из умозаключения и т. п. Вывод умозаключения из суждения считают спорным, но бесспорно получение из умозаключения его составных моментов — суждений; мы это понимаем своеобразно, именно, как синтетическое получение содержательного частного из содержательного общего.

Из единства, как из основания, выходит его односторонность, имеющая, кроме признака целого, и специфический признак; поэтому вывод является как необходимым, так и синтетическим; этот вывод есть необходимый синтез. Односторонность противоположна и противоречит целому,

поскольку общему противопоставляется частное, вытекающее из него. Вывод частного из общего есть переход в противоположность, в противоречащее. Моментом перехода в противоположность является неустранимость противоположного — отрицательная диалектика.

Выше мы рассмотрели умозаключение, являющееся необходимым выводом частного, как категории, из общего, как категории. Вот именно в этом умозаключении осуществляется, категориальная дедукция. Для общего необходимо частное, из общего с необходимостью выходит частное, поскольку общее, взятое независимо от частного, само есть частное (производство само есть потребление). Общее, которое исключает частное, есть частное; общее есть отрицание его отрицания — частного, но, поскольку оно есть и частное, постольку получение частного есть необходимый синтез; такое частное содержит общее (так же как и наоборот).

То обстоятельство, что вывод частного из общего есть переход в противоположность, ясно показывает синтетичность дедукции. Невозможна большая синтетичность, чем переход в противоположное. Как в индукции, так и в дедукции, именно в содержательной или категориальной, есть момент отрицательной диалектики, но она «больше», чем этот момент, поскольку переход из общего в частное есть не только неустранимость противоречащего, но и целое, содержащее и оправдывающее это последнее.

Из производства следует его противоположность — потребление, из движения его противоположность — покой, являющийся моментом движения. Из такого тавтологического умозаключения, какова Barbara, с необходимостью должно вытекать нечто отрицательное, оно должно содержать момент отрицания (хотя в нем его нет), в противном случае, в нем не должно быть различных, например, различных понятий и суждений.

Из умозаключения, как из единства частного и общего, как из единства противоположностей, следует его одна сторона, например, «частное есть общее», а также — «частное не есть общее». Как нам известно, опосредствованная связь содержит и момент непосредственности, с необходимостью вытекающий из опосредствования, как из общего для него. Непосредственность есть частная сторона опосредствования.

Как нам известно, полное опосредствование есть бесконечное умозаключение, имеющее два полных частных момента, именно, утверждение и отрицание, которые непосредственно вытекают из их единства, хотя эта «непосредственность» есть и опосредствование, поскольку выводится именно противоположное: из бесконечного вытекает его противоположность — конечное. Из утверждения нечто его же отрицанием, ясно, вытекает как утверждение так и отрицание. Здесь осуществляется в полном виде то, что мы называем содержательной или категориальной дедукцией.

Как было сказано, содержательная индукция, как переход от односторонности к единству, есть переход от абстрактного к конкретному. Надо отметить, что переход от абстрактного к конкретному имеет и другую сторону, именно, то, что субъект в самом начале его предикаций есть абстрактное общее и в том смысле, что он представляет собой единство «будущих» предикатов; он есть единство, которое будет исчерпано предикатами и в конце утвердится как конкретное единство. Поэтому вывод из такого субъекта есть вывод из абстрактного общего, что и является определенной дедукцией.

§ 217. Содержательная (категориальная) редукция

Известные до сегодняшнего дня виды редукции не являются умозаключениями. Они — общие методы приведения следствия к основанию, не оформленные в виде умозаключений. Приводя следствия к основанию, путем абстракции исключают следствие и получают основание; например, такова феноменологическая редукция Гуссерля, как метод «заклЮчения в скобки». Но такое получение основания противоречит само себе, так как исключенное следствие логически не связывается с основанием и поэтому умозаключение, опосредствованная связь между следствием и основанием не оформляется. Если между исключенным следствием и полученным основанием становится логическая связь, то у нас будет диалектика, так как единство исключенного и оставшегося в результате исключения будет единством противоположностей.

Говорят, что вывод следствия из основания и вообще доказательство есть оправдание следствия в основании. В основании, например, в аксиомах, подразумевают все, поэтому вывод оттуда есть то же самое, что и оправдание всего в них (аксиоматический метод). Так понятая редукция, как было

сказано, есть тавтология, порочный круг, а не опосредствованная логическая связь.

Если в содержательной индукции содержательные частные применяются как основание, из которого выводят общее как следствие, то в содержательной редукции содержательные частные представляют собой следствие, откуда переходят к общему, как к основанию, следствие приводят к основанию. Ища в доказательстве основание тезиса, осуществляют именно редукцию. Тезис есть следствие, нахождение основания которого представляет собой редукцию, если это «нахождение» есть логический переход. В этом смысле можно сказать, что путь доказательства отличается от пути умозаключения редуктивностью. Умозаключение должно быть получением следствия из основания, а доказательство, наоборот, переходом от следствия к основанию. Но если этот переход имеет логическую природу, то он будет своеобразным умозаключением, тождественным доказательству.

Мы выше рассмотрели суждение как заключение, как следствие и суждение как основание; переход от суждения как от основания к заключению есть индуктивный переход, но необходимость перехода от суждения, как от следствия, к заключению, как к основанию, есть необходимость редукции. Следствие есть именно следствие основания, для следствия необходимо основание, понятие следствия с необходимостью подразумевает основание; необходимость основания для следствия и должна осуществляться в редукции.

Содержательная редукция возможна в сфере категорий, так как в этой сфере возможно и осуществляется логическое обращение; здесь не только следствие определяется основанием, но и наоборот — основание определяется следствием. В категориях частное есть основание общего, а общее — основание частного. Это значит и то, что как частное так и общее суть следствия. Переход от частного как следствия, к общему, как основанию или от общего, как следствия, к частному, как основанию, осуществляется путем редукции. Общее, полученное в результате отрицания частного, есть следствие и частное, полученное в результате отрицания общего, есть следствие, но к отрицанию этого следствия дает то, что есть его основание. Ведь отрицание отрицания частного будет получением следствия. Неопределенность, характерная для такого отрицания, его кругообразность, снимается самооснованием, самоутверждением, которое не упраздняет редуктивности, а содержит ее в себе как момент. Если «частное есть общее» есть суждение, то ясно, что предикат, как высказывание субъекта есть переход в основание, так как предикат, полученный на основании субъекта есть именно высказывание субъекта, своеобразное возвращение в основание. Это можно сказать о каждом суждении, будут ли они связью категории или нет, тавтологическими суждениями или синтетическими. Дедукция, как переход от основания к следствию, есть, вместе с тем, выход основания в следствие, «раскрытие» основания в следствии. Это относится и к индукции, поскольку индукция оправдывается в основании, с необходимостью подразумеваемом ею (например, в законе единообразия природы); в индукции осуществляется также и редукция, поскольку, основание частного есть общее, т.е. поскольку частное переходит в свое основание — в общее.

Частное и общее находятся в единстве, в случае их раздельного представления оба теряют смысл; они оба имеют смысл в единстве, как в их основании; поэтому из частного и общего, как из противоречащих сторон, с необходимостью получается их единство; постольку это «получение» есть редуктивный переход от противоположных частных к общему. Это имманентный переход, оправдание самого себя в основании. Гегель отмечал, что рассудочные определения по своей природе приходят к самоотрицанию — к отрицательной диалектике, а она к спекулятивной. Этот «приход» есть приход к основанию, редукция.

В бесконечном умозаключении осуществляется и дедукция — так как из единства следуют его односторонности, — и индукция, поскольку утверждение-отрицание применяется как основание для получения единства; здесь же осуществляется и редукция, поскольку имеет место: 1) переход от утверждения-отрицания, как от следствия к единству, как к основанию, оправдание первого во втором; 2) утверждение нечто его же отрицанием как следствием. Имеет место также и утверждение основания следствием в самоосновании.

Эта взаимонеобходимость дедукции, индукции и редукции требует их единства, оправдывающего основания, — универсального для них метода. И это тоже есть своеобразная редукция. Дедукция, индукция и редукция суть частные логические методы, которые как таковые, переходят в диалектический метод, как в оправдывающее их основание, как в

универсальный метод, содержащий их в снятом виде.

Дедукция, индукция и редукция, как нам известно, представляют переходы в противоречащее, они во взаимосвязи создают круг, оправдание которого возможно только в самоутверждении. Для дедукции необходима индукция, снятие вероятностности которой и этим ее оправдание, оправдает и дедукцию. Дедукцию, индукцию и редукцию объединяет и то, что они, как переходы в противоречащее (частного в общее и наоборот) содержат момент отрицательной диалектики, который оправдывается в положительной диалектике, как в ее основании.

Здесь можно отметить и то, что индукция, как метод исследования, и индукция, как освобожденный от «вероятностности» логический метод должны представлять собой один и тот же метод. Больше можно сказать об единстве индукции, дедукции и редукции. Эти методы, как методы перехода в противоположное и их единство, как определенный метод, должны быть как методами познания, так и логическими методами. Диалектический метод, как метод доказательства, если таковой возможен, должен содержать моменты индукции, редукции и дедукции. Диалектика, как известно, представляет метод познания, определенный способ мышления, именно логический способ; если она есть и метод доказательства (об этом ниже), то обеспечено тождество логики, диалектики и теории познания.

§ 218. Анализ и синтез

Как было сказано, вышерассмотренные методы представляют собой моменты диалектического метода. Методы анализа и синтеза и их единства также являются элементами диалектического метода и будут полностью представлены в дальнейшем — при рассмотрении диалектического метода, как метода доказательства. Здесь мы выделим существенное для этих методов, в особенности, необходимость друг для друга анализа и синтеза, как мы это сделали при рассмотрении других частных методов (рассмотрению целого должно предшествовать рассмотрение элементов и при исследовании метода доказательства).

Вопрос анализа или синтеза материальной вещи, ясно, не есть вопрос логики. Логика изучает тот анализ и синтез, которые осуществляются в формах мысли — в понятии, суждении и умозаключении.

Анализ есть метод, который из какой-нибудь мысли выводит то, что в ней подразумевается заранее. Синтез есть метод, который с какой-нибудь мыслью связывает то, чего в ней нет, связывает эту мысль с другой мыслью. Метод единства анализа-синтеза, как это будет выяснено ниже, есть метод выведения из какой-нибудь мысли отличной мысли. Первые два являются односторонностями третьего; только третий метод имеет диалектический характер. Это не значит, что первые два подлежат исключению и упразднению, нет, односторонность есть один момент целого. Анализ есть метод, который применяется в сфере тавтологий. Поэтому-то и аналитичны те умозаключения, которые изучала и изучает формальная логика. Синтетический метод применяется в синтетически-логическом. Аналитический метод требует синтетического метода и наоборот — для синтеза необходим анализ. Оба метода необходимы в логической сфере, поэтому они логические методы (а не только методы познания). В аспекте этих методов познавательное и логическое есть одно и то же; поэтому одно и то же диалектика, логика и теория познания. Анализ и синтез осуществляются в суждении, в умозаключении, в понятии, в доказательстве. Аналитический и синтетический методы — применяются и осуществляются в логических формах мысли. Без применения аналитического и синтетического методов, метода единства анализа-синтеза, как логического метода, логика невозможна.

В суждении предикат высказывает то, что из себя представляет субъект. В нем дан субъект, высказанный предикатом. Поскольку предикат высказывает субъект и ничто иное, постольку в суждении имеет место, осуществляется анализ. Но поскольку предикат отличается от субъекта, постольку суждение есть синтез. Например, поскольку «собака» признак «Жучки», высказывает именно «Жучку», постольку суждение «Жучка собака» осуществляет анализ. Но поскольку «собака» отличается от «Жучки», постольку суждение осуществляет синтез. Необходимость друг для друга анализа и синтеза осуществляется в суждении. Суждение есть единство анализа и синтеза.

Это так в синтетическом суждении, но аналитическое или тавтологическое суждение тоже показывает необходимость синтеза. Если предикат не отличается от субъекта, то суждение есть высказывание ничто. Чистая аналитичность, как чистая положительность, есть отрицательность.

Поэтому для аналитичности необходима синтетичность. Переход чистой положительности в отрицательность есть переход в противоречащее; невозможно представить себе более полную синтетичность.

Умозаключение аналитично поскольку заключение с необходимостью выводится из посылок на основании тождества. Если в посылках и в заключении нет тождественности, то умозаключение невозможно. Поскольку в умозаключении заранее даны посылки и из них выводится то, что в них подразумевается, постольку умозаключение осуществляет анализ. Но необходимый вывод — умозаключение — теряет смысл, если не выводится отличное и постольку умозаключение синтетично. Умозаключение представляет собой единство анализа и синтеза. Поэтому оно диалектично (так же как и суждение, поскольку суждение тоже представляет собой единство анализа и синтеза).

Единством анализа и синтеза является так же и понятие, поскольку оно одна тождественная мысль, но в то же время единство различных признаков. Тождественность, существующая в понятии, есть аналитичность, а содержащееся в нем единство различных представляет собой необходимую синтетичность, содержащую аналитичность. Таково и понятие с одним признаком, например, какая-нибудь категория, допустим, категория бытия, которая определяется категорией ничто, с необходимостью подразумеваемой ею, так же как и наоборот — ничто подразумевает бытие и т. п. Понятие, как общая мысль умозаключения, о чем мы говорили выше, не может не быть единством анализа и синтеза.

Еще Аристотель говорил о том, что доказательство имеет место тогда, когда вследствие нечего есть также и другое. Доказательство невозможно, если основание и следствие не отличаются друг от друга. Тавтологичность доказательства, как мы знаем, представляет собой ошибку. Доказательство есть единство анализа и синтеза.

Невозможно высказать нечто без посредства чего-то другого; высказывание тождественного, как повторение, ничего не высказывает; невозможно высказывание нечего без объединения его с чем-то отличным. Поэтому для анализа необходим синтез. Для каждого высказывания необходимо применение логических методов анализа, синтеза и их единства.

Раздельное применение анализа и синтеза правомерно только тогда, если каждый из них будет понят как энтимемный — подразумевающий другой, анализ подразумевает синтез, синтез — анализ. Каждый из них невозможен без подразумевания другого. Невозможен чистый анализ и чистый синтез. Только синтез, синтез без анализа, есть случайное соединение того, что понимается аналитически. Но в таком случае синтез снимается, мы его сводим к анализу. Только анализ требует того, что анализируется, что с необходимостью подразумевает синтетичность, различенность, без чего нет того, что анализируется и анализ не осуществляется. Анализ осуществляется синтетичностью и анализом получается синтетическое. Таким образом, необходимо единство анализа и синтеза; анализ и синтез существуют в одном (это одно будет более подробно рассмотрено ниже). Они являются односторонностями одного и того же, их единство диалектично.

Благодаря анализу имеет смысл аналитика (например, «Аналитика» Аристотеля), сведение к простому, а синтетика имеет смысл благодаря синтезу. Первая попытка синтетики в трансцендентальной диалектике Канта окончилась неудачей. Но эта попытка стала началом, которое продолжил Фихте и на основе идеализма закончил Гегель. Настоящая, научная синтетика возможна только в материалистической диалектике. «Соединение анализа и синтеза», их единство есть один из элементов диалектики³⁷.

§ 219. Метод определения понятия

С методами анализа и синтеза непосредственно связан метод определения понятия. Все они являются методами доказательства. Это делает очевидным метод определения понятия, содержащий в себе методы анализа и синтеза.

Определение какого-нибудь понятия есть именно его полагание. Оно имеет начало и конец, являющиеся началом и концом самого понятия. Определение выполняется суждением, оно процесс суждения (особенное суждение). Начало суждения есть его субъект, а конец — предикат, высказывающий субъект; поэтому в суждении полагается то, чем является субъект. Субъект

³⁷ В. И. Ленин, т. 38, изд. четвертое, стр. 213, 214.

высказывается в предикате; субъект есть предикат; но предикат есть субъект в том смысле, что субъект есть не что иное, как предикат.

Это не значит, что субъект может иметь только один предикат; нет, субъект может быть высказан многими предикатами, поскольку понятие может иметь много признаков. Признак понятия есть предикат субъекта в суждении, полагающем понятие.

Выделение предиката из субъекта есть анализ, а «приписывание» субъекту отличного от него предиката есть синтез; поэтому, как было сказано, суждение само есть единство анализа и синтеза, которым и полагается понятие.

Предикат может быть противоположностью субъекта (а не только отличным от него); например, в суждении «частное есть общее» субъект раздваивается — противопоставляется самому себе и получаем единство противоположностей, общая мысль которого, как это было выяснено выше, есть понятие; оно получается именно высказыванием субъекта предикатами — предикацией. Полагание понятия осуществляется именно посредством, путем предикации. Все это — процесс полагания одного понятия, начинающийся понятием (началом понятия) и кончающийся понятием же (завершенным понятием). Здесь начало и конец одно и то же, точнее, это начало и конец одного и того же. Постольку процесс определения понятия представляет собой круг, без которого нет завершенного понятия, нет понятия вообще.

Правда, имеющееся теперь понятие может изменяться, поскольку предмет, отраженный понятием, может в последующем быть познан глубже, но если понятие относительно не завершено, то его вообще нет. Логика не касается психологический путь полагания понятия. Когда бы ни было установлено понятие, если оно и в самом деле установлено, если оно у нас есть, то оно не может не быть завершенным; одно понятие может быть развитием другого, но ступени этого развития, как определенные понятия, должны, разумеется, иметь какое-то завершенное значение, в противном случае, понятия и не будет.

Понятие полагается тем, что анализ субъекта осуществляется предикацией, продолжающейся до исчерпания субъекта; субъект есть корень предикатов, он высказывается именно в предикатах. Предикаты не должны оставить ничего невысказанного в субъекте, в противном случае у нас будет агностицизм (как с логической, так и с познавательной точек зрения), агностицизм именно с точки зрения полагания понятия.

Мы имеем в виду природу понятия и его полагания, о которой говорилось выше; понятие есть общая мысль умозаключения; оно устанавливается в результате суждения и умозаключения. Определение понятия (а не разъяснение слова, как это понимают номиналисты, например, Котарбинский)³⁸ есть полагание того общего, которое является единой мыслью умозаключения; как нам известно, понятие в полном виде устанавливается в однопонятийном — бесконечном умозаключении. Поэтому можно сказать, что процесс определения понятия имеет природу логической необходимости.

Это хорошо видно во взаимопереходах категорий, которые как предикаты исчерпывают понятие, являющееся их субъектом. Таким образом, можно сказать, что метод определения понятия есть по существу то же самое, что и метод определения логического, метод определения понятия логического.

Понятый таким образом процесс определения логического есть не что иное, как процесс доказательства. Процесс определения понятия логического есть вся логика, система логики, являющаяся системой доказательства. Именно метод этого доказательства есть метод определения понятия. Поэтому может быть будет лучше, если мы вместо «метода определения понятия» будем выражаться так — «метод определения логического» (это будет полностью выяснено ниже, при рассмотрении понятия логического развития).

§ 220. Диалектика частного и общего и методы доказательства

Мы знаем, что вышеперечисленные методы доказательства непосредственно опираются на отношение частного и общего, разумеется, постольку, поскольку это отношение имеет место в логике — поскольку частное и общее являются понятиями, категориями.

³⁸ Т. Котарбинский, Избранные произведения, 1963, стр. 627 и след.

С точки зрения некоторых логиков, категории частного и общего вообще не входят в сферу логики. По их мнению, дедукция не есть вывод частного из общего, поскольку якобы: 1. Дедукция есть не вывод частного из общего, а вывод на основании законов логики. Но законам логики подчиняется каждое умозаключение, а не только дедуктивное. Ведь законы и правила логики имеют общую природу. Поэтому каждое умозаключение будет дедуктивным; если умозаключение есть вывод на основании правил логики, то отсюда следует не то, что вывод частного из общего не есть дедукция, а то, что каждое умозаключение есть вывод частного из общего. 2. Дедукцию определяют так: она есть умозаключение, в котором заключение логически вытекает из посылок³⁹, но таковы не только дедуктивные, но и умозаключения вообще — это отождествление умозаключения вообще с дедукцией, а не отрицание вывода частного из общего. 3. Говорят, что умозаключения, признанные дедуктивными (в математике, в физике) часто не являются выводом частного из общего; но ведь они могут быть умозаключениями другого вида? Почему мы должны отождествлять друг с другом умозаключение и вывод частного из общего, ведь и вывод общего из частного может быть умозаключением? Ведь существует содержательное частное и общее? На это обстоятельство не обращают внимания и поэтому возникают многие недоразумения. 4. Говорят, что Аристотель, который логическим методом признавал только дедукцию, применял законы другой логики, например, сводя модусы других фигур к модусам первой, он применял законы исчисления высказываний⁴⁰. Но это не есть довод против того, что дедукция есть вывод частного из общего, поскольку ведь и в этой «другой логике» есть законы, которые имеют общий характер и на которые опираются умозаключения? 5. В исчислении высказываний получение из одного выражения второго не есть, мол, вывод частного из общего: а) здесь вообще нет отношения основания и следствия, а имеется математическое, именно, функциональное отношение; б) в исчислении высказываний применение законов и правил есть применение общего как основания; правила и законы не могут не быть общими. Как может исключать вывод частного из общего применение общности закона и правила как основания? 6. Правда заключается в том, что логической общности нет в символах, схемах, которые вообще не являются мыслями. Символ не различает частное и общее, логическая общность есть в категориях, а не в символах, но без общности не имеют никакого значения ни символ, ни схема. Применение символа в тождественном значении, его тождественность в определенной системе есть уже применение общего, использование этого символа в общем смысле. 7. Возможность получения в модусах силлогизма и общего из общего и невыводимость частного из общего при обращении общеотрицательного суждения ничего не говорит, вопреки некоторым логикам, против вывода частного из общего. В дедукции исключается получение более общего из менее общего, а не общего из общего или частного из частного; как мы показали выше, силлогизм не в состоянии вывести частное из общего, поскольку это переход в противоречащее, что для формальной логики вообще недопустимо. Если силлогизм не оправдывает вывод частного из общего, это не значит, что вообще такой вывод невозможен. Индукцию, как получение общего из частного, тоже считают невозможной, но она, как это было доказано выше, оправдывается. Выводы частного из общего, или наоборот частного из частного, или общего из общего, ясно, опираются на отношение общего и частного, являются его моментами, а не исключают его.

Закон и правило имеют общий смысл, поэтому вывод частного из общего или объяснение частного на основании общего есть основание и для вывода необщего из необщего. Отрицательное имеет смысл благодаря положительному. Применение общего правила в импликации подчиняет последнее первому, несмотря на то, что здесь нет отношения основания-следствия («антецедент» не есть логическое основание и «консеквент» не есть его следствие).

Индукция, дедукция, редукция представляют собой отношения частного и общего, в которых, как мы знаем, осуществляются переходы в противоположность.

Как мы уже знаем, отрицание общего делает частное абсолютным, общим; и само это отрицание имеет общий характер; отрицание частного превращает общее в частное; поэтому и осуществляется неустранимость противоречащего, переход в противоречащее что, возможно, обосновывается и объясняется только в единстве.

³⁹ См.: Aidukiewicz, *Abriss der Logic*, 1958, стр. 158; а также R. Carnap, *Einführung in die symbolische Logic*, 1954, стр. 20; А. Чёрч, *Введение в математическую логику* и др.

⁴⁰ Я. Л у к а с е в и ч, *Аристотелевская силлогистика*, 1959, стр. 86—115.

Единство частного и общего, являющееся основанием частных методов доказательства, в логике должно действовать в форме умозаключения, правило которого будет универсальным методом доказательства. Эта форма, как мы уже знаем, есть бесконечное умозаключение, правило которого есть то же самое, что и универсальный закон логического; это правило самоутверждения или логический закон единства противоположностей. Поэтому универсальным методом доказательства должен быть полный диалектико-логический метод.

§ 221. Диалектическое отношение основания и следствия

Выше было отмечено, что основание есть категория, поэтому существуют как реальное, так и логическое основания; существует также реальное и логическое следствия. Отношение основания и следствия есть, прежде всего, категориальное отношение, определяющее те логические отношения, которые имеются в индукции, в дедукции и т. д. Основание есть определяющее, подчиняющее, а следствие определяемое, подчиняемое. Определяющее может предшествовать определяемому, но может быть и последующим: например, суждение как заключение определяется посылками; умозаключение определяет заключение, как свой момент; но при переходе от суждения к умозаключению имеет место: 1) применение суждения как основания, поскольку здесь осуществляется переход от частного (односторонности) к общему (к целому); 2) правда, здесь умозаключение является последующим, следует из суждения индуктивно, но оно представляет собой объясняющее основание; переход от суждения к умозаключению есть переход следствия в основание, определенная редукция.

Основание и следствие хотя по-разному, но все-таки определяют друг друга; основание есть основание следствия, а следствие есть следствие именно основания.

Отношение основания и следствия, которое осуществляется в частных логических методах, есть одностороннее — «прямолинейное» отношение, поскольку здесь имеется переход или от основания к следствию, или наоборот — от следствия к основанию; хотя здесь есть и требование обращения, поскольку переход от следствия к основанию заранее подразумевает переход от основания к следствию; здесь два «прямолинейных» перехода. Индукция исходит из общего, опирается на него, хотя она есть переход от частного к общему — обоснование общего частным; эти два обоснования отличаются друг от друга, оба имеют «прямолинейный» — нерелективный характер; хотя их единство требует релективности, но здесь она не осуществляется; она возможна и должна осуществиться в другом методе.

Одностороннее основание (см. выше при рассмотрении категории основания об «одностороннем» и «двустороннем» основании) дает «прямолинейное» отношение основания-следствия, так как в данном случае основание есть только основание, а следствие — только следствие. Правда, при «двустороннем основании» имеется какое-то обращение, так как в этом случае, основание есть и следствие, но это обращение остается требованием, определение следствия основанием и основания следствием остаются двумя «прямолинейными» отношениями; например «двустороннее» основание имеется во взаимоотношении частного и общего, как во взаимопределивании противоположностей, где частное есть определяющее основание общего (и постольку общее есть следствие) и общее есть определяющее основание частного (а частное есть следствие); таково взаимоотношение противоположных сторон в каждом единстве противоположностей. Но каждое из них есть «прямолинейное» отношение. Обращение здесь не оправдывается; оно будет оправдано в более общем отношении, именно в самообосновании внутренним отрицанием.

Как нам известно, «бесконечное основание» есть единство противоположностей, не только единство, а именно единство противоположностей. Это бесконечное умозаключение, в котором имеются как основание, так и следствие, являющиеся моментами одной целостной мысли, но так, что отрицанием нечто утверждается оно же; основание и следствие есть одно и то же, но их единство осуществляется внутренним отрицанием; здесь имеется самооснование и самоследствие, т.е. логическая релекция, в которой «двузначность» существует в снятом и сохраненном виде. Так осуществляется диалектическое отношение основания-следствия, односторонностями которого являются другие — частные отношения основания со следствием; «прямолинейные» отношения определяются «кругообразностью», как логической релексией, которая полностью осуществляется в самообосновании — в бесконечном умозаключении.

Из бесконечного умозаключения непосредственно вытекают 1) содержательная дедукция — утверждение и отрицание как противоположности опираются на единство, 2) содержательная индукция — на основании утверждения и отрицания получается их единство, 3) содержательная редукция — переход от утверждения и отрицания, как от следствия, к их основанию. Единство утверждения и отрицания есть общность, односторонностями которой они (утверждение и отрицание) являются. Здесь имеется, как мы уже знаем, отношение частного и общего, именно, полных частных и полного общего, диалектическое отношение, представленное в бесконечном умозаключении в виде логически рефлексивного осново-следственного отношения.

Здесь следует указать на одно обстоятельство. В бесконечном умозаключении, представляющем собой «ядро» диалектико-логического (логическое единство противоположностей) имеется переход от основания к следствию и обратно, своеобразное обращение. Это логически оправдано, ведь оно, как это выяснено выше, есть определенное умозаключение. Именно эта обратимость может и должна быть логическим основанием понятия управления в кибернетике, а не искусственная связь причинности как прямолинейности с «целью» как с действием следствия на причину⁴¹. Кибернетика, с нашей точки зрения, должна опираться не на понятие «цели», а на понятие обратной связи, в конечном счете — понятие самодвижения, которое вполне определенно представлено в материалистической диалектике.

4. ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Диалектический метод доказательства есть специфическая форма диалектики в логике, в логическом доказательстве. Он, как это явствует из вышерассмотренного, должен быть универсальным методом логического, универсальным логическим методом. Вышерассмотренные логические методы подчиняются и должны подчиняться универсальному методу, который включает их в виде моментов — односторонностей. Частные логические методы оправдываются в диалектическом методе доказательства.

§ 222. Универсальность диалектического метода доказательства

Мы здесь ограничимся перечислением аргументов, обосновывающих универсальность диалектического метода доказательства; эти аргументы непосредственно подразумеваются в содержании рассмотренных выше методов; необходимость диалектического метода доказательства вытекает из природы вышерассмотренных его следствий; он их оправдывает и доказывает.

1. Диалектический метод есть метод единства противоречия; нет ничего выше чем единство противоречия, так как невозможно его отрицание, ибо оно (отрицание) является его внутренним моментом, а не внешне противоположно ему; его отрицание требует и утверждает его же. Если противоречие есть граница формально-логического, то единство противоречия есть преодоление этой границы. Единство противоречия означает безграничность логического (преодоление логического агностицизма), а не новую его границу; оно есть логическая бесконечность.

2. Диалектический метод доказательства опирается на категорию логического и осуществляет его смысл. Категория логического есть последнее средство-основание мышления. Она корень логического; нет ничего более общего, чем категория логического. Отрицание категории логического может быть осуществлено только с ее же применением и полагает ее же, поэтому более высокий метод доказательства чем диалектический метод невозможен. Он универсальный метод в логическом, в доказательстве (и не только в доказательстве).

3. Диалектический метод доказательства есть метод категории логического и бесконечного умозаключения. Логическая бесконечность, содержащаяся в этом методе, не может стать конечной и требовать новую бесконечность, так как она содержит конечное, есть единство конечного и бесконечного. Эта бесконечность есть такое общее, которое содержит частное и поэтому не может превратиться в такое частное, для которого потребуются новое общее.

4. Необходимость, осуществленная в бесконечном умозаключении есть совершенная логическая

⁴¹ Ср. Г. Клаус, Кибернетика и философия, 1963, стр. 310 и след.

необходимость, поэтому форма, правило и закон необходимости, подразумеваемые диалектическим методом доказательства, суть одно и то же. Это высшая, универсальная форма, правило и закон логического.

5. Невозможность противоречия с необходимостью приводит к его необходимости, к отрицательной диалектике. Категории, применяемые в индукции, дедукции и редукции, относительно по своей природе, поэтому их связь с необходимостью содержит отрицательную диалектику, которая имеет смысл и оправдывается в положительной диалектике; поэтому положительно-диалектический метод, как метод доказательства, который содержит отрицательную диалектику в снятом виде, сам не может подчиняться противоречию, так как это потребовало бы нового единства и нового оправдания.

6. Как нам известно, для индукции, дедукции, редукции и их взаимонеобходимости характерна кругообразность. Диалектический метод, содержащий и оправдывающий эту кругообразность, сам не впадает более в безвыходный круг. Поэтому он не нуждается в оправдывающем его новом методе. Он представляет собой универсальный метод.

7. В бесконечном умозаключении, как нам известно, основание есть, вместо с тем, и следствие, основание утверждается как следствие. Отрицанием нечто его же утверждение означает именно это обстоятельство, поэтому нет нужды в новом оправдывающем основании. В диалектическом методе доказательства нет опасности бесконечного регресса. Поэтому он представляет собой универсальный метод.

8. Основание, оправдывающее условность «если—то», есть самооснование, осуществляемое в бесконечном умозаключении и представляющее собой оправдывающий (а не подлежащий оправданию) «кругооборот». В этом «кругообороте» оправдывается прямолинейность доказательства, требующая оправдания, оправдывающий же ее «кругооборот» не требует нового оправдания. Необратимость оправдывается в обратимости, в которой снята обратимость, подобная апагогии, и которая, как содержащая необходимость противоречия, не требует более новой обратимости; возможность такой новой обратимости заранее отрицается.

9. В диалектическом методе доказательства оправдывается не только однозначность формально-логического, но и двузначность отрицательно-диалектического; это оправдывающее есть, так сказать, «трехзначное», где «третье» есть бесконечное, поэтому и именно вследствие этой бесконечности больше не требуется другое оправдывающее, диалектический метод доказательства логически зиждется на самом себе.

10. В диалектическом методе доказательства, как в методе бесконечного умозаключения, умозаключение равняется доказательству, не требующему нового доказательства. «Доказательство доказательства» невозможно и здесь. Форма умозаключения, которая оправдывает формы всякого умозаключения, является наиобщей, она распространяется на саму себя, рефлексивна; поэтому такая рефлексивность не приводит к парадоксам.

11. Для диалектического метода доказательства, как для метода и формы бесконечного умозаключения, не требуется (и невозможна) другая форма. Его форма и содержание, в определенном смысле, совпадают друг с другом. Он есть своеобразная, так сказать, форма формы.

12. В диалектическом методе имеет место бесконечное по своей природе опосредствование, поэтому оно есть полное опосредствование. Полное опосредствование больше не опосредствуется, поэтому диалектический метод доказательства есть универсальный логический метод.

13. Одна из трудностей логических методов опиралась всегда на различие познавательного и логического, на различие методов открытия и доказательства. Проблема решается оправданием метода индукции, как метода доказательства, что делает возможным отождествление методов открытия и доказательства в диалектическом методе; диалектический метод доказательства и в этом смысле представляет собой универсальный логический метод.

Рассмотрение этих аргументов показывает, что они, как было сказано, непосредственно вытекают из содержания вышерассмотренных вопросов: но ясно и то, что много чего требует дальнейшей конкретизации и развития.

Итак, диалектический метод, как метод доказательства, должен быть универсальным логическим методом.

§ 223. О логическом изложении как доказательстве

Логическое «изложение» (*Darstellung*) есть восхождение от абстрактного к конкретному, имеющее характер доказательства; это синтетически-логический процесс, процесс восхождения от простого к сложному, определенная логическая синтетическая связь.

Логическое изложение в широком смысле есть каждое умозаключение и доказательство; таковы например, категорический силлогизм, индуктивное умозаключение. Доказательное изложение теорем, начиная с аксиом, есть логически необходимый определенный процесс.

Но здесь нас интересует логическое изложение, как восхождение — развитие; логическое изложение есть процесс перехода от абстрактного, как от содержательного частного, к конкретному, как к содержательному общему. Логическое изложение есть процесс развития, имеющий логический характер. Это такое развитие, которое равняется доказательству. Формально-логические индукция и дедукция, поскольку они имеют аналитический характер, разумеется, не являются логическим развитием. Если индукция, как переход от частного к общему, логически оправдана, то она будет «логическим развитием» (Ф. Энгельс). Если дедукция есть синтетический переход от общего к частному, то и она будет логическим развитием. Вышерассмотренная содержательная дедукция и такая же индукция есть логическое развитие. Переход от частного к общему и наоборот, как переходы в противоречащее, представляют собой логическое развитие. Каждый логический синтез, например синтетическое суждение, есть логическое изложение, имеющее характер развития.

Впервые Фихте и Гегель отождествили друг с другом логическое изложение, как развитие, и доказательство. Изложение категорий в системе было представлено как процесс доказательства. В самом деле, если логическое синтетично, то оно не может не быть логическим развитием. Именно в логическом развитии осуществляется полная логическая связь. Примерами такого логического изложения могут служить система «Логики» Гегеля, как система категорий, и система категорий, рассмотренных в «Капитале» К. Маркса (товар-деньги-капитал). Именно логическим изложением как доказательством является последовательность рассмотрения форм мысли, данная выше: суждение, его переход в непосредственное умозаключение, переход этого последнего в конечное опосредствованное умозаключение, далее переход в понятие и переход понятия в бесконечное умозаключение. Связь логических законов мысли тоже такова, как это мы показали выше.

Диалектический метод, как метод доказательства, есть способ логического изложения, Диалектический способ мышления есть и способ познания, и способ исследования, и способ доказательства, т.е. метод. Способ логического изложения есть способ «соответствующий действительному движению» (К. Маркс). Здесь нет априорной конструкции, хотя может показаться, что она такова⁴². Независимость такого движения имеет только относительный характер.

К. Маркс и Ф. Энгельс утверждают, что действительно научный метод есть логический метод восхождения от абстрактного к конкретному⁴³. Это метод своеобразного повторения-репродукции действительности в мысли. Путь развития мышления соответствует историческому; логическое есть отражение исторического; это отражение есть познание, поэтому тождественность способа познания и логического способа утверждает, полагает объективность логического, аподиктичность доказательства.

Исследование начинается с конкретного, его анализа и приходит к тому абстрактному, откуда начинается логическое изложение. Поэтому эти два пути отличаются друг от друга формально, а не по существу, так как: 1) оба имеют диалектическую природу и 2) логическое изложение содержит способ анализа. С точки зрения К. Маркса, конкретное есть действительная предпосылка, основание и субъект, на который всегда должно опираться логическое изложение. Один и тот же субъект, как основание, действует во всем логическом изложении и целиком исчерпывается его определениями и поэтому в результате получаем то конкретное, с простейшей односторонности которого начинается логическое изложение. Эти предикаты, форму общности которых представляют собой категории, все глубже и глубже высказывают субъект до исчерпания его содержания; здесь есть способ или путь от односторонности к единству односторонностей, где предыдущее подчиняется

⁴² К. Маркс, Капитал, I, 1949, стр. 19.

⁴³ См.: К. Маркс, К критике политической экономии. Введение и рецензия Ф. Энгельса на эту работу. Соответствующие положения К. Маркса и Ф. Энгельса подробно рассмотрены в нашем труде «Начало доказательства».

последующему, а в конце все вместе — одному. Эта связь-развитие возможна на основании одного субъекта. При отрицании такого субъекта предикаты теряют смысл (так получается у тех, кто отрицает субъект суждения, например, у Рассела)⁴⁴. Конкретное объясняет абстрактное, так как последнее представляет собой односторонность — момент первого (поэтому и говорит К. Маркс, что «анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны»). И не только объясняет, но и доказывает его (снятие-сохранение есть как доказательство, так и объяснение). Здесь способ познания и способ логического тождественны друг другу; это тождественное есть диалектический метод, который в теории К. Маркса стал единственно правильной формой развития мыслей (Ф. Энгельс). Эта форма логического изложения, как доказательства, способ, форма логического развития.

Путь от абстрактного к конкретному есть путь от общего к частному, поскольку абстрактное есть общее, а конкретное частное; например, в «Капитале» К. Маркса товар есть общее, а деньги — частное, особенный товар; в «Логике» Гегеля бытие (начало) есть абстрактное, а «становление», как одна из форм бытия, есть «частное». Но если абстрактное есть общее, то оно есть и частное, поскольку оно односторонность конкретного, содержательное частное; конкретное же есть содержательное общее, поэтому путь от абстрактного к конкретному есть путь от частного к общему, именно, к содержательному общему. Таким образом, можно сказать, что путь от абстрактного к конкретному, как от общего к частному, есть определенная дедукция; путь же от абстрактного, как от частного, к конкретному как общему своеобразная индукция; они совпадают и представляют собой путь одного и того же логического изложения, в котором индукция и дедукция составляют один и тот же метод. Этот метод подразумевает не только дедукцию и индукцию, но и переход от общего к общему и от частного к частному, но так, что переход осуществляется: 1) от абстрактного общего к конкретному общему и 2) от абстрактного частного — к конкретному частному. Но абстрактное общее есть содержательное частное, а конкретное общее есть своеобразное частное. Все четыре отмеченные здесь пути представляют собой аспекты одного и того же пути.

Абстрактное общее оправдывается в конкретном общем, моментом которого оно является. Например, в вышерассмотренном переходе от суждения к умозаключению суждение есть как абстрактное общее, так и содержательное частное, а умозаключение есть конкретное общее, в котором оправдывается суждение, как момент умозаключения; с другой стороны, умозаключение есть не что иное, как полностью представленное суждение, а суждение представляет собой одностороннее взятое умозаключение. Содержательное общее, как общее для многих элементов (К. Маркс), есть конкретное единство, содержащее много абстрактных сторон; а абстрактное есть один общий признак, который имеет характер объемного общего. Но, с другой стороны, абстрактное общее есть содержательное частное; оно есть тот субъект, который должен быть исчерпан многими абстрактными предикатами, во взаимосвязи которых присутствует первый абстрактный субъект, в полном виде представленный в конкретном общем, как в единстве многосторонностей. Поэтому здесь имеется логическое изложение, тождественное логическому развитию; это развитие одного и того же субъекта в предикации, в конце которой устанавливается понятие, именно понятие субъекта в его конкретности (как это рассмотрено выше при переходе от конечного умозаключения к понятию).

Логическое изложение, как путь от абстрактного к конкретному, представляет собой логическое развитие потому, что здесь осуществляется логическое снятие-сохранение, именно конкретное снимает и сохраняет абстрактное. Абстрактное есть ступень развития и момент конкретного. Ступень развития сохраняется в виде момента. В противном случае не было бы развития. Конкретное, как общее, подчиняет себе абстрактное, объясняет его. Конкретное есть основание для абстрактного, хотя необходимый переход от абстрактного к конкретному есть переход от определенного основания к следствию. Постольку абстрактное есть основание индуктивного перехода.

Абстрактное имеет смысл благодаря конкретному, его развитию и следствию, так как первое есть сторона второго и существует только тогда, когда существует это последнее. До конкретного абстрактное не существует, так как иначе оно само было бы конкретным, правда, менее конкретным, но все-таки конкретным. Например, суждение есть конкретное, но менее конкретное чем умозаключение; понятие есть конкретное, но менее конкретное чем бесконечное умозаключение; деньги есть конкретное, но менее конкретное чем капитал; количество есть конкретное, но менее

⁴⁴ Б. Рассел, Человеческое познание, стр. 118, 339.

конкретное чем мера и т. д. Абстрактное и конкретное представляют собой относительные понятия. Нет чисто абстрактного. Если бы существовало чисто абстрактное, то оно было бы независимо существующим конкретным. Существует более и менее (не в количественном смысле) конкретное и абстрактное. Существование чисто абстрактного логически невозможно, так как оно всегда имеет смысл тем, от чего оно абстрагируется; так и наоборот — конкретное имеет смысл благодаря абстрактному, его односторонности, односторонностям.

Такое взаимоотношение абстрактного и конкретного означает, что в этом отношении осуществляется одно и то же, представленное в начале односторонне, а в конце полностью. В логическом изложении и в начале и в середине и в конце один и тот же субъект. То, что в начале является простым, представляется в конце в полном виде. Предикация исчерпывает субъект и устанавливает понятие. Логическое изложение, как развитие, есть процесс определения понятия (как это было отмечено выше и в последующем будет еще рассмотрено). Таково опирающееся на развитие — историю предмета развитие понятия, как его познавательное так и логическое развитие. Таково и развитие понятия логического, развитие логического в его формах: суждении, конечном умозаключении, понятии, бесконечном умозаключении. Как мы уже знаем, без исчерпывания понятия нельзя его установить. Также без исчерпывания логического нет его понятия. Как было выяснено: 1) Мысль закона логического начинается с закона тождества и исчерпывается законом единства противоречия или самоутверждения. 2) Развитие логического начинается с суждения и исчерпывается бесконечным умозаключением; поскольку развитие исчерпывает его, постольку это развитие представляет круг, «кругооборот». Если у нас есть понятие бесконечности развития, то в нем схвачено то, что из себя представляет бесконечное развитие. Понятия бесконечного развития не будет и тогда, если мы не знаем, что это такое, и тогда, если нет бесконечного развития. При невозможности бесконечного развития у нас не будет и его понятия. Понимание природы бесконечного развития дает его понятие. Способ исследования, способ познания, как мы знаем, есть способ получения нового, и он, вместе с тем, должен быть и способом логической необходимости. Этого требует вышерассмотренное понятие логического изложения, как доказательства. Логическое изложение есть доказательство, в котором осуществляется открытие нового, но это, вместе с тем, есть уже и познание. Логическая связь элементов знания, одна и та же для познания и для логического. Получение нового в знании есть синтетичность в логическом. Вышерассмотренный переход от суждения к умозаключению есть логический переход, в котором осуществляется и познание. Как мы уже знаем, суждение антиномично, и его разрешение с необходимостью дает умозаключение, но также и понимание — объяснение суждения. То же можно сказать и о вышерассмотренных других переходах.

Как было отмечено, логическое изложение, как переход от абстрактного к конкретному, содержит дедукцию, индукцию и редукцию. Абстрактное простое, откуда начинается логическое изложение, есть начало того субъекта, который должен быть исчерпан предикатами; этот субъект в начале есть абстрактное общее и содержательное частное, постепенно переходящее в конкретное, до тех пор, пока мы не получим тот же субъект в конкретном виде, в виде единства многосторонности. Это развитие есть «индукция», поскольку здесь имеется переход от частного к общему; оно есть и «дедукция», поскольку процесс начинается с абстрактного общего; оно есть и «редукция», поскольку осуществляется переход в объясняющее основание. Содержащий эти методы единый процесс, как логическое изложение, представляет собой развитие. Но вопрос заключается в том, каким образом, какими средствами, каким методом осуществляются эти развивающиеся переходы. Каким образом возможно логическое изложение, как переход от абстрактного к конкретному?

§ 224. Метод единства анализа и синтеза

Процесс логического изложения, переход от абстрактного к конкретному осуществляется в единстве анализа и синтеза; посредством анализа с необходимостью осуществляется синтез.

В аналитичности нет опосредствования, переход к другому здесь исключается. Аналитичность, анализ опирается на принцип тождества. Анализ есть отношение нечто к самому себе; это отношение непосредственности. При анализе (разумеется, мысленном анализе) берется нечто, как заранее данное, и высказывается то, что оно из себя представляет; например, подразумеваемое в субъекте понимается как

его предикат, заключение понимается как содержащееся в посылках и т. п. Анализ какой-нибудь мысли есть не что иное, как полагание ее определений или определенностей. Эти последние содержатся в определяемом непосредственно. Поэтому часто говорят, что определение (дефиниция) аналитична. Анализ есть полагание имманентных определенностей нечто. С точки зрения докантовских рационалистов, действие подразумевается в причине и вытекает из нее аналитически, так же как из логического основания аналитически выводится следствие.

Анализ, прежде всего, означает повторение (так и понимали его), например, повторение основания в следствии, причины в действии, субъекта в предикате и т. п. Анализ не уходит за пределы данного нечто, он остается в сфере данного. Поэтому он опирается только на тождество, тавтологичность и представляет их. Современная формальная логика признает только такой анализ, для нее (например, для математической логики) неприемлема синтетичность, которая с необходимостью имеет содержательный характер.

Анализ есть сведение сложного к простому, конкретного к абстрактному общему. Анализ понятия полагает его абстрактные определения. Анализ конкретного дает абстракцию. Анализ нечто полагает то, что из себя представляет это нечто. Он есть полагание того, что есть нечто и не выходит за сферу этого нечто.

Правда, анализ не выходит за пределы анализируемого, но как установление определенностей нечто он уже есть полагание синтетичности, содержащейся в этом нечто. Полагание различия в нечто выявляет, что нечто представляет собой синтетическое единство. Полагание различия осуществляется анализом; определение взаимосвязано с другим, с тем другим, которое содержится в определяемом, но внутренняя связь различных и есть именно то, что называется синтезом. Анализ непосредственно переходит в синтез и осуществляется их единство.

Анализировать можно только то, что синтетично. Получить абстрактное путем анализа можно только тогда, если существует анализируемое конкретное, которое синтетично по своей природе. Анализ без конкретного, синтетического невозможен. Анализ должен оставить синтетическое, но если он и в самом деле оставит его, то станет невозможным. Анализ должен оставить конкретное и перейти к абстрактному, но такое «оставление» и «переход» означает его же упразднение, т.е. здесь возникает безвыходное противоречие. Анализ теряет смысл вне синтеза и синтетического.

Если анализ нечто не выходит за это нечто, то синтез представляет собой именно связь с другим. Синтез есть единство разнообразия. Если понять анализ, как восхождение от единичного к общему, то синтез будет переходом от общего к единичному, но как в первом, так и во втором случае общее существует в единичном. Анализ открывает общее в единичном, а синтез устанавливает единичное в общем. Но переход от единичного к общему (к абстрактному общему) сам есть синтез, синтез перехода в противоположное. Таким образом, анализ синтетичен по своей природе.

Синтез полагает нечто, например, моменты логического; посредством синтеза осуществляется развитие, связь-единство моментов одного и того же, но именно развитие одного и того же, т.е. синтез осуществляется на основании анализа. В «Капитале» К. Маркса анализ товара дает деньги, а анализ денег — капитал, но это уже есть осуществление синтеза. Как мы видели, анализ суждения ведет к конечному умозаключению, а анализ последнего дает понятие; анализом понятия переходим к бесконечному умозаключению. Анализом осуществляется синтез, именно необходимый синтез, невозможный без тождества, аналитичности. Синтетическое умозаключение есть умозаключение только тогда, когда содержит тождество, оно, вместе с тем, и аналитично. Умозаключение возможно только тогда, когда оно есть единство анализа и синтеза.

Как анализ невозможен без синтеза, так и синтез невозможен вне анализа. Синтез необходим, осуществляется с необходимостью только тогда, когда он содержит анализ.

Если анализ есть непосредственность, то синтез есть опосредствованность, опосредствование. Определение понятия есть полагание того, что из себя оно представляет: это аналитичность, пребывание в сфере непосредственности; но определение понятия есть (как мы видели) полагание необходимого единства частного и общего, т.е. оно синтетично, оно есть необходимый синтез. Таково и деление понятия, поскольку эта операция устанавливает его виды, в которых действует исключающее «или—или», а их единство представляет собой делимое понятие. Таким образом, единство аналитического и синтетического, непосредственности и опосредствованности имеется и здесь.

Доказательство есть не что иное, как необходимое опосредствование, поэтому оно есть единство анализа и синтеза, осуществление взаимоопосредствованной необходимой связи определенностей. Даже тогда, когда доказательство понимают аналитически, все же обращаются к внешнему — к другому основанию, т.е. требуют осуществления синтеза. Синтетичность содержит как основание, так и следствие, оба становятся внутренними. Доказательство, как единство анализа и синтеза, не может не быть диалектическим, поскольку единство анализа и синтеза есть единство противоположностей.

То обстоятельство, что, например, суждение есть единство аналитичности и синтетичности, что предикат есть именно мысленное высказывание субъекта, и, вместе с тем, это есть полагание субъекта как другого (полагание частного как общего), В. И. Ленин считает одним из определений диалектики. Именно отсюда выводит В. И. Ленин элементы диалектики, такие три элемента (которые в развернутом виде дают шестнадцать элементов): 1) определение понятия из самого себя. 2) противоречие в нечто, 3) единство синтеза и анализа⁴⁵. Можно сказать, что единство синтеза и анализа объединяет противоречие и определение понятия из самого себя. Что определение нечто есть полагание именно того, что оно есть, представляет собой аналитичность; полагание противоречия в этом нечто (например, в суждении полагание противоречия частного и общего) есть синтетичность; а единство обоих представляет собой единство синтеза и анализа.

Таким образом, можно сказать, что метод единства синтеза и анализа есть метод единства противоположностей, т.е. диалектический метод. Но это не только логический метод суждения, не только метод, осуществленный в форме суждения, но и метод логического вообще, метод всех логических форм, осуществленный во всех логических формах, так как характерное для суждения утверждение-отрицание действует и в умозаключении и в доказательстве. Метод единства анализа и синтеза есть диалектико-логический метод. Диалектический метод, как метод доказательства, есть метод единства аналитичности и синтетичности. Единство аналитичности и синтетичности представляет собой сущность этого метода.

§ 225. Метод единства непосредственности и опосредствования

Диалектический метод доказательства, как метод единства анализа и синтеза, непосредственно есть метод единства непосредственности и опосредствования (это не частные логические методы, которые были рассмотрены выше; это характеристика одного и того же диалектического метода, как метода доказательства, представленного в различных аспектах. Гегельянское понимание диалектического метода мы критически рассмотрели в нашей работе «Начало доказательства», поэтому оно здесь не будет рассмотрено).

Метод единства непосредственности и опосредствования есть метод единства анализа и синтеза, выраженный всего лишь в других категориях. Анализ, как было сказано, не выходит за сферу непосредственного; выход за сферу непосредственности, ее преодоление есть опосредствование. Анализом непосредственного полагается другое, являющееся определенностью первого (непосредственного), т.е. снимается непосредственность и устанавливается опосредственность, содержащая непосредственность; это их единство. Единство анализа и синтеза есть единство непосредственности и опосредствованности. Субъект суждения, взятый непосредственно, высказывается в предикате, но предикат определяет субъект, он есть его определенность, т.е. субъект опосредствуется предикатом. Умозаключение, как опосредственная связь, есть единство непосредственности и опосредствования, так как суждение, как элемент умозаключения, по сравнению с ним, есть непосредственная связь; и само умозаключение, как законченное целое, непосредственно. Умозаключение есть единая мысль, опосредствованная в самой себе. Если умозаключение представлено в виде единства единичного, особенного и общего, то, как мы уже знаем, оно есть опосредствованная связь этих категорий: 1) связь единичного с общим посредством особенного, 2) связь особенного с общим посредством единичного или 3) связь единичного с особенным посредством общего. Категорический силлогизм есть не что иное, как связь единичного с общим посредством особенного (связь меньшего понятия с большим посредством среднего).

Дедукция имеет смысл тем, что она есть опосредствованная связь общего с частным. Индукция

⁴⁵ В. И. Ленин, т. 38, изд. четвертое, стр. 213, 214.

тоже есть опосредствованная связь частного с общим. То же можно сказать и о редукции. Опосредствование, как мы знаем, есть определение, например, определение частного посредством общего, или наоборот; определение основания посредством следствия, или наоборот и. т. п.

Мы знаем и то, что полное опосредствование осуществляется тогда, когда имеем дело с внутренним отрицанием, именно с бесконечным умозаключением, как с единством противоречия или как с самоутверждением посредством внутреннего отрицания. В бесконечном умозаключении отрицаемое нечто есть непосредственное, его отрицание и его же утверждение этим отрицанием есть полное опосредствование; поэтому это умозаключение есть полная опосредствованная связь, полное единство непосредственного и опосредствования. Эта полнота заключается в том, что противоречие исчерпывает природу конечного и утверждает бесконечное, которое содержит конечное, но само не есть конечное. Поэтому более высшее, чем оно, невозможно. Поскольку логические связи всегда синтетичны, постольку в них осуществляется универсальный логический метод, как метод единства опосредствования и непосредственности.

Высшая и наибо́льшая форма единства опосредствования и непосредственности есть форма самоутверждения внутренним отрицанием, форма бесконечного умозаключения.

Невозможность противоречия есть выражение природы аналитичности и непосредственности, а единство противоречия полностью выражает природу синтетичности и опосредствованности. Мы выяснили и то, что первое есть необходимый момент второго.

Синтетически-логическое всегда конкретно. Каждое конкретное логическое внутренне опосредствованно, т.е. оно есть единство аналитичности и синтетичности или единство непосредственности и опосредствования. Это характерно вообще для диалектико-логического. «Диалектическая логика требует того, чтобы мы шли дальше, чтобы по настоящему познакомиться с вещью, надо изучить все ее стороны, все ее связи и «опосредствования»⁴⁶. В этой логике отождествляются диалектика, логика и теория познания, так что ни одна из них не отрицается, т.е. диалектическая логика есть такая логика, которая является и теорией познания и такая теория познания, которая есть логика. Все опосредствовано, связано в едином, связано переходами⁴⁷; так обстоит дело и в логическом.

Как это было выяснено при рассмотрении понятий непосредственности и опосредствования, как начало, так и конец логического процесса являются непосредственными. Снятие непосредственности есть опосредствованность, которая «наглядно» представлена, например, в суждении, в умозаключении, в определении понятия, в доказательстве. Поэтому единство непосредственности и опосредствования (так же как и единство анализа и синтеза) есть определенный «кругооборот», определенный круг, который представляет не ошибку, а именно истину, логическую истину (и вместе с тем, вследствие объективности логического, и познавательную истину). Метод единства опосредствованности и непосредственности есть кругообразный метод. Таков диалектический метод доказательства.

§ 226. Метод логического развития

Мысль, изложенная выше, полностью может быть представлена при рассмотрении метода логического развития. Диалектический метод, как метод доказательства, есть метод логического развития. Это метод логического изложения, рассмотренный выше в общих чертах. Метод переходит от абстрактного к конкретному в полном виде выступает в методе логического развития, как именно диалектическом методе, осуществляемом в логических формах мысли и в системе доказательства.

Как это было отмечено выше, логическое есть отражение реально-исторического, представляет собой мысленную репродукцию развития предмета (К. Маркс); в частности, логическое есть общая сторона познавательно-исторического, истории познания. Таково логическое: 1. В «Логике» Гегеля, которая есть не что иное, как история философии в ее общем аспекте. С точки зрения Гегеля, история философии начинается учением Парменида о бытии; и в начале логики имеется именно то бытие, которое рассматривал Парменид; а ничто вытекает из бытия Парменида (с нашей точки зрения это ничто

⁴⁶ В. И. Ленин, т. 32, изд. четвертое, стр. 72.

⁴⁷ В. И. Ленин, т. 38, изд. четвертое, стр. 91.

Горгия); бытие Парменида само есть ничто, переходит в ничто. А взаимопереходы бытия и ничто есть становление Гераклита и т. д. «Логика» Гегеля, как система логического развития категорий, есть история философии в ее логическом аспекте 2. Система «Капитала» К. Маркса, как система категорий, есть мысленно представленная история. В истории прежде всего был товар, а после деньги и капитал. Система этих категорий, как развитие, есть отражение истории. Логическое развитие имеет объективный характер, так как оно представляет собой отражение исторического. 3. С точки зрения В. И. Ленина, узловыми пунктами истории познания являются категории⁴⁸, логическая система которых есть сама логика, которая представляет историю познания в ее общем аспекте; поэтому такая логика, как было сказано, есть и теория познания.

Логическое развитие, как доказательство, хорошо видно в понятии самого логического, в частности: 1) в гегелевском понятии логического и. 2) в его нашем понимании, изложенном выше, при анализе форм мышления.

По мнению Гегеля, коротко говоря (вскользь это было затронуто и выше), логическое имеет три вида или момента; абстрактно-логическое, диалектико-логическое и спекулятивно-логическое, которым в истории логики соответствуют три ступени: формально-логическое, отрицательная диалектика Канта и спекулятивно-логическое Гегеля⁴⁹. Первое есть логическое, опирающееся на невозможность противоречия, второе — логическое необходимости противоречия и третье — логическое, имеющее природу единства противоречия (история логики должна содержать именно эти три ступени. Такая история логики еще не создана, ее создание представляет неотложную задачу). Логическое одной стороны противоречия, рассудочное или абстрактно-логическое Гегеля, согласно своей природе переходит в необходимость противоречия, а эта последняя в единство противоречия, т.е. первое есть момент второго, а второе (и первое) представляет собой момент третьего. Так что понятие логического имеет природу развития, именно, логического развития. В этом развитии второе отрицает первое, а третье — второе, но также и сохраняет их. Здесь имеется логическое снятие-сохранение, что и представляет собой логическое развитие и одновременно доказательство; логическое развитие, имеющееся в понятии логического, есть доказательство. Логическое снятие-сохранение есть как познавательное объяснение, так и логическое полагание-оправдание.

С точки зрения Гегеля, рассудочное логическое есть независимо, абстрактно взятая определенность мысли, где положительное и отрицательное представлены друг вне друга и различию придано абсолютное значение. Рассудок фиксирует определенность согласно принципу тождества; он отрицает неопределенность, смешивание. Он отделяет друг от друга определенности мысли, перечисляет их (положительное суждение, отрицательное суждение и т. д.). Поэтому для логического рассудочное логическое необходимо; логическое не может быть неопределенным. Соблюдение принципа, тождества и установление однозначности в определенностях мысли необходимо для логического.

Для логического вообще абстрактно-логическое необходимо, но недостаточно; абстрактно-логическое не исчерпывает логического, оно представляет только один его момент. Рассудочная определенность, когда она представлена полностью, приходит к отрицанию самой себя и переходит в свою противоположность. Например, общее, которое противопоставляется особенному, само есть особенное; таким образом, логическое расширяется до необходимости противоположностей, до «диалектико»-логического или отрицательно-диалектико-логического. Это необходимость противоречия, например, необходимость частного для общего, бесконечного для конечного, сложного для простого, неустранимость необходимости для свободы и т. п. Для рассудочного логического это непонятно. Отрицательно-диалектико-логическое, взятое само по себе, есть момент скептицизма. Но отрицательная диалектика коренится в природе рассудочной определенности; переход в противоположное есть имманентный переход. Диалектика создает необходимость имманентной связи. Поэтому отрицательно-диалектико-логическое переходит и оправдывается в спекулятивной — в положительной диалектике, в единстве противоположностей, Отрицательная диалектика возможна благодаря положительной диалектике и в ней. Единство противоположностей в мысли есть полное конкретное логическое. Таким образом, связь моментов логического есть связь-развитие и является доказательством.

⁴⁸ В. И. Ленин, т. 38, изд. четвертое, стр. 81.

⁴⁹ Более подробно этот вопрос мы рассмотрели в нашем произведении «Начало доказательства».

Ошибка Гегеля заключается в том, что он представил логическое, как абсолют, как бога; у него логическое пронизано мистикой. Но его мысль о том, что в логическом осуществляется единство противоречия, что логическое имеет диалектическую природу и представляет собой развитие, именно развитие, имеющее природу доказательства, безусловно есть «рациональное зерно» в его учении. С этим обстоятельством должна обязательно считаться материалистическая диалектическая логика.

С нашей точки зрения, исторически имело место и существует и конечное и бесконечное логическое, но так, что первое является моментом второго. Отдельное представление конечно-логического возможно и поэтому существовала и существует формальная логика, которая изучает конечно-логическое; бесконечно-логическое есть положительно-диалектико-логическое, которое содержит в качестве моментов формально-логическое и отрицательно-диалектическое; конечное логическое включает формально-логическое и отрицательно-диалектико-логическое, независимое существование которого неправомерно, так как оно приводит не к логике, а софистике (логика Аристотеля и возникла именно в борьбе против софистики; софистику окончательно побеждает только диалектическая логика, в которой преодолена — снята и сохранена отрицательная диалектика).

Как мы знаем, конечное есть то, что есть это, а не другое; это обстоятельство непосредственно высказывается в суждении; а бесконечно-логическое высказывается бесконечным умозаключением, одну сторону которого представляет конечное логическое (поэтому формальная логика есть логика суждения, а диалектическая логика представляет собой логику бесконечного умозаключения. Формальная логика изучает одну сторону диалектико-логического). Формально-логическое есть однозначное логическое. Последнее представляет собой один момент положительно-диалектико-логического. Оно имеет аналитический характер, поскольку не выходит за пределы какой-нибудь определенности. Именно поэтому для формальной логики положительное есть только положительное, а отрицательное — только отрицательное; внутренняя необходимая связь положительности и отрицательности считается невозможной; но этим природа логического нарушается, так как именно на необходимую связь положительности и отрицательности опираются логические формы мысли (суждение, умозаключение и доказательство), в которых действует именно утверждение-отрицание в их необходимом единстве.

Еще представитель античного скептицизма Энезидем указал на недостаточность, по его мнению, ложность однозначно-логического (и этим якобы — вообще на невозможность логического). С точки зрения Энезидаема, невозможно однозначное понятие причины и однозначное понятие следствия, так как понятие причины с необходимостью подразумевает понятие следствия и следствия — понятие причины. Нет причины без следствия и наоборот, тогда как для логики необходимы однозначные понятия причины и следствия.

Необходимость двузначности для логического впервые была доказана при рассмотрении природы антиномий Кантом; сделалась очевидной необходимость для нечего его противоречащего, что было требованием, именно понятия бесконечности. Именно понятием бесконечности была преодолена однозначность конечного. Как мы увидели, в антиномиях Канта стало очевидной необходимостью бесконечного для конечного и наоборот, сложного для простого и наоборот, прерывности для непрерывности и наоборот, причинности для свободы и наоборот и т. п., хотя для Канта отрицательная диалектика, как двузначность, осталась непреодолимой ошибкой, «иллюзией». И в самом деле, отрицательная диалектика, как внутренняя природа конечного, заключающаяся в отрицании самой себя, не выходит за сферу конечного, хотя доходит до её границы, разрушает ее, но останавливается здесь, не осуществляет смысла логического. То обстоятельство, что отрицательное имеет и положительный смысл, что положительное содержит и отрицательное, что бытие в определенном смысле подразумевает ничто и наоборот, показывает необходимость двузначности.

Для логического необходимо преодоление двузначности не сведением ее к однозначности (так как однозначная логическая определенность в силу своей природы переходит в свою противоположность — в двузначность), а установлением такой однозначности, которая снимает и сохраняет двузначность; это положительная диалектика, содержащая отрицательную, как определенный синтез однозначности и двузначности.

Отрицательное диалектико-логическое, как двузначное, имеет определенную рефлексивность, поскольку в отрицательном «видно» положительное и наоборот, в конечном «видно» бесконечное и

наоборот, в частном «видно» общее и наоборот. Так понятая рефлексивность (гегелевское понимание рефлексивности) должна быть преодолена полной рефлексивностью, именно логическим самополаганием, природу чего выявляют рассмотренные нами категории логического, а более полно, бесконечные умозаклучения.

Бесконечное умозаклучение, как самоутверждение посредством отрицания, содержит, разумеется, отрицательное утверждение, как такую отрицательность, которая имеет вместе с тем и положительный характер, т.е. содержит двузначность, определенное противоречие (которое, со своей стороны, содержит и момент невозможности противоречия) однако оно больше него, так как оно не только противоречие, но и его единство. Таким образом, здесь имеется какая-то «трехзначность», но «третье» значение не имеет конечного характера, оно по своей природе бесконечно, содержит в самом себе двузначность и однозначность — конечные. Попытка Günther-а оправдать двузначность многозначностью является ошибочной (Гюнтер обещает оправдать эту попытку во втором томе своего труда)⁵⁰, поскольку бесконечное не делится на множество, необходимое в математике, но не в логике, которая необходимо должна быть философской наукой. Позиция Heiss-а⁵¹, предпочтительнее, но его исследование пока-что не имеет определенных результатов. Вообще труды Heiss-а и Gunther-а касаются еще неразрешенных проблем и трудностей современной логики. Эти проблемы, с нашей точки зрения, могут быть разрешены и разрешаются, в диалектической логике. Гюнтер чувствует, что трудности современной логики должны разрешаться оправданием логической рефлексии, но против него надо сказать, что логическая рефлексия возможна только в сфере бесконечно-логического, а не в многозначной логике, которая представляет собой отрасль математики.

Для нас в данном случае главное отметить, что однозначное логическое согласно своей природе переходит в двузначное, которое оправдывается в «трехзначном» бесконечно-логическом — в положительно-диалектико-логическом (релятивно-логическое переходит в абсолютно-логическое). Таким образом, понятие логического представляет собой логическое развитие, как определенное доказательство.

Можно и нужно сказать, что диалектический метод доказательства, как метод логического развития, есть не что иное, как то развитие, которое мы охарактеризовали выше при рассмотрении: 1) связи-развития логических законов, 2) переходов и связи-развития форм мышления и 3) перехода абстрактного в конкретное, как развития, связи анализа и синтеза и непосредственности и опосредствования.

Здесь достаточно вспомнить несколько моментов субординации форм мысли, для того, чтобы выяснить природу метода логического развития. Положительное суждение антиномично, так как содержит момент отрицания, оформляемый в отрицательном суждении. Разрешение этого противоречия осуществляется в умозаклучении; но первая форма умозаклучения — непосредственное умозаклучение — само антиномично, так как для него характерна обратимость, в нем неразличимы основание и следствие; следствие есть основание и основание — следствие, т.е. рефлексивность такого умозаклучения требует оправдания. Непосредственное умозаклучение есть переход в противоречащее, например, частное есть основание общего или наоборот. Так же непосредственное умозаклучение противоречиво, поскольку умозаклучение должно быть опосредствованным, а не непосредственным. Непосредственное умозаклучение оправдывается в опосредствованном умозаклучении, где связь двух опирается на третье, оправдывается средним. Но существуют конечное опосредствованное умозаклучение и бесконечное опосредствованное умозаклучение, поскольку опосредствующим может быть как конечное, так и бесконечное. Конечное опосредствованное умозаклучение есть определенное единство частного и общего, которое является понятием, хотя оно есть умозаклучение, а не понятие. Общий смысл умозаклучения есть понятие. Единство частного и общего, как единство противоположностей, является бесконечным. Поэтому понятие должно быть бесконечным, но оно не является бесконечным, поскольку оно есть его только общий смысл. Поэтому антиномичность понятия должна разрешиться в бесконечном умозаклучении, в однопонятийном умозаклучении, в безусловном логическом — единстве противоречия, которое оправдывает всякое логическое и в котором логическое представлено в полном виде. Здесь кончается

⁵⁰ G. Günther, *Idee und Grundriss einer nicht-Aristotelischen Logic*, I. 1959.

⁵¹ R. Heiss, *Logic des Widerspruchs*, 1932; его же — *Wesen und formen der Dialektik*, 1959.

логическое развитие, начинающееся суждением. Таким образом, связь форм мысли есть логическое развитие — субординация, осуществляемая путем возникновения и разрешения внутреннего противоречия и завершаемая в единстве противоречия, как в самополагании; в логических формах мысли осуществляется способ, метод развития, который содержит индукцию, дедукцию и редукцию как моменты, так как развитие форм мысли есть: 1) путь от абстрактного общего к конкретному, 2) переход от содержательного частного к такому же общему и 3) переход совершается в содержательное общее, как в оправдывающее основание. Логическое развитие форм есть процесс определения логического. Поэтому метод логического развития и метод определения понятия логического совпадают друг с другом. В логическом развитии устанавливается истина логического, понятие логического. Природа логического представлена полностью в конце развития, в самом развитии. «Истина лежит не в начале, а в конце, вернее, в продолжении»⁵². Истинная природа логического представляется в развитии. Логическое есть развитие, поэтому соответствующий ему метод есть метод развития. Каждая логическая форма мысли должна рассматриваться в развитии.

Как мы убедились, связь логических форм мысли есть развитие, завершаемое бесконечным умозаключением. Но мы знаем и то, что само бесконечное умозаключение является развитием. Природа логического развития в полном виде представлена именно в бесконечном умозаключении. В диалектическом методе как методе доказательства, как субординации, основное — бесконечное умозаключение, как развитие. Как было отмечено выше, бесконечное умозаключение есть единство непосредственности и опосредствования. В нем непосредственно то, что отрицается, но его отрицание применяет и утверждает его же; это утверждение, осуществляемое отрицанием, есть опосредствование; утверждение опосредствовано и доказано. Это единство непосредственности и опосредствования представляет собой развитие, разумеется, логическое развитие. Отрицаемое непосредственное логически есть, так сказать, низшее; но оно как утвержденное в последующем — утвержденное посредством отрицания, логически является более высшим — развитым, поскольку оно доказано. Доказанное совершеннее, полнее чем недоказанное. Логически иначе невозможно. Таким образом, отрицанием нечто его же полагание есть развитие и представляет собой сущность логического развития. Способ или метод бесконечного умозаключения, как развития, есть высший логический способ, метод.

§ 227. Метод логического самополагания

Диалектический метод, как метод доказательства, в полном виде представлен в методе логического самополагания. Здесь полностью представлено и то, что из себя представляет сам логический метод.

В формальной логике доказательство понимается как утверждение нечто внешним основанием, утверждение какого-нибудь положения посредством других положений. Для этих последних необходимо доказательство новыми внешними основаниями и т. д. до бесконечности. Но бесконечный регресс в доказательстве означает невозможность доказательства. Поэтому такое доказательство приостанавливают, ограничивают аксиомами, недоказанными положениями. Приостановление регресса в доказательстве недоказанным, как это мы увидим ниже, и ясно само по себе (недоказанность не сможет приостановить доказательство), невозможно. Поэтому такая «прямолинейность» выявляет невозможность доказательства. «Прямолинейное» доказательство делается невозможным.

Вместе с тем, такое доказательство, с одной стороны, понимается как аналитическое — выводится то, что имеется в выводимом, а с другой стороны — поскольку оно осуществляется внешним основанием, посредством другого, — требует синтетичности. С одной стороны аналитичность, а с другой стороны нарушение аналитичности несовместимы друг с другом.

Если доказательство должно быть аналитическим, если синтетическое доказательство невозможно, то мы не имеем права применять внешние основания и единственно правомочным должно быть доказательство внутренним основанием. Но если основание внутренне, то аксиомы, как заранее данные недоказанные положения, следует отбросить. Это тоже своеобразное несоответствие, имеющее место в формально-логической теории доказательства.

Таким образом, оправдание прямолинейного доказательства должно быть невозможным. Это

⁵² В. И. Ленин, т. 38, стр. 161, 162.

обстоятельство впервые в истории философии было замечено древними — античными скептиками («Новые тропы»), которые выступали против теории доказательства Аристотеля. Но они отрицали вообще возможность доказательства, отрицали не только прямолинейное доказательство и аксиоматический метод в доказательстве, но и круговое доказательство, поскольку логическим кругом ничего не доказывается, он означает ошибку доказательства, его невозможность. Но древний скептицизм упразднил сам себя, поскольку доказывать невозможность доказательства — бессмыслица.

Поэтому ясно, что доказательство должно быть оправдано, но оно не может быть прямолинейным, т.е. оно должно быть понято как круг, но этот круг не должен быть логической ошибкой. Эта трудность как будто непреодолима.

Первая попытка замены прямолинейного метода доказательства круговым принадлежит Фихте. С его точки зрения, философия должна представлять собой систему (как это впервые потребовал Декарт), замкнутую систему (согласно Фихте, частные науки развиваются бесконечно, но знание того, что из себя представляет наука, сама теория науки — философия — должна быть законченной, в противном случае мы не имели бы понятия науки, оно было бы невозможным)⁵³, начало которой должно быть оправдано всей системой в ее конце. Осуществить это требование Фихте не смог, поскольку то, что должно быть оправдано в конце системы, он считает недостижимым кантианской идеей. Вместе с тем, сам Фихте указал, что замыкание круга системы показывает только возможность, а не необходимость его правильности, поскольку круг может быть замкнут применением случайного или ошибочного положения. Здесь надо отметить и то, что круговой метод Фихте есть не собственно логический, но вообще философский, метафизико-философский метод.

Гегелю принадлежит попытка преодоления недостатков Фихте и осуществления кругового доказательства в философской системе на основе объективного идеализма. Гегель указал на нелогичность кантианско-фихтеанской идеи, как недостижимой; с его точки зрения, идея не может быть недостижимой логически, с точки зрения понятия. В понятии достигается все, даже цель, кажущаяся недостижимой, не может не быть достигнута в ее понятии (несмотря на это и вопреки этой мысли основным понятием своей системы Гегель признал цель; этим он впал в безвыходное противоречие). Правда, Гегель в своей «Логике» дал систему категорий, сделал попытку оправдать эту систему логически, именно диалектико-логически, т.е. попытался создать диалектическую логику, но он растворил логику в метафизике (отождествив мысль с бытием), извратил логическое, признав его мистической способностью абсолюта — бога. Собственно проблемы логики («субъективная логика») он понимал ошибочно, рассмотрев их как метафизические, онтологические проблемы (для Гегеля понятие есть субстанция, вещь есть суждение и умозаключение и т. п.); этим извращается не только диалектическая логика, но и вообще логика. В частности, проблема кругообразности доказательства оказалась жертвой кругообразности метафизической системы⁵⁴.

Непрямолинейность, круг в доказательстве может быть оправдан только тогда, если установить определенную форму умозаключения, как логическую форму кругового доказательства. Эта проблема на научной основе может быть разрешена только в материалистической диалектической логике.

Как было сказано, вывод логических определенностей из заранее взятых недоказанных посылок характерен для формальной логики, для прямолинейности доказательства. В логике не должно быть ничего недоказанного, никаких посылок без доказательства; исходная точка должна быть доказана (как говорил Гегель, основание должно превратиться в следствие и наоборот). На это обстоятельство мы указали выше, именно показав, что в дедукции, индукции и редукции берется что-то без доказательства: 1) без доказательства в дедукции взяты первые посылки, 2) содержащееся в индукции недоказанное видно в том, что а) необходима общая посылка, без которой индукция не осуществляется, б) индукция сама есть недоказанность, поскольку в ней существенна вероятность, 3) редукция недоказанно подразумевает заранее дедуктивный путь, и т. п. Этими методами доказательство не оправдывается, поскольку они содержат недоказанное. Для доказательства, разумеется, необходимо, чтобы оно освободилось от недоказанного. Недоказанная посылка должна быть определена логически, опосредствована и доказана.

Мы видели, что доказательство есть логическое изложение, имеющее характер развития, но оно не

⁵³ Fichte, Ueber den Begriff der Wissenschaftslehre. Sämmtliche Werke, I, B, стр. 58. 59.

⁵⁴ Об этой см. наш труд «Рациональное зерно в теории умозаключения Гегеля», 1959.

должно быть прямолинейным; оно не должно быть чем-то без начала и конца, в противном случае: 1) оно имело бы недоказанную логическую посылку, 2) оно было бы логически безрезультатным, 3) оно не имело бы одну определенную, полную мысль, т.е. не было бы доказательством, чем-то логически определенным; при вышеперечисленных обстоятельствах доказательство теряет смысл.

Это значит, что доказательство, в конечном счете, должно быть не применением внешнего основания, а 1) взаимопределиением-опосредствованием, взаимопосредствованной необходимой связью мыслей, 2) осуществлением действия внутреннего основания, 3) полным необходимым внутренним опосредствованием; т.е. доказательство должно быть «кругооборотом».

В пользу того, что доказательство должно быть кругом, «кругооборотом», свидетельствует необходимость для него вышерассмотренных методов: 1) метода определения понятия или логического, исчерпывания понятия логического, полного полагания субъекта в его предикатах, 2) метода пути от абстрактного к конкретному, конкретного единства, содержащего односторонности, 3) метода единства аналитичности и синтетичности, 4) метода единства непосредственности и опосредствования, 5) метода логического развития, как определенного необходимого восхождения. Таким универсальным методом доказательства должен быть метод круга, «кругооборота», который содержит все логические методы в качестве своих моментов, оправдывает и утверждает их; он является не суммой этих методов, а единым, нераздельным методом. Характерный для него круг непосредственно вытекает из природы вышеперечисленных методов, которые в различных аспектах представляют один универсальный метод. Это метод логической рефлексивности, логического самополагания, самоутверждения посредством внутреннего отрицания или метод единства логических противоположностей. Этот метод должен существовать и существует в форме умозаключения — бесконечного умозаключения. Каждая синтетическая логическая связь должна подчиняться такому умозаключению и не может каким-то образом не представлять его, поскольку каждая такая связь содержит внутреннее отрицание, являющееся определенностью связи. Следовательно, диалектический метод доказательства есть метод, способ самоутверждения внутренним отрицанием (тавтологическое самоутверждение, как мы видели, есть логическое ничто).

Вот именно об этом методе можно сказать, что он есть форма общности логического развития. Это высшая общность доказательства, формой которого является бесконечное умозаключение; полная форма доказательства есть именно бесконечное умозаключение, форма общности логической бесконечности, метод бесконечно-логического. Формально-логическое есть логическое однозначности, отрицательная диалектика есть логическое двузначности, а метод бесконечно-логического есть метод «трехзначности», метод «трехзначного» логического, где «третье» есть единство, содержащее и подчиняющее себе «двузначность» (немецкая идеалистическая диалектика указала, что логический метод должен иметь форму триплицитета). Положительное диалектико-логическое содержит в себе моменты однозначности и двузначности. Поэтому оно есть своеобразное «трехзначное» логическое, где «третье» есть бесконечное.

Как было показано выше, все логические формы мысли и их переходы-развитие суть не что иное, как моменты бесконечного умозаключения и их взаимонеобходимые связи. Поэтому бесконечное умозаключение в виде собственных моментов содержит все, что развернуто во всей логике. Содержание системы всей логики есть развернутое бесконечное умозаключение. Вся логика сжата в одной полной опосредствованной связи, выражается одним умозаключением — бесконечным умозаключением. Именно поэтому мы и говорим, что универсальный логический метод есть форма общности развития логических форм мысли, форма самого развития. Это определенный способ, способ единства утверждения и отрицания внутренним отрицанием, логического самополагания.

Это универсальный или абсолютный метод, абсолютный способ логического развития. Абсолютное не исключает релятивного и релятивное — абсолютного. «Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное». «Для объективной диалектики в релятивном есть абсолютное». В объективной «диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным»⁵⁵. Логическое развитие есть единство релятивного и абсолютного. Например, как это было выяснено выше, суждение релятивно, а полное умозаключение — абсолютно. Релятивность есть конечность; полное конечное или релятивное есть одна сторона противоречия (одно

⁵⁵ В. И. Ленин, т. 38, изд. четвертое, стр. 358.

суждение, как одно из противоречащих суждений); а два таких единства есть абсолютное или безусловное, поэтому здесь снимается опасность регресса, характерная для условно-логического, для прямолинейного доказательства в формальной логике. Это абсолютное или безусловное есть единство утверждения и отрицания противоположных-противоречащих категорий или суждений, единство логических противоположностей, бесконечное умозаключение.

Как было сказано, логический метод есть определенная форма, но это не бессодержательная форма. Универсальный метод есть способ развития логического содержания, способ осуществления развития логических форм мысли. А развитие вне содержания невозможно.

На содержательность логического метода указал Гегель, дав ему такое определение: «Метод есть сознание формы самодвижения содержания»; но метод доказательства Гегель отождествил с природой предмета (мысль с бытием), что видно из его слов: «Метод есть имманентный принцип и дух предмета»⁵⁶. В действительности метод есть репродукция природы предмета, его движения и развития (К. Маркс). Метод знания (познания) и логического есть мысленная форма отражения формы самодвижения предмета. Логический метод есть форма общности развития объективно-логического. Каким путем движется и развивается предмет, таким же путем должна развиваться и отражающая его мысль.

Как мы увидели выше, высшее логическое, как абсолютное или безусловное логическое, совпадает с абсолютной истиной. Поэтому вопрос о логике совпадает с вопросом об истине (условно-логическое, как логическая истина — правильность — есть момент безусловно-логического). С этой стороны, очень интересна мысль В. И. Ленина, которую он высказывает следующим образом; «не только описание форм мышления и не только естественно-историческое описание явления мышления.... но и соответствие с истиной, т.е. квинтэссенция, или, проще, результаты и итоги истории мысли?? **Не** психология, **не** феноменология духа, **а** логика = вопрос об истине. В таком понимании логика совпадает с теорией познания»⁵⁷.

На основании рассмотрения диалектического метода доказательства полнее выявлено отношение формальной логики к диалектической; моменты этого отношения могут быть представлены в следующей схеме:

Формальная логика	Диалектическая логика
Аналитичность	Синтетичность
Однозначность	Двузначность
Непротиворечивость	Противоречивость
Прямолинейность	Кругообразность
Нерефлексивность	Рефлексивность
Конечность	Бесконечность
Утверждение	Самоутверждение
«Двузначная»	«Трехзначная» ⁵⁸

Левая сторона есть момент правой — формально-логическое есть момент диалектико-логического: аналитичность есть момент синтетичности и т. д.

Смысл логического самоутверждения выявляется полнее, если мы рассмотрим начало доказательства, являющееся сущностью метода доказательства. Этот вопрос рассматривается в следующей, последней, главе нашего труда. В ней мы касаемся вопроса, рассмотренного нами в отдельной монографии «Начало доказательства» (1963), содержание которой представлено здесь в меньшем объеме, но в более развитом виде.

⁵⁶ Гегельянское понимание метода доказательства мы критически рассмотрели в труде «Начало доказательства».

⁵⁷ В. И. Ленин, т. 38, изд. четвертое, стр. 165.

⁵⁸ Математические трехзначные и многозначные логики есть отрасли математики. Логика, которая может быть только философской наукой, есть «трехзначная», если она понимается с точки зрения диалектической логики; в отличие от нее формальная логика была и остается двузначной, но логикой однозначности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ (12)

НАЧАЛО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

§ 228. Проблема начала доказательства

Проблема начала доказательства есть основная проблема теории доказательства, поскольку начало есть сущность доказательства; это проблема того, что такое доказательство в его сущности.

Доказательство, с первого взгляда, должно иметь два начала: 1. Началом доказательства должен быть предмет; логическое доказательство должно начинаться с предмета, так как доказательство возможно только тогда, когда оно объективно; аподиктичность доказательства заключается именно в его объективности; а объективность создается предметом, поскольку мысль есть мысль о предмете. Объективность мысли ищут и тогда, когда предмет мысли есть мысль. Каждая мысль в конечном счете определяется предметом, так как мысль есть его отражение. Поэтому началом доказательства должна быть лежащая в ее основе реальная действительность в ее определенности, закономерности, в системности. Вместе с тем, мысль связывает с предметом преобразовательная деятельность человека, практика. Поэтому началом доказательства должна быть именно эта практика, точнее, объект мысли, действительность, данная для мысли посредством практики. 2. Но если начало нечто есть его сущность, то началом доказательства не может быть действительность. Нельзя сказать, что сущность доказательства есть действительность. Если сущность доказательства есть действительность, ее закономерность, то доказательство не сможет существовать; будет существовать действительность, а не логическое, не доказательство, которое, в таком случае, потеряет своеобразие; или же сама действительность лишится своеобразия, превратится в доказательство, бытие превратится в мысль, что, с научной точки зрения, недопустимо. Поэтому и необходимо для доказательства другое начало. Если логическое, доказательство своеобразно и относительно независимо, если оно имеет собственные законы и правила (т.е. если существует предмет логики и логика, как наука), то оно должна иметь собственную сущность, начало. Это будет именно внутренней сущностью доказательства, тем, что оно из себя представляет.

Но доказательство не может иметь двух начал, если слово «начало» понимается в одном смысле. Если начало есть сущность и нечто имеет два начала, то оно имеет две сущности, т.е. в таком случае мы имеем дело не с чем-то одним, а двумя. А доказательство есть определенное одно, и оно не может иметь двух начал, а только одно. Но и ясно и то что вышеназванные два начала необходимы для доказательства, поскольку, как нечто своеобразное, оно имеет собственное начало, но в тоже время имеет и основание — начало — в действительности; в противном случае как было сказано, объективность доказательства невозможна (а необъективное доказательство не есть доказательство).

Указанное здесь обстоятельство не представляет трудности. Дело в том, что мы должны различать друг от друга реальное и логическое начала доказательства. Реальное начало доказательства есть объективная действительность, данная человеку посредством практики.

Доказательство имеет реальное начало, как реальное основание, не имеющее логической природы, в противном случае, мы получили бы регресс в бесконечность; если бы реальное основание, необходимое для доказательства, являлось логическим, то для него потребовалось бы другое основание, если бы это последнее тоже было логическим, то еще другое основание и т. д. до бесконечности. Доказательство имеет реальное основание, необходимое для него, для его объективности: проблема реального основания логического, доказательства разрешена в марксистско-ленинской философии, поэтому мы на этом не будем останавливаться. Проблемой является логическое начало доказательства, что мы и должны рассмотреть.

Сказанное не значит, что реальное начало доказательства и его логическое начало абсолютно оторваны друг от друга. Нет, так как реальное начало доказательства определяет его объективность, поэтому оно есть реальное основание и объективности логического начала доказательства. В логическом начале доказательства со всей полнотой должна проявиться объективность логического.

Доказательство какого-нибудь положения есть нахождение того основания, которое оправдывает, определяет и подчиняет его себе. Доказательство положения есть утверждение этого положения посредством его основания, утверждение положения другим положением или

положениями. Но и утверждающее положение требует своего доказательства, другого утверждающего положения, для этого последнего требуется еще другое основание и т. д. до бесконечности. Если по линии основания доказательство уходит в бесконечность, то оно, как это было показано еще Аристотелем, невозможно. Бесконечный регресс в доказательстве есть несомненный признак его невозможности. Но если мы остановим этот регресс, т. е. если мы остановимся на каком-нибудь положении, то вследствие его недоказанности недоказанными окажутся и все подчиняющиеся ему положения, так что и в этом случае, доказательство невозможно. Где выход? Выход из этой трудности видят (начиная с Аристотеля) в признании началом доказательства положения (положений) не доказанного и не требующего доказательства. Такое положение называют аксиомой; доказательство не может быть безграничным, оно должно иметь границу. Такой границей считается аксиома, (аксиомы).

Но в полемике против Аристотеля древние скептики выставили положения («Новые тропы»), и теперь имеющие силу. Они отмечали, что каждое положение имеет содержание, каждое положение есть определенная такая, а не иная мысль, но что мысль именно такова, это имеет и должно иметь основание; поэтому все положения, в том числе и аксиоматические, требуют доказательства, так что регресс доказательства в бесконечность неизбежен. Если мы признаем началом доказательства какое-нибудь положение, то на том же основании, или скорее также без основания, можем признать за начало доказательства и противоречащее ему положение. Постольку безразлично, какое положение будет принято за начало доказательства. В таком случае доказательства теряет смысл, становится невозможным, поскольку оно не имеет твердого исходного положения, твердой опоры. Начальное положение доказательства не может быть произвольным. Но выбор определенного положения (или положений) в качестве начала доказательства уже указывает на их доказательство, для чего требуется новое начало и т. д. до бесконечности. Поэтому мы и здесь получаем невозможность доказательства. Если мы устраним недоказанность начала доказательства, доказав его другими положениями, а их в свою очередь докажем этим началом, то получим логический круг, ошибку; в этом круге нельзя доказать ни одного положения, взаимодоказательство не доказывает ни одного из них; кругооборот не снимает регресса в бесконечность, ибо к тому же регрессу ведет бесконечное повторение кругооборота. Так что, проблема доказательства выглядит неразрешимой. Тем более, что отрицание доказательства невозможно, поскольку такое отрицание само есть определенное доказательство.

Начало доказательства не может быть доказанным, поскольку оно должно быть началом всякого доказательства (и доказательства начала). Оно должно оправдывать доказательство вообще, но само не должно требовать оправдания.

Но, с другой стороны, начало доказательства не может быть и недоказанным, поскольку: 1) недоказанное не может оправдать доказательство и 2) логическая связь недоказанного и доказательства будет неразрешимым противоречием.

Так что, начало доказательства не может быть ни недоказанным, ни доказанным; но для доказательства, как было отмечено, его начало необходимо. Здесь ясно видно содержание проблемы начала доказательства, трудность этой проблемы.

Начало доказательства не может быть интуитивным, поскольку интуиция есть не логическое, а нелогическое состояние. Связь же нелогического с логическим будет безвыходным противоречием. Начало доказательства есть его сущность, а таковым не может быть то, что является нелогическим. Сущность логического не может быть нелогической. Интуиция, в конце концов, есть психологическое, а не логическое состояние. Логика не должна иметь дела с интуицией, тем более с интуицией как началом доказательства.

Если интуиция непригодна для выбора начального положения (или положений) доказательства, то нельзя ли таким основанием считать соглашение, конвенцию? Надо прямо сказать, что конвенционализм есть ошибочное воззрение, поскольку соглашение не может быть основанием для аксиомы и ее выбора; если для аксиомы требуется какое-то основание (например, соглашение), то в категориальном смысле, это нечто и будет доказательством аксиомы; т. е. в таком случае аксиома снимается. Выбор аксиомы есть указание той необходимости, согласно которой мы должны признать аксиомой это, а не другое положение; а такое указание есть уже какое-то ее доказательство. Необходимость для различных наук, различных аксиом свидетельствует о том, что аксиомы определяются не соглашением, а содержанием той системы, аксиомы которой выбирают. Для

соглашения требуется логически объективное основание.

Если применение логически внешнего основания вызывает в доказательстве бесконечный регресс, то должно быть необходимым внутреннее основание, оправдывающее доказательство. Необходимость логического начала доказательства должна означать то же самое, что и необходимость его внутреннего основания. Ведь, начало доказательства есть его сущность; но внутреннее логическое основание есть логический круг — ошибка. Логический круг доказательства должен быть необходимым, но не должен представлять собой ошибку. Логическое не может иметь другого логического основания, поскольку, в таком случае, мы впали бы в бесконечный регресс, получили бы нелепость. Но и логическое самооснование становится невозможным, поскольку круг может быть ошибкой. Где же выход? Каким должно быть логическое начало доказательства? Какими должны быть признаки этого начала?

§ 229. О чертах начала доказательства

Мы еще не знаем, что из себя представляет начало доказательства, поэтому, как будто, невозможен разговор о его чертах. Если бы мы знали, что такое начало доказательства, то его анализ дал бы и его черты. Однако выяснять его черты, уже имея понятие начала доказательства, излишне. Поэтому, с нашей точки зрения, для установления понятия начала сперва надо рассмотреть черты, необходимые для него; надо выяснить, какими должны быть эти черты, какие признаки должны удовлетворять этому понятию начала. Если мы знаем, какие черты должны характеризовать понятие начала доказательства, а какие нет, тогда, ясно, мы можем прийти до этого понятия и установить его. С нашей точки зрения, начало доказательства должно иметь следующие черты:

1. Начало доказательства должно быть положительным, поскольку оно не может быть отрицательным. Отрицание есть отрицание нечего, именно, отрицание того, что для отрицания является положительным; отрицаемое есть нечто положительное. Если отрицается само отрицание, то оно имеет какой-то положительный смысл для отрицания. Отрицается то, отрицание чего возможно; можно отрицать только то, что есть, или то, что признается положительностью. Положительность предшествует отрицанию, поэтому начало доказательства не может не быть положительным. Доказательство есть всегда доказательство чего-нибудь, осуществляемое на основании чего-то. Невозможно доказательство отрицательного без положительного, отрицательное имеет смысл в силу понятия положительного¹. То, посредством чего доказывают, более достоверно, чем то, что доказывают², говорил еще Аристотель. Первое средство-основание-доказательства должно быть чем-то положительным, первой необходимостью для доказательства. Поэтому началом доказательства, вопреки Аристотелю, не может быть положение о невозможности противоречия, так как оно имеет отрицательный характер; оно указывает только на то, что невозможно.

2. Начало доказательства должно быть положительным, но если оно только положительно и имеет природу чистой положительности, то оно должно быть простым. Но надо рассмотреть, может ли начало доказательства быть простым. Здесь мы будем говорить о простоте определения, как начала доказательства.

Природа доказательства заключается в утверждении-отрицании; доказательство осуществляется посредством суждений. Утверждение-отрицание есть логическая сложность (как это понимал Аристотель); сложное заранее подразумевает простое, поэтому начало доказательства должно быть простым. Здесь идет речь о простоте определения, так как: утверждение-отрицание заранее подразумевает предмет. Если принцип доказательства есть положение «если есть А, то есть В» (как отношение основания-следствия), то ответ на вопрос «что такое А», есть определение, а не доказательство. Доказательство, как было сказано, осуществляют суждения, а определение является простым, поэтому оно предшествует доказательству. Определение не есть доказательство. Для определения характерна обратимость, а для доказательства нет. Если бы определение было доказательством, то обращение в доказательстве не доказало бы ничего. Определение не имеет природы суждения. Если бы суждение было определением, тогда, с точки зрения Аристотеля,

¹ Аристотель, Вторая аналитика, кн. I, гл. 25.

² Там же, гл. 2, 72а, 32 и след.

доказательство, вследствие обратимости и простоты, было бы невозможным³. Определение имеет природу простой положительности, поэтому оно аналитично, тогда как суждение и доказательство имеют природу логической сложности (утверждения-отрицания), т.е. они синтетичны. Если бы суждение, например заключение, было определением, тогда, по Аристотелю, были бы обратимыми и посылки, среднее понятие заранее подразумевало бы то, что должно быть доказано, и поэтому доказательство было бы невозможным⁴. Известное реальное определение, думал Аристотель, полагает понятие, которое в умозаключении выполняет роль среднего термина (такое умозаключение есть доказательство); такое среднее не доказывается, оно есть недоказуемая «причина»⁵.

Признание такой простоты начала доказательства не должно быть правильным. Определение обратимо. Если это так, то оно подразумевает и различие. Обращение невозможно без различия. Если определяемое и определяющее не отличаются друг от друга, то обратимость теряет смысл. Простота есть пустота. Если определение является простым, если его содержание есть простая положительность, то оно не имеет содержания, оно есть пустая отрицательность; на деле же определение должно полагать именно содержание, содержание понятия. Определение, полагающее содержание понятия, не может быть простым, оно не может не быть суждением, положительностью, содержащей различие. Определение содержит не только различие, но и противоположность, поскольку оно есть полагание ближайшего рода и специфического различия, т.е. единства общего и частного.

Поэтому ошибочен вынос начала доказательства за доказательство; начало доказательства должно иметь природу доказательства; оно не должно быть мистической положительностью (у Аристотеля простая положительность определения есть то же самое, что и мистическая простота «усии»). Начало доказательства не является простым. Оно есть сущность доказательства и, ясно, должно иметь природу доказательства. Вынос начала доказательства за доказательство вызывает бесконечный регресс.

3. Из сказанного непосредственно вытекает, что начало доказательства должно быть положительностью, содержащей внутреннее отрицание. Если начало доказательства не может быть ни только отрицательностью, ни чистой положительностью и если полагание нечего, как начало, должно иметь содержание, т.е. внутреннее различие, то, ясно, что оно должно быть положительностью, содержащей отрицание, где моменты положительности и отрицательности будут иметь только относительную природу. Если положительность и отрицательность берутся в абсолютном значении, то они упраздняют друг друга и начало доказательства, так же как и само доказательство, будет невозможным. Открытое Платоном понятие относительного отрицания (рассмотренное в диалоге «Софист») Аристотель не понял, вследствие чего он свернул с пути диалектики как вообще, так и в логике.

Если положительность содержит отрицание, то она синтетична. Начало доказательства должно быть синтетичным. Единство положительности и отрицательности, как мы уже знаем, есть больше чем суждение, оно опосредствованная связь и, в этом смысле, умозаключение. Следовательно, начало доказательства должно иметь характер умозаключения: начало доказательства не может не иметь природу доказательства; единство положительности и отрицательности представляет собой сущность доказательства.

4. Поскольку начало доказательства есть положительность, содержащая отрицание, постольку и вследствие этого оно должно иметь природу *общего* и именно содержательного общего.

Еще Аристотель говорил, что на основании общего мы знаем и «это» и «другое», эти два есть частные, основанием которых должно быть общее. Общее есть единство «этого» и «другого». Аристотель говорил и то, что верхний предел, доказательства есть категорий⁶. Если «это» и «другое» возвышаются до категориальной мысли и мы их рассматриваем как элементы доказательства, тогда «это» и «другое» будет утверждением и отрицанием, а общее будет их единством. Это будет содержательное общее, которая высказывает и природу единичного; поэтому если определение высказывает природу единичного (согласно утверждению Аристотеля), то эта природа не проста, а

³ Аристотель, Вторая аналитика, кн. II, гл. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же, гл. 8.

⁶ «Категории» Аристотеля, гл. 5; Первая аналитика, кн. Г, гл. 19, 22, 27—30.

является содержательным общим (ведь и по Аристотелю общее представляет собой природу единичного).

Начало доказательства, как единой системы, не может не быть общим и в том смысле, что оно есть сущность доказательства, общая и существенная для всех форм мысли и их логической связи: а общее и существенное есть определенное «существенное общее».

Аристотель отмечал, что среднее понятие есть общее для крайних⁷. Эта общность, ясно, не может иметь объемного характера (таково не среднее, а именно большее понятие силлогизма). Это определенное единство различных, именно, единство единичного (меньшего) понятия и общего (большого) понятия.

Следовательно, начало доказательства должно иметь характер содержательного общего.

5. Начало доказательства, как общее для него, ясно, должно быть одно; доказательство должно иметь одно начало.

С точки зрения Аристотеля, есть много доказательств, поскольку (прежде всего) существуют такие умозаключения, средние понятия которых установлены дефиницией (т.е. высказывают сущность предмета) и поэтому представляют собой доказательства. Поэтому и существуют общие начала, несколько наибообщих начал, из которых «более всех необходимо» положение о невозможности противоречия⁸. Следовательно, наиобщее начало только одно. Для Аристотеля наиобщее начало доказательства есть положение о невозможности противоречия, видимо потому, что это положение выражает сущность доказательства; сущность доказательства для Аристотеля заключается в невозможности одновременного утверждения и отрицания (в невозможности утверждения и отрицания одного и того же об одном и том же). Доказательство, разумеется, должно иметь одну сущность. Начало доказательства, как его сущность, одно. Аристотель думал, что доказательство, исходящее из меньших постулатов и посылок, есть лучшее⁹; если это так, то полное доказательство должно иметь одно полное начало.

С точки зрения современной математической логики, есть множество начал доказательства; любая система имеет много аксиом; к этому добавляются и металогические правила. Но каждая из этих аксиом есть тавтологическое положение. И именно тавтологичность всех аксиом и само понятие аксиомы (которое может быть только одно) требуют одного начала; одно начало необходимо.

Признание множества начал доказательства есть измена логике (что вызвано излишним эмпиризмом у Аристотеля и в математической логике), поскольку множество начал имеет смысл благодаря одному началу; иначе и не может быть.

Поскольку положение о невозможности противоречия имеет отрицательный характер, постольку, как это было несколько раз отмечено выше, ему должно предшествовать нечто положительное. Мы знаем, что невозможности противоречия предшествует противоречие, а противоречию — единство.

Мы знаем, что в логическом наиобщей является категория. Поэтому начало доказательства должно иметь черту категориальности. Аристотель не смог найти наиобщее, так как он не выяснил природу связи категорий (хотя и определил категории как верхний предел доказательства, как то, что высказывается о другом, но о чем другое не высказывается. Нижним же пределом доказательства он счел сущность единичной вещи, т.е. то, о чем высказывается другое, но само не может быть высказано о другом; хотя такой первый субъект для Аристотеля и представляет собой именно первую категорию)¹⁰.

Невозможности одновременного утверждения и отрицания должна предшествовать единая мысль, лежащая в основе утверждения и отрицания, которая и должна быть началом доказательства.

6. Для доказательства необходимо начало; но необходимость для доказательства его начала должна отличаться от необходимости, осуществляемой в формально-логическом доказательстве. Это не означает отсутствия первой необходимости, но указывает на то, что она должна быть своеобразной, именно, необходимостью своеобразного доказательства.

Начало доказательства, как именно таковое, определяется природой доказательства; каково доказательство, таково и его начало. Поэтому-то и ищут для различных систем различные начала

⁷ Аристотель, Вторая аналитика, кн. I, гл. 11.

⁸ Вторая аналитика, гл. 22; Метафизика, III, 2., 996, в. 27—31; там же, IV, 3, 10005, в. 19—23.

⁹ Вторая аналитика, кн. I, гл. 25.

¹⁰ Аристотель, Вторая аналитика, кн. I, гл. 19.

(аксиомы); у каждой системы (геометрической, формально-логической или математико-логической) имеются свои аксиомы.

Необходимость, осуществленная в доказательстве, отличается от необходимости начала для доказательства, но и эта последняя должна представлять собой логическую необходимость. Необходимость для доказательства его начала должна быть своеобразной логической необходимостью, так как если необходимость, осуществленная в доказательстве, понималась (и понимается) как необходимость получения следствия из основания, необходимость для доказательства его начала будет и должна быть необходимостью основания для следствия, она должна быть своеобразным положительно-регрессивным умозаключением.

Начало доказательства должно быть тем, что из себя представляет внутренняя мысль доказательства (еще Аристотель говорил, что силлогистичность характерна для внутреннего смысла, а не внешнего выражения)¹¹, поэтому оно должно иметь природу доказательства, т.е. представлять собой своеобразную логическую необходимость. Демонстрация логической необходимости чего-либо есть не что иное, как его доказательство. Поэтому необходимость для доказательства его начала осуществляется в своеобразном доказательстве. Это обстоятельство представляет трудность, именно следующую: если необходимость для доказательства его начала есть тоже доказательство, то для этого доказательства потребуется другое начало и т. д. до бесконечности. Доказательство осуществляется на основании начала, поэтому, на первый взгляд, доказательство начала доказательства должно быть невозможным. Мы ограничимся указанием на то, что начало доказательства должно быть определенным основанием и средством, которое применяется доказательством, но может не быть доказано в этом доказательстве; но верно и то, что выявление необходимости начала доказательства, как его основания и средства, не может не быть своеобразным доказательством.

Для доказательства начало необходимо, без начала оно не есть доказательство, поэтому отрицание этого начала должно быть невозможным. Это значит, что невозможность отрицания начала свидетельствует об его необходимости. Отрицание начала доказательства невозможно, так как это отрицание само должно подчиняться началу доказательства, поскольку отрицание представляет собой один момент доказательства; доказательство осуществляется посредством утверждения-отрицания; началом доказательства должно быть то, отрицание чего невозможно, то основание-средство, применение которого и называется доказательством. Попытка отрицания начала доказательства, как его необходимого средства, сама применяет и, в этом смысле, утверждает его. Здесь осуществляется необходимость начала доказательства, т.е. оно доказывается. Если это так, то можно доказать все, в том числе и его начало, но так, что в доказательстве не будет опасности регресса.

Таким образом, необходимость начала доказательства своеобразна и представляет собой своеобразное доказательство.

7. Из вышесказанного непосредственно вытекает, что начало доказательства должно быть таким средством-основанием, которое применяется для доказательства всего, в том числе и его самого, т.е. оно должно быть самооснованием. И в самом деле, демонстрация того, что начало доказательства должно быть таким, а не другим, уже есть его доказательство. И начало этого доказательства должно быть тем же началом, что и начало другого доказательства. Это значит, что начало доказательства имеет общую природу — распространяется как на других, так и на себя — такой общностью в доказательстве может быть только самооснование.

Когда аксиому считают исходным положением доказательства, т.е. его началом, то утверждают, что для доказательства необходимо недоказанное положение, как его начало; но, как мы это увидим ниже, выявление необходимости аксиомы для доказательства есть уже ее доказательство; а это означает требование для доказательства самооснования, как начала.

Аристотель отмечал, что истинное и первичное есть «то, что необходимо не посредством другого, а посредством самого себя»¹². Именно поэтому требуют основания логики на том, что обосновывает само себя, дабы логика избежала бесконечного регресса-разрушения. Но таким самооснованием должно быть логическое, а не свободная воля, как это считает Динглер¹³, что было

¹¹ Аристотель, Вторая аналитика, кн. I, гл. 10.

¹² Аристотель, Топика, I, 100a 30—621.

¹³ H. Dingler, Der Zusammenbruch der Wissenschaft: 1926, S. 74: См. его же Philosophie der Logik und Arithmetik. 1931, s. 22.

бы не обоснованием логики, а ее отрицанием, бегством из логики.

Надо отметить, и то, что начало доказательства, как самооснование, должно быть синтетическим, положительно, содержащей отрицание, а не тавтологическим положением, так как тавтологичность доказательства или самооснования представляет собой логическую ошибку, поскольку такая тавтологичность есть отождествление доказываемого с доказывающим, что, ясно, означает ошибку.

Если начало доказательства должно быть самооснованием, то: 1) Оно будет логически безусловным. Логически условно то, что имеет внешнее логическое основание; это применение принципа «если—то»; а логически безусловное должно быть логическим *causa sui*. 2) Это самооснование, точнее, самообоснование будет определенным «доказательством доказательства», но логической истиной, а не ошибкой. Устранение отмеченной Аристотелем трудности «доказательства доказательства»¹⁴, как ошибки, и в самом деле невозможно, если логическое основание понимается как внешнее, если в логическом действует только принцип «если—то» (как отношение основания и следствия, а не как импликация).

Понятно, что начало доказательства, как его логическое средство, не может быть его посылкой, существующей до доказательства, так как в таком случае связь между ним и доказательством была бы новым доказательством, для которого потребовалось бы новое начало и т. д. до бесконечности. Поэтому начало доказательства, как его необходимое средство, должно быть в самом доказательстве, внутри него; оно должно быть внутренним основанием. Вместе с тем, природа этого средства должна определяться тем, средством чего оно является. Начало должно определяться тем, начало чего оно представляет. Само начало должно иметь характер доказательства; иначе и не может быть, если оно есть логическое самооснование — логическое *causa sui*. Но надо выяснить природу этого самооснования. Возможно ли логическое *causa sui*? Не является ли начало доказательства чем-то интуитивным? Нужно дать ответ на этот последний вопрос, а уже потом на остальные.

Считать началом доказательства нечто интуитивное — это то же самое, что признавать таким началом аксиомы, поэтому нужно рассмотреть, правильно ли признание аксиом началом доказательства; с нашей точки зрения аксиоматизация логики невозможна, в сфере логики аксиомы не могут быть началом доказательства.

§ 230. Невозможность аксиоматизации логики

1. Наука может быть аксиоматизирована и формализована, т.е. в ее основу, в качестве начала доказательства, могут быть положены аксиомы только в том случае, если она наука частная, специальная, а не философская; аксиомы — положения недоказываемые, а на недоказываемое в своих пределах (например на философские категории) может опираться только частная наука; недоказанные положения не могут быть признаны началом философской науки, так как в таком случае понадобилась бы новая философия и т. д. до бесконечности. Поэтому аксиоматический метод может быть только одним из частно-научных методов, но никак не общелогическим. В логике ничего нельзя оставлять недоказанным, в противном случае понадобилась бы другая — новая логика¹⁵. Там, где наряду с доказанным, есть и недоказанное, мы имеем дело с частным, односторонним, а не общим.

2. Смысл доказательства заключается в оправдании чего-нибудь; это оправдание осуществляется завершением доказательства в его конце и в самом процессе. Поэтому попытка помещения логической истины перед доказательством противоречит самому ее смыслу. «Истина лежит не в начале, а в конце, вернее в продолжении»¹⁶. Поэтому нельзя ставить аксиомы, как неоспоримые истины, перед доказательством. Любая истина, и в частности логическая, дана не в начале, а в «продолжении» — в самом доказательстве.

¹⁴ Аристотель, Вторая аналитика, кн. I, гл. 22; кн. II, гл. 13.

¹⁵ По мнению Д. Гильберта, в аксиоматическом методе логическое зиждется на нелогическом. Он считает это руководящим философским положением Канта. См. его: Основы геометрии, 1948 г., стр. 351, 353, 360, 366, 373, 377. Ср. выше § 203—„Аксиоматический метод”.

¹⁶ В. И. Ленин, Сочинения, т. 38, изд. четвертое, стр. 161, 162.

3. Смысл аксиоматического метода заключается в перенесении вперед того, что дано в последующем — в продолжении или конце, в перемещении начала доказательства, как его сущности. Если переместить вперед сущность доказательства, то само доказательство станет излишним. Если то, что должно быть получено в конце, мы перенесем вперед, то тем самым подлежащее доказательству мы представим как основу доказательства, как доказывающее. Ясно, что такое перевертывание доказательства будет только ошибкой.

4. Аксиомы, как непосредственно положительные, не могут быть предшествующим доказательству его общим смыслом и потому, что:

1) Общее есть то, что высказывается о различных, оно есть единое для различных; это различие необходимо для общего, но оно нарушает непосредственность, вносит в него опосредствование. Общее, как единство различных, не может быть непосредственным или интуитивным и наоборот.

2) Такая положительность — положительность суждения, поэтому она, как мы уже знаем, с необходимостью содержит различенность; а различенность снимает чистую положительность — непосредственность или интуитивность.

5. Непосредственное-недоказанное не может оправдать доказанного, доказуемого, доказательства, так как а) это было бы сведением доказательства к недоказанному, т.е. упразднением доказательства; б) недоказанное не может дать смысл доказательству, не может быть его началом; сущность доказательства не может быть недоказанной; в) сведение доказательства к недоказанному, как именно сведение, само есть определенное доказательство, которое охватит непосредственное, т.е. упразднит его; в доказательство войдет все, ничего не останется за его пределами; г) связь недоказанного и доказательства будет неразрешимым противоречием, логической ошибкой; д) если это противоречие имеет основание, то оно разрешится; а это разрешение будет доказательством, в которое попадет и непосредственное начало, т.е. последнее опосредствуется, докажется, потеряет непосредственность. Таким образом, начало доказательства не может быть непосредственным — ни интуицией, ни логически непосредственным.

6. Начало доказательства не может быть только непосредственным, так как это означало бы отрыв непосредственного от опосредствованного, что вообще невозможно и недопустимо в логике, поскольку доказательство есть именно единство непосредственности и опосредствования. Отрыв непосредственного от опосредствованного и лежит в основе аксиоматизации логики; аксиомы только непосредственны. Но непосредственное и опосредствованное в отрыве друг от друга теряют смысл; они относительные понятия и имеют смысл только в единстве. Диалектика непосредственности и опосредствованности разрешает проблему начала доказательства. Недиалектическое понимание их связи делает разрешение проблемы невозможным. Начало доказательства не может быть не опосредствованным, так как оно есть именно начало доказательства, оно опосредствованно тем, началом чего является. Иначе и не может быть.

7. Начало доказательства не может быть только общим, так как общее уже опосредствовано частным. Это начало не может быть и только частным, поскольку частное есть частное общего, опосредствовано общим. Начало доказательства не может быть ни только частным, ни только общим, оно должно быть их единством; точнее, доказательство должно быть единством частного и общего, а начало доказательства будет началом этого единства.

8. Аксиома была признана началом доказательства для приостановления регресса в бесконечность, была введена вследствие этого регресса. Поэтому аксиома заранее подразумевает этот регресс, определяется им. Но то, что определяется другим, не может быть началом. Такова и аксиома, определяемая опасностью бесконечного регресса. Аксиома не в силах приостановить регресс в доказательстве, наоборот, она «создает» его, поскольку с необходимостью его подразумевает.

В математической логике для применения аксиом необходимы метаправила, использование которых требует новых метаправил и т. д.

9. Как было отмечено выше, аксиомами могут быть только некоторые положения, т.е. необходим их выбор; но этот выбор уже есть доказательство. Установление того, что аксиомой может быть это, а не другое положение, и есть ее доказательство. Но этим аксиоматичность выбранного положения устраняется, так как оно подчиняется выбору, т.е. вторично, а не первично.

10. Выбор предполагает основание, опираясь на которое признают аксиомой то или иное

положение; использование же основания как раз и называется обоснованием, доказательством. Следовательно, аксиома выступает как следствие, а не начало доказательства.

11. Конвенционализм — признание основой выбора аксиом соглашения — ошибочен, так как: а) соглашение предполагает определенное основание (основание в категориальном смысле), которое первично по отношению к выбору и на которое опирается аксиома, признанная таковой по «соглашению»; а это упраздняет аксиому; б) если соглашение абсолютно, то понадобится соглашение о соглашении, что создаст круг и регресс в бесконечность; в) аксиома определяется соглашением, как некоторым основанием, постольку она теряет первичность; аксиома становится опосредственной, а должна быть именно непосредственной; г) соглашением предполагается предмет соглашения, то, о чем мы должны согласиться; первое определяется вторым; постольку соглашение не свободно, в этом отношении оно теряет смысл; следствием определяется то, что должно предшествовать ему и определять его; д) если аксиома есть то, с чем нельзя не согласиться, то здесь действует необходимость, причем безусловная; а это упраздняет соглашение, которое должно быть свободным; е) если здесь нет необходимости, то аксиома произвольна, т.е. нет нужды в соглашении: а произвольность создает хаос, который упраздняет, а не обосновывает доказательство; для доказательства важна именно необходимость. «Принцип терпимости» не может быть принципом. Беспринципность упраздняет принцип и не может сама быть принципом.

12. Аксиома есть положение с определенным содержанием, поэтому возможно и противоречащее ей; как у недоказанных, у них одинаковые «права» считаться аксиомами, а если аксиомами могут быть противоречащие положения, то а) или невозможно доказательство, поскольку противоречащие упраздняют друг друга, б) или нет объективной опоры доказательства, тогда как без объективности нет и доказательства; в) или же возникает состояние, требующее доказательства, охватывающего и аксиомы, а этим упраздняется их аксиоматичность, так как разрешение противоречия есть осуществление доказательства.

13. Множество и разнообразие аксиом требует единства согласно понятию аксиомы, которое может быть только одно; этого требует тавтологичность аксиом и соблюдение тавтологических — аналитических принципов в логике. Чистая аналитичность и тавтологичность снимает разнообразие, а разнообразие требует синтетичности. Таким образом, разнообразие аксиом требует разрешения проблемы единства аналитичности и синтетичности, что может осуществиться только путем доказательства. Таким образом, разнообразие аксиом создает состояние, нуждающееся в доказательстве, что, ясно, не может быть началом доказательства.

14. Как известно, в математической логике выбор аксиом осуществляется с соблюдением определенных условий; аксиомы должны удовлетворять условиям — непротиворечивости, независимости и полноты; а это ставит аксиомы в состояние, нуждающееся в доказательстве, для которого, вероятно, будут нужны еще аксиомы или же оправдание такого состояния снимает аксиомы, поскольку оно их оправдывает — доказывает.

15. Как известно, какая-нибудь математическая логика (точнее, ее часть, поскольку не удалось аксиоматизировать всю логику) есть определенная система, исходной точкой которой являются аксиомы, из которых вывод теорем невозможен без применения других аксиом или металоогических правил. Если для вывода из аксиом нужны другие аксиомы, то для применения этих аксиом нужны будут еще новые аксиомы и т. д. до бесконечности.

16. Отмеченное указывает на то, что логика теряет смысл из-за аксиоматического метода, поскольку он вызывает вынос логик из логики, разложение единства логики, делает необходимой мета- и метаметалогики, Логика возможна и должна быть только одна. Логика не оправдывает сама себя, если для нее нужна другая логика. Для существования логики, ясно, не нужен логический выход из логики, наоборот, что разрушит ее.

17. В математической логике законы логики доказывают исходя из аксиом, тогда как вывод из аксиом сам есть доказательство, опирающееся на логические законы (напр., непротиворечивости). В логике необходимо применение законов и категорий, аксиоматизация которых, как известно, невозможна. Это означает то, что единство логики требует ее неаксиоматического обоснования и оправдания логической рефлексивности. Рефлексивность категорий логического исключает надобность и возможность аксиоматизации логики.

18. В математической логике вывод из аксиом и вообще умозаключения обосновываются

способом подстановки и схемой умозаключения, но: 1) способ подстановки есть механический способ, полезный в математике, но ошибочный в логике, так как подстановка частного на место общего есть не логическое отношение общего и частного, а заранее подразумевает его; 2) использование схемы или правила умозаключения (*modus ponens*) как его посылки допустимо в математической логике, оправдано в ней, как в математике, но не в логике, так как между правилом умозаключения, как посылкой, и умозаключением вновь возникнет отношение умозаключения, которому должно предшествовать новое правило и т. д.; вместе с тем, считать, что умозаключению должно предшествовать его правило, как его смысл, значит признавать умозаключение до умозаключения, что, разумеется, нелепо.

19. Назначение аксиомы (аксиом) не что иное, как оправдание доказательства; но это оправдание и есть доказательство. Таким образом, здесь имеет место ошибка доказательства доказательства, на которую впервые указал Аристотель. Доказательство доказательства потребует еще нового доказательства и т. д. до бесконечности. А ведь применением аксиом пытались именно избежать ошибки доказательства доказательства. Говорят, что раз доказательство доказательства невозможно, то доказательство должно опираться на недоказанное, но так как это «опирание» само есть доказательство, то именно из-за этого получается ошибка доказательства доказательства. Это значит, что устранение ошибки доказательства доказательства невозможно опиранием доказательства на недоказанное, нужен другой путь.

Если начало доказательства есть аксиома и доказательство есть переход от нее к другому, то она окажется в сфере доказательства, т.е. аксиома, как недоказанное положение, упразднится именно посредством доказательства. Утверждение необходимости аксиом для логики не может само опираться на аксиомы.

20. Если для доказательства аксиома необходима, то эта необходимость должна быть, разумеется, логической и аксиома должна подчиняться ей. Наличие необходимости чего-либо есть его доказательство. Таким образом, аксиома как недоказанное положение снимается.

21. Поскольку различные системы требуют различных аксиом, постольку характер этих систем, их содержание и определяет аксиомы. Аксиомы проверяются именно тем, создают они противоречие в системе или нет. Это значит, что аксиомы сами оправдываются содержанием системы. Аксиому определяет, опосредствует то, аксиомой чего она является; а логически определенное и опосредствованное, как мы знаем, является уже доказанным. Таким образом, аксиомы, как недоказанные положения, снимаются. Сама аксиома, как положение, как определенное суждение имеет природу доказательства, т.е. утверждения-отрицания.

22. Аксиоматизируя и формализуя логику, все логическое содержание доказательства помещают в аксиомы; например, для Лукасевича аксиомы логики Аристотеля есть модусы первой фигуры категорического силлогизма, выяснение природы которых остается за пределами так аксиоматизированной логики. Так же, если согласиться, что положение невозможности противоречия представляет собой для Аристотеля аксиому доказательства, так как оно есть его сущность (невозможность одновременного утверждения-отрицания), то аксиомой признается то, что из себя по существу представляет доказательство. Аксиоматизация логики доказанное и подлежащее доказательству подразумевает заранее без всякого доказательства. А это не что иное, как игнорирование доказательства.

23. Для доказательства необходима положительность начала. Своеобразие этой необходимости заключается в том, что отрицание положительного начала невозможно, поскольку отрицание применяется именно в отношении положительного; заранее подразумевает его; отрицание необходимой для доказательства исходной положительности само применяет ее как средство-основание. Без такой объективной положительности доказательство невозможно. Поэтому точки зрения, отрицающие объективность доказательства, ошибочны. Такова, например, позитивистская точка зрения. Что начало доказательства подразумевает что-то самодовлеющее, это свидетельствуется и тем, что аксиомы называют само собой очевидными положениями.

24. Аксиома есть очевидное положение, но это не должно быть психологической очевидностью. Очевидность начала доказательства должна быть только логической. Логически неочевидное подлежит доказательству. Логическая очевидность есть только очевидность доказательства, заключается в нем; если аксиома логически очевидна, то она доказана, т.е. не есть аксиома. Таким образом, аксиома

снимается и тогда, когда она логически неочевидна, поскольку, в таком случае, подлежит доказательству, и тогда, когда она логически очевидна, поскольку, в таком случае, доказана.

25. Начало доказательства может быть объективным, необходимым средством — основанием для доказательства. Средство доказательства, разумеется, включено в доказательство. Если такое средство будет представлено как аксиома, то она, как недоказанная, снимается. Первое средство доказательства, ясно, будет на первом месте в доказательстве, хотя оно применяется во всем доказательстве как средство, поскольку оно есть первое для него, находится на первом месте. Доказательство чего-либо есть, как мы знаем, установление его места в системе доказательства. Установление первого места тоже есть доказательство. Выяснение того, что начало доказательства есть это, а не иное, и что оно занимает именно первое место, есть доказательство этого начала. Если начало доказательства непосредственно, то оно, как именно начало, уже доказывается, поскольку начинать — значит опосредствовать.

26. Если начало доказательства опосредствуется, определяется, доказывается тем, что с него начинается доказательство, и если это начало определяется, опосредствуется тем, началом чего оно является, то имеет место оправдание основания следствием: но поскольку следствие определено основанием, постольку здесь должно быть взаимоопределение, в котором и следствие и основание внутренни. К аксиомам обращаются тогда, когда доказательство понимается как оправдание внешним основанием. Но если существует внутреннее основание, тогда снимается надобность аксиомы, как начала. Начало доказательства, как первое, доказывается последующим, если это последующее объясняет его. Трудность начала доказательства, как недоказанного, разрешается и возможностью перехода следствия в основание, например, абстрактного общего, как содержательного частного, в содержательное общее, как в объясняющее его конкретное. Таковы все вышеперассмотренные основные переходы, начиная с суждения и кончая бесконечным умозаключением.

27. Вышесказанное делает очевидным, что начало доказательства должно быть рефлексивным, мыслью, имеющей внутреннее основание и такое-же следствие. Оно должно быть логическим *causa sui*. Это свидетельствуется и тем, что отрицание доказательства невозможно, так как это отрицание само есть применение доказательства и его своеобразное осуществление. Древние скептики упраздняли свои же положения, когда пытались доказать, что доказательства не существует.

Следовательно, начало доказательства должно быть доказано и, вместе с тем, оно должно быть и вообще началом доказательства. Но что может быть таковым? Вопрос требует ответа.

§ 231. Единство логической непосредственности и опосредствования как начало доказательства

Если аксиомы, как непосредственные положения, не могут быть исходными, то надо сказать, что непосредственное не есть исходное и исходное не есть непосредственное. Но исходное, как первое, которому ничего не предшествует, т.е. которое не есть последующее и следствие, должно быть непосредственным; первое должно быть непосредственным. Аксиомы не только исходные положения доказательства, но и его начало; начало, как первое, не может не быть непосредственным. Но и об опосредствованном можно сказать, что оно не есть ни исходное, ни начало, поскольку каждое опосредствованное есть последующее и следствие, ему предшествует другое, оно определяется другим; опосредствованным называется то, что определяется именно другим. Но, с другой стороны, исходное положение или начало должно быть опосредствованным; ибо первое доказательство не может быть недоказанным, т.е. непосредственным; начало доказательства должно быть логическим, которое всегда опосредствовано и представляет опосредствование. Непосредственность есть упразднение доказательства, доказательством называется именно опосредствование. Таким образом, получается, на первый взгляд, безвыходное, непреодолимое противоречие: началом доказательства не является ни опосредствованное, ни непосредственное и оно должно быть как опосредствованным, так и непосредственным.

Но как это выяснится ниже, мы должны отличать друг от друга исходное положение и начало доказательства. Здесь речь идет только о начале доказательства, как его сущности, которая заключается, в опосредствовании; а опосредствовать можно то, что неопосредствованно; с другой стороны, непосредственное есть или одна сторона опосредствования или же оно есть опосредствование, как тождественное по отношению к себе одно, «вот это». Мы выяснили и то, что нет только

непосредственного также, как нет опосредствования без непосредственного. Их единство необходимо, они теряют смысл друг без друга. Поэтому начало доказательства, как его сущность, должно быть не только непосредственным или только опосредствованным, но необходимым единством непосредственности и опосредствования.

Как мы знаем, тождество нечто с самим собой является непосредственным, таково и начало доказательства, оно непосредственно, ему присуща непосредственность, оно не исключает непосредственности. Но доказательство заключается в опосредствовании, в необходимой опосредствованности. Поэтому начало доказательства есть единство непосредственного и опосредствования. Но это создает новую трудность. Единство непосредственности и опосредствования есть все доказательство, а не его начало. Поэтому надо сказать, что начало доказательства должно быть единством непосредственности и опосредствованности, как первое по отношению к всему доказательству. Оно должно быть первым, если можно так выразиться, простым видом единства непосредственности и опосредствования. Начало доказательства есть первое для доказательства, ему ничто не предшествует, оно не определяется и не опосредствуется другим, постольку оно непосредственно; но оно опосредствовано в самом себе; оно должно быть доказано и опосредствовано самим собой, поскольку, как мы знаем, первое для доказательства необходимо должно быть доказано, оно не может быть недоказанным. Сущность доказательства должна, разумеется, иметь природу доказательства.

С точки зрения Аристотеля, разум непосредственно постигает начала доказательства, правда, опираясь на индукцию, но все-таки непосредственно; разум непосредственно постигает начала¹⁷; т.е. постижение начал осуществляется в интеллектуальной интуиции. Это положение не должно быть правильным вследствие следующих обстоятельств: 1) Интуиция не есть логическое состояние, поэтому ее надо исключить из логики. 2) Поскольку начало доказательства не может быть недоказанным, должно быть доказано, постольку его постижение должно осуществляться логическим путем — путем доказательства и только этим путем. Можно сказать и то, что психологический путь постижения начал доказательства есть интуиция, но логический путь должен быть только путем доказательства. В логике нет места психологическому пути.

Если начало доказательства есть положение о невозможности противоречия, как «самое необходимое» начало, как это считал Аристотель, то надо сказать, что такое непосредственное опосредствовано другим; невозможность противоречия, как мы знаем, — противоречием, а это последнее — единством. Невозможность противоречия подчиняется единству противоречия, поскольку она представляет его один момент. Правда, положение о невозможности противоречия первично в том смысле, что попытка его доказательства вынуждена применить его же как средство, но таковы же, как мы знаем, и все категории логического.

Если признать за начало доказательства определение, его простую положительность, как это думал Аристотель, то надо сказать и то, как это было выяснено выше, что положительность определения не есть только непосредственная, чистая простота; определение есть суждение, поэтому оно имеет природу доказательства, т.е. оно не только непосредственно, а есть определенное единство непосредственности и опосредствования.

Таким образом, доказательство есть единство непосредственности и опосредствования, а его начало есть первое опосредствование, сущность опосредствования, сущность опосредствованности и непосредственности в ее простом (относительно простом) виде (об этом ниже).

Первое в доказательстве, как это было выяснено выше, есть то, отрицание чего невозможно и отрицание чего применяет его же, как основание-средство, в этом смысле оно утверждается его же отрицанием. Что должно быть первым? Мы на этот вопрос ответим прямо в дальнейшем. Здесь же надо отметить, что опосредствование есть определенное единство, поэтому оно есть содержательное общее, а непосредственность есть его сторона, его односторонность, т.е. оно есть содержательное частное, поэтому единство непосредственного и опосредствованного существует в виде единства частного и общего. Начало доказательства, как единство непосредственности и опосредствования, есть то же самое, что и единство частного и общего.

§ 232. Единство частного и общего как начало доказательства

¹⁷ Аристотель, Вторая аналитика, кн. 11, гл. 19, 100a16-100b17.

Выше много говорилось о частном, общем и их единстве; все это дает нам основание утверждать, что начало доказательства должно быть единством частного и общего, точнее, доказательство есть единство частного и общего, поэтому и его сущность — начало должно быть таковым; начало доказательства есть единство частного и общего, взятое в его сущности, как определенное первое.

Началом дедукции считают наиобщее, которое ничем не доказано; в частности не доказано индукцией, поскольку ее не считают методом доказательства. Недоказанное общее, может быть началом дедукции, если оно непосредственно; но общее, как было уже сказано, не может быть непосредственным, так как: 1) оно есть общее для множества, подразумевает множество, т.е. определено им; 2) общее есть общее частного, категория общего определяется категорией частного

Как было выяснено выше, аксиома не может быть началом дедукции. Дедукция имеет начало, но это начало не есть вообще начало доказательства, поскольку начало дедукции, как было сказано, определяется, опосредствуется другим. Поэтому необходимо оправдание дедукции и её начала другим методом и другим началом. Должно существовать другое доказательство с собственным началом.

Как мы убедились выше, необходимо, чтобы начало дедукции было доказано индукцией. Это возможно только тогда, если индукция есть метод доказательства.

Но сама индукция находится в худшем положении, чем дедукция. Индукция тоже есть частный метод. Она начинается с частного, её начало и исходное положение есть частное и единичное, которое для своего оправдания само требует общности. Начало индукции тоже не есть начало доказательства вообще. С другой стороны, если индукция имеет характер вероятности, то она не есть метод доказательства и поэтому не может оправдать дедукцию. Но, как это было выяснено выше, в индукции осуществляется логическая необходимость, поэтому она доказывает начало дедукции, но начало самой индукции требует оправдания. Индукция начинается с частного, но она опирается на общее (например, закон единообразия природы); поэтому неясно, что такое начало индукции. Эта неясность означает не невозможность индукции, а указание на то, что для оправдания индукции необходима дедукция.

Одним словом, как начало индукции, так и начало дедукции содержат трудности. Для разрешения этих трудностей необходимо единство дедукции и индукции; начала дедукции и индукции необходимы друг для друга, т.е. ни одно из них не есть единственное начало доказательства. Начало доказательства не есть частное (или единичное), ни общее. Для него необходимо единство частного и общего. Таким образом, мы должны искать начало доказательства в единстве частного и общего. Дедукция и индукция опираются на единство частного и общего, они представляют собой односторонности этого единства; единство же общего и частного есть диалектическое единство противоположностей, поэтому дедукция и индукция суть односторонности диалектического метода. Поэтому надо сказать, что взаимотребование и взаимная необходимость дедукции и индукции и их начал создает круг, который должен разрешиться, в противном случае, получаем нелепость. Разрешение круга осуществляется в диалектике, в единстве частного и общего, как противоположностей.

Таким образом, необходимо другое начало доказательства, иное начало иного доказательства, чем начала индукции и дедукции. Универсальный метод доказательства — диалектический метод — требует иного доказательства и иного начала этого доказательства. Это начало должно быть логическим единством частного и общего. Отношение частного и общего, как мы знаем, исчерпывает все виды логических отношений; ведь и связь единичных есть общее. Начало доказательства должно быть содержательным общим, т.е. общим, как единством частного и общего, как единством противоположностей. Универсальный метод доказательства осуществляется в единстве содержательного частного и общего, поэтому началом доказательства должно быть именно единство частного и общего, взятое в его «простом виде», как первое для доказательства.

Но единство частного и общего, как единство противоположностей, которое должно быть началом доказательства, разумеется, должно иметь логический характер, точнее, оно должно быть определенным умозаключением.

§ 233. Бесконечное умозаключение как начало доказательства

Единство опосредствования и непосредственности, как единство содержательного общего и частного, в полном виде существует в логическом как бесконечное умозаключение. Это умозаключение было рассмотрено выше, поэтому мы здесь ограничимся только указанием на следующие положения.

1. Начало доказательства не может иметь характер конечного, не может быть логическим конечным. Конечное, как мы знаем, есть «это, а не другое», или то, что утверждается и отрицается другим — внешним основанием. Такое логическое не может быть началом доказательства, поскольку оно утверждается и отрицается другим. То, что отрицается другим, есть случайное; начало доказательства, как его сущность, понятно, не может быть случайным, оно должно иметь природу полной логической, необходимости; а таково то, логическое отрицание чего невозможно и утверждает его же. Такова, как мы знаем, каждая категория логического; поэтому начало доказательства должно иметь характер категориальной необходимости. Это есть самоутверждение внутренним отрицанием, которое представляет бесконечное умозаключение — полную опосредствованную связь.

Пример такого начала доказательства дал Декарт в своем *cogito*, как это было отмечено выше, если *cogito* будет понято, как утверждение мысли ее отрицанием, а не по-другому, например, не как импликация, как это представляют некоторые (*cogito* Декарта Шольц понимает как импликацию: *jedesmal, wenn ich denke, existiert ein mit mir identisches Wesen*).¹⁸

Но этим *cogito* теряет характер логической рефлексивности и определенного умозаключения). Таково и «самополагание» Фихте, как начало системы, хотя оно не имеет характера умозаключения. Такой же характер имеет примененная в логике Гегеля «двузначность» («бытие есть ничто» и наоборот, «отрицательное есть и положительное» и наоборот) и внутренняя опосредствующая рефлексия. Таковы и «самоотрицающие положения», например, 1) «предложений не существует», 2) «истины не существует» и 3) «я не существую»¹⁹, если, конечно, эти положения будут поняты как суждения, имеющие рефлексный характер, а не как предложения, в которых нет рефлексивности (вопреки точке зрения Вуда и Веркмайстера). «Суждения не существует» уже есть суждение. Отрицание суждения само есть суждение, здесь не только противоречие с фактом, но и логическое противоречие между утверждением суждения и его отрицанием, более того, логическое единство противоречия — отрицанием суждения его же утверждение.

Природа начала доказательства такова, как и рефлексивности логических категорий: отрицание тождества применяет тождество как основание и средство, отрицание отрицания утверждает именно отрицание, отрицание частного есть утверждение частного, отрицание общего утверждает общее и т.д. Начало доказательства есть связь, имеющая природу логической рефлексии.

Начало доказательства есть положительность, содержащая отрицание. Именно отрицание утверждает то, отрицание чего невозможно. Поэтому начало доказательства есть не то, отрицание чего невозможно (таковым, как мы знаем, может быть и ничто), а отрицанием нечто его же утверждение. Это есть, так сказать, первое логическое, логическое *causa sui* (*ratio sui*); это бесконечное логическое, как бесконечное умозаключение, которое не имеет внешних логических посылок, и основание и следствие которого имеются в нем же. Это однопонятийное умозаключение (которое было рассмотрено выше), полное внутреннее логическое опосредствование.

2. Бесконечное умозаключение, как мы знаем, есть начало дедукции-индукции, редукции и вообще всех конечных логических методов, которые осуществляются в умозаключениях. Это так, поскольку, как было сказано, бесконечное умозаключение есть определенная полная форма категориального единства частного и общего, полное опосредствованное единство утверждения и отрицания. В нем снимается разобщение доказательства и недоказанного, непосредственного и опосредствования и т. д. Поэтому и есть оно для доказательства первое. Бесконечное умозаключение снимает, упраздняет всякий логический агностицизм.

Бесконечное умозаключение есть начало дедукции, индукции и редукции потому, что оно

¹⁸ H. Scholz, *Über das cogito ergo sum*. "Kantstudien" 36, стр. 126—127

¹⁹ L. Wood, *The Analysis of Knowledge*, London, 1940, стр. 195, также. W. H. Werkmeister, *The Basis and structure of Knowledge*, 1948, стр. 243—244.

содержит такие моменты, которые, как мы знаем, представляют начала своеобразной индукции, дедукции и редукции:

1) В нем единство, как общность, подчиняет себе его стороны — утверждение и отрицание, как своеобразные частные; в этом смысле здесь имеется своеобразная — содержательная или категориальная — дедукция, которой подчиняется обыкновенная — формально-логическая дедукция. 2) Содержащееся в нем утверждение отрицанием утверждает их единство, как общность, которая, как следствие, получается на основании первых. Поэтому здесь имеется содержательно-категориальная индукция, являющаяся основанием формально-логической индукции. 3) Если утверждение и отрицание понимаются как следствия, откуда с необходимостью получается их основание — единство, то мы имеем дело с редукцией, которая придает смысл и оправдывает всякую редуктивность в логике.

Бесконечное умозаключение есть начало всякого доказательства, а само оно представляет собой самодоказательство. Это самодоказательство не есть показатель необходимости нового доказательства, поэтому снимается ошибка «доказательства доказательства» и осуществляется доказательство доказательства, как самополагание.

Бесконечное умозаключение есть начало доказательства, прежде всего, как начало системы логики. Содержание логики должно быть содержанием системы доказательства. Логика есть система форм мысли, имеющая характер доказательства. Бесконечное умозаключение есть начало суждения, понятия и умозаключения как логических форм и их связи. Выяснение этого обстоятельства объясняет и то, как возможно, что бесконечное умозаключение, которое замкнуто в себе (представляет определенный круг), связывается с другим. Здесь надо указать, в основном, на два способа систематически-доказательного изложения форм мысли, в которых — в обоих случаях — бесконечное умозаключение выходит в роли доказательства; в одном случае бесконечное умозаключение есть как начало, так и исходный пункт, а в другом случае оно есть как начало, так и конец доказательства. Рассмотрим их в отдельности.

3. Бесконечное умозаключение есть полное логическое, поэтому оно в логике и начало и исходный пункт всего.

Общая мысль бесконечного умозаключения, как нам известно, есть понятие; бесконечное умозаключение есть однопонятийное умозаключение. В сжатом виде оно есть понятие, которое поэтому подчиняется бесконечному умозаключению, как полной опосредствованной связи и следует из него (понятие, вне умозаключения и суждения, как мы знаем, есть пустое слово).

Понятие, как общая мысль бесконечного умозаключения, есть безусловное общее, которое делится на два: на условное общее (общее, противоположное частному) и на частное. Взаимоподчинение общего и частного в бесконечном умозаключении лежит в основе содержательно-категориальной дедукции и редукции.

Общее и частное как отрицают, так и утверждают друг друга; их единство есть определение (дефиниция определенного вида). Определение полагает единство общего и частного.

Отношения общего и частного различны. По существу это отношение восьмисторонне; если есть (не есть) А, то есть (не есть) В и наоборот..., из которых каждое представляет собой определенный вид принципа «если есть А, то есть В».

Каждая сторона восьмистороннего отношения частного и общего, взятая вообще — категориально, есть содержательное или категориальное суждение («единичное есть общее» и т. п., «если есть частное, то есть общее» и т. п.).

Отсюда непосредственно вытекают конечные опосредствованные умозаключения; основанием конечного опосредствованного умозаключения, является содержательное или категориальное суждение.

Из конечных умозаключений непосредственно получают непосредственные, являющиеся сжатой формой конечного опосредствованного умозаключения.

Элементом или моментам непосредственного умозаключения (так же как и вообще умозаключения) является обыкновенное — формально-логическое суждение. Из видов суждения самым простым является положительное суждение (синтетически-положительное суждение).

Элемент формально-логического суждения, представленный отдельно, есть или представление,

или пустое слово, а не понятие. Поэтому более низшей, простой логической формы, чем положительное суждение, не существует.

Таким образом, в начале у нас было начало системы логики — бесконечное умозаключение, а в конце — положительное суждение. Это дедуктивная система, где все вытекает из бесконечного умозаключения, как из начала и исходного пункта; из наиобщего последовательно выводятся частные, а в конце мы получаем самое крайнее частное (содержательное частное) — положительное суждение. Это, так сказать, нисходящая система, система, противоположная развитию.

4. Вторая система имеет противоположное направление. Это система логического развития, в которой в полном виде осуществляется логическая необходимость; она имеет характер синтетического процесса, тогда как первая аналитична. Во второй системе, как в логическом развитии, доказывается каждая форма мысли; в ней полностью представлена необходимость каждой формы мысли и необходимость бесконечного умозаключения. Это та система, которая выше была представлена в виде центральной части (второй части) нашей логики; поэтому мы здесь не будем вновь излагать ее; отметим только, что она есть система логических форм, представляющая доказательство — логическое развитие, что осуществляется путем внутреннего противоречия, возникновением и разрешением антиномий, и кончается самоутверждением, бесконечным умозаключением.

Бесконечное умозаключение есть начало этой системы, но оно находится в ее конце. В этой системе логики каждый момент есть момент бесконечного умозаключения. Бесконечное умозаключение содержит все, но само представлено в виде определенной формы умозаключения. Исходный пункт этой системы есть суждение, которое переходит в свое основание — непосредственное умозаключение и т. д. Осуществляются переходы следствия в основание. А в конце самоутверждение завершает логическую систему доказательства, систему логики как доказательство. Система логики, как логическое развитие, представляет собой возникновение и разрешение логических трудностей. Такая логика есть не аналитика, а синтетика, которая и представляет собой диалектическую логику. Система этой логики, как развитие-доказательство, представляет собой круг, одну полную мысль, которая существует в полной форме логического — в виде бесконечного умозаключения.

Как нам известно, существует множество бесконечных умозаключений. Они являются примерами бесконечного умозаключения. Бесконечное умозаключение замкнуто в самом себе; постольку между бесконечными умозаключениями существует отрицательная связь. Вместе с тем, категории логического представляют собой систему, именно, систему бесконечных умозаключений. Связь категорий диалектична, она есть связь единства противоположностей, т.е. эта связь осуществляется в форме бесконечного умозаключения. Система бесконечных умозаключений должна осуществляться в форме бесконечного умозаключения.

§ 234. Начало и исходное положение доказательства

Рассмотренное в предыдущем параграфе взаимоотношение двух систем делает необходимым отличить друг от друга начало доказательства и исходное положение доказательства.

Исходное положение и начало доказательства отличаются друг от друга, поскольку начало доказательства есть сущность доказательства; например, для Аристотеля начало доказательства есть положение о невозможности противоречия, как невозможности одновременного утверждения и отрицания; а исходным положением доказательства является определение, его простая положительность, которая предшествует суждению, как утверждению и отрицанию, и доказательству, которое осуществляется посредством утверждения-отрицания; для него определение не есть доказательство и доказательство не есть определение. Доказательство начинается тем, что не есть доказательство — определением.

То обстоятельство, что начало доказательства и его исходное положение отличаются, ясно будет видно, если мы попытаемся начало доказательства, как его сущность, представить в виде исходного положения, в виде посылки. Представить сущность доказательства, например *Dictum*, как посылку, значит впасть в логическую ошибку. Если сущность доказательства берется как посылка, тогда доказательством будет связь этой посылки с другим. Если и эту связь возьмем как посылку, то и тогда повторится то же самое и т. д. до бесконечности; вместе с тем это будет признанием

доказательства до доказательства; сущность доказательства есть то, что оно есть, а не его посылка. Несмотря на указанное здесь различие, начало и исходное положение доказательства могут быть представлены как одно и то же. Это имеет место тогда, когда исходным положением доказательства берутся аксиомы. Аксиома может быть как сущностью доказательства, так и его исходным положением. Это имеет место в дедуктивных системах, в частности в математической логике, где аксиомы правила вывода берутся как за начало, так и за исходное положение доказательства. В аксиомах заранее подразумевается все доказательство, взятое по существу. С точки зрения Лукасевича, как это было отмечено и выше, аксиомами логики Аристотеля являются модусы первой фигуры категорического силлогизма, тогда как весь категорический силлогизм, в конце концов, есть не что иное, как модусы первой фигуры. Сведение модусов других фигур к первой фигуре, вопреки мнению Лукасевича, есть второстепенное обстоятельство, или же как говорил Кант, *die falsche Spitzfindigkeit*.²⁰

Что начало доказательства может быть, вместе с тем, и его исходным положением, это показывает вышерассмотренная система, которая начинает с бесконечного умозаключения и кончает положительным суждением. Но в данном случае, как было отмечено, логическая необходимость скрывается, не проявляется, система является аналитической и синтетичность теряется. Вместе с тем, все по существу находится в исходном положении, тогда как все должно осуществляться во всей системе.

Исходное положение и начало доказательства похожи друг на друга тем, что исходное есть первое в доказательстве и начало тоже есть первое доказательства. Ни первому ни второму логически ничего не предшествует. Но это следует понимать в различном смысле; исходному положению ничего не предшествует, поскольку с него начинается процесс доказательства; а начало доказательства есть его сущность, которой логически ничего не предшествует, но в другом смысле, а именно в том, что сущности доказательства не предшествует другое доказательство и его сущность. Исходное положение доказательства и начало подразумевают последующее, но в различном смысле; исходное положение подразумевает то, что начинается, а начало, как сущность, подразумевает «явления» — всё доказательство и его моменты.

Исходное положение доказательства «просто», а начало «сложно». Например, для Аристотеля дефиниция проста, а возможность одновременного утверждения-отрицания сложно логически; первое есть исходное, а второе — начало; тем более это можно сказать о логическом развитии.

В определенном смысле начало доказательства предшествует исходному положению, а в другом смысле наоборот — исходное положение предшествует началу. Исходное положение предшествует началу, как сущности доказательства, поскольку последняя осуществляется выполнением доказательства, которое исходное положение только начинает. Начало доказательства, как его сущность, предшествует исходному положению, поскольку первое подчиняет себе каждый момент доказательства, включая и его исходное положение.

Понятия исходного положения и начала доказательства представлены в полной определенности в доказательстве, как в логическом развитии. Исходное положение доказательства подразумевает все в доказательстве, как последующее, поскольку оно есть именно исходный пункт всего. Начало же доказательства подразумевает все в доказательстве, поскольку оно есть сущность всего. Но исходным положением начинается доказательство, поэтому оно «просто»; начало же доказательства, как его сущность, должно быть сложным, логически сложным; оно должно иметь сложность единства утверждения-отрицания. Поэтому начало доказательства должно быть в его конце. Исходное положение находится в начале доказательства, а начало в его конце. Начало доказательства есть сущность его сложности и, понятно, само будет более всего сложным. Таково бесконечное умозаключение, как начало доказательства. Это умозаключение, как единство противоположностей, сложнее и конкретнее всего, поскольку оно есть логическая бесконечность, более которой логическая полнота невозможна.

Но поскольку сущность доказательства есть сущность всего доказательства, постольку она должна действовать не только в конце, а с начала до конца. Исходное положение доказательства есть начало доказательства в простом виде; начало доказательства, как начинающее его, есть исходное положение.

²⁰ J. Kant, *Sämmtliche Werke*, B. V, стр. 18.

Исходное положение есть исходное положение начала (об этом будет речь ниже).

Правда, начало доказательства, как его сущность, существует и действует в доказательстве с начала до конца, но оно представлено полностью только в конце. Поэтому начало доказательства есть исходное положение, развитое полностью. Правда, начало доказательства действует во всем доказательстве с начала до конца, но оно может быть представлено и в действительности представляется в виде отдельного положения, правила, закона или умозаключения. Таково бесконечное умозаключение, как начало доказательства, как это было показано выше, а именно, при рассмотрении логических форм мысли в их развитии.

Мы знаем и то, что логическое основание предшествует следствию, но основание, как оправдывающее, может быть и после следствия, так как возможен логический переход от следствия к основанию, от абстрактного к конкретному и т. п. Так что исходным положением может быть и следствие. Это так и есть в логическом развитии. Исходное, как следствие, переходит в свое основание и оправдывается в нем, и так далее до окончания доказательства, где и будет полностью представлено начало доказательства. Что это так, в этом мы убедились выше. Здесь мы хотим сказать, что понятия исходного положения и начала доказательства представлены в полном виде в системе логики, как в доказательстве, имеющем характер развития. Природу начала доказательства, как его сущности, мы выяснили при рассмотрении бесконечного умозаключения. Нам надо рассмотреть исходное положение доказательства, как исходный пункт логического развития; именно здесь окончательно выяснится понятие исходного; но, сперва надо выяснить несколько вопросов, рассмотрение которых должно предварить более точное рассмотрение понятия исходного положения логического развития.

§ 235. О границе логического

Если логическое, доказательство имеет как исходное положение, так и начало, то оно должно быть ограниченным, оно не может быть безграничным. Логическое имеет границу: 1) объективная действительность определяет мысль, поскольку мысль есть отражение действительности. Объективная действительность по своей природе материальна, существует независимо от мысли и определяет ее; мысль есть всегда мысль о действительности, и ошибочная мысль определяется действительностью; ошибочная мысль есть фантастическое отражение действительности. Объективная действительность по своей природе является нелогической, реальной; логическое имеет реальное определяющее основание.

Логическое имеет границу: 2) и в том смысле, что оно определяется, его дефиниция возможна. Граница логического есть его сущность, определенность, форма. Логическое имеет определенность, качество (например, качество суждения).

Отмеченные здесь две границы логического не исключают, не упраздняют его безграничности: 1) определенность логического не исключает его безграничности, поскольку безграничное и бесконечное не есть неопределенность (бесконечность ошибочно считали неопределенной древние греки, интуитивисты, напр. Броуэр и др.). Бесконечность как в математике (начиная с Кантора), так и в философии представлена в виде положительной определенности (как это было выяснено выше). Логическая бесконечность есть полная определенность логического, она имеет форму умозаключения; существует бесконечное умозаключение. 2) Безграничность логического не упраздняется также и определением логического, объективной действительностью, поскольку действительность и ее безграничность не ограничивают логическое, а наоборот обосновывают его безграничность, так как логическое отражает безграничную действительность; беспредельная действительность вынуждает логическое быть беспредельным; мы можем иметь понятие обо всем, суждение обо всем и так же умозаключения и доказательство. Безграничность логического не означает, как это думал Гегель, отсутствие нелогического — внелогической действительности.

Безграничность логического означает не то, что оно выполняет роль объективной действительности, а то, что возможно доказательство всего, что обо всем можно иметь понятие и суждение. Признание безграничности логического есть отрицание логического агностицизма.

Логическое могло бы иметь границу, если бы существовало такое нелогическое, которое выполняло бы его роль. Такое нелогическое есть мистическое. Граница логического есть мистическое, таинственное

для логического, непостижимое для него; но оно не существует. Все можно высказать в логической форме, принципиально возможно понимание всего; не существует логически непонятного. Логическое может иметь границу тогда, если бы в нем действовало нелогическое, если, например, в доказательстве было бы что-либо недоказанное, скажем недоказанная посылка.

Логическое имело бы границу тогда, если бы оно определялось тем, что может выполнить его роль; если бы для выполнения своей роли оно было недостаточным и его роль выполняло нелогическое. Логическое имело бы границу тогда, если бы оно логически определялось другим, если бы оно имело другую логическую границу, но такое допущение уходит в бесконечный регресс: и другое логическое было бы логическим; нет такого определяющего логическое, которое не есть логическое, но выполняет его роль. Любые заменители логического извращают, а не упраздняют его, поскольку подчиняются ему и определяются им. Имеется определенность логического, как его граница, но нет того, что могло бы «ущемлять» логическое логическим или чем-то подобным. Логическое не имеет логической границы.

Следовательно, логическое в определенном смысле с необходимостью имеет границу, а в другом смысле не имеет границы.

Вышесказанное не значит, что формально-логическое не имеет границы, именно, логической границы. Формально-логическое, как мы знаем, есть конечное логическое; формальная логика отрицает бесконечное логическое, поэтому, ясно, что она есть ограниченное логическое, она оставляет место для логического агностицизма. Что из себя представляет логическая граница формально-логического? Коротко говоря, граница формально-логического совпадает с границей конечно-логического.

Ограниченность формально-логического или конечно-логического проявляется, например, в том, что оно с необходимостью обращается к интуиции, опирается на интуицию, тогда как интуиция внелогична. Ограниченность формально-логического выражается тем, что для него необходима недоказанная посылка, формально-логическое доказательство опирается на недоказанное (как при дедукции, так и при индукции, как это было выяснено выше). Законы формальной логики считаются недоказанными положениями, «регулятивными догмами веры»²¹. Формально-логическое, как непротиворечивое, т.е. ждущее на невозможности противоречия и определенное ею, есть отрицательно-логическое, тогда как логическое прежде всего, должно быть положительно-логическим. Граница формально-логического видна и в том, что оно есть логическое, обоснованное другим — внешним основанием. Поэтому для него неизбежен бесконечный регресс, что означает логическую невозможность.

Главная логическая граница формально-логического есть противоречие. Формальная логика доходит до противоречия, как до своей логической границы, но преодолеть, перейти ее она не в силах. Это ясно показал Кант в своих антиномиях. Для формальной логики противоречие невозможно; совершенство формально-логического заключения в невозможности противоречия. Но Кант показал, что противоречие для разума необходимо, хотя оно представляет собой ошибку, «иллюзию». Антиномии Канта представляют собой отрицательную диалектику. Поэтому можно сказать, что окончательная граница формально-логического есть отрицательная диалектика.

Как мы уже знаем, трудность отрицательной диалектики снимается в положительной диалектике, поскольку отрицательно-диалектико-логическое есть момент положительно-диалектико-логического, бесконечного логического, в этом смысле, это логическое безгранично. Бесконечно логическое, совершенной формой которого является бесконечное умозаключение, есть снятие границы обоснования другим, поскольку оно есть самоутверждение, самоутверждение внутренним отрицанием.

Сказанное можно выразить иными словами: формальная логика есть логика однозначности; для нее положительное абсолютно оторвано от отрицательного и наоборот; положительное есть только положительное, а отрицательное есть только отрицательное. Граница формально-логического и граница однозначности одна и та же. Поэтому для формальной логики всякая двузначность есть ошибка, а отрицательно-диалектическое двузначно; в отрицательной диалектике положительное есть также и отрицательное, а отрицательное имеет и положительное значение. Но это обстоятельство требует объяснения. С одной стороны, двузначность, как смешение понятий, ясно, есть ошибка, и мы ее

²¹ Ф. Ницше, Полное собрание сочинений, т. IX, 1910, стр. 147.

должны снять — упразднить в логике. Но, с другой стороны, однозначность, по своей природе, переходит в противоречащее — в двузначность; это обстоятельство требует объяснения-оправдания, в противном случае, мы должны отрицать и однозначность. Двузначность отрицательной диалектики оправдывается — снимается и сохраняется — в положительной диалектике, где имеется не только «двузначность», но и ее единство, так сказать «трехзначность», как самоутверждение посредством внутреннего отрицания. Проблема двузначности разрешается в диалектике, а не в многозначной логике (как это кажется Günther-y), поскольку единство противоречия есть бесконечность, которая не может быть расчленена на конечные и на различные значения; противоречие имеет только две стороны, «третья» есть единство, а не в самом деле третья сторона.

Поскольку логическое есть бесконечное логическое, постольку и логика не имеет границы, не нуждается в подспорье; свои задачи она разрешает сама. Логика не имеет исходного положения в том смысле, в каком его имеют частные науки. Частные науки опираются на недосказанные в них посылки, например на философские категории и логические законы, тогда как логика не должна опираться на недоказанное. Наиобщим методом частных наук является философско-логический метод, поэтому они получают этот метод, так сказать, извне, тогда как метод логики есть, вместе с тем, и ее предмет. Предмет логики есть форма мысли, которая является методом. Метод логики есть форма, способ мысли. Все частные науки опираются и обосновываются логическим методом; каждая наука осваивает свой предмет в логических формах мысли. Поэтому «всякая наука есть прикладная логика»²². Поэтому считается ошибкой перенесение метода из математики в логику; метод логики не может быть математическим методом.

То обстоятельство, что метод логики есть форма мысли, а формы мысли являются предметом логики, означает, что всякое логическое средство подразумевается в самой логике; логика не получает извне, из другой сферы, никакого логического средства; в этом смысле она не имеет границы. Каждое логическое средство логики впервые должно быть установлено в логике. Поэтому логика есть рефлексивная наука; логическое, в конечном счете, есть рефлексивно-логическое.

Законы логики и категории логического, как первичные средства логического мышления, объективные и необходимые средства, не являются «догмами веры», они, как это было достаточно выяснено выше, доказываются в самой логике; первые средства доказательства не даются доказательству недоказанно; их доказательство не осуществляется внешним основанием, поэтому снимается опасность регресса в бесконечность.

Логическое, как мы знаем, не может иметь другого логического начала. В логике мысль изучает сама себя, собственные формы; правда, это формы отражения объективного предмета, но именно логические формы мысли. В логике осуществляется доказательство мыслей мыслью, собственными — логическими средствами. Здесь осуществляется логическая рефлексия, которая представляет собой самообоснование, самодоказательство. Логика начинает логически только с логического и кончает логическим; осуществляется определенный «кругооборот». Например, определение мысли, отражающей сущность предмета, устанавливает понятие предмета (так устанавливается понятие всего, в частности и понятие мысли или логического). Определение понятия начинается с понятия и кончается именно полаганием понятия. Определение понятия логического начинается с логического и кончается полаганием полного понятия логического; если мы пока не в состоянии сделать это, это не значит, что это не должно быть сделано.

Таким образом, логическое есть бесконечное, и в этом смысле безграничное, хотя оно имеет и границу, и исходный пункт, и конец, и определенную сущность — а именно то, что оно из себя представляет. Безграничность логического, следовательно, не исключает его границы. Бесконечное содержит конечное и не исключает его и в логической сфере. Логическое есть диалектическое единство соответствующего конечного и бесконечного, существующее в виде формы определенного умозаключения.

Безграничное развитие мысли должно иметь и имеет определенную логическую форму.

§ 236. О тавтологичности исходного положения и начала

²² В. И. Ленин, т. 38., изд. четвертое, стр. 193.

Исходное положение должно быть простым. Оно не может быть сложным, так как сложное есть то, что, заранее подразумевает простое, получается из простого. Правда, сложное можно разложить на простое и постольку из сложного получается простое, но это обстоятельство имеет вторичный характер, поскольку сложное заранее подразумевает простое; простые получаются из такого сложного, которое получено из простого и из простых.

Сложное получается из простого и в том смысле (и это главное), что оно есть результат развития, а простое должно быть началом развития. Таким образом, исходное или начало должно быть простым.

Но история философии, и вообще науки, показывает, что из простого ничего не выводится. Вода Фалеса, воздух Анаксимена были простыми, но вывести из них что-либо оказалось невозможным. Для этого выведения надо было внести жизнь в такие простые начала. Ничего не выводилось также из природы элементов Эмпедокла и из неизменных и простых атомов Демокрита; для вывода других из элементов и атомов здесь был применен механический метод, метод прибавления-убавления, который был правильным с точки зрения физики, но ничего не говорил с точки зрения метафизики, онтологии, поскольку объясняющее основание уже содержало все. Апейрон Анаксимандра был образцом того, что из того, что содержит все, было лишним выводить что-нибудь, так как то, что хотели вывести, заранее подразумевалось выведенным. Простым было бытие Парменида, оно представляло собой абсолютную простоту, поскольку не содержало никакого различия, но оно и не было пригодным как исходное или начало для него (различия); бытие Парменида исключало всякое различие, поскольку последнее возможно посредством относительного небытия (как это доказал Платон). С точки зрения Парменида, небытия не существует; существует только бытие без всякого различия. Из простого бытия Парменида было абсолютно невозможно вывести какое-либо различие. Простой была также и «усия» Аристотеля, поэтому она не могла быть единством частного и общего, тогда как должна была быть именно таковой. Простая усия Аристотеля представляет мистическую душу вещи, из которой ничего не могло быть выведено и объяснено. Таким простым является и монада Лейбница и т. д. Одним словом, в действительности из простого ничего не выходит. Абсолютной простоты и не существует.

В логике простое есть тавтологическое; а логически сложное есть нетавтологическое, именно, то, что имеет природу утверждения-отрицания, как это было представлено у Аристотеля. Для Аристотеля простое есть, например, дефиниция, поскольку, с его точки зрения, она представляет положительность без отрицательного; а сложное есть суждение, доказательство, которые имеют смысл благодаря утверждению-отрицанию, как положительности и отрицательности. Сократики исходили из бытия Парменида и, как известно, утверждали, что возможны только тавтологические, простые, несинтетические суждения; синтетические суждения бессмысленны, так как содержат отрицание; признание отрицания как существующего есть нелепость. Cogito Декарта, — как аксиома доказательства философской системы, — было понято как простое, тавтологическое положение (сам Декарт, Кант и многие другие так понимали природу cogito). Поэтому стало необходимым для Декарта понятие бога. Cogito есть простое, поэтому из него ничего не выводится, не выводится истинность положений системы; именно для объяснения этого применил Декарт понятие бога (но, как мы знаем, в действительности оно было лишним для Декарта, поскольку cogito представляет абсолютную истину и выводу из него истинности других положений ничего не мешало). Трансцендентальное «Я» Канта просто, как чистая тождественность таково также чистое «Я» Гуссерля и т. п. «Я» Канта, как чистое тождественное, только сопровождает (begleitet) другие, но из него ничего не вытекает; оно должно создавать все, но чистое тождественное ничего не может производить. Поэтому Фихте исходным взял Tathandlung, но все-таки не смог связать с формой положительности форму отрицания. И, потому ему пришлось вместо одного исходного принять три исходных.

Следовательно, из чистого тождественного, чистого простого, из тавтологического ничего не выходит. Формальная логика опирается на закон чистого тождества, поэтому в ней суждение, умозаключение, доказательство чисто аналитичны и тавтологичны; синтетико-логическое ей непонятно. Но чистая тавтологичность доказательства, как мы знаем, представляет логический круг — ошибку. Опираемость доказательства на чистое тождество не обосновывает его, а наоборот, делает невозможным и ложным. Для математической логики аксиомы (и все всегда истинные предложения) представляют собой тавтологические положения; именно вследствие этой тавтологичности

исходного и начала доказательства она вынуждена разбить аксиомы на аксиомы и металогические правила. Без металогических правил (правило подстановки и схема умозаключения) из аксиом, как из тавтологических положений (или схем), ничего не выводится; а металогические правила, как правила вывода, заранее подразумевают и содержат мысль вывода: 1) Вывод понимается, как подстановка, а правило подстановки представляет именно ее и заранее берется как исходное. 2) «Схема умозаключения» (*modus ponens*) заранее подразумевает мысль умозаключения. Такое осложнение положения является следствием того, что началом системы доказательства берется тавтологическое, откуда, в действительности ничего не выводится. Если все заранее подразумевается в аксиомах и правилах, тогда вывод принимает механический характер, характер игры символов. Это так и есть в формализованных системах. Аксиоматизация и формализация очень полезны для математики, но неприемлемы для логики, которая представляет и должна представлять собой философскую науку.

Таким образом, исходное и начало не могут быть тавтологическими, чистым тождеством или чистой простотой.

Следовательно, получается, на первый взгляд, безвыходное положение: 1) исходное и начало доказательства должны быть простыми, 2) они не могут быть простыми, 3) поскольку они не могут быть простыми, постольку они должны быть сложными, 4) исходное и начало не могут быть сложными. Где же выход? Как должна разрешиться эта трудность?

Разрешение этой трудности возможно только с точки зрения развития, она разрешается в диалектике. Исходное положение и начало доказательства должны быть исходным пунктом и началом логического, развития. О начале у нас уже был разговор, а теперь надо рассмотреть понятие исходного положения, именно понятие исходного пункта логического развития.

§ 237. Исходный пункт логического развития

1. Логическое положение часто начинают определением (определениями) понятия (понятий). Заранее определяют основные понятия системы (Аристотель, Спиноза, вся формальная логика), а затем на основании этих определений строят систему. Но логическое изложение, которое должно быть развитием, не может начинаться полным определением основных понятий, так как: 1) Определения основных понятий уже содержат существенное содержание всей системы, то, что должно быть установлено в последующем; получаем аналитическую вытекаемость, которая излишня для логического изложения, поскольку «излагаемое» уже заранее «изложено» в определении. 2) Определение, как полагание признаков понятия, само есть логическое изложение; перечисление признаков понятия до его исчерпывания есть как определение понятия, так и, по существу, все изложение-развитие. 3) Процесс логического изложения есть именно процесс полагания понятия и поэтому нельзя начинать его с законченного определения понятия. Понятие есть результат этого процесса, а не исходный пункт.

Если бы К. Маркс начал «Капитал.» с понятия капитала, он все-таки начал бы с товара, так как капитал заранее подразумевает деньги, а они — товар. Если бы Гегель начал свою «Логику» с понятия, он все-таки начал бы ее с бытия, поскольку сложное начинается с простого. Если бы Гегель начал «Логику» с понятия становления (*Werden*), он начал бы все-таки с «бытия», поскольку становление заранее подразумевает бытие (и ничто). Как это было отмечено выше, истина дана не в начале, а в конце, точнее, в продолжении (В. И. Ленин). Такова и логическая истина. Если истина дана заранее, тогда все остальное становится лишним. Исходное положение доказательства должно быть именно исходным пунктом, а не всей системой.

Но, с другой стороны, если мы не начнем с понятия и его определения, то мы вообще ничего не начнем. Нельзя начать что-либо, не начиная с его понятия, его определения. Когда мы начинаем определение, то имеем в виду именно понятие; когда начинаем определять суждения, мы начинаем именно суждение; исходный пункт доказательства есть исходный пункт именно доказательства. Когда начинают геометрию, имеют в виду геометрию, ее понятие и т. п.

Таким образом, получается, на первый взгляд, безвыходное положение: логическое изложение невозможно начать с определения понятия и, вместе с тем, невозможно не начать с определения понятия. Логическое изложение исходит и не исходит из определения понятия, оно идет и не идет (исходит, но не доходит) до определения понятия. Логическое изложение не может исходить из готового понятия, оно должно прийти к нему.

Как увидим ниже, вышеуказанная трудность исходного пункта разрешается тогда, если он понимается как исходный пункт логического развития. Логическое развитие — доказательство — начинается с понятия и кончается понятием, но так, что оно начинается с исходного пункта понятия, его определения, и кончается полным определением, полаганием понятия. Все доказательство есть полагание признаков одного и того же понятия, что и имеет характер развития. Исходный пункт и конец этого развития и все содержание есть одно и то же понятие.

2. Как было сказано, исходное положение доказательства не может быть абсолютно простым, поскольку из простого ничего не выводится. Но это не значит, что исходное положение доказательства не может быть простым. Исходное положение есть простое и не есть простое; оно есть относительно простое; иначе и не может быть, так как исходное положение есть исходный пункт последующего и следствия. Из абсолютно простого, из чистой тавтологичности ничего не выводится. Это значит, что из него ничего не выводится аналитически, поскольку тавтология логически есть ничто, пустота. Исходное положение просто и тавтологично, но из него выводится другое, поскольку оно относительно просто и тавтологично. Исходное, положение не только просто; оно есть исходное другого, поэтому имеет смысл в отношении к этому последнему. Это требует понятие исходного. Простое, как исходное, есть простое сложного; оно, есть исходный пункт сложного, поэтому имеет смысл благодаря сложному. Поэтому оно и относительно.

Таким образом, исходное положение есть простое сложного, исходный пункт сложного, в противном случае, оно не было бы исходным. Исходное относительно, так как оно есть исходный пункт развития. Трудность проблемы исходного пункта доказательства разрешается только с точки зрения развития, только в диалектике.

Исходное положение системы доказательства, как логического изложения-развития можно выразить словом «клеточка». В. И. Ленин писал: «У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (resp. зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, его отдельных частей, от его начала до конца.

Таков же должен быть метод изложения (resp. изучения) диалектики вообще ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики. Начать с самого простого, обычного, массовидного etc..., с предложения **любого**: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть диалектика: отдельное е с т ь общее»²³.

Исходный пункт есть «клеточка»; это, согласно вышеприведенным положениям В. И. Ленина, означает: исходное есть простое, но вместе с тем, основное, существенное. Оно есть противоречие, но простое противоречие, исходный пункт всех противоречий, именно то, откуда развивается целое. Исходное в «Капитале» есть товар, который представляет «клеточку» капиталистического общества. Это исходное есть пример вообще исходного, диалектического исходного пункта. Исходный пункт развития есть его «клеточка». Таким должно быть и исходное положение логического развития, как доказательства.

Таким образом, исходное положение доказательства должно быть относительно, а не абсолютно простым. Это последнее, как было сказано, есть ничто, откуда ничего не начинается. Более того, и само ничто не может быть абсолютно простым, поскольку оно существует; ничто есть относительное ничто (как это доказал Платон в диалоге «Софист»), т.е. такое, которое подразумевает бытие и существует в бытии, как различие.

3. Исходное положение просто; иными словами, это значит, что оно непосредственно. Исходное относительно просто, поэтому оно не чисто непосредственное, а исходное положение, начинающее опосредствование, исходный пункт опосредствования; оно непосредственно как сторона опосредствования. Исходное положение есть исходный пункт следствия и последующего, т.е. исходный пункт опосредствования (так же как и следствие есть следствие и последующее исходного).

Исходное, как исходный пункт опосредствования, есть полагание исходного как такового, а это есть

²³ В. И. Ленин, т. 38, изд. четвертое, стр. 358, 359.

первое опосредствование; это есть начинание. Начинание есть первое опосредствование непосредственного. Начинание, первое опосредствование и полагание первого места — исходного пункта — есть одно и то же.

Исходное, разумеется, есть это, а не другое; это уже есть определение исходного, полагание его понятия; полагание исходного есть опосредствование, первое опосредствование, являющееся первым доказательством; исходное, как полагание места первого (первого места), есть его опосредствование-доказательство. Исходное есть исходное для доказательства, первое доказательство, первое для доказательства; первое для системы доказательства есть первое опосредствование, имеющее характер доказательства и природу доказательства.

Поскольку 1) исходное опосредствовано начинанием, 2) исходное есть исходное для последующего и 3) последующее есть продолжение исходного, постольку здесь в исходном и в последующем дано одно и то же; поэтому здесь имеется внутреннее опосредствование. Исходное непосредственно, но опосредствовано внутренне. Таким может быть, например, суждение, взятое непосредственно, но содержащее внутреннее различие к постольку опосредствование.

Таким образом, исходное есть исходный пункт внутреннего опосредствования. Начинание, как первое опосредствование, осуществляется путем опосредствования, что и представляет собой способ — логический способ — доказательства. Это способ логического перехода. Начинание есть исходный пункт осуществления способа перехода и наоборот. Таково в «Капитале» начинание с товара, начинание с бытия в «Логике» Гегеля, начинание вышерассмотренных форм мысли с суждения и т. п.

4. Исходное положение логического развития есть определенное *основание*, с которого осуществляется переход к следствию, но это не такое основание, из которого формально-логически, аналитически, выводилось бы другое; в таком случае не было бы перехода-развития. Исходное положение логического развития, как было сказано, должно быть как непосредственным, так и опосредствованным. Опосредствование исходного положения означает, что оно есть следствие, но такое следствие, которое не вытекает из основания аналитически, а переходит в основание. Таков, например, вышерассмотренный переход от суждения к умозаключению, как к основанию суждения.

Исходное положение есть следствие последующего, как его основания; исходное есть исходный пункт последующего; оно есть следствие в этом смысле; последующее есть оправдывающее основание исходного. Начинание есть переход от исходного к его оправдывающему основанию. Этим переходом оправдывается исходное, как именно исходное; в противном случае, мы не имели бы исходного.

Переход от исходного к последующему может быть представлен 1) как переход от основания к следствию; это индуктивный переход — переход от содержательного частного, как от односторонности, к содержательному общему, как к единству; 2) в виде перехода от следствия к основанию; это содержательная редукция; 3) в виде логического саморазвития, которое является единством первых двух путей; начинание есть внутреннее опосредствование — обогащение-развитие; поэтому мы здесь имеем дело с одним переходом.

Указанное здесь обстоятельство на языке суждения выражается так: 1) общее есть частное; исходное есть абстрактное общее, т.е. содержательное частное; 2) частное есть общее; содержательное частное — односторонность — есть абстрактное общее (об этих моментах будет речь ниже). Если мы развернем эти суждения, то, как мы уже знаем, получим опосредствованную связь, и в этом смысле — умозаключение. Таким образом, начинание есть как первое суждение, так и первое умозаключение. Суждение и умозаключение суть переходы. Суждение есть переход от субъекта к предикату (от частного к общему). Поэтому оно есть «сжатое» умозаключение. Умозаключение есть переход от основания к следствию, именно, опосредствованная связь-переход, сравнительно с чем суждение имеет непосредственный характер; эта непосредственность выражается так: субъект есть предикат.

Одним словом, начинание есть логический переход, исходное положение которого есть исходный пункт логического развития, его логически первое.

5. Мы выше рассмотрели единство анализа и синтеза (как определенный логический метод). Здесь можно сказать, что исходное положение есть исходный пункт этого единства; поэтому в этом аспекте исходное положение есть исходный пункт получения синтеза анализом; исходное есть анализируемое. Исходное есть исходное синтеза. Логическое развитие должно начинаться с того, анализ чего возможен.

Как было сказано, с исходного пункта осуществляется переход, что называется начинанием, но

дело в том, как возможно начинание, т.е. каким образом можно из исходного вывести то, чего там нет? А вывод того, что там уже есть, является лишним.

Аналитический вывод бессмыслен, если в исходном имеется все, поскольку, в данном случае, выводимое подразумевается заранее, т.е. вывод становится лишним. Вывод и начинание невозможны и тогда, если в исходном есть только ничто; из ничто ничего не получается, не начинается.

Анализировать можно только то, анализ чего возможен; но таково сложное; анализ простого невозможен, поскольку там нет различия, в противном случае, оно было бы не простым, а сложным. Анализировать можно то, что является сложным, но сложное может быть результатом развития, но не исходным. Необходимо разрешить эту трудность, чтобы выяснить то, что такое исходное, что из себя представляет понятие исходного.

Трудность синтетичности начинания непосредственно связана с трудностью логического синтеза. С точки зрения Канта, понятийный синтез невозможен; переход вообще от понятия, в частности от исходного понятия, только аналитичен (здесь он согласен с рационалистами — с Декартом, с Лейбницем и др.); этот переход синтетичен только тогда, когда мы выходим за сферу понятия и опираемся на чувственную интуицию. Гегель своей диалектикой показал, что анализ понятия дает другое — синтез (вопреки Канту и рационалистам). Но Гегель извратил это «рациональное зерно» тем, что средством всякого перехода, в конце концов, признал мистическую способность бога. Научное разрешение вопроса возможно только в материалистической диалектике.

Как было сказано, начинание есть переход от исходного, являющийся определением, но, спрашивается, определением чего? Ясно, что это будет определением исходного. Это определение есть ответ на вопрос, что такое исходное. Этот ответ есть полагание, то есть выделение признака исходного — анализ; это будет и полаганием того, исходным пунктом чего является это исходное. Таково, например, исходное «Логики» Гегеля — «бытие», исходное «Капитала» Маркса — «товар» и др. В этом последнем случае признаком товара будет стоимость, а именно потребительная и меновая стоимость, единством которых является товар. Исходное есть определенный признак — определенность.

То обстоятельство, что признак исходного есть признак того, исходным пунктом чего оно является, что оно есть исходное следствия, доказывает, что исходное не случайно, а необходимо. Исходное должно быть объективно необходимым. Поэтому получение анализом вообще синтетического, и в частности первого синтетического, есть не случайный, а необходимый синтез. То, что отрицается, отрицание чего возможно, то случайно. Отрицание исходного невозможно; но то, отрицание чего невозможно, как мы знаем, необходимо. Необходимость исходного дает то, исходным пунктам чего оно является. Исходное есть это, а не другое. именно из-за этого другого.

В исходном нет последующего; в противном случае, оно не было бы исходным, но исходное есть исходный пункт именно последующего, постольку в нем есть то, чего в нем нет; это противоречие показывает, что в исходном есть нечто иное, в противном случае, указанного здесь противоречия и не было бы. Как было сказано, исходное есть это, а не другое, именно из-за этого другого, на основании этого другого. Отсюда видно, что в исходном необходимо отрицание. В исходном имеется небытие последующего, но, вместе с тем, и его исходный пункт. Простая положительность исходного сама есть отрицательность и наоборот. Таким образом, исходное антиномично; начинание с исходного есть разрешение его антиномичности.

Антиномичность исходного есть его «двузначность», например в начале «Логики» Гегеля «бытие есть и небытие». В товаре «Капитала» Маркса потребительная стоимость есть нестоимость и поэтому товар содержит противоречие стоимости и нестоимости. Разрешение противоречия этих исходных есть: 1) у Гегеля — «становление», 2) у Маркса — «деньги». «Двузначность» выражается тем, что: 1) абстрактное бытие, например, бытие Парменида, есть небытие; 2) относительное небытие есть; 3) абстрактное тождество, как положительность, есть отрицательность и наоборот и др. Нечто согласно своей природе есть другое; нечто содержит свое отрицание.

Таким антиномичным является то исходное, с чего мы начали рассмотрение логических форм мысли — суждение. Антиномичность суждения, как мы знаем, разрешается в умозаключении.

Исходный пункт логического развития имеет природу утверждения-отрицания, т.е. логическую природу; он есть исходный пункт именно логического, его первая «клеточка».

6. Переход осуществляется от исходного, но и само исходное есть переход, поскольку понятие вообще есть переход «понятие = переходу»²⁴, как было выяснено выше. Таково, в частности, и понятие исходного, и понятие того, что имеется в исходном (это последнее выражается первым). Как мы знаем и как это было отмечено, категория, по своей природе, есть переход; например, бытие переходит в небытие и наоборот, количество, как таковое есть качество; частное есть общее и наоборот и т. п.

Поскольку тождество содержит различие (Ф. Энгельс), постольку первое переходит во второе; тождество содержит отрицание, поэтому, по своей природе, оно переходит в другое; этот переход имманентен, осуществляется с внутренней необходимостью. Поэтому понятие есть переход. Само понятие, как таковое, как мы знаем, переходит в бесконечное умозаключение. То обстоятельство, что формы мысли связаны друг с другом такими переходами, мы уже рассмотрели выше. Но здесь мы должны отметить то, что и переход от исходного пункта имеет диалектическую природу. Исходное как простое, содержащее различие, переходит в другое. Здесь имеется отрицательное отношение, т.е. переход совершается посредством отрицания.

Таким образом, в категориях полаганием нечего, как исходного, полагается противоположное; полаганием частного полагается общее, и наоборот, полаганием бесконечного — конечное, и наоборот, и т. д. В этом смысле, полаганием исходного полагается то, что оно есть и, вместе с тем, что оно не есть, но исходным пунктом чего оно является: в этом и заключается, как мы знаем, смысл копулы суждения. Исходное поэтому противоречиво внутри себя. Исходное есть исходный пункт того, что оно не есть; мы указываем на антиномичность исходного потому, что поскольку полаганием исходного полагается противоречащее, постольку переход от исходного (и не только этот переход) есть переход в противоречащее, поэтому это именно синтетический переход; следовательно, переход от исходного (который в логическом развитии постоянно повторяется) есть прогресс. Поэтому и является такое исходное исходным пунктом логического развития; товар, как стоимость, есть деньги; единичное есть общее, потребление есть производство и т. д. Исходное синтетично.

7. Как мы знаем, исходное есть абстрактное, исходное конкретизации; исходное конкретизации, ясно, будет неконкретным, абстрактным. С точки зрения понятия, логического, иначе и не может быть.

Исходное есть субъект с собственным предикатом; оно есть как абстрактное единичное, так и абстрактное общее; исходное есть первое субъекта и его первый предикат; исходное есть то, которое раздваивается на этот субъект и предикат. Исходное есть первое единство последующего процесса.

Исходное есть исходное того субъекта, который будет подлежащим последующих предикатов; в этом смысле оно есть общее основание предикатов. Исходное этого общего подлежащего, ясно, будет абстрактным. Субъект есть единичное, которое может иметь много предикатов 1) одновременно и 2) в развитии. Исходное есть исходное подлежащего развитию. Развитие есть предикация такого исходного, как субъекта.

Абстрактное исходное в развитии делается конкретным, содержательным общим; поэтому исходное, как субъект, есть исходное содержательного общего. Абстрактное есть исходное конкретного общего. В предикате сохраняется тот субъект, который, представляет собой исходный пункт логического развития. Предикат высказывает именно то, что из себя представляет субъект; это так, как в исходном пункте, так и в дальнейшем развитии.

Мы должны различать друг от друга единичное, частное и общее, именно следующим образом: подлежащее многих предикатов есть единичное; частное есть какой-нибудь предикат и соответствующий ему субъект. Общее есть: 1) предикат многих субъектов или 2) предикат, как единство нескольких моментов. Но, с другой стороны, единичное есть, вместе с тем, общее, поскольку оно есть одно и то же подлежащее многих предикатов, и поскольку его природа высказывается общим предикатом; односторонность такого субъекта есть частное, но оно может быть объемным общим. Субъект высказывается предикатом, поэтому 1) субъект переходит в предикат и 2) один и тот же субъект исчерпывается односторонностями; поэтому субъект и конкретное общее в результате логического развития совпадают друг с другом.

²⁴ В. И. Ленин, т.38, изд. четвертое, стр. 218.

Исходное есть исходный пункт субъекта именно такого развития. Признак товара есть стоимость, отличающаяся от полезности; признак денег есть стоимость, равная его потребительной стоимости, и капитал есть стоимость, но самовозрастающая. Так что здесь имеется развитие одного и того же. Утвердительность и отрицательность природы суждения развивается в формах мышления и в конце получаем бесконечное умозаключение.

Исходное есть единичный субъект как исходное содержательного общего. Исходное есть исходное логического развития. Эти тавтологические положения, ясно, не являются определениями. Здесь сказано то, что первое должно быть понято в смысле второго.

Исходное, с одной стороны, есть исходное субъекта, с другой стороны, оно есть содержательное частное, как одностороннее; но оба являются абстрактными общими, как исходные пункты последующего процесса. Частное есть общее и в исходном, поэтому исходное должно иметь природу суждения.

8. Начинание, как было сказано, есть первый переход, первый пункт процесса определения; исходное есть первое различие, первое внутреннее раздвоение, первичное деление — «Ur—teil». Начинание и исходное как переход, есть суждение.

Как было сказано, понятие есть переход, таково и понятие исходного. Переход есть суждение, и первый переход — начинание — есть суждение. Мы знаем и то, что само суждение в самом себе есть переход; это есть переход единичного о общее — «единичное есть общее».

Исходное, как единство нечто и его другого, есть суждение, первый переход — первое суждение, первичное суждение. Это первая дефиниция, именно первая категориальная дефиниция, посредством чего создаются связи категорий, система логики, как развитие категорий логического. В системе логики исходным должно быть суждение.

§ 238. Исходное положение начала

I. Мы рассмотрели как исходное положение, так и начало доказательства. Этим выяснено и их отношение, которое требует более подробного рассмотрения, что мы и сделаем в этом параграфе.

Как нам известно, начало доказательства есть его сущность; сущность доказательства в полном виде представлена в его начале. Так было у Аристотеля, так дело обстоит и с точки зрения материалистической диалектической логики. С точки зрения Аристотеля, «самое неоспоримое» начало доказательства, как мы это рассмотрели выше, есть положение о невозможности противоречия, положение о невозможности одновременного утверждения и отрицания; а с точки зрения диалектической логики, начало доказательства есть единство противоречия, которое, как мы знаем, существует в виде бесконечного умозаключения.

Мы выяснили и то, что начало доказательства не может быть его посылкой в виде аксиомы или другого внешнего основания. Начало доказательства само есть умозаключение-доказательство; доказательство представлено в виде определенного умозаключения и действует в каждой форме логического, в логическом вообще. Начало и исходное положение доказательства даны внутри самой системы доказательства. Исходное положение доказательства есть первый пункт в доказательстве. Начало же доказательства действует в доказательстве, как его внутренняя и существенная природа, его сущность.

Начало доказательства, в определенном смысле, есть первое в доказательстве, оно не подчиняется ничему другому, ему подчиняется все; но это не первичность исходного пункта доказательства. Исходный пункт доказательства есть первое для доказательства, как начинающее его систему. А первичность начала доказательства есть первичность сущности в доказательстве. Доказательство, как это было выяснено выше, не должно начинаться с его сущности, начала, поскольку, в таком случае процесс доказательства будет лишним. Начало доказательства логически является самым сложным, тогда как исходное положение есть самое, простое в системе логики. С точки зрения логического развития самое сложное должно быть в конце, а не в начале; бесконечное умозаключение, как начало доказательства потому-то мы и рассмотрели в конце системы логических форм.

Это не значит, что бесконечное умозаключение, как начало доказательства до этого не действует. Начало доказательства, как было сказано, действует в доказательстве с начала до конца, поскольку оно представляет собой сущность. Бесконечное умозаключение, как начало доказательства,

придает смысл всему доказательству, каждому его моменту; действует в каждой логической синтетической связи, поскольку синтетическая связь содержит момент внутреннего отрицания; это отрицание и создает ее определенность. Положительность, внутренний момент которой есть отрицание, есть такая связь, которая имеет смысл как самоутверждение, что является бесконечным умозаключением. Бесконечное умозаключение существует не только там, где имеются «самоотрицающие положения», нет, оно действует во всех синтетических связях; а логические связи имеют всегда синтетический характер, как это было, думается, достаточно доказано нами.

Поскольку начало доказательства, как его сущность действует во всей системе, постольку оно действует и в исходном положении, которое, как мы знаем, синтетично, и имеет антиномичную природу. Начало доказательства действует в доказательстве с начала до конца; а в конце доказательства представлено в полной логической форме само начало. Поэтому надо сказать, что исходное положение доказательства есть исходное начала доказательства; исходное есть исходное начала. То, что в начале является простым, представлено в полном виде в конце; конец доказательства, как логически сложный, существует в первоначальном виде при начинании доказательства. Поэтому и есть система доказательства логическое развитие, имеющее как исходный пункт, так и конец.

II. Исходное, как исходное начала, может быть представлено по-разному, именно так, как это диктуют рассмотренные выше разные аспекты логического развития.

1. Исходное, как было сказано, есть исходное последующего; здесь надо отметить и то, что оно — исходное всего логического развития; это возможно, поскольку в логике логическое развитие есть развитие логического, а понятия логического представляет собой нечто определенное; понятие логического развития не может быть незавершенным, поэтому можно и нужно говорить об исходном пункте всего логического развития. Знаем и то, что вообще бесконечность завершена в ее понятии; тем более это можно сказать о развитии логического, того логического, которое, как известно, имеет три формы, именно суждение, понятие и умозаключение.

Исходное и конец (начало) логического, есть исходное и конец одного понятия, именно понятия логического, согласно методу определения понятия, который мы рассмотрели выше.

Ступени развития понятия логического (так же, как и вообще понятия) тоже являются понятиями, имеющими свое развитие и собственные ступени, но все они могут быть представлены как признаки одного понятия.

Исходное есть исходное всего развития. Поэтому исходное с необходимостью «подразумевает» все развитие, так же, как и наоборот: это развитие с необходимостью подразумевает исходное. Следовательно, исходное есть и исходное конца логического развития, т.е. начала.

2. Как было сказано, исходное положение доказательства как логического развития, есть исходный пункт («клеточка») всех противоречий этого развития; оно есть основной, существенный исходный пункт противоречия; исходное есть исходное противоречие. Как это было показано выше, все логическое развитие есть процесс возникновения-разрешения противоречий-антиномий. В конце логического развития есть единство противоречия; оно действует на протяжении всего развития, но в виде полной логической связи представлено в конце; этот конец необходим, поскольку отрицание противоречия и его единства невозможно; это отрицание утверждает их же. Более полная логическая связь, чем единство противоречия, невозможна. Поэтому исходное есть исходное этого конца — единства противоречия. Противоречие есть отрицательная диалектика, возможная в положительной диалектике — в единстве противоречия, которое не сводится к противоречивым «самоотрицающимся положениям», оно «больше» них, оно единство, содержащее в себе противоречие, как внутренний момент.

3. Исходное, как это было выяснено выше, должно быть относительно простым, именно, тем, анализ чего возможен; это есть первое анализируемое. Логическое развитие есть процесс синтезов, конец которого представляет собой полную синтетичность. Синтетичность «большая», чем единство противоречия, невозможна. Исходное есть первое синтетическое, как исходный пункт полной синтетичности.

4. Как это было выяснено выше, исходное есть «непосредственное», как исходное положение первого опосредствования. Все развитие есть процесс опосредствования, в конце которого осуществляется полное опосредствование; это единство логического противоречия, которое

существует в виде самоутверждения внутренним отрицанием — в виде бесконечного умозаключения. Поэтому надо сказать, что исходное есть исходный пункт полного опосредствования, первый шаг этого опосредствования.

5. Мы знаем и то, что исходный пункт логического развития есть абстрактное, наиабстрактное; развитие есть процесс конкретизации; оно осуществляется посредством предикации. Предикация в развитии исчерпывает один и тот же субъект, являющийся основанием всех предикатов. Этот субъект в конце совпадает со всеми предикатами (в противном случае, как мы знаем, не было бы понятия). В конце предикации, как логического развития, имеется наиконкретное, являющееся единством противоречия. Нет ничего более конкретного, чем единство противоречия. Таким образом, исходное логического развития, как наиабстрактное, есть исходный пункт этого наиконкретного. Поэтому и является это наиабстрактное относительно простым.

6. Исходное логического развития есть одностороннее, частное. Развитие есть полагание таких частных, в результате чего получаются содержательные общие. В конце развития имеется полное единство, полное содержательное общее. Для полного общего, так же, как и вообще для общего, характерно то, что оно распространяется и на самое себя; это создает парадоксальность: парадоксальность создается тем, что это общее рефлексивно. Например, понятие рефлексивно, поскольку существует понятие понятия; суждение рефлексивно, поскольку существует суждение суждения; отрицание понятия есть понятие; отрицание суждения есть суждение. В конце логического развития имеется полное общее — общность единства противоречия. Полное общее, как полное единство частного и общего, именно, внутреннее единство утверждения и отрицания, как это мы знаем, есть, бесконечное умозаключение, в котором снимается указанная здесь парадоксальность. Поэтому надо сказать, что исходное логического развития есть исходный пункт полного содержательного общего.

7. Исходное логического развития не может не быть конечным. Полное конечное, как мы знаем, есть одна сторона противоречия. Единство двух таких конечных есть бесконечное, которое действует в развитии с начала до конца, но в полном логическом виде представлено в конце развития. Поэтому надо сказать, что исходное есть конечное, как исходный пункт логического бесконечного.

8. Исходное логического развития не имеет внешнего основания (такого основания не имеет и начало), но оно определяется последующим, как основанием: в этом смысле, исходное есть следствие, именно, оно есть следствие последующего, в которое оно переходит и оправдывается, и т. д. Но в конце имеем самооснование — самоутверждение внутренним отрицанием, которое называется бесконечным умозаключением; это есть начало, исходный пункт которого представляет собой исходное положение логического развития.

III. Если конец логического развития, как его начало, есть самоутверждение внутренним отрицанием, это означает, что до него осуществляются различные формы единства утверждения и отрицания, первое из которых — исходное в силу сказанного — будет суждением. Исходный пункт логического развития есть суждение, именно положительное синтетическое суждение: исходное есть исходный пункт синтеза. Как было выяснено выше — при изложении форм мысли, — положительное суждение есть логический исходный пункт системы логики, как развития, и конца этого развития — бесконечного умозаключения. Суждение является исходным пунктом в различном смысле.

1. Суждение есть первый пункт системы логики, как логического развития: до него нет других логических форм. Суждению, как мы знаем, не предшествует понятие. Исходное (субъект) суждения и исходное понятия есть одно и то же. Понятие без суждения есть пустое слово или представление, которое не является логической формой и поэтому не входит в систему логики.

2. Суждение точнее его один элемент, именно субъект, подлежит анализу; суждение, как полагание-выделение предиката субъекта, есть первый анализ; суждение, как «субъект есть предикат», есть первый синтез. Суждение есть первое единство анализа и синтеза. И тавтологическое суждение, как мы знаем, в своей сущности синтетично, поскольку тавтологическое, как положительное, вместе с тем есть отрицательное, является отрицательностью (впервые Платон в своем «Пармениде» показал, что, например, «бытие есть» синтетично).

3. Суждение есть первое непосредственное и первое опосредствование. Суждение есть первое

непосредственное, поскольку ему ничто не предшествует, а с другой стороны, оно есть исходный пункт опосредствования; суждение непосредственно по сравнению с последующим опосредствованием — с умозаключением. Суждение есть опосредствование, поскольку, оно есть единство различных: при этом оно есть элемент опосредствования — умозаключения; суждение оправдывается в умозаключении, его опосредствует умозаключение; суждение, как мы знаем, есть переход: 1) внутренний переход — переход от субъекта к предикату, 2) переход к другому — к умозаключению.

4. Суждение есть первое начинание, первый переход, поэтому оно есть первое развитие. Синтетическое суждение является логическим развитием.

5. Суждение есть исходный пункт определения логического, исходное положение логического развития; оно первоначально в системе логики; суждение есть первая логическая форма, оно есть исходный пункт логических форм.

6. Суждение, как первая логическая форма, абстрактно; вместе с тем оно первое конкретное, первое единство различных.

7. Суждение есть «клеточка». В изложении диалектики мы должны «начать с самого простого, обычного, массовидного, etc., с *предложения любого*: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п.»²⁵. Здесь под «предложением» ясно, подразумевается суждение. Суждение, как антиномичное, есть «клеточка» всех противоречий логического развития.

8. Суждение есть исходный пункт конца логического развития — бесконечного умозаключения, поскольку это последнее есть полное единство утверждения и отрицания, тогда как положительное синтетическое суждение есть утверждение, содержащее отрицание. Суждение, как первое антиномичное, ставит логическую проблему, которая окончательно разрешается в бесконечном умозаключении. Суждение окончательно оправдывается в бесконечном умозаключении. Суждение, как первое антиномичное, есть первое «двузначное», которое окончательно разрешается и оправдывается в бесконечном умозаключении, в самоутверждении внутренним отрицанием.

Вся логика, как логическое развитие, есть развернутое бесконечное умозаключение, исходным пунктом которого является суждение. Система логики, в сжатом виде, может быть представлена в форме одного умозаключения — бесконечного умозаключения. Вся система логики есть система моментов бесконечного умозаключения, где суждение есть первая логическая истина, а бесконечное умозаключение является полной логической истиной.

²⁵ В. И. Ленин, том 38, изд. четвертое, стр. 359.

Напечатано по постановлению Редакционно-Издательского Совета Академии наук
Грузинской ССР

Редактор Н. З. Ч а в ч а в а д з е
Редактор издательства М. Г. М а ч а б е л и
Техредактор Л. Е. Д ж в е б е н а в а
Художник Г. А. Н а д и р а д з е
Корректор М. Д. Р а м и ш в и л и

Сдано в набор 23.4.1971; Подписано к печати 13.11.1971;
Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$; Печатных л., 41.3; Уч.-Изд. л. 41.5;
УЭ 01433; Тираж 1000; Заказ 952;

Цена 3 руб. 72 коп.

გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19
Издательство «Мецниереба», Тбилиси 380060, Кутузова, 19

საქ. სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19.
Типография АН ГССР, Тбилиси 380060, Кутузова 19